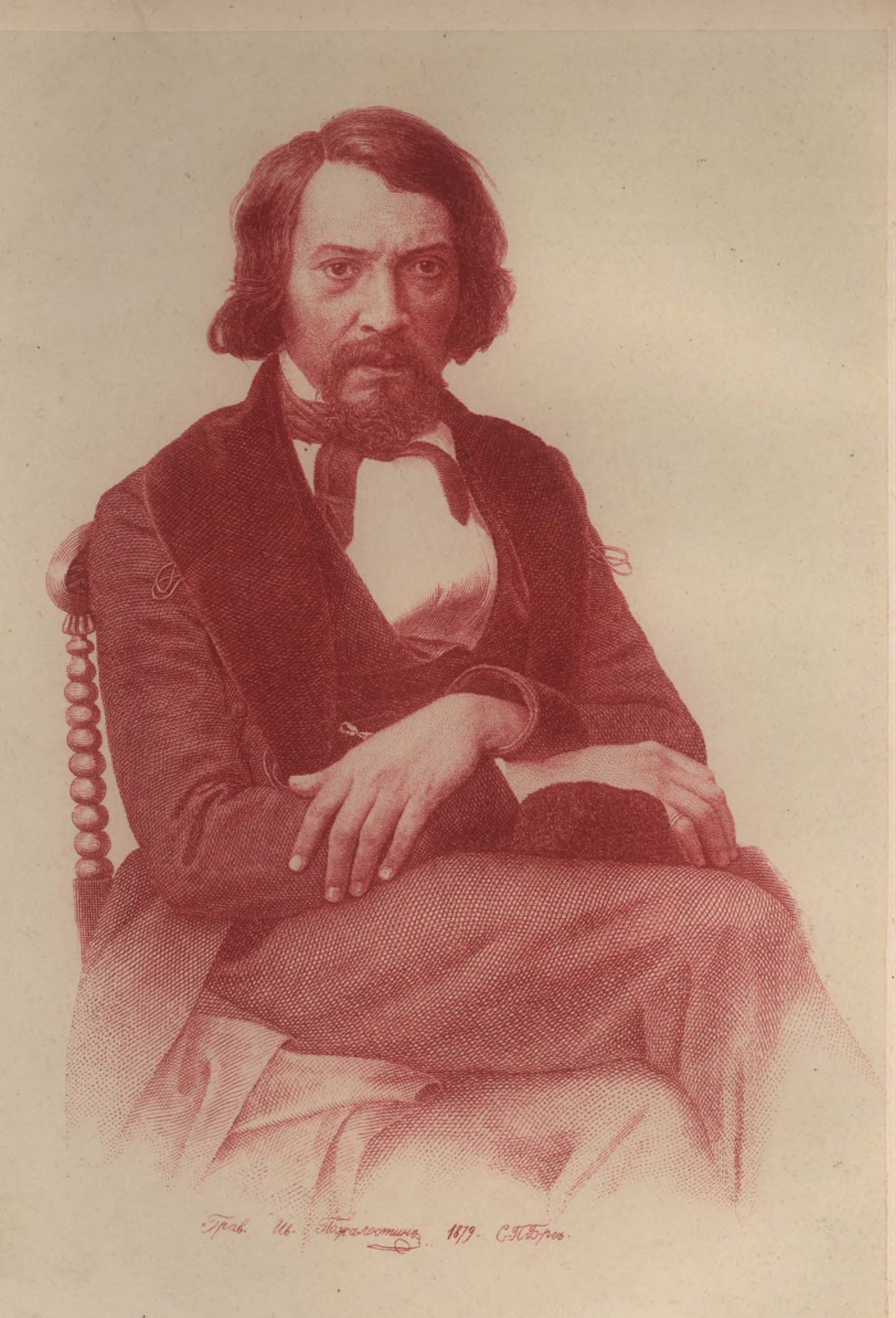

А. Хомяковъ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

АЛЕКСѢЯ СТЕПАНОВИЧА

ХОМЯКОВА.

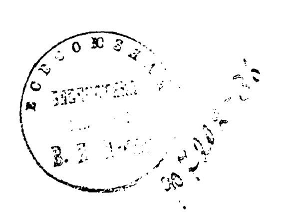
ТОМЪ ВТОРОЙ.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

Съ портретомъ А. С. Хомякова.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1886.

От С.-Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать дозволяется.
С.-Петербург. Февраля 11 дня, 1885 года.

Цензор Архимандрит **Тихон**.

Первое изданіе богословскихъ статей А. С. Хомякова, составляющихъ второй томъ издаваемаго нами „Полнаго Собранія его сочиненій", появилось въ 1868 году въ Берлинѣ. Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 22 Февраля 1879 года томъ этотъ разрѣшенъ къ обращенію въ Россіи. Печатая его нынѣ третьимъ изданіемъ, мы должны напомнить читателямъ, что „неопредѣленность и неточность встрѣчающихся въ немъ нѣкоторыхъ выраженій произошли отъ неполученія авторами спеціально-богословскаго образованія".

Петръ Бартеневъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Въ предлагаемомъ публикѣ второмъ томѣ сочиненій А. С. Хомякова найдется не мало для нея новаго, если подъ новымъ разумѣть выходящее въ первый разъ въ печати на Русскомъ языкѣ *); а если разумѣть все еще не усвоенное большинствомъ, или не оцѣненное, или даже не замѣченное, то едва ли не все будетъ для нея ново.

Изъ всего написаннаго покойнымъ авторомъ, сочиненія его о предметахъ вѣры, составляющія содержаніе этого тома (въ особенности же его „Опытъ катихизическаго изложенія ученія о Церкви“ и три полемическія брошюры о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ) безспорно выступаютъ какъ самые важные, самые полные, капитальные труды его, и они-то менѣе всего у насъ извѣстны. Немногіе

---

*) Въ первый разъ выходятъ въ печати: 13 писемъ къ И. С. и К. С. Аксаковымъ, къ Англійскимъ богословамъ В. Пальмеру и Г. Вильямсу, переводы посланій къ Галатамъ, къ Ефесеямъ и замѣтка на текстъ посланія къ Филиппійцамъ, отрывочныя мысли и замѣтки о жизни Спасителя, о Евангеліи отъ Матѳея, о свободѣ и необходимости. Въ первый разъ выходятъ на Русскомъ языкѣ: брошюры подъ заглавіемъ „Нѣсколько словъ православнаго Христіанина о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ“ и т. д. 1853—1858 годовъ, письмо къ Бунзену о его библейскихъ трудахъ, письмо къ Утрехтскому епископу (Жансенисту), письмо въ отвѣтъ Іезуиту о. Гагарину о значеніи слова „Каѳолическій“. Всѣ брошюры, статьи и письма, писанныя авторомъ на Французскомъ или Англійскомъ языкахъ, переведены съ подлинныхъ рукописей Н. П. Гиляровымъ-Платоновымъ и издателемъ, при содѣйствіи Д. А. Хомякова и нѣкоторыхъ изъ друзей покойнаго автора.

ихъ читали, и почти никто не отзывался объ нихъ печатно *). Не такъ относились къ нимъ за границею **).

Дѣло въ томъ, что когда появлялись въ Парижѣ, въ Лейпцигѣ, а потомъ въ Москвѣ (въ Русскомъ переводѣ) богословскія сочине-

---

*) Профессоръ Петер. университета В. И. Ламанскій первый, и едва ли не онъ одинъ у насъ, выяснилъ и оцѣнилъ по достоинству эту сторону дѣятельности Хомякова. См. Газету День 1865 г. вступительное чтеніе В. И. Ламанскаго въ Петерб. университетѣ.

**) Полемическія брошюры Хомякова (писанныя и первоначально изданныя на Французскомъ языкѣ, а потомъ появившіяся въ Нѣмецкомъ переводѣ) по многимъ обстоятельствамъ, а въ особенности по отсутствію всякихъ объ нихъ объявленій въ газетахъ, расходились туго и остались въ кругу спеціалистовъ; но тамъ онѣ произвели впечатлѣніе. Сочувственнѣе всѣхъ отозвались на нихъ Англиканскіе богословы, часто ссылавшіеся на нихъ какъ на труды, въ которыхъ они въ первый разъ увидали передъ собою современный, Православный міръ, какъ Церковь вполнѣ самостоятельную и полную несомнѣнной вѣры въ себя. Паписты, такъ внимательно слѣдящіе за всѣмъ выходящимъ у насъ по части полемическаго богословія и никогда не упускающіе случая вступить въ споръ, на сей разъ благоразумно отмалчивались. Нѣмцы были озадачены, но отдали справедливость автору и даже, довольно наивно, выразили свое изумленіе. Изъ бывшихъ у насъ передъ глазами печатныхъ отзывовъ мы приведемъ, какъ образчикъ, слѣдующія строки изъ одного Нѣмецкаго Обозрѣнія (Repertorium): „Содержаніе и изложеніе доказываютъ, что самосознаніе Россіи покоится не на однѣхъ только политическихъ основахъ и что она велика не только въ военной защитѣ (dass Russland's Selbstbewusstsein nicht bloss auf politischen Grundlagen ruht und dass es nicht in der militärischen Defensive allein gross ist — писано послѣ Крымской войны). Напрасно сталъ бы нашъ слабый Протестантскій голосъ рекомендовать вниманію озлобленныхъ противъ Византіи Римлянъ этотъ голосъ съ Востока; но того изъ Протестантовъ, который пожелалъ бы объяснить себѣ эту злобу и, въ тоже время, освободиться отъ наслѣдственнаго презрѣнія къ восточнымъ братьямъ и къ ихъ вѣроисповѣданію, того приглашаемъ къ чтенію. Наконецъ, тому, кто счелъ бы себя призваннымъ къ опроверженію (а брошюра этого стоитъ), мы совѣтуемъ не забывать недавно доказанную трудность задѣть великана хотя бы за пяту, или отхватить у него хотя бы кончикъ уха. Въ особенности же совѣтуемъ не употреблять, въ перемежку съ великими и твердыми истинами, доводовъ только съ виду убѣдительныхъ“ и т. д.

нія Хомякова, да и во все продолженіе его учено-литературной дѣятельности, настроеніе у насъ господствовавшее исключало всякую возможность, не только оцѣнки ихъ по достоинству, но даже совѣстливаго къ нимъ вниманія.

Въ одной своей запискѣ объ общественномъ воспитаніи Хомяковъ сказалъ: „наукѣ нужна не только свобода мнѣнія, но и свобода сомнѣнія“. Онъ говорилъ о свободѣ завѣдомо допущенной и сознательно признанной, зная хорошо, что, въ дѣйствительности, отнять у науки всякую свободу дѣло невозможное.

Она всегда ею пользуется: явно, въ виду всѣхъ, или скрытно и незамѣтно для непонимающихъ ея языка и для тѣхъ, которые на столько уже отъ нея отстали, что могутъ претендовать на право ею руководить—въ этомъ вся разница. Въ послѣднемъ случаѣ, свобода принимаетъ характеръ контрабанды, а общество, лишаясь естественно всѣхъ благихъ послѣдствій обсужденія мнѣній, колеблящихъ убѣжденія и мутящихъ совѣсти, добровольно подвергается всѣмъ дурнымъ.

Такъ было у насъ. Подъ вліяніемъ направленія, даннаго ей господствовавшею за границею школою, наука глядѣла на вѣру свысока, какъ на пережитую форму самосознанія, изъ которой человѣчество торжественно выбивалось на просторъ. Временная необходимость вѣры, ея условная законность, какъ *одного* изъ моментовъ безначальнаго и безконечнаго развитія чего-то саморазвивающагося, не оспаривалась; но этимъ же признаніемъ за нею *нѣкотораго* значенія заявлялась и ея ограниченность, какъ преходящей формы, которою это нѣчто не могло удовлетвориться навсегда. Несостоятельность притязаній вѣры на непреложность, неизмѣнность и вѣчность казалась окончательно выясненною; оставалось отрѣшиться отъ нея и искать лучшаго. Это лучшее виднѣлось въ идеализмѣ самоопредѣляющагося духа. Затѣмъ, окончательно ли должна исчезнуть вѣра съ лица земли и нужно ли спѣшить уборкою символовъ ея развѣнчаннаго державства (какъ думали мыслители рѣшительные и послѣдовательные) или отвести ей въ новомъ мірѣ, въ сторонѣ отъ царскаго пути, которымъ пойдетъ развитіе, скромный пріютъ (къ чему склонялись какъ люди практическіе, такъ и натуры мягкія), эти вопросы особенной важности не представляли.

Понятно, что при такомъ воззрѣніи на вѣру, наша вѣра (т. е. Православіе) не могла имѣть большаго значенія, даже въ смыслѣ историческомъ. Для всякаго было очевидно, что результаты, до которыхъ доработалась наука, связывались по прямой, восходящей линіи не съ Православіемъ, а съ Латинствомъ и Протестантствомъ

Латинству (такъ разсуждала наука) принадлежала неотъемлемая заслуга проявленія религіозной идеи во всей ея величавой исключительности и суровой односторонности; оно же, тѣмъ самымъ (разумѣется противъ воли, но въ силу логическаго закона) вызвало Протестантство, которое, въ свою очередь, провозгласивъ самодержавіе личнаго разума, подготовило царство науки, на нашихъ глазахъ вступившей во владѣніе человѣческою совѣстью и судьбами человѣчества. Православіе оставалось совершенно въ сторонѣ отъ этого *діалектическаго развитія религіозной мысли* (такъ, въ то время, выражалась наука) и потому не могло даже претендовать ни на какую долю исторической заслуги, признанной за вѣроисповѣданіями западными. Оно не участвовало въ саморазложеніи Христіанства—это былъ главный порокъ его.

Вслѣдъ за идеализмомъ, который покончивалъ съ вѣрою по своему, находя ее слишкомъ грубою и вещественною, возникло у насъ другое ученіе, повидимому совершенно противоположное, которому вѣра претила какъ сила тянувшая человѣка куда-то вверхъ и отвлекавшая его отъ міра вещественнаго. Мы сказали: противоположное *повидимому*; ибо хотя матеріализмъ становился въ разрѣзъ съ идеализмомъ, но въ сущности онъ относился къ нему даже не какъ реакція, а какъ прямой изъ него выводъ, какъ его законное чадо. Матеріализмъ выросъ подъ крыломъ идеализма; потомъ, оперившись очень скоро, онъ заклевалъ своего родителя и, оставшись безъ роду и племени, присосѣдился почти насильно къ естественнымъ наукамъ, въ сущности вовсе въ немъ непричастнымъ. Какъ совершился въ области мысли этотъ оборотъ?—объ этомъ говорить здѣсь не мѣсто, а на практикѣ переходъ былъ очевиденъ: матеріалисты были прямыми учениками идеалистовъ. Въ результатѣ, матеріализмъ, во мнѣніи своемъ о вѣрѣ, сходился съ идеализмомъ; онъ также отвергалъ ее, только на другихъ основаніяхъ, и потому не могъ оказать ей даже той снисходительной терпимости, къ которой склонялись идеалисты изъ мягкихъ. Онъ добивался прямаго, немедленнаго примѣненія своихъ требованій къ практикѣ и, по самому свойству этихъ требованій, даже не имѣлъ причины выжидать, пока онѣ перейдутъ въ общественное сознаніе и свободно усвоятся большинствомъ. Для матеріализма послѣдовательнаго насиліе, какъ орудіе прогресса, вовсе не страшно; поэтому нельзя и требовать отъ него снисхожденія къ вѣрѣ: онъ смотритъ на нее даже не какъ на необходимый моментъ въ самовоспитаніи человѣчества, а какъ на простую помѣху, съ которою онъ не можетъ ужиться и не имѣетъ причины церемониться. Отсюда особенная ожесточенность его на

падокъ и грубость его глумленія, столь рѣзко противоположная рыцарскимъ пріемамъ покойнаго идеализма, который тоже выпроваживалъ вѣру, но выпроваживалъ учтиво. Поставьте съ одной стороны Грановскаго, съ другой Бѣлинскаго (въ послѣдніе годы его дѣятельности) или Добролюбова съ его учениками, и около этихъ двухъ типовъ сгруппируется почти все, чтò у насъ шевелилось въ области научной.

Конечно, эта область у насъ не широка и населена довольно рѣдко. Не говоря уже о народной массѣ, остающейся совершенно внѣ ея, даже внѣ всякаго ея дѣйствія, и та среда, которую обыкновенно называютъ обществомъ, то есть міръ болѣе или менѣе грамотный и читающій, только отчасти испытывалъ на себѣ вліяніе науки, получая отъ нея не начала, даже не выводы, а общее настроеніе или тонъ. На эту среду гораздо сильнѣе дѣйствовали обстоятельства другаго рода, и дѣйствовали, хотя безсознательно, но за одно съ наукою.

Въ главѣ этихъ обстоятельствъ стоялъ крупный, всѣмъ бросавшійся въ глаза фактъ церковной казенщины, иначе—подчиненія вѣры внѣшнимъ для нея цѣлямъ узкаго, оффиціальнаго консерватизма. Одинъ этотъ фактъ, въ его безчисленныхъ проявленіяхъ, имѣлъ огромное вліяніе на умы. Причина понятна. Когда пускается въ оборотъ мысль подъ явнымъ клеймомъ невѣрія, она возбуждаетъ въ совѣсти, если не противодѣйствіе, то по крайней мѣрѣ нѣкоторую къ себѣ недовѣрчивость, какъ выраженіе нескрываемой вражды. Но когда оффиціальный консерватизмъ, подъ предлогомъ охраненія вѣры, благоволенія къ ней и благочестивой заботливости о ея нуждахъ, мнётъ и душитъ ее въ своихъ безцеремонныхъ объятіяхъ, давая чувствовать всѣмъ и каждому, что онъ дорожитъ ею ради той службы, которую она несетъ на него: тогда, очень естественно, въ обществѣ зарождается мнѣніе, что такъ тому и слѣдуетъ быть, что инаго отъ вѣры и ожидать нельзя и что дѣйствительно таково ея назначеніе. Это убиваетъ всякое уваженіе къ вѣрѣ.

Въ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, въ законахъ и пріемахъ правительства, словомъ, въ томъ, чтò обыкновенно подразумѣвается подъ существующимъ порядкомъ вещей, всегда и вездѣ есть мѣсто для честной критики и законнаго осужденія. Пока люди подъ этимъ порядкомъ живущіе дѣйствительно живутъ, развиваются и идутъ впредъ, лучшіе, передовые люди никогда не находятъ въ немъ полнаго удовлетворенія всѣхъ, разумѣется разумныхъ, своихъ потребностей; въ этомъ неудовлетвореніи и въ исканіи лучшаго—начало политическаго, правильнаго прогресса. Вѣра, какъ

выраженіе безусловнаго, вѣчнаго и неизмѣняющагося, не можетъ и не должна имѣть къ этой области никакихъ прямыхъ отношеній; у нея нѣтъ готовыхъ формулъ, которыми бы она могла подслуживаться правительству или обществу въ разрѣшеніи вопросовъ государственнаго или гражданскаго права; область ея творчества—личная совѣсть и только *черезъ* эту область, просвѣтленіемъ совѣсти и укрѣпленіемъ въ ней свободныхъ побужденій, участвуетъ она хотя рѣшительно, но всегда косвенно, въ развитіи юридическихъ отношеній. Но когда существующій порядокъ вещей, весь цѣликомъ, ставится подъ непосредственную охрану вѣры; когда ей, такъ сказать, навязывается одобреніе, благословеніе и освященіе всего, что̀ есть въ данную минуту, но чего не было вчера и чего можетъ не быть завтра: тогда, естественно, всѣ, самыя разумныя потребности, неудовлетворяемыя настоящимъ, всѣ, самыя мирныя и скромныя надежды на лучшее, наконецъ самая вѣра въ народную будущность, все это пріучается смотрѣть на вѣру какъ на преграду, черезъ которую рано или поздно нужно будетъ перешагнуть и, мало по малу, склоняется къ невѣрію.

Вѣра, по существу своему, не сговорчива, и въ сдѣлки съ нею входить нельзя. Нельзя признавать ее условно, въ той мѣрѣ, въ какой она намъ нужна для нашихъ цѣлей, хотя бы и законныхъ. Вѣра воспитываетъ терпѣніе, самопожертвованіе и обуздываетъ личныя страсти—это такъ; но нельзя прибѣгать къ ней только тогда, когда страсти разыгрываются и только для того, чтобы кого нибудь урезонить или пристращать расправою на томъ свѣтѣ. Вѣра не палка, и въ рукахъ того, кто держитъ ее какъ палку, чтобъ защищать себя и пугать другихъ, она разбивается въ щепы. Вѣра служитъ только тому, кто искренно вѣритъ; а кто вѣритъ, тотъ уважаетъ вѣру; а кто уважаетъ ее, тотъ не можетъ смотрѣть на нее какъ на средство. Требованіе отъ вѣры какой бы то ни было полицейской службы есть ничто иное какъ своего рода проповѣдь невѣрія, можетъ быть опаснѣйшая изъ всѣхъ, по ея общепонятности. У насъ и эта проповѣдь дѣлала свое дѣло.

Къ двумъ видамъ невѣрія нами указаннымъ, научному и казенному, присоединялся третій—невѣріе, или точнѣе безвѣріе, бытовое, житейское безвѣріе, не какъ послѣдствіе заблужденія мысли, сознательно отвергающей вѣру, или разсчета, старающагося подчинить ее своимъ практическимъ видамъ, а какъ свойство общественнаго темперамента, какъ результатъ безмыслія, безволія, или короче—недостатка серьёзности. Подъ серьезностью мы разумѣемъ всѣ свойства ума и воли, предполагающія, какъ въ отдѣльныхъ

лицахъ, такъ и въ цѣломъ обществѣ, присутствіе какихъ бы то ни было сознанныхъ идеаловъ, служащихъ въ одно время и побужденіями къ дѣятельности, и общепризнанными мѣрилами всякой дѣятельности. Общественные идеалы не выдумываются и не навязываются; они слагаются сами собою, вырабатываясь постепенно, историческою жизнью цѣлаго народа, и передаются отъ одного поколѣнія другому безчисленными, незримыми нитями живаго преданія. Гдѣ историческое преданіе порвано, тамъ идеалы теряютъ свою жизненность, тускнѣютъ въ сознаніи и въ совѣсти; гдѣ каждое поколѣніе обзаводится для своего обихода новыми всякаго рода идеалами, политическими, художественными, религіозными, тамъ они остаются на степени мнѣній или увлеченій, но не переходятъ въ убѣжденія и не пріобрѣтаютъ разумной силы надъ волею. Гдѣ съ каждымъ десятилѣтіемъ мѣняются основы и системы воспитанія общественнаго и частнаго, тамъ не бываетъ ни зрѣлости умственной, ни крѣпкаго закала характеровъ, ни строгости нравственныхъ требованій. Самая почва общественная мало по малу вывѣтривается; она, повидимому, не теряетъ своей воспріимчивости; она даже слишкомъ воспріимчива и неприхотлива; повидимому, на ней можетъ рости все, но все обращается въ пустоцвѣтъ, и ничто не вызрѣваетъ въ плодъ. Такая почва неблагопріятна для вѣры, не потому конечно, чтобъ она отвергала ее систематически, а просто потому, что въ ней нѣтъ на нее запроса.

Вѣра, сама по себѣ, едина, непреложна и неизмѣнна; но въ каждомъ обществѣ, и при каждой исторической обстановкѣ, она вызываетъ своеобразныя явленія, по существу своему измѣняющіяся, во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго развитія, въ наукѣ, въ художествѣ, въ практическихъ примѣненіяхъ. Догматъ не измѣняется, но логическое формулированіе догмата и опредѣленіе отношеній его къ другимъ ученіямъ—задача церковной науки—развивается съ наукою рука объ руку. Законъ любви не измѣняется, но примѣненіе его къ практикѣ, въ жизни семейной, общественной и государственной, постепенно совершенствуется и расширяется; наконецъ, внѣшняя сторона Церкви, обрядъ, обычай, правила дисциплинарныя и административныя, также измѣняются, приспособляясь къ обстоятельствамъ. Пока общество ясно сознаетъ и горячо принимаетъ къ сердцу свой религіозный идеалъ, вся эта историческая, измѣняющаяся обстановка его, развиваясь и совершенствуясь безостановочно, всегда сохраняетъ свою современность, свою свѣжесть. Но, по мѣрѣ того какъ идеалъ начинаетъ тускнѣть

и терять свою власть надъ умами и совѣстями, изсякаетъ и общественная производительность въ этой, такъ сказать, при-церковной области. Историческія ея формы, въ наукѣ, въ обрядѣ, въ жизни, со всѣми ихъ случайностями, съ присущею имъ ограниченностью и неполнотою, остываютъ и твердѣютъ въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ захватилъ параличъ, отнявшій у религіознаго органа его творческую силу. Черезъ это самое, эти формы какъ будто приростаютъ къ вѣрѣ, получаютъ въ общественныхъ понятіяхъ одинаковую съ нею силу и обязательность, становятся чѣмъ-то непреложнымъ и неприкосновеннымъ какъ сама вѣра, словомъ—отождествляются съ нею. Между тѣмъ, кто же не понимаетъ, что историческія, окаменѣлыя формаціи XVII-го вѣка, въ свое время живыя, понятныя, удовлетворявшія потребностямъ своей эпохи и соотвѣтствовавшія степени ея развитія умственнаго, нравственнаго и политическаго, во многихъ отношеніяхъ становятся въ прямое противорѣчіе съ понятіями, запросами и нуждами XIX-го? Послѣдствіе этого противорѣчія, всѣми болѣе или менѣе ощущаемаго, у насъ передъ глазами. Это та болѣзнь, которою страждутъ честныя, воспріимчивыя, по природѣ своей религіозныя души, которыхъ привлекаетъ къ вѣрѣ чутье истины и которыхъ отталкиваетъ отъ нея сознанная невозможность согласить самыя безукоризненныя требованія ума и сердца съ обиходными представленіями, съ особеннаго рода узкостью и пошлостью стереотипныхъ понятій и опредѣленій, съ условнымъ формализмомъ на практикѣ, съ тѣмъ хламомъ и соромъ, которыми, благодаря отсутствію честной и правдивой критики, загромождено у насъ преддверіе Церкви, и маскируется отъ взоровъ внѣ стоящихъ величавая стройность ея очертаній. Отсюда это вѣчное шатаніе и колебаніе между двумя полюсами суевѣрія и сомнѣнія; отсюда четвертый, самый прискорбный видъ невѣрія—невѣріе, взывающее къ помощи, невольное, добросовѣстное невѣріе *отъ недоразумѣній.*

Такова, въ общихъ чертахъ, была среда, въ которой родился, жилъ и умеръ Хомяковъ. Измѣнилась ли она съ тѣхъ поръ и въ чемъ, объ этомъ предоставляемъ судить другимъ.

Теперь спрашивается: чѣмъ могъ быть Хомяковъ для такой среды, и что̀ могла она отъ него принять?

Прежде всего, Хомяковъ сталъ извѣстенъ какъ поэтъ. Репутація его, какъ одного изъ свѣтилъ богатой, Пушкинской плеяды, установилась очень скоро и надолго заслонила собою другія стороны его умственной дѣятельности. Намъ кажется, что въ этомъ отношеніи онъ былъ оцѣненъ въ двоякомъ смыслѣ невѣрно. На пер-

выхъ порахъ, онъ былъ поднятъ слишкомъ высоко; напослѣдокъ, его низвели слишкомъ низко и дошли даже до отрицанія въ немъ всякаго поэтическаго дарованія. Всецѣлая преданность и безкорыстное служеніе идеѣ, особенно религіозной, непремѣнно носитъ въ себѣ поэтическій элементъ. Этого, кажется, нельзя отрицать вообще, а въ отношеніи къ Хомякову въ особенности. Формою для выраженія идеи, поэтическимъ словомъ, онъ владѣлъ какъ немногіе; наконецъ, онъ обладалъ природнымъ и высоко развитымъ художественнымъ тактомъ. Всего этого достаточно, чтобъ упрочить за нимъ славу одного изъ замѣчательныхъ нашихъ поэтовъ и одного изъ весьма немногихъ вполнѣ и безусловно искреннихъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя назвать Хомякова художникомъ въ строгомъ значеніи этого слова. Нельзя не потому, чтобы ему недоставало чего нибудь существеннаго, чтобъ быть художникомъ; а на оборотъ: потому что, по обилію другихъ даровъ, онъ не могъ быть *только* художникомъ, слѣдовательно, не могъ быть и *вполнѣ* художникомъ. Нельзя про него сказать, чтобъ мысль его непремѣнно просилась въ поэтическую форму, чтобъ эта форма была ей прирожденна и чтобы только въ ней она могла явиться на свѣтъ и узнать себя. Если, какъ намъ кажется, именно въ этой особенности и заключается тайна творческой силы художника, то у Хомякова ея не было *). Родись онъ не въ Пушкинскую эпоху, не будь онъ подъ неотразимымъ вліяніемъ этого чародѣя, властвовавшаго надъ душами и помыслами цѣлыхъ поколѣній, можетъ быть, онъ бы вовсе не писалъ стиховъ. По крайней мѣрѣ, смѣло можно сказать, что мысль его искала другаго способа выраженія, болѣе строгаго чѣмъ художественный образъ, и прибѣгала къ стиху только мимоходомъ, въ первой порѣ своего развитія, прежде чѣмъ она вполнѣ уяснилась себѣ самой. Оттого, во множествѣ стихотвореній Хомякова, нѣтъ ни одного, въ которомъ бы не нашлось двухъ или трехъ высоко поэтическихъ стиховъ достойныхъ самого Пушкина и, въ тоже время, можетъ быть не найдется ни одного стихотворенія вполнѣ выдержаннаго, цѣльнаго, вылившагося сразу, въ которомъ хоть какая нибудь часть не была бы придѣлана какъ необходимая оправа къ двумъ или тремъ стихамъ, ради которыхъ вся пьеса написана. Исключенія изъ этого составляютъ, можетъ быть, очень и очень немногія пьесы, изъ самыхъ краткихъ, притомъ изъ послѣднихъ произведеній ав-

*) Тогоже мнѣнія, кажется, былъ и Гоголь.

тора, содержащихъ въ себѣ простой, такъ сказать односложный и всегда субъективный мотивъ.

Когда прошло у насъ поэтическое настроеніе, данное Пушкинымъ, когда даровитые люди перестали пѣть и начали говорить, Хомяковъ обозначился въ обществѣ какъ человѣкъ необыкновеннаго ума, преимущественно сильнаго въ полемикѣ, начитанный какъ немногіе, и въ особенности многосторонній. Эта многосторонность, или точнѣе, всесторонность, осталась за нимъ, какъ опредѣленіе, которымъ общество удовлетворилось. „Хомяковъ защищаетъ Православіе и посылаетъ на Лондонскую выставку изобрѣтенную имъ паровую машину; Хомяковъ опровергаетъ Гегелево построеніе вселенной отъ Sein и Nichtsein, доказываетъ матеріалистамъ немыслимость самообразующагося вещества и, въ тоже время, заказываетъ какіе-то выдуманные имъ штуцера; Хомяковъ проводитъ мысль о своеобразной будущности Славянскаго міра и Россіи въ особенности, и онъ же изыскиваетъ новые способы леченія отъ холеры; Хомяковъ богословъ, механикъ, философъ, инженеръ, филологъ, врачъ; онъ все что вамъ угодно, во всемъ мастеръ, знатокъ, изобрѣтатель"—это говорили друзья и почитатели, въ похвалу; но отъ такой похвалы былъ одинъ шагъ до приговора, и противники договаривали: „Хомяковъ дилеттантъ во всемъ". На этомъ останавливались не только люди поверхностные или знавшіе Хомякова не коротко, но и такіе, которые могли бы заглянуть въ него поглубже. Многосторонность Хомякова, принимая это слово въ смыслѣ прямой противоположности къ спеціальности, опредѣленной *внѣшнимъ* образомъ, то есть объектомъ мысли, дѣйствительно бросалась въ глаза; но многосторонность вовсе не то что̀ дилеттантство, предполагающее всегда нѣкоторую разсѣянность въ самой мысли, происходящую отъ равнодушія къ ея предмету; и на оборотъ, замкнутость мысли въ тѣсно ограниченной сферѣ одного предмета отнюдь не представляетъ еще ручательствъ за ея сосредоточенность и серьезность. Мысль можетъ разбѣгаться и дробиться въ самой ограниченной области однородныхъ явленій, въ одной наукѣ, въ одной книгѣ, даже въ какомъ нибудь одномъ раздѣлѣ одного тома свода законовъ и можетъ, не теряя своей стройности и своего единства, обращаться поочередно къ предметамъ самымъ разнообразнымъ. Странно! Въ Хомяковѣ замѣчена внѣшняя сторона его ума, способность его вдумываться во все, и эта способность, она одна, послужила признакомъ для его опредѣленія; а между тѣмъ, отличительная, характерная его особенность заключалась въ свойствѣ прямо противоположномъ, имен-

но въ цѣльности и сосредоточенности. Мы здѣсь разумѣемъ подъ цѣльностью и сосредоточенностью не только логическую связность воззрѣнія, выдержаннаго во всѣхъ частяхъ и строго, со всѣхъ сторонъ, опредѣленнаго; но вмѣстѣ съ тѣмъ и полное подчиненіе воли сознанному закону, короче—полное согласіе жизни съ убѣжденіемъ. Въ этомъ отношеніи, Хомяковъ представляется личностью у насъ въ своемъ родѣ единственною, единственною по единству мышленія и хотѣнія, что̀ всегда и вездѣ встрѣчается рѣдко и составляетъ принадлежность особенно энергическихъ натуръ.

Въ чемъ же именно объединялись у него умъ и воля, и какъ бы ближе опредѣлить эту отличительную черту Хомякова?

На этотъ вопросъ можно отвѣтить тремя словами:

Хомяковъ жилъ въ Церкви (разумѣется въ Церкви Православной, ибо двухъ Церквей нѣтъ).

Но мы чувствуемъ, что такое опредѣленіе большинству читателей покажется черезъ чуръ широкимъ и скуднымъ.

Все дѣло въ томъ, что̀ разумѣть подъ словами жить въ Церкви. Въ томъ смыслѣ, въ какомъ онѣ употреблены нами, это значитъ: вопервыхъ, имѣть въ себѣ несомнѣнное убѣжденіе въ томъ, что Церковь есть не только что нибудь, не только нѣчто полезное или даже необходимое, а именно и дѣйствительно то самое и все то, за что она себя выдаетъ, то есть: явленіе на землѣ безпримѣсной истины и несокрушимой правды. Далѣе, это значитъ: всецѣло и совершенно свободно подчинять свою волю тому закону, который правитъ Церковью. Наконецъ, это значитъ: чувствовать себя живою частицею живаго цѣлаго, называющаго себя Церковью и ставить свое духовное общеніе съ этимъ цѣлымъ превыше всего въ мірѣ.

Если насъ спросятъ: да развѣ не всѣ Православные *живутъ* въ Церкви? то мы, не задумываясь, отвѣтимъ: далеко не всѣ. Мы живемъ въ своей семьѣ, въ своемъ обществѣ, даже, до извѣстной степени, въ современномъ намъ человѣчествѣ; живемъ также, хотя еще въ меньшей степени, въ своемъ народѣ; въ Церкви же мы *числимся*, но не *живемъ*. Мы иногда заглядываемъ въ нее, иногда справляемся съ нею, потому что такъ принято и потому, что иногда это бываетъ нужно; напримѣръ, подъ вліяніемъ заботы о какой нибудь нашей выгодѣ, положимъ хоть о сбереженіи нашихъ полей отъ потравъ или нашихъ лѣсовъ отъ порубокъ, мы вспомнимъ, что Церковь учитъ нуждающихся терпѣнію и запрещаетъ посягать на чужую собственность. Учитъ—дѣйствительно, но вѣдь не одному этому, а еще и другому, и многому

другому. Или, напримѣръ, въ одно прекрасное утро, узнавъ, что на Руси наплодились нигилисты, мы начинаемъ бросать въ нихъ и сводомъ законовъ, и политическою экономіею, и общественнымъ мнѣніемъ Европы, да ужъ за разъ и религіею, благо она подвернулась намъ подъ руку. И здѣсь опять несомнѣнно, что нигилизмъ осуждается вѣрою; жаль только, что мы вспомнили объ ней поздно, съ перепугу, и что она намъ понадобилась только какъ камень.

Вообще, можно сказать, что мы относимся къ Церкви по обязанности, по чувству долга, какъ къ тѣмъ почтеннымъ, престарѣлымъ родственникамъ, къ которымъ мы забѣгаемъ раза два или три въ годъ, или какъ къ добрымъ пріятелямъ, съ которыми мы не имѣемъ ничего общаго, но у которыхъ, въ случаѣ крайности, иногда занимаемъ деньги. Хомяковъ вовсе не *относился* къ Церкви; именно потому, что онъ въ ней *жилъ*, и не по временамъ, не урывками, а всегда и постоянно, отъ ранняго дѣтства и до той минуты, когда онъ покорно, безстрашно и непостыдно, встрѣтилъ посланнаго къ нему *ангела-разрушителя* *).

Церковь была для него живымъ средоточіемъ, изъ котораго исходили и къ которому возвращались всѣ его помыслы; онъ стоялъ передъ ея лицемъ, и по ея закону творилъ надъ самимъ собою внутренній судъ; всѣмъ, чтó было для него дорого, онъ дорожилъ по отношенію къ ней; ей служилъ, ее оборонялъ, къ ней прочищалъ дорогу отъ заблужденій и предубѣжденій, всѣмъ ея радостямъ радовался, всѣми ея страданіями болѣлъ внутренно, глубоко, всею душею. Да, онъ въ ней *жилъ* — другаго выраженія мы не подберемъ. Чтобъ сколько нибудь уяснить нашу мысль, укажемъ на фактъ по себѣ самый незначительный, но, по нагляд-

---

*) Пошли мнѣ въ сердце предвѣщанье!
Тогда, покорною главой,
Безъ малодушнаго роптанья,
Склонюсь предъ волею святой.
Въ мою смиренную обитель
Да придетъ ангелъ-разрушитель,
Какъ гость издавна жданный мой!
Мой взоръ измѣритъ великана,
Боязнью грудь не задрожитъ,
И духъ изъ дольняго тумана
Полетомъ смѣлымъ воспаритъ.
Стихотв. Хомякова: „На сонъ грядущій“.

ности своей, годный для примѣра. Когда насъ зовутъ на свадьбу или на вечеръ, мы надѣваемъ фракъ и бѣлый галстукъ. Почему мы это дѣлаемъ? Только потому, что такъ дѣлаютъ всѣ, такъ принято въ той средѣ, въ томъ обществѣ, которое мы называемъ своимъ. А почему подчиняемся мы уставамъ этого общества? Потому, что мы не допускаемъ мысли, не смѣемъ и не хотимъ оскорбить его. А не хотимъ потому, что мы въ немъ *живемъ* и дорожимъ нашимъ съ нимъ общеніемъ. Хомяковъ, всю жизнь свою, въ Петербургѣ, на службѣ, въ Конногвардейскомъ полку, въ походѣ, за границею, въ Парижѣ, у себя дома, въ гостяхъ, строго соблюдалъ всѣ посты. Почему?—По тойже самой причинѣ; потому что такъ дѣлаютъ *всѣ*, то есть всѣ тѣ, которые для него были *свои;* потому что ему не могло придти на умъ, нарушеніемъ обычая, выдѣлиться изъ общества называемаго Церковью; потому, наконецъ, что его радовала мысль, что съ нимъ въ одинъ день и часъ, все *его* общество, то есть весь Православный міръ, загавливался или разгавливался, поминая одно и тоже событіе, общую радость или общую скорбь. Разумѣется, большинство смотрѣло на это иначе и пожимало плечами. Когда надъ нимъ смѣялись, онъ отсмѣивался; но онъ серьезно досадовалъ, когда люди благонамѣренные и *непостящіеся* благосклонно заявляли ему, что имъ пріятно видѣть такую привязанность къ добрымъ преданіямъ, которыми хоть отчасти поддерживается общественное благоустройство; досадовалъ онъ потому, что дѣйствительно, съ его стороны, не было въ этомъ никакого подвига, ни заслуги: онъ поступалъ такъ, потому что не могъ поступать иначе, а не могъ опять таки потому, что онъ не *относился* къ Церкви, а просто въ ней *жилъ*.

Эта отличительная особенность его (назовемъ ее хоть странностью) конечно не сближала его съ современнымъ ему обществомъ, а напротивъ разобщала, изолировала его. Въ такомъ внутреннемъ одиночествѣ, не находя вокругъ себя не только сочувствія, но даже вниманія къ тому, что было для него святынею, провелъ онъ всю свою молодость и большую часть своего зрѣлаго возраста. Всякій согласится, что такое положеніе не легко, даже почти невыносимо. Ощущеніе постояннаго своего противорѣчія съ общественною средою, отъ которой человѣкъ не можетъ да и не хочетъ оторваться, при невозможности борьбы (ибо какая можетъ быть борьба съ равнодушіемъ?) должна непремѣнно окончиться или паденіемъ человѣка, то есть внутреннимъ озлобленіемъ, или такою побѣдою личнаго сознанія, послѣ которой оно закаляется и становится непоколебимымъ навсегда. Побѣдить равно-

душіе можно только смѣхомъ или плачемъ. Хомяковъ смѣялся на людяхъ и плакалъ про себя. Публика слышала этотъ звонкій, заразительный смѣхъ, и выводила отсюда заключеніе, что Хомяковъ долженъ быть очень веселъ и беззаботенъ. Заключеніе было не совсѣмъ вѣрно. Во время осады Севастополя, въ самую пору мучительнаго для нашего народнаго самолюбія отрезвленія, когда очарованія, одно за другимъ, спадали съ нашихъ глазъ, и передъ ними выступали все безобразіе и вся нищета нашей дѣятельности, на одномъ вечерѣ, въ пріятельскомъ кругу, Хомяковъ былъ какъ-то особенно веселъ и безпеченъ. Настроеніе его въ эту минуту такъ рѣзко расходилось съ тономъ общества, что оскорбило кого-то изъ близкихъ его друзей, который, не безъ досады, обратился къ нему съ упрекомъ: „не понимаю, какъ вы можете смѣяться, когда у всѣхъ скребетъ на сердцѣ и обрывается голосъ отъ сдержаннаго плача!"—Хомяковъ опустилъ голову; лице его приняло выраженіе серьезное, но въ тоже время радостное и, наклонившись къ тому, кто сдѣлалъ ему упрекъ, онъ сказалъ ему тихо, почти шопотомъ: „я плакалъ про себя тридцать лѣтъ, пока вокругъ меня все смѣялось; поймите же, что мнѣ позволительно радоваться при видѣ всеобщихъ слезъ къ спасенію".

Будь это сказано другимъ, можно бы было приписать эти слова желанію порисоваться въ позитурѣ непризнаннаго пророка; по тому, кто сколько нибудь зналъ Хомякова, такое предположеніе не могло придти на умъ. Хомяковъ почти никогда не говорилъ о себѣ; никто никогда не слыхалъ отъ него никакихъ фразъ, не потому, чтобъ онъ избѣгалъ ихъ, а потому, что по его природѣ фраза не могла въ немъ зародиться. Будь онъ сколько нибудь способенъ принять на себя какую бы то ни было роль, обзавестись какими нибудь ходулями, сдѣлать хоть что нибудь, чтобы привлечь на себя вниманіе: тогда и публика отнеслась бы къ нему совершенно иначе, и положеніе его въ обществѣ было бы иное; тогда и мы могли бы не брать на себя труда писать къ его сочиненіямъ пояснительное предисловіе.

До сихъ поръ мы говорили о томъ, чѣмъ Хомяковъ не походилъ на другихъ и почему онъ не былъ и не могъ быть ни оцѣненъ, ни даже опознанъ. Но вѣдь нельзя же сказать, чтобъ онъ прошелъ, не оставивъ по себѣ никакого слѣда. Напротивъ, слѣдъ онъ оставилъ, и думаемъ, слѣдъ неизгладимый, къ которому рано или поздно обратятся всѣ; вліяніе онъ имѣлъ и вліяніе огромное, хотя можетъ быть пока еще не вполнѣ замѣченное, и не

столько въ ширину, сколько въ глубину, если не на многихъ, то очень сильное и прочное.

Чѣмъ же именно, какими сторонами, сближался онъ съ своими современниками и вліялъ на нихъ?

Хомяковъ представлялъ собою оригинальное, почти небывалое у насъ явленіе *полнѣйшей свободы въ религіозномъ сознаніи.*

Этимъ онъ поражалъ всѣхъ, не только склонявшихся къ его образу мыслей, но и самыхъ заклятыхъ своихъ противниковъ. При первой же встрѣчѣ съ нимъ нельзя было не убѣдиться, что онъ хорошо зналъ, продумалъ и прочувствовалъ все то, чѣмъ въ наше время колеблется и подрывается вѣра. Ему были коротко знакомы и пантеизмъ, и матеріализмъ во всѣхъ ихъ видахъ; онъ зналъ, къ какимъ результатамъ пришла современная наука, какъ въ изслѣдованіи явленій природы, такъ и въ критическомъ разборѣ священнаго писанія и церковныхъ преданій; наконецъ, онъ провелъ много лѣтъ въ изученіи исторіи религій, слѣдовательно въ обращеніи съ тою измѣнчивою, вѣчно волнующеюся стороною человѣческихъ вѣрованій, которая, повидимому, такъ убѣдительно свидѣтельствуетъ противъ какой бы то ни было истины непреложной и неподлежащей законамъ историческаго развитія; и при всемъ томъ, его убѣжденія не пошатнулись; онъ устоялъ въ нихъ. Таково было первое впечатлѣніе, которое онъ производилъ на всѣхъ. Затѣмъ, при ближайшемъ съ нимъ ознакомленіи, нельзя было не замѣтить въ немъ другой черты: Хомяковъ не только *дорожилъ* вѣрою, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ питалъ несомнѣнную увѣренность въ ея *прочности.* Оттого, онъ ничего не боялся за нее, а оттого что не боялся, онъ всегда и на все смотрѣлъ во всѣ глаза, никогда ни передъ чѣмъ не жмурилъ ихъ, ни отъ чего не отмахивался и не кривилъ душею передъ своимъ сознаніемъ. Вполнѣ свободный, то есть вполнѣ правдивый въ своемъ убѣжденіи, онъ требовалъ той же свободы, того же права быть правдивымъ, и для другихъ. Въ то время когда у насъ, въ виду распространявшагося въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ невѣрія, зарождались предположенія въ родѣ того, что не худо бы положить въ основаніе преподаванія геологіи Книгу Бытія, онъ прямо и рѣшительно высказалъ въ одной запискѣ, что многіе изъ тѣхъ результатовъ, къ которымъ науки естественныя и историческая критика пришли своимъ законнымъ путемъ, противорѣчатъ принятымъ преданіямъ; что этого скрывать не должно, и что было бы не только неразумно, но и оскорбительно для вѣры стѣснять свободное развитіе науки, такъ какъ, съ одной стороны, сама наука еще да-

леко не высказала своего послѣдняго слова, а съ другой, никто сказать не можетъ: все ли мы поняли, чтò намъ повѣдано, и вѣрно ли поняли. Всѣ сколько-нибудь всматривавшіеся въ обыкновенный типъ человѣка набожнаго, встрѣчающійся у насъ и вездѣ въ образованномъ кругу, вѣроятно замѣчали, что набожный человѣкъ очень часто дорожитъ своею вѣрою не столько какъ несомнѣнною истиною, сколько ради того личнаго успокоенія, которое онъ въ ней обрѣтаетъ *). Онъ бережетъ и холитъ ее какъ вещь цѣнную, но, въ то же время, хрупкую и не совсѣмъ надежную. Это отношеніе къ вѣрѣ подбито, съ одной стороны, затаеннымъ, часто безсознательнымъ для самаго вѣрующаго, но очень замѣтнымъ для другихъ невѣріемъ; съ другой стороны, оно не чуждо и нѣкоторой доли особеннаго рода эгоизма—эгоизма *самоспасенія*. Отъ этого, именно оттого, что вкралось въ душу сомнѣніе въ несокрушимость вѣры, набожный человѣкъ такъ часто обнаруживаетъ крайнее снисхожденіе и малодушную терпимость къ тѣмъ болѣзненнымъ наростамъ, которые, всегда и вездѣ, встрѣчаются на исторической оболочкѣ Церкви. Онъ внутренно сознаетъ въ томъ и другомъ проявленіи мнимой церковности суевѣріе, натяжку, обманъ, или ложь; но у него не поворачивается языкъ назвать вещь по имени: онъ видитъ злоупотребленіе, а рука не поднимается устранить его—ему страшно. Все это какъ будто освящено церковностью, все обкурено ладономъ, все окроплено.—„Какъ-бы (думаетъ онъ) снимая наростъ, не поранить живаго тѣла, и выдержитъ ли оно операцію? Вотъ кругомъ стоятъ врачи, давно приговорившіе его къ смерти; ну какъ они правы!“ И набожный человѣкъ, забывая, что это тѣло, за которое онъ дрожитъ, есть тѣло Христово, а не тѣло духовенства, или Россіи, или Греціи, притворяется будто ничего не видитъ и не слышитъ, отмалчивается, отписывается, лукавитъ душею передъ собою и другими, оправдывая на словахъ то, чтò самъ про себя осуждаетъ. Совершенную противоположность къ этому всѣмъ намъ хорошо знакомому типу представлялъ Хомяковъ. Онъ дорожилъ вѣрою какъ *истиною*, а не какъ удовлетвореніемъ для себя, помимо и независимо отъ ея истинности. Самая мысль, что какая-нибудь подмѣсь лжи или неправды можетъ такъ крѣпко прирости къ истинѣ, что нужно, въ

---

*) Въ этомъ смыслѣ кто-то сказалъ, и многіе повторяютъ какъ мудрое изреченіе, что если бы не было Бога, то слѣдовало бы выдумать его, не подозрѣвая, что это слово есть полнѣйшая исповѣдь невѣрія, дошедшаго до цинизма.

интересахъ истины, щадить эту ложь и неправду, возмущала и оскорбляла его сильнѣе чѣмъ что-либо, и этотъ видъ безсознательнаго малодушія или сознательнаго фарисейства, онъ преслѣдовалъ во всѣхъ его проявленіяхъ самою безпощадною ироніею. Онъ имѣлъ въ себѣ дерзновеніе вѣры. Оттого и случалось, что люди набожные отъ него открещивались и говорили, что для него нѣтъ ничего святаго, въ то время какъ озадаченные встрѣчею съ нимъ нигилисты говорили: „какъ жаль, что такой человѣкъ погрязъ въ византійствѣ“.—Для людей безразлично равнодушныхъ къ вѣрѣ Хомяковъ былъ страненъ и смѣшонъ; для людей, оказывающихъ вѣрѣ свое высокое покровительство, онъ былъ невыносимъ, онъ безпокоилъ ихъ; для людей сознательно и, по своему, добросовѣстно отвергающихъ вѣру, онъ былъ живымъ возраженіемъ, передъ которымъ они становились въ тупикъ; наконецъ, для людей сохранившихъ въ себѣ чуткость неповрежденнаго религіознаго смысла, но запутавшихся въ противорѣчіяхъ и раздвоившихся душею, онъ былъ своего рода эмансипаторомъ: онъ выводилъ ихъ на просторъ, на свѣтъ Божій и возвращалъ имъ цѣльность религіознаго сознанія.

Выше мы говорили о той непроницаемой тучѣ недоразумѣній, которая стоитъ между Церковью и вѣрующими или чувствующими потребность вѣрить, и которою образъ ея застилается отъ большинства. Этихъ недоразумѣній много, такъ много, что нѣтъ возможности ихъ перечислить; но мы едва ли ошибемся, сказавъ, что онѣ сводятся окончательно къ одному, а именно: къ предположенію мнимой невозможности согласить то, чему учитъ и что̀ предписываетъ Церковь, съ живою, законною, прирожденною человѣку потребностью свободы. Мы употребили слово самое неопредѣленное—*свобода*, и не считаемъ нужнымъ опредѣлять его ближе; ибо у него нѣтъ такого значенія, въ которомъ бы оно не противопоставлялось Церкви. Такія у насъ теперь сложились понятія.

Возьмите свободу гражданскую, въ смыслѣ отсутствія внѣшняго принужденія въ дѣлахъ совѣсти, и вы услышите, что она несовмѣстна съ Церковью. Почему же такъ думаютъ? А потому, что на практикѣ эта свобода сталкивается съ такими законами и порядками, изъ которыхъ невѣріе выводитъ, что вѣра и фанатизмъ одно и тоже, а фанатизмъ требуетъ гоненій, и Церковь непремѣнно бы ихъ потребовала, еслибы свѣтская власть, выбившись изъ подъ ея опеки, до нѣкоторой степени не обуздывала прирожденныхъ ей поползновеній *).

*) Многіе ли, напримѣръ, догадываются, что уголовныя преслѣдова-

Возьмите свободу политическую, въ смыслѣ проявленнаго и узаконеннаго участія гражданъ въ дѣлахъ государственныхъ—и здѣсь вы натолкнетесь на кажущееся противорѣчіе; ибо, принявъ комплименты, произносимые въ табельные дни, за догматы, риторику за ученіе, лесть за исповѣданіе, невѣріе успѣло убѣдить многихъ, что Церковь не только благословляетъ *идею государства* (то есть народный союзъ подъ общепризнанною властью), но освящаетъ будто бы именно одну изъ формъ государственнаго союза за исключеніемъ всѣхъ другихъ; опредѣляетъ будто бы эту власть какъ непосредственный даръ Божій, какъ частную собственность лица или рода, и тѣмъ становится поперекъ всякому политическому прогрессу, заранѣе осуждая его какъ посягательство на божественную заповѣдь.

Наконецъ, возьмите свободу мысли, самую дорогую, самую святую, самую нужную изъ всѣхъ, и здѣсь уже вы услышите не одинокіе голоса, а цѣлый хоръ, который возвѣститъ вамъ, что вѣра и свобода мысли—два взаимно исключающіяся понятія; что не даромъ *вѣрующій* (croyant) и *свободно-мыслящій* (libre penseur) всегда противупоставляются одинъ другому; что кто дорожитъ свободою своей мысли, тотъ долженъ распроститься съ Церковью, а кто не можетъ обойтись безъ вѣры, тотъ долженъ непремѣнно обрѣзать крылья своей мысли, запереть ее въ клѣтку, наложить на нее запретъ и сдержать прирожденное ей стремленіе къ истинѣ, и только къ истинѣ. Почему же однако такъ думаютъ? А потому, что всѣ понятія извратились и сбились; потому, что, благодаря узкости, неточности и устарѣлости той научной оправы, въ которой предлагается ученіе Церкви, понятіе *вѣры* перешло въ понятіе *знанія*, только безотчетнаго, смутнаго, въ себѣ самомъ неоправданнаго, или даже въ понятіе условнаго и какъ бы вынужденнаго *признанія*; потому еще, что свободное отношеніе къ опознанной и усвоенной *истинѣ* отождествилось въ мнѣніи большинства съ подчиненіемъ *авторитету*, то есть такой власти (будь это книга или учрежденіе), которую мы условились принимать *за* истину и почитать *какъ* правду, хотя мы хорошо знаемъ и даже оговариваемъ въ своей совѣсти, что это не болѣе какъ фикція, безъ которой впрочемъ не обходится никакая форма общежитія; потому, наконецъ, что мы перестали даже разумѣть, что одно и тоже

нія за отпаденіе отъ истинной вѣры гораздо, по существу своему, противнѣе духу Церкви, чѣмъ такъ называемому гуманизму или либерализму?

слово —*вѣра*—служитъ для обозначенія какъ объекта, то есть повѣданной намъ полной и безусловной истины, такъ и субъективной способности или органа ея усвоенія, и что поэтому, кто принимаетъ условно безусловное, тотъ принимаетъ не то, что̀ предлагаетъ Церковь, а нѣчто самодѣльное, свое, и принимаетъ не вѣрою, а мнѣніемъ или убѣжденіемъ. Я *признаю, подчиняюсь, покоряюсь*—стало быть я не *вѣрую.* Церковь предлагаетъ только вѣру, вызываетъ въ душѣ человѣка только вѣру и меньшимъ не довольствуется; иными словами, она принимаетъ въ свое лоно только *свободныхъ.* Кто приноситъ ей рабское признаніе, не вѣря въ нее, тотъ не въ Церкви и не отъ Церкви.

Мы далеки отъ притязанія не только разъяснить, но даже раскрыть вѣковыя недоразумѣнія, которыми омрачаются честные умы и смущаются совѣсти не только у насъ, но и вездѣ; мы не вдаемся въ споръ съ невѣріемъ, а хотимъ только намекнуть на свойство этихъ недоразумѣній и освѣжить въ памяти тѣхъ изъ читателей, которые лично знавали Хомякова, главныя темы и характеръ его полемическихъ бесѣдъ. Дѣйствіе ихъ, кажется, можно бы выразить такимъ образомъ: живые умы и воспріимчивыя души выносили изъ сближенія съ Хомяковымъ то убѣжденіе или, положимъ, хоть то ощущеніе, что истина живая и животворящая никогда не раскрывается передъ простою любознательностью, но всегда дается въ мѣру запроса совѣсти, ищущей вразумленія, и что въ этомъ случаѣ актъ умственнаго постиженія требуетъ подвига воли; что нѣтъ такой истины научной, которая бы не согласовалась или не должна была окончательно совпасть съ истиною повѣданною *); что нѣтъ такого чувства или стремленія, въ нравственномъ отношеніи безукоризненнаго, нѣтъ такой разумной по-

*) Пріятно встрѣтить отголосокъ своей мысли на чужой сторонѣ, и потому мы не откажемъ себѣ въ удовольствіи привести слѣдующія строки, недавно нами прочтенныя въ Эдинбургскомъ Обозрѣніи (Edinburgh Review 1864, N° 245. The three pastorals etc.). „Въ Русской Церкви, мы въ томъ увѣрены, найдутся достойные продолжатели начинанія Хомякова; не изсякнетъ въ ней струя, бьющая въ тѣхъ чудныхъ Письмахъ Православнаго Христіанина, въ которыхъ оплакиваемый нами Хомяковъ, выражая свои упованія, умѣлъ соединить стойкую приверженность къ древнему Православію съ такою твердою вѣрою въ конечные результаты библейской критики и съ такою полнотою христіанской любви, выше которыхъ мы никогда ничего не встрѣчали“.

требности, какого бы рода она ни была, отъ которыхъ бы мы должны были отказаться, вопреки нашему сознанію и нашей совѣсти, чтобы купить успокоеніе въ лонѣ Церкви; словомъ: что можно вѣрить честно, добросовѣстно и свободно, что даже иначе какъ честно, добросовѣстно и свободно нельзя и вѣрить. Вотъ что уяснялъ, развивалъ, доказывалъ Хомяковъ своимъ могучимъ, неотразимымъ словомъ, и слову своему онъ самъ, всѣмъ существомъ своимъ, служилъ живымъ подтвержденіемъ и свидѣтельствомъ. Вотъ въ какомъ смыслѣ мы назвали его эмансипаторомъ людей, расположенныхъ вѣрить, но запуганныхъ и смущенныхъ встрѣчею съ противорѣчіями, повидимому неразрѣшимыми. Узнавъ его, они начинали дышать полною грудью, чувствуя себя какъ бы освобожденными въ своемъ религіозномъ сознаніи и какъ бы оправданными въ своемъ внутреннемъ протестѣ противу всѣхъ двуличныхъ и незаконныхъ (хотя подъ часъ и соблазнительныхъ) сдѣлокъ съ тою примѣсью лжи, неправды и условности, которою застилается въ нашихъ понятіяхъ образъ Церкви. Для многихъ сближеніе съ Хомяковымъ было началомъ поворота къ лучшему, и потому остается навсегда въ ихъ признательной памяти какъ знаменательное событіе ихъ собственной, внутренней жизни.

До сихъ поръ мы говорили о Хомяковѣ по отношенію къ той общественной средѣ, въ которой онъ жилъ, и о личномъ, непосредственномъ, такъ сказать, психическомъ его вліяніи на ближайшее его окруженіе; теперь обратимся къ значенію его въ области церковной науки, то есть къ содержанію этого втораго тома его сочиненій.

Чему Хомяковъ служилъ всею своею жизнью, то самое проводилъ онъ и въ наукѣ. *Онъ выяснялъ и выяснилъ идею Церкви въ логическомъ ея опредѣленіи.* Слова эти требуютъ поясненій.

По нашимъ обиходнымъ понятіямъ, Церковь есть *учрежденіе*—правда, учрежденіе своего рода, даже единственное въ своемъ родѣ, учрежденіе божественное, но все-таки учрежденіе. Это понятіе грѣшитъ тѣмъ самымъ, чѣмъ грѣшатъ почти всѣ наши ходячія опредѣленія и представленія о предметахъ вѣры: не заключая въ себѣ прямаго противорѣчія истинѣ, оно недостаточно; оно низводитъ идею въ область слишкомъ низкую и обыденную, слишкомъ намъ знакомую, вслѣдствіе чего идея невольно опошляется близкимъ сопоставленіемъ съ группою явленій, повидимому однородныхъ, но въ сущности не имѣющихъ съ нею ничего общаго. Учрежденіе—мы знаемъ, что̀ это значитъ, и представить себѣ Церковь какъ учрежденіе, по аналогіи съ другими учрежденіями, очень легко,

даже слишкомъ легко. Есть книга, называемая Уголовнымъ Уложеніемъ, и есть книга, называемая Священнымъ Писаніемъ; есть судебная доктрина и судебныя формы; есть также церковное преданіе и церковный обрядъ; есть уголовная палата, которой дано уложеніе, палата, призванная проводить его въ жизнь, примѣнять его, судить по немъ и т. д., и въ параллель является Церковь, которая, руководствуясь писаніемъ, объявляетъ ученіе, примѣняетъ его, разбираетъ сомнѣнія, судитъ и рѣшаетъ. Въ одномъ случаѣ: правда условная—законъ, и при законѣ магистратура, орудующая закономъ, чиновники закона; въ другомъ случаѣ: истина безусловная (въ этомъ разница), но истина, заключенная также въ книгѣ или въ словѣ, и при ней ея чиновники и служители, клиръ.

Церковь, дѣйствительно, имѣетъ свое ученіе, составляющее одно изъ неотъемлемыхъ ея проявленій; Церковь, дѣйствительно, въ другомъ, историческомъ своемъ проявленіи, соприкасается со всѣми учрежденіями, какъ своего рода учрежденіе; и все-таки Церковь не доктрина, не система и не учрежденіе. *Церковь* есть живой организмъ, организмъ истины и любви, или, точнѣе: *истина и любовь, какъ организмъ.*

Изъ этого ея опредѣленія вытекаетъ само собою и отношеніе ея ко всякой лжи. Она относится къ ней, какъ всякій организмъ относится къ тому, что̀ враждебно его природѣ и несовмѣстимо съ нею. Она отбрасываетъ, устраняетъ, отдѣляетъ отъ себя ложь и, тѣмъ самымъ проводя черту между собою и ложью, опредѣляетъ себя, то есть истину; но она не споритъ съ ложью, не опровергаетъ, не объясняетъ и не опредѣляетъ ея. Все это: споръ, опроверженіе, объясненіе и опредѣленіе заблужденій есть дѣло не Церкви, а школы, состоящей въ Церкви. Это задача науки церковной, иначе богословія.

По поводу восточныхъ ересей, Православная школа разработала въ стройную доктрину ученіе Церкви о существѣ Божіемъ, о Троицѣ и о Богочеловѣкѣ; циклъ этого грандіознаго развитія человѣческой мысли, просвѣтленной благодатью свыше, закончился передъ отпаденіемъ Рима. Затѣмъ измѣнились вскорѣ историческія судьбы Востока; научное просвѣщеніе въ немъ затмилось, а вмѣстѣ съ тѣмъ не могла не оскудѣть и умственная производительность Православной школы. Между тѣмъ, струя раціонализма, впущенная Римскимъ расколомъ въ самую Церковь, подняла на Западѣ новые богословскіе вопросы, которыхъ православный Востокъ не вѣдалъ, и, въ дальнѣйшемъ своемъ стремленіи, раздво-

ившись на два русла, породила наконецъ двѣ противоположныя доктрины — Латинство и Протестантство.

Всѣ эти новыя формаціи вышли изъ мѣстныхъ, исключительно Романо-Германскихъ стихій; вселенское преданіе играло въ нихъ роль пассивнаго матеріала, который постепенно перерабатывался, искажался и приспособлялся къ народнымъ понятіямъ и потребностямъ; все умственное движеніе, отъ папы Николая I-го до Тридентинскаго собора, отъ Лютера и Кальвина до Шлейермахера и Неандера, происходило совершенно въ сторонѣ отъ Церкви и безъ всякаго ея въ немъ участія. Иначе и быть не могло. Церковь осталась, чѣмъ была; ввѣренный ей свѣтильникъ не погасъ, свѣтъ его не помрачился. Но нападенія со стороны Запада, грозный напоръ его пропаганды, попытки опровергнуть вселенское преданіе, котораго держался и держится Востокъ, потомъ сблизиться съ нимъ и войти въ сдѣлку, все это должно было вызвать Православную школу на состязаніе, втянуть ее въ полемику и заставить ее принять въ отношеніи къ Латинству и Протестантству то или другое положеніе.

Что̀ же сдѣлала школа? Роль ея можно выразить однимъ словомъ: она *отбивалась*; иными словами, она стала въ положеніе оборонительное, слѣдовательно подчиненное образу дѣйствій и пріемамъ противниковъ. Она приняла къ разсмотрѣнію вопросы, которые задавали ей Латинство и Протестантство, приняла ихъ въ той самой формѣ, въ какой ставила ихъ западная полемика, не подозрѣвая, что ложь заключалась не только въ рѣшеніяхъ, но и въ самой постановкѣ этихъ вопросовъ, даже въ постановкѣ болѣе, чѣмъ въ рѣшеніяхъ. Такимъ образомъ, невольно и безсознательно, не предчувствуя послѣдствій, она сдвинулась съ твердаго материка Церкви и перешла на ту зыбкую, изрытую, подкопанную почву, на которую заманили ее западные богословы. Зайдя туда, она подверглась перекрестному огню и почти вынуждена была, для своей обороны отъ нападеній, направленныхъ на нее съ двухъ противоположныхъ сторонъ, схватиться за готовое оружіе, издавна приспособленное къ дѣлу западными вѣроисповѣданіями для ихъ домашней, междоусобной войны. И вотъ, съ каждымъ шагомъ, запутываясь болѣе и болѣе въ Латино-Протестантскихъ антиноміяхъ, Православная школа, наконецъ, сама раздвоилась. Въ ней образовались двѣ школы, школа исключительно *анти-Латинская* и школа исключительно *анти-Протестантская*; Православной школы какъ будто не стало. Нельзя конечно сказать, чтобы война была для насъ неудачна; много было проявлено съ

нашей стороны усердія, учености и стойкости; немало даже одержано частныхъ побѣдъ, особенно въ обличеніи Латинскихъ подлоговъ, утаекъ и всякаго рода хитростей. Что̀ касается до конечнаго результата, то само собою разумѣется, что Православіе не пошатнулось; но это была заслуга не школы, и мы всё-таки не можемъ не признать, что война была ведена ею неправильно.

Ошибка, сдѣланная въ самомъ началѣ, при переходѣ на чужую почву, отозвалась тремя неизбѣжными результатами. Вопервыхъ, школа анти-Латинская приняла въ себя закваску протестантскую, а школа анти-Протестантская закваску Латинскую; вовторыхъ, какъ послѣдствіе этого, каждый успѣхъ одной школы въ борьбѣ съ ея противникомъ постоянно обращался въ ущербъ другой школѣ, давая противъ нея оружіе тому противнику, съ которымъ она имѣла дѣло; втретьихъ, и это важнѣе всего: западный *раціонализмъ просочился въ Православную школу и остылъ въ ней въ видѣ научной оправы къ догматамъ вѣры,* въ формѣ доказательствъ, толкованій и выводовъ. Для читателей, незнакомыхъ съ предметомъ, мы приведемъ нѣсколько примѣровъ, въ самой общедоступной формѣ.

„Что̀ важнѣе и что̀ чему служитъ основаніемъ: писаніе преданію или преданіе писанію?“

Такъ ставится вопросъ западною наукою. Въ постановкѣ его согласны Латиняне и Протестанты и, въ такомъ видѣ, задаютъ его намъ. Наша школа, вмѣсто того, чтобъ отвергнуть его и показать нелѣпость противопоставленія двухъ явленій, одно безъ другаго немыслимыхъ и нераздѣльно сливающихся въ живомъ организмѣ Церкви, принимаетъ вопросъ къ своему разсмотрѣнію, и на этой почвѣ завязывается диспутъ. Противъ какого нибудь Мартина Хемниція выходитъ православный богословъ анти-протестантъ и говоритъ: „Писаніе получаетъ отъ преданія свое опредѣленіе, какъ истины повѣданной, какъ откровенія; слѣдовательно заимствуетъ отъ преданія свой авторитетъ; къ тому же, само по себѣ, писаніе не полно, темно, съ трудомъ понимается, часто подаетъ поводъ къ ересямъ, а потому, отдѣльно взятое, недостаточно и даже опасно“.—Іезуитъ все это слышитъ. Онъ подходитъ къ православному богослову, поздравляетъ его съ побѣдою надъ протестантомъ и говоритъ ему на ухо: „вы совершенно правы, но не довели аргументаціи до конца; вамъ остается ступить еще одинъ незначительный шагъ—отнять совсѣмъ писаніе у міряръ“.

Въ это самое время выходитъ на арену православный богословъ анти-папистъ и говоритъ: „Неправда! Писаніе въ себѣ самомъ содержитъ какъ внутренніе, такъ и внѣшніе признаки своей божественности; писаніе—норма истины, мѣрило всякаго преданія, а не наоборотъ; писаніе дано всему Христіанству, чтобъ его читали всѣ; оно полно и дополненій не требуетъ, ибо чего въ немъ нѣтъ буквально, то изъ него же извлекается правильнымъ умозаключеніемъ; наконецъ, во всемъ, что нужно для спасенія, оно ясно и вполнѣ вразумительно для добросовѣстно испытующаго разума каждаго“. — „Превосходно!“ договариваетъ протестантъ, „именно такъ: Библія, какъ объектъ; личный, добросовѣстно испытующій разумъ, какъ субъектъ, и больше ничего!“.

Другой вопросъ: чѣмъ оправдывается человѣкъ, одною вѣрою или вѣрою съ придачею къ ней дѣлъ удовлетворенія? Такъ ставится вопросъ въ Латино-протестантскомъ мірѣ, и Православная школа повторяетъ его, не замѣчая, что самое возникновеніе такого вопроса указываетъ на смѣшеніе вѣры съ безотчетнымъ знаніемъ, а дѣла въ смыслѣ проявленія вѣры съ дѣломъ въ смыслѣ проявленія, перешедшаго въ область осязаемыхъ и видимыхъ фактовъ. Начинается новый диспутъ.

Къ православному богослову анти-протестанту подбѣгаетъ Іезуитъ и заводитъ съ нимъ такую рѣчь: „Вѣдь вы конечно гнушаетесь суемудрія лютеранъ, увѣряющихъ, что дѣла не нужны и что можно спастись одною вѣрою?“ — „Гнушаемся“ — „Значитъ, при вѣрѣ нужны еще и дѣла?“ — „Нужны“.— „Итакъ, если безъ дѣлъ спастись нельзя, то дѣла имѣютъ оправдательную силу?“ — „Имѣютъ“.— „А кто покаялся и получилъ отпущеніе за свою вѣру, но умеръ, не успѣвъ совершить дѣлъ удовлетворенія, какъ быть тому? На такихъ у насъ есть чистилище; а у васъ?“—„У насъ“, отвѣчаетъ православный богословъ анти-протестантъ, нѣсколько помявшись, „у насъ пожалуй въ этомъ родѣ: мытарства“.—„Хорошо, значитъ, помѣщеніе есть, разница только въ названіи; но одного помѣщенія мало. Такъ какъ въ чистилищѣ дѣлъ удовлетворенія уже не творятъ, и между тѣмъ, попавшимъ туда нужны именно такія дѣла, то мы ссужаемъ ихъ изъ церковнаго казнохранилища добрыхъ дѣлъ и подвиговъ, оставленныхъ намъ про запасъ святыми. А у васъ?“—Православный богословъ анти-протестантъ конфузится и отвѣчаетъ въ полголоса: „есть и у насъ похожій капиталъ; это заслуги *сверхъ-требуемыхъ*“.—„Такъ съ чегоже“, подхватываетъ Іезуитъ, „отвергаете вы индульгенціи и ихъ распродажу? Вѣдь это только актъ передачи. Мы пускаемъ свой капи-

талъ въ оборотъ, а вы держите свой подъ спудомъ. Хорошо ли это?"

Тѣмъ временемъ, на другомъ концѣ богословской арены, происходитъ другое состязаніе. Ученый пасторъ допрашиваетъ православнаго богослова анти-латинянина: „Вѣдь вы конечно отвергаете бредни папистовъ, приписывающихъ человѣческимъ дѣламъ значеніе заслугъ передъ Богомъ и оправдательную силу?" — „Отвергаемъ".— „Вы знаете, что вѣрою, одною вѣрою, безъ всякой придачи, спасаются люди?"—„Знаемъ".—„Такъ объясните жъ мнѣ, на что вамъ ваши эпитимьи, ваше такъ называемое подвижничество, ваше монашество? Какая отъ этого польза? Въ какую цѣну все это вамъ зачтется? Докажите мнѣ еще, что нужно прибѣгать къ ходатайству святыхъ. На что оно вамъ? Или вы не довѣряете силѣ искупленія, усвояемой личною вѣрою?" — Православный богословъ мысленно перебираетъ свои учебники, ищетъ въ нихъ доказательствъ и не находитъ. Чуя это, его противникъ напираетъ на него и спрашиваетъ: „Молиться значитъ вѣдь просить у Бога чего нибудь въ надеждѣ получить?" — „Вѣрно".— Молиться можно лишь тогда, когда отъ молитвы ожидается польза?" — „Вѣрно и это".— „Средняго состоянія между адомъ и раемъ, спасеніемъ и осужденіемъ, вѣдь нѣтъ? Чистилище — вѣдь это басня, выдуманная папистами? Вѣдь вы ея не признаете?" — „Не признаемъ".—„Такъ для чего жъ расходуете вы свои молитвы и тратите ихъ безъ пользы, молясь за усопшихъ? Одно изъ двухъ: или вы паписты, или вы еще не доразвились до насъ протестантовъ".

Напослѣдокъ, выходитъ Іезуитъ (изъ *новѣйшихъ*) и, обращаясь къ православному богослову анти-протестанту, начинаетъ пытать его: „Неужели вы, за одно съ треклятыми протестантами, думаете, что одинокая личность съ книгою въ рукѣ, не пребывающая внѣ Церкви, можетъ обрѣсти истину и путь ко спасенію?"—„Отнюдь нѣтъ; мы вѣруемъ, что нѣтъ спасенія внѣ Церкви, которая одна свята и непогрѣшима".—„Прекрасно! А если такъ, то главною заботою для каждаго должно быть не отступать отъ Церкви, быть съ нею во всемъ за одно, въ вѣрѣ и въ дѣлѣ"—„Конечно".— „Но вѣдь вы знаете, что суемудріе и лесть часто вторгались въ Церковь и соблазняли вѣрующихъ личиною церковности".—„Знаемъ".— „Такъ значитъ необходимъ осязательный, внѣшній *признакъ*, по которому всякій могъ бы безошибочно отличить непогрѣшимую Церковь?"—„Нуженъ", отвѣчаетъ православный богословъ, не подозрѣвая ловушки.—„У насъ онъ есть,—это папа; а у васъ?"—„У насъ полное проявленіе Церкви въ ученіи и органъ ея непогрѣшимой

вѣры,—вселенскій соборъ“ — „Да и мы тоже передъ нимъ преклоняемся; но объясните мнѣ, чѣмъ отличается соборъ вселенскій отъ невселенскаго или помѣстнаго? Какимъ видимымъ признакомъ? Почему бы, напримѣръ, не признать Флорентинскаго собора за вселенскій? Не говорите мнѣ, что вы называете вселенскимъ тотъ соборъ, въ которомъ вся Церковь опознала свой голосъ, свою вѣру, то есть вдохновеніе Духа; ибо въ томъ-то и состоитъ задача, чтобъ узнать что̀ Церковь и гдѣ она?“—Православный богословъ антипротестантъ становится въ тупикъ, а Іезуитъ, на прощанье, говоритъ ему: „Въ васъ много добраго; и вы и мы стоимъ на одномъ пути; но мы у цѣли, а вы не дошли до нея. И вы и мы признаёмъ согласно, что нуженъ внѣшній признакъ истины, иначе *знаменье церковности*; но вы его ищете и не находите, а у насъ онъ есть — папа; вотъ разница. Вы тоже въ сущности паписты, только непослѣдовательны“.

Такъ, въ продолженіи почти двухъ вѣковъ, длилась у насъ полемика двухъ Православныхъ школъ съ западными вѣроисповѣданіями, сопровождавшаяся, разумѣется, и внутреннею, домашнею полемикою этихъ школъ между собою. За полнѣйшее, самое отчетливое и рѣзкое выраженіе обѣихъ можно признать Латинское Богословіе Θеофана Прокоповича и Камень Вѣры Стефана Яворскаго; все, что̀ выходило послѣ, группируется около этихъ двухъ капитальныхъ твореній и представляетъ не болѣе какъ оттиски съ нихъ, только ослабленные и смягченные. Повторяемъ: мы говоримъ *о школѣ*, а не о Церкви; твердыня выдержала приступъ и не пошатнулась; но не пошатнулась потому, что твердыня была сама Церковь и, слѣдовательно, не могла не устоять; что̀ же касается до защиты, то нельзя не сознаться, что она была недостаточна и слаба. Зрители, со стороны смотрѣвшіе на бой (а все наше образованное общество, за весьма рѣдкими исключеніями, относилось къ нему какъ сторонній зритель), судили о правотѣ дѣла по защитѣ и оставались въ недоумѣніи; многихъ прохватило сомнѣніе, многіе даже подались на сторону противниковъ, кто въ мистицизмъ, а кто въ папизмъ и, разумѣется, больше въ папизмъ, по причинѣ дешевизны предлагаемаго имъ удовлетворенія. Люди, считавшіе себя вполнѣ безпристрастными, то есть воображавшіе себѣ, что, отставъ отъ одного берега и не приставъ къ другому, они пріобрѣли способность, съ высоты своего религіознаго индиферентизма, творитъ судъ надъ Церковью, приходили къ мысли, что Православіе есть не болѣе какъ первобытная, безразличная среда, изъ которой, по закону прогресса, на Западѣ,

опередившемъ насъ въ просвѣщеніи, должны были выдѣлиться два направленія, Латинское и Протестантское, которымъ, какъ болѣе развитымъ формамъ Христіанства, предназначено со временемъ подѣлить между собою Православіе и окончательно поглотить его. Другіе оговаривали, что Латинство и Протестантство, какъ противоположные и взаимно исключающіеся полюсы, не могутъ быть конечными терминами развитія христіанской идеи, и что рано или поздно, они должны помириться и исчезнуть сами конечно не въ устарѣломъ и отжившемъ Православіи, а въ какой-нибудь новой, высшей формѣ религіознаго міросозерцанія. Все это: папизмъ, мистицизмъ и эклектизмъ, проповѣдывалось у насъ очень серьезно, все находило послѣдователей и почти не встрѣчало отпора съ точки зрѣнія Церкви. Очевидно, школа не давала матеріала для успѣшнаго отпора. Она все еще продолжала полемизировать на предательской почвѣ, не мѣняя своего положенія, словомъ: она только *отбивалась*. Но отбиться не значитъ еще опровергнуть, а опровергнуть не значитъ еще побѣдить; въ области мысли побѣжденнымъ можно считать только то, что̀ окончательно понято и опредѣлено какъ ложь. Наша Православная школа не въ состояніи была опредѣлить ни Латинства, ни Протестантства, потому что, сойдя *съ своей* почвы, она сама раздвоилась, и что каждая изъ половинъ ея стояла *противъ* своего противника, а не *надъ* нимъ.

Хомяковъ первый взглянулъ на Латинство и Протестантство *изъ Церкви*, слѣдовательно *сверху*; поэтому онъ и могъ *опредѣлить* ихъ.

Мы сказали въ началѣ, въ подстрочномъ примѣчаніи, что иностранные богословы были озадачены его брошюрами. Они почувствовали въ нихъ что-то небывалое, въ ихъ полемикѣ съ Православіемъ, что-то для нихъ неожиданное, совершенно новое. Можетъ быть, они и не сознали ясно, въ чемъ заключалось это новое; но для насъ оно понятно. Они услышали, наконецъ, голосъ не анти-латинской и не анти-протестантской, а Православной школы. Встрѣтившись въ первый разъ съ Православіемъ въ области церковной науки, они смутно почуяли, что до тѣхъ поръ ихъ полемика съ Церковью вертѣлась около какихъ-то недоразумѣній; что вѣковая ихъ тяжба съ нею, казавшаяся почти оконченною, только теперь начиналась, на почвѣ совершенно новой, и что самое положеніе сторонъ измѣнялось, а именно: они, паписты и протестанты, становились подсудимыми, ихъ звали къ отвѣту, имъ приходилось оправдываться. Это было первое впечатлѣніе,

предшествовавшее отчетливому сужденію и произведенное не столько еще содержаніемъ, сколько тономъ обращенной къ нимъ рѣчи. Дѣйствительно, и тонъ былъ особенный, небывалый. Одинаково чуждый брапчивости, въ которую нерѣдко впадали полемическіе писатели прошлаго вѣка, и неумѣстной робости, замѣтной въ нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ поборниковъ Православія, онъ отличался строгою прямотою въ постановкѣ вопросовъ, безпощадностью въ обличеніи и благородною смѣлостью въ провозглашеніи основныхъ началъ. Эта смѣлость вовсе не походила на заносчивость; нельзя было назвать ее самонадѣянностью; нѣтъ, въ ней слышна была такая несомнѣнность вѣры въ правоту дѣла и въ окончательное торжество истины, какой теперь уже не встрѣтить въ западной религіозной литературѣ. Даже предубѣжденные противники невольно въ этомъ сознавались.

Не менѣе своеобразности обнаруживалось и въ полемическихъ пріемахъ автора, въ принятой имъ системѣ спора. До него наши ученыя богословскія состязанія терялись въ партикуляризмѣ; каждое положеніе противниковъ и каждый ихъ доводъ разбирались и опровергались порознь; мы обличали подложныя вставки или урѣзки, возстановляли смыслъ извращенныхъ цитатовъ, противопоставляли текстъ тексту, свидѣтельство свидѣтельству, и перебрасывались доказательствами отъ писанія, отъ преданія и отъ разума. При успѣшномъ для насъ веденіи спора выходило, что положеніе противниковъ не доказано; иногда выходило даже, что оно не согласно съ писаніемъ и преданіемъ, слѣдовательно ложно и должно быть отвергнуто. Конечно, этимъ устранялось заблужденіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно передъ нами являлось; но вѣдь это еще не все. Оставалось не разъясненнымъ: какъ, отчего, изъ какихъ внутреннихъ побужденій оно родилось; что̀ именно въ этихъ побужденіяхъ ложно, гдѣ корень этой лжи? Этихъ вопросовъ не разрѣшали, почти что и не затрогивали, и оттого случалось иногда, что, откинувъ заблужденіе, выразившееся въ одной формѣ (какъ догматъ или установленіе), мы не узнавали его въ другой; случалось даже, что мы тутъ же, въ самомъ опроверженіи, усвоивали его себѣ, перенося въ свое собственное воззрѣніе побужденіе, его вызвавшее; корень его всё-таки оставался въ землѣ, и новые отпрыски, которые онъ пускалъ отъ себя, часто засоряли и нашу почву. Совершенно иначе берется за дѣло Хомяковъ. Идя отъ проявленій къ начальнымъ побужденіямъ, онъ воспроизводитъ, если можно такъ выразиться, психическую генеалогію каждаго заблужденія и сводитъ ихъ всѣ

къ общему исходному ихъ началу, въ которомъ ложь, становясь очевидною, сама себя обличаетъ своимъ внутреннимъ противорѣчіемъ. Это и значитъ вырвать заблужденіе съ корнемъ.

Вникая глубже и переходя отъ системы къ содержанію, мы усматриваемъ въ богословскихъ сочиненіяхъ Хомякова еще другую отличительную черту. Съ виду они имѣютъ характеръ по преимуществу полемическій; на самомъ же дѣлѣ полемика занимаетъ въ нихъ второстепенное мѣсто, или, говоря точнѣе, полемики въ строгомъ смыслѣ слова, то есть опроверженій чисто-отрицательнаго свойства, въ нихъ почти вовсе нѣтъ. Нельзя никакъ взять изъ его сочиненій одну отрицательную сторону (возраженія и опроверженія), не забравъ стороны положительной (то есть уясненія Православнаго ученія); нельзя потому, что у него одна сторона отъ другой не отдѣляется: обѣ составляютъ одно неразрывное цѣлое. Не найдется у него ни одного довода противъ Латинянъ, заимствованнаго у Протестантовъ, и ни одного довода противъ Протестантовъ, взятаго изъ Латинскаго арсенала; не найдется ни одного, который бы не былъ обоюдуостръ, то есть не былъ бы направленъ какъ противъ Латинства, такъ и противъ Протестантства, и это оттого, что каждый его доводъ, въ сущности, есть не отрицаніе, а прямое положеніе, только завостренное для полемической цѣли.

Еслибъ мы увлеклись желаніемъ прослѣдить этотъ процессъ на дѣлѣ, то намъ пришлось бы повторить все содержаніе по крайней мѣрѣ трехъ главныхъ брошюръ Хомякова; пусть лучше сами читатели, своими собственными впечатлѣніями, провѣрятъ наши слова. Но чтобъ нагляднѣе выразить ту отличительную особенность, на которую мы указали и которая, по мнѣнію нашему, составляетъ главную заслугу Хомякова, мы позволимъ себѣ прибѣгнуть къ сравненію.

Когда человѣкъ стоитъ въ облакѣ или въ туманѣ, онъ сознаетъ только отсутствіе или недостатокъ свѣта; но откуда нашелъ туманъ, далеко ли онъ раскинулся и гдѣ солнце? — этого онъ не знаетъ, не видитъ и не можетъ сказать.

Наоборотъ, когда небо ясно, и свѣтитъ яркое солнце, каждая набѣгающая туча вырисовывается на немъ всѣми своими очертаніями, своею ограниченностью, какъ туча, какъ противоположность свѣту.

Хомяковъ выяснилъ область свѣта, атмосферу Церкви, и на ней, само собою, выступило лжеученіе, какъ отрицаніе свѣта, какъ темное пятно на небѣ. Границы лжеученія стали явны; оно опре-

дѣлилось. Мы говоримъ о лжеученіи въ единственномъ, а не во множественномъ числѣ, хотя подразумѣваемъ Латинство и Протестантство именно потому, что отнынѣ оба вѣроисповѣданія представляются намъ какъ одно, единое заблужденіе, и что это единство могло быть высмотрѣно только съ той точки зрѣнія, на которую поставилъ насъ Хомяковъ, то есть изъ Церкви. До него, въ нашей Православной школѣ, Латинство и Протестантство всегда принимались за двѣ взаимно исключающіяся противоположности, за два полюса. Такими они дѣйствительно представляются на Западѣ, потому что тамъ окончательно раздвоилось религіозное сознаніе, и утратилось самое понятіе о Церкви, то есть о той средѣ, изъ которой эти два вѣроисповѣданія выдѣлились, подъ вліяніемъ Романской и Германской стихій. Тоже представленіе объ нихъ перешло и къ намъ; мы усвоили себѣ готовыя опредѣленія и взглянули на Латинство глазами Протестантовъ, а на Протестантство глазами Латинянъ. Теперь, благодаря Хомякову, все переставляется. Прежде, мы видѣли передъ собою двѣ рѣзко опредѣленныя формы западнаго Христіанства, и *между ними* Православіе, какъ бы остановившееся на распутіи; теперь мы видимъ *Церковь*, иначе живой организмъ истины, ввѣренной взаимной любви, а внѣ Церкви логическое знаніе, отрѣшенное отъ нравственнаго начала, то есть *раціонализмъ*, въ двухъ моментахъ его развитія, а именно: разсудка, хватающагося за *призракъ* истины и отдающаго свободу въ рабство внѣшнему *авторитету*—это Латинство, и разсудка, доискивающагося *самодѣльной* истины и приносящаго единство въ жертву *субъективной* искренности—это Протестантство.

Можетъ быть, теперь, стало нѣсколько понятнѣе то, что̀ было нами сказано выше, что̀ мы повторимъ вновь: Хомяковъ выяснилъ идею Церкви въ той мѣрѣ (всегда неполной), въ какой вообще живое явленіе поддается логическому опредѣленію. Онъ выразилъ эту идею точно, строго, въ формѣ, такъ сказать, стереотипной, въ которой уже нельзя ничего прибавить и отъ которой нельзя ничего урѣзать. Такова его заслуга въ области богословія. Имъ открывается новая эра въ исторіи Православной школы.

Съ этимъ словомъ мы переходимъ къ заключительнымъ соображеніямъ о дальнѣйшемъ ея развитіи.

Прежде всего возникаетъ вопросъ: такъ ли богословскіе труды Хомякова были поняты и оцѣнены спеціалистами этого дѣла, нашимъ ученымъ духовенствомъ?

Образованный, ученый мірянинъ, заступающійся за Православіе и выходящій на состязаніе съ иновѣрцами—такое рѣдкое у насъ

явленіе не могло, разумѣется, не возбудить въ кругу специалистовъ пріятнаго изумленія.

Искренность убѣжденія, слышная въ голосѣ, выходившемъ изъ общественной среды, болѣе склонной къ дряблому скептицизму, чѣмъ къ чему либо иному, строгая, логическая послѣдовательность въ аргументаціи, неожиданность и желѣзная сила доводовъ, признанная самими противниками—все это, естественно, было встрѣчено съ радостью.

Не боясь возраженій, можно, кажется, сказать, что всѣ специалисты обрадовались неожиданной подмогѣ и привѣтствовали въ лицѣ Хомякова первокласснаго полемика. Можно сказать болѣе: самое направленіе его мысли и сущность его воззрѣнія на предметы вѣры встрѣтили въ *нѣкоторыхъ* специалистахъ одобреніе и сочувствіе, которыми покойный авторъ дорожилъ болѣе, чѣмъ лестными объ немъ отзывами иностранной печати.

Но далеко не всѣ специалисты такъ отнеслись къ нему. Большинство издали ему рукоплескало, но не рѣшалось идти за нимъ, не рѣшалось даже гласно и открыто признать его. Вообще, въ доходившихъ до насъ изъ этого круга отзывахъ и сужденіяхъ мы часто замѣчали, отчасти преднамѣренную сдержанность, а отчасти совершенно искреннее двойство впечатлѣній. Съ одной стороны слышалось сердечное желаніе согласиться, съ другой какая-то боязнь усвоить себѣ что-то какъ будто новое, по крайней мѣрѣ неожиданное, что то, правда, свѣтлое, но ужъ не слишкомъ-ли даже свѣтлое? Къ этому присоединялось и нѣкоторое сожалѣніе, какъ будто тоска: чувствовалось, что если взяться за оружіе, выкованное Хомяковымъ, то пришлось бы вѣроятно сложить съ себя значительную часть прежней, школьной арматуры, правда, тяжелой, неудобной, ни отъ чего не оберегающей, даже насквозь продырявленной, но за то какъ бы приросшей къ членамъ; пришлось бы пожертвовать логическими пріемами и оборотами, правда, всѣмъ надоѣвшими, ни на кого уже не дѣйствующими, но за то издавна затверженными и потому легкими; наконецъ, пришлось бы, можетъ быть, изъ арсенала опредѣленій и доказательствъ кое-что и отбросить какъ вовсе негодное, что̀ правда и теперь не безусловно одобряется, даже осуждается какъ слабое и невѣрное, но осуждается какъ-то больше про себя, въ своей совѣсти или въ кругу своихъ, а не на людяхъ.

Въ этихъ опасеніяхъ все очень понятно; многое, именно все искреннее, заслуживаетъ даже нѣкотораго уваженія. Тѣмъ не менѣе они кажутся намъ совершенно неосновательными, и мы надѣ-

емся, что опи скоро разсѣятся; мы даже увѣрены въ этомъ, ибо, если-бъ онѣ нашли себѣ подтвержденіе и оправданіе въ чьемъ либо сильномъ авторитетѣ, то послѣдствія для будущности нашей Православной школы были бы крайне пеблагопріятны.

Хомяковъ поставилъ вопросъ между Церковью и западными вѣроисповѣданіями па новую почву; опъ, такъ сказать, перемѣнилъ позицію—съ этимъ кажется согласны всѣ спеціалисты. Выгодпость ея, какъ для обороны, такъ и для паступлепія, призпается многими изъ пихъ, чуть ли даже пе всѣми; но этого мало. Дѣло въ томъ, что эта позиція пе есть одна изъ многихъ возможпыхъ, даже пе лучшая изъ всѣхъ, а едипственпо возможная. На пее, па эту позицію, рапо или поздпо должпа перебраться вся школа, и чѣм раньше опа это сдѣлаетъ, тѣмъ будетъ лучше: ибо, при свойст предстоящей впереди борьбы, за пами нѣтъ другой позиціи, па которой бы мы могли удержаться. Слова эти вѣроятпо возбу[illegible] педоумѣніе. Насъ спросятъ: „Какая же еще борьба? Борьба дѣйствительпо горѣла и казалась страшпою въ XVI и XVII вѣкахъ, когда Латипство и Протестанство, въ то время еще полныя силъ и самоувѣренности, падвигались на насъ съ двухъ сторопъ; но мы и тогда отбились; а теперь?... Передъ каѳедрою Римскаго первосвященника, сильно покачпувшеюся на бокъ, послѣдняя горсть неисправимыхъ ея поклонпиковъ ломается и кривляется, пародируя выдохшееся молитвенное воодушевленіе; самъ папа, прикованный къ роковому наслѣдію притязаній, отъ которыхъ нельзя отречься, посылаетъ всему міру безсильныя проклятія, а проклинательпая формула, па дрожащихъ устахъ его, превращается въ отходпую надъ папизмомъ. Съ другой стороны, Протестантство бѣжитъ па всѣхъ парусахъ отъ нагоняющаго его невѣрія, бросая черезъ бортъ свой догматическій грузъ, въ падеждѣ спасти себѣ Библію; а критика, съ язвительнымъ смѣхомъ, вырываетъ изъ оцѣпенѣвшихъ рукъ его страпицу за страпицею и книгу за кпигой... Чего-жъ бояться и кого бояться? Была ли даже дѣйствительная надобпость пришибать тяжелою палицею старыхъ противпиковъ, когда они видимо, на нашихъ глазахъ, умираютъ отъ истощенія?“

Положимъ, что это отчасти справедливо, старые противники точно сходятъ со сцены; но за ними поднимается новый: раціопализмъ, вооруженный всѣми выводами опытпыхъ наукъ, такъ сказать, навязывающимися своею очевидностью и всѣми пріемами этихъ наукъ, соблазняющими своею безошибочностью. Съ нимъ предстоитъ теперь повый бой, или говоря точнѣе: это пе новый противпикъ, а прежпій, только окрѣпшій, выростій до полнаго

самосознанія, тотъ самый, съ которымъ ратовали наши дѣды, не узнавая его лица подъ маскою Латинства и Протестантства, и который теперь подступаетъ къ намъ опять, только съ другой стороны. Прежде онъ оспаривалъ наши догматы, наше ученіе, противопоставляя ему свое; теперь онъ приступаетъ съ вѣсами, мѣрою и осёлкомъ исторической критики къ *фактической* основѣ нашихъ вѣрованій, перебирая свидѣтельство за свидѣтельствомъ, слово за словомъ, надѣясь раздробить, расплавить, обратить ихъ въ ничто, и не предлагая ничего въ замѣнъ. Въ сущности намъ предстоитъ не новый бой, а продолженіе стараго, только съ новыми силами и съ новымъ оружіемъ. И уже начался этотъ бой. Были встрѣчи, были случаи испытать, на сколько надежны наши боевые доспѣхи противъ усовершенствованнаго оружія, направленнаго на насъ; были опыты и результаты передъ глазами. Скажите откровенно: довольны ли вы ими? Достаточно ли у васъ силъ и умѣло ли вы ими орудуете? Все ли у васъ въ исправности, и со всѣхъ ли сторонъ вы прикрыты? Мы очень знаемъ, что если средства истины неисчерпаемы, то, съ другой стороны, нѣтъ почти предѣловъ и отрицанію; поэтому мы не спрашиваемъ: одержали ли вы окончательную побѣду, а спрашиваемъ: твердо ли вы знаете, на какой почвѣ вы должны одержать ее? Дѣло идетъ о большей или меньшей достовѣрности факта; такъ можете ли вы разъяснить (вполнѣ ли вы сами себѣ уяснили), чѣмъ именно дорожитъ Церковь *въ фактѣ*, что̀ значитъ въ области Церкви *фактъ,* въ его матерьяльномъ проявленіи, въ предѣлахъ пространства и времени (разумѣя подъ фактомъ и слово съ его вещественной стороны)?... Обратимся къ результатамъ. Цѣлыя поколѣнія, вами воспитанныя, прямо изъ подъ вашихъ каѳедръ, ударились очертя голову въ самое крайнее невѣріе, и при этомъ всего поразительнѣе не число отпадшихъ отъ васъ, а легкость отпаденія. Ваши ученики бросили Церковь безъ внутренней борьбы, безъ сожалѣній, даже не задумываясь. И какими же силами они у васъ отбиты? Двѣ брошюры Бюхнера, да двѣ или три книжки Молешотта и Фохта, да жизнь Христа Ренана (Даже не Штрауса), да десятокъ статей Добролюбова и Герцена, и дѣло было сдѣлано. Не споримъ, что значительную долю вины специалисты имѣли бы полное основаніе свалить на другихъ, указавъ на множество неблагопріятныхъ обстоятельствъ, которыхъ они не въ состояніи были ни предупредить, ни устранить; все это мы готовы допустить, и всё-таки опять обращаемъ къ спеціалистамъ тотъ же вопросъ: такъ ли бы легко увлеклись цѣлыя поколѣнія, если бы Церковь

представлялась имъ въ настоящемъ свѣтѣ, еслибъ они видѣли передъ собою ее, то есть именно Церковь, а не призракъ Церкви? Ничтожны были средства, употребленныя для совращенія; слаба, несерьёзна, несостоятельна, хотя и заносчива, была проповѣдь невѣрія, а она имѣла успѣхъ, успѣхъ огромный и легкій. Каково же было противодѣйствіе?....

Отчего это? Подумайте: не оттого ли, что мы предлагаемъ истины вѣры какъ выводы изъ силлогизмовъ, въ старомъ, растрескавшемся сосудѣ, и что слушатели, бросая сосудъ, бросаютъ заразъ и то, что̀ въ немъ сберегается? Не оттого ли, что мы стараемся только о томъ, какъ бы, путемъ формально-правильныхъ умозаключеній, такъ сказать, *довести* слушателей до догмата, вынудить у нихъ признаніе, заручиться ихъ согласіемъ, захватить ихъ въ плѣнъ, и на этомъ останавливаемся, не идя въ глубь, не вводя ихъ въ смыслъ самаго догмата? Не оттого ли, наконецъ, что, ратуя съ раціонализмомъ, мы дали ему прокрасться въ наши ряды и, употребляя выраженіе очень мѣткое, не нами найденное, такъ сказать, приняли раціонализмъ внутрь себя? Можетъ быть, умудренные опытомъ, мы захотимъ оставить наши доказательства отъ разума и попытаемся поставить наше преподаваніе подъ защиту авторитета; но это доказало бы только, что мы не поняли, чѣмъ мы слабы: это значило бы промѣнять раціонализмъ Протестантскій на раціонализмъ Латинскій, ибо авторитетъ для воли и совѣсти — тоже что̀ объектъ для разсудка, нѣчто внѣшнее, подлежащее анализу и вызывающее его.

Кажется, при свѣтѣ происходящаго на нашихъ глазахъ, пора наконецъ уразумѣть, что Латинство и Протестантство и вся выработанная ими система доказательствъ не болѣе какъ проводники къ невѣрію, и что все нами оттуда заимствованное обращается намъ же въ пагубу, подавая раціонализму единственное оружіе, какое только онъ можетъ съ успѣхомъ обратить на насъ. Вотъ что первый понялъ и выяснилъ Хомяковъ. Онъ поднялъ голосъ не противъ *вѣроисповѣданій* Латинскаго и Протестантскаго, а противъ раціонализма, имъ первымъ опознаннаго въ начальныхъ его формахъ, Латинской и Протестантской. Съ нимъ, съ раціонализмомъ, имѣлъ онъ дѣло; для борьбы съ нимъ выковалъ онъ оружіе, единственное годное для этой борьбы; для нея же указалъ онъ и почву, на которой борьба возможна, а успѣхъ несомнѣненъ—потому несомнѣненъ, что эта почва не досчатый помостъ, поставленный на козлахъ, а твердый материкъ Церкви, несомнѣнный въ той же степени, въ какой несомнѣнно, что никакая ошибочная система

о движеніи свѣтилъ небесныхъ не измѣнитъ ихъ обычнаго хода. И не новая это почва, не чужая для васъ; это та самая почва, на которой и вы, наставники, и мы, ученики, стоимъ теперь, стояли всегда *какъ члены Церкви*, но съ которой, къ сожалѣнію, вы дали себя сманить *какъ ученые, какъ школа*. Пора уразумѣть это. Когда крѣпость готовится встрѣтить осаду, гарнизонъ начинаетъ съ того, что самъ налагаетъ руку на предмѣстья: не задумываясь и не давая мѣста неразумной пощадѣ, онъ сноситъ и выжигаетъ всѣ деревянныя хижины, всю соломенную гниль, все ненадежное и неустойчивое, все что̀ снаружи пристроилось къ кремлевской стѣнѣ, и чѣмъ бы непремѣнно воспользовался непріятель для подступа. Пора и намъ, такою же добровольною жертвою, очистить и спасти на поприщѣ духовнаго боя ввѣренную намъ твердыню.

И такъ Хомяковъ—не изолированное явленіе, не прихотливая комета въ кругу богословскихъ свѣтилъ; онъ покончилъ съ Латинствомъ и Протестанствомъ, и въ тоже время онъ открылъ собою новую эру въ исторіи Православной школы, подготовивъ будущую ея побѣду надъ современнымъ раціонализмомъ *).

---

*) Богословскія сочиненія Хомякова, въ незначительномъ ихъ объемѣ, представляютъ необыкновенное богатство содержанія. Во всѣхъ проводится одна тема: „Церковь какъ живой организмъ истины, ввѣренной взаимной любви; иначе: какъ свобода въ единствѣ и единство въ свободѣ; иначе: какъ свобода въ гармоніи ея проявленій“. Затѣмъ развитіе основной темы происходитъ посредствомъ раскрытія ея въ многообразныхъ проявленіяхъ Церкви: въ учительствѣ, въ таинствахъ, въ исторіи и т. д. и посредствомъ противопоставленія явленій церковной жизни параллельнымъ явленіямъ въ Латинствѣ и Протестанствѣ. Наконецъ, помимо главной темы, разсыпано въ тѣхъ же сочиненіяхъ множество намековъ, сужденій, опредѣленій, характеристикъ и критическихъ замѣчаній. Въ этомъ отношеніи Хомяковъ не только не берегъ себя, а напротивъ, разнообразіемъ и множествомъ затрогиваемыхъ имъ мотивовъ, вызывалъ споры и возраженія со всѣхъ сторонъ. Само собою разумѣется, что, указывая на труды его какъ на основаніе для будущаго развитія школы, мы имѣемъ въ виду то, что̀ въ этихъ трудахъ существенно, нисколько не думая отрицать, что въ частностяхъ, подробностяхъ и въ примѣненіяхъ главной идеи, могутъ встрѣтиться неточности, неоправданныя гипотезы, даже ошибки. Затѣмъ мы должны еще просить читателей не забывать, что во всякой полемикѣ положительное начало, въ отдѣльныхъ вопросахъ, часто выказывается,

Теперь, когда мы въ общихъ чертахъ обрисовали значенiе Хомякова по отношенiю къ тому что̀ было до него, что̀ было при немъ и что̀ предстоитъ впереди, читатели въ правѣ потребовать, чтобъ мы опредѣлили его однимъ, заключительнымъ словомъ.

Въ былыя времена, тѣхъ кто сослуживалъ православному мiру такую службу, какую сослужилъ ему Хомяковъ, кому давалось, логическимъ уясненiемъ той или другой стороны церковнаго ученiя, одержать для Церкви надъ тѣмъ или другимъ заблужденiемъ рѣшительную побѣду, тѣхъ называли учителями Церкви. Какъ назовутъ теперь Хомякова—мы не знаемъ.....

„Какъ! Хомяковъ, жившiй въ Москвѣ, на Собачьей площадкѣ, нашъ общiй знакомый, ходившiй въ зипунѣ и мурмолкѣ; этотъ забавный и остроумный собесѣдникъ, надъ которымъ мы такъ шутили и съ которымъ такъ много спорили; этотъ вольнодумецъ, заподозрѣнный полицiею въ невѣрiи въ Бога и въ недостаткѣ патрiотизма; этотъ неисправимый славянофилъ, осмѣянный журналистами за нацiональную исключительность и религiозный фанатизмъ; этотъ скромный мiрянинъ, котораго семь лѣтъ тому назадъ, въ сѣрый, осеннiй день, на Даниловомъ монастырѣ, похоронили пять или шесть родныхъ и друзей, да два товарища его молодости; за гробомъ котораго не видно было ни духовенства, ни ученаго сословiя; о которомъ, черезъ три дня послѣ его похоронъ, Московскiя Вѣдомости, подъ бывшею ихъ редакцiею, отказались перепечатать нѣсколько строкъ, писанныхъ въ Петербургѣ однимъ изъ его друзей; котораго еще недавно, таже газета, подъ нынѣшнею редакцiею, огласила iересiархомъ; этотъ отставной штабъ-ротмистръ, Алексѣй Степановичъ Хомяковъ—учитель Церкви?

Онъ самый.

Называя его этимъ именемъ, мы хорошо знаемъ, что наши слова приняты будутъ одними за дерзкiй вызовъ, другими за выраженiе слѣпаго пристрастiя ученика къ учителю; первые на насъ вознего-

---

какъ будто односторонно и выражается въ опредѣленiяхъ, не исчерпывающихъ всей его сущности. Тоже самое можно встрѣтить и въ брошюрахъ Хомякова; но у него недосказанное въ одномъ мѣстѣ всегда пополняется въ другомъ. Поэтому мы просимъ читателей не произносить окончательнаго сужденiя о той или другой мысли, не прочтя всего и не выразумѣвъ отношенiя ея къ цѣлому. Соображенiе цѣлаго значительно облегчается „Опытомъ катихизическаго изложенiя ученiя о Церкви“, помѣщеннымъ въ началѣ этого тома.

дуютъ, вторые насъ осмѣютъ. Все это мы напередъ знаемъ; но знаемъ и то, что будущія поколѣнія будутъ дивиться не тому, что въ 1867 году кто-то рѣшился сказать это печатно и подписать свое имя, а тому, что было такое время, когда на это могла потребоваться хоть самая малая доля рѣшимости.

Ю. Самаринъ.

Москва.
декабрь 1867 года.

ОПЫТЪ

КАТИХИЗИЧЕСКАГО ИЗЛОЖЕНІЯ УЧЕНІЯ

О

ЦЕРКВИ.

Мы не можемъ опредѣлить въ точности, къ какому году относится этотъ опытъ; но несомнѣнно, что въ сороковыхъ годахъ онъ уже былъ написанъ. А. С. Хомяковъ долго держалъ его въ портфелѣ, такъ что объ немъ не зналъ никто; въ послѣдствіи онъ возъимѣлъ мысль перевести его на Греческій языкъ и напечатать въ Аѳинахъ, но это предположеніе не состоялось. Уже по смерти автора, въ 1864 году, трудъ его изданъ былъ въ „Православномъ Обозрѣніи" подъ заглавіемъ: „О Церкви". Въ подлинной рукописи, въ заголовкѣ, стоитъ „Церковь одна", и мы удерживаемъ это заглавіе. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что это первый трудъ автора по части богословія. Въ немъ изложено въ строгой, сжатой и въ тоже время простой и общедоступной формѣ, все то что́ въ послѣдствіи было имъ такъ блистательно развито въ трехъ его полемическихъ брошюрахъ, изданныхъ за границею на Французскомъ языкѣ. **Пр. издат.**

Церковь одна.

§ 1. Единство Церкви слѣдуетъ необходимо изъ единства Божьяго, ибо Церковь не есть множество лицъ въ ихъ личной отдѣльности, но единство Божіей благодати, живущей во множествѣ разумныхъ твореній, покоряющихся благодати. Дается же благодать и непокорнымъ и не пользующимся ею (зарывающимъ талантъ), но они не въ Церкви.— Единство же Церкви не мнимое, не иносказательное, но истинное и существенное, какъ единство многочисленныхъ членовъ въ тѣлѣ живомъ.

Церковь одна, несмотря на видимое ея дѣленіе для человѣка еще живущаго на землѣ. — Только въ отношеніи къ человѣку, можно признавать раздѣлъ Церкви на видимую и невидимую; единство же ея есть истинное и безусловное. Живущій на землѣ, совершившій земной путь, несозданный для земнаго пути (какъ ангелы), не начинавшій еще земнаго пути (будущія поколѣнія), всѣ соединены въ одной Церкви—въ одной благодати Божіей: ибо еще неявленное твореніе Божіе для Него явно, и Богъ слышитъ молитвы и знаетъ вѣру того, кто еще не вызванъ Имъ изъ небытія къ бытію.—Церковь же, тѣло Христово, проявляется и исполняется во времени, не измѣняя своего существеннаго единства и своей внутренней, благодатной жизни. — Поэтому, когда говорится «Церковь видимая и невидимая», то говорится только въ отношеніи къ человѣку.

§ 2. Церковь видимая или земная живетъ въ совершенномъ общеніи и единствѣ со всѣмъ тѣломъ церковнымъ, коего глава есть Христосъ. Она имѣетъ въ себѣ пребывающаго Христа и благодать Духа Святаго во всей ихъ жизненной полнотѣ, но не въ полнотѣ ихъ проявленій; ибо творитъ и вѣдаетъ не вполнѣ, а сколько Богу угодно.

Такъ какъ Церковь земная и видимая не есть еще полнота и совершеніе всей Церкви, которымъ Господь, назначилъ явиться при конечномъ судѣ всего творенія: то она творитъ и вѣдаетъ только въ своихъ предѣлахъ, не судя остальному человѣчеству (по словамъ Апостола Павла къ Коринѳянамъ) и только признавая отлученными, т. е. не принадлежащими ей, тѣхъ, которые отъ нея сами отлучаются. Остальное же человѣчество, или чуждое Церкви, или связанное съ нею узами, которыя Богъ не изволилъ ей открыть, предоставляетъ она суду великаго дня. Церковь же земная судитъ только себѣ, по благодати Духа и по свободѣ, дарованной ей черезъ Христа, призывая и все остальное человѣчество къ единству и къ усыновленію Божьему во Христѣ: но надъ неслышащими ея призыва не произноситъ приговора, зная повелѣніе своего Спасителя и Главы: «не судить чужому рабу».

§ 3 Съ сотворенія міра пребывала Церковь земная непрерывно на землѣ и пребудетъ до совершенія всѣхъ дѣлъ Божіихъ по обѣщанію, данному ей Самимъ Богомъ. Признаки же ея суть: внутренняя святость, не дозволяющая никакой примѣси лжи, ибо въ ней живетъ духъ истины; и внѣшняя неизмѣнность, ибо неизмѣненъ Хранитель и Глава ея Христосъ.

Всѣ признаки Церкви, какъ внутренніе такъ и внѣшніе, познаются только ею самою и тѣми, которыхъ благодать призываетъ быть ея членами. Для чуждыхъ же и непризванныхъ они непонятны; ибо внѣшнее измѣненіе обряда представляется непризванному измѣненіемъ самаго Духа, прославляющагося въ обрядѣ (какъ напримѣръ, при переходѣ ветхо-завѣтной Церкви въ ново-завѣтную, или при измѣненіи обрядовъ и положеній церковныхъ со временъ апостольскихъ).—Церковь и ея члены знаютъ, внутреннимъ знаніемъ вѣры, единство и неизмѣнность своего духа, который есть духъ Божій. Внѣшніе же и непризванные видятъ и знаютъ измѣненіе внѣшняго обряда внѣшнимъ знаніемъ, не постигающимъ внутренняго, какъ и самая неизмѣнность Божія кажется имъ измѣняемою, въ измѣненіяхъ Его твореній.—Посему, не была и не могла быть

Церковь измѣненною, помраченною или отпадшею, ибо тогда она лишилась быть духа истины. Не могло быть никакаго времени, въ которое она приняла бы ложь въ свои нѣдра, въ которое бы міряне, пресвитеры и епископы подчинились предписаніямъ и ученію несогласнымъ съ ученіемъ и духомъ Христовымъ. Не знаетъ Церкви и чуждъ ей тотъ, кто бы сказалъ, что могло въ ней быть такое оскудѣніе духа Христова. Частное же возстаніе противъ ложнаго ученія, съ сохраненіемъ или принятіемъ другихъ ложныхъ ученій, не есть и не могло быть дѣломъ Церкви: ибо въ ней, по ея сущности, должны были всегда быть проповѣдники и учители и мученики, исповѣдующіе не частную истину съ примѣсью лжи, но полную и безпримѣсную истину. Церковь знаетъ не отчасти-истину и отчасти-ложь, а полную истину и безъ примѣси лжи.—Живущій же въ Церкви не покоряется ложному ученію, не принимаетъ таинства отъ ложнаго учителя; зная его ложнымъ, не слѣдуетъ обрядамъ ложнымъ. И Церковь не ошибается сама, ибо есть истина; не хитритъ и не малодушничаетъ, ибо свята. Точно также Церковь, по своей неизмѣнности, не признаетъ ложью того, что̀ она когда-нибудь признавала за истину; и объявивъ, общимъ соборомъ и общимъ согласіемъ, возможность ошибки въ ученіи какого-нибудь частнаго лица или какого нибудь епископа или патріарха*), она не можетъ признать, что сіе частное лице, или епископъ, или патріархъ, его преемники, не могли впасть въ ошибку по ученію, и что они охранены отъ заблужденія какою нибудь особою благодатію. Чѣмъ святилась бы земля, еслибы Церковь утратила свою святость? И гдѣ бы была истина, еслибы ея нынѣшній приговоръ былъ противенъ вчарашнему? Въ Церкви, то-есть въ ея членахъ, зарождаются ложныя ученія, но тогда зараженные члены отпадаютъ, составляя ересь или расколъ и не оскверняя уже собою святости церковной.

---

*) Какъ напримѣръ: папы Онорія на Халкидонскомъ соборѣ. Тутъ ошибка въ названіи собора: не на Халкидонскомъ, а на Константинопольскомъ Третьемъ 680 г. *изд.*

§ 4. Церковь называется *единою, святою, соборною* (каѳолическою и вселенскою) и *апостольскою*; потому что она едина и свята, потому что она принадлежитъ всему міру, а не какой нибудь мѣстности; потому что ею святятся все человѣчество и вся земля, а не одинъ какой-нибудь народъ, или одна страна; потому что сущность ея состоитъ въ согласіи и въ единствѣ духа и жизни всѣхъ ея членовъ, по всей землѣ, признающихъ ее; потому, наконецъ, что въ писаніи и ученіи апостольскомъ содержится вся полнота ея вѣры, ея упованій и ея любви.

Изъ сего слѣдуетъ, что когда называется какое-нибудь общество Христіанскою Церковью мѣстною, какъ-то Греческою, Россійскою или Сирійскою, такое названіе значитъ только собраніе членовъ Церкви, живущихъ въ такой-то странѣ (Греціи, Россіи, Сиріи и т. д.) и не содержитъ въ себѣ предположенія, будто бы одна община христіанъ могла выразить ученіе церковное или дать ученію церковному догматическое толкованіе безъ согласія другихъ общинъ; еще менѣе предполагается, чтобы какая-нибудь община или пастырь ея могли предписывать свое толкованіе другимъ. Благодать вѣры не отдѣльна отъ святости жизни, и ни одна община и ни одинъ пастырь не могутъ быть признанными за хранителей всей вѣры, какъ ни одинъ пастырь, ни одна община не могутъ считаться представителями всей святости церковной. Впрочемъ, всякая община христіанская, не присвоивая себѣ права догматическаго толкованія или ученія, имѣетъ вполнѣ право измѣнять свои обряды, вводить новые, не вводя въ соблазнъ другія общины; напротивъ, отступая отъ своего мнѣнія и покоряясь ихъ мнѣнію, дабы то, что́ въ одномъ невинно и даже похвально, не показалось виновнымъ другому, и дабы братъ не ввелъ брата въ грѣхъ сомнѣнія и раздора. Единствомъ обрядовъ церковныхъ долженъ дорожить всякій христіанинъ, ибо въ немъ видимо проявляется, даже для непросвѣщеннаго, единство духа и ученія; для просвѣщеннаго же находится источникъ радости живой и христіанской. Любовь есть вѣнецъ и слава Церкви.

§ 5. Духъ Божій, живущій въ Церкви, правящій ею и умудрящій ее, является въ ней многообразао, въ писаніи, преданіи и въ дѣлѣ; ибо Церковь, творящая дѣла Божіи, есть таже Церковь, которая хранитъ преданіе и писала писаніе. Не лица и не множество лицъ въ Церкви хранятъ преданіе и пишутъ, но духъ Божій, живущій въ совокупности церковной. Потому ни въ писаніи искать основы преданію, ни въ преданіи доказательтвъ писанію, ни въ дѣлѣ оправданія для писанія и преданія—нельзя и не должно. Внѣ Церкви живущему не постижимо ни писаніе, ни приданіе, ни дѣло. Внутри же Церкви пребывающему и пріобщенному къ духу Церкви единство ихъ явно по живущей въ ней благодати.

Не предшествуетъ ли дѣло писанію и преданію? Не предшествуетъ ли писанію преданіе? Не угодны ли были Богу дѣла Ноя, Авраама, родоначальниковъ и представителей ветхозавѣтной Церкви? И не существовало ли преданіе у прародителей, начиная отъ перваго родоначальника Адама? Не далъ ли Христосъ свободу человѣкамъ и словесное ученіе, прежде чѣмъ апостолы, писаніями своими, засвидѣтельствовали дѣло искупленія и законъ свободы? Посему между преданіемъ, дѣломъ и писаніемъ, нѣтъ противорѣчія, а совершенное согласіе. Ты понимаешь писаніе, во сколько хранишь преданіе и во сколько творишь дѣла угодныя мудрости въ тебѣ живущей. Но мудрость, живущая въ тебѣ, не есть тебѣ данная лично, но тебѣ, какъ члену Церкви и дана тебѣ отчасти, не уничтожая совершенно твою личную ложь; дана же Церкви въ полнотѣ истины и безъ примѣси лжи. По сему не суди Церкви, но повинуйся ей, чтобы не отнялась отъ тебя мудрость.

Всякій, ищущій доказательствъ церковной истины, тѣмъ самымъ или показываетъ свое сомнѣніе и исключаетъ себя изъ Церкви, или даетъ себѣ видъ сомнѣвающагося, и въ тоже время сохраняетъ надежду доказать истину и дойти до нея собственною силою разума; но силы разума не доходятъ до истины Божіей, и безсиліе человѣческое дѣлается явнымъ въ безсиліи доказательствъ. Принимающій одно писаніе и на немъ одномъ основывающій Церковь, дѣйстви-

тельно отвергаетъ Церковь и надѣется создать ее снова собственными силами; принимающій только преданіе и дѣло и унижающій важность писанія дѣйствительно отвергаетъ также Церковь и становится судьею духа Божьяго, говорившаго писаніемъ. Христіанское же знаніе не есть дѣло разума пытующаго, но вѣры благодатной и живой. Писаніе есть внѣшнее и преданіе внѣшнее и дѣло внѣшнее;—внутреннее же въ нихъ есть одинъ духъ Божій. Отъ преданія одного, отъ писанія или отъ дѣла, можетъ почерпать человѣкъ только знаніе внѣшнее и неполное, которое можетъ въ себѣ содержать истину, ибо отправляется отъ истины, но въ тоже время и необходимо ложно, потому что оно неполно. Вѣрующій знаетъ Истину, невѣрующій же не знаетъ ея или знаетъ ее знаніемъ внѣшнимъ и несовершеннымъ *). Церковь не доказываетъ себя ни какъ писаніе, но какъ преданіе, ни какъ дѣло, но свидѣтельствуется собою, какъ и духъ Божій, живущій въ ней, свидѣтельствуется собою въ писаніи. Не спрашиваетъ Церковь: какое писаніе истинно, какое преданіе истинно, какой соборъ истиненъ и какое дѣло угодно Богу; ибо Христосъ знаетъ Свое достояніе, и Церковь, въ которой живетъ Онъ, знаетъ внутреннимъ знаніемъ и не можетъ не знать своихъ проявленій. Священнымъ Писаніемъ называется собраніе ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ книгъ, которыя Церковь признаетъ своими. Но нѣтъ предѣловъ писанію, ибо всякое писаніе, которое Церковь признаетъ своимъ, есть Священное Писаніе. Таковы, по преимуществу, исповѣданія соборовъ и особенно Никео-Константинопольское. Посему, было до нашего времени Священное Писаніе и, если угодно Богу, будетъ еще Священное Писаніе. Но не было и не будетъ никогда въ Церкви никакого противорѣчія, ни въ писаніи, ни въ преданіи, ни въ

*) Поэтому можетъ и неосвященный духомъ благодати знать истину, какъ и мы надѣемся, что знаемъ ее; но это знаніе само есть ничто иное, какъ предположеніе болѣе или менѣе твердое, какъ мнѣніе, убѣжденіе логическое или знаніе внѣшнее, которое съ знаніемъ внутреннимъ и истиннымъ, съ вѣрою, видящею невидимое, общаго ничего не имѣетъ. Богу одному извѣстно, имѣемъ ли мы и вѣру.

дѣлѣ: ибо во всѣхъ трехъ единый и неизмѣнный Христосъ.

§ 6. Каждое дѣйствіе Церкви, направляемое Духомъ Святымъ, духомъ жизни и истины, представляетъ совокупность всѣхъ его даровъ — вѣры, надежды и любви; ибо въ писаніи проявляется не одна вѣра, но и надежда Церкви и любовь Божія, и въ дѣлѣ богоугодномъ проявляется не любовь одна, но и вѣра и надежда и благодать, и въ живомъ преданіи Церкви, ожидающей вѣнца и совершенія своего отъ Бога во Христѣ, проявляется не надежда одна, но, и вѣра, и любовь. Дары Духа Святаго неразрывно соединены въ одномъ святомъ и живомъ единствѣ; но какъ богоугодное дѣло наиболѣе принадлежитъ любви, какъ богоугодная молитва наиболѣе принадлежитъ надеждѣ, такъ богоугодное исповѣданіе наиболѣе принадлежитъ вѣрѣ и неложно называется исповѣданіе Церкви исповѣданіемъ или Символомъ Вѣры.

Посему должно понимать, что исповѣданіе и молитва и дѣло суть ничто сами по себѣ, но развѣ какъ внѣшнее проявленіе внутренняго духа. Поэтому еще, неугоденъ Богу ни молящійся, ни творящій дѣла, ни исповѣдающій исповѣданіе Церкви, но угоденъ тотъ, кто творитъ и исповѣдуетъ и молится по живущему въ немъ духу Христову. Не у всѣхъ одна вѣра или одна надежда или одна любовь; ибо ты можешь любить плоть, надѣяться на міръ и исповѣдывать ложь; можешь также любить, надѣяться и вѣровать не вполнѣ, а отчасти; и Церковь называетъ твою надежду надеждою, твою любовь любовью, твою вѣру вѣрою; ибо ты ихъ такъ называешь, и она съ тобой о словахъ спорить не будетъ; сама же она называетъ любовь и вѣру и надежду дарами Духа Святаго и знаетъ, что они истинны и совершенны.

§ 7. Святая Церковь исповѣдуетъ вѣру свою всею жизнію своею: ученіемъ, которое внушается Духомъ Святымъ, таинствами, въ которыхъ дѣйствуетъ Духъ Святый, и обрядами, которыми Онъ же управляетъ. По преимуществу же, исповѣданіемъ вѣры называется символъ Никео-Константинопольскій.

Въ символѣ Никео-Константинопольскомъ заключается исповѣданіе ученія церковнаго; но дабы вѣдомо было, что и надежда Церкви отъ ея ученья нераздѣльна, исповѣдуется также и надежда ея: ибо говорится *чаемъ,* а не просто вѣруемъ, что будетъ.

Символъ Никео-Константинопольскій, полное и совершенное исповѣданіе Церкви, изъ котораго она ничего исключить и къ которому ничего прибавить не позволяетъ, есть слѣдующій: «Вѣруемъ во единаго Бога отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ. И во единаго Господа Іисуса Христа, Сына Божія, единороднаго, Иже отъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ, Свѣта отъ Свѣта, Бога истинна отъ Бога истинна, рожденна, не сотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша; насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія сшедшаго съ небесъ, и воплотившагося отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы, и вочеловѣчшася; распятаго же за ны при Понтійстѣмъ Пилатѣ, и страдавша, и погребенна, и воскресшаго въ третій день по Писаніямъ и восшедшаго на небеса, и сѣдяща одесную Отца, и паки, грядущаго со славою судити живымъ и мертвымъ, Его же царствію не будетъ конца. И въ Духа Святаго, Господа животворящаго, Иже отъ Отца исходящаго, Иже со Отцемъ и Сыномъ споклоняема и сславима, глаголавшаго Пророки. Во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь. Исповѣдуемъ едино крещеніе во оставленіе грѣховъ. Чаемъ воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка. Аминь».

Сіе исповѣданіе постижимо, также какъ и вся жизнь духа, только вѣрующему и члену Церкви. Оно содержитъ въ себѣ тайны недоступныя пытливому разуму и открытыя тольку Самому Богу и тѣмъ, кому Богъ ихъ открываетъ для внутренняго и живаго, а не мертваго и внѣшняго познанія. Оно содержитъ въ еебѣ тайну бытія Божьяго, нетолько въ отношеніи къ его внѣшнему дѣйствію на твореніе, но и ко внутреннему вѣчному его существованію. Потому, гордость разума и незаконной власти, присвоившая себѣ въ противность приговору всей Церкви (высказанному на соборѣ Ефесскомъ) право прибавить свои частныя объ-

ясненія и человѣческую догадку къ сумволу Никео-Константинопольскому, уже есть само по себѣ нарушеніе святости и неприкосновенности Церкви. Такъ какъ самая гордость отдѣльныхъ церквей, осмѣлившихся измѣнить сумволъ всей Церкви безъ согласія братіи своихъ, была внушена не духомъ любви и была преступленіемъ предъ Богомъ и Св. Церковью: точно также и ихъ слѣпая мудрость, не постигшая тайны Божіей, была искаженіемъ вѣры; ибо не сохранится вѣра тамъ, гдѣ оскудѣла любовь. Посему прибавленіе словъ *filioque* содержитъ какой-то мнимый догматъ, неизвѣстный никому изъ богоугодныхъ писателей или изъ епископовъ или апостольскихъ преемниковъ въ первые вѣка Церкви, ни сказанный Христомъ Спасителемъ. Какъ Христосъ сказалъ ясно, такъ ясно и исповѣдывала и исповѣдуетъ Церковь, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца: ибо не только внѣшнія, но и внутреннія тайны Божія были открыты Христомъ и духомъ вѣры святымъ апостоламъ и святой Церкви. Когда Ѳеодоритъ назвалъ хулителями всѣхъ исповѣдующихъ исхожденіе Св. Духа отъ Отца и Сына, Церковь, обличавшая многія его заблужденія, въ семъ случаѣ одобрила приговоръ краснорѣчивымъ молчаніемъ *). Не отвергаетъ Церковь, что Духъ Святый посылается не только Отцемъ, но и Сыномъ; не отвергаетъ Церковь, что Духъ Святый сообщается всей разумной твари не отъ Отца токмо, но и черезъ Сына; но отвергаетъ Церковь, чтобы Духъ Святый имѣлъ свое исходное начало въ самомъ Божествѣ не отъ Отца токмо, но и отъ Сына.—Отрекшійся отъ духа любви и лишившій себя даровъ благодати не можетъ уже имѣть внутренняго знанія, т. е. вѣры, но ограничиваетъ себя знаніемъ внѣшнимъ: посему и знать онъ можетъ только внѣшнее, а не внутреннія тайны Божіи. Общины христіанскія, оторвавшіяся отъ Святой Церкви, не могли уже испо-

*) Многозначительно молчаніе Церкви, не опровергающей писателя; но молчаніе это дѣлается рѣшительнымъ приговоромъ, когда Церковь не отвергаетъ приговора произнесеннаго противъ какого бы то ни было ученія;—ибо, не отвергая приговора, она его утверждаетъ всею своею властію.

вѣдывать (такъ какъ и не могли уже постигать духомъ) исхожденіе Духа Святаго отъ Отца одного, въ самомъ Божествѣ; но должны были уже исповѣдывать одно только внѣшнее посланіе Духа во всю тварь, посланіе совершаемое не только отъ Отца, но и черезъ Сына. Внѣшнее закона сохранили онѣ, внутренній же смыслъ и благодать Божію утратили онѣ, какъ въ исповѣданіи, такъ и въ жизни.

§ 8. Исповѣдавъ свою вѣру въ Тріvпостасное Божество, Церковь исповѣдуетъ свою вѣру въ самую себя, потому что она себя признаетъ орудіемъ и сосудомъ божественной благодати и дѣла свои признаетъ за дѣла Божіи, а не за дѣла лицъ, повидимому ее составляющихъ. Въ семъ исповѣданіи она показываетъ, что знаніе объ ея существованіи есть также даръ благодати, даруемой свыше и доступной только вѣрѣ, а не разуму.

Ибо какая бы мнѣ была нужда сказать: вѣрую, когда бы я зналъ? Вѣра не есть ли обличеніе невидивыхъ? Церковь же видимая не есть видимое общество Христіанъ, но духъ Божій и благодать таинствъ, живущихъ въ этомъ обществѣ. Посему и видимая Церковь видима только вѣрующему, ибо для невѣрующаго таинство есть только обрядъ, и церковь только общество. Вѣрующій, хотя глазами тѣла и разума видитъ Церковь только въ ея внѣшнихъ проявленіяхъ, но сознаетъ ее духомъ въ таинствахъ и въ молитвѣ и въ богоугодныхъ дѣлахъ. Посему онъ не смѣшиваетъ ея съ обществомъ носящимъ имя христіанъ, ибо не всякій говорящій «Господи, Господи» дѣйствительно принадлежитъ роду избранному и сѣмени Авраамову. Вѣрою же знаетъ истинный христіанинъ, что Единая, Святая, Соборная, Апостольская Церковь никогда не исчезнетъ съ лица земли до послѣдняго суда всей твари, что она пребываетъ на землѣ невидимо для глазъ плотскихъ и плотски мудрствующаго ума въ видимомъ обществѣ христіанъ; точно также какъ она пребываетъ видимою для глазъ вѣры въ Церкви загробной, невидимой для глазъ тѣлесныхъ. Вѣрою же знаетъ христіанинъ и то, что Церковь земная, хотя и невидима, всегда облечена въ видимый образъ; что не было, не могло быть и не будетъ того времени, въ которое ис-

казились бы таинства, изсякла святость, испортилось ученіе; и что тотъ не христіанинъ, кто не можетъ сказать: гдѣ отъ самаго времени апостольскаго совершались и совершаются святыя таинства, гдѣ хранилось и хранится ученіе, гдѣ возсылались и возсылаются молитвы къ престолу благодати? Святая Церковь исповѣдуетъ и вѣруетъ, что никогда овцы не были лишены своего Божественнаго Пастыря, и что Церковь никогда не могла ни ошибиться по неразумію (ибо въ ней живетъ разумъ Божій), ни покориться ложнымъ ученіямъ по малодушію (ибо въ ней живетъ сила духа Божія).

Вѣруя въ слово обѣтованія Божьяго, назвавшаго всѣхъ послѣдователей Христова ученія друзьями Христа и братьями Его и въ Немъ усыновленными Богу, Святая Церковь исповѣдуетъ пути, которыми угодно Богу приводить падшее и мертвое человѣчество къ возсоединенію въ духѣ благодати и жизни. Посему, помянувъ пророковъ, представителей вѣка ветхозавѣтнаго, она исповѣдуетъ таинства, чрезъ которыя въ ново-завѣтной Церкви Богъ ниспосылаетъ людямъ благодать Свою, и преимущественно исповѣдуетъ она таинство крещенія во очищеніе грѣховъ, какъ содержащее въ себѣ начало всѣхъ другихъ: ибо черезъ крещеніе только вступаетъ человѣкъ въ единство Церкви, хранящей всѣ остальныя таинства.

Исповѣдуя едино крещеніе во оставленіе грѣховъ, какъ таинство, предписанное самимъ Христомъ для вступленія въ Церковь ново-завѣтную, Церковь не судитъ тѣхъ, которые не сдѣлались причастными ей черезъ крещеніе, ибо она знаетъ и судитъ токмо самую себя. Ожесточенность же сердца знаетъ единъ Богъ, и слабости разума судитъ Онъ же, по правдѣ и милости. Многіе спаслись и получили наслѣдство, не принявъ таинство крещенія водою; ибо оно учреждено только для Церкви ново-завѣтной. Отвергающій его, отвергаетъ всю Церковь и духа Божія, живущаго въ ней; но оно не было завѣщано человѣчеству искони или предписано Церкви ветхо-завѣтной. Ибо если кто скажетъ: обрѣзаніе было крещеніемъ ветхо-завѣтнымъ, тотъ отвергаетъ крещеніе для женщинъ (ибо для нихъ не

было обрѣзанія), и что̀ скажетъ онъ о праотцахъ отъ Адама до Авраама, не принявшихъ печати обрѣзанія? И во всякомъ случаѣ не признаетъ ли онъ, что внѣ Церкви ново-завѣтной таинство крещенія не было обязательнымъ? Если онъ скажетъ, что за Церковь ветхо-завѣтную принялъ крещеніе Христосъ, то кто положитъ предѣлъ милосердію Божьему, принявшему на себя грѣхи міра? Обязательно же крещеніе, ибо оно одно есть дверь въ Церковь ново-завѣтную, и въ крещеніи одномъ изъявляетъ человѣкъ свое согласіе на искупляющее дѣйствіе благодати. Посему въ единомъ только крещеніи онъ и спасается.

Впрочемъ, мы знаемъ, что исповѣдуя едино крещеніе, какъ начало всѣхъ таинствъ, мы не отвергаемъ и другихъ; ибо, вѣруя въ Церковь, мы съ нею вмѣстѣ исповѣдуемъ седмь таинствъ, т.-е. крещенія, евхаристіи, рукоположенія, мѵропомазанія, брака, покаянія, елеосвященія. Много есть и другихъ таинствъ; ибо всякое дѣло, совершаемое въ вѣрѣ, любви и надеждѣ, внушается человѣку духомъ Божіимъ и призываетъ невидимую Божію благодать. Но седмь таинствъ совершаются дѣйствительно не однимъ какимъ-нибудь лицемъ, достойнымъ милости Божіей, но всею Церковью въ одномъ лицѣ, хотя и недостойномъ.

О таинствѣ евхаристіи учитъ Святая Церковь, что въ немъ совершается воистинну преложеніе хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христову. Не отвергаетъ она и слова *пресуществленіе*, но не приписываетъ ему того вещественнаго смысла, который приписанъ ему учителями отпадшихъ церквей. Преложеніе хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христову совершается въ Церкви и для Церкви. Принимаешь ли ты освященные дары, или поклоняешься имъ, или думаешь о нихъ съ вѣрою—ты дѣйствительно принимаешь тѣло и кровь Христову и поклоняешься имъ и думаешь о нихъ. Принимаешь ли недостойно—ты дѣйствительно отвергаешь тѣло и кровь Христову; во всякомъ случаѣ, въ вѣрѣ или невѣріи ты освящаешься или осуждаешься тѣломъ и кровію Христовою. Но таинство сіе въ Церкви и для Церкви, а не для внѣшняго міра, не для огня, не для неразумнаго животнаго, не для тлѣнія

и не для человѣка, не слыхавшаго закона Христова. Въ Церкви же самой (говоримъ о Церкви видимой) для избранныхъ и отверженныхъ, святая евхаристія не простое воспоминаніе о таинствѣ искупленія, не присутствіе духовныхъ даровъ въ хлѣбѣ и винѣ, не духовное только воспріятіе тѣла и крови Христовой, но истинное тѣло и кровь. Не духомъ однимъ угодно было Христу соединиться съ вѣрующимъ, но и тѣломъ и кровію, дабы единеніе было полное и не только духовное, но и тѣлесное. Равно противны Церкви и безсмысленныя толкованія объ отношеніяхъ св. таинства къ стихіямъ и тварямъ неразумнымъ (когда таинство учреждено только для Церкви), и духовная гордость, презирающая тѣло и кровь и отвергающая тѣлесное соединеніе со Христомъ. Не безъ тѣла воскреснемъ, и никакой духъ, кромѣ Бога, не можетъ вполнѣ назваться безтѣлеснымъ. Презирающій тѣло грѣшитъ гордостію духа.

О таинствѣ рукоположенія учитъ Святая Церковь, что чрезъ него передается преемственно отъ апостоловъ и самого Христа благодать, совершающая таинства: не такъ, какъ будто никакое таинство не могло совершаться иначе какъ рукоположеніемъ (ибо всякій христіанинъ можетъ чрезъ крещеніе отворить младенцу или Еврею или язычнику дверь Церкви), но такъ, что рукоположеніе содержитъ въ себѣ всю полноту благодати, даруемой Христомъ своей Церкви. Самая же Церковь, сообщающая членамъ своимъ полноту духовныхъ даровъ, назначила, въ силу своей богоданной свободы, различія въ степеняхъ рукоположенія. Иной даръ пресвитеру, совершающему всѣ таинства кромѣ рукоположенія; иной епископу, совершающему рукоположеніе; выше же дара епископскаго нѣтъ ничего.—Таинство даетъ рукоположенному то великое значеніе, что хотя и недостойный, онъ, въ совершеніи своего таинственнаго служенія, дѣйствуетъ уже не отъ себя, но отъ всей Церкви, т. е. отъ Христа, живущаго въ ней. Еслибы прекратилось рукоположеніе, прекратились бы всѣ таинства кромѣ крещенія, и родъ человѣческій оторвался бы

отъ благодати: ибо Церковь сама тогда бы засвидѣтельствовала, что отступился отъ нея Христосъ.

О таинствѣ мѵропомазанія учитъ Церковь, что въ немъ передаются христіанину дары Духа Святаго, утверждающаго его вѣру и внутреннюю святость; таинство же сіе совершается по волѣ св. Церкви не епископами одними, но и пресвитерами, хотя самое мѵро можетъ быть благословенно только епископомъ.

О таинствѣ брака учитъ Святая Церковь, что благодать Божія, благословляющая преемственность поколѣній во временномъ существованіи рода человѣческаго и святое соединеніе мужа и жены для образованія семьи есть даръ таинственный, налагающій на пріемлющихъ его высокую обязанность взаимной любви и духовную святость, чрезъ которую грѣшное и вещественное облекается въ праведность и чистоту. Почему великіе учители Церкви, апостолы признаютъ таинство брака даже у язычниковъ; ибо, запрещая наложничество, они утверждаютъ бракъ между язычниками и христіанами, говоря, что мужъ святится женою вѣрною, и жена мужемъ вѣрнымъ. Сіе слово апостольское не значитъ, чтобы невѣрный спасался своимъ союзомъ съ вѣрующимъ, но что освящается бракъ: ибо святится не человѣкъ а святятся мужъ и жена. Человѣкъ чрезъ другаго человѣка не спасается, но святятся мужъ или жена въ отношеніи самого брака. И такъ, не скверенъ бракъ даже у идолопоклонниковъ; но они не знаютъ сами про милость Божію, данную имъ. Святая же Церковь, чрезъ своихъ рукоположенныхъ служителей, признаетъ и благословляетъ соединеніе мужа и жены, благословленное Богомъ. Посему бракъ не есть обрядъ, но истинное таинство. Получаетъ же оно свое совершеніе въ Святой Церкви, ибо въ ней только совершается въ полнотѣ своей всякая святыня.

О таинствѣ покаянія учитъ Святая Церковь, что безъ него не можетъ очиститься духъ человѣческій отъ рабства грѣха и грѣховной гордости; что не можетъ онъ самъ разрѣшать свои собственные грѣхи (ибо мы властны только осуждать себя, а не оправдывать) и что одна только

Церковь имѣетъ силу оправданія, ибо въ ней живетъ полнота духа Христова. Мы знаемъ, что первенецъ царства небеснаго послѣ Спасителя вошелъ въ святыню Божію осужденіемъ самого себя, т. е. таинствомъ покаянія, сказавъ: «ибо достойное по дѣломъ нашимъ приняли» и получивъ разрѣшеніе отъ Того, Кто можетъ одинъ разрѣшать и разрѣшаетъ устами своей Церкви.

О таинствѣ елеосвященія учитъ Святая церковь, что въ немъ совершается благословеніе всего подвига, совершеннаго человѣкомъ на землѣ, и всего пути, имъ пройденнаго въ вѣрѣ и смиреніи, и что въ елеосвященіи выражается самый судъ божественный надъ земнымъ составомъ человѣка, исцѣляя его, когда всѣ средства цѣлебныя безсильны, или дозволяя смерти разрушить тлѣнное тѣло, уже ненужное для земной Церкви и для тайныхъ путей Божіихъ.

§ 9. Церковь живетъ даже на землѣ не земною человѣческою жизнію, но жизнію божественною и благодатною. Посему не только каждый изъ членовъ ея, но и вся она торжественно называетъ себя Святою. Видимое ея проявленіе содержится въ таинствахъ: внутренняя же жизнь ея въ дарахъ Духа Святаго, въ вѣрѣ, надеждѣ и любви. Угнетаемая и преслѣдуемая внѣшними врагами, не разъ возмущенная и разорванная злыми страстями своихъ сыновъ, она сохранялась и сохраняется неколебимо и неизмѣнно тамъ, гдѣ неизмѣнно хранятся таинства и духовная святость — никогда не искажается и никогда не требуетъ исправленія. Она живетъ не подъ закономъ рабства, но подъ закономъ свободы, не признаетъ надъ собой ни чьей власти кромѣ собственной, ни чьего суда кромѣ суда вѣры (ибо разумъ ея не постигаетъ), и выражаетъ свою любовь, свою вѣру и свою надежду въ молитвахъ и обрядахъ, внушаемыхъ ей духомъ истины и благодатью Христовою. Посему, самые обряды ея, хотя и не неизмѣнны (ибо созданы духомъ свободы и могутъ измѣняться по суду Церкви), никогда и ни въ какомъ случаѣ не могутъ содержать въ себѣ какую-нибудь, хотя малѣйшую, примѣсь лжи или ложнаго ученія. Обряды же, еще неизмѣненные, обяза-

тельны для членовъ Церкви ибо въ ихъ соблюденіи радость святаго единства.

Внѣшнее единство есть единство проявленное въ общеніи таинствъ; внутреннее же единство есть единство духа. Многіе спаслись (напр. нѣкоторые мученики), не пріобщившись ни одному изъ таинствъ Церкви (даже и крещенію), но никто не спасается, не пріобщившись внутренней святости церковной, ея вѣрѣ, надеждѣ и любви; ибо не дѣла спасаютъ, а вѣра. Вѣра же не двояка, но едина, — истинная и живая. Посему неразумны и тѣ, которые говорятъ, что вѣра одна не спасаетъ, но еще нужны дѣла, и тѣ, которые говорятъ, что вѣра спасаетъ кромѣ дѣлъ: ибо если дѣлъ нѣтъ, то вѣра оказывается мертвою; если мертва, то и неистинна, ибо въ истинной вѣрѣ Христосъ, истинна и животъ; если же не истинная, то ложная т. е. внѣшнее знаніе. А ложь ли можетъ спасти? Если же истинная, то живая, т. е. творящая дѣла, а если она творитъ дѣла, то какія еще дѣла потребны? Боговдохновенный апостолъ говоритъ: «покажи мнѣ отъ дѣлъ твоихъ вѣру, которою ты хвалишься, какъ и я показываю вѣру свою отъ дѣлъ своихъ». Признаетъ ли онъ двѣ вѣры? Нѣтъ, но обличаетъ неразумную похвальбу. «Ты вѣришь въ Бога, но и бѣсы вѣрятъ». Признаетъ ли онъ вѣру въ бѣсахъ? Нѣтъ, но уличаетъ ложь, хвалящуюся качествомъ, которое и бѣсы имѣютъ. «Какъ тѣло безъ души мертво, такъ и вѣра безъ дѣлъ». Сравниваетъ ли онъ вѣру съ тѣломъ, а дѣла съ духомъ? Нѣтъ; ибо такое подобіе было бы невѣрно, но смыслъ словъ его ясенъ. Какъ тѣло бездушное не есть уже человѣкъ и человѣкомъ назваться не можетъ, но трупомъ; такъ и вѣра, не творящая дѣлъ, истинной вѣрой назваться не можетъ, но ложною, т. е. знаніемъ внѣшнимъ, безплоднымъ и доступнымъ даже бѣсамъ. Что писано просто, то должно быть и читано просто. Посему тѣ, которые основываются на апостолѣ Іаковѣ для доказательства, что есть вѣра мертвая и вѣра живая и будто двѣ вѣры, не постигаютъ смысла словъ апостольскихъ; ибо не за нихъ, но противъ нихъ свидѣтельствуетъ апостолъ. Также, когда великій апостолъ языковъ

говоритъ: «какая польза безъ любви, даже въ такой вѣрѣ, которая двигала бы горы?» онъ не утверждаетъ возможности такой вѣры безъ любви; но, предполагая ее, объявляетъ безполезною. Не духомъ мудрости мірской, спорящей о словахъ, должно быть читано святое писаніе, но духомъ мудрости Божіей и простоты духовной. Апостолъ, опредѣляя вѣру, говоритъ: «она есть невидимыхъ обличеніе и утвержденіе уповаемыхъ» (не ожидаемыхъ токмо или будущихъ); если же уповаемъ, то желаемъ; если же желаемъ, то любимъ: ибо нельзя желать того, чего не любишь. Или бѣсы имѣютъ также упованіе? — Посему вѣра одна, и когда спрашиваемъ: «можетъ ли истинная вѣра спасать кромѣ дѣлъ?» то дѣлаемъ вопросъ неразумный, или, лучше сказать, ничего не спрашиваемъ; ибо вѣра истинная есть живая, творящая дѣла: она есть вѣра во Христѣ и Христосъ въ вѣрѣ.

Тѣ, которые приняли за вѣру истинную мертвую вѣру, т. е. ложную или внѣшнее знаніе, дошли въ своемъ заблужденіи до того, что изъ сей мертвой вѣры, сами того не зная, сдѣлали восьмое таинство. Церковь имѣетъ вѣру, но вѣру живую, ибо она же имѣетъ и святость. Когда же одинъ человѣкъ, или одинъ епископъ имѣетъ непремѣнно вѣру, что должны мы сказать? Имѣетъ ли онъ святость? Нѣтъ, ибо онъ ославленъ преступленіемъ и развратомъ. Но вѣра въ немъ пребываетъ, хотя и въ грѣшникѣ. Итакъ вѣра въ немъ есть осьмое таинство, какъ и всякое таинство есть дѣйствіе Церкви въ лицѣ, хотя и недостойномъ. Чрезъ сіе таинство какая же вѣра въ немъ пребываетъ? Живая? Нѣтъ, ибо онъ преступникъ; но вѣра мертвая, т. е. внѣшнее знаніе, доступное даже бѣсамъ. И это ли будетъ осьмое таинство? Такъ отступленіе отъ истины само собою наказывается *).

*) Какъ непрогрѣшимость въ мертвой вѣрѣ есть сама по себѣ ложь, такъ мертвенность ея выражается и тѣмъ, что эта непогрѣшимость связана съ предметами мертвой природы, съ мѣстомъ жительства, или съ мертвыми стѣнами, или съ преемствомъ епархіальнымъ, или съ престоломъ. Но мы знаемъ, кто во время Христовыхъ страданій сидѣлъ на престолѣ Моисеевомъ.

Должно разумѣть, что спасаетъ не вѣра и не надежда и не любовь (ибо спасетъ ли вѣра въ разумъ, или надежда на міръ или любовь къ плоти?), но спасаетъ предметъ вѣры. Вѣруешь ли во Христа—Христомъ спасаешься въ вѣрѣ; вѣруешь ли въ Церковь—Церковью спасаешься; вѣруешь ли въ таинства Христовы—ими спасаешься: ибо Христосъ Богъ нашъ въ Церкви и въ таинствахъ. Ветхозавѣтная Церковь спасалась вѣрою въ будущаго Искупителя. Авраамъ спасался тѣмъ же Христомъ, какъ и мы. Онъ имѣлъ Христа въ упованіи, мы же въ радости. Посему желающій крещенія крестится въ желаніи; принявшій крещеніе имѣетъ крещеніе въ радости. Обоихъ спасаетъ одинаковая вѣра въ крещеніе, но скажешь: «если вѣра въ крещеніе спасаетъ, къ чему еще креститься» Если ты не принимаешь крещенія, чего же ты желалъ? Очевидно, что вѣра, желающая крещенія, должна совершиться въ принятіи самого крещенія — своей радости. Посему и домъ Корниліевъ принялъ Духа Святаго, не принявши еще крещенія, а каженикъ исполнился того же Духа вслѣдъ за крещеніемъ. Ибо Богъ можетъ прославить таинство крещенія до его совершенія, точно также какъ и послѣ. Такъ исчезаетъ разница между opus operans и opus operatum. Знаемъ мы, что многіе не крестили младенцевъ и многіе не допускали ихъ къ причащенію св. таинъ, и многіе не мѵропомазывали ихъ; но иначе разумѣетъ Св. Церковь, крестящая и мѵропомазывающая и допускающая младенцевъ къ причащенію. Не потому такъ положила она, чтобы осуждала некрещенныхъ младенцевъ, коихъ ангелы всегда видятъ лице Божіе; но положила сіе по духу любви въ ней живущему, дабы и первая мысль младенца, входящаго въ разумъ, была уже не только желаніемъ, но и радостью за принятыя уже таинства. И знаешь ли ты радость младенца, еще, повидимому, не вошедшаго въ разумъ? Не возрадовался ли о Христѣ еще нерожденный пророкъ? Отняли же у младенцевъ крещеніе и мѵропомазаніе и причащеніе св. даровъ тѣ, которые, наслѣдовавъ слѣпую мудрость слѣпаго язычества, не постигли величія таинствъ Божіихъ, требовали во всемъ причи-

ны и пользы и, подчиняя ученіе Церкви толкованіямъ схоластическимъ, не желаютъ даже молиться, если не видятъ въ молитвѣ прямой цѣли и выгоды. Но нашъ законъ не есть законъ рабства или наемничества, трудящагося за плату, но законъ усыновленія и свободной любви.

Мы знаемъ, когда падаетъ кто изъ насъ, онъ падаетъ одинъ; но никто одинъ не спасается. Спасающійся же спасается въ Церкви, какъ членъ ея, и въ единствѣ со всѣми другими ея членами. Вѣруетъ ли кто, онъ въ общеніи вѣры; любитъ, ли, онъ въ общеніи любви; молится ли, онъ въ общеніи молитвы. Посему, никто не можетъ надѣяться на свою молитву, и всякій моляся проситъ всю Церковь о заступленіи, не такъ какъ будто бы сомнѣвался въ заступничествѣ единаго ходатая Христа, но въ увѣренности, что вся Церковь всегда молится за всѣхъ своихъ членовъ. Молятся за насъ всѣ ангелы и апостолы и мученики и праотцы и всѣхъ высшая Мать Господа нашего, и это святое единеніе есть истинная жизнь Церкви. Но если безпрестанно молится Церковь видимая и невидимая, зачѣмъ же просимъ ее о молитвахъ? Не просимъ ли милости у Бога и Христа, хотя милость Его предваряетъ нашу молитву? Потому именно и просимъ Церковь о молитвахъ, что знаемъ, что она и непросящему даетъ помощь своего заступленія и просящему даетъ несравненно болѣе, чѣмъ онъ проситъ: ибо въ ней полнота духа Божьяго, Такъ и прославляемъ всѣхъ, кого Господь прославилъ и прославляетъ: ибо какъ скажемъ, что Христосъ въ насъ живетъ, если не уподобляемся Христу? Посему, прославляемъ святыхъ и ангеловъ и пророковъ, но болѣе всѣхъ чистѣйшую Мать Господа Іисуса, не признавая Ее или безгрѣшною, по рожденію, или совершенною (ибо безгрѣшенъ и совершенъ одинъ Христосъ); но помня, что ея непонятное превосходство передъ всѣмъ Божіимъ твореріетъ засвидѣтельствовано ангеломъ и Елисаветою и болѣе всего самимъ Спасителемъ, назначившимъ ей въ сыновное повиновеніе и службу великаго своего апостола и тайновидца Іоанна.

Также какъ каждый изъ насъ требуетъ молитвы отъ всѣхъ, такъ и онъ всѣмъ долженъ своими молитвами, живымъ и усопшимъ и даже еще нерожденнымъ; ибо, прося, чтобы міръ пришелъ въ разумъ Божій (какъ мы просимъ со всею Церковью), просимъ не за одни настоящія поколѣнія, но и за тѣ, которыя Богъ еще вызоветъ къ жизни. Молимся за живыхъ, дабы была на нихъ благодать Господа, и за усопшихъ, чтобы были они удостоены лицезрѣнія Божіяго, Не знаемъ мы о среднемъ состояніи душъ, не принятыхъ въ царство Божіе и не осужденныхъ на муку, ибо о такомъ состояніи не получили мы ученія отъ апостоловъ или отъ Христа; не признаемъ чистилища, т. е. очищенія душъ страданіями, отъ которыхъ можно откупиться дѣлами своими или чужими: ибо Церковь не знаетъ ни про спасеніе какими бы то ни было внѣшними средствами или страданіями, кромѣ Христовыхъ, ни про торгъ съ Богомъ, откупающійся отъ страданія добрымъ дѣломъ.

Все сіе язычество остается при наслѣдникахъ языческой мудрости, при людяхъ, гордящихся мѣстомъ и именемъ и областью, при учредителяхъ осьмаго таинства мертвой вѣры. Мы же молимся въ духѣ любви, зная, что никто неспасется иначе, какъ молитвою всей Церкви, въ которой живетъ Христосъ, зная и уповая, что покуда не пришло совершеніе временъ, всѣ члены Церкви, живые и усопшіе, непрестанно совершенствуются взаимною молитвою. Много выше насъ святые, прославленные Богомъ; выше же всего Св. Церковь, вмѣщающая въ себѣ всѣхъ святыхъ и молящаяся за всѣхъ, какъ видно въ боговдохновенной литургіи. Въ молитвѣ ея слышится и наша молитва, какъ бы мы ни были недостойны называться сынами Церкви. Если, покланяясь и славя святыхъ, мы просимъ, дабы прославилъ ихъ Богъ, мы не подпадаемъ обвиненію въ гордости; ибо намъ, получившимъ позволеніе называть Бога Отцемъ, дано также позволеніе молиться: «да святится имя Его, да пріидетъ Царствіе Его и да будетъ воля Его». И если намъ позволено просить Бога, да прославитъ Онъ имя Свое, и совершаетъ волю Свою: кто намъ запретитъ просить,

да прославитъ Онъ Своихъ святыхъ и да упокоитъ Онъ Своихъ избранныхъ? За неизбранныхъ же не молимся, какъ и Христосъ молился не о всемъ мірѣ, но о тѣхъ, кого далъ Ему Господь. Не говори: «какую молитву удѣлю живому или усопшему, когда моей молитвы недостаточно и для меня?» Ибо неумѣющій молиться, къ чему молился бы ты и за себя? Молится же въ тебѣ духъ любви. Также не говори: «къ чему моя молитва другому, когда онъ самъ молится, и за него ходатайствуетъ самъ Христосъ?» Когда ты молишься, въ тебѣ молится духъ любви. Не говори: «суда Божьяго уже измѣнить нельзя»; ибо твоя молитва сама въ путяхъ Божіихъ, и Богъ ее предвидѣлъ. Если ты членъ Церкви, то молитва твоя необходима для всѣхъ ея членовъ. Если же скажетъ рука, что ей не нужна кровь остальнаго тѣла, и она своей крови ему не дастъ, рука отсохнетъ. Такъ и ты Церкви необходимъ, покуда ты въ ней; а если ты отказываешься отъ общенія, ты самъ погибаешь и не будешь уже членомъ Церкви. Церковь молится за всѣхъ, и мы всѣ вмѣстѣ молимся за всѣхъ; но молитва наша должна быть истинною и истиннымъ выраженіемъ любви, а не словеснымъ обрядомъ. Не умѣя всѣхъ любить, мы молимся о тѣхъ, кого любимъ, и молитва наша нелицемѣрна; просимъ же Бога, дабы можно было намъ всѣхъ любить и за всѣхъ молиться нелицемѣрно. Кровь же Церкви—взаимная молитва, и дыханіе ея—славословіе Божіе. Молимся въ духѣ любви, а не пользы, въ духѣ сыновней свободы, а не закона наемническаго, просящаго платы. Всякій спрашивающій: «какая польза въ молитвѣ?» признаетъ себя рабомъ. Молитва истинная есть истинная любовь.

Выше всего любовь и единеніе, любовь же выражается многообразно: дѣломъ, молитвою и пѣснію духовною. Церковь благословляетъ всѣ эти выраженія любви. Если ты не можешь выразить своей любви къ Богу словомъ, а выражаешь ее изображеніемъ видимымъ, т. е. иконою, осудитъ ли тебя Церковь? Нѣтъ; но осудитъ осуждающаго тебя, ибо онъ осуждаетъ твою любовь. Знаемъ, что и безъ иконы можно спастись и спасались, и если любовь

твоя не требуетъ иконы, спасешься и безъ иконы; если же любовь брата твоего требуетъ иконы, ты, осуждая любовь брата, самъ себя осуждаешь; и если ты, будучи христіаниномъ, не смѣешь слушать безъ благоговѣнія молитву или духовную пѣснь, сложенную братомъ твоимъ, какъ смѣешь ты смотрѣть безъ благоговѣнія на икону, созданную его любовью, а не художествомъ? Самъ Господь, знающій тайну сердецъ, благоволилъ не разъ прославить молитву или псаломъ: запретишь ли Ему прославить икону или гробы святыхъ? Скажешь ты: «Ветхій Завѣтъ запретилъ изображеніе Божіе»; но ты, болѣе Св. Церкви понимающій слова ея (т. е. писанія), не понимаешь ли, что не изображеніе Божіе запретилъ Ветхій Завѣтъ (ибо позволилъ и херувимовъ и мѣднаго змія и писаніе имени Божьяго), но запретилъ человѣку созидать себѣ Бога на подобіе какого бы то ни было предмета земнаго или небеснаго, видимаго или даже воображаемаго.

Пишешь ли ты икону для напоминовенія о невидимомъ и невообразимомъ Богѣ,—ты не творишь себѣ кумира. Воображаешь ли себѣ Бога и думаешь, что Онъ похожъ на твое воображеніе, ты ставишь себѣ кумиръ,—таковъ смыслъ запрещенія ветхо-завѣтнаго. Икона же (красками писанное имя Божіе), или изображеніе святыхъ его, созданное любовію, не запрещается духомъ истины. Не говори: «перейдутъ-де христіане къ идолопоклонству»; ибо духъ Христовъ, хранящій Церковь, премудрѣе твоей расчетливой мудрости.—Посему можешь и безъ иконы спастись, но не долженъ ты отвергать иконы.

Церковь принимаетъ всякій обрядъ, выражающій духовное стремленіе къ Богу, также какъ принимаетъ молитву и икону; но выше всѣхъ обрядовъ признаетъ она св. литургію, въ которой выражается вся полнота ученія и духа церковнаго и выражается не условными какими нибудь знаками или символами, но словомъ жизни и истины, вдохновеннымъ свыше. Только тотъ понимаетъ Церковь, кто понимаетъ литургію. Выше же всего единеніе святости и любви.

§ 10. Святая Церковь, исповѣдуя, что она чаетъ воскресенія мертвыхъ и окончательнаго суда надъ всѣмъ человѣчествомъ, признаетъ, что совершеніе всѣхъ ея членовъ исполнится съ совершеніемъ ея самой, и что жизнь будущая принадлежитъ не духу только, но и тѣлу духовному; ибо одинъ Богъ есть духъ совершенно безтѣлесный. Посему она отвергаетъ гордость тѣхъ, которые проповѣдуютъ ученіе о безтѣлесности за гробомъ и слѣдовательно презираютъ тѣло, въ коемъ воскресъ Христосъ. Тѣло сіе не будетъ тѣломъ плотскимъ, но будетъ подобно тѣлесности ангеловъ, какъ и самъ Христосъ сказалъ, что мы будемъ подобны ангеламъ.

Въ послѣднемъ судѣ явится въ полнотѣ своей оправданіе наше по Христѣ; не освященіе только, но и оправданіе: ибо никто не освятился и не освящается вполнѣ, но еще нужно и оправданіе. Все благое творитъ въ насъ Христосъ, въ вѣрѣ ли, надеждѣ ли, или любви; мы же только покоряемся Его дѣйствію; но никто вполнѣ не покоряется. Посему нужно еще и оправданіе Христовыми страданіями и кровію. Кто же еще можетъ говорить о заслугѣ собственныхъ дѣлъ или о запасѣ заслугъ и молитвъ? Только тѣ, которые живутъ еще подъ закономъ рабства. Все благое творить въ насъ Христосъ; мы же никогда вполнѣ не покоримся, никто, даже святые, какъ сказалъ самъ Спаситель. Все творитъ благодать, и благодать дается даромъ и дается всѣмъ, дабы никто не могъ роптать, но не всѣмъ равно, не по предопредѣленію, а по предвѣдѣнію, какъ говоритъ апостолъ. Меньшій же талантъ данъ тому, въ комъ Господинъ предвидѣлъ нерадѣніе, дабы отверженіе большаго дара не послужило къ большему осужденію. И мы сами не растимъ дарованныхъ талантовъ, но они отдаются купцамъ, чтобы и тутъ не могло быть нашей заслуги, но только не сопротивленіе благодати растущей. Такъ изчезаетъ разница между благодатію «достаточною и дѣйствующею». Все творитъ благодать. Покоряешься ли ей, въ тебѣ совершается Господь и совершаетъ тебя; но не гордись своею покорностію, ибо и покорность твоя отъ благодати. Вполнѣ же никогда не

покоряемся; посему, кромѣ освященія — еще просимъ и оправданія.

Все совершается въ совершеніе общаго суда, и духъ Божій, т. е. духъ вѣры, надежды и любви, проявится во всей своей полнотѣ, и всякій даръ достигнетъ полнаго своего совершенства: — надъ всѣмъ же будетъ любовь. Не должно однакоже думать, чтобы дары Божіи, вѣра и надежда погибли (ибо они не раздѣльны съ любовью), но одна любовь сохраняетъ свое имя, а вѣра, пришедшая въ совершенство, будетъ уже полнымъ, внутреннимъ вѣдѣніемъ и видѣньемъ; надежда же будетъ радостью: ибо мы и на землѣ знаемъ, что чѣмъ сильнѣе она, тѣмъ радостнѣе.

§ 11. По волѣ Божіей Св. Церковь, послѣ отпаденія многихъ расколовъ и Римскаго патріаршества, сохранилась въ эпархіяхъ и въ патріаршествахъ Греческихъ, и только тѣ общины могутъ признавать себя вполнѣ христіанскими, которыя сохраняютъ единство съ восточными патріаршествами или вступаютъ въ сіе единство. Ибо одинъ Богъ, и одна Церковь, и нѣтъ въ ней ни раздора, ни разногласія.

По сему Церковь называется Православною или Восточною или Греко-Россійскою; но всѣ сіи названія суть только названія временныя. Не должно обвинять Церковь въ гордости, потому что она себя называетъ Православною, ибо она же себя называетъ Святою. Когда исчезнутъ ложныя ученія, не нужно будетъ и имя Православія; ибо ложнаго Христіанства не будетъ. Когда распространится Церковь или войдетъ въ нее полнота народовъ, тогда исчезнутъ всѣ мѣстныя наименованія; ибо не связывается Церковь съ какою-нибудь мѣстностью и не хвалится какою-нибудь отдѣльною эпархіею или областью, и не хранитъ наслѣдства языческой гордости; но она называетъ себя Единою, Святою, Соборною и Апостольскою, зная, что ей принадлежитъ весь міръ и что никакая мѣстность не имѣетъ особаго какого-нибудь значенія, но временно только можетъ служить и служитъ для прославленія имени Божьяго, по Его неисповѣдимой волѣ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

ПРАВОСЛАВНАГО ХРИСТІАНИНА

О

ЗАПАДНЫХЪ ВѢРОИСПОВѢДАНІЯХЪ.

По поводу брошюры г. Лоранси.

1853.

Переводъ съ Французскаго.

Эта статья А. С. Хомякова послана была для напечатанія въ Женеву, на имя издателей твореній извѣстнаго протестантскаго проповѣдника и ученаго Вине (Vinet); но оказалось, что сочиненія Вине были собраны и обнародованы нѣкоторыми изъ близкихъ его друзей и почитателей, а не книгопродавцемъ-издателемъ. Вслѣдствіе этого, рукопись была отослана въ Парижъ къ типографщику-издателю Мейрюесу и К°., у котораго печатались сочиненія Вине и который, принявъ на себя изданіе статьи А. С. Хомякова, предпослалъ ей объясненіе, въ нижеслѣдующей замѣткѣ изложенное. Статья появилась подъ заглавіемъ: Quelques mots par un chrétien orthodoxe sur les communions occidentales à l'occasion d'une brochure de m. Laurentie. Paris 1853. Imprimerie de Ch. Meyrueis et C°, Rue Tronchet, 2.

Пр. Переводч.

Замѣтка издателей французскаго подлинника.

Сочиненіе, предлагаемое нами публикѣ, писано христіаниномъ, принадлежащимъ къ Русской Церкви. Онъ возстаетъ въ одно время противъ Протестантства и противъ Романизма. Намъ оно было передано съ просьбою издать его; но, ознакомившись съ его содержаніемъ, мы долго колебались принять это порученіе. Намъ претило сдѣлаться, если не органами, то посредниками въ полемикѣ, направленной противъ самыхъ началъ нашей дорогой и славной Реформы.

Съ другой стороны, высокое настроеніе духа, выдержанное авторомъ въ спорѣ, и неподдѣльное христіанское чувство, отличающее его сочиненіе, наводили на насъ серьезное *искушеніе* открыть великодушно поприще состязанія этому новому, столь нечаянно появившемуся противнику. Намъ приходило на мысль, что, въ великомъ спорѣ о Церкви, нужно непремѣнно выслушать каждое вѣроисповѣданіе, что этого требуютъ не только добросовѣстность, но и общая польза, то есть торжество истины.

Однако, думали мы, какъ бы не изумились и даже не оскорбились наши единовѣрцы, протестанты, увидавъ, что мы приняли на себя изданіе подобнаго сочиненія? Это послѣднее недоумѣніе сдерживало насъ еще болѣе, чѣмъ личное наше нерасположеніе, почти уже побѣжденное вышеприведенными соображеніями. Будучи лично свободны и, въ тоже время, чувствуя себя какъ-бы связанными совѣстью другихъ, мы колебались, не зная на что рѣшиться. Въ это самое время, другъ автора, отъ котораго незадолго передъ тѣмъ мы получили рукопись и которому мы сознались въ нашемъ раздумьѣ, объяснивъ ему и причины,

его породившія, сообщилъ намъ прилагаемое письмо съ разрѣшеніемъ обнародовать его. Это письмо, какъ увидятъ читатели, адресовано было на имя издателя твореній г. Вине и заключало въ себѣ просьбу издать и настоящее сочиненіе. Но извѣстно, что друзья нашего великаго писателя (Вине), предпринявъ изданіе его твореній, взяли на себя этотъ трудъ (отнюдь не входившій въ кругъ ихъ обыкновенныхъ занятій) единственно изъ любви къ его памяти и изъ благоговѣйнаго участія къ его семьѣ. Поэтому они не могли исполнить желанія, съ которымъ авторъ къ нимъ обращался, и это обстоятельство навело на мысль, за отсутствіемъ издателей сочиненій г. Вине, обратиться для обнародованія настоящей брошюры къ лицу, завѣдывавшему ихъ печатаніемъ.

Послѣ этихъ немногихъ объясненій, которыхъ мы, для очистки нашей совѣсти, не могли миновать, остается лишь сообщить письмо, служащее къ нимъ дополненіемъ. Оно вполнѣ разрѣшило наши сомнѣнія, тѣмъ болѣе, что авторъ, какъ будто предугадывая ихъ, съ одной стороны затронулъ тѣ самыя чувства (естественно въ насъ родившіяся), которыми онѣ были заранѣе поколеблены, съ другой—сослался на досточтимое имя человѣка, который болѣе чѣмъ кто либо укрѣпилъ въ насъ эти чувства и подвинулъ не однихъ христіанъ протестанскаго исповѣданія, нò, какъ видно, и другихъ, на пути свободнаго обнаруженія религіозныхъ убѣжденій, по праву и по долгу.

Всякій, кому дорога свобода совѣсти, по прочтеніи этого письма конечно одобритъ нашъ поступокъ.

Мы почитаемъ за счастье, что намъ представился случай почтить эту драгоцѣнную свободу, давъ возможность высказаться впервые между нами раздающемуся голосу человѣка, котораго благородный характеръ и живая вѣра, запечатлѣнные на страницахъ, имъ писанныхъ, внушаютъ намъ почтеніе и сочувствіе, неразлучно сопровождающія, даже при существенныхъ разномысліяхъ, духовное общеніе во Христѣ.

К. Мейрюесъ и Ко

Парижъ, Октябрь 1853.

Письмо автора къ издателю сочиненій Вине.

Въ борьбѣ религіозныхъ ученій, на которыя распадается Европа, не слышно голоса восточной Церкви. Молчаніе ея весьма естественно, такъ какъ всѣ органы, черезъ посредство которыхъ высказывается Европейская мысль (разумѣя подъ этимъ писателей и издателей), принадлежатъ или къ Римскому, или къ различнымъ протестантскимъ исповѣданіямъ. Желая, въ мѣру силъ моихъ, восполнить этотъ пробѣлъ въ общей области религіозной мысли, но не имѣя ни съ кѣмъ сношеній внѣ моего отечества, я рѣшаюсь обратиться къ вамъ, м. г., съ просьбою взять на себя изданіе небольшой, мною написанной, брошюры, касающейся нѣкоторыхъ религіозныхъ вопросовъ. Смѣю надѣяться, что, при всемъ различіи въ мнѣніяхъ между вами и мною, издатель твореній г. Вине (человѣка, котораго высокій умъ и благородная, чистая душа, можетъ быть, нигдѣ такъ искренно не цѣнятся, какъ въ Россіи) не откажетъ мнѣ въ томъ, что кажется мнѣ дѣломъ справедливости, притомъ такимъ дѣломъ, которое удостоилось бы одобренія этого великаго проповѣдника евангельскаго слова. Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ, которое дойдетъ до васъ черезъ Оксфордъ и Лондонъ, вы получите рукопись, о напечатаніи которой смѣю васъ просить, и вексель на покрытіе расходовъ по изданію.

Я не скрываю отъ себя, что мое обращеніе къ вамъ можетъ показаться страннымъ; но на случай, если вы благоволите принять порученіе, которое осмѣливается возлагать на васъ неизвѣстное вамъ лице, позвольте попросить васъ также доставить нѣсколько экземпляровъ моего сочиненія по прилагаемымъ адресамъ. Примите, м. г., увѣреніе въ признательности, на которую право я заранѣе признаю за вами, и вмѣстѣ въ глубокомъ уваженіи, съ коими честь имѣю быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

Неизвѣстный.

Мая 7 (стар. ст.) 1853. Россія.

Когда взводится клевета на цѣлую страну, частныя лица, граждане этой страны, имѣютъ несомнѣнное право за нее заступиться; но столько же имѣютъ они и права встрѣтить клевету молчаніемъ, предоставивъ времени оправданіе ихъ отечества. Молчаніе, въ этомъ случаѣ, не можетъ обратиться ему въ ущербъ, тѣмъ болѣе, что въ лицѣ своего правительства и оффиціальныхъ своихъ представителей, каждая страна пользуется защитою власти, на которой лежитъ обязанность блюсти ея достоинство и оборонять ея интересы. Человѣчество также не можетъ понести никакого ущерба отъ болѣе или менѣе лживыхъ обвиненій, взводимыхъ на страну или народъ невѣжествомъ или недоброжелательствомъ.

Иное дѣло въ области вѣры или Церкви. Какъ откровеніе Божественной истины на землѣ, будучи предназначена, по самому существу своему, сдѣлаться общимъ отечествомъ для всѣхъ людей, Церковь ни одному изъ чадъ своихъ не разрѣшаетъ молчанія передъ клеветою, противъ нея направленною и клонящеюся къ извращенію ея догматовъ или ея началъ. Область государства — земля и вещество; его оружіе—мечъ вещественный. Единственная область Церкви— душа; единственный мечъ, которымъ она можетъ пользоваться, который и врагами ея можетъ быть съ нѣкоторымъ успѣхомъ противъ нея обращаемъ, есть слово. Поэтому, каждый изъ членовъ Церкви не только можетъ по праву, но несетъ обязанность отвѣчать на клеветы, которымъ она подвергается. Молчаніе, въ этомъ случаѣ, было бы преступленіемъ не только по отношенію къ тѣмъ, которые пользуются счастіемъ принадлежать къ Церкви, но также, и въ еще большей степени, по отношенію къ тѣмъ,

которые могли бы удостоиться того же счастія, еслибы ложныя представленія не отклоняли ихъ отъ истины. Всякій христіанинъ, когда до него доходятъ нападки противъ вѣры, имъ исповѣдуемой, обязанъ, въ мѣру своихъ познаній, оборонять ее, не выжидая особаго на то уполномочія: ибо у Церкви нѣтъ оффиціальныхъ адвокатовъ.

Въ силу этихъ соображеній, берусь и я за перо, чтобъ отвѣчать, передъ иностранными читателями и на чужомъ для меня языкѣ, на несправедливое обвиненіе, направленное противъ вселенской и православной Церкви.

Въ статьѣ, напечатанной въ Revue des Deux Mondes и писанной, какъ кажется, Русскимъ дипломатомъ, г. Тютчевымъ, *) указано было на главенство Рима и въ особенности на смѣшеніе въ лицѣ епископа-государя интересовъ духовныхъ съ мірскими, какъ на главную причину, затрудняющую разрѣшеніе религіознаго вопроса на Западѣ. Эта статья вызвала въ 1852 году отвѣтъ со стороны г. Лоранси, и этотъ то отвѣтъ требуетъ опроверженія.

Я оставлю въ сторонѣ вопросъ о томъ, успѣлъ ли г. Тютчевъ въ статьѣ своей, достоинства которой не оспариваетъ даже и критикъ его, выразить мысль свою во всей ея широтѣ и не смѣшалъ ли онъ, до нѣкоторой степени, причины болѣзни съ ея внѣшними признаками.

Не стану ни заступаться за моего соотечественника, ни критиковать его. Единственная цѣль моя: оправдать Церковь отъ странныхъ обвиненій, взводимыхъ на нее г. Лоранси, и потому я не переступлю предѣловъ вопроса религіознаго. Желалъ бы я также избѣжать встрѣчныхъ обвиненій, но этого я не могу. Мои путешествія по чужимъ странамъ и бесѣды съ людьми просвѣщенными и даже учеными всѣхъ вѣроисповѣданій, существующихъ въ Европѣ, убѣдили меня въ томъ, что Россія доселѣ остается для западнаго міра страною почти невѣдомою; но еще болѣе невѣдома христіанамъ, слѣдующимъ за знаменемъ Римскимъ или за хоругвью Реформы, религіозная мысль сыновъ Церкви. Поэтому, чтобъ дать возможность читателямъ понять

*) Эта статья Ѳ. И. Тютчева „La question romaine et la papauté" появилась въ Revue des Deux Mondes, Февраль 1850.

нашу вѣру и логичность ея внутренней жизни, мнѣ необходимо будетъ, до нѣкоторой степени, показать имъ, въ какомъ свѣтѣ представляются намъ вопросы, о которыхъ спорятъ между собою Римъ и различныя Германскія исповѣданія. Я даже не могу дать обѣщанія избѣгать непріязненности въ выраженіи моей мысли; нѣтъ. Но я постараюсь быть справедливымъ и воздержаться отъ всякаго обвиненія не только похожаго на клевету, но даже такого, котораго основательность была бы сомнительна. А за тѣмъ, я вовсе и не гонюсь за честью прослыть равнодушнымъ къ тому, что считаю заблужденіемъ.

Г. Лоранси взводитъ на Церковь два существенныхъ обвиненія. Первое заключается въ томъ, будто бы она признаетъ надъ собою главенство свѣтской власти. На этомъ основаніи проводится между Римскимъ исповѣданіемъ и православною Церковью сравненіе, обращающееся естественно не въ нашу пользу. «Папа», говоритъ авторъ, «есть дѣйствительно государь свѣтскій, но не потому, что онъ первосвященникъ; а вашъ владыка есть первосвященникъ, потому что онъ государь свѣтскій. На чьей же сторонѣ истина?» Я не привожу подлинныхъ, нѣсколько растянутыхъ выраженій автора, но вѣрно передаю ихъ смыслъ. Прежде всего замѣчу, мимоходомъ, что слово *первосвященникъ* (pontifex) чрезвычайно знаменательно и что Латиняне поступили бы благоразумно, переставъ употреблять его. Оно слишкомъ ясно указываетъ на родословную многихъ понятій, которыхъ происхожденіе отъ Христіанства болѣе чѣмъ сомнительно. Еще Тертулліанъ замѣчалъ это и употреблялъ выраженіе Pontifex Maximus въ смыслѣ ироническомъ. Затѣмъ, на первое обвиненіе, предъявленное г. Лоранси, я отвѣчу въ короткихъ словахъ: оно сущая неправда; никакого главы Церкви, ни духовнаго, ни свѣтскаго, мы не признаемъ. Христосъ ея глава, и другаго она не знаетъ. Поспѣшаю оговорить, что я отнюдь не обвиняю г. Лоранси въ намѣренной клеветѣ. По всей вѣроятности, онъ впалъ въ заблужденіе невольно, и я тѣмъ охотнѣе готовъ этому повѣрить, что много разъ иностранцы, при мнѣ, высказывали тоже заблужденіе; а между тѣмъ, каза-

лось бы, малѣйшее размышленіе должно бы было разъяснить его.

Глава Церкви! Но позвольте спросить, хоть во имя здраваго смысла, какой же именно Церкви? Неужели Церкви православной, которой мы составляемъ только часть? Въ такомъ случаѣ, Императоръ Россійскій былъ бы главою Церквей, управляемыхъ патріархами, Церкви, управляемой Греческимъ Синодомъ, и православныхъ Церквей въ предѣлахъ Австріи? Такой нелѣпости не допуститъ конечно и самое крайнее невѣжество. Или не глава ли онъ одной Русской Церкви? Но Русская Церковь не образуетъ, по себѣ, особой Церкви: она не болѣе какъ одна изъ эпархій Церкви Вселенской. Стало быть, надобно предположить, что Императору присвоивается титулъ собственно-эпархіальнаго главы, подчиненнаго юрисдикціи обще-церковныхъ соборовъ. Тутъ нѣтъ середины. Кто непремѣнно хочетъ навязать намъ въ лицѣ нашего Государя видимаго главу Церкви, тому предстоитъ неизбѣжный выборъ между двумя нелѣпостями.

Свѣтскій глава Церкви! Но этотъ глава имѣетъ-ли права священства? Имѣетъ ли онъ притязаніе, не говорю уже на непогрѣшимость (хотя она-то и составляетъ отличительный признакъ главенства въ Церкви), но хотя бы на какой нибудь авторитетъ въ вопросахъ вѣроученія? По крайней мѣрѣ, имѣетъ-ли право рѣшать, въ силу присвоенной его сану привиллегіи, вопросы обще церковнаго благочинія (дисциплины)? Если ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ нельзя дать утвердительнаго отвѣта, то остается лишь подивиться полному отсутствію разсудительности, при которомъ только и могла явиться у писателя смѣлость бросить въ насъ обвиненіе столь неосновательное, и всеобщему невѣжеству, пропустившему это обвиненіе, не подвергнувъ его заслуженному осмѣянію. Конечно, во всей Россійской Имперіи не найдется купца, мѣщанина, или крестьянина, который, услышавъ подобное сужденіе о нашей Церкви, не принялъ бы его за злую насмѣшку.

Правда, выраженіе *глава мѣстной Церкви* употреблялось въ законахъ имперіи, но отнюдь не въ томъ смыслѣ, ка-

кой присвоивается ему въ другихъ земляхъ; и въ этомъ случаѣ разница такъ существенна, что непозволительно обращать это выраженіе въ орудіе противъ насъ, не попытавшись, по крайней мѣрѣ, понять предварительно его значеніе. Этого требуютъ справедливость и добросовѣстность.

Когда, послѣ многихъ крушеній и бѣдствій, Русскій народъ, общимъ совѣтомъ, избралъ Михаила Романова своимъ наслѣдственнымъ государемъ (таково высокое происхожденіе императорской власти въ Россіи), народъ вручилъ своему избраннику всю власть, какою облеченъ былъ самъ, во всѣхъ ея видахъ. Въ силу избранія, Государь сталъ главою народа въ дѣлахъ церковныхъ, также какъ и въ дѣлахъ гражданскаго управленія; повторяю: *главою народа въ дѣлахъ церковныхъ* и, въ этомъ смыслѣ, главою мѣстной Церкви, но единственно въ этомъ смыслѣ. Народъ не передавалъ и не могъ передать своему государю такихъ правъ, какихъ не имѣлъ самъ, а едва ли кто либо предположитъ, чтобъ Русскій народъ когда нибудь почиталъ себя призваннымъ править Церковью. Онъ имѣлъ изначала, какъ и всѣ народы, образующіе православную Церковь, голосъ въ избраніи своихъ епископовъ, и этотъ свой голосъ онъ могъ передать своему представителю. Онъ имѣлъ право или, точнѣе, обязанность блюсти, чтобы рѣшенія его пастырей и ихъ соборовъ приводились въ исполненіе; это право онъ могъ довѣрить своему избраннику и его преемникамъ. Онъ имѣлъ право отстаивать свою вѣру противъ всякаго непріязненнаго или насильственнаго на нее нападенія; это право онъ также могъ передать своему государю. Но народъ не имѣлъ никакой власти въ вопросахъ совѣсти, обще-церковнаго благочинія, догматическаго ученія, Церковнаго управленія, а потому не могъ и передать такой власти своему Царю. Это вполнѣ засвидѣтельствовано всѣми послѣдующими событіями. Низложенъ былъ патріархъ; но это совершилось не по волѣ государя, а по суду восточныхъ патріарховъ и отечественныхъ епископовъ. Позднѣе, на мѣсто патріаршества, учрежденъ былъ Синодъ; и эта перемѣна введена была не властью госуда-

ря, а тѣми же восточными епископами, которыми, съ согласія свѣтской власти, патріаршество было въ Россіи установлено. Эти факты достаточно показываютъ, что титулъ главы Церкви означаетъ народоначальника въ дѣлахъ церковныхъ; другаго смысла онъ въ дѣйствительности не имѣетъ и имѣть не можетъ; а какъ только признанъ этотъ смыслъ, такъ обращаются въ ничто всѣ обвиненія, основанныя на двусмысліи.

Но не подслужится ли нашимъ обвинителямъ исторія Византіи уликами, которыхъ не даетъ имъ исторія Русская? Не вздумаютъ-ли они потребовать отъ Византіи оправданія придаваемаго ими императору титула главы Церкви, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова? Въ самомъ дѣлѣ, не передала-ли намъ Византія, вмѣстѣ съ государственнымъ гербомъ своимъ и съ императорскимъ титуломъ, и вѣрованіе въ свѣтскаго главу Церкви? Не предположить ли за одинъ разъ, что это вѣрованіе подкрѣпляется указаніемъ на того изъ Палеологовъ, котораго отчаяніе и желаніе купить помощь отъ Запада ввергли въ отступничество? Или на Исаврійцевъ, которые своими подвигами возстановили военную славу имперіи, но вовлечены были въ ересь своею худо направленною ревностью и слѣпою самоувѣренностью (за что, конечно, протестантскіе историки нашего времени не упустили ихъ похвалить)? Или на Ираклія, который спасъ государство, но открыто покровительствовалъ моноѳелизму? Или, наконецъ, на самаго сына Константинова, того Констанція, чья желѣзная рука смяла папу Либерія и сама сокрушилась о святую неустрашимость епископа Александрійскаго? Отъ Византіи заимствовали-бы мы ученіе, въ силу котораго слѣдовало-бы признать главами Церкви всѣхъ этихъ царей-еретиковъ, царей-отступниковъ, и еще многихъ другихъ царей, которыхъ патріархи отлучали за нарушеніе правилъ церковнаго благочинія! На обращенный къ ней вопросъ о мнимомъ главенствѣ исторія Восточной Имперіи отвѣчаетъ еще яснѣе, чѣмъ Русская, и отвѣтъ ея таковъ, что намъ нѣтъ причины отрицать преемство Византійской мысли. Мы думаемъ и теперь, также какъ и Греки, что Государь, будучи гла-

вою народа во многихъ дѣлахъ, касающихся Церкви, имѣетъ право, также какъ и всѣ его подданные, на свободу совѣсти въ своей вѣрѣ и на свободу человѣческаго разума; но мы не считаемъ его за прорицателя, движимаго незримою силою, какимъ представляютъ себѣ Латиняне епископа Римскаго. Мы думаемъ, что, будучи свободенъ, Государь, какъ и всякій человѣкъ, можетъ впасть въ заблужденіе и что еслибы, чего не дай Богъ, подобное несчастіе случилось, не смотря на постоянныя молитвы сыновъ Церкви, то и тогда Императоръ не утратилъ бы ни одного изъ правъ своихъ на послушаніе своихъ подданныхъ въ дѣлахъ мірскихъ; а Церковь не понесла бы никакого ущерба въ своемъ величіи и въ своей полнотѣ: ибо никогда не измѣнитъ ей истинный и единственный ея Глава. Въ предположенномъ случаѣ, однимъ христіаниномъ стало бы меньше въ ея лонѣ— и только.

Другаго толкованія Церковь не допускаетъ; но смолкнетъ ли передъ нимъ клевета? Опасаюсь, что нѣтъ. Повтореніе клеветы представляетъ своего рода выгоды, и, чтобы не лишиться ихъ, недоброжелательство, пожалуй, напуститъ на себя притворное невѣжество, въ добавокъ къ дѣйствительному (а въ иныхъ случаяхъ, нѣтъ недостатка и въ послѣднемъ). Оно, пожалуй, возразитъ намъ императорскою подписью, прилагаемою къ постановленіямъ Синода, какъ будто бы право обнародованія законовъ и приведенія ихъ въ исполненіе было тождественно съ властью законодательною. Оно возразитъ намъ еще вліяніемъ Государя на назначеніе епископовъ и членовъ Синода, замѣнившаго патріаршество, какъ будто бы, въ древности, избраніе епископовъ, не исключая и Римскихъ, не зависѣло отъ свѣтской власти(народа или государя), и какъ будтобы, наконецъ, и въ настоящее время, во многихъ странахъ Римскаго исповѣданія такая зависимость не встрѣчалась довольно часто *). Трудно угадать, какіе еще отводы можетъ изобрѣсти злонамѣренность и недобросовѣстность; но по-

*) Я говорю только о принципѣ, притомъ—съ точки зрѣнія Церкви, а не о примѣненіи, которое, какъ и все на свѣтѣ, можетъ быть во многихъ случаяхъ недостаточно или не чуждо злоупотребленій.

слѣ сказаннаго мною, люди совѣстливые (къ числу которыхъ, я въ этомъ увѣренъ, принадлежитъ и г. Лоранси) не позволятъ себѣ повторять обвиненіе, лишенное всякаго основанія и смѣшное въ глазахъ всякаго человѣка безпристрастнаго и просвѣщеннаго.

Не такъ легко опровергнуть второе обвиненіе на Церковь, взведенное г. Лоранси: ибо оно основано не на фактѣ, а на предполагаемомъ направленіи. Насъ обвиняютъ въ стремленіи къ Протестантству. Я оставляю въ сторонѣ вопросъ о томъ, не противорѣчитъ ли это второе обвиненіе первому?—ибо теперь, когда уже доказана несостоятельность перваго, несовмѣстность его со вторымъ не можетъ служить доводомъ въ нашу пользу. Я приступлю къ вопросу прямо, не уклоняясь ни отъ какихъ доводовъ правдоподобныхъ или хотя бы имѣющихъ видъ правдоподобія, которыми бы могли воспользоваться наши противники; отвѣтъ на нихъ дастъ мнѣ случай разъяснить, хотя отчасти, слишкомъ превратно понимаемый характеръ Православія. Но предварительно не могу не предложить вопроса, кажется, новаго, или по крайней мѣрѣ, сколько мнѣ извѣстно, вполнѣ еще не изслѣдованнаго. По какой причинѣ Протестантство, оторвавъ у Папизма половину или безъ малаго половину его послѣдователей, замерло у предѣловъ міра православнаго? Нельзя объяснить этого факта племенными особенностями; ибо Кальвинизмъ достигъ значительнаго могущества въ Чехіи, въ Польшѣ, въ Литвѣ, въ Венгріи, и внезапно остановился не передъ другимъ племенемъ, а передъ другою вѣрою. Надъ этимъ вопросомъ стоило бы мыслителямъ призадуматься.

Предполагаемое стремленіе Церкви къ Протестанству можетъ быть изслѣдовано только въ области началъ; но прежде чѣмъ я приступлю къ расмотрѣнію внутренней логики православнаго вѣроученія и покажу совершенную несовмѣстность ея съ обвиненіемъ, предъявленнымъ г. Лоранси (а до него безчисленнымъ множествомъ писателей одной съ нимъ вѣры), считаю небезполезнымъ разсмотрѣть историческій фактъ.

Западный расколъ (читатели позволятъ мнѣ употребить это выраженіе, ибо иного совѣсть моя не допускаетъ) насчитываетъ уже болѣе тысячи лѣтъ существованія, принимая за начало его дѣйствительное, хотя еще окончательно и не заявленное, отпаденіе Запада. Отчего-же съ этого времени Церковь, управляемая патріархами, не породила своего, доморощеннаго протестанства? Отчего, по крайней мѣрѣ, не обнаружила она до сихъ поръ рѣшительнаго влеченія къ реформѣ, какой бы то ни было? На Западѣ дѣло шло скорѣе. Едва протекло три вѣка, какъ уже предтечи Лютера и Кальвина выступали впередъ, съ поднятымъ челомъ, самоувѣренною рѣчью, опредѣленными началами и установившимися ученіями. Не станетъ же серьезная полемика возражать намъ указаніемъ на ереси и расколы, возникшіе въ Россіи. Конечно, мы горько оплакиваемъ эти духовныя язвы нашего народа; но было бы крайне смѣшно жалкія порожденія невѣжества, а еще болѣе неразумной ревности къ сохраненію какихъ нибудь старинныхъ обрядовъ, сопоставлять протестантству ученыхъ предтечъ Реформы; ибо я говорю не о Каѳарахъ или Вальденцахъ, явившихся на югѣ, не о Пикардійцахъ и Лоллардахъ, явившихся на сѣверѣ, но о людяхъ, которые, какъ Окгамъ, или Виклефъ, или безсмертный Гусь, совмѣщали въ себѣ всю современную имъ ученость и могли смѣло вступать въ состязаніе со всѣми богословскими снарядами Рима, не боясь никакихъ пораженій, кромѣ разумѣется тѣхъ, которыя могла нанести имъ рука свѣтской власти. Я говорю о людяхъ, которые, умирая не хуже христіанъ первыхъ вѣковъ, съ высоты побѣдныхъ костровъ обращали къ палачамъ своимъ слова, проникнутыя святою и нѣжною любовію: «Sancta simplicitas» (святая простота), и этимъ самымъ провозглашали, что не въ невѣжествѣ искали они для себя орудій и не на немъ воздвигали зданіе своей вѣры. Какъ-же могло случиться, что Востокъ, при предполагаемомъ въ немъ стремленіи къ протестантству, не произвелъ ни подобныхъ людей, ни подобныхъ религіозныхъ движеній? Не припишутъ ли этого несчастной судьбѣ Восточной Имперіи? Если не ошибаюсь, такое объясненіе

было уже предложено гр. де-Местромъ; но оно конечно никого не удоволетворитъ, за исключеніемъ развѣ самыхъ поверхностныхъ умовъ.

Византійская Имперія, и послѣ временъ папы Николая 1-го, насчитывала довольно ясныхъ дней и славныхъ эпохъ; достаточно указать на цѣлый рядъ побѣдъ, одержанныхъ надъ Сарацынами, передъ которыми въ тѣ времена трепетала Европа. Къ тому же, при нѣкоторомъ пониманіи умственнаго характера Грековъ, нельзя и предполагать, чтобы политика могла когда либо отвлечь ихъ отъ вопросовъ вѣры. Не припишутъ ли отсутствіе протестантскаго стремленія невѣжеству Востока? Но и послѣ девятаго вѣка, Греція выставила немало великихъ ученыхъ, проницательныхъ философовъ и глубокомысленныхъ богослововъ; Западъ многимъ имъ обязанъ и, кажется, могъ бы объ нихъ помнить. Затѣмъ, эта Русская держава, въ постепенномъ ея выростаніи, конечно представляла довольно простора для новыхъ ученій. Развѣ предположить въ ней равнодушіе къ вѣрѣ? Пожалуй, и такое объясненіе можно пустить въ ходъ, и, вѣроятно, большинство читателей удовлетворится имъ; тѣмъ не менѣе оно будетъ совершенно ложно. У насъ интересъ религіозный преобладаетъ надъ всѣмъ; въ этомъ не усомнятся ни тѣ, которымъ случалось присутствовать на оживленныхъ спорахъ, ежегодно происходящихъ на большой Кремлевской площади, ни тѣ, которымъ извѣстно, что иностранныхъ путешественниковъ до-Петровскихъ временъ приводило въ изумленіе дѣятельное участіе народа, на всѣхъ перекресткахъ Москвы, въ религіозныхъ преніяхъ, возникшихъ между сѣверною и южною Россіею о священнодѣйствіи евхаристіи. Итакъ, обвиненіе въ стремленіи къ протестантству рѣшительно опровергается свидѣтельствомъ исторіи. Такимъ опроверженіемъ, можетъ быть, удовлетворились бы люди, слывущіе практическими по преимуществу, тѣ люди, которые не признаютъ въ области возможнаго ничего такого, что̀ бы не было повтореніемъ былаго, и видятъ въ исторіи не болѣе какъ рядъ плеоназмовъ; но по моему, это опроверженіе еще недостаточно.

Извѣстное начало могло быть парализовано историческими фактами, не высмотрѣнными или не оцѣненными въ мѣру ихъ дѣйствительной важности, тѣми безчисленными, невѣсомыми силами, которыми приводятся въ движеніе крупныя народныя массы и которыхъ современники движенія часто не видятъ. Обыкновенно, въ подобныхъ случаяхъ, невѣдѣніе современниковъ переходитъ по наслѣдству къ ихъ потомкамъ, и оттого историки, чтобъ выпутаться какъ нибудь изъ затрудненій въ объясненіи прошедшаго, такъ часто призываютъ на помощь слѣпую случайность матеріалистовъ, или роковую необходимость, по ученію Нѣмецкихъ идеалистовъ правящую судьбами человѣчества, или, наконецъ, божественное вмѣшательство религіозныхъ писателей. Въ сущности, во всѣхъ этого рода объясненіяхъ почти всегда выражается не иное что, какъ сознаніе въ умственной несостоятельности: ибо, если, съ одной стороны, нельзя по справедливости не признавать путей Промысла въ общемъ ходѣ исторіи, то съ другой—неразумно и даже едвали сообразно съ христіанскимъ смиреніемъ брать на себя угадываніе минутъ непосредственнаго дѣйствія воли Божіей на дѣла человѣческія. Какъ бы то ни было, въ области религіозныхъ идей отсутствіе того или другаго факта, хотя бы оно длилось нѣсколько вѣковъ къ ряду, оправдываетъ только догадку, болѣе или менѣе правдоподобную, что и самаго стремленія къ такому факту нѣтъ въ этихъ идеяхъ, но отнюдь еще не доказываетъ невозможности факта въ будущемъ. Чтобы въ этомъ убѣдиться окончательно и возвести историческую вѣроятность на степень логической достовѣрности, нужно вывести эту невозможность изъ самаго религіознаго принципа.

Что такое Протестантство? Скажутъ ли, что отличительность его въ самомъ актѣ протеста, предъявленнаго по вопросу вѣры? Но если такъ, то Протестантами были бы апостолы и мученики, протестовавшіе противъ заблужденій Юдаизма и противъ лжи Идолопоклонства; всѣ отцы Церкви были бы протестанты, ибо и они протестовали противъ ересей; вся Церковь постоянно была бы въ Протестант-

ствѣ, ибо и она, постоянно, во всѣ вѣка, протестуетъ противъ заблужденій каждаго вѣка. Ясно, что слово *протестантъ* не опредѣляетъ ничего. Въ чемъ же искать опредѣленія? Не заключается ли сущность Протестантства въ *свободѣ изслѣдованія*? Но апостолы свободное изслѣдованіе дозволяли, даже вмѣняли въ обязанность; но святые отцы свободнымъ изслѣдованіемъ защищали истины вѣры (свидѣтель въ особенности великій Аѳанасій въ геройской борьбѣ своей противъ Аріанства); но свободное изслѣдованіе, такъ или иначе понятое, составляетъ единственное основаніе истинной вѣры. Правда, Римское исповѣданіе, повидимому, осуждаетъ свободу изслѣдованія; но вотъ человѣкъ, изслѣдовавъ свободно всѣ авторитеты писанія и разума, пришелъ къ признанію всего ученія латинянъ; отнесутся ли они къ нему какъ къ протестанту? Другой, воспользовавшись тою-же свободою изслѣдованія, убѣдился только въ томъ, что догматическія опредѣленія папъ непогрѣшительны и что остается лишь покориться имъ — осудятъ ли его какъ протестанта? А между тѣмъ, не путемъ ли свободнаго изслѣдованія пришелъ онъ къ этому убѣжденію, которое неизбѣжно должно заставить его принять сполна все ученіе? Наконецъ, всякое вѣрованіе, всякая смыслящая вѣра, есть актъ свободы и непремѣнно исходитъ изъ предварительнаго свободнаго изслѣдованія, которому человѣкъ подвергъ явленія внѣшняго міра или внутреннія явленія своей души, событія минувшихъ временъ или свидѣтельства своихъ современниковъ. Смѣю сказать болѣе: и въ случаяхъ, когда гласъ самого Бога непосредственно взыскивалъ и воздвигалъ душу падшую или заблудшую, душа повергалась ницъ и поклонялась, опознавъ предварительно Божественный голосъ; и здѣсь начало обращенія въ актѣ свободнаго изслѣдованія. Въ этомъ отношеніи христіанскія исповѣданія отличаются одно отъ другаго только тѣмъ, что нѣкоторыя изъ нихъ разрѣшаютъ изслѣдованіе всѣхъ данныхъ, другія же ограничиваютъ число предметовъ изслѣдованія. Приписывать право изслѣдованія одному Протестанству значило бы возводить его на степень единственной смысля-

щей вѣры; но это, конечно, было бы не по вкусу его противникамъ, и всѣ мыслители сколько нибудь серьезные отклонятъ такое предположеніе. — Спрашивается наконецъ: не *въ Реформѣ ли*, не въ актѣ ли преобразованія, искать сущности Протестантства? Дѣйствительно, само Протестантство, въ первой порѣ своего развитія, надѣялось утвердить за собою такое значеніе. Но вѣдь и Церковь постоянно реформировала свои обряды и правила, и никому не приходило на мысль назвать ее ради этого протестантскою. Стало быть, Протестантство и Реформа вообще не одно и тоже.

Протестантство значитъ предъявленіе сомнѣнія въ существующемъ догматѣ; иными словами, отрицаніе догмата, какъ живаго преданія *), короче: Церкви.

Теперь спрашиваю каждаго добросовѣстнаго человѣка: обвинять въ протестантскихъ стремленіяхъ Церковь, постоянно остававшуюся вѣрною своему преданію, никогда не позволявшую себѣ ни прибавлять къ нему, ни исключать изъ него что̀ бы то ни было, Церковь, взирающую и на Римское исповѣданіе какъ на расколъ отъ нововведеній; на такую Церковь взводить такое обвиненіе, не есть ли верхъ безумія?

Міръ протестантскій отнюдь не міръ свободнаго изслѣдованія, ибо свобода изслѣдованія принадлежитъ всѣмъ людямъ. Протестантство есть міръ отрицающій другой міръ. Отнимите у него этотъ другой отрицаемый имъ міръ, и Протестантство умретъ: ибо вся его жизнь въ отрицаніи. Сводъ ученій, котораго оно пока еще придерживается, трудъ, выработанный произволомъ нѣсколькихъ ученыхъ и принимаемый апатическимъ легковѣріемъ нѣсколькихъ милліоновъ невѣждъ, стоитъ еще только потому, что въ немъ ощущается надобность для противодѣйствія напору Римскаго исповѣданія. Какъ скоро изчезаетъ это ощущеніе, Протестантство тотчасъ разлагается на личныя мнѣнія, безъ общей связи. И будто къ этой цѣли стре-

*) Само собою разумѣется, что здѣсь рѣчь идетъ о преданіи догматическомъ, а вовсе не о преданіи легендарномъ.

мится Церковь, которой вся забота относительно другихъ исповѣданій, въ продолженіи восемнадцати вѣковъ, возбуждалась единственно желаніемъ узрѣть возвратъ всѣхъ людей къ истинѣ? Въ вопросѣ, какъ онъ ставится, лежитъ и отвѣтъ.

Но этого мало. Я надѣюсь доказать, что еслибы въ послѣдствіи духъ лжи когда нибудь и вызвалъ въ нѣдрахъ Церкви какія либо новыя ереси или расколы, то и тогда заблужденіе, въ ней возникшее, не могло бы явиться на первыхъ порахъ съ характеромъ протестантскимъ, и что такой характеръ оно могло бы принять развѣ только въ послѣдствіи, и то не иначе, какъ пройдя цѣлый рядъ превращеній, какъ это и было на Западѣ.

Прежде всего нужно замѣтить, что протестантскій міръ распадается на двѣ части, далеко не равныя по числу своихъ послѣдователей и по своему значенію (этихъ частей не надобно смѣшивать). Одна имѣетъ свое логическое преданіе, хотя и отвергаетъ преданіе болѣе древнее. Другая довольствуется преданіемъ иллогическимъ. Первая слагается изъ Квакеровъ, Анабаптистовъ и другихъ тогоже рода сектъ. Вторая заключаетъ въ себѣ всѣ прочія секты, называемыя реформатскими.

У обѣихъ половинъ Протестантства одно общее — это ихъ точка отправленія: обѣ признаютъ въ церковномъ преданіи перерывъ, длившійся нѣсколько вѣковъ; далѣе, онѣ расходятся въ своихъ началахъ. Первая половина, почти порвавшая всѣ связи съ Христіанствомъ, допускаетъ новое откровеніе, непосредственное наитіе Божественнаго Духа, и на этомъ основаніи старается построить одну Церковь или многія Церкви, предполагая въ нихъ преданіе несомнѣнное и постоянное вдохновеніе. Здѣсь основная данная можетъ быть ложна; но ея примѣненіе и развитіе совершенно раціональны: преданіе, признаваемое какъ фактъ, получаетъ и логическое оправданіе. Совсѣмъ иное на другой половинѣ протестантскаго міра Тамъ, на дѣлѣ, принимаютъ преданіе и, въ тоже время, отрицаютъ начало, въ которомъ преданіе находитъ свое оправданіе. Это противорѣчіе выяснится примѣромъ. Въ 1847 году, спу-

скаясь по Рейну, на пароходѣ, я вступилъ въ разговоръ съ почтеннымъ пасторомъ, человѣкомъ образованнымъ и серьезнымъ. Бесѣда наша, мало по малу, перешла къ предметамъ вѣры и, въ частности, къ вопросу о догматическомъ преданіи, законности котораго пасторъ не признавалъ: Я спросилъ у него, къ какому вѣроисповѣданію онъ принадлежитъ? — Оказалось, что онъ Лютеранинъ.— А на какихъ основаніяхъ отдаетъ онъ предпочтеніе Лютеру передъ Кальвиномъ? — Онъ привелъ мнѣ весьма ученые доводы. Въ эту минуту слуга, его сопровождавшій, подалъ ему стаканъ лимонаду. Я просилъ пастора сказать мнѣ, къ какому вѣроисповѣданію принадлежитъ его слуга?—Тотъ былъ также Лютеранинъ.—«Онъ-то на какихъ основаніяхъ», спросилъ я, «отдалъ предпочтеніе Лютеру передъ Кальвиномъ?» — Пасторъ смолчалъ, и на лицѣ его выразилось неудовольствіе. Я поспѣшилъ увѣрить его, что отнюдь не имѣлъ намѣренія его оскорбить, но хотѣлъ только показать ему, что и въ Протестантствѣ есть преданіе. Нѣсколько озадаченный, но по прежнему благодушный, пасторъ въ отвѣтъ на мои слова выразилъ надежду, что, со временемъ, невѣжество, которымъ обусловливается это подобіе преданія разсѣется передъ свѣтомъ науки. — «А люди съ ограниченными способностями?» спросилъ я. «А большая часть женщинъ, а чернорабочіе, едва успѣвающіе добывать себѣ насущный хлѣбъ; а дѣти, а наконецъ незрѣлые юноши, едва ли болѣе способные, чѣмъ дѣти, судить объ ученыхъ вопросахъ, на которыхъ расходятся послѣдователи Реформы?» — Пасторъ замолчалъ и, послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія, проговорилъ: «да, да, это конечно еще вопросъ (es ist doch etwas darin); я объ этомъ подумаю».—Мы разстались. Не знаю, думаетъ ли онъ до сихъ поръ, но знаю, что преданіе, какъ фактъ, несомнѣнно существуетъ у реформатовъ, хотя они всѣми силами отвергаютъ его принципъ и законность; знаю и то, что они не могутъ ни поступить иначе, ни выпутаться изъ этого неизбѣжнаго противорѣчія. Въ самомъ дѣлѣ, что тѣ религіозныя общества, которыя признаютъ всѣ свои ученія боговдохновен-

ными и приписываютъ боговдохновенность своимъ основателямъ, съ которыми состоятъ въ связи непрерывнаго преемства, въ тоже время, скрытно или явно, признаютъ и преданіе—въ этомъ нѣтъ ничего противнаго логикѣ. Но по какому праву стали бы пользоваться поддержкою преданія тѣ, которые утверждаютъ свои вѣрованія на научномъ знаніи своихъ предшественниковъ? Есть люди вѣрующіе, что Римскій дворъ получаетъ себѣ вдохновеніе съ неба, что Фоксъ или Іоаннъ Лейденскій были вѣрными органами Божественнаго Духа. Можетъ быть, эти люди и заблуждаются; тѣмъ не менѣе, понятно, что для нихъ становится вполнѣ обязательнымъ все то, что̀ опредѣлено этими лицами, избранными свыше. Но вѣрить въ непогрѣшимость науки, притомъ науки, вырабатывающей свои положенія путемъ спора, противно здравому смыслу. Поэтому, всѣ реформатскіе ученые, отвергающіе преданіе какъ непрерывное откровеніе, по неволѣ обязаны смотрѣть на всѣхъ своихъ братьевъ, менѣе ученыхъ, чѣмъ они, какъ на людей, вовсе лишенныхъ дѣйствительнаго вѣрованія. Еслибъ они захотѣли быть послѣдовательными, то должны бы были сказать имъ: «друзья и братья, законной вѣры у васъ нѣтъ и не будетъ, пока вы не сдѣлаетесь богословами, такими какъ мы. А покамѣстъ, пробивайтесь какъ нибудь безъ нея!» Такая рѣчь, можетъ быть и неслыханная, была бы конечно дѣломъ чистосердечія. Очивидно, что большая половина протестантскаго міра довольствуется преданіемъ, по ея собственнымъ понятіямъ незаконнымъ; а другая половина, болѣе послѣдовательная, такъ далеко отклонилась отъ Христіанства, что въ настоящемъ случаѣ нечего на ней и останавливаться.—И такъ, отличительный характеръ Реформы заключается въ отсутствіи законнаго преданія. Чтожъ изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ то, что Протестантство отнюдь не расширило правъ свободнаго изслѣдованія, а только сократило число несомнѣнныхъ данныхъ, которыя оно подвергаетъ свободному изслѣдованію своихъ вѣрующихъ (оставивъ имъ одно писаніе), подобно тому какъ и Римъ сократилъ это число для большей части мірянъ, отобравъ у нихъ писаніе.

Ясно, что Протестантство, какъ Церковь, не въ силахъ удержаться и что, отвергнувъ законное преданіе, оно отняло у себя всякое право осудить человѣка, который, признавая божественность священнаго писанія, не высматривалъ бы въ немъ опроверженія заблужденій Арія или Несторія; ибо такой человѣкъ былъ бы неправъ передъ наукою, а не передъ вѣрою. Впрочемъ, я теперь не нападаю на реформатовъ; для меня важно выяснить необходимость, заставившую ихъ стать на почву, ими теперь занимаемую, прослѣдить логическій процессъ, который ихъ къ тому принудилъ, и показать, что такого рода необходимость и такого рода процессъ въ Церкви невозможны.

Со времени своего основанія апостолами, Церковь была едина. Это единство, обнимавшее весь въ то время извѣстный міръ, связывавшее Британскіе острова и Испанію съ Египтомъ и Сиріею, никогда не было нарушаемо. Когда возникала ересь, весь христіанскій міръ отряжалъ своихъ представителей, своихъ высшихъ сановниковъ, на торжественныя собранія, называемыя соборами. Эти соборы не смотря на безпорядки, а иногда и на насилія, затмѣвавшія ихъ чистоту, мирнымъ своимъ характеромъ и возвышенностью вопросовъ, подлежавшихъ ихъ рѣшенію, выдаются въ исторіи человѣчества какъ благороднѣйшее изъ всѣхъ ея явленій. Вся Церковь принимала или отвергала опредѣленія соборовъ, смотря по тому, находила ли ихъ сообразными или противными своей вѣрѣ и своему преданію, и присвоивала названіе соборовъ вселенскихъ тѣмъ изъ нихъ, въ постатовленіяхъ которыхъ признавала выраженіе своей внутренней мысли. Такимъ образомъ, къ ихъ временному авторитету по вопросамъ дисциплины, присоединялось значеніе непререкаемыхъ и непреложныхъ свидѣтельствъ въ вопросахъ вѣры. Соборъ вселенскій становился голосомъ Церкви. Даже ереси не нарушали этого Божественнаго единства: онѣ носили характеръ заблужденій личныхъ, а не расколовъ цѣлыхъ областей или эпархій. Таковъ былъ строй церковной жизни, внутренній смыслъ котораго давно уже сталъ совершенно непонятенъ для всего Запада.

Перенесемся теперь въ послѣдніе года восьмаго или въ начало девятаго вѣка и представимъ себѣ странника, пришедшаго съ Востока въ одинъ изъ городовъ Италіи или Франціи. Проникнутый сознаніемъ этого древняго единства, вполнѣ увѣренный, что онъ находится въ средѣ братьевъ, входитъ онъ въ храмъ, чтобъ освятить послѣдній день седмицы. Сосредоточенный въ благоговѣйныхъ помыслахъ и полный любви, онъ слѣдитъ за богослуженіемъ и вслушивается въ дивныя молитвы, съ ранняго дѣтства радовавшія его сердце. До него доходятъ слова: „возлюбимъ другъ друга, да единомысліемъ исповѣмы Отца и Сына и Св. Духа“. Онъ прислушивается. Вотъ возглашается въ Церкви сѵмволъ вѣры христіанской и каѳолической, тотъ сѵмволъ, которому всякій христіанинъ обязанъ служить всею жизнію и за который, при случаѣ, обязанъ жертвовать жизнію. Онъ прислушивается.—Да это сѵмволъ испорченный, какой-то новый, неизвѣстный сѵмволъ! Наяву ли онъ это слышитъ, и не нашло ли на него тяжелое сновидѣніе? Онъ не довѣряетъ слуху, начинаетъ сомнѣваться въ своихъ чувствахъ. Онъ освѣдомляется, проситъ поясненій. Ему приходитъ на умъ: не забрёлъ ли онъ въ сборище раскольниковъ, отвергнутыхъ мѣстною Церковію.... Увы нѣтъ! Онъ слышалъ голосъ самой мѣстной Церкви. Цѣлый патріархатъ, и самый обширный, цѣлый міръ, отпалъ отъ единства.... Сокрушенный странникъ сѣтуетъ; его утѣшаютъ.— «Мы вѣдь прибавили самую малость», говорятъ ему, какъ и теперь твердятъ намъ Латиняне.— «Если малость, то къ чему было прибавлять?» — «Да это вопросъ чисто отвлеченнаго свойства». — «Почему же знаете вы, что вы его поняли?» — «Да это наше мѣстное преданіе». — «Какъ же могло оно найти мѣсто въ сѵмволѣ вселенскомъ, вопреки положительному опредѣленію вселенскаго собора, воспретившаго всякое измѣненіе въ сѵмволѣ?» — «Да это преданіе общецерковное, котораго смыслъ мы выразили, руководствуясь мѣстнымъ мнѣніемъ». — Однако такого преданія мы не знаемъ; да и во всякомъ случаѣ, какимъ образомъ мѣстное мнѣніе могло найти мѣсто въ символѣ вселенскомъ? Не всей ли Церкви, въ ея совокупности, дано разумѣніе Бо-

жественныхъ истинъ? Или мы чѣмъ нибудь заслужили отлученія отъ Церкви? Вы не только не подумали обратиться къ намъ за совѣтомъ, вы даже не взяли на себя заботы предупредить насъ. Или мы ужъ такъ низко упали? Однако, не болѣе одного вѣка тому назадъ, Востокъ произвелъ величайшаго изъ христіанскихъ поэтовъ и, можетъ быть, славнѣйшаго изъ богослововъ, Дамаскина, Да и теперь между нами насчитываются исповѣдники, мученики вѣры, ученые философы, исполненные разумѣнія Христіанства, подвижники, которыхъ вся жизнь есть непрерывная молитва. За что же вы насъ отвергли?»—Но, что̀ бы ни говорилъ бѣдный странникъ, а дѣло было сдѣлано: разрывъ совершился. *Самымъ дѣйствіемъ своимъ (то есть самовольнымъ измѣненіемъ сvмвола) Римскій міръ подразумѣвательно заявилъ, что въ его глазахъ весь Востокъ былъ не болѣе какъ міръ илотовъ въ дѣлахъ вѣры и ученія. Церковная жизнь кончилась для цѣлой половины Церкви.*

Я не касаюсь сущности вопроса. Пусть вѣрующіе въ святость догмата и въ Божественный духъ братства, завѣщанный отъ Спасителя апостоламъ и всѣмъ христіанамъ, пусть спросятъ они самихъ себя: пренебреженіемъ ли къ братьямъ и отверженіемъ ли невинныхъ выслуживается ясность разумѣнія и Божественная благодать, отверзающая внутренній смылъ таинственнаго? Мое дѣло: показать, откуда пошло Протестантство.

Нельзя приписывать этого переворота одному Папству. Это была бы слишкомъ великая для него честь, или, съ другой точки зрѣнія, слишкомъ великая для него обида. Хотя Римскій престолъ вѣроятно придерживался одинаковыхъ мнѣній съ мѣстными Церквами, во главѣ которыхъ онъ стоялъ, но онъ тверже хранилъ память о единствѣ. Нѣсколько времени онъ упирался; но ему пригрозили расколомъ; свѣтская власть приступила къ нему съ настойчивыми требованіями, Наконецъ, онъ уступилъ, можетъ быть радуясь внутренно, что этимъ избавлялся на будущее время отъ препонъ, которыя встрѣчалъ со стороны независимыхъ Церквей Востока. Какъ бы то ни было, переворотъ былъ дѣломъ не одного папы, а всего Римскаго міра, и

дѣло это освятилось въ понятіяхъ той среды отнюдь не вѣрованіемъ въ непогрѣшимость Римскаго епископа, а чувствомъ мѣстной гордости. Вѣрованіе въ непогрѣшимость было впереди, а въ то время, когда совершилось отпаденіе, папа Николай I-й писалъ еще къ Фотію, что въ вопросахъ вѣры послѣдній изъ христіанъ имѣетъ такой-же голосъ, какъ и первый изъ епископовъ *). Но послѣдствія переворота не замедлили обнаружиться, и западный міръ увлеченъ былъ въ новый путь.

Частное мнѣніе, личное или областное (это все равно), присвоившее себѣ въ области вселенской Церкви право на самостоятельное рѣшеніе догматическаго вопроса, заключало въ себѣ постановку и узаконеніе Протестантства, то есть: свободы изслѣдованія, оторванной отъ живаго преданія о единствѣ, основанномъ на взаимной любви. Итакъ, Романизмъ, въ самый моментъ своего происхожденія, заявилъ себя Протестантствомъ. Надѣюсь, что люди добросовѣстные въ этомъ убѣдятся; надѣюсь также, что дальнѣйшіе выводы уяснятъ это еще болѣе,

Право рѣшенія догматическихъ вопросовъ внезапно какъ бы переставилось. Прежде оно составляло принадлежность цѣлой вселенской Церкви; отнынѣ оно присвоивалось Церкви областной· Это право могло быть за нею укрѣплено на двоякомъ основаніи: въ силу свободы изслѣдованія, откинувшей живое преданіе, или въ силу признанія за извѣстною, географически очерченною мѣстностью, исключительной привиллегіи на обладаніе Святымъ Духомъ. На дѣлѣ принято было первое изъ этихъ началъ, но провозгласить и узаконить его какъ право было рано: прежній строй церковной жизни былъ еще слишкомъ памятенъ, пер-

*) Пусть незнакомые съ актами этой великой тяжбы справятся хотя бы съ жизнеописаніемъ Фотія, составленнымъ Іезуитомъ Жегеромъ (Jaeger). Произведеніе это не отличается добросовѣстностью, но оно содержитъ въ себѣ важные документы. Я прибавлю отъ себя одно замѣчаніе: правота дѣла нисколько не зависитъ отъ большей или меньшей добросовѣстности адвокатовъ, которымъ оно ввѣрено; притомъ же, въ настоящемъ случаѣ, совѣсть папы, дѣлателя фальшивыхъ актовъ, едвали была чище совѣсти патріарха, похитителя престола.

вое начало было слишкомъ неопредѣленно и притомъ столь противно здравому смыслу, что не было возможности на немъ укрѣпиться.

Естественно возникла мысль пріурочить монополію боговдохновенности къ одному престолу, древнѣйшему изъ всѣхъ на Западѣ и наиболѣе чтимому всею вселенною; это было благовиднѣе и въ меньшей степени оскорбляло человѣческій разумъ. Правда, можно бы было на это возразить, выведя на справку отступничество папы Либерія и осужденіе, произнесенное противъ папы Онорія вселенскимъ соборомъ (какъ видно, не предполагавшимъ въ немъ непогрѣшительности); но эти факты, мало по малу, изглаживались изъ памяти людей, и можно было надѣяться, что нововводимое начало восторжествуетъ. Оно дѣйствительно восторжествовало, и западное Протестантство притаилось подъ внѣшнимъ авторитетомъ. Такое явленіе нерѣдко въ политическомъ мірѣ. Иначе и быть не могло; ибо, на мѣсто удалившагося Духа Божьяго, наступило царство чисто-раціоналистической логики. Новосозданный деспотизмъ сдержалъ безначаліе, впущенное въ Церковь предшествовавшимъ нововведеніемъ, то есть расколомъ, основаннымъ на независимости областнаго мнѣнія.

Я теперь не возражаю на самый догматъ о главенствѣ папы; моя задача: показать какимъ путемъ, черезъ посредство Романизма, совершился переходъ отъ ученія Церкви къ началу Реформы, ибо непосредственный переходъ отъ перваго къ послѣднему былъ невозможенъ.

Авторитетъ папы, заступившій мѣсто вселенской непогрѣшимости, былъ авторитетъ внѣшній. Христіанинъ, нѣкогда членъ Церкви, нѣкогда отвѣтственный участникъ въ ея рѣшеніяхъ, сдѣлался подданнымъ Церкви. Она и онъ перестали быть единымъ: онъ былъ внѣ ея, хотя оставался въ ея нѣдрѣ. Даръ непогрѣшимости, присвоенный папѣ, ставился внѣ всякаго на него вліянія нравственныхъ условій, такъ что, ни испорченность всей христіанской среды, ни даже личная испорченность самого папы не могли имѣть на непогрѣшимость никакого дѣйствія. Папа дѣлался какимъ-то оракуломъ, лишеннымъ всякой свободы, какимъ-

то истуканомъ изъ костей и плоти, приводимымъ въ движеніе затаенными пружинами. Для Христіанина этотъ оракулъ ниспадалъ въ разрядъ явленій матеріальнаго свойства, тѣхъ явленій, которыхъ законы могутъ и должны подлежать изслѣдованіямъ одного разума; ибо внутренняя связь человѣка съ Церковью была порвана. Законъ чисто-внѣшній, и слѣдовательно разсудочный, заступилъ мѣсто закона нравственнаго и живаго, который одинъ не боится раціонализма, ибо объемлетъ не только разумъ человѣка, но и все его существо *).

Государство отъ міра сего заняло мѣсто христіанской Церкви. Единый, живой законъ единенія въ Богѣ вытѣсненъ былъ частными законами, носящими на себѣ отпечатокъ утилитаризма и юридическихъ отношеній. Раціонализмъ развился въ формѣ властительскихъ опредѣленій; онъ изобрѣлъ чистилище, чтобъ объяснить молитвы за усопшихъ; установилъ между Богомъ и человѣкомъ балансъ обязанностей и заслугъ, началъ прикидывать на вѣсы грѣхи и молитвы, проступки и искупительные подвиги; завелъ переводы съ одного человѣка на другаго, узаконилъ обмѣны мнимыхъ заслугъ; словомъ, онъ перенесъ въ святилище вѣры полный механизмъ банкирскаго дома. Единовременно Церковь-государство вводила государственный языкъ—языкъ Латинскій; потомъ она привлекла къ своему суду дѣла мірскія; затѣмъ взялась за оружіе и стала снаряжать сперва нестройныя полчища крестоносцевъ, въ послѣдствіи постоянныя арміи (рыцарскіе ордена), и, наконецъ, когда мечъ былъ вырванъ изъ ея рукъ, она выдвинула въ строй вышколенную дружину Іезуитовъ.

*) Нѣкоторые утверждаютъ, что непогрѣшимость папская дарована Церкви какъ-бы въ награду за ея нравственное единство. Какимъ же образомъ могла она достаться въ награду за оскорбленіе, нанесенное всѣмъ Церквамъ Востока? Другіе говорятъ, что непогрѣшимость состоитъ въ согласіи рѣшенія папы со всею Церковью, созванною на соборъ, или хотя бы и не созванною. Какимъ же образомъ можно было принять догматъ, не подвергнувъ его предварительному обсужденію, даже не сообщивъ его цѣлой половинѣ христіанскаго міра? Всѣ эти извороты не выдерживаютъ и тѣни серьезнаго изслѣдованія.

Повторяю: дѣло теперь не въ критикѣ. Отыскивая источникъ протестантскаго раціонализма, я нахожу его переряженнымъ въ формѣ Римскаго раціонализма и не могу не прослѣдить его развитія. О злоупотребленіяхъ нѣтъ рѣчи, я придерживаюсь началъ. Вдохновенная Богомъ Церковь для западнаго христіанина сдѣлалась чѣмъ-то внѣшнимъ, какимъ-то прорицательнымъ авторитетомъ, авторитетомъ какъ бы вещественнымъ: она обратила человѣка себѣ въ раба и, вслѣдствіе этого, нажила себѣ въ немъ судью.

«Церковь—*авторитетъ*», сказалъ Гизо, въ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ своихъ сочиненій; а одинъ изъ его критиковъ, приводя эти слова, подтверждаетъ ихъ; при этомъ, ни тотъ ни другой не подозрѣваютъ, сколько въ нихъ неправды и богохульства. Бѣдный Римлянинъ! Бѣдный Протестантъ! Нѣтъ: Церковь не авторитетъ, какъ не авторитетъ Богъ, не авторитетъ Христосъ; ибо авторитетъ есть нѣчто для насъ внѣшнее. Не авторитетъ, говорю я, а истина *) и въ тоже время жизнь христіанина, внутренняя жизнь его; ибо Богъ, Христосъ, Церковь живутъ въ немъ жизнью болѣе дѣйствительною, чѣмъ сердце, бьющееся въ груди его, или кровь, текущая въ его жилахъ; но живутъ, поколику онъ самъ живетъ вселенскою жизнью любви и единства, то есть жизнью Церкви. Но таково до сихъ поръ ослѣпленіе западныхъ сектъ, что ни одна изъ нихъ не уразумѣла еще, какъ существенно отличается та почва, на которую онѣ стали, отъ той, на которой издревле стояла и вѣчно будетъ стоять первобытная Церковь.

Въ этомъ отношеніи Латиняне находятся въ полномъ заблужденіи. Сами—раціоналисты во всѣхъ своихъ вѣро-

*) Очень немногіе изъ западныхъ писателей (да и изъ Православныхъ) понимали эту разницу; между этими немногими пріятно встрѣтить Токвиля. Вотъ что писалъ онъ изъ Америки къ одному изъ своихъ друзей: „Очевидно, что многіе изъ Протестантовъ, съ отчаянія, бросаютъ исканіе истины и снова подходятъ подъ ярмо авторитета“, (Oeuvres et correspondance inèdites d'Alexis de Tocqueville etc. etc. Paris. 1861. t. 1, page 312). *Пр. издат.*

ваніяхъ, а другихъ обвиняютъ въ раціонализмѣ; сами—протестанты съ первой минуты своего отпаденія, а осуждаютъ произвольный бунтъ своихъ взбунтовавшихся братьевъ. Съ другой стороны, обвиненные протестанты, имѣя полное право обратить упрекъ противъ своихъ обвинителей, не могутъ этого сдѣлать потому, что сами они не болѣе какъ продолжатели Римскаго ученія, только примѣняемаго ими по своему. Какъ только авторитетъ сдѣлался внѣшнею властью, а познаніе религіозныхъ истинъ отрѣшилось отъ религіозной жизни, такъ измѣнилось и отношеніе людей между собою: въ Церкви они составляли одно цѣлое, потому что въ нихъ жила одна душа; эта связь исчезла, ее замѣнила другая—общеподданическая зависимость всѣхъ людей отъ верховной власти Рима. Какъ только возникло первое сомнѣніе въ законности этой власти, такъ единство должно было рушиться. Ибо ученіе о папской непогрѣшительности утверждалось не на святости вселенской Церкви; да и западный міръ, въ то время какъ онъ присвоивалъ себѣ право измѣнять, или (какъ говорятъ Римляне) разъяснять символъ и ставить ни во что, какъ незаслуживающее вниманія, мнѣніе восточныхъ братьевъ, не заявлялъ даже и притязанія на относительно высшую степень нравственной чистоты. Нѣтъ, онъ просто ссылался на случайную особенность епископскаго преемства, какъ будтобы другіе епископы, поставленные апостоломъ Петромъ, независимо отъ мѣста ихъ пребыванія, не были такими же его преемниками какъ и епископъ Римскій! Никогда Римъ не говорилъ людямъ: «одинъ тотъ можетъ судить меня, кто совершенно святъ, но тотъ будетъ всегда мыслить какъ я». Напротивъ, Римъ разорвалъ всякую связь между познаніемъ и внутреннимъ совершенствомъ духа; онъ пустилъ разумъ на волю, хотя повидимому и попиралъ его ногами.

И разумъ человѣческій воспрянулъ, гордясь созданною для него независимостію логическаго самоопредѣленія и негодуя на оковы, произвольно на него наложенныя; такъ возникло Протестантство, законное по своему происхожденію, хотя и непокорное исчадіе Романизма. Въ извѣстномъ

отношеніи, оно представляетъ собою своего рода реакцію христіанской мысли противъ заблужденій, господствовавшихъ въ продолженіи вѣковъ; но, повторяю, по происхожденію своему, оно не секта первобытнаго Христіанства, а расколъ, порожденный Римскимъ вѣрованіемъ. Поэтому-то Протестантство и не могло распространиться за предѣлы міра подвластнаго папѣ. Этимъ объясняется историческій фактъ, о которомъ я говорилъ выше.

Не трудно было бы показать на ученіи реформатовъ неизгладимое Римское клеймо и духъ утилитарнаго раціонализма, которымъ отличается Папизмъ. Выводы, правда, не одинаковы; но посылки и опредѣленія, подразумѣвательно въ нихъ заключающіяся, всегда тождественны. Папство говоритъ: «Церковь всегда молилась за усопшихъ, но эта молитва была бы *безполезна*, еслибъ не было промежуточнаго состоянія между раемъ и адомъ; *слѣдовательно*, есть чистилище». Реформа отвѣчаетъ: «нѣтъ слѣдовъ чистилища ни въ священномъ писаніи, ни въ первобытной Церкви; *слѣдовательно, безполезно* молиться за усопшихъ, и я не буду молиться». Папство говоритъ: «Церковь обращается къ заступничеству святыхъ; *слѣдовательно оно полезно, слѣдовательно восполняетъ заслуги* молитвы и подвиговъ удовлетворенія». Реформа отвѣчаетъ: «удовлетвореніе за грѣхи кровію Христа, усвоямое вѣрою въ крещеніи и въ молитвѣ, достаточно для искупленія не только человѣка, но и всѣхъ міровъ *); *слѣдовательно* ходатайство за насъ святыхъ безполезно, и не зачѣмъ обращаться къ нимъ съ молитвами». Ясно, что обѣимъ сторонамъ одинаково непонятно святое общеніе душъ. Папство говоритъ: «вѣра, по свидѣтельству апостола Іакова, недостаточна **), *слѣдо-*

*) Та часть Франціи, которая слыветъ религіозною, всегда отличалась какою-то особенною изобрѣтательностію на безсознательное, непреднамѣренное кощунство. Достаточно вспомнить скучную поэму (имѣвшую однако нѣкоторый успѣхъ), въ которой Христосъ вторично пріемлетъ крестную смерть для спасенія демоновъ. Впрочемъ, и сочиненія Шатобріана и Ламартина кишатъ подобными примѣрами.

**) Едва ли нужно доказывать, что апостолъ Іаковъ, въ этой на него ссылкѣ, понятъ ошибочно; повидимому онъ присвоиваетъ знанію

вательно вѣрою мы не можемъ спастись, и *слѣдовательно* дѣла *полезны* и составляютъ *заслугу*». Протестантство отвѣчаетъ: «одна вѣра спасаетъ, по свидѣтельству апостола Павла, а дѣла не составляютъ заслуги; *слѣдовательно* дѣла *безполезны*» и т. д. и т. д.

Такимъ образомъ воюющія стороны, въ продолженіи вѣковъ, перебрасывались и доселѣ перебрасываются силлогизмами, но все на одной почвѣ, именно: на почвѣ раціонализма, и ни та ни другая сторона не можетъ избрать для себя иной. Въ Реформу перешло даже и установленное Римомъ дѣленіе Церкви на Церковь учащую и Церковь поучаемую; разница лишь въ томъ, что въ Римскомъ исповѣданіи оно существуетъ по праву, въ силу признаннаго закона, а въ Протестантствѣ только какъ фактъ, и еще въ томъ, что мѣсто священника занялъ ученый, какъ видно изъ приведенной бесѣды моей съ пасторомъ. Говоря это, я не нападаю ни на протестантовъ, ни на Римлянъ. Такъ какъ связь между логическимъ познаваніемъ и внутреннею, духовною жизнью была уже порвана до появленія Лютера и Кальвина, то очевидно, что ни тотъ ни другой ничего самопроизвольно себѣ не присвоилъ: они только воспользовались правами, которыя были имъ подразумѣвательно уступлены ученіемъ самаго Рима. Единственная моя цѣль состоитъ въ томъ, чтобъ опредѣлить характеръ обѣихъ половинъ западнаго міра въ глазахъ Церкви и этимъ дать возможность читателю понять духъ Православія.

Кажется, я доказалъ, что Протестантство у насъ невозможно и что мы не можемъ имѣть ничего общаго съ Реформою, ибо стоимъ на совершенно иной почвѣ; но, чтобъ довести этотъ выводъ до очевидности, я представлю еще одно объясненіе, свойства болѣе положительнаго. Духъ Божій, глаголющій священными писаніями, поучающій и освѣщающій священнымъ преданіемъ вселенской Церкви, не можетъ быть постигнутъ однимъ разумомъ. Онъ

названіе вѣры, но это вовсе не значитъ, чтобъ онъ отождествлялъ ихъ; напротивъ, этимъ присвоеніемъ онъ хочетъ доказать знанію всю не законность его притязаній на названіе, которое оно похищаетъ, не имѣя въ себѣ отличительныхъ признаковъ вѣры.

доступенъ только полнотѣ человѣческаго духа, подъ наитіемъ благодати. Попытка проникнуть въ область вѣры и въ ея тайны, преднося передъ собою одинъ свѣтильникъ разума, есть дерзость въ глазахъ христіанина, не только преступная, но въ тоже время безумная. Только свѣтъ, съ неба сходящій и проникающій всю душу человѣка, можетъ указать ему путь; только сила, даруемая Духомъ Божіимъ, можетъ вознести его въ тѣ неприступныя высоты, гдѣ является Божество. «Только тотъ можетъ понять пророка, кто самъ пророкъ», говоритъ Св. Григорій-чудотворецъ. Только само Божество можетъ уразумѣть Бога и безконечность Его премудрости. Только тотъ, кто въ себѣ носитъ живаго Христа, можетъ приблизиться къ Его престолу, не уничтожившись передъ тою славою, передъ которою самыя чистыя силы духовныя повергаются въ радостномъ трепетѣ. Только Церкви, святой и безсмертной, живому ковчегу Духа Божьяго, носящему въ себѣ Христа, своего Спасителя и Владыку, только ей одной, связанной съ Нимъ внутреннимъ и тѣснымъ единеніемъ, котораго ни мысль человѣческая не въ силахъ постигнуть, ни слово человѣческое не въ силахъ выразить, дано право и дана власть созерцать небесное величіе и проникать въ его тайны. Я говорю о Церкви въ ея цѣлости, о Церкви, по отношенію къ которой Церковь земная составляетъ нераздѣльную отъ нея часть; ибо что̀ мы называемъ Церковью видимою и Церковью невидимою образуетъ не двѣ Церкви, а одну, подъ двумя различными видами. Церковь въ ея полнотѣ, какъ духовный организмъ, не есть ни собирательное существо, ни существо, отвлеченное; это есть Духъ Божій, который знаетъ Самъ Себя и не можетъ не знать. Церковь, въ этомъ смыслѣ понятая, то есть вся Церковь, или Церковь въ ея цѣлости, начертала священныя писанія, она же даетъ имъ жизнь въ преданіи; иными словами, и говоря точнѣе: писаніе и преданіе, эти два проявленія одного и тогоже Духа, составляютъ одно проявленіе; ибо писаніе не иное что, какъ преданіе начертанное, а преданіе не иное что, какъ живое писаніе. Такова тайна этого стройнаго единства; оно образуется сліяніемъ чи-

стѣйшей святости съ высочайшимъ разумомъ, и только черезъ это сліяніе разумъ пріобрѣтаетъ способность уразумѣвать предметы въ той области, гдѣ одинъ разумъ, отрѣшенный отъ святости, былъ бы слѣпъ какъ сама матерія.

На этой ли почвѣ возникнетъ Протестантство? На эту ли почву станетъ человѣкъ, поставляющій себя судьею надъ Церковью и тѣмъ самымъ заявляющій притязаніе на совершенство святости, равно какъ и на совершенство разума? Сомнѣваюсь, чтобы такой человѣкъ могъ быть принятъ какъ желанный гость тою Церковью, у которой первое начало то, что невѣдѣніе есть неизбѣжный удѣлъ каждаго лица въ отдѣльности, также какъ грѣхъ, и что полнота разумѣнія, равно какъ и безпорочная святость, принадлежатъ лишь единству всѣхъ членовъ Церкви.

Таково ученіе вселенской, православной Церкви, и я утверждаю смѣло, что никто не отыщетъ въ немъ зачатковъ раціонализма.

Но откуда, спросятъ насъ, возмется сила для охраненія ученія столь чистаго и столь возвышеннаго? Откуда возмется оружіе для его защиты?—Сила найдется во взаимной любви, оружіе въ общеніи молитвы; а любви и молитвѣ помощь Божія не измѣнитъ, ибо Самъ Богъ внушаетъ любовь и молитву.

Но въ чемъ же искать гарантій противъ заблужденія въ будущемъ? На это одинъ отвѣтъ: кто ищетъ внѣ надежды и вѣры какихъ либо иныхъ гарантій для духа любви, тотъ уже раціоналистъ. Для него и Церковь немыслима, ибо онъ уже всею душею погрузился въ сомнѣніе.

Не знаю, удалось ли мнѣ на столько выяснить мысль мою, чтобъ дать возможность читателямъ понять разницу между основными началами Церкви и всѣхъ западныхъ исповѣданій. Эта разница такъ велика, что едвали можно найти хоть одно положеніе, въ которомъ бы онѣ были согласны; обыкновенно даже, чѣмъ на видъ сходнѣе выраженія и внѣшнія формы, тѣмъ существеннѣе различіе въ ихъ внутреннемъ значеніи.

Такъ, большая часть вопросовъ, о которыхъ столько уже вѣковъ длятся споры въ религіозной полемикѣ Европы, находитъ въ Церкви легкое разрѣшеніе; говоря точнѣе, для нея они даже не существуютъ, какъ вопросы. Такъ, принимая за исходное начало, что жизнь духовнаго міра есть не иное что, какъ любовь и общеніе въ молитвѣ, она молится за усопшихъ, хотя отвергаетъ изобрѣтенную раціонализмомъ баснь о чистилищѣ; испрашиваетъ ходатайства святыхъ, не приписывая имъ однако заслугъ, придуманныхъ утилитарною школою, и не признавая нужды въ другомъ ходатайствѣ кромѣ ходатайства Божественнаго Ходатая. Такъ ощущая въ себѣ самой живое единство, она не можетъ даже понять вопроса о томъ, въ чемъ спасеніе: въ одной ли вѣрѣ, или въ вѣрѣ, и дѣлахъ вмѣстѣ? Ибо, въ ея глазахъ, жизнь и истина составляютъ одно, и дѣла̀ ничто иное какъ проявленіе вѣры, которая, безъ этого проявленія, была бы не вѣрою, а логическимъ знаніемъ. Такъ, чувствуя свое внутреннее единеніе съ Духомъ Святымъ, она за все благое возноситъ благодареніе Единому Благому, себѣ же ничего не приписываетъ, ничего не приписываетъ и человѣку, кромѣ зла, противоборствующаго въ немъ дѣлу Божію: ибо человѣкъ долженъ быть немощенъ, дабы въ душѣ его могла совершиться Божія сила. Слишкомъ далеко завело бы насъ перечисленіе всѣхъ тѣхъ вопросовъ, въ которыхъ проявляется рѣшительное и доселѣ вполнѣ еще неопознанное различіе между духомъ Церкви и духомъ раціоналистическихъ сектъ; это потребовало бы пересмотра всѣхъ догматовъ, обрядовъ, и нравственныхъ началъ Христіанства.

Но я долженъ остановить вниманіе читателя на явленіи выдающемся изъ ряду и особенно знаменательномъ. Я, кажется, показалъ, что раздвоеніе Церкви на Церковь учащую и Церковь учениковъ (такъ бы слѣдовало называть низшій отдѣлъ), признанное въ Романизмѣ какъ коренной принципъ, обусловленный самымъ складомъ Церкви-государства и дѣленіемъ его на церковниковъ и мірянъ, прошло и въ Реформу и въ ней сохраняется, какъ послѣдствіе упраздненія законнаго преданія или посягательства

науки на вѣру. Итакъ, вотъ черта общая обоимъ западнымъ исповѣданіямъ; отсутствіе ея въ православной Церкви, самымъ рѣшительнымъ образомъ, опредѣляетъ характеръ послѣдней.

Говоря это, я предлагаю не гипотезу, даже не логическій выводъ изъ совокупности другихъ началъ Православія (такой выводъ былъ мною сдѣланъ и изложенъ письменно много лѣтъ тому назадъ *), а гораздо болѣе. Указанная мною особенность есть неоспоримый догматическій фактъ. Восточные патріархи, собравшись на соборъ съ своими епископами, торжественно провозгласили, въ своемъ отвѣтѣ на окружное посланіе Пія IX, что «непогрѣшимость почіетъ единственно во *вселенскости* Церкви, объединенной взаимною любовью, и что неизмѣняемость догмата, равно какъ и чистота обряда, ввѣрены охранѣ не одной іерархіи, но всего народа церковнаго, который есть тѣло Христово» **). Это формальное объявленіе всего восточнаго клира, принятое мѣстною Русскою Церковью съ почтительною и братскою признательностью, пріобрѣло нравственный авторитетъ вселенскаго свидѣтельства. Это безспорно, самое значительное событіе въ церковной исторіи за много вѣковъ.

Въ истинной Церкви нѣтъ Церкви учащей.

Значитъ-ли это, что нѣтъ поученія? Есть, и болѣе чѣмъ гдѣ нибудь; ибо въ ней поученіе не стѣснено въ предустановленныхъ границахъ. Всякое слово, внушенное чувствомъ истинно-христіанской любви, живой вѣры или надежды, есть поученіе; всякое дѣло, запечатлѣнное Духомъ

---

*) Здѣсь авторъ, кажется, намекаетъ на „Опытъ катихизическаго изложенія ученія о Церкви“, помѣщенный въ этомъ же томѣ его сочиненій.

**) Считаемъ нелишнимъ привести §§ Окружнаго Посланія 6 Мая 1848 года, на которые ссылается авторъ.

§ 16. Мы не имѣемъ никакого свѣтскаго надзирательства или, какъ говоритъ его блаженство, священнаго управленія, а только соединены союзомъ любви и усердія къ общей матери, въ единствѣ вѣры и пр.

§ 17... У насъ ни патріархи, ни соборы никогда не могли ввести что-нибудь новое, потому что хранитель благочестія у насъ есть самое тѣло Церкви, т. е. самый народъ и т. д. (Выписано изъ Русскаго перевода, изданнаго въ С.-Петербургѣ, въ 1850 году). *Пр. изд.*

Божіимъ, есть урокъ; всякая христіанская жизнь есть образецъ и примѣръ. Мученикъ, умирающій за истину, судья, судящій въ правду (не ради людей, а ради самаго Бога), пахарь въ скромномъ трудѣ, постоянно возносящійся мыслію къ своему Создателю, живутъ и умираютъ для поученія братьевъ; а встрѣтится въ томъ нужда—Духъ Божій вложитъ въ ихъ уста слова мудрости, какихъ не найдетъ ученый и богословъ. «Епископъ, въ одно и тоже время, есть и учитель и ученикъ своей паствы», сказалъ современный апостолъ Алеутскихъ острововъ, епископъ Иннокентій. Всякій человѣкъ, какъ бы высоко онъ не былъ поставленъ на ступеняхъ іерархіи или, на оборотъ, какъ бы ни былъ онъ укрытъ отъ взоровъ въ тѣни самой скромний обстановки, попеременно, то поучаетъ, то принимаетъ поученіе: ибо Богъ надѣляетъ кого хочетъ дарами Своей премудрости; не взирая на званія и лица. Поучаетъ не одно слово, но цѣлая жизнь. Не признавать инаго поученія, кромѣ поученія словомъ, какъ орудіемъ логики—въ этомъ-то и заключается раціонализмъ, и въ этомъ его проявленін онъ высказался въ Папизмѣ еще ярче, чѣмъ въ Реформѣ. Вотъ что̀ объявили патріархи и что̀ подтвердила Церковь!

Вопросъ о поученіи приводитъ насъ опять къ вопросу объ изслѣдованіи; ибо поученіе предполагаетъ изслѣдованіе, и первое безъ послѣдняго невозможно. Я, кажется показалъ, что вѣра смыслящая, которая есть даръ благодати и въ тоже время актъ свободы, всегда предполагаетъ предшествовавшее ей изслѣдованіе и сопровождается имъ, подъ тою или другою формою, и что Романизмъ, повидимому не терпящій изслѣдованія, на самомъ дѣлѣ допускаетъ его также какъ и Протестантство, провозглашающее его законность. Но я долженъ оговорить, что хотя, придерживаясь общепринятыхъ опредѣленій, я призналъ право изслѣдованія данныхъ, на которыхъ зиждутся вѣра и ея тайны, однако я этимъ отнюдь не думалъ оправдывать того значенія, какое придается слову *изслѣдованіе* (examen) въ западныхъ исповѣданіяхъ. Вѣра всегда есть слѣдствіе откровенія опознаннаго, то есть признанаго за откровеніе; она есть созерцаніе факта невидимаго, проявленнаго въ фактѣ

видимомъ; вѣра не то что *вѣрованіе* или убѣжденіе логическое, основанное на выводахъ, а гораздо болѣе. Она не есть актъ одной познавательной способности, отрѣшенной отъ другихъ, но актъ всѣхъ силъ разума, охваченнаго и плѣненнаго до послѣдней его глубины живою истиною откровеннаго факта. Вѣра не только мыслится или чувствуется, но, такъ сказать, и мыслится и чувствуется вмѣстѣ; словомъ—она не одно познаніе, но познаніе и жизнь. Очевидно потому, что и процессъ изслѣдованія, въ примѣненіи его къ вопросамъ вѣры, отъ нея же заимствуетъ существенное ея свойство и всецѣло отличается отъ изслѣдованія въ обыкновенномъ значеніи этого слова. Во первыхъ, въ области вѣры міръ, подлежащій изслѣдованію, не есть міръ для человѣка внѣшній; ибо самъ человѣкъ и весь человѣкъ всею цѣлостью разума и воли, принадлежитъ къ этому міру, какъ существенная часть его. Во вторыхъ, изслѣдованіе въ области вѣры предполагаетъ нѣкоторыя основныя данныя, нравственныя или раціональныя, стоящія для души выше всякаго сомнѣнія. Въ сущности изслѣдованіе есть не иное что какъ процессъ разумнаго раскрытія этихъ данныхъ; ибо сомнѣніе полное, не знающіе границъ (пирронизмъ), еслибъ оно могло существовать въ дѣйствительности, исключило бы не только всякую возможность вѣры, но и всякую мысль о серьезномъ изслѣдованіи. Малѣйшая изъ этихъ данныхъ, будучи разъ допущена душею *совершенно* чистою, дала бы ей всѣ другія данныя, въ силу неотразимаго, хотя можетъ быть и несознаннаго ею вывода. Для православной Церкви совокупность этихъ данныхъ объемлетъ всю вселенную, со всѣми явленіями человѣческой жизни, и все слово Божіе, какъ писанное, такъ и выражаемое *догматическимъ вселенскимъ* преданіемъ.

Всякое покушеніе отнять у христіанина хотя бы одну изъ этихъ данныхъ становится неизбѣжно нелѣпостью или богохульствомъ. Въ нелѣпость впадаютъ протестанты, отвергая преданіе законное и, въ тоже время, живя преданіемъ по собственному ихъ сознанію незаконнымъ; въ богохульство впадаютъ Римляне, отнимая у мірянъ писанное слово и кровь Спасителя. Итакъ, само изслѣдованіе въ об-

ласти вѣры, какъ по многоразличію подлежащихъ ему данныхъ, такъ и потому, что цѣль его заключается въ истинѣ живой, а не только логической, требуетъ употребленія въ дѣло всѣхъ умственныхъ силъ, въ волѣ и въ разумѣ, и, сверхъ того, требуетъ еще внутренняго изслѣдованія самыхъ этихъ силъ. Нужно принимать въ соображеніе не только зримый міръ, какъ объектъ, но и силу и чистоту органа зрѣнія

Исходное начало такого изслѣдованія — въ смиренномъ признаніи собственной немощи. Иначе быть не можетъ; ибо тѣнь грѣха содержитъ уже въ себѣ возможность заблужденія, а возможность переходитъ въ неизбѣжность, когда человѣкъ безусловно довѣряется собственнымъ своимъ силамъ или дарамъ благодати, лично ему ниспосланнымъ; а потому тотъ лишь могъ бы предъявить притязаніе на личную независимость въ изслѣдованіи предметовъ вѣры, кто признавалъ бы въ себѣ не только совершенство познавательной способности, но и совершенство нравственное. Одной сатанинской гордости на это было бы недостаточно, и нужно бы было предположить при ней небывалое безуміе. Итакъ, тамъ лишь истина, гдѣ безпорочная святость, то есть, въ цѣлости вселенской Церкви, которая есть проявленіе Духа Божьяго въ человѣчествѣ.

Подобно тому какъ характеромъ вѣры опредѣляется характеръ изслѣдованія, такъ характеромъ изслѣдованія опредѣляется характеръ поученія. Всѣ силы души озаряются вѣрою, всѣ усвоиваютъ ее себѣ изслѣдованіемъ, всѣ получаютъ ее чрезъ учительство. Поэтому поученіе обращается не къ одному уму и дѣйствуетъ не исключительно черезъ его посредство, а обращается къ разуму въ его цѣлости и дѣйствуетъ черезъ все многообразіе его силъ, составляющихъ въ общей совокупности живую единицу. Поученіе совершается не однимъ писаніемъ, какъ думаютъ протестанты (которыхъ, впрочемъ, мы благодаримъ отъ всего сердца за размноженіе экземпляровъ Библіи), не изустнымъ толкованіемъ, не символомъ (котораго необходимости мы впрочемъ отнюдь не отрицаемъ), не проповѣдью, не изученіемъ богословія и не дѣлами любви, но

всѣми этими проявленіями вмѣстѣ. Кто получилъ отъ Бога даръ слова, тотъ учитъ словомъ; кому Богъ не далъ дара слова, тотъ поучаетъ жизнью. Мученики, въ минуту смерти возвѣщавшіе, что страданія и смерть за истину Христову принимались ими съ радостью, были по истинѣ великими наставниками. Кто говоритъ брату: «я не въ силахъ убѣдить тебя, но давай, помолимся вмѣстѣ»—и обращаетъ его пламенною молитвою, тотъ также сильное орудіе учительства. Кто силою вѣры и любви исцѣляетъ больнаго и тѣмъ приводитъ къ Богу заблудшія души, тотъ пріобрѣтаетъ учениковъ и, въ полномъ смыслѣ слова, становится ихъ учителемъ.

Конечно Христіанство выражается и въ формѣ логической, въ символѣ; но это выраженіе не отрывается отъ другихъ его проявленій. Христіанство преподается какъ наука, подъ названіемъ *богословія*; но это не болѣе какъ вѣтвь учительства въ его цѣлости. Кто отсѣкаетъ ее, иными словами кто отрываетъ учительство (въ тѣсномъ смыслѣ преподаванія и толкованія) отъ другихъ его видовъ, тотъ горько заблуждается; кто обращаетъ учительство въ чью либо исключительную привилегію, впадаетъ въ безуміе; кто пріурочиваетъ учительство къ какой либо должности, предполагая, что съ нею неразлучно связанъ Божественный даръ ученія, тотъ впадаетъ въ ересь: ибо тѣмъ самымъ создаетъ новое, небывалое таинство—таинство раціонализма или логическаго знанія *).

---

*) Отличительная особенность таинства передъ всякимъ другимъ дѣйствіемъ состоитъ именно въ томъ, что сила и дѣйствительность его нисколько не зависятъ отъ индивидуальныхъ свойствъ и внутренняго настроенія того лица, черезъ кого оно совершается. Предполагать, что изъ устъ папы всегда и непремѣнно исходитъ истина свыше повѣданная и что ни личная ограниченность его пониманія, ни личная его грѣховность не могутъ имѣть вліянія на его догматическія рѣшенія, значитъ очевидно обращать его въ простое орудіе благодатнаго дѣйствія, а самый актъ рѣшенія вопросовъ въ таинство. Мысль эта подробнѣе развита въ слѣдующей брошюрѣ. *Пр. перев.*

Учитъ *вся* Церковь, иначе: Церьковь въ ея цѣлости; учащей Церкви, въ иномъ смыслѣ, Церковь не признаетъ *).

Такимъ образомъ, съ одной стороны характеръ изслѣдованія, въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ его Церковь, придаетъ ей свойство непроницаемости для Протестантства; съ другой, характеръ учительства въ Церкви придаетъ ей свойство непроницаемости для Латинства.

Надѣюсь, сказанное мною достаточно доказываетъ, что второе обвиненіе, направленное противъ насъ г. Лоранси, гр. де Местромъ и еще многими другими, также неосновательно какъ и первое, и что Протестантство иначе даже и не могло возникнуть въ Церкви, какъ чрезъ посредство Римскаго раскола, изъ котораго оно неизбѣжно вытекаетъ. Этимъ же, повторяю еще разъ, объясняется, почему Протестанство не могло выступить изъ предѣловъ Римскаго міра, создавшаго ту почву, которая одна только и могла родить изъ себя идею реформатскихъ исповѣданій. Неизмѣримо выше, на совершенно иной почвѣ, утверждается Церковь вселенская и православная, Церковь первобытная, словомъ Церковь; и съ этимъ, я надѣюсь, согласятся читатели, вопреки господствующимъ предубѣжденіямъ и не смотря на слабость пера, излагающаго предъ ними духъ церковнаго ученія.

Представляется, однако, возраженіе, повидимому вытекающее изъ моихъ же словъ. Могутъ сказать, что, выведя родословную Протестантства черезъ посредство Романизма, я доказалъ, что раціоналистическая почва Реформы создана была Римскимъ расколомъ; а такъ какъ самый этотъ расколъ, поставивъ на мѣсто вселенской вѣры свое частное, областное мнѣніе, тѣмъ самымъ, въ моментъ своего возникновенія, совершилъ актъ Протестантства, то изъ этого слѣдуетъ (хотя я и утверждаю противное), что Протестанство можетъ возникнуть прямо изъ Церкви. Надѣюсь, однако, что мой отвѣтъ меня оправдаетъ. Дѣйствительно, своимъ отпаденіемъ отъ Церкви, Римъ совершилъ актъ

*) Это нисколько не противорѣчитъ тому, что служеніе словомъ возложено преимущественно на клиръ, как ъ его обязанность.

Протестантства; но въ тѣ времена, духъ Церкви, даже на Западѣ, былъ еще столь силенъ и столь противоположенъ духу позднѣйшей Реформы, что Романизмъ вынужденъ былъ укрыть отъ взоровъ христіанъ и отъ самого себя свой собственный характеръ, надѣвъ на внесенное имъ въ среду Церкви начало раціоналистическаго безначалія личину правительственнаго деспотизма въ дѣлахъ вѣры. Этимъ отвѣтомъ устраняется вышеизложенное сомнѣніе, но въ подкрѣпленіе представляется еще слѣдующее соображеніе: еслибъ даже могло оправдаться чѣмъ нибудь предположеніе, что *въ былыя времена* была возможность для Протестантства или для протестантскаго начала зародиться въ самомъ лонѣ Церкви, то все-таки не подлежало бы никакому сомнѣнію, что *теперь* эта возможность уже не существуетъ.

Отъ самаго начала христіанскаго міра немало возникало въ немъ ересей, возмущавшихъ его согласіе. Еще прежде чѣмъ апостолы окончили свое земное поприще, многіе изъ ихъ учениковъ обольстились ложью. Позднѣе, съ каждымъ вѣкомъ, умножались ереси, каковы напримѣръ Савеліанство, Монтанизмъ и многія другія. Наконецъ, множество вѣрныхъ отторгнуто было отъ Церкви Несторіанствомъ, Евтихіанствомъ, съ ихъ многоразличными развѣтвленіями и, въ особенности, Аріанствомъ, подавшимъ, какъ извѣстно, случайный поводъ къ Римскому расколу. Спрашивается, могутъ ли эти ереси возродиться? Нѣтъ! Во время ихъ возникновенія, догматы, противъ которыхъ онѣ возставали, хотя и заключались подразумѣвательно (implicite) въ церковномъ преданіи, но еще не были облечены въ форму совершенно ясныхъ опредѣленій; поэтому для немощи личной вѣры была возможность заблужденія. Позднѣе, Божіимъ Промысломъ, благодатію Его вѣчнаго Слова и вдохновеніемъ Духа истины и жизни, догматъ получилъ на соборахъ точное опредѣленіе и, съ той поры, заблужденіе, въ прежнемъ смыслѣ, стало невозможнымъ даже для личной немощи. Невѣріе возможно и теперь, но невозможно Аріанство. Одинаково невозможны и другія ереси. Онѣ заключали въ себѣ заблужденія въ повѣданномъ дог-

матѣ о внутреннемъ существѣ Божіемъ, или объ отношеніяхъ Бога къ человѣческому естеству; но, искажая догматическое преданіе, онѣ заявляли притязаніе на вѣрность преданію. Это были заблужденія болѣе или менѣе преступныя, но заблужденія личныя, не посягавшія на догматъ о церковной вселенскости; напротивъ, всѣ упомянутыя ереси свидѣтельствовались согласіемъ всѣхъ христіанъ и этимъ мнимымъ согласіемъ старались доказать истинность своихъ ученій. Романизмъ началъ съ того, что поставилъ назависимость личнаго или областнаго мнѣнія выше вселенскаго единовѣрія (ибо, какъ я уже показалъ, ссылка на непогрѣшимость папы, какъ на оправданіе раскола, принадлежитъ къ позднѣйшему времени); Романизмъ, первый создалъ ересь новаго рода, ересь противъ догмата о существѣ Церкви, противъ ея вѣры въ самое себя. Реформа была только продолженіемъ тойже ереси, подъ другимъ видомъ.

Таково опредѣленіе всѣхъ западныхъ сектъ, а заблужденіе единожды опредѣлившееся становится невозможнымъ для ченовъ Церкви. Выводить ли отсюда, что они застрахованы отъ всякаго заблужденія? Нисколько: одинаково неразумно было бы утверждать, что они ограждены отъ грѣха. Такое совершенство принадлежитъ только Церкви въ ея живой цѣлости и никому лично приписано быть не можетъ.

Кто изъ людей за себя поручится, что никогда не придастъ ошибочнаго значенія выраженію Духа Божьяго въ Церкви, то есть слову писанному или живому преданію? Тотъ одинъ имѣлъ бы право предположить въ себѣ такую непогрѣшимость, кто могъ бы назвать себя живымъ органомъ Духа Божія. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что вѣра православнаго христіанина открыта для заблужденій? Нѣтъ; ибо христіанинъ, тѣмъ самымъ, что вѣритъ во вселенскую Церковь, низводитъ свое вѣрованіе *въ вопросахъ, которымъ не дано еще яснаго опредѣленія*, на степень мнѣнія личнаго или областнаго, если оно принимается цѣлою эпархіею. Впрочемъ, и заблужденіе въ мнѣніи, хотя и безопасное для Церкви, не можетъ считаться незиннымъ

въ христіанинѣ. Оно всегда есть признакъ и послѣдствіе нравственнаго заблужденія или нравственной немощи, дѣлающей человѣка до извѣстной степени недостойнымъ небеснаго свѣта и, какъ всякій грѣхъ, можетъ быть изглажено только Божественнымъ милосердіемъ. Вѣра христіанина должна быть преисполнена радости и признательности, но въ тойже мѣрѣ и страха. Пусть она молится! Пусть испрашиваетъ недостающаго ему свѣта! Лишь бы не дерзалъ онъ убаюкивать свою совѣсть, ни по примѣру реформата, который говоритъ: «Конечно я, можетъ быть, и ошибаюсь, но намѣренія мои чисты, и Богъ приметъ ихъ въ разсчетъ, равно какъ и немощь мою»; ни по примѣру Римлянина, который говоритъ: «Положимъ, я ошибаюсь; но что за важность? За меня знаетъ истину папа, и я впередъ подчиняюсь его рѣшенію!» Понятіе Церкви о грѣховности всякаго заблужденія вѣрно выразилось въ одномъ сказаніи, можетъ быть и сомнительномъ по отношенію къ фактической его достовѣрности, но несомнѣнно истинномъ по отношенію къ его смыслу. Отшельникъ, котораго примѣрная жизнь озарялась дарами Божественной благодати, придерживался заблужденія многихъ своихъ современниковъ, принимавшихъ царя Салимскаго не за символическій образъ, а за явленіе Самого Царя міра, Спасителя человѣковъ. Святой епископъ, въ эпархіи котораго проживалъ этотъ отшельникъ, пригласилъ его на бесѣду и, не вступая съ нимъ въ споръ, предложилъ ему провести ночь въ молитвѣ. На другой день онъ спросилъ у него, остается ли онъ при прежнемъ мнѣніи? Отшельникъ отвѣчалъ: «я былъ въ заблужденіи, да проститъ мнѣ Богъ мое согрѣшеніе!» Онъ ясно понялъ, потому что смиренно молился. Пусть же всякій вѣруетъ съ трепетомъ, ибо нѣтъ заблужденія невиннаго; но, повторяю, для Церкви заблужденіе безопасно.

Я отвѣтилъ на обвиненія, взводимыя на Православіе г-мъ Лоранси и многими другими писателями одного съ нимъ исповѣданія; выяснилъ, на сколько смогъ, различіе въ характерѣ Церкви и западныхъ исповѣданій; выказалъ въ раціонализмѣ, какъ Латинскомъ такъ и Протестантскомъ,

ересь противъ догмата о вселенскости и святости Церкви. Затѣмъ я считаю обязанностью сказать нѣсколько словъ и о томъ, въ какомъ свѣтѣ представляются намъ наши отношенія къ этимъ двумъ исповѣданіямъ, ихъ взаимныя отношенія и ихъ современное положеніе.

Такъ какъ Реформа есть не болѣе какъ продолженіе и развитіе Романизма, то я долженъ сперва сказать объ отношеніяхъ нашихъ къ послѣднему. Сближеніе между нами возможно ли?—Кромѣ рѣшительнаго отрицанія, инаго отвѣта нельзя дать на этотъ вопросъ. Истина не допускаетъ сдѣлокъ. Что папство изобрѣло Церковь Греко-уніатскую—это понятно. Церковь-государство можетъ, если ей заблагоразсудится, пожаловать нѣкоторыя права гражданства бывшимъ своимъ восточнымъ братьямъ, которыхъ она же нѣкогда объявила илотами въ области вѣры; она можетъ дать имъ эти права въ награду за смиренное ихъ подчиненіе авторитету папы, не требуя отъ нихъ единства вѣры, выраженной въ символѣ. Истымъ Латинянамъ такіе полуграждане конечно ничего болѣе не внушаютъ кромѣ жалости съ примѣсью презрѣнія; но они пригодны и полезны какъ союзники противъ ихъ восточныхъ братьевъ, которымъ они измѣнили, уступая гоненію. До настоящихъ Римскихъ гражданъ имъ, разумѣется, далеко, и ни одинъ богословъ, ни одинъ учитель, не взялся бы доказать логичности ихъ исповѣданія; это нелѣпость терпимая—не болѣе. Такого рода единеніе, въ глазахъ Церкви, немыслимо, но оно совершенно согласно съ началами Романизма. Въ сущности, для него Церковь состоитъ въ одномъ лицѣ, въ папѣ; подъ нимъ аристократія его чиновниковъ, изъ числа которыхъ высшіе носятъ многозначительное названіе *князей Церкви* (princes de l'Église); ниже толпится чернь мірянъ, для большинства которыхъ невѣжество почти обязательно; еще ниже стоитъ илотъ Греко-унитъ, помилованный въ награду за свою покорность, Греко-унитъ, въ которомъ предполагается безмысліе и за которымъ оно признано какъ его право. Повторяю: Романизмъ можетъ допустить такое сліяніе, но Церковь не знаетъ сдѣлокъ въ догматѣ и въ вѣрѣ. Она требуетъ единства полнаго, не менѣе; за то она

даетъ въ обмѣнъ равенство полное; ибо знаетъ братство, но не знаетъ подданства. Итакъ; сближеніе невозможно безъ полнаго отреченія со стороны Римлянъ отъ заблужденія, длившагося болѣе десяти вѣковъ.

Но не могъ ли бы соборъ закрыть бездну, отдѣляющую Римскій расколъ отъ Церкви? Нѣтъ; ибо тогда только можно будетъ созвать соборъ, когда предварительно закроется эта бездна. Правда, и люди, напоенные ложными мнѣніями, участвовали на вселенскихъ соборахъ; изъ нихъ нѣкоторые возвращались къ истинѣ, другіе упорствовали въ своихъ заблужденіяхъ и тѣмъ окончательно выдѣлялись изъ Церкви; но дѣло въ томъ, что эти люди, несмотря на свои заблужденія въ самыхъ основныхъ догматахъ вѣры, не отрицали Божественнаго права церковной вселенскости. Они питали или, по крайней мѣрѣ, заявляли надежду опредѣлить въ ясныхъ, не оставляющихъ мѣста для сомнѣнія, выраженіяхъ догматъ исповѣдуемый Церковью и удостоиться благодати засвидѣтельствованія вѣры своихъ братьевъ. Такова была цѣль соборовъ, таково ихъ значеніе, таково понятіе, заключающееся въ обыкновенной формулѣ введенія ко всѣмъ ихъ рѣшеніямъ: «изволися Духу Святому и т. д.» Въ этихъ словахъ выражалось не горделивое притязаніе, но смиренная надежда, которая въ послѣдствіи оправдывалась или отвергалась согласіемъ или несогласіемъ всего народа церковнаго, или всего тѣла Христова, какъ выразились восточные патріархи. Бывали соборы еретическіе, каковы напримѣръ тѣ, на которыхъ составленъ былъ полуаріанскій символъ; соборы, на которыхъ подписавшихся епископовъ насчитывалось вдвое болѣе, чѣмъ на Никейскомъ, соборы, на которыхъ императоры принимали ересь, патріархи провозглашали ересь, папы подчинялись ереси *). Почему же отвергнуты эти соборы, не представляющіе никакихъ наружныхъ отличій отъ соборовъ вселенскихъ?

*) Отступничество папы Либерія не подлежитъ никакому сомнѣнію. Пусть адвокаты оправдываютъ его страхомъ или слабостью: въ глазахъ всякаго здравомыслящаго, кто можетъ впасть въ заблужденіе по страху или слабости, можетъ также легко увлечься и другими страстями, властолюбіемъ, алчностью, ненавистью.

Потому единственно, что ихъ рѣшенія не были признаны за голосъ Церкви *всѣмъ церковнымъ народомъ*, тѣмъ народомъ и въ той средѣ, гдѣ въ вопросахъ вѣры нѣтъ различія между ученымъ и невѣждою, церковникомъ и міряниномъ, мущиною и женщиною, государемъ и подданнымъ, рабовладѣльцемъ и рабомъ, гдѣ, когда это нужно, по усмотрѣнію Божію, отрокъ получаетъ даръ вѣдѣнія, младенцу дается слово премудрости, ересь ученаго епископа опровергается безграмотнымъ пастухомъ, дабы всѣ были едино въ свободномъ единствѣ живой вѣры, которое есть проявленіе Духа Божія. Таковъ догматъ, лежащій въ глубинѣ идеи собора. Какимъ же образомъ и съ какого права принялъ бы участіе въ соборѣ тотъ, кто, подобно Реформату, поставилъ независимость личнаго мнѣнія выше святости вселенской вѣры? Или тотъ, кто, подобно Римлянину, присвоилъ раціонализму областнаго мнѣнія права, принадлежащія только вдохновенію вселенской Церкви? Да и къ чему соборъ, если западный міръ сподобился получить столь ясное откровеніе Божественной истины, что счелъ себя уполномоченнымъ включить его въ сvмволъ вѣры и не нашелъ даже нужнымъ выждать подтвержденія отъ Востока. Что̀ бы сталъ дѣлать на соборѣ жалкій илотъ, Грекъ или Русскій, рядомъ съ избранными сосудами, съ представителями народовъ, помазавшихъ самихъ себя елеемъ непогрѣшимости? Соборъ дотолѣ невозможенъ, пока западный міръ, вернувшись къ самой идеѣ собора, не осудитъ напередъ своего посягательства на *соборность* и всѣхъ истекшихъ отсюда послѣдствій, иначе: пока не вернется къ первобытному сvмволу и не подчинитъ своего мнѣнія, которымъ сvмволъ былъ поврежденъ, суду вселенской вѣры. Однимъ словомъ, когда будетъ ясно понятъ и осужденъ раціонализмъ, ставящій, на мѣсто взаимной любви, гарантію человѣческаго разума или иную: тогда, и только тогда, соборъ будетъ возможенъ. Итакъ, не соборъ закроетъ пропасть; она должна быть закрыта, прежде чѣмъ соборъ соберется *).

*) Очевидно, таково было убѣжденіе великаго Марка Ефесскаго, когда онъ требовалъ на Флорентинскомъ съѣздѣ, чтобы сvмволъ былъ

Одинъ Богъ знаетъ часъ, предуставленный для торжества истины надъ извращеніемъ людей, или надъ ихъ немощью. Этотъ часъ наступитъ, я въ этомъ не сомнѣваюсь; а до тѣхъ поръ, открыто ли выступаетъ раціонализмъ, какъ въ Реформѣ, или подъ личиною, какъ въ Папизмѣ, Церковь будетъ относиться къ нему одинаково: съ состраданіемъ, жалѣя о заблужденіи и ожидая обращенія; но другаго рода отношеній къ обѣимъ половинамъ западнаго раскола у Церкви не можетъ и быть; сами же онѣ, по своему отношенію къ Церкви, находятся въ положеніяхъ различныхъ.

Выше было сказано, что Романизмъ, нося въ себѣ своеволіе, какъ принципъ, и въ то же время боясь обнаруженій его на практикѣ, вынужденъ былъ отречься отъ своей природы и, такъ сказать, замаскироваться въ своихъ собственныхъ глазахъ, претворившись въ деспотизмъ. Это превращеніе не осталось безъ важныхъ послѣдствій. Единство Церкви было свободное; точнѣе, единство было сама свобода, въ стройномъ выраженіи ея внутренняго согласія. Когда это живое единство было отринуто, пришлось пожертвовать церковною свободою, для достиженія единства искусственнаго и произвольнаго; пришлось замѣнить внѣшнимъ знаменіемъ или признакомъ духовное чутье истины.

Другимъ путемъ пошла Реформа: оставаясь не отступно вѣрною началу раціоналистическаго своеволія, породившему Римскій расколъ, она, съ полнымъ на то правомъ, потребовала обратно свободы и вынуждена была принести въ жертву единство. Какъ въ Папизмѣ, такъ и въ Реформѣ, все сводится на внѣшность: таково свойство всѣхъ порожденій раціонализма. Единство Папизма есть

возстановленъ въ первобытной его чистотѣ и чтобы вставка была выражена какъ мнѣніе, стоящее внѣ сvмвола. Заблужденіе, исключенное изъ числа догматовъ, становилось безвреднымъ; этого и хотѣлъ Маркъ Ефесскій, возлагая самое исправленіе заблужденія на попеченіе Божіе. Такимъ образомъ устранилась бы ересь противъ Церкви и возстановилась бы возможность общенія. Но гордость раціонализма не допустила его до самоосужденія

единство внѣшнее, чуждое содержанія живаго; и свобода протестантствующаго разсудка есть также свобода внѣшняя, безъ содержанія реальнаго. Паписты, подобно Іудеямъ, держатся за знаменія (т. е. за признаки); протестанты, какъ Еллины, держатся за логическую мудрость. И тѣмъ и другимъ одинаково недоступно пониманіе Церкви — свободы въ единствѣ, жизни въ разумѣ. Но у папистовъ непониманіе исполнено озлобленія и вооружено клеветою; у протестантовъ оно исполнено равнодушія и вооружено презрѣніемъ *). Впрочемъ, такъ какъ въ основаніи отношеній какъ папистовъ такъ и протестантовъ къ Церкви лежитъ невѣдѣніе, то нѣтъ повода негодовать на нихъ. Для тѣхъ и для другихъ серьезная борьба съ Церковью одинаково невозможна.

За то открывается для нихъ полная возможность, даже необходимость внутренней, междоусобной борьбы; ибо почва подъ ними одна, и права ихъ одинаковы. И тѣ и другіе погружены всецѣло (не подозрѣвая этого) въ ту логическую антимонію, на которую распадается всякое живое явленіе (просимъ припомнить Канта), пока оно разсматривается исключительно съ логической его стороны, и которая разрѣшается только въ полнотѣ реальности; но этого разрѣшенія ни тѣ ни другіе не находятъ, да и не найдутъ никогда въ тѣсныхъ границахъ раціонализма, въ которыхъ они заключились. Оттого борьба, съ большимъ или меньшимъ жаромъ продолжающаяся болѣе трехъ столѣтій, эта борьба, въ которой воюющія стороны не всегда ограничивались орудіемъ слова, а прибѣгали нерѣдко и

*) Эти два положенія очевидны для всякаго сколько нибудь слѣдившаго за ходомъ религіозной литературы на Западѣ. Вспомните гр. де-Местра. посланія Австрійскихъ епископовъ, особенно Лакордера и газету „Univers religieux“, нѣсколько лѣтъ тому назадъ утверждавшую, между прочимъ, что Греки вывариваютъ мертвыхъ въ винѣ, съ цѣлью обеспечить имъ доступъ въ рай. Что касается до протестантовъ, то достаточно указать на ученаго Толюка (Tholuk), одного изъ богословскихъ свѣтилъ Германіи, который, въ отвѣтѣ своемъ Штраусу, утверждалъ, по наслышкѣ, будто восточныя церкви никогда не читаютъ Евангелія отъ Іоанна.

къ другимъ средствамъ, менѣе открытымъ и менѣе сообразнымъ съ духомъ Христіанства, далеко еще не подходитъ къ своему исходу, не смотря на то, что въ ней уже истощились нравственныя силы воюющихъ. Непростительно было бы не отдать справедливости дарованіямъ и ревности, выказаннымъ съ обѣихъ сторонъ; нельзя не удивляться блистательному и мощному краснорѣчію, которымъ въ особенности отличаются Латиняне, равно какъ и настойчивости въ трудѣ и глубокой учености ихъ противниковъ; но въ чемъ же заключаются результаты борьбы? По правдѣ, въ нихъ нѣтъ ничего утѣшительнаго ни для одной стороны. Та и другая сильна въ нападеніи и безсильна въ защитѣ; ибо одинаково неправы обѣ и одинаково осуждаются какъ разумомъ, такъ и свидѣтельствомъ исторіи. Въ каждую минуту, каждая изъ воюющихъ сторонъ можетъ похвалиться блистательною побѣдою; и между тѣмъ, обѣ оказываются постоянно разбитыми, а поле битвы остается за невѣріемъ. Оно бы давно и окончательно имъ овладѣло, еслибы потребность вѣры не заставляла многихъ закрывать глаза передъ непослѣдовательностію религіи, принятой ими по невозможности безъ нея обойтись, и еслибы таже потребность не заставляла держаться разъ принятой религіи даже тѣхъ, которые серьезно въ нее не вѣруютъ.

Такъ какъ борьба между западными вѣрованіями (croyances) происходила на почвѣ раціонализма, то нельзя даже сказать, чтобы предметомъ ея когда либо была *вѣра* (foi): ибо ни вѣрованія, ни убѣжденія, какъ бы ни были первыя искренни, а послѣднія страстны, еще не заслуживаютъ названія вѣры. Тѣмъ не менѣе, эта борьба, какъ предметъ изученія, въ высокой степени занимательна и глубоко поучительна! Характеръ партій обрисовывается въ ней яркими чертами.

Критика серіозная, хотя сухая, и недостаточная, ученость обширная, но расплывающаяся по недостатку внутренняго единства, строгость прямодушная и трезвая, достойная первыхъ вѣковъ Церкви, при узкости воззрѣній, замкнутыхъ въ предѣлахъ индивидуализма; пламенные по-

рывы, въ которыхъ какъ будто слышится признаніе ихъ неудовлетворительности и безнадежности когда либо обрѣсти удовлетвореніе; постоянный недостатокъ глубины, едва замаскированный полупрозрачнымъ туманомъ произвольнаго мистицизма; любовь къ истинѣ при безсиліи понять ее въ ея живой реальности, словомъ: раціонализмъ *въ идеализмѣ*—такова доля Протестантовъ. Сравнительно большая широта воззрѣній, далеко впрочемъ недостаточная для истиннаго Христіанства; краснорѣчіе блистательное, но слишкомъ часто согрѣваемое страстью; поступь величавая, но всегда театральная; критика почти всегда поверхностная, хватающаяся за слова и мало проникающая въ понятія; эффектный призракъ единства, при отсутствіи единства дѣйствительнаго; какая то особенная ограниченность религіозныхъ требованій, никогда не дерзающихъ подниматься высоко и потому легко находящихъ себѣ дешевыя удовлетворенія; какая-то очень неровная глубина, скрывающая свои отмели тучами софизмовъ; сердечная, искренняя любовь къ порядку внѣшнему, при неуваженіи къ истинѣ, то есть къ порядку внутреннему, словомъ: раціонализмъ *въ матеріализмѣ* — такова доля Латинянъ. Я не думаю ни обвинять всѣхъ писателей этой партіи въ преднамѣренной лживости, ни утверждать, чтобъ ни одинъ изъ ихъ противниковъ не заслуживалъ того же упрека; но наклонность папистической партіи къ софизмамъ, ея систематическая уклончивость при встрѣчѣ съ дѣйствительными трудностями, ея напускное невѣдѣніе, наконецъ вошедшія у нея въ привычку искаженія текстовъ, пропуски и неточности въ ссылкахъ—все это такъ общеизвѣстно, что не подлежитъ и оспориванію. Не желая однако, въ столь важномъ обвиненіи, ограничиваться простымъ заявленіемъ и, поставивъ себѣ за правило не ссылаться никогда на факты сколько нибудь сомнительные, я приведу на память читателямъ долго тянувшееся дѣло о подложныхъ Декреталіяхъ, на которыхъ теорія о главенствѣ папы строилась до тѣхъ поръ, пока вѣрованіе въ нее на столько укрѣпилось привычкою, что оказалось возможномъ убрать эти лживыя и сдѣлавшіяся

подъ конецъ ненужными подпорки; напомню также дѣло о фальшивыхъ дарственныхъ грамотахъ, составляющихъ основаніе свѣтской власти Римскаго первосвятителя, и безконечный рядъ изданій святыхъ отцевъ, искаженныхъ очевидно съ намѣреніемъ. Изъ ближайшихъ къ намъ временъ я напомню, что трудъ Адама Черникава (Zernikavius *), въ которомъ доказывалось, что всѣ свидѣтельства, извлеченныя изъ твореній святыхъ отцевъ въ пользу допущенной прибавки къ сумволу, были преднамѣренно извращены или урѣзаны, остался неопровергнутымъ, и прибавлю, что этотъ побѣдоносный трудъ не вызвалъ со стороны уличенныхъ ничего похожаго на признаніе сколько нибудь чистосердечное. Наконецъ, переходъ къ нашему времени, я укажу на всѣ почти сочиненія краснорѣчиваго протософиста графа де-Местра **), на бестыдную

*) Извѣстный богословъ XVII вѣка, написавшій трактатъ объ исхожденіи Св. Духа и особенно прославившійся критическимъ разборомъ текстовъ изъ св. отцовъ, приводимыхъ папистами. *Пр. перев.*

**) Достаточно привести, какъ примѣръ, доказательство, извлекаемое де-Местромъ въ пользу Романизма изъ твореній св. Аѳанасія. „Весь міръ“, говоритъ св. Аѳанасій, обращаясь къ еретикамъ, „называетъ истинную Церковь Церковью Каѳолическою. Это одно достаточно доказываетъ, что вы (т. е. всѣ по собственному сознанію находящіеся внѣ ея) еретики“.—„Какую же Церковь, спрашиваетъ де-Местръ, вся Европа называетъ Каѳолическою? Церковь Римскую; слѣдовательно, всѣ остальныя Церкви пребываютъ въ расколѣ“. Но вѣдь св. Аѳанасій обращался къ Грекамъ, ясно понимавшимъ значеніе слова каѳолическій (всемірный, вселенскій), и потому его доказательство имѣло полную силу; но, спрашиваю я, что доказываетъ это слово противъ новѣйшей Европы, для которой оно лишено всякаго смысла? Пусть спросятъ о Церкви вселенской или всемірной въ Англіи, въ Германіи и, особенно, въ Россіи, и пусть прислушаются къ отвѣту! Придетъ ли человѣку въ голову, прежде чѣмъ онъ произнесетъ слово Мусульманинъ, справиться въ Арабскомъ словарѣ о его значеніи, и неужели употребившій это слово, тѣмъ самымъ, подаетъ поводъ къ заключенію, что онъ придаетъ ему такое же значеніе какъ и Магометане и, слѣдовательно, самъ исповѣдуетъ Магометанскую вѣру? Конечно, де-Местръ, при его умѣ, не могъ не сознавать недобросовѣстности своего вывода; но этотъ писатель, надѣлавшій столько шума, по всему складу своего ума и несмотря на то, что

ложь въ посланіяхъ Австрійскихъ епископовъ, по поводу чествованія православною Церковію нѣкоторыхъ изъ папъ; наконецъ на знаменитое сочиненіе Ньюмана о Развитіи *). Нужно замѣтить, что этотъ послѣдній писатель, отличавшійся добросовѣстностью, пока онъ исповѣдывалъ Англиканство, и въ послѣдствіи, добросовѣстно же (такъ я предполагаю) обратившійся въ Романизмъ, съ переходомъ въ это новое исповѣданіе, внезапно утратилъ свою добросовѣстность. Впрочемъ, указывая на лживость, которою всегда отличалась Римская полемика, я отнюдь не желалъ бы навлечь этимъ слишкомъ строгаго осужденія на участвовавшихъ въ ней писателей и не касаюсь вопроса о степени нравственной ихъ отвѣтственности.

онъ до нѣкоторой степени хочетъ быть религіознымъ, принадлежитъ всецѣло къ литературной школѣ энциклопедистовъ. Римляне сами называютъ его парадоксальнымъ, да и тѣмъ оказываютъ ему слишкомъ много чести. Отличительныя его свойства составляютъ: легкомысліе, прикрытое обманчивымъ глубокомысліемъ, постоянная игра софизмами и постоянное отсутствіе искренности; словомъ его умъ—антихристіанскій въ высшей степени, чему служитъ доказательствомъ, между прочимъ, его теорія искупленія.

*) Ньюманъ, въ этомъ сочиненіи, дополняетъ теорію Мöлера о постепенномъ совершенствованіи и логическомъ развитіи Церкви. „Всѣ ученія ея", говоритъ онъ, „заключались подразумѣвательно въ первобытномъ ея ученіи и, мало по малу, изъ него развивались, или, говоря точнѣе, мало по малу пріобрѣтали ясность логическаго выраженія. Такъ было въ основномъ догматѣ о Троицѣ, такъ и въ ученіи о главенствѣ папы въ дѣлахъ вѣры и т. д." Итакъ, Ньюманъ показываетъ видъ, будто бы онъ и неслыхалъ никогда ни объ отступничествѣ папы Либерія, ни въ особенности о томъ, что вселенскій соборъ осудилъ папу Онорія и что осужденіе это принято всѣмъ Западомъ. Тутъ важенъ не самый фактъ заблужденія Онорія въ догматическомъ вопросѣ, вполнѣ ли онъ доказанъ или нѣтъ—все равно; важно, то, что вселенскій соборъ призналъ возможность погрѣшности, иначе: провозгласилъ ученіе о погрѣшимости папы, чего конечно Ньюманъ не могъ не знать. Слѣдовательно, новое ученіе о непогрѣшимости было не развитіемъ ученія вселенскаго, а прямымъ ему противорѣчіемъ. Въ этомъ случаѣ, со стороны автора умолчаніе и притворное невѣдѣніе едвали лучше прямой лжи. Не хотѣлось бы отзываться такъ рѣзко о человѣкѣ, столь высоко стоящемъ въ области умственной; но можно ли увернуться отъ этого заключенія?

Ни православныхъ писателей, ни защитниковъ Протестантства нельзя считать въ этомъ отношеніи вполнѣ безупречными, хотя, конечно, поводы къ справедливымъ упрекамъ встрѣчаются у нихъ гораздо рѣже чѣмъ у Латинянъ; но, въ этихъ случаяхъ, степень личной виновности далеко не одинакова. Ложь, сходящая съ пера православнаго, есть безсмысленный позоръ, положительно вредящій дѣлу, защиту котораго онъ на себя принимаетъ; у протестанта ложь есть нелѣпость преступная и, въ тоже время, совершенно безполезная; у Римлянина ложь является какъ необходимость, до нѣкоторой степени извинительная. Причина этого различія ясна. Православію, какъ истинѣ, ложь враждебна по существу; въ Протестантствѣ, какъ области исканія истины, ложь неумѣстна; въ Романизмѣ, какъ доктринѣ, отрекающейся отъ собственнаго своего исходнаго начала, она неизбѣжна. Я сказалъ выше, что западный расколъ начался посягательствомъ областнаго мнѣнія на соборность единовѣрія; иными словами, введеніемъ въ область Церкви новаго начала — раціоналистическаго своеволія. Чтобъ увернутся отъ дальнѣйшихъ послѣдствій этого начала не (отрекаясь отъ заблужденія, въ которомъ оно выразилось), расколъ вынужденъ былъ. въ глазахъ всего міра и въ собственныхъ своихъ глазахъ, надѣть на себя личину Римскаго деспотизма. Историческій изворотъ удался, но онъ оставилъ по себѣ неизгладимые слѣды. Первое оружіе, употребленное въ дѣло новосозданною властью, подложныя Декреталіи, вынесенныя на свѣтъ не разборчивою совѣстью папы Николая I-го, взято было изъ цѣлаго склада поддѣльныхъ документовъ. Для защиты этихъ первыхъ свидѣтельствъ понадобились новые подлоги; такимъ образомъ, цѣлая система лжи возникла невольно отъ перваго толчка, послѣдовательно передававшагося изъ вѣка въ вѣкъ, въ силу историческаго закона, котораго послѣдствія донынѣ ощущаются. Въ самомъ дѣлѣ, изучите подлоги, въ которыхъ основательно обвиняется Романизмъ, и вы увидите говорю это смѣло, что всѣ до единаго примыкаютъ къ одному средоточію, именно къ тому исходному моменту, когда начало своеволія, укрываясь отъ соб-

ственныхъ своихъ послѣдствій, надѣло на себя личину неограниченнаго полновластія. Вникните въ софизмы Римской партіи и вы увидите, что всѣ до единаго направлены къ одной цѣли—скрыть отъ глазъ ту, все еще незатянувшуюся язву, которую расколъ, въ концѣ восьмаго или въ началѣ девятаго вѣка, нанесъ западной Европѣ.

Здѣсь-то настоящій источникъ той нравственной порчи, и настоящая причина того какъ бы надлома на мѣстѣ правды, которыми въ Римскомъ исповѣданіи искажаются самыя свѣтлыя души и опозориваются самые высокіе умы (вспомнимъ хоть бы знаменитаго Боссюета). Нельзя судить ихъ слишкомъ строго. Мнѣ самому, въ молодости, эта постоянная лживость цѣлой партіи внушала негодованіе и отвращеніе; но позднѣе эти чувства смѣнились во мнѣ искреннею скорбью и глубокимъ соболѣзнованіемъ. Я понялъ, что ложь, какъ желѣзная цѣпь, охватывала своими звеньями души, томимыя жаждою правды; понялъ горестное положеніе людей, покорившихся печальной необходимости искажать истину, лишь бы спасти себѣ положительную вѣру и не впасть въ Протестантство, то есть не остаться при одной возможности или потребности религіи, безъ всякаго реальнаго содержанія. Самъ ученый Неандеръ, эта благородная, любящая, искренняя душа, сказалъ же въ отвѣтъ одному Англійскому писателю: «вы еще вѣрите въ возможность объективной религіи; а мы давно перешли за эту черту и знаемъ, что нѣтъ другой религіи кромѣ субъективной». Конечно, одинаково разумно было бы утверждать, что не можетъ быть другаго міра кромѣ субъективнаго. Но, какъ бы то ни было, выслушавъ такое признаніе, всякій пойметъ и едва ли слишкомъ строго осудитъ тѣхъ, которые, по примѣру Аллейса (Allies), уличивъ защитниковъ Рима во множествѣ обмановъ, потомъ неожиданно сами переходятъ подъ Римское знамя, предпочитая какую нибудь, хотя бы даже полулживую, религію полному отсутствію религіи. Понятно также, почему Романизмъ доселѣ не палъ подъ ударами Реформы.

Борьба еще длится, но характеръ ея измѣнился, вслѣдствіе, того, что истощились нравственныя силы воюющихъ.

Отрицательною своею стороною Протестанство окончательно подпало исключительному господству явнаго раціонализма, а положительное содержаніе, въ немъ еще уцѣлѣвшее, расплывается въ туманѣ произвольнаго мистицизма; сила безпощадной логики тянетъ его въ бездну лжефилософскаго невѣрія и, не будучи въ состояніи удержаться на этомъ скатѣ, оно, какъ будто съ завистью, оглядывается на Романизмъ, который по крайней мѣрѣ хотя, на видъ сохраняетъ еще положительное откровеніе. Отрицая преданіе законное, не имѣя никакого единства живаго ни въ прошедшемъ, ни въ настоящемъ, не будучи въ состояніи удовлетворить ни требованіямъ души человѣческой, которой нужна несомнѣнная вѣра, ни требованіямъ разума, которому нужно опредѣленное ученіе, Реформа безпрестанно мѣняетъ свою почву, переходя отъ одного положенія къ другому: у нея даже недостаетъ смѣлости засвидѣтельствовать дѣйствительность и несомнѣнность какой либо истины, такъ какъ она напередъ знаетъ, что на другой день ей придется вѣроятно разжаловать эту истину въ простой символъ, въ миѳъ, или въ заблужденіе, порожденное невѣжествомъ. Подъ часъ она еще заговариваетъ о своихъ надеждахъ, но въ голосѣ ея слышится отчаяніе. Романизмъ, повидимому, болѣе увѣренъ въ самомъ себѣ; не стѣсняясь требованіями добросовѣстности, онъ ловко увертывается отъ логическихъ послѣдствій испытываемыхъ имъ обличеній; но и онъ сознаетъ себя пораженнымъ въ самое сердце, дознанною невозможностью когда либо оправдать тѣ данныя. на которыя онъ ссылается какъ на доказательства непрерывнаго преемства своего преданія и своего ученія, и необходимостью, въ которую онъ поставленъ, прибѣгать постоянно къ неправдѣ, чтобъ укрыть отъ взоровъ незаконность своего исходнаго начала. Онъ ищетъ себѣ поддержки въ господствующемъ невѣжествѣ, а еще болѣе въ невольномъ страхѣ, овладѣвающемъ тѣми, кому не представляется другаго изъ него выхода какъ только въ раціоналистическій деизмъ протестантовъ; но онъ уклоняется отъ всякаго пытливаго изслѣдованія и приходитъ отъ него въ ужасъ. Люди ученые видятъ это ясно, а не-

ученые сознаютъ смутно, хотя, можетъ быть, и не отдаютъ себѣ въ этомъ отчета. И тамъ и здѣсь, нравственная сила надломлена, и прежняя борьба на смерть между двумя непримиримыми вѣрованіями превратилась въ какое-то рыцарское состязаніе притупленнымъ оружіемъ между двумя лицемѣрными невѣріями. Нельзя не сознаться, что при такой обстановкѣ, безпристрастный судья не рѣшился бы осудить безусловно ни строгихъ умовъ, бросающихся въ сомнѣніе и нечестіе какъ бы съ отчаянія (по испытанной ими невозможности выбора между двумя ученіями, одинаково лишенными истины), ни даже мелкихъ душъ, оправдывающихъ легкомысліе своего религіознаго скептицизма такимъ же очевиднымъ легкомысліемъ и едва прикрытымъ скептицизмомъ проповѣдниковъ несущихъ обязанность приводить ихъ къ вѣрѣ. Такъ, съ одной стороны, ученый Неандеръ отвергаетъ всякую возможность объективной религіи; славный Шеллингъ, одинъ изъ геніальнѣйшихъ умовъ не только нашего времени, но и всѣхъ временъ, доказываетъ, что Протестантство не можетъ основать Церкви; за ними, цѣлая толпа болѣе или менѣе даровитыхъ писателей утверждаетъ, что вся исторія христіанскаго ученія есть не болѣе какъ рядъ заблужденій, хотя впрочемъ въ основѣ ея лежитъ доля истины, и стоитъ лишь сумѣть извлечь ее оттуда, чего конечно до сихъ поръ никто сдѣлать не могъ. Съ другой стороны, софисты, каковъ напримѣръ графъ Местръ, напустивъ цѣлую тучу явной неправды объ отношеніяхъ папъ къ соборамъ, серьезно увѣряютъ васъ, что если-бъ не было папъ, то Богъ не смогъ бы сохранить единства вѣры, и что поэтому папа представляется необходимостью во взаимныхъ отношеніяхъ между Богомъ и людьми *). Далѣе, риторы, въ родѣ Шатобріана и другихъ писателей его школы; доказываютъ вамъ истину Христіанства великолѣпіемъ церковныхъ обрядовъ, стройностью колокольнаго звона, особенно пріятно ласкающаго слухъ по вечерней зарѣ, и поэтическимъ характеромъ христіан-

*) Любопытно бы узнать, какъ мирится это ученіе съ исторіею Авиньонскаго раскола?

скихъ легендъ. Наконецъ, писатели съ виду серьезные, каковъ напримѣръ г. М. Никола, которому я впрочемъ далеко не отказываю въ подобающемъ ему уваженіи, берутся доказывать ученіе о чистилищѣ и приводятъ какъ доказательства четыре ссылки: одну на Платона, другую на Виргилія, третью на Гомера и четвертую на Шатобріана, да сверхъ того (особенно сильное по своей убѣдительности) указаніе на тѣнь Тирезія, котораго Улиссъ напоилъ бычачею кровью. При столь явномъ отсутствіи въ самой проповѣди всякаго убѣжденія, всякой добросовѣстности и серьезности, едвали можно слишкомъ строго осуждать скептицизмъ; по крайней мѣрѣ, половинную долю обвиненій, падающихъ на современное невѣріе, слѣдовало бы по всей справедливости разложить на обѣ вѣтви раздвоившагося раціонализма, то есть на Романизмъ и на Реформу.

Напряженность борьбы въ области слова значительно ослабѣла; но между враждующими сторонами продолжается глухая и, такъ сказать, подземная борьба. Нельзя ихъ въ этомъ винить, ибо примиреніе невозможно, а состязаніе логическими доводами, какъ доказалъ опытъ, приводитъ къ результатамъ для обѣихъ сторонъ одинаково невыгоднымъ. Оттого и стараются онѣ (да и трудно имъ поступать иначе) найти себѣ опору въ союзѣ съ политическими мнѣніями и стремленіями, ища поддержки, болѣе или менѣе надежной, то въ сочувствіи народныхъ массъ, то въ интересахъ престоловъ и привилегированныхъ сословій. Мы видѣли не разъ, видимъ и теперь, какъ та и другая сторона заискиваетъ попеременно благорасположенія міра, выставляя то любовь свою къ порядку, то готовность свою обезпечить свободу, смотря по тому, какое начало беретъ верхъ надъ другимъ и что̀ выгоднѣе—союзъ съ правительствами или союзъ съ народами. Мы видимъ также, какъ онѣ одна подъ другую подкапываются взаимными обвиненіями въ болѣе или менѣе враждебномъ расположеніи къ господствующимъ началамъ, въ надеждѣ воспользоваться минутными увлеченіями или благосклонностью властей, и этимъ путемъ достигнуть побѣды, которой рѣшительно не даетъ имъ ни

полемика ни проповѣдь. Такъ, напримѣръ, подстрекательства къ мятежамъ и готовность освящать незаконныя посягательства, вѣнчаемыя успѣхомъ, ставились въ укоръ Романизму—думаю впрочемъ, что напрасно. Такъ, съ другой стороны, противники Реформы обвиняли ее попеременно, то въ аристократизмѣ ея стремленій (хотя она господствуетъ въ государствѣ наиболѣе демократическомъ въ мірѣ), то въ революціонномъ радикализмѣ (хотя, какъ замѣтилъ Гизо въ нашъ вѣкъ, протестанскіе народы менѣе другихъ подвергались революціонной заразѣ), то въ трусости передъ государственною властью (хотя, какъ доказалъ тотъ же Гизо, народы протестантскіе далѣе всѣхъ раздвинули предѣлы гражданской и политической свободы). Этого рода средства, къ сожалѣнію, слишкомъ часто употребляются въ дѣло обѣими сторонами, преимущественно же Римскою партіею, которая, при сравнительно большей сосредоточенности въ дѣйствіи, долгимъ упражненіемъ, успѣла пріобрѣсти особенное искусство въ политическихъ маневрахъ и слишкомъ часто слѣдовала пагубному правилу, что цѣль освящаетъ средства. Какъ бы то ни было, средства эти никогда не достигаютъ цѣли. Я очень знаю, что Церковь любитъ порядокъ и молитъ Бога о дарованіи мира и спокойствія всему міру; но знаю и то, что воздавая Кесарево Кесарю, она отнюдь и никогда не принимала на себя ручательства за вѣчность Имперіи. Знаю, что такъ какъ каждый христіанинъ обязанъ передъ Богомъ дѣятельно заботиться о томъ, чтобы всѣ его братья достигли возможно-высокой степени благосостоянія (какъ бы при этомъ онъ ни былъ равнодушенъ къ собственному своему благополучію), то отсюда само собою вытекаетъ и общее стремленіе цѣлыхъ народовъ, озаренныхъ Христіанствомъ, доставить всѣмъ сполна ту долю свободы, просвѣщенія и благоденствія, какая доступна обществу и можетъ быть достигнута правдою и любовію; но знаю также, что по отношенію къ Церкви это есть результатъ не прямой, а косвенный, къ которому она должна относится безразлично, не принимая въ немъ непосредственнаго участія;

ибо ея цѣль, та, къ которой она стремится, стоитъ безконечно выше всякаго земнаго благополучія.

Такъ чуетъ сердце, внутреннимъ смысломъ правды и благородствомъ прирожденнымъ душѣ всякаго человѣка, а доводы разума только подкрѣпляютъ это непосредственное чувство. Есть какая-то глубокая фальшь въ союзѣ религіи съ соціальными треволненіями; стыдно становится за Церковь, до того низко упавшую, что она уже не совѣстится рекомендовать себя правительствамъ или народамъ, словно наемная дружина, выторговывающая себѣ за усердную службу денежную плату, покровительство или почетъ *). Что богачъ требуетъ себѣ обезпеченій для своихъ устрицъ и трюфелей, что бѣдняку хотѣлось бы, вмѣсто черстваго хлѣба, нѣсколько лучшей пищи—все это естественно и даже, можетъ быть, вполнѣ справедливо въ обоихъ случаяхъ, особенно въ послѣднемъ; но разрѣшеніе этого рода задачъ—дѣло разума, а не вѣры. Когда Церковь вмѣшивается въ толки о булкахъ и устрицахъ и начинаетъ выставлять на показъ бо́льшую или меньшую свою способность разрѣшать этого рода вопросы, думая этимъ засвидѣтельствовать присутствіе Духа Божьяго въ своемъ лонѣ, она теряетъ всякое право на довѣріе людей. Не мало христіанскихъ державъ исчезло съ лица земли, а Китай насчитываетъ тысячилѣтія существованія, и въ томъ числѣ цѣлые вѣка высокаго благоденствія. Въ восьмомъ и девятомъ столѣтіяхъ, царство Оммiадовъ и Аббассидовъ, цвѣтущимъ состояніемъ и просвѣщеніемъ, превосходило христіанскіе народы; но принимать ли въ соображеніе подобнаго рода факты, когда дѣло идетъ объ истинѣ религіозной? Повторяю: напрашиваясь на союзы съ политическими доктринами и подпираясь страстями, хотя бы самыми законными, религіозныя партіи Запада только сами себя роняютъ. Правда, это можетъ доставить имъ нѣкоторый

*) Кстати вспомнить знаменитую рѣчь еретика Несторія, обращенную къ Ѳеодосію II: „Государь, дай мнѣ землю очищенную отъ еретиковъ, а я дамъ тебѣ небо. Помоги мнѣ искоренить ересь, я помогу тебѣ сокрушить Персію“.

временный успѣхъ, но такого рода обманчивыя выгоды обращаются въ торжество для невѣрія и расширяютъ область скептицизма: ему подается основательный поводъ величаться передъ вѣрою тѣмъ покровительствомъ, которое онъ ей оказываетъ и, вслѣдствіе этого, усиливается его пренебреженіе къ ней *). Таковъ характеръ борьбы въ настоящую минуту.

Нравственное изнеможеніе становится съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе ощутительнымъ. Невольный ужасъ, въ виду общей угрожающей имъ опасности, овладѣваетъ раціоналистическими сектами Запада, Папизмомъ и Реформою. Онѣ все еще борятся между собою (потому что не могутъ прекратить борьбы), но потеряли всякую надежду на торжество; ибо поняли, болѣе или менѣе ясно, свою внутреннюю слабость. Передъ ними быстро ростетъ невѣріе, не то, которымъ отличался восемнадцатый вѣкъ, не невѣріе властей, богачей и ученыхъ, а невѣріе массъ, скептицизмъ невѣжества—это законное изчадіе раціонализма, явнаго или переодѣтаго, въ продолженіе столькихъ вѣковъ слывшаго въ Европейскомъ мірѣ за вѣру. Страхъ, овладѣвшій западными религіозными партіями, наталкиваетъ ихъ не на примиреніе (оно невозможно), а на переговоры о временныхъ союзахъ; но этимъ только обличается слабость, расширяется область сомнѣнія и увеличивается грозящая опасность. Люди благонамѣренные и серьезные, не разъ, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, предлагали подобныя сдѣлки. Достаточно назвать два имени, представляющія собою сочетаніе самыхъ высокихъ качествъ сердца и ума: Радовица и Гизо. Первый, въ сочиненіи, отличающемся вы-

*) Въ этомъ отношеніи, самые низменные слои общества ни въ чемъ не уступаютъ передовымъ. Въ 1847 году, трактирный слуга, въ Парижѣ, толкуя со мною о вѣрѣ, говорилъ мнѣ: „Вы конечно понимаете, что всѣмъ этимъ побасенкамъ я нимало не вѣрю; но мнѣ было бы крайне непріятно, еслибъ жена или дочь моя имъ не вѣрили. Вѣдь, что не говорите, а женщина, не имѣющая вѣры, ни къ черту негодна!“ Вотъ, въ уменьшенномъ размѣрѣ, образчикъ казенной религіи, и конечно, министръ, говоря о цѣломъ народѣ, не могъ бы выразиться лучше.

сокимъ безпристрастіемъ и блистательнымъ талантомъ *), убѣждаетъ протестантовъ, за одно съ Римлянами, ополчиться противъ невѣрія. Второй, въ начальныхъ главахъ своихъ изслѣдованій о предметахъ нравственности (главахъ богатыхъ глубокими взглядами и проникнутыхъ искреннимъ сочувствіемъ къ нравственнымъ потребностямъ человѣчества), уговариваетъ Римлянъ, за одно съ протестантами, противодѣйствовать распространенію нечестія. Онъ заявляетъ желаніе, чтобъ обѣ партіи соединились, не только обоюдною терпимостью, но и болѣе крѣпкими узами любви, придавая этому послѣднему слову, очевидно, не то значеніе, въ какомъ оно употребляется, когда говорится о широкомъ братскомъ союзѣ, обнимающемъ всѣхъ людей, не исключая ни Магометанъ, ни язычниковъ, каковы бы ни были ихъ заблужденія. Но предполагаемое сближеніе обѣихъ партій для совокупнаго дѣйствія, было бы столь же безполезно, какъ и ихъ борьба. Самое стремленіе къ такой сдѣлкѣ уже вредитъ дѣлу, какъ вѣрный признакъ страха, безсилія и отсутствія истинной вѣры. Христіане первыхъ вѣковъ не испрашивали содѣйствія Маркіонитовъ или Савелліанъ. Лѣтъ сто тому назадъ, ни announce папи сты, ни протестанты, даже не подумали бы приглашать другъ друга дѣйствовать сообща. Нынѣ нравственная ихъ энергія надломлена, и отчаяніе наталкиваетъ ихъ на путь очевидно ложный; ибо не могутъ же они не понимать, что если (въ чемъ я не сомнѣваюсь) *одно* Христіанство всесильно противъ невѣрія и заблужденія, то наоборотъ, въ *десяткѣ* различныхъ Христіанствъ, дѣйствующихъ совокупно, человѣчество, съ полнымъ основаніемъ, опознало бы сознанное безсиліе и замаскированный скептицизмъ.

Доселѣ никто еще не дѣлалъ подобныхъ предложеній Церкви; смѣю надѣяться, что и не сдѣлаетъ, и прибавляю рѣшительно: Церковь не обратила бы на нихъ никакого вниманія. На широкомъ пространствѣ нашего отечества, мы насчитываемъ сограждан различныхъ вѣроисповѣданій,

---

*) Gespräche aus der Gegenwart (разговоры о современныхъ явленіяхъ).

въ томъ числѣ Поляковъ-папистовъ и Нѣмцевъ-протестантовъ. Они могутъ быть совершенно равноправны съ нами, нерѣдко даже могутъ стоять и выше насъ въ порядкѣ политическаго союза. Въ Австріи, наоборотъ, наши братья по вѣрѣ стоятъ на самой низкой степени. Дѣло понятное: Церковь никогда не предъявляла притязанія на видное мѣсто въ мірѣ и, въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, она даже слыла въ Польшѣ вѣрою хлопскою, въ противоположность Романизму—вѣрѣ папской. Мы и братья наши (то есть члены Церкви) обязаны вездѣ поддерживать общественный порядокъ и гражданскій законъ, не отвергая нигдѣ, въ дѣлахъ мірскихъ, содѣйствія нашихъ согражданъ, къ какому бы вѣроисповѣданію они не принадлежали. Но не такъ въ дѣлахъ вѣры. Какъ члены Церкви, мы—носители ея величія и достоинства, мы—единственные, въ цѣломъ мірѣ заблужденій, хранители Христовой истины. Отмалчиваясь, когда мы обязаны возглашать глаголъ Божій, мы принимаемъ на себя осужденіе, какъ трусливые и неключимые рабы Того, Кто потерпѣлъ поношеніе и смерть, служа всему человѣчеству; но мы былибы хуже чѣмъ трусы, мы стали бы измѣнниками, если бы вздумали призывать заблужденіе на помощь себѣ въ проповѣди истины, и еслибы, потерявъ вѣру въ божественную силу Церкви, мы стали искать содѣйствія немощи и лжи. Какъ бы высоко не стоялъ человѣкъ на общественной лѣстницѣ, будь онъ нашимъ начальникомъ или государемъ, если онъ не отъ Церкви: то, въ области вѣры, онъ можетъ быть только ученикомъ нашимъ, но отнюдь не равнымъ намъ и не сотрудникомъ нашимъ въ дѣлѣ проповѣди. Онъ можетъ въ этомъ случаѣ сослужить намъ только одну службу—обратиться.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что ни одинъ христіанинъ, пока онъ вѣритъ въ истину своего исповѣданія, не отнесется иначе къ иновѣрцу; а потому, когда двѣ соперничествующія секты склоняютъ другъ друга къ союзу противъ невѣрія, онѣ этимъ только заявляютъ, что невѣріе и смерть уже проникли въ ихъ нѣдра. Таково теперь состояніе всѣхъ западныхъ исповѣданій, не смотря

на то, что, повидимому, между ними, особенно въ Англіи длится еще борьба.

Я исполнилъ долгъ, заступившись за Церковь противъ ложныхъ обвиненій, которыхъ, однако, я не считаю за преднамѣренныя клеветы. Чтобы сдѣлать опровержение вразумительнымъ, я долженъ былъ развить отличительныя свойства какъ Православія, такъ и западнаго раскола, который есть не что иное какъ замазанный раціонализмъ, и представить современное положеніе религіознаго вопроса въ томъ свѣтѣ, въ какомъ онъ намъ является. Какъ я сказалъ въ началѣ, я не старался прикрыть враждебность мысли притворною умѣренностью выраженія. Я высказалъ смѣло ученіе Церкви и отношеніе ея къ различнымъ видамъ раскола; я откровенно выразилъ свое мнѣніе о борьбѣ сектъ, ея свойствѣ и ея современномъ состояніи; но я смѣю надѣяться, что никто не обвинитъ меня ни въ страстной злонамѣренноети, ни въ сознательной несправедливости.

Повторяю: я исполнилъ долгъ, отвѣтивъ на обвиненія, взведенныя на Церковь, и прибавляю: исполнилъ долгъ въ отношеніи къ Церкви, а еще болѣе въ отношеніи къ вамъ, моимъ читателямъ и братьямъ, которыхъ, къ несчастью, разобщило съ нами заблужденіе, начавшееся въ давно минувшихъ, изъ виду исчезнувшихъ вѣкахъ. Никакое опасеніе и никакое соображеніе не сдерживали моего пера; могу также сказать, что я взялся за него не изъ какихъ-либо выгодъ. Человѣка, не выставляющаго своего имени, нельзя заподозрить въ желаніи пріобрѣсти суетную извѣстность или, точнѣе, заставить поговорить о себѣ.

Времена тажки не потому только, что основы многихъ державъ, повидимому, колеблятся (ибо на глазахъ исторіи пало и вѣроятно падетъ еще не мало могучихъ и славныхъ націй); не потому, что отъ столкновеній усложнившихся интересовъ волнуется міръ (ибо внѣшняя сторона

человѣческой жизни во всѣ времена представлялась такою же волнующеюся поверхностью); нѣтъ, потому тяжки времена, что размышленіе и анализъ подточили основы, на которыхъ покоятся изстари людская гордость, людское равнодушіе и людское невѣжество. Я сказалъ гордость, ибо раціоналистическая философія рядомъ строгихъ умозаключеній (которыми по праву можетъ гордиться Германія) пришла въ школѣ Гегеля, сама того не желая, къ доказательству, что одинокій разумъ, познающій отношенія предметовъ, но не самые предметы, приводитъ къ голому отрицанію, точнѣе *къ небытію* *), когда отрѣшается отъ вѣры, т.-е. отъ внутренняго познанія предметовъ. Такимъ-то образомъ анализъ, сокрушивъ людскую гордость, принуждаетъ ее просить у вѣры того, чего не въ состояніи дать ей одинъ разумъ, дѣйствующій по законамъ логики, но оторванный отъ другихъ духовныхъ силъ. Я сказалъ равнодушіе и невѣжество, ибо душа человѣческая, не довольствуясь принятіемъ вѣры какъ наслѣдства, преемственно переходящаго изъ рода въ родъ, по слѣпой привычкѣ, потребовала отъ нея свидѣтельствъ на ея права, то-есть внутренней и живой гармоніи ея положеній, и убѣдилась въ ихъ подложности. Она опознала раціонализмъ въ томъ, что̀ выдавалось ей за вѣру, опознала его въ Реформѣ, почуяла его въ Папизмѣ и, въ этомъ случаѣ (какъ я, кажется, доказалъ) она не ошибалась.

Западный расколъ есть произвольное, ничѣмъ не заслуженное отлученіе всего Востока, захватъ монополіи Божественнаго вдохновенія — словомъ *нравственное братоубійство*. Таковъ смыслъ великой ереси противъ вселенскости Церкви, ереси, отнимающей у вѣры ея нравственную основу и потому самому дѣлающей вѣру невозможною.

Читатели и братья! Отъ невѣдѣнія или согрѣшенія минувшихъ вѣковъ перешло къ вамъ пагубное наслѣдство—

*) Авторъ указываетъ на извѣстное положеніе о тождествѣ бытія и небытія, отъ котораго Гегель, произвольнымъ скачкомъ, переходитъ къ понятію развитія. *Примѣч. перев.*

зародышъ смерти, и вы несете за него кару, не будучи прямо виновны, ибо вы не имѣли опредѣленнаго познанія того заблужденія, въ которомъ оно заключалось. Вы много сдѣлали для человѣчества въ наукѣ и въ искусствѣ, въ государственномъ законодательствѣ и народной цивилизаціи, въ практическомъ осуществленіи чувства правды и въ практическомъ примѣненіи любви. Болѣе того: вы сдѣлали все, что̀ могли, для человѣка въ земномъ его бытіи, увеличивъ среднюю долготу его жизни, и для человѣка въ его отношеніи къ Божеству, повѣдавъ Христа народамъ, никогда не слыхавшимъ Его Божественнаго имени. Честь и благодареніе вамъ за ваши безмѣрные труды, плоды которыхъ нынѣ собираетъ или соберетъ въ послѣдствіи все человѣчество. Но пагубное наслѣдство, вами полученное, по мѣрѣ развитія неизбѣжныхъ его послѣдствій, мертвитъ духовную жизнь, пока еще васъ одушевляющую.

Исцѣленіе въ вашей власти. Конечно, пока самое сознаніе недуга будетъ встрѣчать въ господствующихъ предубѣжденіяхъ и въ невѣдѣніи преграды своему распространенію (а это продлится долго), нельзя ожидать исцѣленія массами; но отдѣльнымъ личностямъ оно и теперь доступно. Итакъ, если кто изъ моихъ читателей убѣдился въ истинѣ моихъ словъ, въ вѣрности даннаго мною опредѣленія исходной точки раскола и раціоналистическаго его характера, то умоляю его подумать и о томъ, что мало одного признанія истины, а нужно еще принять и всѣ практическія послѣдствія, изъ нея вытекающія; мало одного сознанія въ ошибкѣ, а должно загладить ее въ мѣру данной каждому возможности.

Я умоляю его совершить нравственный подвигъ: вырваться изъ раціонализма, осудить отлученіе, произнесенное на восточныхъ братьевъ, отвергнуть всѣ послѣдующія рѣшенія, истекшія изъ этой неправды, принять насъ вновь въ свое общеніе на правахъ братскаго равенства и возстановить въ своей душѣ единство Церкви, дабы тѣмъ самымъ возстановивъ и себя въ ея единствѣ, получить право повторить за нею: «возлюбимъ другъ друга, да единомыслiемъ исповѣмы Отца и Сына и Святаго Духа».

Недугъ носитъ въ себѣ смерть, а исцѣленіе не трудно, оно требуетъ только акта справедливости. Захотятъ ли этого люди или предпочтутъ вѣковѣчить царство неправды, обманывая по прежнему свою совѣсть и разумъ своихъ братьевъ?

Читатели, разсудите сами и для себя.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

ПРАВОСЛАВНАГО ХРИСТІАНИНА

О

ЗАПАДНЫХЪ ВѢРОИСПОВѢДАНІЯХЪ.

по поводу одного окружнаго посланія Парижскаго архіепископа.

1855.

Переводъ съ Французскаго *).

*) Подлинникъ изданъ въ Лейпцигѣ, Брокгаузомъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Не смотря на частыя нападенія, которымъ подвергалось Православіе въ изданіяхъ, служащихъ органами различнымъ христіанскимъ исповѣданіямъ въ Европѣ, оно долго безмолвствовало. Въ прошломъ году я счелъ своимъ долгомъ отвѣтить на новое нападеніе, направленное противъ Церкви, къ которой я принадлежу, писателемъ Римскаго исповѣданія, и обратился къ Парижской протестантской прессѣ для обнародованія моего сочиненія подъ заглавіемъ: «Нѣсколько словъ православнаго христіанина о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ, по поводу брошюры г. Лоранси». Парижскій книгопродавецъ, г. Мейрюесъ, принялъ на себя это щекотливое порученіе и напечаталъ мое сочиненіе, предпославъ ему оправдательное отъ себя предисловіе, проникнутое благороднѣйшими чувствами. Нынѣ, намѣреваясь обнародовать другое сочиненіе, служащее продолженіемъ первому, я конечно счелъ бы долгомъ признательности обратиться къ тому же многоуважаемому мною издателю; но читатели усмотрятъ изъ первыхъ же страницъ этой брошюры, что, избравъ этотъ путь, я поставилъ бы г. Мейрюеса въ фальшивое положеніе и въ необходимость отказать мнѣ, чтó вѣроятно было бы для него тяжело, или, изъявивъ согласіе, подвергнуться, при теперешнихъ обстоятельствахъ, прискорбнымъ для него послѣдствіямъ.

На сей разъ обращаюсь къ Германіи. Издревле гостепріимная, она, и въ настоящее время, по справедливости

славится гостепріимствомъ, ею оказываемымъ человѣческой мысли, изъ какой бы страны она ни шла. На это благородное гостепріимство и я разсчитываю.

Я возвышаю голосъ въ пользу того, что̀ считаю заблужденіемъ, и обращаюсь къ людямъ, моимъ братьямъ отъ одного Отца. Братья-Германцы, вы конечно не захотите, ради суровой искренности моей рѣчи, отказать ей въ выгодахъ гласности. Великій мужъ нашей крови, Чехъ Гусь, отдалъ жизнь свою въ Германіи за свободу мысли и религіозной проповѣди. Вашъ Лютеръ былъ счастливѣе его и завоевалъ эту свободу. Вы не откажете мнѣ, я это знаю, въ правѣ, за которое ваши предки, такъ же какъ и наши, ратовали и страдали.

Неизвѣстный *).

---

*) Ignotus: такъ подписался А. С. Хомяковъ подъ каждою изъ трехъ своихъ богословскихъ статей. Изд.

Направляемая непобѣдимою десницею Божіею, каждая эпоха въ исторіи человѣчества приноситъ съ собою важныя поученія. Всѣмъ людямъ полезно и благодѣтельно уразумѣвать ихъ смыслъ. Отдѣльному лицу, по всей справедливости, позволительно дѣлиться съ своими братьями тѣмъ, что̀, по его мнѣнію, понятно имъ въ этихъ поученіяхъ, дабы знаніе всѣхъ восполнялось слабымъ разумѣніемъ каждаго. И нашему вѣку, какъ вѣкамъ предшествовавшимъ, Провидѣніе не отказываетъ въ своихъ высшихъ наставленіяхъ; а уразумѣніе ихъ облегчается тѣмъ, что, благодаря международнымъ сношеніямъ болѣе частымъ и гласности менѣе стѣсненной, слово человѣческое идетъ объ руку съ историческимъ дѣломъ и, частью обдуманными, частью невольными признаніями, немедленно обнаруживаетъ вызвавшія его побужденія.

Достопамятный этому примѣръ у насъ на глазахъ.

Каковы бы ни были политическія основанія и предлоги къ борьбѣ, потрясающей теперь Европу, нельзя не замѣтить, даже при самомъ поверхностномъ наблюденіи, что на одной изъ воюющихъ сторонъ стоятъ исключительно народы, принадлежащіе Православію, а на другой римляне и протестанты, обступившіе Исламизмъ. Конечно, такое распредѣленіе воюющихъ можетъ быть объяснено причинами болѣе или менѣе случайными: взаимною ненавистью племенъ, столкновеніемъ интересовъ, разсчетами политики, или какою нибудь противоположностью въ общественныхъ началахъ. И, нѣтъ сомнѣнія, всѣ эти причины дѣйствительно оказываютъ сильное вліяніе на современ-

ныя событія; но достовѣрно и то, что распрю растравила религіозная ненависть. Еслибъ Русскіе или Греки стали приписывать латинствующимъ народамъ такое побужденіе, послѣдніе, вѣроятно, отреклись бы отъ него съ негодованіемъ и назвали бы обвиненіе клеветою; но къ счастію, отрицаніе въ этомъ случаѣ невозможно. Писатели Римскаго исповѣданія сами приписываютъ себѣ это побужденіе; они-то его и провозглашаютъ; они имъ хвастаются; они объявляютъ его достаточнымъ поводомъ къ тому, чтобы призвать на оружіе Запада благословеніе Бога правды и любви. Марія-Доминикъ-Огюстъ Сибуръ, «милостью Святаго Престола Апостольскаго архіепископъ Парижскій», воз, вѣщаетъ Франціи, что «война, въ которую вступаетъ она съ Россіею, не есть война политическая, но война священная; не война государства съ государствомъ, народа съ народомъ, но единственно война религіозная; что всѣ другія основанія, выставленныя кабинетами, въ сущности, не болѣе какъ предлоги, а истинная причина къ этой войнѣ, причина святая, причина угодная Богу, есть необходимость отогнать ересь Фотія; укротить, сокрушить ее; что такова признанная цѣль этого новаго крестоваго похода и что такова же была скрытая цѣль и всѣхъ прежнихъ крестовыхъ походовъ, хотя участвовавшіе въ нихъ и не признавались въ этомъ».

Епископъ Парижскій далеко не одинъ дѣлаетъ такое признаніе; оно было высказано и прежде и послѣ него многими изъ писателей Римскаго исповѣданія; но Марія-Доминикъ-Огюстъ Сибуръ болѣе смѣлъ, болѣе откровененъ, болѣе прямъ, чѣмъ другіе. Ему очевидно жаль Грековъ, но что жъ бы могъ онъ для нихъ сдѣлать? Они—послѣдователи Фотія, такъ нельзя же имъ не пострадать, когда они препятствуютъ торжеству единства. Ему отчасти совѣстно становиться защитникомъ Турокъ; но вѣдь Турки въ сущности только предлогъ. Нужно отогнать ересь Фотія. Приходится допустить протестантовъ въ ряды римской арміи: тяжелая необходимость, но нужно укротить Фотіянъ! Приходится дозволить, чтобы рядомъ съ знаменами, которыя благословилъ онъ, епископъ Парижскій, шли въ крес-

товый походъ знамена, благословенныя для Французскихъ войскъ Алжирскимъ имамомъ: прискорбно, но надобно истребить Фотіянъ! Они-то настоящіе и единственные враги, и любвеобильныя, нѣжная душа прелата покоряется этому суровому долгу.

Таковы слова Парижскаго архіепископа или таковъ ихъ несомнѣнный смыслъ. Этотъ святительскій голосъ только со бо́льшею ясностью высказалъ то, на что были уже намеки отъ другихъ, и самъ онъ встрѣтилъ себѣ не одинъ сочувственный откликъ. А много ли голосовъ поднялось противъ него въ странахъ покорныхъ Риму? Если и поднимались какіе нибудь голоса, они были такъ малочисленны и такъ робки, что терялись среди всеобщаго молчанія или одобренія. Ясно, что слово прелата есть только выраженіе чувства болѣе или менѣе общаго Римскому міру и всему міру западному.

Не считаю себя призваннымъ произносить сужденіе о нравственномъ достоинствѣ Парижскаго архіепископа; мой долгъ показать поучительный урокъ, вытекающій изъ его посланія.

Въ числѣ законовъ, правящихъ умственнымъ міромъ, есть одинъ, котораго Божественная, строгая правда не допускаетъ исключеній, тотъ законъ, что зло порождаетъ зло. Всякое незаслуженное оскорбленіе, всякая несправедливость поражаетъ виновнаго гораздо болѣе чѣмъ жертву; обиженный терпитъ, обидчикъ развращается. Обиженный можетъ простить и часто прощаетъ; обидчикъ не прощаетъ никогда. Его преступленіе впускаетъ въ его сердце ростокъ ненависти, который постоянно будетъ стремиться къ развитію, если во время не очистится все нравственное существо виновнаго внутреннимъ обновленіемъ *).

---

*) Такое развращеніе души есть одно изъ великихъ наказаній, постигающихъ рабство. Говоря относительно, рабовладѣлецъ бываетъ всегда болѣе развращенъ, чѣмъ рабъ; христіанинъ можетъ быть рабомъ, но не долженъ быть рабовладѣльцемъ. Въ краяхъ, гдѣ еще рабство существуетъ, память объ этой великой истинѣ должна быть присуща сознанію всѣхъ людей и устремлять ихъ мысли къ рѣшенію об-

Этотъ законъ имѣетъ огромную важность въ исторіи.

Въ предшествующей статьѣ *) я указалъ, въ чемъ существенно состоитъ западный расколъ, или, точнѣе сказать, западная ересь противъ догмата церковнаго единства. Я сказалъ, что, рѣшивъ догматическій вопросъ безъ содѣйствія своихъ восточныхъ братій, Западъ тѣмъ самымъ подразумѣвательно объявилъ ихъ сравнительными недорослями, разжаловалъ ихъ въ илотовъ по вѣрѣ и благодати, и чрезъ это отвергъ ихъ отъ Церкви, словомъ: совершилъ надъ ними *нравственное братоубійство*. По неизбѣжной послѣовательности, наслѣдники этого преступленія должны придти *къ братоубійству вещественному*. Таковъ урокъ, вытекающій изъ бесѣды преосвященнаго Парижскаго архіепископа.

Весьма далекъ я отъ того, чтобы приписывать всѣмъ членамъ Римскаго исповѣданія столь же сильное озлобленіе, а еще болѣе далекъ отъ того, чтобы приписывать подобное озлобленіе протестантамъ: у послѣднихъ ненависть смѣнилась презрѣніемъ, чувствомъ менѣе кровожаднымъ, хотя все-таки враждебнымъ и способнымъ, при малѣйшей борьбѣ или соперничествѣ съ презираемымъ, распалиться до свирѣпости. Но я утверждаю, что въ западныхъ исповѣданіяхъ, у всякаго на днѣ души лежитъ глубокая непріязнь къ восточной Церкви. Таково свидѣтельство исторіи; таковъ смыслъ современныхъ сочиненій, издаваемыхъ духовными лицами Латинскаго исповѣданія, такова причина молчанія Европы, читающей эти сочиненія и не возмущающейся ихъ варварствомъ; таково, наконецъ, несомнѣнное послѣдствіе общаго закона, о которомъ говорено выше. По этому-то самому всякій человѣкъ, любящій истину, обязанъ испытать свое сердце и исторгнуть изъ него этотъ ростокъ ненависти: иначе истина не дастся ему. Пусть поучается и устрашается онъ при видѣ чудовищнаго развитія, до какого дошло это пагубное чувство въ душѣ

щественнаго вопроса, который, какими бы затрудненіями онъ ни былъ обставленъ, не можетъ быть неразрѣшимъ. *Пр. автора.*

Это писано за шесть лѣтъ до упраздненія крѣпостнаго права въ Россіи. *Пр. переводчика.*

*) Смотри брошюру 1853 года.

Марій-Доминика-Огюста Сибура, «милостью Святаго Апостольскаго Престола архіепископа Парижскаго».

Еслибы внимательно заняться подобными размышленіями, нѣтъ сомнѣнія, онѣ могли бы оказать благодѣтельное дѣйствіе на политическія событія; но политическими событіями я не намѣренъ заниматься: какъ ни велика ихъ важность, она, во всякомъ случаѣ, важность только относительная и временная. Вопросъ, о которомъ я разсуждаю, гораздо высшей важности, ибо касается откровенія безусловной истины на землѣ и обнимаетъ всю совокупность духовныхъ интересовъ человѣчества. Моя цѣль—раскрытіемъ нашихъ воззрѣній на заблужденія двухъ исповѣданій, образующихъ западный расколъ, объяснить людямъ Запада истинное свойство Церкви; а для этого мнѣ предварительно нужно было указать нравственную препону, вслѣдствіе которой голосу истины трудно найти себѣ способныя внимать ему и безпристрастныя души. Пока человѣкъ не выброситъ изъ сердца своего горечи скрытной непріязни, око духовное не узритъ, ухо не услышитъ, и разумъ не разсудитъ право. Во всякомъ случаѣ, стоитъ попытаться сдѣлать надъ собою нравственное усиліе, когда цѣль его—искоренить въ себѣ чувство несправедливаго озлобленія; а если въ награду можетъ быть даровано познаніе Божественной истины, тогда не тѣмъ ли болѣе обязательна попытка?

Впрочемъ, не приступая еще къ сущности религіознаго вопроса, я считаю нужнымъ сказать, что кромѣ указаннаго сейчасъ препятствія, а именно: враждебнаго настроенія сердца, есть другое, гораздо болѣе важное, вслѣдствіе котораго уразумѣніе Церкви становится почти невозможнымъ какъ для латинянъ, такъ и для протестантовъ.

Мною было сказано, что въ первые вѣка, до самой эпохи великаго западнаго раскола, познаніе Божественныхъ истинъ считалось принадлежностью всецѣлой Церкви, объединенной духомъ любви. Это ученіе, сохраненное до нашихъ дней, было въ послѣднее время во всеуслышаніе провозглашено единодушнымъ согласіемъ патріарховъ и всѣхъ христіанъ Востока. Вопреки церковному преданію, Западъ, въ девятомъ вѣкѣ, присвоиваетъ себѣ

право измѣнять вселенскій сѵмволъ безъ содѣйствія своихъ восточныхъ братій и дѣлаетъ это въ то самое время, когда восточные христіане давали ему свидѣтельство своего братскаго уваженія, представляя на его одобреніе опредѣленія Никейскаго собора. Какое необходимо вытекаетъ изъ этого посягательства логическое послѣдствіе? Какъ скоро логическое начало знанія, выражающееся въ изложеніи сѵмвола, отрѣшилось отъ нравственнаго начала любви, выражающагося въ единодушіи Церкви, такъ этимъ самымъ, на дѣлѣ, установлялось протестантское безначаліе—анархія въ области вѣры. То самое право, какое въ отношеніи къ цѣлой Церкви присвоилъ себѣ западный патріархатъ, могла присвоить себѣ, въ отношеніи къ этому патріархату, всякая епархія; всякій приходъ могъ предъявить тоже право въ отношеніи къ своей епархіи; каждое отдѣльное лицо—въ отношеніи ко всѣмъ прочимъ. Никакимъ софизмомъ нельзя увернуться отъ этого послѣдствія. Или: истина дана единенію всѣхъ и ихъ взаимной любви въ Іисусѣ Христѣ, или она дается каждому лицу, взятому порознь, безъ всякаго отношенія къ прочимъ. Чтобъ избѣжать этого послѣдняго вывода и вытекающей изъ него анархіи, нужно было, вмѣсто нравственнаго закона, который для юной гордости Германо-Римскихъ народовъ казался стѣснительнымъ, поставить какой нибудь новый законъ, внутренній или внѣшній, такой законъ, который бы облекалъ опредѣленія западно-церковнаго общества несомнѣнною обязательностью, или, покрайней мѣрѣ, придавалъ бы имъ видъ такой обязательности. Необходимость въ этомъ законѣ, мало по малу, создала понятіе о папской непогрѣшимости. Въ самомъ дѣлѣ, первенство папъ въ порядкѣ суда и администраціи (само по себѣ не выдерживающее серьезной критики), хотя бы даже оно было допущено въ самомъ широкомъ смыслѣ, не могло служить оправданіемъ для раскола въ ученіи или въ дѣйствіи. Точно также не могла служить оправданіемъ и условная непогрѣшимость (то есть такая, которая обусловливается согласіемъ всей Церкви съ папскимъ опредѣленіемъ); ибо новое догматическое опредѣленіе было включено во вселен-

скій символъ безъ содѣйствія восточныхъ патріархатовъ, и даже ни одинъ изъ нихъ не былъ объ этомъ извѣщенъ. Чтобъ не остаться въ глазахъ Церкви расколомъ или не оправдать заранѣе своимъ примѣромъ протестантское своеволіе, Романизмъ вынужденъ былъ приписать Римскому епископу непогрѣшимость безусловную. Этому неизбѣжному послѣдствію подчинилось наконецъ весьма значительное число латинствующихъ и должны бы, по настоящему, подчиниться всѣ. Тѣмъ не менѣе, безусловная непогрѣшимость не была возведена на степень несомнѣннаго догмата и даже теперь не считается догматомъ: это все еще вопросъ, къ которому Римская курія подступить не смѣетъ. *) Съ другой стороны, по признанію самихъ Латинянъ, въ первыя времена Церкви о папской непогрѣшимости никто ничего не зналъ; ее во всеуслышаніе отвергали отцы первыхъ вѣковъ (доказательства: твореніе Св. Ипполита и осужденіе, произнесенное вселенскимъ соборомъ противъ памяти папы Онорія за его погрѣшеніе въ догматѣ); на нее не ссылались сами Латиняне ни въ первоначальныхъ своихъ спорахъ съ Греками, ни даже въ послѣдующихъ переговорахъ; очевидно, она есть ничто иное, какъ условное начало, допущенное заднимъ числомъ и по необходимости, чтобъ оправдать предшествовавшее его изобрѣтенію незаконное дѣйствіе.

И такъ, у Римлянина нѣтъ другой опоры для своего раскола, кромѣ, начала, котораго условность онъ чувствуетъ самъ. Съ другой стороны Протестантство, исходя изъ той-же мысли, что Западъ, измѣняя символъ, пользовался законнымъ правомъ, пришло къ заключенію, что, наравнѣ съ западнымъ патріархатомъ, и всякая страна, всякая церковная область, наконецъ всякое отдѣльное лицо имѣетъ такое же право отдѣлиться отъ цѣлой Церкви и создать себѣ символъ вѣры или вѣрованіе по своему вкусу. Заключеніе это было тѣмъ неизбѣжнѣе, что Протестантство потеряло всякую память о той нравственной-взаимной зависимости, въ которой находились одна отъ другой частныя области первобытной Церкви, и въ тоже

*) Послѣ того какъ эти строки были написаны, Римскій Соборъ 1870 годъ провозгласилъ догматъ Папской непогрѣшимости. Пр. изд.

время не могло считать себя связаннымъ тѣмъ условнымъ началомъ, которое Римъ, по временамъ, пускаетъ въ ходъ, не посмѣвъ однако ни разу возвести его въ догматъ. Такимъ образомъ, Протестантство, лишенное опоры преданія и нравственнаго надъ собою попечительства Церкви, обратившейся для него въ чистый абстрактъ, по неволѣ должно остаться при одной Библіи, какъ единственномъ руководствѣ. Но сама Библія, какъ вѣрно замѣтилъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ протестантскихъ писателей, не имѣетъ очерченныхъ границъ; она не то что̀ предметы непосредственнаго творенія Божія въ природѣ. Сколь бы ни было велико участіе Духа Божія въ книгѣ священнаго писанія, эта книга — все-таки произведеніе человѣческое, по крайней мѣрѣ по наружности. Безъ канона, Библія не существуетъ, а внѣ Церкви—нѣтъ канона. Почему знать: та или другая книга, слывущая каноническою, не есть ли апокрифическая, или наоборотъ, слывущая апокрифическою не есть ли каноническая? Хорошо ли поступили, принявъ такое-то сочиненіе? Не лучше ли принять другое, одновременное, хотя оно и не принято? Если Церковь не обладаетъ, по существу своему, непогрѣшительнымъ познаніемъ истины, то каждая часть Библіи въ тойже мѣрѣ подвержена сомнѣнію, какъ и посланія, заподозрѣнныя Лютеромъ, и вся Библія не болѣе какъ сборникъ сомнительнаго состава, не имѣющій опредѣленныхъ границъ, которому люди приписываютъ авторитетъ только потому, что не знаютъ, какъ безъ него обойтись.

Итакъ, всѣ вѣрованія протестанта держатся на предметѣ чисто-условномъ.

Но условное вѣрованіе есть не болѣе какъ прикрытое невѣріе. Оно кладетъ свой отпечатокъ на душу человѣка, прививаетъ къ ней особеннаго рода привычки и отнимаетъ у нея даже способность понимать, что̀ есть вѣра дѣйствительная. Отсюда выходитъ, что восточные христіане попусту тратятъ силы, оспаривая западныя вѣрованія (croyances) какъ безусловную вѣру (foi absolue): всѣ ихъ удары идутъ мимо, ибо исходятъ изъ ошибочнаго предположенія. Съ другой стороны, Западъ не можетъ понять

странной для него строгости Церкви, и когда ея представители заявляютъ, что нельзя удовольствоваться условнымъ вѣрованіемъ, а нужна вѣра безусловная, та вѣра, о которой Западъ, такъ сказать, потерялъ память, онъ невольно заподозриваетъ искренность ихъ заявленій.

Восточные напрасно предполагаютъ въ своихъ западныхъ братьяхъ дѣйствительную добросовѣстность въ вѣрѣ, тогда какъ тѣ не имѣютъ на нее даже и притязанія; западные, на оборотъ, предполагаютъ въ восточныхъ недобросовѣстность, тогда какъ такой вины за ними вовсе нѣтъ. Иначе и быть не можетъ. Въ этомъ состоитъ второе препятствіе, о которомъ я долженъ былъ сказать и вслѣдствіе котораго уразумѣніе Церкви, какъ для Латинянъ такъ и для протестантовъ, становится почти невозможнымъ. Имъ приходится уразумѣвать не тотъ или другой членъ вѣры; нѣтъ, но прежде всего—допустить самую возможность безусловной вѣры; а они, въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій, довольствовались условнымъ вѣрованіемъ, не признавая возможности иного *).

Борьба истины съ заблужденіемъ, какихъ бы предметовъ она ни касалась, всегда исполнена трудностей, хотя окончательное торжество истины несомнѣнно. Но во сколько разъ труднѣе борьба, когда противъ истины не только предубѣжденъ разсудокъ, а еще предрасположены воля и страсти? Таково въ особенности бываетъ положеніе Церкви, когда приходится ей имѣть дѣло съ отлучившимися отъ нея обществами. Какъ бы враждебно и недовѣрчиво ни относились другъ къ другу западныя исповѣданія, а народы, принадлежащіе къ нимъ, все-таки чувствуютъ себя болѣе или менѣе равноправными. Они образуютъ какъ бы

---

*) Такъ напримѣръ, съ давнихъ временъ Франція восхищается такъ называемою „вѣрою угольщика" (la foi du charbonnier). Но почему же, спрашивается, именно у г о л ь щ и к а, а не ученаго, или не мудреца, не апостола? Потому, что, по понятіямъ Латинянъ, вѣра полная, несомнѣвающаяся, есть исключительная принадлежность невѣжды, и такая вѣра дается ему только потому, что невѣжда не догадывается, что живетъ въ вѣрованіи условномъ. Въ этомъ одномъ словѣ „вѣра угольщика" заключается полная исповѣдь невѣрія.

одно семейство. Исторія Европы—ихъ общая жизнь; современная цивилизація—плодъ ихъ общихъ усилій. Наконецъ между этими народами нѣтъ ни одного, который бы не находилъ въ числѣ своихъ гражданъ послѣдователей почти всѣхъ западныхъ исповѣданій (исключеніе составляютъ развѣ только Италія и Испанія). Переходъ отъ одного вѣрованія къ другому не представляетъ ничего необыкновеннаго, ничего оскорбительнаго для человѣческой гордости, въ двухъ ея едвали не самыхъ упорныхъ видахъ: гордости породы и гордости просвѣщенія. Совсѣмъ не то въ сношеніяхъ тѣхъ же народовъ съ Церковью. Имъ приходится принимать истины вѣры отъ общества, нѣкогда ими отвергнутаго съ презрѣніемъ, и съ тѣхъ поръ остававшагося чуждымъ ихъ внутренней жизни и ихъ развитію. Имъ приходится ученически выслушивать наставленія отъ такого племени, которое имъ чуждо по крови и, несомнѣнно, отстало отъ нихъ на поприщѣ просвѣщенія, вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ исторической своей судьбы, преисполненной разнаго рода страданій и неравныхъ битвъ. Имъ приходится осудить все то, что̀ считаютъ они славою своего прошедшаго, и многое изъ того, чѣмъ гордятся въ настоящемъ. Для цѣлаго народа эта жертва тяжелая, для отдѣльныхъ лицъ—это умственное отчужденіе отъ отечества, экспатріація. Чѣмъ слышнѣе будетъ становиться голосъ истины, чѣмъ повелительнѣе будетъ онъ раздаваться, тѣмъ упорнѣе будетъ сопротивляться ея силѣ непокорное сердце, тѣмъ изобрѣтательнѣе будетъ становиться умъ, сообщникъ злыхъ страстей сердца, на всякаго рода увертки, софизмы и даже на явную ложь, лишь бы какъ нибудь увернуться отъ неизбѣжнаго убѣжденія. Кто изучалъ человѣка и исторію человѣческаго разума, тотъ долженъ быть къ тому приготовленъ, и, дѣйствительно, это самое совершается теперь на нашихъ глазахъ. Не смѣютъ прямо нападать ни на одно изъ догматическихъ ученій Церкви, не смѣютъ открыто опровергать ни одного изъ положеній, высказываемыхъ ея органами; за то, выдумываютъ расколы, о которыхъ она не имѣетъ понятія, чтобъ отрицать ея единство; навязыва-

ютъ ей главенство свѣтской власти, о которомъ она не вѣдаетъ, чтобъ отрицать ея духовную свободу, и все это дѣлается въ ту самую минуту, когда могущество ея жизненнаго общенія проявляется во всей ясности, когда она со всею энергіею протестуетъ противъ всякаго подозрѣнія въ Эрастіанизмѣ *).

Какъ бы однако ни были велики препятствія, они не должны останавливать защитниковъ истины. Чѣмъ откровеннѣе высказываются злыя страсти, въ которыхъ заключается сила заблужденія, тѣмъ настоятельнѣе становится обязанность обнажать ихъ, бороться съ ними и призывать людей къ единству любви и вѣры въ Іисусѣ Христѣ. Въ сочиненіи, передъ этимъ изданномъ, я обнаружилъ присутствіе раціонализма и Протестантства въ самой сущности Латинства; я показалъ также, что Протестанство, когда оно придаетъ себѣ видъ положительнаго вѣроученія, прибѣгаетъ, безъ всякаго на то права, къ преданію, котораго оно не признаетъ; наконецъ, я пытался объяснить моимъ западнымъ братьямъ характеръ Церкви, показавъ имъ, въ какомъ свѣтѣ представляются намъ ихъ ученія. Меня еще не опровергли; нынѣ продолжаю трудъ, который признаю своимъ долгомъ, въ надеждѣ, что слово, сказанное искренно и съ любовію, не останется совершенно безполезнымъ.

Я сказалъ, что непогрѣшимость въ догматѣ, т. е. познаніе истины, имѣетъ основаніемъ въ Церкви святость взаимной любви во Христѣ, и что этимъ ученіемъ устраняется самая возможность раціонализма, такъ какъ ясность разумѣнія поставляется въ зависимость отъ закона нравственнаго. Порвавъ эту связь, западный расколъ воцарилъ раціонализмъ и протестантское безначаліе. Чтобъ избѣжать логическихъ послѣдствій своего заблужденія, Романизмъ вынужденъ былъ, въ послѣдствіи, придумать папскую непогрѣшимость и прикрыть принципъ допущеннаго безначалія фактомъ правительственнаго самовластія. Съ точки

*) Отъ Ѳомы Эраста, основателя, въ половинѣ XVII вѣка, въ Англіи, особой секты, отрицавшей у Церкви всякую самостоятельность, даже право отлучать кого либо изъ своей среды *Пр. перев.*

зрѣнія Церкви, этотъ новый фазисъ заблужденія представляется въ слѣдующемъ видѣ: познаніе Божественныхъ истинъ, приписываемое Римскому епископу, не обусловливается его нравственнымъ совершенствомъ (доказательство — Борджіа и многіе ему подобные); точно также не обусловливается оно и нравственнымъ закономъ, присущимъ Церкви (ибо непогрѣшимость, присвоенная папѣ, ведетъ свое начало отъ такого дѣйствія, котораго иначе назвать нельзя какъ нравственнымъ братоубійствомъ); наконецъ, не обусловливается оно и умственнымъ превосходствомъ: такого превосходства папы никогда себѣ не приписывали. Итакъ, оно вполнѣ имѣетъ характеръ волшебнаго прорицательства. А говорятъ, что оно ведетъ свое начало отъ главы апостоловъ! Никакое явленіе въ Церкви иначе не можетъ быть постигаемо нами, какъ по аналогіи его съ другими подобными ему явленіями, засвидѣтельствованными въ Св. Писаніи. Чтоже оказывается? Въ Новомъ Завѣтѣ исповѣданія вѣры представляются въ двоякомъ видѣ. Есть исповѣданія вольныя и, такъ сказать, торжественныя: это откровенія, дарованныя святости и любви; таковы исповѣданія Симеона, Наѳанаила, Св. Петра и, наконецъ, полнѣйшее изъ всѣхъ — исповѣданіе Св. Ѳомы. Есть также исповѣданія невольныя, исторгнутыя страхомъ и ненавистью: таковы исповѣданія бѣсноватыхъ. Исповѣданія, которое бы исходило изъ равнодушія, мы не знаемъ *). Ясно, что преимущество, приписываемое Римскому

*) Частное откровеніе, которое, повидимому, высказано было первосвященникомъ (Іоан. гл. XI, 49—52), не представляетъ ни малѣйшей аналогіи. Онъ приводитъ законъ чисто политическаго свойства, котораго примѣненіе къ тогдашнимъ обстоятельствамъ остается совершенно непонятнымъ какъ для самаго первосвященника, такъ и для его слушателей. Его слово въ томъ смыслѣ, какой онъ ему придавалъ, не только не есть исповѣданіе истины (за каковое выдается исповѣданіе Римскаго епископа), а, напротивъ, заключаетъ въ себѣ ложь съ точки зрѣнія закона нравственнаго: ибо не добро невинному гибнуть жертвою за другихъ, безъ собственной его на то воли. Однако, скажутъ намъ, первосвященникъ былъ органомъ воли Божіей. Да, именно былъ. Но въ какомъ смыслѣ? Въ томъ, что опредѣленія правителей суть орудія Божіи. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что опре-

епископу, не возводитъ его въ первую изъ этихъ категорій (ибо не предполагаетъ въ немъ нравственнаго совершенства), а низводитъ его во вторую, стало быть скорѣе сближаетъ его съ бѣсноватыми, чѣмъ съ апостолами. Печально было бы такое паденіе человѣка, еслибъ оно было дѣйствительно! Печально было бы и паденіе человѣческой мысли, еслибъ могла она, не шутя, этому вѣрить!—Я не говорю о суевѣрномъ почитаніи, котораго требуютъ Латиняне, къ мѣсту или точнѣе къ имени Рима (ибо, не будь этого суевѣрія, имѣющаго характеръ какого-то кумирослуженія передъ мѣстностью, нельзя же было бы отрицать, что епископы Антіохійскіе такіе же преемники Св. Петра, какъ епископы императорскаго города); но я говорю, что преимущество быть невольнымъ вѣщателемъ истины, приписываемое лицу, не наслѣдовавшему въ то же время апостольской святости, можетъ быть, по понятіямъ Церкви, поставлено въ соотвѣтствіе только съ бѣснованіемъ.

Протестантство, при бо́льшей его логичности въ развитіи начала, вызвавшаго расколъ, приходитъ къ другимъ послѣдствіямъ. Разбитое на безчисленное множество несогласныхъ между собою обществъ, которыя и сами въ себѣ суть единицы только по имени (ибо каждое отдѣльное лицо держится часто вѣрованія противуположнаго вѣрованію всѣхъ прочихъ), оно полагаетъ свое единство только въ одномъ фактѣ признанія Библіи и въ какомъ-то поклоненіи этой книгѣ. Но это единство держится не на смыслѣ св. писаній (ибо толкованія его противорѣчатъ одно другому), а на единствѣ *вещи*, то есть писаннаго слова, какъ книги, независимо отъ его значенія и отъ мысли, въ немъ заключенной. Здѣсь разнорѣчіе въ существѣ и внутреннее безначаліе очевидны и дѣйствительны; а кажущееся единство представляетъ всѣ черты фетишизма.

дѣленія эти, сами по себѣ, содержатъ внутреннюю истину? Правительства не изъявляютъ и притязаній на это. Итакъ между приведеннымъ исповѣданіемъ первосвященника и притязаніемъ папъ на внутреннюю истину ихъ опредѣленій въ дѣлѣ вѣры нѣтъ ни малѣйшей аналогіи.

Да не оскорбляются наши западные братья жестокостью моихъ выраженій. Я не властенъ въ выборѣ словъ. Отличительно-свойственный Церкви характеръ духовной, органической жизни не можетъ быть понятъ, если не будетъ высказана въ самомъ яркомъ свѣтѣ печать смерти, усматриваемая нами на обоихъ видахъ западнаго раскола. Поэтому-то я и долженъ былъ показать, какъ низко упалъ бы человѣкъ, еслибъ онъ могъ быть поставленъ въ такое положеніе, которое вынуждало бы его вѣщать непогрѣшительныя истины вѣры, помимо собственной его воли, и какъ грубо кумирослуженіе общества, котораго вся внутренняя связь состоитъ въ почитаніи мертвой буквы, прикрывающей доселѣ для него неразгаданный смыслъ. Вмѣсто человѣка-машины, издающаго невольныя прорицанія, поставьте цѣлую Церковь; исповѣданіе Божественной истины признайте плодомъ одушевляющаго Церковь Божественнаго духа взаимной любви; вмѣсто книги-кумира поставьте цѣлую Церковь, для которой Библія есть слово начертанное, ея же собственное слово, поэтому самому всегда для нея понятное: тогда вы получите жизнь вмѣсто смерти, высшій разумъ вмѣсто очевиднѣйшаго безумія. Вызовите сперва начало жизни—любовь, и вы опять узрите предъ собою живой организмъ.

«Какъ, возразятъ намъ, вы хотите насъ увѣрить, что въ продолженіи столькихъ вѣковъ, въ христіанскомъ мірѣ, въ странахъ наиболѣе просвѣщенныхъ, основаніе и существо Христіанства—любовь оставалась въ забвеніи? Какъ! Столько было славныхъ мужей, проповѣдавшихъ законъ Спасителя, столько было высокихъ и благородныхъ умовъ, столько пламенныхъ и нѣжныхъ душъ, возглашавшихъ народамъ Запада слово вѣры, и будто бы никѣмъ изъ нихъ не было упомянуто о взаимной любви, которую, умирая, оставлялъ въ завѣтъ братьямъ умиравшій за нихъ Христосъ? Это невѣроятно, это невозможно!»—Дѣйствительно невѣроятно и невозможно, а все-таки это такъ. Витіи, мудрецы, испытатели закона Господня и проповѣдники Его ученія говорили часто о *законѣ* любви, но никто не говорилъ о *силѣ* любви. Народы слышали проповѣдь о

любви, какъ о *долгѣ*; но они забыли о любви, какъ о Божественномъ *дарѣ, которымъ обезпечивается за людьми познаніе безусловной истины.* Чего не познала мудрость Запада, тому поучаетъ ее юродство Востока.

Когда побѣдитель смерти, Спаситель человѣковъ, удалилъ отъ людей Свое видимое присутствіе, Онъ завѣщалъ имъ не скорби и слезы, а оставилъ утѣшительное обѣтованіе, что пребудетъ съ ними до скончанія вѣка. Обѣщанное исполнилось. На главы учениковъ, собравшихся въ единодушіи молитвы, снизошелъ Духъ Божій и возвратилъ имъ присутствіе Господа, не присутствіе, осязаемое чувствами, но присутствіе невидимое, не внѣшнее, но внутреннее. Оттолѣ радость ихъ была совершенная, несмотря на испытанія, имъ уготованныя. И мы также, мы имѣемъ эту совершенную радость; ибо знаемъ, что Церковь не ищетъ Христа, какъ ищутъ Его протестанты, но обладаетъ Имъ, и обладаетъ и принимаетъ Его постоянно, внутреннимъ дѣйствіемъ любви, не испрашивая себѣ внѣшняго призрака Христа, созданнаго вѣрованіемъ Римлянъ. Невидимый глава Церкви не нашелъ нужнымъ оставлять ей Свой образъ для изреченія прорицаній, но всю ее одушевилъ Своею любовію, дабы она имѣла въ себѣ самой непремѣняемую истину.

Такова наша вѣра.

Церковь, даже земная, не отъ міра сего; но Римлянинъ, равно какъ и протестантъ, судятъ о вещахъ небесныхъ, какъ о вещахъ земныхъ. «Неминуемо произойдетъ разъединеніе, если не будетъ на лицо власти для рѣшенія догматическихъ вопросовъ», говоритъ Римлянинъ. «Непремѣнно наступитъ умственное рабство, если каждый будетъ считать себя обязаннымъ пребывать съ другими въ согласіи», говоритъ протестантъ. Но спрашивается: говорятъ ли они по стихіямъ неба или по стихіямъ земли? Время отъ времени, этотъ явный отпечатокъ земнаго, наложенный на предметы небесные, приводилъ въ смущеніе души нѣкоторыхъ избранныхъ, и они старались (чего конечно нельзя имъ ставить въ вину) скрыть отъ собственныхъ своихъ глазъ это неизгладимое пятно сво-

ихъ исповѣданій. Никто, можетъ быть, не испытывалъ этого чувства такъ глубоко, хотя и невольно, какъ человѣкъ, въ лицѣ котораго нельзя не почтить одной изъ самыхъ чистыхъ знаменитостей нашего вѣка; я говорю о краснорѣчивомъ пасторѣ Вине (Vinet). Изъясняя въ одной изъ статей своихъ отличительныя свойства Католичества (этимъ именемъ онъ называетъ Романизмъ) и Протестантства, онъ выводитъ эти два исповѣданія изъ двухъ стремленій человѣческаго духа. Первое, то есть Католичество, по его словамъ, беретъ свое начало въ невольномъ, врожденномъ человѣку желаніи получить истину совершенно готовую, такую, которую достаточно бы было признать, и въ наслажденіи, какое доставляетъ сердцу человѣка сознаніе его единенія съ другими людьми въ чувствѣ и въ мысли. Второе, то есть Протестантство, беретъ свое начало въ желаніи, также прирожденномъ человѣку, добыть истину собственными силами своего ума и въ томъ вполнѣ истинномъ убѣжденіи, что вѣрованіе признанное, или допущенное, не есть еще вѣрованіе пріобрѣтенное *). Здѣсь является человѣкъ въ чисто-земномъ отправленіи силъ своего разума, и если стать на эту точку зрѣнія, то нельзя не признать справедливости изложеннаго анализа Римскихъ и Протестантскихъ стремленій. Однако тутъ же самому Вине приходитъ на умъ, что истина, по существу своему, непремѣнно едина, и мысли его представляется неизбѣжный выводъ, что Христіанство не можетъ не быть всемірнымъ, то есть каѳолическимъ. Онъ присовокупляетъ: «Оба указанныя стремленія одинаково истинны и одинаково неполны. Католикъ напрасно считаетъ себя католикомъ: онъ только предвозвѣщаетъ въ себѣ Каѳоличество, но еще не пріобрѣлъ на него права. Протестантъ напрасно полагаетъ, что Протестантству предназначено оставаться Протестантствомъ, тогда какъ оно есть только путь къ будущему Каѳоличеству». Очевидно, единство Церкви, свободное и осмысленное, вотъ къ чему Ви-

---

*) Хотя здѣсь приведены не подлинныя выраженія Вине, но смыслъ ихъ таковъ.

не устремляетъ свои желанія и чаянія и что представляется ему въ отдаленіи грядущихъ вѣковъ. Бѣдная душа, введенная въ заблужденіе ложною системою, въ которой она жила! Высокій и чистый умъ, преждевременно истощенный противорѣчіемъ между его чаяніями и его вѣрованіями! Разладъ положеній, высказанныхъ Вине, обличаетъ его внутреннее страданіе. Одно будущее его утѣшаетъ: прошедшее не дало ничего, настоящее безплодно. Каѳоличество, то есть согласіе людей въ истинѣ, придетъ когда нибудь; но, стало быть, до сихъ поръ его никогда не было? Стало быть, ученики Христовы, просвѣщенные дарами Духа, не составляли еще Церкви Каѳолической? Если они не были Церковью, то откуда же власть ихъ слова и ихъ писаній? А если они были Церковію, Церковью Каѳолическою, и если Каѳоличество этой Церкви утратилось, то какимъ образомъ могло бы человѣчество обрѣсти вновь тотъ свѣтъ, котораго оно не уберегло, получивъ его изъ рукъ самого Бога? Если даже обрѣтетъ, то какимъ способомъ соблюдетъ его? Наука ли дастъ гарантіи болѣе крѣпкія и надежныя, чѣмъ гарантіи, какія могъ найти Духъ Божій? Нѣтъ! Одно изъ двухъ: или Каѳоличество невозможно въ будущемъ, или оно не могло погибнуть въ прошедшемъ; но этого-то именно и не могутъ допустить ни Вине, ни кто либо другой изъ протестантовъ. Всѣ они охотнѣе поддадутся антилогичнѣйшему самообольщенію, чѣмъ согласятся съ строго логическимъ заключеніемъ, которое отняло бы у нихъ послѣднюю надежду когда либо обрѣсти истину. Всѣ ихъ понятія—понятія земныя.

Тотъ же самый внутренній недугъ является и у лучшихъ между Латинянами, только въ другомъ видѣ.

У нихъ онъ обнаруживается постояннымъ бореніемъ между потребностью анализа и боязнію, какъ бы эта сила не разбила зданія, которое съ такимъ трудомъ они противъ нея защищаютъ. Дѣло въ томъ, что и у нихъ все основано на земномъ разсчетѣ. Нельзя, впрочемъ, не сказать, что Вине въ нѣкоторой степени правъ. Возвратите словамъ, имъ употребленнымъ, тотъ смыслъ, который онъ желаетъ имъ придать, и окажется полная истина. Каѳоличество, или

яснѣе: вселенскость познанной истины, и Протестантство, или точнѣе: исканіе истины — таковы дѣйствительно элементы, постоянно сопребывающіе въ Церкви. Первый изъ нихъ принадлежитъ всей Церкви, ея цѣлости; второй — ея членамъ. Мы называемъ Церковь вселенскою, но самихъ себя не называемъ Каѳоликами *): въ этомъ словѣ заключается указаніе на такое совершенство, на которое мы далеко не имѣемъ притязанія. Допустивъ св. апостола Іудеевъ подвергнуться заслуженному порицанію отъ апостола языковъ, Духъ Божій далъ намъ уразумѣть ту высокую истину, что умъ самый возвышенный, душа самая озаренная небеснымъ свѣтомъ, должны преклоняться передъ Каѳоличествомъ Церкви, которая есть глаголъ Самого Бога **).

Каждый изъ насъ постоянно ищетъ того, чѣмъ Церковь постоянно обладаетъ. Невѣдущій, онъ ищетъ ее выразумѣть; грѣшный, онъ ищетъ пріобщиться къ святости ея внутренней жизни; всегда во всемъ несовершенный, онъ стремится къ тому совершенству, которое обнаруживается во всѣхъ явленіяхъ Церкви: въ ея писаніяхъ, которыя суть писанія священныя, въ ея догматическомъ преданіи, въ ея таинствахъ, въ ея молитвахъ, въ тѣхъ опредѣленіяхъ, которыя возглашаетъ она каждый разъ, когда нужно въ ея средѣ опровергнуть ложь, разрушить сомнѣніе, провозгласить истину, чтобы поддержать колеблющіеся шаги сыновъ ея. Каждый изъ насъ отъ земли, одна Церковь отъ неба.

Впрочемъ, человѣкъ находитъ въ Церкви не чуждое что либо себѣ. Онъ находитъ въ ней самого себя, но себя не въ безсиліи своего духовнаго одиночества, а въ силѣ своего духовнаго, искренняго единенія съ своими братьями, съ своимъ Спасителемъ. Онъ находитъ въ ней себя въ своемъ совершенствѣ, или точнѣе: находитъ въ ней то, что

---

*) Когда это слово, или слово *православный*, прилагается къ отдѣльному лицу, это не болѣе какъ эллиптическая форма выраженія.

**) Вотъ въ чемъ обнаруживается безуміе Ирвингистовъ: они ожидаютъ апостоловъ, не понимая того, что апостольская Церковь гораздо выше каждаго изъ апостоловъ. Частные дары суть только отраженія дара всеобщаго. Впрочемъ, нельзя не понять, что Ирвингизмъ есть ничто иное какъ сомнѣніе, жаждущее чудесъ.

есть совершеннаго въ немъ самомъ—Божественное вдохновеніе, постоянно испаряющееся въ грубой нечистотѣ каждаго отдѣльно-личнаго существованія. Это очищеніе совершается непобѣдимою силою взаимной любви христіанъ въ Іисусѣ Христѣ, ибо эта любовь есть Духъ Божій. — «Но, какимъ же образомъ, скажутъ намъ, могло бы единеніе христіанъ дать каждому то, чего не имѣетъ никто въ отдѣльности?» Песчинка, дѣйствительно, не получаетъ новаго бытія отъ груды, въ которую забросилъ ее случай: таковъ человѣкъ въ Протестантствѣ. Кирпичъ, уложенный въ стѣнѣ, нисколько не измѣняется и не улучшается отъ мѣста, назначеннаго ему наугольникомъ каменьщика: таковъ человѣкъ въ Романизмѣ. Но всякая частица вещества, усвоенная живымъ тѣломъ, дѣлается неотъемлемою частью его организма и сама получаетъ отъ него новый смыслъ и новую жизнь: таковъ человѣкъ въ Церкви, въ тѣлѣ Христовомъ, органическое основаніе котораго есть любовь. Очевидно, люди Запада не могутъ ни понять ея, ни участвовать въ ней, не отрекшись отъ раскола, который есть ея отрицаніе; ибо Латинянинъ думаетъ о такомъ единствѣ Церкви, при которомъ не остается слѣдовъ свободы христіанина, а протестантъ держится такой свободы, при которой совершенно изчезаетъ единство Церкви *). Мы же исповѣдуемъ Церковь единую и свободную. Она пребываетъ единою, хотя у нея нѣтъ оффиціальнаго представителя ея единства, и свободною, хотя свобода не обнаруживается разъединеніемъ ея членовъ. Эта Церковь, позволю себѣ выразиться словами апостола, есть соблазнъ для іудействующихъ Латинянъ и юродство для эллинствующихъ протестантовъ; для насъ же она есть откровеніе безконечной Божіей премудрости и милости на землѣ.

Итакъ очевидно, есть существенная разница между идеею Церкви, признающей себя единствомъ органическимъ,

---

*) Единство, какъ понимаютъ его Латиняне, есть Церковь безъ христіанина; свобода, какъ понимаютъ ее протестанты, есть христіанинъ безъ Церкви.

живое начало котораго есть Божественная благодать взаимной любви, и между идеею западныхъ обществъ, единство которыхъ, совершенно условное, у протестантовъ состоитъ только въ ариѳметическомъ итогѣ извѣстнаго числа отдѣльныхъ личностей, имѣющихъ почти тождественныя стремленія и вѣрованія, а у Римлянъ—только въ стройности движеній подданныхъ полудуховнаго государства. Такое различіе въ идеѣ должно непремѣнно отозваться на характерѣ всѣхъ проявленій этихъ троякаго рода единствъ, столь рѣшительно противоположныхъ по своимъ началамъ. Живая вѣра останется (какъ я уже сказалъ въ первой моей брошюрѣ) отличительною чертою проявленій Церкви; а раціонализмъ, будь онъ догматическій или утилитарный, наложитъ свое клеймо на всѣ общественныя дѣйствія двухъ другихъ противоположныхъ исповѣданій.

Изученіе фактовъ подтверждаетъ заключенія, выводимыя логикою изъ началъ, здѣсь изложенныхъ.

Пусть всмотрятся въ молитву, то есть, въ самое чистое стремленіе земли къ небу.

Войдите въ протестантскій храмъ. Не въ совершенномъ ли одиночествѣ стоитъ въ немъ молящійся? Кромѣ музыки и условнаго обряда, чувствуетъ ли себя отдѣльное лице связаннымъ чѣмъ нибудь еще съ собраніемъ молящихся? Относится ли оно къ собранію какъ къ чему-то такому, по отношенію къ чему его личная жизнь составляла бы только часть? Небольшая община, собравшаяся въ храмѣ, чувствуетъ ли за его стѣнами присутствіе чего либо болѣе широкаго, изъ чего бы она почерпала свою духовную жизнь? Чувствуетъ ли она дѣйствительное свое общеніе съ міромъ духовъ высшихъ и чистѣйшихъ? Обращается ли она къ этому невидимому міру съ просьбами о помощи, или, по крайней мѣрѣ, о единомысліи въ его молитвѣ? Нѣтъ, протестантъ и протестантская община тщательно этого избѣгаютъ. Не достаточно ли для нихъ заступничества Спасителя? И къ чему бы стали они, безъ всякой для себя пользы, расходовать свои молитвы? Въ смыслѣ утилитарномъ они очевидно правы. Смерть прекратила дни протестанта, и скорбная община бросаетъ послѣднюю горсть земли на

останки дорогаго ей человѣка; но никакой молитвы не слышно надъ свѣжею могилою, никакая молитва не сопровождаетъ прощанія живыхъ съ похищеннымъ у нихъ братомъ. Вѣдь не человѣку же измѣнить опредѣленіе Божіе о вѣчной судьбѣ того, чье земное поприще кончено? Ему ли покрыть своими молитвами грѣхи, которыхъ не покрыла бы кровь Спасителя? И опять, въ смыслѣ утилитарномъ, это справедливо. Однако, и протестантъ испрашиваетъ молитвъ у своихъ живыхъ братій; къ чему же могутъ онѣ служить ему, когда заступникъ его передъ Богомъ—Христосъ? Протестантъ проситъ Бога о прощеніи грѣха своихъ братій и о духовномъ ихъ очищеніи; но какъ же можетъ онъ думать, что молитва, за которою онъ не признаетъ ни права, ни силы вліять на вѣчное блаженство человѣка, совершившаго свое земное поприще, можетъ, по праву и по присущей въ ней силѣ, имѣть дѣйствительное вліяніе на характеръ этого поприща, а чрезъ это самое и на будущую участь живаго человѣка? Очевидно, то и другое въ равной степени несправедливо и невозможно; но Протестантство не посмѣло открыто порвать всѣ преданія Церкви и остановилось на полудорогѣ, на какой-то противной логикѣ сдѣлкѣ, которая впрочемъ никого не обманываетъ: ибо всякій чувствуетъ, что протестантъ проситъ молитвы у своихъ братій, не ощущая въ ней искренней нужды, и молится за нихъ безъ искренней надежды. Онъ одинокъ въ мірѣ и чувствуетъ себя одинокимъ.

Войдите въ Римскій храмъ. Молитва каждаго сливается ли въ одну общую молитву? Голосъ хора есть ли выраженіе мысли всѣхъ? Нѣтъ; и здѣсь человѣкъ остается одинокимъ передъ молитвою, ибо отъ него не требуется, чтобъ онъ ее понималъ и мысленно на нее отзывался *).

*) Можетъ быть, намъ скажутъ въ видѣ возраженія, что и въ Русской Церкви, при богослуженіи, употребляется языкъ устарѣлый. На это мы отвѣтимъ, что служба должна совершаться на языкѣ народномъ: таково несомнѣнно начало, признаваемое Церковью. У насъ фактъ расходился съ началомъ лишь въ томъ, что движеніе обряда не могло поспѣвать за движеніемъ организовавшагося языка. Тутъ нѣтъ ничего сходнаго съ Римскимъ началомъ.

Все богослуженіе остается для него чѣмъ-то внѣшнимъ; онъ въ немъ не участникъ. Онъ только присутствуетъ при немъ, но бездѣйственно. Церковное правительство молится на своемъ, правительственномъ языкѣ; ради какой нужды позволять подданнымъ примѣшивать свои голоса и мысли къ разговору правительства съ высшею властью? То, что̀ происходитъ въ Римскихъ храмахъ, имѣло бы видъ пародіи на молитву, если бъ не составляло принадлежности цѣлой системы. Когда была порвана связь взаимной любви, когда отринута была вѣра въ ея силу, человѣкъ, какъ я уже сказалъ прежде, фактически вышелъ изъ Церкви, хотя, по законамъ чисто-земной организаціи, онъ оставался какъ бы заключеннымъ въ ея оградѣ. Впрочемъ Романизмъ не могъ или не рѣшился, отдѣлясь отъ Церкви, отринуть исконное ея преданіе. Фактъ общенія міра видимаго съ міромъ невидимымъ, то есть съ святыми, занималъ такое видное мѣсто въ преданіи, что отрицать его было невозможно. Но онъ основанъ былъ на вѣрѣ въ начало любви, связующей жизнь земную съ жизнью небесною, подобно тому какъ сю же взаимно связуются люди въ земной жизни; теперь, когда это начало было отвергнуто, потребовалось новое объясненіе для удержаннаго факта. Молитвенное общеніе проявлялось въ двухъ видахъ: молитвы о заступленіи, обращенной къ міру невидимому, и молитвы за міръ невидимый, обращенной къ Богу. Романизмъ принялъ на себя положеніе власти посредствующей между раемъ и чистилищемъ, такъ сказать, между двумя обществами, изъ которыхъ одно стоитъ выше, а другое ниже его; у одного онъ испрашиваетъ услугъ, а другому самъ оказываетъ услуги. Въ сущности, это значило: къ двумъ признаннымъ видамъ Церкви (Церкви воинствующей и Церкви торжествующей) присовокупить еще третій видъ—Церковь выжидающую; но я оставляю въ сторонѣ этотъ фактъ, по себѣ ясный и знаменательный, такъ какъ важность его еще не такъ велика и должна уступить высшимъ соображеніямъ, требующимъ изслѣдованія.—Латинянинъ, какъ въ тѣхъ молитвахъ, съ которыми онъ обращается къ святымъ, такъ и въ тѣхъ, которыя приноситъ за умершихъ, все-таки остается, въ

глазахъ Церкви, одинокимъ. Простой гражданинъ трехъярусного общества, онъ все-таки не членъ живаго организма. Онъ проситъ высокой протекціи у тѣхъ, кто могущественнѣе его, онъ оказываетъ свою маленькую протекцію тѣмъ, кто ничтожнѣе его; но его бѣдная индивидуальность не расширяется въ сферѣ высшей жизни, къ которой бы онъ относился какъ живая частица къ цѣлому. Такимъ-то образомъ мѣсто вѣры въ органическое единство Церкви заступила жалкая теорія земной дипломатіи, распространенная на міръ невидимый; эта теорія, самовольная выдумка скрывающагося отъ самого себя раціонализма, столько же противна человѣческой логикѣ, сколько ненавистна чувству христіанина. Какая, въ самомъ дѣлѣ, надобность въ заступничествѣ святыхъ, когда мы имѣемъ Ходатая, достаточнаго для спасенія всѣхъ міровъ? Ужели у существъ низшихъ найдемъ мы слухъ болѣе благосклонный и сердце болѣе любящее, чѣмъ у нашего Спасителя? Ужели душа помилованная, несмотря на всѣ ея грѣхи, принесетъ за насъ что-либо собственно ей принадлежащее и вмѣстѣ угодное Богу? *) Этого конечно не рѣшится сказать ни одинъ христіанинъ; ибо святѣйшій изъ людей не имѣетъ ничего своего, кромѣ своихъ грѣховъ и своихъ мятежей; все же, что мы называемъ его добродѣтелями, есть та же благодать Божія, тотъ же духъ Спасителя; къ нимъ и должны мы обращаться непосредственно. Въ Латинской теоріи молитва, обращаемая къ святымъ, безсмыслица; а еще очевиднѣе безсмыслица ученія о чистилищѣ. Остаются ли при душѣ, разлученной съ тѣломъ, молитва, надежда и любовь? Любитъ ли она братьевъ, поклоняется ли своему Богу и Спасителю? Если она всѣми этими дарами обладаетъ, то откуда бы взялась у насъ смѣлость почитать ее болѣе заслуживающею сожалѣнія, чѣмъ мы сами, когда при ней остается все то, что есть поистинѣ цѣннаго на землѣ, и когда, въ то же время, она освобождена отъ всего, что составляетъ не-

---

*) Въ Латинской теоріи призываніе святыхъ основано на ученіи о ихъ такъ называемыхъ сверхъ требуемыхъ для ихъ собственнаго оправданія заслугахъ (opera supererogationis). *Пр. перев.*

счастіе человѣка, именно—отъ дѣятельности грѣха? Это былъ бы самый грубый матеріализмъ. Скажемъ ли, что она казнится чувствомъ своихъ грѣховъ? Но это было бы невѣжество; ибо, просвѣщенные Церковью, мы знаемъ, что раскаяніе называется побѣдою, или радостью покаянія, превосходящею всѣ земныя радости. Или, не скажемъ ли мы, что душа, отрѣшившаяся отъ своей оболочки, не имѣетъ уже ни любви (charité), ни молитвы, ни любви (amour) къ братьямъ и къ Богу? Но этимъ самымъ мы заявили бы, что душа, силою дѣйствія по отношенію къ ней внѣшняго, можетъ быть введена въ радость небесную именно тогда, когда она оказывается еще менѣе этого достойною, чѣмъ въ минуту разставанія съ жизнію. Уклонясь отъ Церкви и ея мудрости, расколъ запутался въ нелѣпости, и конечно остается только похвалить протестантскій раціонализмъ за то, что онъ вывелъ на свѣжую воду раціонализмъ замаскированный, столь нелогическій въ своемъ утилитарномъ направленіи.

Бѣдный Римлянинъ! Онъ не посмѣлъ бы молиться за своего брата, еслибъ увѣрился, что тотъ уже выбрался изъ чистилища! Видно, первенствующая Церковь не вѣдала, что̀ творила, когда молилась за мучениковъ.

Итакъ, несмотря на придуманную для отдѣльнаго лица возможность пользоваться услугами однихъ и оказывать услуги другимъ, оно стоитъ у Латинянъ также одиноко, какъ у протестантовъ. Кліентъ или патронъ, заимодавецъ или должникъ, Латинянинъ, въ обоихъ случаяхъ, все таки не вяжется съ невидимою Церковью узами органическими. Усложненіе молитвеннаго заступленія духовно-банковою операціею перевода добрыхъ дѣлъ или заслугъ не только не измѣняетъ ни въ чемъ юридическаго характера молитвы, а напротивъ выказываетъ его во всей яркости. Несмотря на предполагаемыя внѣшнія сношенія съ невидимымъ міромъ, внутреннее одиночество Латинянина, по отношенію къ этому міру, остается во всей своей очевидности; а одиночество его въ отношеніи къ его братьямъ, въ земномъ мірѣ, выступаетъ даже рѣшительнѣе, чѣмъ у протестантовъ: ибо употребленіе чуждаго языка (дипломатиче-

скаго языка, требуемаго конституціею Церкви-государства) не допускаетъ слянія мысли отдѣльнаго лица въ единогласіи мысли всеобщей. Протестантство заводитъ человѣка въ пустыню, Романизмъ обноситъ его оградою; но здѣсь и тамъ онъ остается одинокимъ. Справедливость требуетъ однако замѣтить, что въ этомъ случаѣ, равно какъ и въ другихъ, вина падаетъ на Римскій расколъ: вся система порождена его первоначальнымъ раціонализмомъ, плодомъ преступленія, имъ совершеннаго противъ взаимной любви христіанъ. Протестантъ могъ только отрицать выводы изъ этой системы, но у него не достало силъ отвергнуть ея данныя.

Чтобы дать яснѣе почувствовать скудость молитвы въ западныхъ обществахъ, мы должны здѣсь изложить понятіе о молитвѣ, предлагаемое намъ Церковью, а для уразумѣнія его необходимо коснуться высшихъ соображеній.

Отъ начала творенія, Богъ открылъ Себя созданнымъ существамъ цѣлымъ міромъ проявленій, разумѣваемыхъ или ощущаемыхъ; но это частное и, такъ сказать, внѣшнее откровеніе Его благодати, Его премудрости и Его всемогущества было неполно. Недоступное измѣненію, неприступное злу и искушенію, нравственное существо Божіе оставалось закрытымъ въ сіяющихъ глубинахъ Его безконечности, неизслѣдимыхъ и непостижимыхъ для умовъ конечныхъ. Изъ этихъ умовъ, созданныхъ свободными, нѣкоторые, вольнымъ дѣйствіемъ своей свободы, возмутились противъ Божества; другіе, поставленные въ положеніе низшее, удалились отъ своего Творца дѣйствіемъ хотя также свободнымъ, но вызваннымъ искушеніемъ отвнѣ. Эти послѣдніе, не столько виновные какъ первые, получили обѣтованіе искупленія и прощенія. Съ теченіемъ вѣковъ, въ часъ, назначенный Его премудростью, Богъ снова явилъ Себя твари въ Сынѣ Человѣческомъ, и это явленіе было полнѣе перваго. Чего не могла повѣдать неизмѣримость творенія, что̀ оставалось сокрытымъ въ блистаніяхъ тверди, то было открыто въ тѣсныхъ границахъ человѣческаго естества. Божіе Слово явилось какъ существо нравственное по преимуществу, какъ единственное нравственное

существо. — Зло подступало къ Сыну Человѣческому, и Онъ остался неприступенъ злу; былъ искушенъ и побѣдилъ искушенія; единый правый и единый чистый, Онъ принялъ на Себя изъ любви къ грѣшнику тяжесть, поношеніе и кару грѣха, котораго гнушался; испытанный скорбью, уничиженіемъ и смертью, Онъ принялъ скорбь, униженіе и смерть за преступниковъ, не признававшихъ Его, за кровожадныхъ людей, умертвившихъ Его, за малодушныхъ, отрекавшихся отъ Него; Владыка всего творенія и достойный славы Божественной, Онъ всему покорился, покорился до того, что даже почувствовалъ Себя оставленнымъ отъ Самого Бога *); но не покинулъ людей, Своихъ братьевъ, на заслуженное ими бѣдствіе. Вѣчное Божіе сострадание къ твари, жертва очистительная за грѣхи міра, закланная единожды, но постоянно приносимая въ вѣчности, Онъ погасилъ Своею кровію пламень Божественной правды (содѣлавъ ее какъ бы неправою), дабы всесильно было милосердіе Божественное. Такимъ образомъ, въ Немъ, и въ Немъ Одномъ, падшія разумныя твари обрѣли блаженство, и въ Немъ же оправдалось и восполнилось блаженство тѣхъ, которые избѣгли паденія, потому лишь что не подвергались искушенію. И мы знаемъ, что въ силу Своей неизреченной любви и добровольной жертвы **), Онъ есть возлюбленный Сынъ Отчій; и что всякая святость, всякое совершенство и всякая слава Ему принадлежатъ во вѣки вѣковъ.

Въ Своей правдѣ и въ Своей милости, Богъ изволилъ, чтобы точно также, какъ, единственное нравственное существо, Христосъ силою безграничной Своей любви принялъ на Себя человѣческіе грѣхи и справедливую за нихъ казнь, могъ и человѣкъ силою своей вѣры и своей любви къ Спасителю отрекаться отъ своей личности, личности грѣховной и злой, и облекаться въ святость и совершенство своего Спасителя. Соединенный такимъ образомъ со Христомъ, человѣкъ уже не то, чѣмъ онъ былъ, не оди-

*) *Іоанна гл.* 19 ст. 28, Боже мой, Боже мой, вскую мя еси оставилъ! *псаломъ 21.* Матѳ. гл. 27 ст. 46.

**) Ев. отъ Іоанна, гл. X, ст. 17, 18.

нокая личность; онъ сталъ членомъ Церкви, которая есть тѣло Христово, и жизнь его стала нераздѣльною частью высшей жизни, которой она свободно себя подчинила. Спаситель живетъ въ Своей Церкви, Онъ живетъ въ насъ. Онъ ходатайствуетъ, а мы молимся; Онъ поручаетъ насъ благости Божіей, а мы взаимно другъ друга поручаемъ своему Творцу; Онъ предлагаетъ Себя въ вѣчную жертву а мы приносимъ Отцу эту жертву прославленія, благодаренія и умилостивленія за насъ самихъ и за всѣхъ нашихъ братьевъ, какъ тѣхъ, которые пребываютъ еще въ опасностяхъ земной борьбы, такъ и тѣхъ, которыхъ смерть привела уже въ тихое, возносительное движеніе небеснаго блаженства *), какова бы затѣмъ ни была степень дарованной имъ славы—все равно. Въ нашей молитвѣ нѣтъ мѣста ни для вопросовъ, ни для сомнѣній; ибо, какъ сказано въ одномъ Русскомъ катихизисѣ: «мы молимся не «въ духѣ страха, подобно рабамъ, не въ духѣ корысти, «подобно наемникамъ, но молимся въ духѣ сыновней люб«ви, будучи по благодати усыновлены Богу нашимъ еди«неніемъ съ Сыномъ человѣческимъ, Іисусомъ правед«нымъ, Сыномъ и вѣчнымъ Словомъ Отца щедротъ» **), Мы молимся потому, что не можемъ не молиться, и эта молитва всѣхъ о каждомъ и каждаго о всѣхъ, постоянно испрашиваемая и постоянно даруемая, умоляющая и торжествующая въ тоже время, всегда во имя Христа, нашего Спасителя, обращаемая къ Его Отцу и Богу, есть какъ бы

*) И въ жизни небесной есть невѣдѣніе и откровеніе и, слѣдовательно, возносительное движеніе. Это повѣдано намъ самимъ Спасителемъ нашимъ (въ бесѣдѣ о кончинѣ міра, Матѳ. XXIV, 36; Марк. XIII, 32), повѣдано Духомъ истины (въ посланіи Св. Павла къ Ефесеямъ, III, 10) и, по свидѣтельству Марка Ефесскаго передъ Флорентинскимъ собраніемъ, никогда Церковь въ этомъ не сомнѣвалась.

**) Здѣсь авторъ, кажется, имѣлъ въ виду свой „Опытъ Катихизическаго изложенія ученія о Церкви" (въ этомъ же томѣ его сочиненій напечатанный), въ которомъ эта мысль выражена въ слѣдующихъ словахъ: „Молимся въ духѣ любви, а не пользы, въ духѣ сыновней свободы, а не закона наемническаго.—Всякій спрашивающій, какая польза въ молитвѣ, признаетъ себя рабомъ.—Молитва истинная есть истинная любовь". *Пр. переводч.*

кровь, обращающаяся въ тѣлѣ Церкви: она ея жизнь и выраженіе ея жизни, она глаголъ ея любви, вѣчное дыханіе Духа Божія.

Гдѣ же теперь сомнѣнія? Гдѣ одиночество? Гдѣ недовѣрчивая боязливость Протестантства? Гдѣ баснословіе юридическихъ отношеній, придуманныхъ Римляниномъ? Намъ ли, съ созерцательной высоты, на которую возводитъ насъ Церковь, опускаться въ топь раціонализма и его утилитарныхъ ученій, выработанныхъ расколомъ? Осмѣлятся ли даже звать насъ туда наши западные братья?—Нѣтъ, они этого не сдѣлаютъ. Можетъ быть, они сами остановили бы насъ, еслибы мы способны были на подобное безуміе; они почувствовали бы, что, отложившись отъ Царя Церкви, мы тѣмъ самымъ лишили бы все человѣчество наслѣдія въ славнѣйшемъ изъ его упованій и похитили бы у него навсегда самую возможность вѣры.

Это святое ученіе, единое истинное, единое непререкаемое для самой строгой логики, а между тѣмъ далеко превосходящее, логику человѣческую, единое удовлетворяющее вполнѣ самымъ живымъ потребностямъ сердца (ибо оно шире всѣхъ его самыхъ сильныхъ желаній), это ученіе было во всѣ времена ученіемъ Церкви. Оно остается ея ученіемъ и въ наше время, какъ было ея ученіемъ со дней апостольскихъ. Учениками апостольскими оно было заповѣдано Западу наравнѣ съ Востокомъ; это ясно доказываютъ древнѣйшія литургіи, въ особенности литургія Мозарабская, которая хотя и подвергалась въ послѣдствіи измѣненіямъ, но конечно не въ этомъ смыслѣ. И однако, въ настоящее время, ученіе это совершенно чуждо всѣмъ западнымъ исповѣданіямъ и представляетъ собою одинъ изъ отличительныхъ признаковъ Церкви, что уже было замѣчено нѣкоторыми протестантскими писателями *).

Почему Западъ потерялъ это Божественное преданіе? Причина ясна. Германское Протестантство не могло его возсоздать, потому что ничего и никогда не могло и не

*) Въ томъ числѣ Нилемъ (Neal) въ его „Введеніи въ исторію Православія“.

можетъ создать, потому что способно только отрицать и разрушать; потому что все-то оно есть не болѣе какъ критика въ мышленіи и одиночество въ духовной жизни. Протестантство первоначальное (т. е. Романизмъ) не могло его сохранить, потому что это преданіе есть полнѣйшее развитіе единства, основаннаго на взаимной любви, а Романизмъ съизначала былъ отрицаніемъ этого принципа, ересью противъ живаго единства Церкви. Поэтому-то Западъ и утратилъ духовное общеніе молитвы; поэтому и долженъ онъ былъ замѣнить высокое ученіе объ органическомъ единствѣ въ Іисусѣ Христѣ тощею и нелѣпою системою патронатства и кліентства; на мѣсто любви поставить утилитаризмъ, а на мѣсто братства—ассоціацію. Человѣкъ оказался отброшеннымъ въ тѣсныя границы своего отдѣльно-личнаго существованія и отлученнымъ отъ всѣхъ своихъ братьевъ.

Скажу болѣе: онъ оказался отлученнымъ отъ самаго Бога. Вѣчная тяжба, вѣчное разбирательство противоположныхъ правъ передъ духовными юрисконсультами папскаго Рима,—вотъ какого рода отношенія введены были вмѣсто установленнаго пришествіемъ Христовымъ внутренняго единенія между Творцомъ и тварью. Вооружась счетною книгою, составленною по правиламъ двойной бухгалтеріи, съ дебетомъ въ видѣ грѣха и кредитомъ въ видѣ добрыхъ дѣлъ (подкрѣпленныхъ, правда, жертвою Спасителя), человѣкъ вступаетъ въ тяжбу съ Богомъ и въ Римскомъ казуистѣ находитъ себѣ благопріятнаго судью Передъ нимъ онъ не проиграетъ своей тяжбы. Лишь бы оставался онъ гражданиномъ церковнаго государства и послушнымъ слугою своихъ командировъ, онъ, за довольно-умѣренный взносъ добрыхъ дѣлъ и добрыхъ помысловъ, попадетъ въ акціонеры рая; затѣмъ излишекъ, если таковой у него окажется, онъ получитъ возможность обратить для себя въ движимый капиталецъ, который останется въ полномъ его распоряженіи; а если окажется недочетъ, можно будетъ покрыть его займомъ у болѣе богатыхъ капиталистовъ. Былъ бы только вѣренъ балансъ, Богъ не приерется.

Да простятъ мнѣ жестокость моей ироніи: дозволяя ее себѣ, я не выхожу изъ предѣловъ самой строгой истины. Притомъ же, можетъ ли сынъ Церкви удержаться отъ негодованія, видя апостольское ученіе столь рѣшительно искаженнымъ и униженнымъ? Во что, въ самомъ дѣлѣ, обратилось Христіанство? Гдѣ Богъ, всецѣло дарующій Себя человѣку? Гдѣ человѣкъ, безсильный привнести что либо отъ себя, кромѣ соизволенія на Божественное благодѣяніе? И послѣ этого станутъ строго судить невѣрующихъ!

Протестантство, конечно, не заслуживаетъ упрековъ столь тяжелыхъ. Однако, принявъ поневолѣ наслѣдство Римскихъ ученій, оно, хотя и отвергло вытекающіе изъ нихъ выводы, но не умѣло уберечься отъ юридическаго отпечатка, наложеннаго ими на религію. Повидимому, Протестантство не допускаетъ никакихъ заслугъ, которыя давали бы человѣку какія либо права передъ Богомъ; въ сущности же оно только съуживаетъ понятіе о заслугѣ, приписывая одной вѣрѣ все то, что, по ученію Латинянъ, приписывается вѣрѣ и дѣламъ. Вѣра, въ глазахъ протестанта, есть заслуга, правда единственная, но все-таки заслуга. Вопросъ о пользѣ все еще остается присущимъ его мысли; тяжба между Богомъ и человѣкомъ продолжается, только адвокаты человѣка расходятся между собою въ основаніяхъ къ его оправданію. Римляне, опираясь на непонятый ими текстъ, въ которомъ апост. Іаковъ говоритъ о дѣлахъ вѣры, требуютъ дѣлъ закона. Протестанты, сильные свидѣтельствомъ апостола Павла, котораго также не понимаютъ, доказываютъ безполезность дѣлъ вѣры (хотя апостолъ очевидно говоритъ о дѣлахъ закона); но у тѣхъ и у другихъ дѣло идетъ все-таки о полезности или безполезности, то есть о юридическомъ достоинствѣ вѣры и дѣлъ; иначе: вопросъ въ томъ, какіе оправдательные документы могъ бы предъявить человѣкъ въ своей тяжбѣ съ своимъ Создателемъ? Изъ этого видно, что кто отрекается отъ братства съ людьми, тотъ, по неизбѣжному законопослѣдствію, и въ Богѣ забываетъ Отца, и что самыя эти слова—братья, отецъ, заключающія въ себѣ для Церкви неоскудѣвающій источникъ радости и торжества,

въ западныхъ исповѣданіяхъ повторяются лишь по преданію, какъ условные термины, смыслъ которыхъ потерянъ. Когда преступная гордость, разорвавшая единство Церкви, присвоила себѣ монополію Св. Духа и задумала низвести восточныя Церкви въ положеніе илотовъ, конечно она не предугадывала, къ чему придетъ сама; но таковъ Божественный законъ: испорченность сердца порождаетъ ослѣпленіе ума, и нарушеніе первой изъ евангельскихъ заповѣдей не могло пройти безнаказанно.

Итакъ молитва — это высокое проявленіе живаго, органическаго единства между нашимъ Спасителемъ и Его избранными — приняла на Западѣ характеръ одиночества и юридическаго раціонализма; такъ обнаружилось различіе въ основаніяхъ между Церковью и отложившимися отъ нея исповѣданіями. Этого для меня достаточно. Но прежде чѣмъ пойду далѣе, не могу не присовокупить замѣчанія о спорѣ, который долго кипѣлъ между латинянами и протестантами и теперь только заглохъ, но не погасъ; я разумѣю споръ о томъ: спасается ли человѣкъ одною вѣрою, или вѣрою и дѣлами?

Никогда этотъ споръ, безсмысленность котораго слишкомъ очевидна предъ свѣтомъ апостольскаго преданія, не волновалъ Церкви, да и не могъ волновать ея *). Въ самомъ дѣлѣ, вѣра не есть дѣйствіе одного постиженія, но дѣйствіе всего разума, т. е. постиженія и изволенія въ ихъ внутреннемъ единствѣ. Вѣра — жизнь и истина въ одно и то же время (какъ я сказалъ въ первой моей брошюрѣ), есть такое дѣйствіе, которымъ человѣкъ, осуждая свою собственную несовершенную и злостную личность, ищетъ соединиться съ существомъ нравственнымъ по преимуществу, съ Іисусомъ праведнымъ, съ Богочеловѣкомъ. Вѣра есть начало, по самому существу своему, *нравственное*; нравственное же начало, которое бы не заключало въ себѣ стремленія къ обнаруженію, обличило бы тѣмъ самымъ свое безсиліе, точнѣе—свое ничтожество, свое не-

---

*) Хотя нѣкоторые православные богословы цѣликомъ перенесли его съ Запада въ нашу школу. *Пр. переводч.*

бытіе. Обнаруженіе вѣры и есть дѣло; ибо и молитвенный вздохъ, едва зачавшійся во глубинѣ сокрушеннаго сердца есть такое же дѣло какъ и мученичество. Различіе этихъ дѣлъ только во времени и въ обстоятельствахъ, при которыхъ Богъ дозволяетъ человѣку воспользоваться дарами благодати.

Какое дѣло могъ совершить разбойникъ, прикованный на крестѣ? Или дѣло его—раскаяніе и исповѣданіе въ тоже время—было недостаточно? Или Богъ милуетъ въ видѣ изъятій? Итакъ утверждать, какъ дѣлаютъ это протестанты, что человѣкъ спасается вѣрою независимо отъ дѣлъ значитъ высказывать мысль, содержащую въ себѣ противорѣчіе себѣ самой; ибо это значитъ утверждать, что человѣкъ можетъ быть спасенъ такимъ началомъ, которое явнымъ образомъ запечатлѣно ничтожествомъ и безсиліемъ. Утверждать, какъ дѣлаютъ это латиняне, что человѣкъ спасается вѣрою и дѣлами, значитъ высказывать положеніе, лишенное всякаго смысла; ибо это значитъ утверждать, что начало спасенія должно быть не только крѣпко и сильно, но еще, въ добавокъ, имѣть и признаки крѣпости и силы, какъ будто первое не предполагаетъ втораго. Безуміе протестанта состоитъ въ томъ, что онъ низводитъ *начало* (т. е. творческую силу) на степень абстрактнаго понятія; безуміе Латинянина—въ томъ, что онъ приставляетъ къ началу его проявленіе, въ видѣ наддачи. Уединивъ человѣка отъ его братьевъ и отлучивъ его отъ Бога, оба западныя вѣроисповѣданія нашли еще средство разсѣчь самаго человѣка на двое, во всей его жизни, и отдѣлить разумъ отъ дѣйствія, которое есть выраженіе разума, иначе его слово, принимая этотъ терминъ въ самомъ широкомъ его значеніи. Въ этомъ случаѣ философское заблужденіе происходитъ отъ ложнаго направленія (болѣе или менѣе очевиднаго) религіозной мысли. Какъ у протестантовъ, такъ и у латинянъ, на днѣ души всегда шевелится вопросъ: чѣмъ выслуживаетъ человѣкъ свое спасеніе? Этотъ тяжебный вопросъ стоитъ у нихъ на мѣстѣ христіанскаго вопроса: какъ Богъ совершаетъ спасеніе человѣка? Для насъ такое заблужденіе невозможно, какъ

я уже сказалъ. Мы знаемъ, что вѣра жива, иначе дѣйственна, и что если бы она не проявлялась дѣломъ (хотя-бы и не всегда замѣтнымъ для людскаго глаза), то была бы не вѣрою, а простымъ *вѣреніемъ* (croyance), логическимъ познаніемъ, или, какъ говоритъ Св. Іаковъ, трупомъ. Ясно, что тотъ и другой видъ западнаго раскола заблуждается; но справедливость требуетъ замѣтить, что заблужденіе у Римлянъ болѣе закоренѣло, чѣмъ у ихъ противниковъ. Протестантъ, хотя и увлекается вообще до того, что принимаетъ за вѣру умственное постиженіе, часто однако приходитъ къ сознанію ложности этого ученія и возвращается къ понятію о живой вѣрѣ. Но Римлянинъ, этотъ неисправимый законникъ, крѣпко на томъ стоитъ, что дѣло, само по себѣ, имѣетъ силу и власть болѣе или менѣе независимую отъ вѣры; онъ видитъ въ немъ какъ бы самостоятельную цифру, прикладываетъ ее къ вѣрѣ—это для него другая цифра—и этимъ сложеніемъ очищаетъ счеты между Богомъ и тварью.

Такимъ образомъ на самомъ фактѣ обнаруживается, что западный расколъ, разрушивъ органическое единство земной Церкви и единственное его основаніе (нравственный законъ взаимной любви), разрушилъ тѣмъ самымъ органическое единство и Церкви невидимой, разъединивъ человѣка съ его братьями, съ его Спасителемъ и Богомъ, и тѣмъ самымъ упразднилъ истинное общеніе совокупной молитвы. Нравственное преступленіе, отнявшее у Церкви (какъ показалъ я въ первой моей брошюрѣ) ея единственное разумное основаніе, въ то же время исказило все духовное существо Христіанства. Если мы теперь, отъ разсмотрѣнія молитвы, этого высшаго воспаренія земли къ небу, перейдемъ къ разсмотрѣнію таинствъ, этого осязательнѣйшаго проявленія ниспосылаемой съ неба на землю Божественной благодати, то мы увидимъ и здѣсь тоже самое, что тамъ.

Вопервыхъ, нельзя не замѣтить, что германское Протестантство, хотя и не хочетъ признавать болѣе двухъ таинствъ, постоянно однако, въ различныхъ своихъ сектахъ, пытается снова ввести отринутыя имъ таинства, въ

томъ или другомъ переодѣтомъ видѣ. Такимъ образомъ, оно то удерживаетъ конфирмацію, то предписываетъ или совѣтуетъ исповѣдь, то старается придать характеръ таинства своему постановленію (ординаціи). Чтобъ объяснить себѣ этотъ фактъ, нужно выразумѣть смыслъ церковныхъ таинствъ и отношеніе Протестантства къ Христіанству. Таинства, очевидно, дѣлятся на два разряда. Одни имѣютъ прямое и непосредственное отношеніе ко всей Церкви; другія относятся къ домостроительству Церкви въ ея земномъ явленіи. Очевидно также, что протестантъ, отринувъ Церковь, основанную на преданіи или Церковь земную, не могъ не отринуть тѣхъ таинствъ, которыя имѣли къ ней непосредственное отношеніе; ибо законы логики строги, и человѣкъ, самъ того не желая и не подозрѣвая, повинуется всѣмъ послѣдствіямъ, къ которымъ ведутъ разъ принятыя имъ данныя. Съ другой стороны, желаніе придать нѣкоторую состоятельность той новой Церкви, которую онъ строитъ, и докучливое воспоминаніе объ апостольскихъ преданіяхъ принуждаютъ протестанта дѣлать безсильныя попытки къ возстановленію имъ же самимъ разрушеннаго. И то и другое въ одинаковой степени невольно и неизбѣжно.

Человѣка, соглашающагося спастись добровольною жертвою Спасителя, Церковь пріемлетъ и соединяетъ со Христомъ: вотъ смыслъ крещенія *).

Это апостольское ученіе сохранилось въ большей или меньшей ясности, даже среди заблужденій раскола, который однако не понимаетъ всей его важности. Протестантство, отрицая самую Церковь и не признавая другаго единенія со Спасителемъ какъ только черезъ посредство писаннаго слова, естественно приходитъ въ крайнее смущеніе передъ вещественнымъ, осязаемымъ фактомъ, заключающимъ въ

---

*) Человѣкъ самъ надъ собою не можетъ совершить этого таинства; необходимо, чтобы другой принялъ и ввелъ его въ кругъ избранныхъ, дабы онъ зналъ и исповѣдывалъ свое собственное безсиліе. Гордость квакера осуждается смиреніемъ христіанина. Въ крещеніи—вся Церковь, все преданіе.

себѣ одномъ все живое преданіе, и потому поневолѣ приписываетъ совершенію таинства какую-то чародѣйственную силу и не болѣе *). Съ другой стороны, Романизмъ, взирая на крещеніе какъ на дѣйствіе, которымъ полудуховное общество пріобрѣтаетъ новаго подданнаго, почти ни во что не ставитъ личную свободу, такъ что часто даже допускаетъ насиліе для понужденія къ такому дѣйствію, которое само по себѣ есть полнѣйшее торжество человѣческой свободы. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ, противоположность воззрѣній не на столько очевидна, чтобы стоило на ней останавливаться; а потому я предлагаю эти замѣчанія мимоходомъ, хотя считаю ихъ неоспоримо-вѣрными.

Всѣхъ своихъ членовъ Церковь пріобщаетъ къ своему Спасителю тѣлеснымъ съ Нимъ объединеніемъ—вотъ смыслъ Евхаристіи, и здѣсь-то характеръ раскола выкажется во всей наготѣ своей. Реформа низводитъ Евхаристію на степень простыхъ поминокъ, сопровождаемыхъ драматическою обстановкою. Сами по себѣ эти поминки очевидно ничѣмъ не отличаются отъ всякаго рода поминокъ; тѣмъ не менѣе протестанты утверждаютъ, что лица, въ нихъ участвующія, будто бы пріобрѣтаютъ чрезъ это какіе-то совершенно неопредѣленные, благодатные дары. Вся туманность нѣмецкаго Протестантства ясно выказывается въ этомъ ученіи, съ виду какъ будто и осмысленномъ, но въ сущности не имѣющемъ никакого смысла **). Съ другой стороны, Романизмъ, настаивая на существѣ таинства, т. е. на дѣйствительности преложенія земныхъ элементовъ въ небесное тѣло, истолковываетъ, по своей неизмѣнной привычкѣ, духовное дѣйствіе какъ чисто-вещественное и унижаетъ таинство до того, что оно превращается въ его

*) Всякая религія, доктриною своею расплывающаяся въ отвлеченностяхъ, вещественною своею стороною непремѣнно погрязаетъ въ фетишизмѣ и чародѣйствѣ; такъ вообще всякое заблужденіе разрѣшается самоубійствомъ. Примѣромъ можетъ служить Буддаизмъ.

**) Въ самомъ дѣлѣ, къ чему было, въ замѣнъ пасхальнаго агнца, установлять другой, въ сущности однозначущій символъ? Если и тамъ и здѣсь не болѣе какъ символъ, то чѣмъ же одинъ лучше или хуже другаго?

понятіяхъ въ какое-то атомистическое чудо *). Нигдѣ слѣпая самоувѣренность схоластическаго невѣжества не являлась въ такой наготѣ, какъ въ спорахъ Римлянъ съ протестантами о таинствѣ Евхаристіи; никогда законы міра вещественнаго, или, говоря точнѣе, наши жалкія познанія объ этихъ законахъ, или о томъ, что̀ мы принимаемъ за законы, не прилагались съ такимъ дерзкимъ кощунствомъ къ явленіямъ другаго міра, какъ мѣрила могущества Божія.

Одинъ разсуждаетъ о физической субстанціи таинства, отличая ее отъ случайныхъ ея принадлежностей, какъ будто бы (благодаря объясненіямъ Петра Ломбардскаго или Ѳомы Аквинскаго) онъ точно понималъ, въ чемъ разница между тѣмъ и другимъ. Другой отрицаетъ возможность присутствія тѣла Спасителя въ таинствѣ на томъ основаніи, что это тѣло, по свидѣтельству св. апостоловъ, пребываетъ въ небесной славѣ, одесную Отца, какъ будто бы онъ понималъ, что̀ значитъ небо и слава и одесную Отца. Ни разу слово вѣры не раздалось ни на той, ни на другой сторонѣ, ни разу живой свѣтъ преданія не бросилъ ни одного луча своего въ печальный мракъ этихъ схоластическихъ преній. Что̀ за безумная гордость человѣческаго невѣжества, и въ то же время какая справедливая казнь за оскорбленіе единства Церкви! Этотъ споръ утихъ въ нашъ вѣкъ, какъ утихли всѣ богословскіе споры, по причинѣ, мною уже высказанной; но вопросъ не рѣшенъ, и двѣ вѣтви раскола остаются попрежнему въ колеѣ, въ которую ихъ вогнали общія ихъ стремленія: одна, такъ сказать, овеществляетъ Божественное дѣйствіе до того, что отнимаетъ у него всякое живое начало; другая одухотворяетъ, или точнѣе выпариваетъ таинственное дѣйствіе до того, что отнимаетъ у него всякое реальное содержаніе; обѣ только и дѣлаютъ, что либо отрицаютъ, либо утверж-

*) Это стремленіе такъ явно, что разъ, когда мнѣ случилось переводить вслухъ разсужденія нѣкоторыхъ Римскихъ богослововъ въ ихъ полемикѣ противъ протестантовъ, одинъ благочестивый, хотя и неученый священникъ, бывшій при этомъ, воскликнулъ въ благочестивомъ ужасѣ: „Господи, что же это они говорятъ такое? Они, кажется, принимаютъ тѣло Христово за мясо Христово?“

дають чудесное измѣненіе извѣстныхъ земныхъ элементовъ, никакъ не понимая, что существенный элементъ каждаго таинства есть Церковь и что собственно для нея одной и совершается таинство, безъ всякаго отношенія къ законамъ земнаго вещества. Кто презрѣлъ долгъ любви, тотъ утратилъ и память о ея силѣ; утратилъ вмѣстѣ и память о томъ, что̀ есть реальность въ мірѣ вѣры.

Ученіе Церкви о Евхаристіи, хранимое преданіемъ, оставалось всегда неизмѣннымъ, и оно просто, при всей своей удивительной глубинѣ.

Настало время: Сынъ человѣческій возвращается въ Іерусалимъ на крестную смерть. Но прежде смерти пламенно желаетъ Онъ вкусить въ послѣдній разъ символическую пасху съ своими учениками, ибо любитъ ихъ безконечною любовію. Во образъ странствующаго человѣка, Моисей установилъ пасху, которую надлежало вкушать стоя, съ странническою обувью на ногахъ и странническимъ посохомъ въ рукѣ. Странствованіе человѣчества кончено; ученики отлагаютъ свои жезлы, гостепріимный домовладыка, предсѣдящій на вечерѣ, умываетъ имъ ноги, утомленныя и запыленныя въ пути. Да возлягутъ они вокругъ трапезы и отдохнутъ. Вечеря началась. Господь говоритъ имъ о предстоящей Ему страсти. Не желая вѣрить, но исполняясь неопредѣленной скорби, они, по обыкновенію человѣковъ, живѣе чѣмъ когда-либо чувствуютъ теперь, сколь дорогъ имъ Тотъ, Кого они скоро должны лишиться. Ихъ человѣческая любовь отзывается въ эту минуту на Его Божественную любовь, и тогда, окончивъ вечерю, Праведный вѣнчаетъ ихъ любовь и Свою предсмертную вечерю учрежденіемъ дѣйствительной пасхи. Раздѣливъ послѣднюю, прощальную чашу, Онъ преломляетъ хлѣбъ и предлагаетъ имъ вино, говоря, что это Его тѣло и Его кровь. И Церковь, въ смиренной радости, принимая новую пасху, завѣтъ своего Спасителя, не сомнѣвалась никогда въ дѣйствительности этого, Имъ установленнаго, тѣлеснаго общенія.

Но Церковь и не ставила никогда вопроса о томъ: какое отношеніе въ Евхаристіи между тѣломъ Господнимъ и

земными стихіями?—ибо знаетъ, что дѣйствіе Божіе въ таинствахъ не останавливается на стихіяхъ, а употребляетъ ихъ на посредство между Христомъ и Церковью, вѣрою, которой осуществляется таинство (говорю о всей Церкви, а не объ отдѣльныхъ лицахъ). Ни Римляне, ни Протестанты, очевидно, теперь уже не могутъ этого понять, ибо они потеряли идею о цѣлости Церкви и видятъ только отдѣльныя лица, разсѣянныя или скученныя, но одинаково изолированныя въ обоихъ случаяхъ. Отсюда истекаютъ всѣ ихъ заблужденія, сомнѣнія и схоластическія требованія ихъ катихизисовъ. Тѣмъ же самымъ объясняется, откуда взялась у нихъ рѣшимость откинуть молитву, которою Церковь отъ первыхъ вѣковъ освящала земныя стихіи, дабы онѣ содѣлывались тѣломъ и кровію Спасителя *).

Но знаютъ ли люди, что̀ такое тѣло по отношенію къ разуму? Невѣжды и слѣпцы, и однако гордые въ своемъ невѣжествѣ и ослѣпленіи, какъ будто бы они дѣйствительно обладали вѣдѣніемъ и прозорливостью,—ужели думаютъ они, что такъ какъ они сами рабствуютъ своей плоти, то и Христу нельзя не быть рабомъ вещественныхъ стихій? Тотъ, Кому вся предана суть Отцомъ Его, Тотъ, Кто есть Господь всяческихъ, не есть ли Господь и своего тѣла? И не силенъ ли Онъ сотворить, что всякая вещь, не измѣняя нисколько своей физической субстанціи, станетъ этимъ тѣломъ, тѣмъ самымъ, которое за насъ страдало и пролило кровь свою на крестѣ (хотя Онъ и могъ освободить Себя отъ законовъ вещества, какъ показалъ это на Ѳаворѣ)? И, наконецъ, что̀ такое тѣло Христа прославленнаго, какъ не Его проявленіе? Такимъ образомъ Церковь, радостная и признательная, знаетъ, что Спаситель ея даровалъ ей не только общеніе Духа, но и *общеніе проявленія*, и человѣкъ, рабъ плоти, вещественнымъ дѣйствіемъ претворяетъ себѣ вещество, которымъ облекается Христосъ силою

*) Отъ этого Бунзену и всей школѣ, къ которой онъ принадлежитъ, при всей ихъ учености, не дается уразумѣніе древнихъ литургій. Англиканцы ходятъ около истины, но не могутъ уловить ее, потому что вообще не могутъ самихъ себя опредѣлить въ смыслѣ церковномъ.

дѣйствія духовнаго *). О глубина Божественной любви и безконечнаго милосердія! О слава небесная, намъ дарованная въ самомъ рабствѣ земномъ! Таково отъ начала ученіе Церкви; а тотъ, кто видитъ въ Евхаристіи одно лишь воспоминаніе, равно какъ и тотъ, кто настаиваетъ на словѣ *пресуществленіе* **), или замѣняетъ его словомъ *сосуществленіе* (consubstantiation), другими словами: и тотъ, кто, такъ сказать, выпариваетъ таинство, и тотъ, кто обращаетъ его въ чудо чисто-вещественное, одинаково безчестятъ святую вечерю, приступая къ ней съ вопросами атомистической химіи, безчестятъ и самого Христа невысказаннымъ, но допускаемымъ предположеніемъ какой-то независимости вещества отъ воли Спасителя. Ни тѣ, ни другіе не понимаютъ истинныхъ отношеній Христа къ Церкви.

Хотя въ другомъ видѣ, но то же въ сущности заблужденіе, тѣ же стремленія къ овеществленію или къ отвлеченію, то же отсутствіе дѣйствительной жизни, встрѣчаются въ ученіи западныхъ исповѣданій и о тѣхъ таинствахъ, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ домостроительству видимой церкви. Это мы видимъ какъ въ ученіяхъ, допускающихъ въ таинствахъ таинственный характеръ, такъ и въ тѣхъ, которыми онъ отвергается. Протестантство, какъ я уже сказалъ, болѣе откровенное и болѣе послѣдовательное, должно было отказать имъ въ этомъ характерѣ; Романизмъ (Протестантство замаскированное и заклейменное печатью утилитарнаго раціонализма) исказилъ эти таинства, въ увѣренности, что сохраняетъ ихъ.

Со временъ апостольскихъ, мы видимъ — за крещеніемъ слѣдовало возложеніе рукъ. Церковь соблюла вѣрно

---

*) См. въ православной службѣ тропарь IX пасхальнаго канона, произносимый іереемъ послѣ причащенія; „О пасха велія и священнѣйшая Христе, о мудросте и Слове Божіе и сило! Подавай намъ истѣе Тебѣ причащатися въ невечернѣмъ дни царствія Твоего“.

**) Правда, и Церковь не отвергаетъ слова пресуществленіе; но она оставляетъ его въ числѣ многихъ другихъ неопредѣленныхъ выраженій, указывающихъ на измѣненіе вообще, безъ всякаго слѣда схоластическихъ опредѣленій. Въ литургіи нѣтъ этого слова.

этотъ апостольскій обычай въ видѣ мvропомазанія. Романизмъ далъ ему названіе конфирмаціи. Нѣкоторыя изъ протестантскихъ сектъ также сохранили его, какъ обычай, впрочемъ не называя его таинствомъ. Онѣ низвели его на степень простаго испытанія, обратили въ школьную церемонію, обставленную бѣлыми платьями, цвѣтами и музыкою. Такова конфирмація у протестантовъ. Никакого дѣйствительнаго смысла въ ней нѣтъ, ибо нельзя же признать въ ней такое дѣйствіе, которымъ бы окрѣпшій разсудокъ отрока сознательно воспринималъ крещеніе, совершенное надъ нимъ въ младенчествѣ; всякое другое религіозное дѣйствіе, предшествующее конфирмаціи, могло бы имѣть такое же значеніе. Итакъ, по здравому смыслу, ничего здѣсь болѣе видѣть нельзя какъ нѣчто въ родѣ экзамена, выдерживаемаго юношествомъ передъ протестантскою общиною, и слѣдовательно нельзя придавать этому обряду никакого религіознаго значенія. Но заблужденіе протестантовъ было невольно: это было логическое заключеніе, извлеченное изъ Римскихъ посылокъ. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ значитъ слово *конфирмація* (утвержденіе)? Есть-ли это утвержденіе въ крещеніи? Но развѣ крещеніе по себѣ недостаточно сильно? Или оно не полно? Допустить такое богохульное предположеніе значило бы тѣмъ самымъ выкинуть крещеніе изъ числа таинствъ, а это однако было бы самымъ естественнымъ выводомъ изъ Римской практики и изъ Римской доктрины. Апостольская исторія показываетъ намъ, что возложеніе рукъ слѣдовало за крещеніемъ и обыкновенно сопровождалось видимыми дарами Духа Святаго. Но всегда ли это было? Нѣтъ (я говорю о дарахъ видимыхъ): свидѣтель тому великій апостолъ языковъ, который, очевидно, не считаетъ видимыхъ даровъ благодати за необходимую принадлежность всѣхъ христіанъ. Или, наоборотъ, развѣ не бывало примѣровъ сообщенія видимыхъ даровъ до возложенія рукъ? Бывали: достаточно указать на евнуха, крещеннаго Филиппомъ. Итакъ, не освященіе вѣрнаго видимыми или невидимыми дарами Духа Святаго было цѣлью возложенія рукъ: значеніе этого дѣйствія было иное. Сопоставленіе случаевъ,

при которыхъ въ св. писаніи упоминается о возложеніи рукъ, показываетъ намъ, что имъ сопровождалась всегда передача извѣстныхъ полномочій или порученія, возлагаемаго на члена Церкви, или возведеніе его на высшую степень въ церковномъ чинѣ. Въ смыслѣ таинства, право возлагать руки принадлежало не всѣмъ вѣрнымъ; оно не принадлежало даже проповѣдникамъ вѣры, какова бы ни была личная ихъ святость *). Право это принадлежало только апостоламъ, а въ послѣдствіи — только епископамъ. Итакъ, значеніе его очевидно. Человѣкъ, крещеніемъ принятый въ Церковь, но еще одинокій на землѣ, черезъ возложеніе рукъ принимался въ сообщество *земной Церкви* и получалъ свою первую церковную степень. Понявъ такимъ образомъ значеніе возложенія рукъ, легко понять, что власть совершать это таинство должна была принадлежать исключительно главамъ земной общины, апостоламъ и епископамъ, и что видимые дары Духа Святаго являлись вслѣдъ за возложеніемъ рукъ, въ прославленіе не лица, на которое возлагались руки, а той святой общины, въ которую это лицо принималось. Это таинство, вводя насъ въ нѣдра общины, то есть земной Церкви, дѣлаетъ насъ причастниками благословенія Пятидесятницы: ибо и это благословеніе даровано было не лицамъ, присутствовавшимъ при чудѣ, а всему ихъ собору **). Итакъ, апостольское возложеніе рукъ (св. мѵропомазаніе Церкви) заключаетъ въ себѣ очевидное свидѣтельство противъ протестантовъ; ибо доказываетъ намъ, что земная Церковь, въ совѣтахъ Божіихъ, имѣетъ высокое значеніе и что церковная община сосредоточивается въ лицахъ епископскаго

*) Смотри Дѣянія Апостольскія.

**) Въ самомъ дѣлѣ, ученики не получили ни дара чудотворенія (они имѣли его и прежде), ни дара пророческаго предвидѣнія, ни другаго какого-либо личнаго дара, а получили даръ языковъ, даръ по преимуществу общественный и особенно знаменательный для такой общины, которая должна была обнять собою вселенную. Я не думаю нисколько утверждать, что прочіе дары были исключены; но говорю, что проявленъ былъ именно этотъ даръ.

чина *). Оно заключаетъ въ себѣ свидѣтельство и противъ Римлянъ, уничтожая стѣну раздѣленія, которую Римъ воздвигъ между церковникомъ и міряниномъ; ибо мы всѣ священники Вышняго, хотя и въ различныхъ степеняхъ **). Очевидно теперь, почему ни Римлянинъ, раздирающій Церковь, ни протестантъ, ее отрицающій, не могли понять этого таинства и оставили на его мѣстѣ пустой обрядъ или безсмыслицу.

«Не вы Меня избрали, а Я васъ избралъ», сказалъ Спаситель Своимъ ученикамъ; а Духъ Божій, устами апостола, говоритъ: «благословляемый отъ бо́льшаго благословляется». Такъ всегда учила Церковь о своемъ устройствѣ. Не отъ несовершенства она исходитъ, чтобы взойти къ совершенству; нѣтъ, ея исходъ — совершенство и всемогущество, возводящія къ себѣ несовершенство и немощь. Противоположный ходъ никогда не могъ быть допущенъ: онъ нашелъ бы себѣ осужденіе въ словѣ Божіемъ. Поэтому-то полнота церковныхъ правъ, которую вручилъ Христосъ Своимъ апостоламъ, и пребываетъ всегда на вершинѣ іерархіи; ею благословляются низшія степени и ею вѣрно блюдется законъ, проявленный съ перваго установленія Церкви. Въ этомъ состоитъ значеніе епископскаго чина, въ этомъ его неизмѣримая важность. Нѣмецкое Протестантство необходимо должно было потерять о ней понятіе, какъ скоро оно возстало противъ преданія; и въ нашъ вѣкъ мы еще видимъ, какъ ученые Нѣмцы истощаются въ безплодныхъ усиліяхъ, стараясь въ устройствѣ первобытной Церкви отъискать хоть что-нибудь, чѣмъ бы можно было оправдать разстройство ихъ общинъ.

По временамъ, отъискавъ свидѣтельства о нѣкоторыхъ частныхъ Церквахъ безъ епископовъ въ эпоху, слѣдовавшую за вѣкомъ апостоловъ, они трубятъ о своемъ открытіи, какъ объ одержанной ими побѣдѣ; но какая для нихъ отъ этого польза? Положимъ, они узнали, что слово «епископъ», можетъ быть, не было еще во всеобщемъ

---

*) Св. муро освящается всегда епископами.

**) Священники, говорю я, но не пастыри.

употребленіи — и только. Для филологіи такое открытіе слишкомъ ничтожно; для исторіи церковной оно не значитъ ровно ничего. Пусть слово *епископъ* въ иныхъ общинахъ было неизвѣстно; но подрывается ли этимъ хоть сколько нибудь та истина, что во главѣ этихъ общинъ стояли мужи (пускай старцы или пресвитеры), облеченные такою полнотою церковныхъ правъ, которая дана была не всѣмъ вѣрующимъ; что эти мужи поставлялись въ должности другими, равно получившими такія же полномочія, а не общиною (безспорно имѣвшею голосъ въ избраніи, но не въ утвержденіи); и, наконецъ, что ни поставленіе, ни утвержденіе въ высшія должности никогда не принадлежало исключительно лицамъ, облеченнымъ въ низшія должности, хотя, при самомъ поставленіи, испрашивалось отъ всѣхъ братское, молитвенное содѣйствіе? Могло временно случаться, что въ иныхъ общинахъ средняго чина (чина пресвитеровъ) пожалуй и не было: но не могло быть общины, въ которой бы не было высшаго чина (чина епископскаго), хотя бы и подъ другимъ названіемъ. Упразднить епископство — дѣло невозможное, ибо оно есть полнота церковныхъ правъ, соединенныхъ въ одномъ лицѣ. Пытаясь это сдѣлать, можно только перестановить его, то-есть возвести въ епископство всѣхъ пресвитеровъ, или, чтó было бы логичнѣе, каждаго изъ вѣрныхъ, мужчинъ и женщинъ, безъ исключенія. Но возстановленіе упраздненнаго епископства посредствомъ посвященія идущаго снизу, отъ лицъ, не имѣющихъ полноты церковныхъ правъ, было бы прямымъ нарушеніемъ самыхъ ясныхъ новозавѣтныхъ заповѣдей и совершеннымъ извращеніемъ порядка, учрежденнаго Христомъ и Его апостолами: ибо епископъ и священникъ — не служители частной общины, а служители Христа во вселенской общинѣ; черезъ нихъ примыкаетъ Церковь земная, въ нисхожденіи вѣковъ, къ своему Божественному Основателю и чрезъ нихъ чувствуетъ она себя постоянно восходящею къ Тому, чья рука поставила апостоловъ. Вспомнимъ при этомъ, что на языкѣ христіанскомъ восходить значитъ *быть возводимымъ* къ верху. Избраніе, т. е. представленіе, можетъ принадлежать общинѣ, а утвержденіе и

благословеніе (таковъ смыслъ поставленія) должны принадлежать только тѣмъ, кто самъ получилъ это благословеніе, вѣнецъ всѣхъ другихъ благословеній. Таковъ завѣтъ апостоловъ, которому Церковь измѣнить не можетъ: низшія должности исходятъ и получаютъ освященіе отъ высшей. Таково ученіе Церкви о епископскомъ чинѣ, по отношенію къ которому всѣ прочіе чины клира суть только послѣдствія. Таково основаніе, почему Церковь признаетъ рѣшеніе епископовъ въ дѣлахъ благочинія, почему даетъ имъ право и честь объявлять ея догматическія рѣшенія, впрочемъ оставляя за собою право судить о томъ, вѣрно ли засвидѣтельствованы ея вѣра и ея преданіе *); почему, наконецъ, на епископовъ по преимуществу налагаетъ она служеніе слова Божія и обязанность поучать слову **), хотя Церковь никого изъ своихъ членовъ не лишаетъ этого высокаго права, дарованнаго Духомъ Божіимъ всѣмъ христіанамъ. Всѣ эти права, очевидно, вяжутся съ іерархическими должностями и не находятся ни въ какой зависимости отъ внутренней жизни лицъ, въ эти должности облеченныхъ. Что же касается совершенства вѣры, то, признавая его обязательнымъ для каждаго христіанина (ибо христіанинъ лишается чистоты вѣры не иначе какъ дѣйствіемъ грѣха), Церковь не можетъ допустить притязанія какого либо епископа на такое совершенство, иначе на непогрѣшимость въ вѣрѣ; по ея понятіямъ, такое притязаніе есть верхъ нелѣпости. Что̀ бы подумали, еслибы епископъ заявилъ притязаніе на совершенство христіанской любви, какъ на принадлежность своего сана? А притязаніе на непогрѣшимость вѣры не то же ли самое? Что̀ для всѣхъ есть нравственный долгъ, то не можетъ быть ничьею привилегіею въ особенности ***).

---

*) Таковъ смыслъ всей исторіи вселенскихъ соборовъ и таково ученіе, ясно выраженное въ послѣднее время восточными патріархами.

**) См. объ учительствѣ въ первой статьѣ.

***) Предположить, что мнимо-непогрѣшительный епископъ обладаетъ совершенствомъ не вѣры въ точномъ смыслѣ слова, а только логическаго познанія въ вещахъ міра невидимаго, значило бы допустить небывалое таинство раціонализма, иначе сказать: допустить

Протестантство измѣнило благочинію, установленному Духомъ Божіимъ. Оно дало низшему право благословлять высшаго; но въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, починъ былъ сдѣланъ, примѣръ былъ поданъ Романизмомъ. Всѣ епископы равны между собою, каково бы ни было различіе ихъ епархій по пространству и значенію. Ихъ юрисдикція и ихъ почетныя отличія разнообразны (какъ показываютъ титулы митрополита и патріарха), но ихъ *церковныя* права одинаковы. Не то въ отношеніяхъ епископовъ къ папѣ. Предполагаемое преимущество непогрѣшимости не есть ни почетное отличіе, ни расширеніе юрисдикціи; вообще оно выходитъ изъ области условныхъ отношеній. Это есть отличіе существенное и таинственное, то-есть имѣющее свойство таинства. Названіе епископа столь же мало приличествуетъ папѣ, какъ названіе священника епископу, и когда епископы посвящаютъ папу, они дѣйствуютъ столь же незаконно, какъ незаконно поступили бы священники, когда бы стали посвящать епископа, или міряне, когда бы вздумали посвящать священника. Низшіе благословляютъ высшаго—порядокъ церковный извращенъ, и протестанты вполнѣ оправданы. Таково свойство всякаго заблужденія: оно само въ себѣ носитъ зародышъ самоубійства. Жизненность и логическая послѣдовательность принадлежатъ только истинѣ.

«Не такъ было въ началѣ», сказалъ Спаситель; «мужа и жену сотворилъ Богъ». Эти слова Божіи открываютъ намъ всю святость брака, таинственный смыслъ котораго указанъ былъ потомъ Духомъ Божіимъ въ писаніяхъ апостола языковъ. Въ лицѣ первой человѣческой четы, «мужа и жены», земному житію человѣчества даны были святые и совершенные законы. Образъ этой-то земной жизни всего человѣчества, этого святаго и совершеннаго закона, и возобновляется каждою христіанскою четою въ таинствѣ брака. Для мужа его подруга не просто одна *изъ женщинъ*, но *жена*; ея сожитель не просто одинъ *изъ муж-*

нелѣпое предположеніе, что существуетъ таинство, сообщающее человѣку силу, не чуждую даже и бѣсамъ. (См. Посл. Іакова, гл. II, ст, 19).

чинъ, но *мужъ*; для нихъ обоихъ остальной родъ человѣческій не имѣетъ пола. Связанные благородными узами духовнаго братства со всѣми подобными себѣ существами, мужъ и жена-христіане, Адамъ и Ева всѣхъ вѣковъ, одни получаютъ благословеніе на вкушеніе радостей тѣснѣйшаго сожительства, во имя физическаго и нравственнаго закона, положеннаго въ основаніи земной жизни человѣческаго рода. Поэтому первымъ обнаруженіемъ божественности Христа было благословеніе супружескаго соединенія въ Канѣ, подобно тому какъ первымъ дѣйствіемъ Божіимъ по отношенію къ роду человѣческому было сотвореніе первой четы *). Итакъ, бракъ не договоръ, не обязательство и не законное рабство: онъ есть воспроизведеніе образа, установленнаго Божественнымъ закономъ; онъ есть органическое и, слѣдовательно, взаимное соединеніе двухъ чадъ Божіихъ. Повторяю: органическое и слѣдовательно взаимное. Такое значеніе онъ имѣлъ всегда въ глазахъ Церкви, признающей его за таинство и за тайну; въ этомъ удостовѣряютъ правила апостольскія и правила всѣхъ вѣковъ, запрещающія новообращеннымъ расторгать союзъ, заключенный до крещенія. А во что̀ обратили бракъ протестанты, дозволивъ свободу развода?—Въ законное прелюбодѣяніе. Во что̀ обратили его Римляне, провозгласивши нерасторгаемость брака, даже въ случаѣ прелюбодѣянія?—Въ гражданское рабство. Идея органическаго и взаимнаго единенія, т.-е. внутренняя святость супружескаго состоянія, пропала для тѣхъ и для другихъ: ибо въ смыслѣ христіанскомъ прелюбодѣяніе есть смерть брака, точно также какъ разводъ есть узаконенное прелюбодѣяніе. Святой союзъ, установленный Создателемъ, не можетъ быть расторгнутъ безъ грѣха человѣческою волею; но грѣхъ прелюбодѣянія расторгаетъ этотъ союзъ, потому что есть прямое его отрицаніе. Мужъ, который сталъ для своей жены *однимъ изъ мужчинъ*, жена, которая стала для своего мужа *одною изъ женщинъ*, не суть уже и не могутъ быть въ глазахъ

---

*) Смотри въ концѣ этого тома: Отрывокъ 1-ый, программа построенія жизни Спасителя. *Пр. изд.*

Церкви *мужемъ* и *женою*. Очевидно, Церковь, въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, единственная хранительница истины. Очевидно также, что расколъ, утративъ истинное понятіе о вещахъ духовныхъ, лишился въ то же время и разумѣнія земныхъ формъ человѣческаго бытія. Въ законѣ Божіемъ все держится одно другимъ и взаимно одно съ другимъ вяжется; величавая святость добровольнаго дѣвства, исполненная радостей святость супружества, строгая святость вдовства—все это заблужденіемъ раскола побито разомъ. Жизнь человѣка утратила украшавшій ее вѣнецъ.

Нужно ли еще указывать въ подробности на заблужденія и непослѣдовательности раскола, то-есть западнаго Протестантства въ двухъ его видахъ, Германскомъ и Римскомъ? Это значило бы возлагать на себя обязанность столько же безотрадную, сколько и скучную; мнѣ необходимо было только подкрѣпить разборомъ фактовъ выводы изъ началъ, мною поставленныхъ, и можно видѣть, что этотъ разборъ дѣйствительно подтверждаетъ ихъ самымъ разительнымъ свидѣтельствомъ. Для Римлянина, какъ и для Протестанта, потеряла свое высокое значеніе молитва: утилитарный раціонализмъ разъединилъ человѣка съ его братьями и съ его Создателемъ *). Для Римлянина, какъ и для протестанта, утратили свой глубокій смыслъ таинства. Евхаристія, эта Божественная радость Церкви, это тѣлесное общеніе христіанина съ его Спасителемъ, одними какъ бы выпаренная, другими какъ бы изсушенная и овеществленная, обратилась въ тему для схоластическихъ преній о физическихъ атомахъ. Возложеніе рукъ, это освященіе земной Церкви, это пріобщеніе вѣрующаго къ Пятидесятницѣ учениковъ Христовыхъ, это вступленіе въ первый церковный чинъ, отброшенное реформатомъ и не понятое римляниномъ, обратилось въ ненужное прибавленіе къ крещенію. Іерархическое рукоположеніе, основанное на самыхъ ясныхъ повелѣніяхъ апостольскихъ, на самыхъ не-

*) Кальвинъ искалъ выхода отсюда и полагалъ, что нашелъ его въ фатализмѣ гораздо худшемъ, чѣмъ фатализмъ Магометанъ.

сомнѣнныхъ обычаяхъ первыхъ вѣковъ Церкви, исчезло у реформатовъ и сдѣлалось безсмыслицею у Римлянъ, хотя послѣдніе и воображаютъ, что окончательно утвердили это таинство поставленіемъ папы *). Наконецъ бракъ, обращенный реформатами въ временное сожительство, а Римлянами въ обязательство совершенно внѣшнее, тѣми и другими въ равной степени опозоренный, не имѣетъ уже въ себѣ и слѣдовъ своей первоначальной святости.

Таковъ краткій очеркъ фактовъ. Пускай разсмотрятъ ихъ безпристрастно наши западные братья; пускай выразумятъ они Церковь, хотя бы сопоставленіемъ отличающей ее жизненности съ печатью смерти, оттиснутою на ихъ исповѣданіяхъ, и пускай наконецъ серьезно спросятъ себя: не оправдывается ли невѣріе и не имѣетъ ли оно за собою полной вѣроятности успѣха, въ виду вѣрованій столь противныхъ логикѣ и столь далекихъ отъ христіанской истины? Человѣческая душа одарена способностью отличать безсознательнымъ чутьемъ все прекрасное, истинное и святое; а на притязанія ученій, въ которыхъ нѣтъ ни глубины, ни дѣйствительной вѣры, ни органическаго начала, народы отвѣчаютъ безотчетнымъ скептицизмомъ. Нельзя ихъ въ этомъ винить, ибо передъ лицомъ религіознаго заблужденія горестное невѣріе становится доблестью.

Окончательное торжество религіознаго скептицизма еще не наступило; но и въ настоящее время можно утвердительно сказать обо всей западной Европѣ, что у нея нѣтъ никакой религіи, хотя она и не смѣетъ еще признаться въ этомъ себѣ самой. Отдѣльныя лица томятся потребностью религіи, но, не находя ея, удовлетворяются вообще тѣмъ, что̀ Нѣмцы такъ вѣрно назвали *религіозностью*. Какая удивительная иронія въ одномъ этомъ словѣ, впрочемъ, во всей точности соотвѣтствующемъ субъективной религіи Неандера и представляющемъ какъ бы изнанку *вѣры угольщика*!

---

*) Если допустить предположеніе, что поставленіе папы есть не болѣе какъ актъ избранія низшими, сопровождаемый невидимымъ посвященіемъ, то почему не примѣнить того же объясненія ко всякому вообще избранію высшаго, совершаемому низшими? Такое объясненіе оправдало бы вполнѣ протестантовъ.

Правительства хорошо понимаютъ практическую выгоду религіи, какой бы то ни было, въ особенности по отношенію къ низшимъ слоямъ народа, и потому, опасаясь встрѣтиться лицомъ къ лицу съ открытымъ невѣріемъ, показываютъ видъ, будто сами во что-то вѣрятъ *). Всѣ, и правители и управляемые, руководствуются Макіавелевскою заповѣдью: «еслибы не было Бога, слѣдовало бы его выдумать» **); но всѣ, и правители и управляемые, довольствуются либо призракомъ, либо какимъ-нибудь подобіемъ религіи. Кажется, мы дали бы самое точное опредѣленіе настоящаго состоянія, сказавъ, что Латинская идея *религіи* превозмогла надъ христіанскою идеею *вѣры*, чего доселѣ не замѣчаютъ. Міръ утратилъ вѣру и хочетъ имѣть религію, какую-нибудь; онъ требуетъ религіи вообще. Поэтому, только въ безвѣріи и можно теперь встрѣтить неподдѣльную искренность, и замѣчательно, что обыкновенно нападаютъ на безвѣріе не за то, что оно отвергаетъ вѣру, въ чемъ однако заключается его вина, а за то, что оно дѣлаетъ это откровенно, то-есть за его честность и благородство. Общественное негодованіе преслѣдуетъ пера Франціи, съ трибуны провозглашающаго свое собственное безвѣріе и безвѣріе своихъ слушателей; общественное негодованіе преслѣдуетъ поэта, слагающаго гимны безбожію ***); оно преслѣдуетъ ученаго, трудолюбивыми изысканіями подкапывающаго основанія религіи, въ которую онъ не вѣритъ; но общественное негодованіе безмолвствуетъ передъ религіознымъ лицемѣріемъ, составляющимъ какъ бы единственную религію Запада. Не должно этому удивляться. Въ из-

*) Понятно, что здѣсь дѣло идетъ о правительствахъ, а не о правителяхъ, которые, какъ частныя лица, конечно могутъ быть болѣе или менѣе религіозно настроены.

**) См. въ моей первой брошюрѣ отвѣтъ трактирнаго слуги о необходимости вѣры для женщинъ.

***) Бѣдный, достойный удивленія Шеллей (Shelley)! Самыя выраженія его невѣрія бываютъ часто проникнуты духомъ Христіанства, котораго онъ никогда постигнуть не могъ, и, прислушиваясь къ нимъ, нельзя не почувствовать глубокаго состраданія къ этому честному уму, впавшему въ столь роковое заблужденіе. Другаго чувства онѣ бы не должны были внушать.

данной мною передъ этимъ брошюрѣ я уже показалъ, что борьба Романизма и Реформы, борьба, слагающаяся для обѣихъ сторонъ изъ ряда пораженій безъ перемежки побѣдъ, обращается для скептицизма въ постоянное торжество. Сдѣлки съ общественными интересами, сдѣлки съ правительствами, сдѣлки съ народами, сдѣлки съ искусствами, перемирія (слѣдствія усталости), вызовы на соглашеніе и совокупную дѣятельность (признанія безнадежности), все ускоряетъ окончательное крушеніе западныхъ вѣроисповѣданій. И религіозный макіавелизмъ правительствъ, и шаткая религіозность отдѣльныхъ лицъ видятъ передъ собою, въ близкомъ будущемъ, угрожающее лицо торжествующаго безвѣрія. Вотъ отчего трепещущее общество такъ сильно раздражается откровенностью совершеннаго безбожія. Глядя на него, оно какъ будто говоритъ про себя: «Будущее принадлежитъ тебѣ; но, по крайней мѣрѣ, не отнимай у меня спокойствія настоящей минуты. Прикрой свою мысль, накинь на свое ученіе хоть лоскутокъ лицемѣрія! Бóльшаго отъ тебя и не требуютъ; но дай намъ хоть то немногое, чего мы просимъ, и не оскорбляй нашей немощи выказываніемъ твоей силы». Говоря вообще, невѣріе настолько еще снисходительно, что склоняется къ такого рода сдѣлкамъ, въ сущности впрочемъ для него не стѣснительнымъ; но должно признаться, что съ каждымъ днемъ его пріемы становятся болѣе и болѣе беззастѣнчивы, а слово болѣе и болѣе ясно. Оно сознаетъ въ себѣ столько силы и такъ твердо увѣрено въ своей побѣдѣ, что обращается съ Христіанствомъ снисходительно, оказываетъ ему учтивости, даже подаетъ ему милостыню; и въ этихъ случаяхъ каждое слово въ похвалу Христіанству, брошенное свысока надменнымъ невѣріемъ, непремѣнно подхватывается и принимается всегда съ радостною признательностью. Самый гнѣвъ, возбуждаемый невѣріемъ, постепенно утихаетъ, по мѣрѣ того какъ становится болѣе очевидною слабость средствъ сопротивленія, и въ предчувствіи скорой смерти отъ изнеможенія западное Христіанство перестаетъ уже бояться смерти насильственной.

А это все оттого, что оно совершило самоубійство; оттого, что перестало быть Христіанствомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ перестало быть Церковью; оттого, что приняло самую смерть въ свои нѣдра, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ рѣшилось заключиться въ мертвой буквѣ; оттого, что присудило себя къ смерти, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ задумало быть религіозною монархію, а не живымъ организмомъ; оттого, наконецъ, что жить и противустоять дѣйствію вѣковъ и человѣческихъ мыслей можетъ только истинно живое, то есть только то, что̀ въ себѣ имѣетъ начало неразрушимой жизни. Этимъ же объясняется (какъ я сказалъ въ первой моей брошюрѣ) совершенное отсутствіе въ религіозной полемикѣ Запада искренности убѣжденія, добросовѣстности и достоинства *). Расплывающееся вѣрованіе протестанта и заказное вѣрованіе Римлянина, въ сущности одинаково раціоналистическія, оказываются въ равной степени безсильными бороться съ какимъ нибудь успѣхомъ противъ смѣлаго и откровеннаго раціонализма безвѣрія. Ничего живаго, ничего органическаго не чувствуется ни на той, ни на другой сторонѣ. Слово христіанскаго апологета столь же бѣдно, столь же сухо, столь же мало поучительно, какъ и слово его противника, и по очень простой причинѣ: самъ апологетъ не понимаетъ духовной жизни Христіанства, а, слѣдовательно, не можетъ понять и исторической жизни Христіанства на землѣ; ему положительно нечему учить тѣхъ, противъ кого онъ защищаетъ остатокъ своего вѣрованія.

Богъ далъ первымъ вѣкамъ міра преданіе единобожія и полную свободу разумѣнія и богопочитанія; но свобода оказалась безсильною соблюсти это неполное откровеніе. Преданіе исчезло или потускло во всѣхъ человѣческихъ племенахъ, у всѣхъ народовъ. Призванъ былъ одинъ

---

*) Къ примѣрамъ, уже приведеннымъ, я могъ бы присовокупить примѣръ одного, пользующагося почетомъ, Парижскаго проповѣдника, который въ основаніе необходимости вѣровать полагалъ невозможность знать что либо съ достовѣрностью. Подобная защита, нелѣпая въ глазахъ всякаго серьезнаго человѣка, почти богохульная въ глазахъ истиннаго христіанина, хуже всякаго нападенія и дѣлаетъ его ненужнымъ.

мужъ. Онъ и его родъ, одни во всемъ родѣ человѣческомъ, познали Бога, и познали Его не какъ идею, не какъ философскую тему, но какъ фактъ живой, несомнѣнный, преданный. Единство Божіе, паденіе человѣка, будущее пришествіе Мессіи, таковы были три вѣрованія, ввѣренныя Израилю на храненіе для остальнаго міра. Всѣ три нѣкогда принадлежали и другимъ народамъ, какъ видно изъ ихъ миѳовъ *), но исчезли почти безслѣдно въ разливѣ идолослуженій всякаго рода. Израиль ихъ сохранитъ, но сохранитъ не въ величіи свободы (къ ней человѣкъ неспособенъ безъ Христа), а въ рабствѣ закона. Личная свобода Мельхиседека благословляетъ славное порабощеніе племени Авраамова. Это племя будетъ повержено въ оковы, въ бѣдствія пустыни, въ опасности войны на конечное истребленіе, во всѣ обольщенія идолопоклонства самаго фанатическаго, самаго сладострастнаго, самаго соблазнительнаго во вселенной, въ развратъ власти и богатства, въ искушенія собственныхъ страстей, пылкихъ и разнузданныхъ, постоянно увлекавшихъ его и прежде на тотъ путь, которымъ пошли другіе народы; у него недостанетъ силъ сохранить залогъ ему ввѣренный, и однако оно сохранитъ его, благодаря закону, строгому пѣстуну и оберегателю. До времени, назначеннаго Божественною мудростью, оно убережетъ для насъ этотъ залогъ неприкосновеннымъ, дабы мы, наслѣдовавъ Израилю, могли сказать съ апостоломъ: «отцы наши были въ облакѣ, прошли море; всѣ они крещены Моисеемъ въ облакѣ и въ морѣ»: ибо для того Израиль, въ продолженіе вѣковъ, пребывалъ въ рабствѣ закона, чтобъ мы могли пребыть навсегда въ свободѣ и благодати. Затѣмъ, пусть тотъ или другой стихъ оказывается вставкою; пусть въ Пятикнижіи обнаруживаются халдеизмы, повидимому указывающіе на передѣлку

---

*) Золотой вѣкъ, первая чета у Персовъ, первый вѣкъ у Индусовъ, Сесіошъ, будущій Аватаръ Вишны, Геркулесъ-освободитель, Мете и многіе другіе. Еслибы писаніе не содержало въ себѣ ученія о Мессіи, то здравая критика должна бы была предположить въ писаніи пропускъ.

или на редакцію временъ позднѣйшихъ, не Моисеевыхъ *); пусть открывается, что тотъ или другой фактъ искаженъ преданіемъ, что иной облекся въ форму миѳа; пусть семитическій характеръ набрасываетъ по временамъ таинственный свѣтъ на вещи обыкновенныя — всѣ этого рода критики, эти разборы, весь этотъ переборъ словъ (впрочемъ, по моему убѣжденію, полезный и поучительный) въ силахъ ли они упразднить фактъ живой и органическій? Упразднятъ ли они тотъ фактъ, что народъ Іудейскій, одинъ во вселенной, сохранилъ ученіе о единствѣ Божіемъ и о судьбахъ міра? Упразднятъ ли они тотъ фактъ, что это ученіе, въ каждой чертѣ своей, носитъ характеръ преданія? Упразднятъ ли они тотъ фактъ, что воители, мудрецы и прозорливцы Израиля, силою дѣйствія и слова, сохранили это ученіе въ самомъ средоточіи идолопоклонства самаго необузданнаго, среди бѣдствій самыхъ страшныхъ, среди всяческихъ искушеній, наконецъ среди такихъ обстоятельствъ, при которыхъ сохраненіе священнаго залога становилось невозможнымъ? Упразднятъ ли они тотъ фактъ, что всѣ эти мудрецы и прозорливцы носятъ на себѣ характеръ простыхъ орудій преданія и что нѣтъ ни малѣйшаго основанія приписать которому либо изъ нихъ характеръ нововводителя и философа-идеолога? Упразднятъ ли они, наконецъ, тотъ до глубины сердца и до мозга костей ощущаемый нами фактъ, что только благодаря хранительной силѣ закона, мы, вѣтвь дикой маслины, могли быть привиты къ доброй маслинѣ Божіей и пріобщены къ ея корню и къ ея питательному соку, т. е. къ познанію Іеговы, нашего Создателя? Но нужно быть живымъ, чтобъ уразумѣвать жизнь.

---

*) Не невозможно, можетъ быть, было бы показать, что нѣкоторыя мѣста въ книгѣ Бытія содержатъ въ себѣ преданія, записанныя вѣроятно еще до временъ Моисея. Таково, между прочимъ, первое сказаніе о твореніи человѣка. Древнее преданіе Евреевъ знало въ племени Израильскомъ мудрецовъ, предшествовавшихъ Моисею. Есть также преданія подразумѣваемыя; таково, напримѣръ, совпаденіе столпотворенія Вавилонскаго съ рожденіемъ Пелега; но все это не представляетъ особенной важности.

Въ часъ, назначенный Его премудростью, Богъ открылъ Себя въ возлюбленномъ Сынѣ Своемъ, въ вочеловѣчившемся Словѣ Божіемъ; Онъ открылъ Себя во всемъ безконечіи Своей любви, и человѣку возвращена была его свобода, дабы онъ достойнымъ образомъ могъ принять это откровеніе полное *).

Подзаконное рабство было упразднено; народъ, отданный нѣкогда подъ охрану закона, потерялъ свое исключительное значеніе въ человѣчествѣ; самый языкъ, служившій органомъ закону работы, былъ какъ бы откинутъ въ низшій разрядъ. Не ему предназначенъ былъ славный жребій передать будущимъ вѣкамъ слова закона свободы: благодать, нисшедшая съ неба, чтобъ освятить всякій языкъ человѣческій, избрала первымъ своимъ истолкователемъ древнее нарѣчіе Эллиновъ, языкъ свободной мысли по преимуществу. Господь, удаляя отъ вселенной Свое видимое присутствіе, поручилъ храненіе вѣры и преданія Своего ученія не отдѣльнымъ лицамъ, Своимъ ученикамъ, но Церкви учениковъ, свободно объединенной святою силою взаимной любви, и эта земная Церковь, въ своей совокупности, а не лица, временно ее составлявшія, была въ день Пятидесятницы прославлена видимыми дарами Духа Божія. Отъ этой Церкви, отъ нея единственно, и получаетъ всякое исповѣданіе вѣры, всякое преданное ученіе, свою обязательность, или точнѣе: свидѣтельство своей истины.

Еслибы постигнутъ былъ характеръ этого живаго факта, то и невѣріе, перебирающее слово Божіе съ такимъ откровеннымъ озлобленіемъ или нескрываемымъ сомнѣні-

---

*) Кстати, можетъ быть, привести здѣсь замѣчаніе краснорѣчиваго митрополита Московскаго Филарета въ словѣ на день Благовѣщенія (1822 года): „Что опять дивно и непостижимо — самое Слово Божіе (зачнеши во чревѣ и родиши Сына) медлитъ дѣйствовать, удерживаясь словомъ Маріи: како будетъ сіе? Потребно было ея смиренное буди, чтобъ воздѣйствовало Божіе величественное „да будетъ. — Итакъ, „Господь не иначе приводитъ въ исполненіе величайшее изъ Своихъ намѣреній въ отношеніи къ человѣку, какъ получивъ согласіе человѣческой свободы“.

емъ, и апологеты, защищающіе его съ такимъ явнымъ безсиліемъ въ себѣ самой неувѣренной вѣры, избавились бы отъ многихъ безполезныхъ трудовъ. Хотя бы память иной разъ измѣнила, хотя бы преданіе о томъ или другомъ фактѣ и представляло иной разъ противорѣчія въ формахъ, что изъ этого? Господь не оставилъ намъ ни фотографіи Своей, ни стенографированныхъ рѣчей Своихъ. Стало быть: Онъ того не хотѣлъ.

Какого роста Онъ былъ, какія имѣлъ черты, какой видъ, какой взглядъ, какую осанку, какого цвѣта Его лице, глаза или волосы? Какое у Него было произношеніе, или какой голосъ? Сказали ли намъ объ этомъ апостолы? Они, всегда узнававшіе Христа, прославленнаго по Его дѣламъ и по смыслу Его рѣчей, но никогда не узнававшіе Его ни по внѣшнему виду, ни по голосу, они-то конечно вѣдали, что образъ Христа, даже вещественный, не иначе могъ быть постигнутъ, какъ только разумно-нравственнымъ дѣйствіемъ человѣческой души. Они умолчали. Пусть кто нибудь повторитъ, по крайней мѣрѣ, тѣ самыя слова, которыя были произнесены Христомъ на землѣ! Апостолы не сочли нужнымъ для насъ сохранять ихъ въ первоначальной ихъ формѣ, за исключеніемъ двухъ или трехъ словъ, сопровождавшихъ то или другое чудо и четырехъ словъ, въ которыхъ нашъ Спаситель выразилъ самую горькую, самую невыразимую изъ Своихъ скорбей. Все прочее есть переводъ, и слѣдовательно есть измѣненіе. А неужели фактъ, по отношенію къ его вещественной формѣ, для насъ важнѣе вещественной стороны слова? И въ фактѣ (я не говорю о фактѣ единственномъ, то есть о воплощеніи, жертвѣ и побѣдѣ), какъ и въ словѣ, нѣтъ ничего пребывающаго кромѣ смысла. Повторяю: Господь нашъ не восхотѣлъ быть ни дагеротипированнымъ, ни стенографированнымъ. Его черты останутся для насъ неизвѣстными; Его слово не дойдетъ до нашего слуха въ тѣхъ звукахъ, въ какихъ оно было изрѣчено; подробности Его дѣяній будутъ сухи, сбивчивы, иногда неопредѣлительны. Благословимъ за все это Господа и мудрость, которою Онъ

вдохновилъ свою Церковь: ибо буква мертвитъ, и только духъ животворитъ.

Невѣріе въ наши дни напало не только на точность евангельскихъ повѣствованій, но и на отношеніе евангелій и посланій къ тѣмъ лицамъ, которымъ приписывается ихъ изложеніе. Оно утверждаетъ, что евангелія, приписываемыя Св. Марку, Лукѣ и Іоанну, будто бы не отъ нихъ; что равномѣрно посланія, приписываемыя Св. Іакову, Іудѣ или Павлу, будто бы также не отъ нихъ. Пусть! Но они отъ Церкви, и вотъ все, что нужно для Церкви.

Имя ли Марка сообщаетъ авторитетъ евангелію, которое ему приписывается, или имя ли Павла даетъ авторитетъ посланіямъ? Нисколько. Но Св. Маркъ и Св. Павелъ прославлены за то, что найдены были достойными приложить имена свои къ писаніямъ, которыя Духъ Божій, выразившійся единодушнымъ голосомъ Церкви, призналъ за свои. Итакъ пусть одинъ изъ слагателей, повидимому, приписываетъ Эноху книгу, несомнѣнно принадлежащую къ позднѣйшей эпохѣ; пусть другой, повидимому, допускаетъ относительно камня, котораго Моисей коснулся своимъ жезломъ, преданіе, недопускаемое Церковью—что̀ изъ этого? Еслибъ это было и такъ, изъ этого слѣдовало бы только то, что излагатель, который былъ отъ земли (какъ всякій человѣкъ), наложилъ печать своей земной природы на вещественную форму писанія, а что Церковь, которая отъ неба (какъ освященная взаимною любовью), признала своимъ смыслъ того же писанія. Что же касается до имени слагателя, то оно представляетъ еще менѣе важности, чѣмъ форма изложенія *).

---

*) Пусть скажутъ мнѣ, кѣмъ писаны книги Іова, многіе изъ псалмовъ и пр. Однако, эти писанія были признаны подзаконною Церковью, и этого довольно; а Церковь подблагодатная менѣе ли заслуживаетъ вѣры, чѣмъ Церковь подзаконная? Въ такомъ видѣ представляется вопросъ съ точки зрѣнія Церкви; но я долженъ прибавить, что и съ точки зрѣнія науки, мнѣніе, относящее евангелія не ко временамъ апостольскимъ, а къ позднѣйшей эпохѣ, есть натяжка безпримѣрная по своей нелѣпости и противная самымъ простымъ правиламъ здраваго смысла.

Вотъ чему предстоитъ научиться невѣрію: но этому-то никогда и не научитъ его Протестантство; ибо нужно по-

---

Разсмотримъ всѣ четыре евангелія въ ихъ совокупности. Порядокъ, въ которомъ онѣ поставлены преданіемъ, соотвѣтствуетъ ли историческому порядку ихъ составленія? Въ этомъ не можетъ быть разумнаго сомнѣнія. Іоаннъ, самый таинственный изъ всѣхъ евангелистовъ, не говоритъ ни слова объ установленіи христіанской Пасхи, т. е. о величайшемъ и глубочайшемъ изъ таинствъ. Ясно, что его трудъ имѣлъ цѣлью восполнить другой или нѣсколько другихъ трудовъ подобнаго же содержанія, явившихся ранѣе. Св. Іоаннъ двукратно повторяетъ, что дѣла Спасителя могли бы наполнить безчисленное множество книгъ. Ясно, что эта формула служитъ какъ бы отвѣтомъ очевидца на разспросы многихъ, желавшихъ узнать отъ него о земной жизни Спасителя такія подробности, которыхъ они не находили въ прежнихъ писаніяхъ *)? Итакъ Св. Іоаннъ явился послѣ другихъ евангелистовъ. Прибавимъ къ этому, что при той высотѣ, на какую онъ возноситъ религіозное созерцаніе, ни одно изъ евангелій, до насъ дошедшихъ, не могло бы получить хода, еслибъ не предшествовало Іоаннову. Предположить, что могло быть иначе, значило бы предположить, что человѣческая природа въ 18 вѣковъ совершенно измѣнилась. Пойдемъ далѣе. Св. Матѳей и Св. Маркъ—Св. Лука—Св. Іоаннъ, то есть: полемическая проповѣдь—исторія—философія. Не естественно ли было новой религіи явиться именно въ такомъ порядкѣ? И въ этомъ, для ума серьезнаго и добросовѣстнаго, едва ли найдется поводъ къ сомнѣнію. Можно ли читать Св. Матѳея (говорю здѣсь о проповѣдяхъ Спасителя, а не о повѣствованіи, которое могло быть позднѣйшею вставкою) и не чувствовать всего пыла, смѣю даже сказать, всей ѣдкости борьбы, подъятой противъ стараго ученія, которое было притомъ не просто ученіемъ, но и властію? Можно ли не чувствовать преобладанія мѣстныхъ интересовъ Іудеи, тѣхъ интересовъ, которые, съ успѣхомъ проповѣди Св. Павла, должны были естественно отойти на задній планъ, а еще позднѣе, съ паденіемъ Іерусалима, придти въ совершенное забвеніе? **). Итакъ, мѣсто Св. Матѳея, въ хронологическомъ порядкѣ писаній, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Одинаково несомнѣнны для всякой дѣльной критики и мѣста, занимаемыя въ ряду евангелій Св. Маркомъ и Св. Лукою; но самыя ясныя доказательства за себя представляетъ именно Іоаннъ, въ порядкѣ времени несомнѣнно послѣдній изъ евангелистовъ. На немъ-то я остановлюсь теперь и постараюсь показать, что трудъ, подписанный его именемъ, принадлежатъ дѣйствительно ему: что это есть произведеніе одного

---

*) Сравни съ предисловіемъ Луки.

**) Смотри въ этомъ томѣ второй отрывокъ о подлинности Евангелія отъ Матѳея. Пр. изд.

нять всю внутреннюю жизнь Церкви, чтобъ уразумѣть ея отношеніе къ св. писанію. Заключите человѣка въ его

лица, замкнутое и полное, составляющее вѣнецъ писанія, въ смыслѣ болѣе разительномъ, чѣмъ казалось до сихъ поръ.

Всякій изъ читателей могъ легко замѣтить, что евангеліе отъ Іоанна имѣетъ два заключенія, почти тождественныя. Оно, повидимому, заканчивается въ 20-ой главѣ особою формулою, которая не имѣла бы смысла, еслибъ эта глава не была послѣднею. Какимъ же образомъ могла быть прибавлена глава 21-ая? Что бы могло побудить, кого бы то ни было, прицѣпить къ полному произведенію новое заключеніе, притомъ даже не давая себѣ труда замаскировать подлогъ?—Евангеліе было написано; оно ходило между вѣрными. Приближаясь къ концу долгаго своего поприща, возлюбленный ученикъ, единственный въ живыхъ и благоговѣйно чтимый апостолъ, усматривалъ, что около него, въ христіанскихъ общинахъ, возникало ложное вѣрованіе, будто бы ему предназначено безсмертіе на землѣ. Онъ захотѣлъ исправить безпокоившее его заблужденіе и въ первой рукописи, какая попалась ему въ руки, прибавилъ къ первоначальной редакціи послѣднюю главу *). По естественному чувству уваженія, вѣрные вписали эту новую главу во всѣ существовавшія рукописи. Таковъ очевидно фактъ; это болѣе чѣмъ гипотеза. Скептицизмъ могъ бы еще предположить, что 21-ую главу прибавили ученики апостола для объясненія его неожиданной смерти; но это значило бы приписать подлогъ такимъ людямъ, какъ Игнатій или Поликарпъ; къ тому же, даже этимъ предположеніемъ подтвердилась бы подлинность всѣхъ предыдущихъ главъ. Всякое другое объясненіе вышло бы еще нелѣпѣе, хотя довольно нелѣпо и это. Итакъ, можно сказать съ увѣренностію, что каждый экземпляръ евангелія Св. Іоанна имъ какъ бы подписанъ **).

Таково внѣшнее доказательство подлинности этого писанія; но какъ оно ни убѣдительно, а все же оно не можетъ идти въ сравненіе съ доказательствомъ внутреннимъ. Слѣпое невѣжество приняло Св. Ѳому за типъ простодушнаго невѣрія; но не таковъ Св. Ѳома въ глазахъ евангелиста: онъ первый изъ Христіанъ. Всѣ предшествовавшія исповѣданія, не исключая и самаго исповѣданія Петрова (хотя оно рѣшительнѣе другихъ), все еще смутны и неопредѣленны. Выраженіе „Сынъ Божій“ не представляло для Евреевъ того точнаго смысла, какой сое-

---

*) Впрочемъ, указывая на причины, побудившія Св. Іоанна поступить такимъ образомъ, я нисколько не думаю отрицать, что въ этомъ случаѣ онъ былъ орудіемъ воли Божіей, для цѣли таинственной, можетъ быть неизвѣстной самому Іоанну. Слово, сказанное объ немъ Господомъ Св. Петру, имѣло конечно высокій смыслъ, который откроется въ будущемъ.

**) Критикѣ безпристрастной и просвѣщенной одинаково не трудно было бы высмотрѣть и въ заключеніи евангелія отъ Марка подпись человѣка, не видавшаго Господа.

личной отдѣльности, разорвите связь, соединяющую всѣхъ Христіанъ въ одну живую индивидуальность (какъ сдѣлали Нѣмецкіе протестанты), и вы за одно порвете связь, соединяющую Христіанъ съ св. писаніемъ; вы превратите книгу въ мертвую букву, въ предметъ совершенно внѣшній для людей, въ разсказъ, въ доктрину, въ слово, не подкрѣпленное никакимъ свидѣтельствомъ, въ простое начертаніе или въ простой звукъ, въ нѣчто, не находящее увѣрительной силы ни въ себѣ, ни внѣ себя, въ нѣчто такое, наконецъ, что непремѣнно должно быть убито сомнѣніемъ и погло-

---

единяютъ съ нимъ Христіане. Св. Ѳома первый на землѣ (да будетъ память его благословенна за это)! назвалъ Христа Его вѣчнымъ именемъ: „Господь мой и Богъ мой". Любовь, долгое время какъ бы боявшаяся вѣрить, убѣдившись внезапно, однимъ побѣднымъ восклицаніемъ поднимаетъ Св. Ѳому высоко надъ его соучениками.

Евангеліе начинается такими словами: „въ началѣ Слово было Богомъ", и вотъ уста человѣческія провозгласили Богомъ Христа, воплощенное Слово—евангеліе закончено, кругъ замкнутъ. Вникнемъ глубже, и новая тайна откроется передъ нами. Земная жизнь Господа дѣлится на двѣ части: одна изъ нихъ заключаетъ въ себѣ Его частную или созерцательную жизнь и дни Его страданія; другую образуетъ Его дѣятельная жизнь или, точнѣе, годы Его прямаго дѣйствія на человѣковъ. Дѣйствіе Бога въ отношеніи къ человѣку начинается сотвореніемъ первой четы; Богъ-Христосъ открываетъ Себя (на это указываетъ Іоаннъ) чудомъ въ Каннѣ, которое есть ничто иное какъ благословеніе человѣческой четы. Дѣйствіе Бога въ отношеніи къ человѣчеству, въ его преходящихъ формахъ, оканчивается, какъ мы знаемъ, воскрешеніемъ мертвыхъ. Христосъ-Богъ оканчиваетъ свою дѣятельную жизнь воскрешеніемъ Лазаря, послѣ чего (по Св. Іоанну) слѣдуетъ Его собственное помазаніе на смерть и „Осанна" какъ бы прозрѣвшихъ не надолго Евреевъ. Итакъ Христосъ, *въ своей земной жизни, представляетъ дѣйствіе Божіе на родъ человѣческій*. Таковъ внутренній планъ евангелія. И этого-то писанія, столь высокаго по его значенію, столь величаваго и въ то же время столь строго опредѣленнаго по его конструкціи, не признавать за книгу, которою вѣнчается писаніе! И оно-то, будто бы, не представляетъ характера творенія *личнаго* по преимуществу! И составителемъ его могло бы быть другое лицо, не то, которое преданіемъ названо! Предположить подобное едва ли осмѣлится самое слѣпое невѣжество.

При доказательствахъ столь убѣдительныхъ, почти не стоитъ и упоминать о томъ, что уже въ первой половинѣ втораго вѣка еретики комментировали евангеліе Іоанна.

щено забвеніемъ. Кто отрицаетъ Церковь, тотъ изрекаетъ смертный приговоръ надъ Библіею.

Для Римлянина *) св. писаніе сдѣлалось оффиціальнымъ, государственнымъ документомъ, и потому оно у него крѣпче примкнуто къ церковному организму. Разумѣется, связь между ними, какъ и все въ Романизмѣ, имѣетъ характеръ болѣе внѣшній, чѣмъ внутренній; но съ другой стороны, Римлянинъ не понимаетъ высокаго значенія Церкви въ ея историческомъ развитіи, а потому не можетъ и другимъ разъяснить этого значенія. Рабъ новаго закона, смастеренннаго юридическимъ раціонализмомъ Римскаго міра, онъ не въ состояніи сказать и показать невѣрію, что Спаситель освободилъ насъ отъ узъ законнаго рабства, дабы полнота Божественнаго откровенія достойно сохраняема была полнотою человѣческой свободы. Св. Пятидесятница не имѣетъ смысла для Римлянина.

Иное дѣло—мы; намъ дано видѣть въ писаніи не мертвую букву, не внѣшній для насъ предметъ и не церковно-государственный документъ, а свидѣтельство и слово всей Церкви, иначе наше собственное слово на столько, на сколько мы отъ Церкви. Писаніе отъ насъ, и потому не можетъ быть у насъ отнято. Исторія Новаго Завѣта есть исторія наша; насъ струи Іордана содѣлали въ крещеніи причастниками смерти Господней; насъ, тѣлеснымъ пріобщеніемъ, соединила съ Христомъ въ Евхаристіи тайная вечеря; намъ на ноги, избитыя вѣковымъ странствованіемъ, излилъ воду Христосъ Богъ, гостепріимный домовладыка; на наши главы, въ день Пятидесятницы, нисходилъ, въ таинствѣ Св. Муропомазанія, Духъ Божій, дабы величіе нашей, любовью освященной, свободы послужило Богу полнѣе, чѣмъ могло это сдѣлать рабство древняго Израиля.

Протекли три вѣка. Въ продолженіе этого времени на Церковь поочередно ополчались озлобленная гордость вооруженной софизмами лжефилософіи, восторженный фана-

*) Я говорю объ истомъ, послѣдовательномъ Римлянинѣ; ибо Галликанство есть такая же ничего не значущая непослѣдовательность въ Романизмѣ, какою является въ Протестантствѣ Англиканство.

тизмъ лжевдохновеній, кровожадная ненависть народовъ, трепетавшихъ мщенія своихъ боговъ, которыхъ отвергало Христіанство, наконецъ непримиримая ненависть Кесарей, видѣвшихъ въ отрицаніи государственной религіи самое опасное изъ возмущеній.... *) И что же? Къ исходу этихъ трехъ вѣковъ силою неотразимаго слова и побѣдоноснаго мученичества Христіанство успѣло завоевать Имперію.

Наступило другаго рода испытаніе: разумъ человѣческій, Христіанствомъ очищенный, потребовалъ отъ вѣры точности логическаго выраженія; а невѣжество, гордость и страсти людскія породили ереси. Арій и Діоскоръ отринули Троицу, т. е. внутреннее опредѣленіе Божества: тѣмъ самымъ они отрицали преданіе, хотя и увѣряли, что остаются ему вѣрными. Для произнесенія приговора объ этомъ лжеученіи Христіане обратились не къ чьему либо саморѣшающему голосу, не къ какой либо власти религіозной или политической; они обратились къ цѣлости Церкви, объединенной согласіемъ и взаимною любовью (ибо любовь не предвосхищаетъ себѣ, не монополизируетъ благодати и не низводитъ своихъ братьевъ въ духовное илотство), и Церковь отозвалась на призывъ своихъ членовъ: она вручила (какъ и слѣдовало) право формулировать свою вѣру своимъ старѣйшинамъ епископскаго чина, сохранивъ однако за собою право повѣрить формулу, которую они усвоятъ. Никейскій соборъ положилъ основаніе Христіанскому исповѣданію вѣры. Онъ опредѣлилъ самое Божество и этимъ опредѣленіемъ подразумѣвательно объявилъ, что нравственное совершенство, какъ и всякое совершенство, можетъ принадлежать только Іеговѣ **). Въ послѣдствіи, императоры, па-

---

*) Въ этомъ именно, а не въ чемъ-либо другомъ, заключалось преступленіе Христіанства; не въ томъ, что оно отрицало божество Юпитера, или Минервы, или Нерона, или другихъ боговъ, а въ томъ, что отрицало верховную божественность государства, поставлявшаго боговъ.

**) Аріанство, въ силу неизбѣжнаго логическаго вывода, приписывало Слову-Спасителю (Логосу) нравственное совершенство, въ тоже время не признавая его Божества (слѣдовательно разъединяло нравственное совершенство съ божественностью).

тріархи, не исключая Римскаго, и большинство епископовъ, соединенныхъ на соборѣ, измѣнили истинѣ и подписали еретическое исповѣданіе. Церковь, просвѣщенная своимъ Божественнымъ Спасителемъ, осталась вѣрною и осудила невѣжество, испорченность или немощь своихъ уполномоченныхъ и свидѣтельствомъ своимъ утвердила навсегда христіанское ученіе о Божествѣ.

Отношеніе Бога къ Его разумной твари послужило темою для новыхъ заблужденій. Школы Несторія и Евтихія пытались извратить апостольское преданіе. Одна отказывала Христу Богу въ истинномъ Божествѣ, другая—въ истинномъ человѣчествѣ. Обѣ (ибо, въ основаніи, обѣ ереси составляютъ одно) полагали между Богомъ и человѣкомъ непроходимую пропасть; обѣ отказывали Богу въ возможности явиться существомъ нравственнымъ, обладающимъ свободою выбора; тѣмъ самымъ онѣ отнимали у человѣка высокое счастіе проникать своею любовью въ неизслѣдимыя глубины любви Божіей. Церковь собрала своихъ старѣйшинъ и дала свидѣтельство: разумная тварь есть настолько *образъ* своего Творца, что Богъ могъ быть и дѣйствительно былъ человѣкомъ. Пропасть закрыта. Человѣкъ прославляется дарованнымъ ему правомъ изслѣдовать совершенство существа вѣчнаго; въ тоже время, человѣку даруется блаженная обязанность и собственнымъ своимъ существомъ стремиться къ нравственному совершенству, ибо онъ подобенъ Богу. Таковъ смыслъ соборныхъ опредѣленій.

Позднѣе, заблужденіемъ монофелитовъ вызвано было новое свидѣтельство Церкви о тождествѣ *умнаго* *) естества и воли и о нравственномъ совершенствѣ, явленномъ въ границахъ человѣческаго естества воплощеннымъ Словомъ. Такъ было открыто христіанское ученіе на всѣ грядущіе вѣка, во всемъ величіи его, во всей Божественной его красотѣ.

Представился новый вопросъ. Благоговѣйное употребленіе иконъ допускалось Церковью; но народное суевѣріе

---

*) Мы здѣсь употребляемъ это слово въ томъ смыслѣ, какое оно имѣетъ у Отцевъ Церкви. *Пр. перев.*

часто обращало почитаніе въ поклоненіе. Неразумная и страстная ревность захотѣла, чтобы Церковь, не довольствуясь осужденіемъ злоупотребленія, осудила самый обычай. Таковъ смыслъ ереси иконоборцевъ. Они не понимали сами, какъ далеко шло ихъ требованіе; не понимали, что вопросъ объ иконахъ заключалъ въ себѣ вопросъ о всемъ обрядѣ. Но поняла это Церковь. Осужденіемъ иконоборцевъ она дала свидѣтельство полнотѣ своей свободы. Второй Никейскій Соборъ объявилъ, что Церковь, какъ личность живая, одушевленная Духомъ Божіимъ, имѣетъ право прославлять Божественное величіе словомъ, звукомъ и образомъ; она объявила свободу богопоклоненія подъ всѣми символами, какіе любовь можетъ внушить единодушію христіанъ. Таковъ не всегда вѣрно понимаемый смыслъ этого собора. *Предшествующіе ему соборы спасли христіанское ученіе; этотъ соборъ спасъ свободу христіанскаго чувства.*

Такова Церковь въ ея исторіи *). Это исторія живаго и неразрушимаго организма, выдерживающаго вѣковыя борьбы противъ гоненія и заблужденія; это разумная, взаимною любовью освѣщенная свобода, приносящая полнотѣ Божественнаго откровенія высокое свидѣтельство, въ наслѣдіе грядущимъ вѣкамъ.

Протестантъ ли разскажетъ эту исторію? Но для него она не болѣе какъ хаосъ происшествій безъ особеннаго значенія, праздныхъ словопреній, личныхъ или народныхъ страстей, притѣсненій отъ большинства, крамолъ отъ мень-

---

*) Въ этомъ очеркѣ исторіи первыхъ вѣковъ Церкви авторъ представилъ сжатый выводъ изъ довольно обширнаго изслѣдованія о томъ же предметѣ, находящагося въ его Запискахъ о всемірной исторіи, которыя теперь изданы. Тамъ читатели найдутъ подробное развитіе той оригинальной, едва ли не въ первый разъ высказанной и въ высшей степени важной мысли, что всѣ значительныя ереси, которыми возмущалось единомысліе въ Церкви, при всей отвлеченности и кажущейся непрактичности ихъ лжеученій, были, такъ сказать, подбиты извращеніемъ нравственныхъ началъ, такъ что ереси, можетъ быть и безсознательно, проводили, а Церковь на соборахъ отвергала и осуждала не только заблужденія, но вмѣстѣ съ ними и соотвѣтственную каждому заблужденію порчу. *Прим. переводч.*

шинства, личныхъ мнѣній, не имѣющихъ важности, опредѣленій, не имѣющихъ силы; можетъ быть, это кладъ для книгохранилищъ, но для человѣчества это ничто.

Римлянинъ ли скажетъ эту исторію? Но онъ самъ не высматриваетъ въ ней ничего болѣе какъ только театральное представленіе, конечно не лишенное нѣкоторой торжественности, но чуждое серьознаго значенія; ничего болѣе, какъ только многовѣковое пустословіе, признакъ долгаго невѣжества и какъ бы недогадки цѣлаго общества, которое, въ продолженіи пятисотъ лѣтъ, присвоивало себѣ право обсуждать догматическіе вопросы, какъ видно не подозрѣвая, что въ его же средѣ находилась законная власть, которой одной это право было дано Самимъ Богомъ.

Нѣтъ, исторія Церкви, та умственная и нравственная закваска, которой Западъ одолженъ всѣмъ, что́ есть у него великаго и славнаго, перестала быть понятною для раскола, съ той поры какъ онъ отринулъ ея основаніе. Она при насъ, и при насъ однихъ—эта исторія, строгая, какъ наука въ логическомъ своемъ развитіи, исполненная поэзіи, какъ гимны первыхъ вѣковъ *), существенно отличная отъ всѣхъ другихъ бытописаній человѣческихъ и безконечно

*) Не могу не замѣтить, что послѣдовательный порядокъ соборовъ дѣйствительно совпадаетъ съ порядкомъ древнѣйшихъ церковныхъ пѣснопѣній (напр. „Слава“ — „Свѣте тихій“ и др.). Троица — это первая эпоха; воплощеніе — вторая эпоха; прославленіе и молитва — второй Никейскій соборъ. Не понявъ этого построенія христіанскихъ гимновъ, ученый Бунзенъ (котораго труды заслуживаютъ полнаго уваженія) впалъ въ странную ошибку. Онъ принялъ искаженный экземпляръ „Славы“ за экземпляръ подлинный и вообразилъ, что имя Св. Духа, помѣщенное между Словомъ въ Его Божествѣ и Словомъ въ Его воплощеніи, есть вставка. Сочиненіе, въ которомъ встрѣчается эта погрѣшность противъ здравой критики, содержитъ въ себѣ, рядомъ съ другими философскими заблужденіями, и ту мысль, что Церковь есть будто бы воплощеніе Святаго Духа, подобно тому какъ Христосъ есть воплощеніе Слова. Стало быть, знаменитый ученый не понимаетъ, что, по его же собственному опредѣленію, воплощеніе, какъ всякая объективность, входитъ въ область Слова, которое онъ признаетъ Богомъ-объектомъ. Философъ вообразилъ себѣ, что знаетъ больше, чѣмъ Церковь; но Церковь имѣетъ то удивительное свойство, что она всегда раціональнѣе человѣческаго раціонализма.

возвышающаяся надъ всѣми ихъ матеріальными и политическими треволненіями. Но «Востокъ умеръ» — говорятъ люди Запада—«а мы, мы живемъ». О жизни общественной, матеріальной и политической я говорить не стану, но говорю о жизни умственной, поколику она носитъ характеръ религіозной жизни, т. е. поколику она—проявленіе Церкви.

Западъ издавна свободенъ, богатъ, могущественъ, просвѣщенъ. Востокъ бѣденъ, тёменъ, большею частію порабощенъ, весь погруженъ въ невѣжество. Пусть такъ; но сравните въ этихъ двухъ областяхъ, которыхъ политическія судьбы и теперь такъ различны, сравните въ нихъ обнаруженія Христіанства.

Поищемъ какого нибудь проявленія Церкви въ Протестантствѣ, какого нибудь жизненнаго движенія въ его ученіи. Размноженіе новыхъ сектъ; разложеніе древнихъ исповѣданій; отсутствіе всякаго установившагося вѣрованія; постоянныя усилія создать то сводъ ученій, то общину съ непремѣннымъ символомъ, усилія, постоянно сопровождаемыя неудачами; труды отдѣльныхъ лицъ, безплодно теряющіеся во всеобщемъ хаосѣ; годы, текущіе одинъ за другимъ, не получая ничего въ наслѣдіе отъ годовъ минувшихъ и не оставляя ничего въ наслѣдіе грядущимъ годамъ; во всемъ колебаніе и сомнѣніе: таковъ въ религіозномъ отношеніи протестантскій міръ. Вмѣсто жизни мы находимъ ничтожество или смерть.

Поищемъ проявленія Церкви въ Романизмѣ. Обиліе политическихъ агитацій, народныхъ движеній, распрей или союзовъ съ кабинетами; нѣсколько административныхъ распоряженій, много шума и блеска, и ни одного слова, ни одного дѣйствія, на которомъ бы лежала печать жизни духовной, жизни церковной. И здѣсь ничтожество! Въ послѣднее время однако появился обязательный декретъ по догматическому вопросу, исшедшій отъ первосвященническаго престола. Значитъ, это актъ вполнѣ церковный, въ самомъ высокомъ значеніи слова; онъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ актъ въ своемъ родѣ единственный за много вѣковъ. Этимъ декретомъ возвѣщается всему Христіанству

и будущимъ вѣкамъ, что приснoблаженная Матерь Спасителя была, отъ самаго зачатія, изъята отъ всякаго грѣха, даже первороднаго. Но Св. Дѣва не испытала-ли общей участи человѣческаго рода, то есть смерти? — Испытала. — А смерть не есть ли наказаніе за грѣхъ (какъ повѣдалъ Духъ Божій устами апостола? *)—Видно, что нѣтъ! Въ силу папскаго декрета, смерть стала независимою отъ грѣха; она стала простою случайностью въ природѣ; и затѣмъ—все Христіанство уличено во лжи. Или Св. Дѣва подверглась смерти подобно Христу, принявши на себя грѣхъ за другихъ? Но если такъ, то у насъ два Спасителя, и Христіанство опять уличилось бы во лжи. Вотъ какъ истолковываются Божіи тайны въ исповѣданіи Римскомъ; вотъ какое наслѣдство передаетъ оно будущему! Итакъ что̀ находимъ мы въ Романизмѣ? Молчаніе, или ложь; ничтожество, или признаки духовной смерти, выступающіе при первомъ покушеніи придать себѣ видъ церковной жизненности.

Церковь не говоритъ безъ важной надобности. Но въ наше время Римъ, съ своимъ первосвященникомъ во главѣ, учинилъ на нее нападеніе словомъ, и она отвѣчала. Изъ нѣдръ невѣжества и уничиженія, изъ глубины темницы, въ которой исламизмъ держитъ христіанъ Востока, раздался голосъ и повѣдалъ міру, *что познаніе Божественныхъ истинъ дано взаимной любви христіанъ и не имѣетъ другаго блюстителя кромѣ этой любви* **). Это слово было признано за слово Церкви. Оно заключаетъ въ себѣ общую формулу ея исторіи и стало величавымъ наслѣдіемъ для будущихъ вѣковъ. Для насъ, сыновъ Церкви,

*) Буквально „оброцы грѣха".

**) Въ печатномъ Окружномъ посланіи 1848 года, по изданію (на Русскомъ языкѣ) 1850 года, мѣсто, на которое здѣсь указывается, выражено такъ: „У насъ ни патріархи, ни соборы, никогда не могли ввести что-нибудь новое, потому что хранитель благочестія у насъ есть самое тѣло Церкви, т. е. самый народъ, который всегда желаетъ сохранить вѣру свою неизмѣнно" и пр. (§ 17). Изъ употребленнаго во второй половинѣ фразы слова „вѣру" очевидно, что и подъ словомъ „благочестія", употребленнымъ выше, подразумѣвается то же понятіе. *Пр. переводч.*

это побѣдная пѣснь среди страданій и голосъ Того, Кто за Свою любовь и Свою вольную жертву есть возлюбленный Отчій; но не побоюсь сказать, что ни одна честная и серьезная душа, вѣрующая во чтò бы то ни было, или невѣрующая, не откажется признать это слово за одно изъ прекраснѣйшихъ, когда либо исходившихъ изъ человѣческихъ устъ. У кого же наслѣдіе прошедшихъ вѣковъ? Гдѣ продолжается исторія Церкви? Гдѣ жизнь дѣйствительная при кажущемся омертвѣніи, гдѣ смерть дѣйствительная при кажущейся жизненности?

Въ моемъ первомъ отвѣтѣ на несправедливое нападеніе, направленное противъ Церкви, я показалъ, что двѣ части западнаго раскола суть только двѣ формы Протестантства; что обѣ ничто иное какъ несомнѣнный раціонализмъ, такъ какъ обѣ отрицаютъ нравственное основаніе религіознаго познаванія, а потому и не имѣютъ никакого права сѣтовать на раціонализмъ, на нихъ нападающій; что обѣ, будучи погружены въ логическую антиномію, высматривали въ Христіанствѣ только стороны его, въ ихъ отдѣльности, то есть: единство безъ свободы, или свободу безъ единства; что обѣ, будучи одинаково неспособны серьозно защищаться, ни одна противъ другой, ни сообща противъ невѣрія, находятся теперь въ эпохѣ истощенія и упадка, и что самыя усилія ихъ, которыми онѣ стараются остановить свое паденіе, какъ напримѣръ, ихъ неизбѣжныя столкновенія и ихъ условные союзы, могутъ только ускорить паденіе *).

---

*) Я говорилъ о предложеніяхъ союза. Теперь, кажется, союзъ до нѣкоторой степени осуществился, по крайней мѣрѣ въ общественномъ мнѣніи. Одинъ достойный уваженія журналъ (Revue des Deux Mondes) говорилъ нѣсколько времени тому назадъ, что западныя державы обязаны поддержать законное преобладаніе „западнаго Христіанства на Востокѣ“. Итакъ дѣло идетъ не о Римѣ и не о Женевѣ, дѣло идетъ о западномъ Христіанствѣ вообще. Союзъ, предполагавшійся противъ невѣрія, осуществляется противъ Церкви; оно и лучше. Тотъ же журналъ въ послѣднее время доказывалъ также, что непослѣдовательность составляетъ достоинство въ Галликанствѣ и, если не ошибаюсь, въ Англиканствѣ. И все это выдаетъ себя за Христіанство!

Теперь я показалъ дѣйствительное, внутреннее состояніе обѣихъ вѣтвей раскола. Ихъ общее основаніе есть раціонализмъ. Вся надстройка условна и въ равной степени страдаетъ отсутствіемъ величія, гармоніи и внутренней связи. Молитва, оскудѣвшая и лишившаяся всего своего значенія, таинства непонятыя и искаженныя, исторія, сведенная въ ничтожество или превращенная въ продолжительную безсмыслицу — вотъ все, что̀ могутъ оба Протестантства (Римское и Германское) противопоставить аналитической работѣ человѣческой мысли. Напрасно онѣ опасаются, какъ бы ихъ не убило невѣріе. Чтобъ быть убитымъ, нужно быть существомъ живымъ; онѣ же, не смотря на свои волненія и призрачныя борьбы, носятъ уже смерть въ себѣ самихъ; невѣрію остается только убрать трупы и подмести арену.

И это все праведная казнь за преступленіе, содѣянное Западомъ противъ святаго закона христіанскаго братства.

Религіозная мысль всего міра теперь при насъ. Кто бы ни были наши враги и каково бы ни было ихъ озлобленіе: ни неопредѣленныя мечтанія индивидуальной религіозности, ни макіавельевская изворотливость государственныхъ религій, ни утонченность софизмовъ, ни страстныя усилія проповѣди благодушно-невѣжественной, ни непримиримая ненависть, переходящая отъ прежнихъ попытокъ *нравственнаго братоубійства* къ желанію *братоубійства вещественнаго*, словомъ—ничто, ни слово съ его обольщеніями, ни оружіе съ его могуществомъ, ничто не исхититъ человѣчества изъ рукъ Того, Кто за него принялъ смерть и завѣщалъ ему единую вѣру—вѣру *любви*. Конечно, во всѣ вѣка будутъ встрѣчаться люди испорченные, которые *не захотятъ* увѣровать; но не будетъ того, чтобъ честныя и чистыя души *не могли увѣровать*. Вся будущность въ Церкви.

Можетъ быть, меня упрекнуть за жестокость моего слова; но пусть въ него вдумаются. Если я не вышелъ изъ предѣловъ истины, если не сказалъ ничего такого, чего бы въ то же время не доказалъ, жестокимъ окажется *самое дѣло*, а не мое *слово*.

Уже много крови пролито на Востокѣ *), а кровь распаляетъ ненависть. Я однако имѣю о нравственномъ достоинствѣ души человѣческой понятіе настолько высокое, что надѣюсь, и въ настоящую минуту, найдутся между вами, читатели и братья, люди способные выслушать меня безпристрастно.

Не смотря на громадность политическихъ агитацій, на соціальное броженіе, далеко еще не достигшее своего конца, на кровопролитныя войны и на кажущееся преобладаніе матеріальныхъ интересовъ, нашъ вѣкъ есть время мысли, и по этой самой причинѣ ему суждено имѣть на будущность человѣчества вліяніе сильное. Конечно, общественныя страсти могутъ возмущать ясность мысли, грубая сила можетъ на время подавлять ее; но страсти притупляются и затихаютъ, грубая сила надламывается или утомляется, а мысль переживаетъ ихъ и продолжаетъ свое нескончаемое дѣло: ибо она отъ Бога.

Въ продолженіи многихъ вѣковъ умственнаго развитія, Западъ совершилъ великія и славныя дѣла; но нравственною закваскою всѣхъ дѣйствительно-великихъ его подвиговъ было Христіанство, и сила этой благотворной закваски обнаруживала одинаково могущественное дѣйствіе какъ на людей, не вѣрившихъ въ нее и отвергавшихъ ее, такъ и на людей, вѣровавшихъ и хвалившихся своею вѣрою. Ибо тотъ уже христіанинъ (по крайней мѣрѣ до извѣстной степени), кто любилъ правду и ограждалъ слабаго отъ притѣсненій сильнаго, кто выводилъ лихоимство, пытки и рабство; тотъ уже христіанинъ (по крайней мѣрѣ отчасти), кто заботился о томъ, чтобы, насколько возможно, усладить трудовую жизнь и облегчить жалкую судьбу удрученныхъ нищетою сословій, которыхъ мы не умѣемъ еще вполнѣ осчастливить. Оттого, не смотря на всѣ ея общественныя язвы и не смотря на шаткость ея вѣрованій, Англія, равно какъ и другія страны современной Европы, болѣе заслуживаютъ названія государства христіанскаго, чѣмъ средневѣковыя королевства съ ихъ

*) Это писано во время Крымской войны. *Пр. переводч.*

лживою и слѣпою, хотя нерѣдко такъ громко прославляемою, набожностью. Но не должно себя обманывать; христіанская нравственность не можетъ пережить ученія, служащаго ей источникомъ. Лишенная своего родника, она естественно изсякаетъ. Нравственныя требованія, не оправданныя доктриною, скоро теряютъ свою обязательную силу и превращаются въ глазахъ людей въ выраженія непослѣдовательнаго произвола; правда, привычка нѣкоторое время съ ними еще уживается, но затѣмъ корысть и страсть отбрасываютъ ихъ окончательно.

А въ томъ-то именно заключается существенная опасность, грозящая настоящей эпохѣ, что мысль на Западѣ дѣйствительно обогнала религію, уличивъ ее въ раціонализмѣ и непослѣдовательности; а религія обогнанная есть религія приговоренная.

Итакъ дѣло идетъ о спасеніи всего, что есть у васъ прекраснаго и добраго, великаго и славнаго, о спасеніи вашей будущности умственной и нравственной; ибо въ эту минуту вы принадлежите Христіанству болѣе сердцемъ, чѣмъ вѣрою, а это не можетъ долго длиться.

Не новому догмату учимъ мы васъ: нѣтъ—это догматъ первоначальнаго Христіанства. Не новое преданіе налагаемъ на васъ: это то самое преданіе, которое соблюдали и ваши отцы до той поры, когда задумали низвергнуть нашихъ отцевъ въ духовный илотизмъ. Зданіе вашей вѣры разрушается и проваливается; мы вамъ приносимъ не новые матеріялы для его утвержденія: нѣтъ, мы возвращаемъ вамъ только замокъ, отброшенный вашими предками, которымъ прежде держался весь сводъ—взаимную любовь христіанъ и присвоенныя ей Божественныя щедроты. Поставьте его снова на вершину зданія, и впредь неразрушимое, оно уже не будетъ имѣть причинъ бояться критической работы разума; напротивъ, оно въ состояніи будетъ вызвать его пытливость; оно предстанетъ опять во всемъ величіи своихъ неземныхъ размѣровъ, на спасеніе, счастіе и славу будущимъ родамъ.

Знаю, что наши слова встрѣчены будутъ сильными предубѣжденіями; не смѣю даже назвать ихъ несправедли-

выми; знаю, что каковы бы ни были ваши заблужденія, вы все-таки были бы въ правѣ закидать насъ упреками. Знаю, что вы могли бы спросить: гдѣ у насъ тѣ плоды, которыми должно знаменоваться присутствіе истины въ народахъ, ее хранящихъ: знаю, что этихъ плодовъ требуетъ отъ насъ признательность и что неблагодарность наша ихъ не даетъ. Не станемъ оправдываться; не будемъ говорить ни о пережитыхъ нами историческихъ борьбахъ и страданіяхъ, ни о примѣсяхъ лжи въ томъ просвѣщеніи нашемъ, которое болѣе ста лѣтъ мы почерпаемъ изъ поврежденныхъ источниковъ. Все это насъ не оправдываетъ. Каковы бы ни были ваши обвиненія, мы признаемъ ихъ справедливыми; въ какихъ бы порокахъ вы насъ ни упрекали, мы сознаемся въ нихъ, сознаемся смиренно, съ сокрушеніемъ, съ горестью. Но чтобы самимъ вамъ быть правыми передъ собою и передъ Христіанствомъ, будьте же и къ намъ снисходительны! Не спрашивайте: правдоподобно ли, чтобы Господь для призванія васъ воспользовался орудіями столь непокорными Его закону; но скажите лучше, что пути Божіи для человѣческаго разума неисповѣдимы. Не спрашивайте: достойны ли мы нести вамъ слова истины, но вспомните лучше, что истина сама по себѣ прекрасна и стóитъ того, чтобы вы ее приняли, какъ бы ни были недостойны ея провозвѣстители. Дай Богъ, чтобъ наши грѣхи и наше жестокосердіе не обратились въ пагубу и вамъ и чтобъ не пало на насъ двойное осужденіе: за собственную нашу неправду и за внушенное вамъ предубѣжденіе противъ самаго закона Божія.

«Какъ прекрасно и сладко согласіе между братьями! «Это елей благовонный, стекающій на браду Аарона и на «края его одежды; это роса благодѣтельная, которую ночь «распространяетъ на вершинахъ Ермона и на благосло«венныхъ холмахъ Сіона». Если сердце ваше когда нибудь отзывалось на этотъ гимнъ ветхаго Израиля, вамъ не покажется тягостнымъ то нравственное усиліе, которое вамъ предстоитъ надъ собою сдѣлать. Осудить преступленіе, содѣянное заблужденіемъ вашихъ отцовъ противъ невинныхъ братьевъ,—вотъ единственное условіе, могущее

возвратить вамъ Божественную истину и спасти отъ неизбѣжнаго разложенія всю вашу духовную жизнь. Подчинитесь ему, и вы получите право, которое даетъ Церковь своимъ чадамъ, сказать: «возлюбимъ другъ друга, да единомысліемъ исповѣмы Отца и Сына и Святаго Духа».

Обращаясь къ вамъ съ такими словами, мы конечно имѣемъ въ виду и собственную выгоду; ибо пріобрѣсти братьевъ есть величайшее благополучіе изъ всѣхъ доступныхъ человѣку на землѣ; но не совпадаетъ ли наша выгода съ вашею пользою? Ужели такъ трудно совершить актъ простой справедливости? Признать, что, по долгу совѣсти, вы должны повиниться передъ оскорбленными вами братьями и сказать имъ: «братья, мы согрѣшили противъ васъ, но примите насъ снова, какъ братьевъ возлюбленныхъ»—признать этотъ долгъ и выполнить его, ужели это такъ трудно, такъ невозможно? Читатели и братья, испытайте, прошу васъ, ваши сердца и ваши помыслы.

ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

ПРАВОСЛАВНАГО ХРИСТІАНИНА

О

ЗАПАДНЫХЪ ВѢРОИСПОВѢДАНІЯХЪ.

по поводу разныхъ сочиненій Латинскихъ и протестантскихъ о предметахъ вѣры.

1858.

Переводъ съ Французскаго *).

*) Подлинникъ изданъ въ Лейпцигѣ Брокгаузомъ.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ *).

М. г.

Вы позволили мнѣ воспользоваться вашимъ типографскимъ станкомъ для напечатанія брошюры, написанной мною въ 1854 году, о нѣкоторыхъ религіозныхъ вопросахъ; смѣю надѣяться, что вы не откажете въ подобной благосклонности новой брошюрѣ о тѣхъ же предметахъ.

Я желалъ, чтобъ сочиненіе мое было доступно возможно широкому кругу читателей и, съ этою цѣлью, выбралъ языкъ въ наше время наиболѣе употребительный, языкъ французскій, который въ исторіи Европейской литературы могъ бы быть названъ ходячею латынью. Несмотря однако на этотъ выборъ и несмотря на то, что, вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ, первая моя брошюра напечатана была въ Парижѣ, надежды мои, признаюсь, были обращены къ странамъ Германскаго происхожденія, къ Англіи и Германіи. Эти надежды меня не обманули: здѣсь и тамъ я удостоился благосклоннаго вниманія отъ многихъ читателей и отъ нѣсколькихъ писателей. Бо̀льшаго я и ожидать не смѣлъ.

Да будетъ мнѣ, однако, позволено сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно пріема, мною встрѣченнаго.

Я высказалъ, что принципъ Протестантства впервые введенъ былъ Римскимъ расколомъ. Объ этомъ мнѣніи отозвались, даже въ Германіи, не безъ ироніи. Но я всё-таки остаюсь при своемъ мнѣніи и повторяю: расколъ не былъ изобрѣтеніемъ папизма, онъ былъ свободнымъ выраженіемъ западнаго воззрѣнія вообще: въ началѣ папы встрѣ-

*) Это письмо, адресованное на имя г. Брокгауза, содержателя типографіи въ Лейпцигѣ, напечатано въ видѣ предисловія къ подлиннику.

тили его порицаніемъ, а затѣмъ подтвердили его почти нехотя.

Присвоеніе одной мѣстности или эпархіи права рѣшать догматическіе вопросы независимо отъ вселенской Церкви заключало въ себѣ зародышъ всего Протестанства, какъ начала. Сперва оно прикрывалось новымъ условнымъ началомъ — Римскимъ верховноначаліемъ; но логически неизбѣжнымъ развитіемъ его была Реформа въ томъ видѣ, въ какомъ она впослѣдствіи введена была Германіею. Дѣло въ этомъ случаѣ принадлежало Риму, а Германія, сама того не вѣдая, только извлекла выводы изъ факта. Я строго держался въ границахъ религіознаго вопроса, избѣгая разсужденій о предметахъ историческихъ; но думаю, что читатель, нѣсколько опытный въ изученіи историческихъ законовъ, пойметъ, почему этотъ расколъ, или это присвоеніе мѣстной независимости, должно было совпасть съ эпохою Карла Великаго и съ основаніемъ Западной Имперіи. Во всякомъ случаѣ, представленныя мною доказательства тождества Романизма и Протестантства въ ихъ зародышѣ, при всей ихъ новости и неожиданности, заслуживали бы, мнѣ кажется, скорѣе серьезнаго опроверженія, чѣмъ ироническаго отзыва.

Обвиняли меня также въ сравнительно большей непріязненности къ Романизму, чѣмъ къ Реформѣ, и одна нѣмецкая газета объяснила это различіе тою ѣдкою ненавистію, которою всегда отличаются распри между родными братьями. Но, вопервыхъ, я доказалъ, кажется, что мы одинаково относимся къ западнымъ исповѣданіямъ, не дѣлая никакого различія между Римскимъ и Протестантскимъ; во вторыхъ, мнѣ кажется, что серьезные и добросовѣстные писатели должны бы вообще воздерживаться отъ такого рода заподозриванія чужихъ побужденій. Не довольно ли, для объясненія нѣкоторой разницы въ тонѣ, которой я и не думаю отрицать, допустить объясненіе, мною самимъ данное? Заблужденіе, по моему убѣжденію, идетъ отъ Римлянъ, а Протестанты только приняли его по наслѣдству; къ тому же, добровольная ложь, мнѣ кажется, заслуживаетъ болѣе строгаго осужденія и возбуждаетъ болѣе силь-

ное негодованіе, чѣмъ заблужденіе невольное. Станутъ ли Протестанты отрицать это, и захотятъ ли они, чтобъ ихъ сравняли въ этомъ отношеніи съ Римлянами?—Не думаю.

Во всѣхъ обвиненіяхъ, мною высказанныхъ противъ различныхъ вѣтвей раскола, я строго придерживался правила ограничиваться выводами изъ началъ, ими самими признаваемыхъ. Всѣ мои приговоры основаны единственно на внутреннихъ противорѣчіяхъ, которыя онѣ въ себѣ содержатъ. Такъ я показалъ, что поставленіе папы, въ которомъ Латиняне хотятъ видѣть какъ бы завершеніе рукоположенія, на самомъ дѣлѣ упраздняетъ это таинство: далѣе я показалъ, что Протестантство, опираясь на Библію и въ тоже время отвергая Церковь, тѣмъ самымъ уничтожаетъ Библію. Думаю, что это самый логичный и самый доказательный способъ опроверженій всякой системы, какъ философской, такъ и религіозной. Я воздерживался отъ безполезныхъ отступленій, отъ обвиненій, основанныхъ только на фактахъ, а не на общихъ законахъ, отъ бездоказательныхъ увѣреній, а тѣмъ паче отъ ссылокъ на факты сомнительные. Надѣюсь, что въ этомъ отношеніи мнѣ отдадутъ справедливость и не откажутся признать мое сочиненіе за трудъ серьезный и честный.

Наконецъ мнѣ остается повиниться въ одной ошибкѣ. Я говорилъ объ одобрительномъ молчаніи, которымъ встрѣчены были не совсѣмъ сообразныя съ духомъ Христіанства рѣчи покойнаго Парижскаго архіепископа. Въ послѣдствіи этотъ прелатъ, проповѣдывавшій мечъ подъ предлогомъ религіи, самъ погибъ отъ ножа, который тоже выдавалъ себя за орудіе своего рода вѣры. Эта смерть дала печальный и назидательный урокъ человѣчеству; но я долженъ признаться, что я ошибался, указывая на всеобщее молчаніе Европы. Дѣйствительно, были исключенія, и мнѣ остается лишь благодарить одну нѣмецкую газету, исправившую мою ошибку и познакомившую меня съ возраженіями, появившимися въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ изданіяхъ. Я самъ видѣлъ такого же рода протестъ, заявленный около тогоже времени, въ одной испанской газетѣ. Эти факты утѣшительны и дѣлаютъ честь человѣчеству; но, послѣ при-

несеннаго мною сознанія въ собственной ошибкѣ, мнѣ, можетъ быть, еще позволительно думать, что эти рѣдкіе факты не подрываютъ заключеній, мною выведенныхъ изъ достойнаго укоризны молчанія.

Остается добавить одно слово. Каковъ бы ни былъ успѣхъ, намѣреніе мое было высказать истину, и кто ее любитъ, тотъ отдастъ мнѣ справедливость.

Вмѣстѣ съ благодарностію за сдѣланное мнѣ одолженіе, примите, м. г., увѣреніе въ глубокомъ почтеніи, съ коимъ имѣю честь назвать себя

Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Неизвѣстный.

Ноябрь 1857.

Въ 1856 году явилась въ Брюсселѣ брошюра, изданная протестантомъ и озаглавленная такъ: «Нѣсколько малоизвѣстныхъ фактовъ, относящихся къ Русской церковной исторіи». Объ этомъ сочиненіи не стоило бы даже и говорить; но такъ какъ оно имѣетъ цѣлью доказать лживость факта, указаннаго мною въ первой моей брошюрѣ (изданной въ Парижѣ въ 1853), то считаю обязанностію обратить на него нѣкоторое вниманіе.

Сочиненіе это состоитъ изъ четырехъ страницъ введенія и приложенія, *а малоизвѣстные факты* ограничиваются однимъ указомъ Петра I-го, перепечатаннымъ изъ Леклерка. Видимая цѣль изданія—доказать, что Протестантство имѣло на Церковь гораздо сильнѣйшее дѣйствіе, чѣмъ какое я признаю.

Да будетъ мнѣ позволено посвятить нѣсколько строкъ замѣчаніямъ, лично до меня касающимся. Вотъ слова моего критика.

«Безъименный авторъ заразъ нападаетъ на Протестантство и на Католичество, пользуясь поочередно и не безъ ловкости оружіемъ, взятымъ имъ на прокатъ у полемики, столько лѣтъ продолжающейся между двумя Церквами».

Я не только не заимствовалъ никакого оружія у западной полемики, но, напротивъ, всѣ доводы мои совершенно противоположны доводамъ, которыми она донынѣ пользовалась. Протестанты обвиняли ли когда Римлянъ въ раціонализмѣ? Старались ли они когда нибудь доказать, что Романизмъ есть только древнѣйшая форма Протестантства? Римляне обвиняли ли когда нибудь Протестантство въ псевдотрадиціонализмѣ и въ слѣпомъ поклоненіи буквѣ? Тѣ или другіе настаивали ли когда нибудь на томъ, что противникамъ ихъ не достаетъ *закона нравственнаго*, который одинъ даетъ единство Церкви? Тѣ или другіе говорили ли когда

нибудь, что единству Романизма не достаетъ содержанія живаго, а свободѣ Протестантства не достаетъ содержанія реальнаго? Никто этого не говорилъ и никто не могъ сказать по той весьма простой причинѣ, что характеръ религіознаго заблужденія дѣйствительно понятенъ только тому, кто находится въ истинѣ Церкви. Продолжаю выписки.

«Разбираемое сочиненіе, очевидно, отъ начала до конца, лишено искренности и добросовѣстности и пр».

Обвиненіе тяжкое, но оно не подкрѣплено ни однимъ доказательствомъ, и тому, кто рѣшился предъявить его, не слѣдовало бы забывать, что, взводя бездоказательно такое обвиненіе, можно подвергнуться опасности прослыть клеветникомъ. Далѣе:

«Авторъ старается, между прочимъ, посредствомъ тонкихъ различеній доказать, что въ его странѣ, Царь не есть глава Церкви, тогда какъ *всякій знаетъ*, что Петръ І-й присвоилъ себѣ всю полноту церковной власти и пр.»

Это «*всякій знаетъ*» удивительно хорошо придумано въ отвѣтъ на цѣлый рядъ доказательствъ противнаго. Правда, что завѣреніе моего возражателя подкрѣплено указаніемъ на слова, употребленныя въ императорскомъ указѣ объ *участіи Государя* въ назначеніи епископовъ. Нечего сказать—убѣдительно!

Затѣмъ, въ концѣ вступленія, отличающагося такою силою выводовъ, слѣдуетъ перепечатка указа Петра І-го о преобразованіи монастырей. Цѣль перепечатки: «доказать мнѣ, свидѣтельствомъ исторіи, что я ошибаюсь въ своихъ положеніяхъ, что отголосокъ Протестантства въ моей родинѣ сильнѣе, чѣмъ, повидимому, я воображаю; и что кромѣ изолированныхъ личностей, теряющихся въ толпѣ, которыя, въ большей или меньшей степени, могли быть задѣты протестантскими началами, вліянію ихъ подверглись многія лица высоко поставленныя». Этимъ авторъ думаетъ окончательно подорвать мое заявленіе, что «*потокъ Протестантства замеръ у предѣловъ Православнаго Міра*».

Фактъ, мною указанный, есть фактъ историческій, столь явный, что, казалось бы, нельзя и отрицать его; но, видно, ему не устоять передъ документомъ, заимствованнымъ изъ

Леклерка моимъ Брюсельскимъ противникомъ. Посмотримъ, что̀ въ немъ такое.

Прежде всего, я далекъ отъ того, чтобъ оспоривать его подлинность. Если бы я даже не зналъ доказательствъ, свидѣтельствующихъ въ ея пользу, достаточно было бы мнѣ прочесть самый указъ, чтобъ узнать пошибъ двухъ составителей его: Петра Великаго и ученаго епископа Ѳеофана Прокоповича. За отсутствіемъ доказательствъ вещественныхъ, я бы, въ этомъ случаѣ, удовольствовался однимъ этимъ нравственнымъ доказательствомъ.—Итакъ это указъ Россійскаго Самодержца? Нисколько; ибо ничѣмъ не доказано, чтобъ онъ когда нибудь былъ обнародованъ. Этотъ документъ не болѣе какъ проектъ закона, проектъ, который, по законодательству тогдашняго времени, могъ быть измѣненъ, переиначенъ или даже отвергнутъ Сѵнодомъ и который, слѣдовательно, не имѣетъ никакого значенія въ исторіи, хотя, конечно, не лишенъ важности для біографіи *).

Но я пойду дальше. Допустимъ, что указъ былъ обнародованъ (и въ послѣдствіи отмѣненъ). Какія же въ немъ, доказательства Протестантства? Язвительная критика на монастыри? Но развѣ это явленіе небывалое въ Церкви? Такая же критика, въ формахъ болѣе или менѣе жесткихъ, встрѣчается въ нѣкоторыхъ старинныхъ законахъ нашей страны и во множествѣ литературныхъ памятниковъ, между прочимъ, въ письмахъ Св. Кирилла Бѣлозерскаго (который самъ былъ основателемъ монастыря) и въ удивительныхъ письмахъ Іоанна IV, государя одинаково суевѣрнаго и свирѣпаго. Ужъ не предположить ли, что и они оба исповѣдывали втайнѣ Протестантство? Или же доказательствомъ Протестантства служитъ ученіе, что Церковь *можетъ* обойтись безъ монастырей? Но ни одинъ православный хри-

---

*) Нисколько не отвергаю, что власть иногда обнародывала законы безъ предварительнаго обсужденія ихъ въ Сенатѣ или въ Сѵнодѣ; но эти случаи представляютъ собою исключенія изъ правила. Напротивъ, многіе проекты законовъ, по обсужденіи, бывали измѣняемы и даже отвергаемы; предполагать же исключеніе въ настоящемъ случаѣ—нѣтъ основанія.

стіанинъ въ этомъ не сомнѣвается, хотя каждый изъ нихъ одобряетъ существованіе монастырей. Или не захотятъ ли видѣть Протестантство въ ученіи, что епископъ можетъ и не быть монахомъ, хотя установившійся обычай, повидимому, заставляетъ иногда предполагать это? Это также всѣмъ извѣстно, до того извѣстно, что даже въ послѣднее время одинъ изъ славнѣйшихъ преемниковъ апостольскихъ долго отказывался отъ монашескаго постриженія и уступилъ только убѣжденіямъ, весьма впрочемъ уважительнымъ, своихъ собратьевъ по епископству. Словомъ, документъ, о которомъ идетъ рѣчь, содержитъ въ себѣ, можетъ быть, нѣкоторыя преувеличенія, нѣкоторыя воззрѣнія, безъ сомнѣнія, ложныя, и вообще характеризуется совершеннымъ недостаткомъ глубины; но основанія его таковы, что ни одинъ православный не только не сталъ бы порицать ихъ, но даже не отказалъ бы имъ въ своемъ согласіи. Наоборотъ, въ немъ нѣтъ ничего такого, чѣмъ составители его могли быть уличены въ Протестантствѣ.

Но пойдемъ еще дальше. Религіозныя мнѣнія Петра І-го (какъ кажется, весьма не твердыя) очевидно имѣли нѣкоторую наклонность къ Протестантству; протестантская окраска выказывается и въ писаніяхъ Ѳеофана Прокоповича (точно также какъ Римскою окраскою отличаются произведенія его современника Стефана Яворскаго); но изъ этого нельзя еще выводить ничего существенно важнаго. Такого же рода оттѣнки обнаруживаются у церковныхъ писателей съ самыхъ отдаленныхъ временъ, задолго до Реформы, и кто прочелъ мою вторую брошюру, нашелъ объясненіе этого факта въ замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ мною по поводу нѣсколькихъ словъ г. Вине. Несмотря на личныя ихъ наклонности, Ѳеофанъ Прокоповичъ много разъ возставалъ противъ протестантовъ, а Стефанъ Яворскій противъ римлянъ; но я готовъ сдѣлать уступку. Допустимъ (хотя это совершенно ложно), что Петръ и Ѳеофанъ исповѣдывали втайнѣ Протестантство. Что̀ жъ бы отсюда слѣдовало? Неужели то, что потокъ Протестантства не замеръ у предѣловъ православнаго міра? Патріархъ Кириллъ Лукарь за протестантскія мнѣнія былъ соборно осужденъ и низло-

женъ епископами. Этотъ фактъ поважнѣе подозрѣнія, болѣе или менѣе заслуженнаго творцами разбираемаго указа; но приходило ли кому бы то ни было на мысль выдавать этотъ фактъ (вѣроятно неизвѣстный моему критику) за побѣду Протестантства въ смыслѣ историческомъ? Конечно встрѣчались, да и въ настоящую минуту встрѣчаются между моими соотечественниками и такіе, которые, въ глубинѣ сердца, суть или протестанты, или римляне. Наоборотъ, Церковь среди своихъ чадъ и въ числѣ самыхъ замѣчательныхъ своихъ апологетовъ насчитываетъ людей, рожденныхъ въ западныхъ исповѣданіяхъ; но съ точки зрѣнія исторической эти исключенія не заслуживаютъ даже упоминанія. Или, можетъ быть, императоръ Петръ, благодаря своему положенію, стоитъ одинъ цѣлыхъ милліоновъ въ глазахъ моего критика?

Очевидно, этотъ опытъ опроверженія жалокъ, и историческій фактъ, мною указанный, остается въ своей неприкосновенности *).

Таковъ единственный, прямой отвѣтъ, полученный мною изъ протестантскаго лагеря. Но дѣйствительно ли онъ писанъ протестантскимъ перомъ? Сомнѣваюсь въ этомъ по слѣдующимъ причинамъ.

Весь отвѣтъ явно грѣшитъ отсутствіемъ всякой логики и отличается такимъ легкомысленнымъ невѣжествомъ, какого не находишь, развѣ уже слишкомъ рѣдко, въ сочиненіяхъ протестантовъ о предметахъ вѣры.

Озлобленіе противъ Церкви или, лучше сказать, выраженія, въ которыя облекается это чувство, представляются

*) Если бы мой возражатель имѣлъ немного болѣе знанія, онъ могъ бы упомянуть о несомнѣнномъ вліяніи протестантовъ на нѣкоторыя секты въ Россіи. Предлагаю ему этотъ аргументъ. По крайней мѣрѣ, въ немъ была бы правда, и онъ имѣлъ бы видъ основательности въ глазахъ поверхностныхъ читателей. При всемъ томъ, отвѣчать на него было бы вовсе не трудно. Протестантство оказываетъ свое дѣйствіе на массы только въ томъ случаѣ, когда онѣ сами предварительно уже отлучили себя отъ Церкви другими заблужденіями вѣрованія: таковы именно раскольники, сдѣлавшіеся болѣе или менѣе протестантами, но не сразу. Въ первой моей брошюрѣ я уже указалъ на это, какъ на общее правило.

также довольно чуждыми протестантскому міру, расположеніе котораго, въ сущности также не совсѣмъ дружелюбное, выражается иначе. Мой критикъ говоритъ: «Къ сожалѣнію, первые вводители Христіанства въ языческой Россіи, послѣдовавъ въ выборѣ своемъ несчастному влеченію, заимствовали у сумасбродной Греціи вѣру уже извращенную» и пр. Эта *сумасбродная* Греція, отвергающая папское предвосхищеніе, дарующая всѣмъ новообращаемымъ народамъ сокровище Св. Писанія на ихъ собственномъ языкѣ (за семь вѣковъ до Лютера), желающая, чтобъ молитва въ храмахъ понятна была всѣмъ вѣрнымъ, эта Греція, думаю, могла бы до нѣкоторой степени разсчитывать на благосклонность протестанта. Въ примѣчаніи, мой критикъ, хотя и сознается, что *Римскій первосвященникъ* погрѣшилъ, поставивъ себя государемъ, но полагаетъ, что эта погрѣшность гораздо маловажнѣе погрѣшности Русскаго государя, поставившаго себя *наслѣдственнымъ первосвященникомъ*. Это почти буквальное повтореніе словъ г. Лоранси, безсмысленность которыхъ мною уже была обнаружена. Кстати, и выраженіе *Римскій первосвященникъ* нашло здѣсь мѣсто.

Какая-то нѣжность къ Романизму проглядываетъ вездѣ, несмотря на то, что, для поддержанія принятой авторомъ на себя роли, онъ долженъ порицать его.

Наконецъ мой критикъ уклоняется отъ защиты Реформы, по слѣдующимъ соображеніямъ: «или-де нужно было бы, подобно автору утверждать свое преимущество и свое превосходство, что̀ Св. Павелъ считаетъ дерзостію въ отношеніи къ Тому, отъ Кого мы заимствуемъ свою правду или же..... доказывать недостоинство чужой Церкви, что̀ противорѣчило бы другой, не менѣе существенной обязанности». Какъ? Св. Павелъ признаетъ худымъ дѣломъ хвалить свою вѣру? И протестантъ вычиталъ это у апостола? Какъ? Протестантъ нашелъ въ Св. писаніи нравственный законъ, запрещающій обличать заблужденія вѣры, признаваемой ложною? Эта нелѣпость до такой степени лишена всякаго подобія правды, до того̀ выходитъ изъ всякихъ границъ, что ея ничѣмъ себѣ объяснить нельзя, какъ только

развѣ замѣшательствомъ Латинянина, который, надѣвъ на себя личину и поставивъ себя въ необходимость восхвалять Протестантство, радуется случаю уклониться отъ нея, хотя бы посредствомъ самаго жалкаго изворота.

Итакъ, по моему мнѣнію, разбираемое сочиненіе—произведеніе Римское. Впрочемъ, Римлянинъ или Протестантъ, авторъ, если вздумаетъ снова выступить на арену, можетъ знать напередъ, что дальнѣйшія съ его стороны нападенія останутся безъ отвѣта. Я сказалъ въ своей первой статьѣ (и, кажется, доказалъ), что «Церковь совершенно недоступна раціонализму и ограждена отъ него нравственнымъ закономъ, неизвѣстнымъ западнымъ исповѣданіямъ»; а вотъ какимъ образомъ мой возражатель передаетъ мою мысль: «пусть восхваляетъ онъ въ волю свое, *дорогое ему* Православіе» (этотъ ироническій оборотъ не дуренъ, когда рѣчь идетъ объ отношеніяхъ человѣка къ исповѣдуемой имъ вѣрѣ), «это Православіе, которому онъ самъ отказываетъ безусловно во всякой *раціональности*». Одно изъ двухъ: или критикъ принимаетъ *раціонализмъ и всякую раціональность* за синонимы и тѣмъ самымъ обнаруживаетъ такое невѣжество, при которомъ онъ не былъ бы способенъ понять отвѣты, которые я могъ бы ему представить, или же онъ понимаетъ различіе между этими двумя понятіями и, въ такомъ случаѣ, обнаруживаетъ недобросовѣстность, послѣ которой онъ не стоитъ никакого отвѣта *).

Впрочемъ, повторяю: по всему мнѣ кажется, что Брюссельская брошюра есть издѣліе Римское. Политикѣ Римской партіи свойственно нападать на Православіе окольными путями. Ей хотѣлось бы, въ глазахъ православнаго

---

*) Такая же недобросовѣстность обнаруживается и въ одномъ изъ примѣчаній: семинаристовъ, которыхъ заставляютъ „читать Св. Отцевъ и произносить проповѣди“, авторъ з а в ѣ д о м о смѣшиваетъ съ пьяными монахами, о которыхъ говорится въ предшествующей статьѣ вышеупомянутаго указа. Правда, что статья о семинаріяхъ предполагаетъ также возможность пороковъ и, между прочимъ, пьянства въ семинарскихъ воспитанникахъ. Словно, внѣ Россіи семинаріи недоступны никакимъ порокамъ!

общества, заподозрить правительство въ покушеніяхъ на свободу или на самыя начала вѣры, исповѣдуемой обществомъ, и въ тоже время въ глазахъ правительства заподозрить вѣрныхъ въ стремленіи посягнуть на его права. Эта послѣдняя часть маневра, на сей разъ, была прибережена для однаго изъ моихъ соотечественниковъ.

Но нуженъ былъ случай или предлогъ къ обвиненію. Отецъ (бывшій князь) Гагаринъ выпустилъ брошюру, подъ заглавіемъ довольно хорошо придуманнымъ: «Россія будетъ ли католическою?» т. е. папскою *). Брошюра составлена изъ предисловія, четырехъ главъ: 1) о восточномъ обрядѣ, 2) о Церкви и государствѣ, 3) о Русскомъ духовенствѣ, 4) о католицизмѣ и революціи и изъ подтвердительныхъ документовъ—папскихъ буллъ, относящихся до Грекоунитовъ въ царствѣ Польскомъ. Немного нужно было ловкости, чтобъ умѣстить въ этой рамкѣ всякаго рода политическія соображенія.

Само предисловіе, слегка окрашенное патріотизмомъ и убранное похвалами государю, правящему Россіею, и *первосвященнику*, занимающему каѳедру Св. Петра, имѣетъ уже особенный характеръ. Дѣло идетъ не о расколѣ или ереси, не о преданіи или вѣрѣ; все это старые термины, непріятно звучащіе въ ушахъ современной цивилизаціи: дѣло идетъ о вѣковой войнѣ Русской Церкви съ святымъ престоломъ и о подписаніи мирнаго договора, почетнаго и выгоднаго для всѣхъ. Дѣло идетъ не объ обращеніи, не о проповѣдникахъ, не объ апостолахъ, но о переговорахъ и уполномоченныхъ. Романизмъ, во всей наготѣ, выказываетъ здѣсь свой земной характеръ. «Миръ долженъ быть подписанъ, потому что война не можетъ вѣчно длиться, потому что миръ *выгоденъ для всѣхъ*. Для достиженія этого нужно лишь согласіе трехъ волей. Когда сговорятся папа, *императоръ и Русская Церковь, представляемая ея епископами или ея Сѵнодомъ*, кто сможетъ тогда помѣшать примиренію?» спрашиваетъ авторъ. Кто, въ самомъ дѣлѣ? Провинціальная ли Церковь Востока, угнетенная Исламомъ

---

*) La Russie sera-t-elle catholique?

и обстрѣливаемая Западомъ? Провинціальная ли Церковь маленькаго королевства Греческаго, которая считается за ничто въ мірѣ? Народъ ли Русскій, голосъ котораго не слышенъ въ правительственныхъ вопросахъ? Кто же?—Если нужно, я скажу іезуиту, кто. Пусть Русскій государь подпадетъ обольщенію (хотя это внѣ всякаго правдоподобія); пусть духовенство измѣнитъ (хотя такое предположеніе выходитъ изъ предѣловъ возможнаго): и тогда милліоны душъ останутся непоколебимыми въ истинѣ, милліоны рукъ поднимутъ непобѣдимую хоругвь Церкви и образуютъ чинъ мірянъ. Найдутся же въ неизмѣримомъ восточномъ мірѣ по крайней мѣрѣ два или три епископа, которые не измѣнятъ Богу; они благословятъ низшіе чины, составятъ изъ себя все епископство, и Церковь ничего не потеряетъ ни въ силѣ, ни въ единствѣ; она останется каѳолическою Церковію, какою была и во времена апостоловъ. Отецъ Гагаринъ, покинувшій вѣру своихъ отцевъ (вѣроятно по невѣдѣнію, ибо онъ, кажется, даже не понимаетъ ея) думаетъ развѣ, что отступничество само по себѣ до такой степени легко, что можетъ совершиться даже безъ содѣйствія убѣжденія, хотя бы и ложнаго?

Первая глава его сочиненія касается обряда. Особой главы, посвященной догмату, не будетъ: это вещь слишкомъ маловажная; она можетъ быть, въ крайнемъ случаѣ, включена въ обрядъ, или даже, при нѣкоторой ловкости, вовсе отложена въ сторону. Христіанинъ конечно затруднился бы это сдѣлать; но іезуитъ!

Что̀ такое обрядъ? Обрядъ это свободная поэзія символовъ или словъ, которыми Церковь, единица органическая и живая, пользуется для выраженія своего познанія о Божественныхъ истинахъ, своей безграничной любви къ своему Создателю и Спасителю, наконецъ, любви, взаимно соединяющей христіанъ между собою на землѣ и на небѣ. Обрядъ, по существу измѣнчивый, есть не болѣе какъ прозрачное покрывало, которымъ облекается догматъ, по существу неизмѣнный. Нѣтъ, можетъ быть, во всей Церкви ни одного обряда, котораго современная форма шла бы отъ временъ апостольскихъ, и нѣтъ ни одного догмата,

который бы не происходилъ отъ тѣхъ временъ. Но какъ бы то ни было, отецъ Гагаринъ посвящаетъ свою первую главу обряду на томъ основаніи, что «вопросъ о восточномъ обрядѣ болѣе всего озабочиваетъ многихъ Русскихъ». Авторъ, какъ кажется, имѣетъ не слишкомъ высокое понятіе о степени умственнаго развитія своихъ соотечественниковъ; пускай—можетъ быть, онъ имѣетъ на это свои права, которыхъ мы оспаривать не намѣрены. Прежде всего онъ заявляетъ, что восточный обрядъ очень хорошъ и охотно называетъ его, по выраженію папской буллы, *достопочтеннымъ* Греческимъ обрядомъ. Онъ увѣряетъ насъ, что Римскій престолъ не имѣетъ ни малѣйшаго желанія измѣнить этотъ обрядъ; но еще мало того! Оказывается, что папы всегда заботились о его сохраненіи и невредимости: только послѣ долгихъ настояній со стороны польскихъ епископовъ согласились они наконецъ дозволить въ немъ нѣкоторыя, и то легкія, измѣненія. Если миссіонеры или Латинскій клиръ дѣйствовали въ иномъ духѣ, то это происходило отъ невѣжества, или отъ упорства, или отъ обстоятельствъ совершенно независимыхъ отъ видовъ и желаній св. каѳедры и т. д. Грекъ Пиципіосъ, въ сочиненіи, которое идетъ подъ стать сочиненію отца Гагарина, заходитъ еще дальше. Этотъ выдаетъ папъ за страстныхъ почитателей Греческаго обряда, такъ что, если его послушать, то окончательно повѣришь, что врагами-то Греческаго обряда были искони сами Греки, и что онъ уцѣлѣлъ только благодаря заботливому къ нему сочувствію Римскихъ епископовъ. Впрочемъ, такъ какъ мы за обрядъ не стоимъ, то для насъ все это не имѣетъ большой важности.—«А! понимаемъ: вы дорожите догматомъ? Ну, чтожъ, и въ этомъ не представится неодолимой трудности. Кто дорожитъ обрядомъ, пусть при немъ и остается, а кто дорожитъ догматомъ, пусть сохраняетъ свой догматъ! Признайте только Римское главенство, бо̀льшаго мы отъ васъ не требуемъ».—Понятно! До богослуженія и догмата очередь дойдетъ въ послѣдствіи; а теперь намъ оказываютъ снисхожденіе. Повторяю: мы не стоимъ за обрядъ, со стороны внѣшняго его устройства, и снисхожде-

ніе папы насъ нисколько не трогаетъ; но утверждаю вновь: нужно имѣть глубокое безстыдство, чтобы приписывать себѣ такую же терпимость въ минувшихъ вѣкахъ. Пусть судитъ объ истинѣ іезуитскихъ увѣреній тотъ, кому хоть сколько нибудь знакома исторія Церкви въ южныхъ Славянскихъ странахъ!—Пойдемъ далѣе. Кажется, вопервыхъ, что отецъ Гагаринъ никогда не понималъ характера своихъ соотечественниковъ, или совсѣмъ позабылъ объ немъ. Онъ увѣряетъ, будто Русскимъ противно Латинство потому, что они считаютъ его за одно съ Полонизмомъ, а Полонизмъ считаютъ за синонимъ революціонной идеи. Но вѣдь увѣрять, что мы (т. е. народъ) къ религіознымъ соображеніямъ примѣшиваемъ какое либо національное соперничество, это болѣе чѣмъ невѣжество: это безуміе! Кажется также, что, говоря объ обрядѣ, о. Гагаринъ не отдаетъ себѣ даже отчета въ предметѣ, о которомъ онъ разсуждаетъ; ибо вотъ его слова: «Въ тотъ день, когда Русскіе убѣдятся, что ихъ не заставятъ отказаться отъ ихъ *пріобщенія подъ двумя видами*, отъ обычая кваснаго хлѣба въ таинствѣ Евхаристіи, *отъ ихъ Славянской литургіи, отъ ихъ женатаго духовенства*, исчезнетъ одно изъ главныхъ препятствій къ примиренію Русской Церкви съ св. каѳедрою». Такъ неужели, по мнѣнію автора, мы Русскіе все это ставимъ на одну доску? Предполагать это значитъ низводить насъ на степень самой крайней безсмысленности. «Женатое духовенство»! Да это даже не принадлежность обряда. Ужъ не думаетъ ли отецъ іезуитъ, что для полученія духовнаго сана въ Россіи необходимо быть женатымъ? Вѣдь это требуется только отъ приходскаго духовенства: это дѣло не обряда, а приличія *). Потомъ, рядомъ съ женатымъ духовенствомъ идетъ пріобщеніе подъ двумя видами, то есть: пріобщеніе въ томъ видѣ, въ какомъ оно установлено Самимъ Христомъ. Но дѣло не въ томъ, сохранимъ ли мы его (вѣдь это все равно, что спросить насъ: сохранимъ ли мы Христіанство), а въ

*) Если бы авторъ былъ немного посерьезнѣе, онъ сказалъ бы о совмѣстности двухъ таинствъ: брака и священства (какъ было въ первые вѣка Церкви).

томъ: почему Римъ такъ крѣпко держится за свое схизматическое нововведенiе и почему затопилъ въ дорогой крови несчастную Богемiю, натравивъ на нее во времена Гусситовъ всю Германiю и весь Латинскiй мiръ (въ доказательство, должно быть, своей любви къ древнему обряду)? Простая случайность послужила поводомъ къ измѣненiю, введенному въ Евхаристiю; чего же ради эта настойчивость, эта гигантская борьба, слава Богемiи, и эти потоки крови? Я скажу отцу iезуиту, ради чего (не знаю, сказалъ ли это кто нибудь до меня). Измѣненiе родилось случайно, но въ немъ оказывался символическiй смыслъ. По мнѣнiю древнихъ, записанному въ ветхомъ завѣтѣ, тѣло есть косное вещество, а кровь есть жизнь. Итакъ: «вамъ, мiряне, тѣло, вещество; ибо вы не болѣе какъ вещественное тѣло Церкви. А намъ, церковникамъ—кровь; ибо мы жизнь Церкви». Здѣсь, обрядъ, очевидно, перестаетъ уже быть церемонiею, онъ становится символомъ. Когда Латиняне отдадутъ чашу всѣмъ вѣрнымъ, они, безспорно, сдѣлаютъ огромный шагъ впередъ на пути къ истинѣ.—На ряду съ женатымъ духовенствомъ говорится еще о Славянской литургiи и слѣдовательно о Св. Писанiи на Славянскомъ языкѣ. Это уступка, конечно, очень важная; но прежде всего нужно объясниться. Изъявляется ли этимъ только терпимость къ факту, вслѣдствiе сознаваемой невозможности упразднить его (и тогда это не значило бы ровно ничего), или признается самый принципъ церковнаго обряда? Удалось ли наконецъ Латинянамъ понять, какъ понимаетъ это Церковь, что чуждый языкъ не долженъ разлучать вѣрныхъ съ молитвою Церкви, человѣка съ словомъ Божiимъ? Если это дѣйствительно допущено какъ принципъ, имѣющiй быть примѣненнымъ ко всѣмъ народамъ, о! тогда мы можемъ сказать: да будетъ благословенъ Господь, ниспославшiй лучъ свѣта своего во мракъ вѣковаго заблужденiя.

Вторая глава толкуетъ о Церкви и государствѣ. «Церкви нужна независимость, а независимость для нея возможна только въ соединенiи съ св. каѳедрою». Такова тема. Слѣдить за ея развитiемъ мы не станемъ, тѣмъ болѣе что оно не представляетъ ничего новаго. Вопервыхъ, ничѣмъ

нельзя доказать, чтобы союзомъ областныхъ Церквей не могла быть обезпечена независимость каждой изъ нихъ (мы, съ своей стороны, считаемъ это несомнѣннымъ); вовторыхъ, опроверженіе мнѣній отца Гагарина для насъ невозможно по той весьма простой причинѣ, что въ его глазахъ Церковь есть духовенство, а въ нашихъ глазахъ Церковь есть Церковь. Будемъ вѣрны, и мы будемъ независимы въ дѣлахъ Церкви, что̀ бы ни случилось. Какъ христіане, мы живемъ въ государствѣ, но мы не отъ государства. Нравственное рабство можетъ быть только послѣдствіемъ порока, а противъ порока не обезпечитъ ни Римъ, ни Византія: единственное противъ него обезпеченіе въ благодати Божіей, дарующей христіанамъ взаимную любовь. Клиръ, въ дѣйствительности (не по названію только) *христіанскій*, есть непремѣнно клиръ свободный; клиръ порочный самъ себя отлучаетъ отъ Церкви и производитъ расколъ; онъ отнимаетъ у вѣрныхъ кровь и слово Христовы, онъ выдумываетъ новые догматы, онъ попираетъ ногами совѣсть. Онъ не можетъ быть свободенъ; онъ можетъ только самовластвовать, то есть быть рабомъ въ душѣ, ибо таково свойство всякой тиранніи.

Третья глава толкуетъ о Русскомъ клирѣ. Авторъ возвращается здѣсь къ союзному трактату, который долженъ быть заключенъ между папою, Римскимъ императоромъ и русскою Церковью (духовенствомъ), то есть между властями, которыя однѣ «*заинтересованы*» въ вопросѣ. Потомъ онъ спрашиваетъ: какое положеніе приметъ русское духовенство въ виду предложеннаго союза? Отвѣтъ былъ бы очень простъ: положеніе точно такое же, какъ если бы духовенству предложили союзный трактатъ съ Аріанами, или Несторіанами, или иною ересью (я не вдаюсь въ сравненіе ихъ относительной важности); но эта мысль не приходитъ автору въ голову. Онъ, съ своей стороны, разсуждаетъ совсѣмъ иначе. Вопросъ не о вѣрѣ и истинѣ, вопросъ тутъ о *выгодахъ*. «Три *заинтересованныя власти*; *выгоды*», которыя найдетъ въ этомъ духовенство. «Духовенство ничего *тутъ не потеряетъ*, оно *сохранитъ* все и въ тоже время *пріобрѣтетъ безмѣрно много*». Трудно

закрыть глаза въ виду такого безстыдства; но пойдемъ далѣе. Не будемъ больше останавливаться на постоянномъ смѣшеніи понятій при употребленіи словъ «Церковь и духовенство»; авторъ, повидимому, раздѣляетъ ихъ, признавая, какъ кажется, Сѵнодъ за единственнаго представителя Церкви (о мірянахъ онъ даже и не думаетъ). Предположимъ лучше недостатокъ ясности, чѣмъ отсутсвіе здраваго смысла, и перейдемъ къ предмету болѣе важному. Авторъ кончаетъ признаніемъ, что «какъ бы велики ни были для клира выгоды отъ соединенія, онъ не можетъ купить ихъ цѣною сдѣлки въ догматѣ». Какъ же разрѣшаетъ авторъ это затрудненіе?

«Въ числѣ предметовъ, въ которыхъ расходится Русская Церковь съ Римскою, два, *на первый взглядъ*, входятъ, повидимому, въ категорію началъ догматическихъ. Это исхожденіе Св. Духа и власть папы надъ вселенскою Церковью. Прочія догматическія разномыслія не имѣютъ такой важности». Это слова отца Гагарина. Впрочемъ, по его мнѣнію, указанное имъ препятствіе къ соединенію, вопервыхъ, не такъ велико, какъ кажется. «Восточный катихизисъ не содержитъ въ себѣ никакого заблужденія (что́ было бы ересью); онъ представляетъ только *пробѣлы*» (а это доказывало бы только невѣжество, нѣкоторое духовное несовершеннолѣтіе и нѣкоторое отсутствіе благодати, которая одна открываетъ Божественныя тайны). Итакъ Латинская Церковь можетъ принять восточныхъ въ свое общеніе *). Спрашивается: на какомъ основаніи? Въ равенствѣ христіанскаго братства?—«Пожалуй», отвѣтитъ Латинянинъ, нѣсколько помявшись. Значитъ: и въ равенствѣ правъ на епископство, на кардинальство и на *папство*, на которое всѣ сыны Церкви, очевидно, имѣютъ равное право?—«Что вы!» восклицаетъ устрашенный Латинянинъ, «куда забрели вы! Мы принимаемъ васъ, но какъ дѣтей, не болѣе, съ даруемою вамъ привилегіею на невѣжество и, говоря откровенно, на безсмысліе» (какъ и я уже ска-

*) Разумѣется, съ подразумѣваемымъ условіемъ, что будетъ признана правительственная власть папы.

залъ въ моей первой брошюрѣ). И такой-то союзъ христіанинъ осмѣливается предлагать своимъ братьямъ! Но пойдемъ дальше.

Если Римская Церковь съ такою легкостію шагаетъ черезъ это затрудненіе, то для Церкви Восточной, по мнѣнію автора, это должно быть еще легче; ибо прибавка къ членамъ вѣры, сдѣланная въ Латинскомъ катихизисѣ, должна представляться на Востокѣ дѣломъ *мнѣнія*, не болѣе того, такъ какъ прибавка эта никакимъ вселенскимъ соборомъ осуждена не была. Поэтому примиреніе очень возможно; затѣмъ созовется вселенскій соборъ конечно; на этомъ соборѣ латинянамъ ничего нельзя будетъ уступить изъ ихъ ученія; но за то восточнымъ можно будетъ дать отъ себя окончательную санкцію на спорные пункты. Итакъ Восточная Церковь будетъ по прежнему вѣровать въ то, во что всегда вѣровала; сверхъ того, она должна будетъ увѣровать въ участіе Сына въ исхожденія Св. Духа, въ папскую непогрѣшимость, въ непорочное зачатіе и—во что бы еще?—ибо я не вижу основанія этимъ ограничиться. Такое соединеніе невѣжества въ мысли и легкости въ тонѣ по истинѣ возмутительно. Ужели этотъ человѣкъ, бывшій сынъ Церкви, не знаетъ, что Церковь ничего не можетъ прилагать къ своимъ догматамъ; что никогда она не исповѣдывала ничего такого, чтò бы не было изначала ей открыто Духомъ Святымъ, и никогда ничего сверхъ того, чтò ей открыто, исповѣдывать не будетъ? Ужели онъ не знаетъ, что это догматъ и догматъ основный? Но идемъ дальше.

«Положеніе дѣлъ таково» говоритъ авторъ, «что всякій членъ Восточной Церкви можетъ, *по праву*, принять всѣ мнѣнія Церкви Латинской, не подвергаясь со стороны своего клира осужденію: ибо, кромѣ опредѣленій вселенскихъ соборовъ, для православнаго христіанина нѣтъ ничего непогрѣшительнаго; а такъ какъ ни одинъ вселенскій соборъ не разсматривалъ вопросовъ, о которыхъ теперь идетъ споръ, то мнѣнія остаются совершенно свободными». О папской непогрѣшимости въ первые вѣка никто ничего не зналъ, по признанію самихъ Римлянъ: Св. Ипполитъ могъ обвинять папу Каликста въ ереси, а одинъ изъ вселен-

скихъ соборовъ могъ осудить память папы Онорія за погрѣшеніе въ догматѣ. Съ другой стороны, первый вселенскій соборъ созванъ не раньше начала IV-го вѣка. Стало быть, до этого времени ни въ чемъ не могло быть ереси, и мнѣнія были совершенно свободны обо всѣхъ предметахъ; ибо не было для ихъ осужденія непогрѣшительной власти. Можно было быть Евіонитомъ, Маркіонитомъ, Савелліанитомъ безнаказанно и не отлучаясь отъ Церкви!! Да и теперь, кто могъ бы отказать мнѣ въ правѣ утверждать, что, принимая во вниманіе единство существа, Духъ Св. участвуетъ, хотя можетъ быть и не прямо, въ вѣчномъ отечествѣ? Вѣдь ни одинъ вселенскій соборъ не обсуживалъ этого вопроса. Какова логика у отца Гагарина? Что за удивительная откровенность! Какое пониманіе основныхъ началъ Церкви, въ которой онъ родился! Не знать самыхъ первыхъ начатковъ ея ученія! Надѣемся, что это его невѣжество когда нибудь зачтется ему въ извиненіе его отступничества; да и въ настоящую минуту мы не смѣемъ слишкомъ строго судить о его сочиненіи, припоминая, что человѣкъ гораздо болѣе его сильный во всѣхъ отношеніяхъ, Ньюманъ (теперь епископъ); повидимому также низводитъ догматъ о Св. Троицѣ на степень простыхъ мнѣній въ первые вѣка Церкви *).

Заблужденіе въ вѣрѣ получаетъ свою казнь въ самоубійствѣ ученія, на этомъ заблужденіи воздвигаемомъ. Вѣрно однако то, что Римское заблужденіе не было осуждено на вселенскомъ соборѣ. Очень простое объясненіе этому факту я уже далъ въ первой моей брошюрѣ. «Древнія ереси заключали въ себѣ заблужденія въ откровенномъ догматѣ о внутреннемъ естествѣ Божіемъ или объ отношеніи Его къ естеству человѣческому; но, искажая преданное ученіе, эти ереси предполагали однако, что остаются ему вѣрными. Это были заблужденія болѣе или менѣе преступныя, но заблужденія личныя, не возстававшія противъ догмата церковной соборности, а напротивъ охотно ссылавшіяся, въ доказательство своей мнимой истинности, на согласіе

*) См. его „Опытъ о развитіи“.

всѣхъ христіанъ. Романизмъ, поставивъ на мѣсто единства соборной вѣры независимость личнаго или областнаго мнѣнія (ибо папская непогрѣшимость придумана была позднѣе), явилъ себя первою ересью противъ догмата *о естествѣ Церкви или о вѣрѣ Церкви въ себя.* Римляне рѣшили догматическій вопросъ безъ согласія своихъ братьевъ, *они присвоили себѣ монополію благодати.* Римскій міръ подразумѣвательно объявилъ (и упорствуетъ въ своемъ объявленіи), что міръ восточный есть не болѣе какъ міръ илотовъ въ вѣрѣ и ученіи. *Онъ совершилъ нравственное братоубійство*». Для его осужденія не было надобности въ соборѣ, то есть въ *свидѣтельствѣ* *). Онъ самъ себя отлучилъ и тѣмъ самымъ себя осудилъ, самъ подалъ противъ себя свидѣтельство: abiit, evasit, erupit.

Взглянемъ теперь на неизбѣжныя послѣдствія умозаключеній отца Іезуита по отношенію къ его проекту единенія. Предположимъ, что эта чудовищная унія осуществилась **). Итакъ Церковь сложилась изъ двухъ провинціальныхъ Церквей, состоящихъ во внутреннемъ общеніи, Церкви римской и Церкви восточной. Одна смотритъ на спорные пункты какъ на сомнительныя мнѣнія, другая какъ на члены вѣры. Отлично. Христіанинъ востока принимаетъ Римскую вѣру: онъ остается въ общеніи со всею Церковію; но половина ея принимаетъ его съ радостью, а другая не смѣетъ судить его, потому что объ этомъ предметѣ у нея нѣтъ опредѣленной вѣры. Возьмемъ теперь обратный случай. Кто нибудь изъ области Римской принимаетъ восточное мнѣніе: онъ необходимо исключается изъ общенія съ своею провинціальною Церковью, ибо онъ отвергъ членъ ся символа, то есть догматъ вѣры, а черезъ это самое исключается изъ общенія и съ восточными (такъ какъ они находятся въ полномъ общеніи съ западными). Западные ис-

*) Свидѣтельство, говорю я, а не авторитетъ въ догматѣ; этой разницы, кажется, и не подозрѣваетъ отецъ Іезуитъ.

**) См. мою первую брошюру о невозможности собора, на которомъ бы Римляне засѣдали вмѣстѣ съ представителями Церкви (выше, стр. 71). Впрочемъ, въ нѣдрахъ самой Церкви, вселенскій соборъ всегда возможенъ.

ключаютъ человѣка изъ общенія за то, что онъ вѣруетъ тому, чему вѣруютъ ихъ братья, съ которыми они состоятъ въ общеніи; а восточные исключаютъ этого несчастнаго за то, что онъ исповѣдуетъ ихъ собственную вѣру. Трудно вообразить себѣ что либо болѣе нелѣпое. Изъ этого смѣшнаго положенія только одинъ выходъ, а именно: допустить, что Латинянинъ не лишится общенія за принятіе восточнаго вѣрованія, то есть за оставленіе догмата. Тѣмъ самымъ Латинскій догматъ низводится на степень простаго мнѣнія, и расколъ осуждается согласно предложенію великаго Марка Ефесскаго. Вотъ, въ числѣ другихъ, поразительный примѣръ самоубійства ложныхъ ученій! Вотъ къ какимъ выводамъ приводитъ разбираемая глава, съ ея безстыдными софизмами, съ этими *выгодами*, безъ зазрѣнія совѣсти предлагаемыми клиру въ награду за отступничество, съ этими предполагаемыми сдѣлками, основанными на лжи!

Разсудите сами: такое легкомысліе и легкоязычіе, такая постоянная лживость или, лучше сказать, такая фельетонная серьезность и Іезуитская искренность—все это не есть ли своего рода проповѣдь невѣрія, притомъ убѣдительнѣйшая изъ всѣхъ?

Невольно, однако, задаешь себѣ вопросъ: къ чему авторъ бралъ на себя столько труда? Ибо я сомнѣваюсь, чтобъ онъ могъ обольщаться надеждою на какой нибудь успѣхъ. Къ чему ринулся онъ (конечно, не безъ дозволенія своего начальства) въ полемику, столь непосильную ему и приводящую его въ столь неловкое положеніе? Отвѣтъ на лицо. Три первыя главы, каковы бы онѣ ни были сами по себѣ, нужны были только для того, чтобы добраться черезъ нихъ до четвертой: «О католицизмѣ и революціи». Разбирать ее я не стану: я не считаю себя къ этому призваннымъ. Православный міранинъ, я предоставляю Римскимъ клирикамъ право безчестить религіозные вопросы внесеніемъ въ нихъ политическихъ соображеній (о чемъ мною уже было сказано въ первой моей брошюрѣ, стр. 83), Долженъ я только замѣтить, что собственно здѣсь-то и разыгрывается вторая часть Римскаго маневра, о которой

говорено было выше. Вотъ доказательства: привожу подлинныя слова.

«Сказаннаго нами достаточно, чтобъ дать возможность опознать, что̀ такое скрывается подъ пышными словами *Православіе*, самодержавіе и народность. Это ничто иное, какъ восточная формула революціонной идеи XIX вѣка и пр. и пр.»—«Какая идея лежитъ въ глубинѣ ихъ заботъ (т. е. у защитниковъ Православія) угадать нетрудно; это революція. Сомнѣваюсь только въ томъ, удавалось ли когда нибудь западнымъ революціонерамъ, даже Италіанскимъ, придумать что либо вѣрнѣе приспособленное къ возбужденію массъ и пр.»—«Когда наступитъ время, очень нетрудно будетъ *отдѣлаться отъ самодержавія*, отыскать въ народности политическія доктрины свойства самаго радикальнаго, самаго республиканскаго, самого коммунистическаго, доктрины, которыя теперь, можетъ быть, стоятъ на второмъ планѣ, но, въ глазахъ посвященныхъ, имѣютъ особенную важность. *Тоже и съ Православіемъ*» и пр.—«Чтобъ убѣдиться въ этомъ, нужно только посмотрѣть, съ какою легкостью эти, *столь ретивые защитники Православія*, сходятся съ послѣдователями Гегелевой философіи въ ученіи объ отношеніяхъ Церкви къ государству» и пр.

Такъ и есть. Православные! Правительство ваше покушается на свободу вашей Церкви.—Цари! Ваши православные—переодѣтые революціонеры!

Не стану отвѣчать на это обвиненіе: не назову его ни ложью, ни клеветою. Думаю, что оно не будетъ имѣть большаго успѣха; но, не имѣя однако никакого основанія быть въ томъ увѣреннымъ, скажу только, что и въ противномъ случаѣ, какъ ни тяжело находиться въ положеніи заподозрѣннаго, и какимъ бы послѣдствіямъ ни подвергалось личное спокойствіе заподозрѣннаго, я не дозволю себѣ примѣшивать самозащиты къ защитѣ нашей вѣры и не внесу оправдательнаго за себя слова въ страницы, предназначаемыя къ тому, чтобы посильно выяснить моимъ западнымъ братьямъ характеръ Церкви, то есть Божьей истины на землѣ.

Пусть же Іезуитъ безнаказанно радуется своему доносу *).

Подъ стать брошюрѣ Гагарина приходится вышедшее ранѣе ея, въ 1855 году, сочиненіе Грека Пиципіоса о Восточной Церкви. Болѣе объемистое чѣмъ сочиненіе Русскаго Іезуита, болѣе богословское въ своихъ пріемахъ, оно столько же ничтожно въ отношеніи научномъ, а въ отношеніи нравственномъ должно быть поставлено еще ниже его. Я могъ бы воспользоваться вырвавшимся у него признаніемъ, что одинъ вселенскій соборъ *строго запретилъ всякое провинціальное измѣненіе символа;* слѣдовательно, такъ какъ западное измѣненіе было дѣломъ не вселенскимъ, а провинціальнымъ (чего, надѣюсь, отрицать не станутъ), то оказывается, что оно было осуждено заранѣе. Но какое значеніе могутъ имѣть признанія, попадающіяся въ сочиненіи, не заслуживающемъ ни анализа, ни критики? Обращаясь къ читателямъ менѣе просвѣщеннымъ чѣмъ тѣ, которыхъ имѣлъ въ виду отецъ Гагаринъ, авторъ не почелъ за нужное стѣсняться. Перепечатки текстовъ, подложность которыхъ доказана была много разъ (Зерникавымъ, Ѳеофаномъ и, въ наше время, ученымъ Нилемъ въ Англіи), безстыдныя ссылки на тексты опровергающіе то самое ученіе, въ защиту котораго они приводятся, умолчаніе о фактахъ самыхъ общеизвѣстныхъ, указанія на исто-

*) Я не могъ не сказать правды о книгѣ отца Гагарина. Что же касается до него лично, то, можетъ быть, онъ болѣе достоинъ сожалѣнія, чѣмъ строгаго осужденія. Говорятъ (хотя я не смѣю этого утверждать), что, выѣхавъ изъ Россіи въ глубокомъ невѣдѣніи о своей вѣрѣ и скоро обольщенный искусными миссіонерами, но еще не совершенно ими увлеченный, онъ вернулся на время въ свое отечество. Здѣсь, говорятъ, онъ имѣлъ несчастіе встрѣтить между защитниками Церкви одну изъ тѣхъ жесткихъ и суровыхъ натуръ, которыя способны болѣе внушить отвращеніе, чѣмъ любовь къ истинѣ. Эта встрѣча порѣшила его участь. Какъ бы то ни было, его поприще еще не кончено: возрастъ его обѣщаетъ ему долгіе дни. Надѣемся, что, вразумившись и покаявшись, онъ окончитъ, въ спокойныхъ нѣдрахъ своего отечества, можетъ быть даже въ обители, посвященной службѣ Господней, жизнь преисполненную умственныхъ заблужденій, которыя завели его въ Іезуитскій монастырь, гдѣ и научился онъ принимать религіозный макіавелизмъ за ревность по вѣрѣ, а неразборчивость въ выборѣ средствъ за признакъ вѣры.

рическіе факты явно ложные—вотъ и все сочиненіе. Оно образуетъ собою какъ-бы дополненіе къ сочиненію Русскаго Іезуита въ слѣдующемъ отношеніи: одно писано съ цѣлью поселить взаимныя подозрѣнія между правительствомъ и подданными; другое: посѣять раздоръ между чиномъ мірянъ и клиромъ.

Заявляя гласно о глубокомъ уваженіи нашемъ къ по истинѣ образцовому клиру свободной Греціи, мы нисколько не думаемъ умалять или прикрывать пороки патріаршаго двора; но вѣдь патріархъ не болѣе какъ мѣстный епископъ, а потому мы не можемъ понять, ради чего толки о его добродѣтеляхъ или недостаткахъ примѣшиваются къ обсужденію вопросовъ вѣры. Во всякомъ случаѣ, не Греку бы накидываться съ такимъ остервенѣніемъ на своихъ соотечественниковъ. Ему конечно не безъизвѣстно, что они доведены до настоящаго ихъ огрубѣнія не вѣрою ихъ (доказательство тому свободная Греція), а жесточайшимъ рабствомъ и кознями многихъ и многихъ непріязненныхъ силъ. Тѣмъ паче не слѣдовало бы Греку олатинившемуся обращать въ укоръ Церкви не слишкомъ важные по своему значенію пороки нѣсколькихъ епископовъ или патріарховъ; не ему бы, кажется, забывать про несказанныя мерзости, царившія въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ на томъ самомъ престолѣ, у подножія котораго онъ теперь простирается, почитая въ немъ средоточіе истины на землѣ. Словомъ, это нападеніе, не смотря на кажущуюся свою справедливость, до подлости жестоко въ томъ, что̀ оно высказываетъ, и до низости лживо въ томъ, о чемъ умалчиваетъ. Вотъ все, что можно сказать о Пиципіосѣ и о его сочиненіи *):

*) Чтобы составить себѣ понятіе о степени невѣжества этого человѣка относительно богословскихъ опредѣленій, достаточно сказать, что онъ воображаетъ, будто св. отцы, говоря о вѣчномъ исхожденіи Духа, давали имя Христа и даже Іисуса Христа второй Ипостаси (стр. 58, 59 и 60). Этимъ все сказано. Еще: онъ говоритъ, что Савелліане возвращались къ ереси Арія (стр. 56). Распространяется теперь слухъ, что это сочиненіе принадлежитъ не Пиципіосу. Если такъ, то его дѣло отречься отъ него.

То, что я высказывалъ въ двухъ первыхъ моихъ брошюрахъ, теперь подтверждается. Романизмъ не смѣетъ нападать на Церковь прямыми доводами. Онъ употребляетъ противъ нея маневры глухой, подземной борьбы, и при этомъ отступникамъ, какъ-бы въ заслуженную имъ кару, поручается всегда самая грязная работа,

Я сказалъ о нѣсколькихъ трудахъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ лицамъ; могъ бы сказать еще о послѣднемъ Римскомъ соборѣ, объ изложеніи соображеній, послужившихъ основаніемъ къ его рѣшенію, о папской буллѣ, увѣнчавшей его труды и о посланіяхъ, которыми сопровождалось обнародованіе этой буллы въ нѣкоторыхъ областяхъ Латинскаго исповѣданія; но все это извѣстно всѣмъ. Всѣ знаютъ, что этотъ соборъ (какъ доказалъ аббатъ де-Лабордъ *) отличился самымъ дерзкимъ нарушеніемъ церковныхъ преданій; равнымъ образомъ знаютъ, что булла и посланія содержатъ въ себѣ полнѣйшій наборъ историческихъ небылицъ, урѣзанныхъ цитатъ и беззастѣнчивыхъ подлоговъ въ ученіи Отцевъ и въ ученіи самихъ Латинянъ (почти вся эта ложь выставлена была на видъ Англійскими богословами). Что до меня, то во второй моей брошюрѣ я уже показалъ, что новый догматъ **) подрываетъ самое Христіанство, ибо отрицаетъ соотношеніе въ человѣческомъ родѣ между смертію и грѣхомъ. Поэтому не стану больше говорить объ этомъ. Не могу, однако, не повторить сказаннаго мною прежде, а именно: что столь постоянная лживость внушаетъ честнымъ душамъ невольное чувство негодованія и отвращенія, отъ котораго нельзя иначе защититься, какъ отдавъ себѣ ясный отчетъ въ той зависимости, въ которой находятся современные намъ Латиняне, отъ первоначальной лжи, послужившей исходною точкою ихъ исторіи.

Мнѣ кажется, имъ слѣдовало бы перемѣнить свою тактику. Пусть бы они довольствовались интригами и потаенными маневрами, которые имъ такъ часто удаются. Пусть бы старались настигать и обольщать по одиночкѣ людей

*) Relation et mémoire des opposants au nouveau dogme etc. par l'abbé Laborde 1855. *Пр. изд.*

**) О непорочномъ зачатіи Божьей Матери. *Пр. перев.*

слабыхъ, такихъ напримѣръ, каково это множество моихъ соотечественниковъ, титулованныхъ и нетитулованныхъ, развозящихъ на показъ всей Европѣ свою безполезную праздность и полное невѣжество о своемъ отечествѣ и своей вѣрѣ! Съ ними совладѣть легко. Но пусть, на сколько могутъ, избѣгаютъ они опаснаго для нихъ свѣта и гласности. Это такая арена, на которой они могутъ послужить только безвѣрію, и ничему болѣе.

Перехожу къ нѣкоторымъ изданіямъ протестантскимъ.

Здѣсь нравственная атмосфера чище. Правда, мы еще встрѣчаемъ заблужденія, но лжи преднамѣренной уже не находимъ. Искренность въ исканіи истины (хотя поиски направляются по такимъ путямъ, которые не могутъ къ ней привести) внушаетъ намъ сочувствіе, отъ котораго мы не имѣемъ причинъ отбиваться; уваженіе и соболѣзнованіе заступаютъ мѣсто тѣхъ болѣе тяжелыхъ ощущеній, которыя испытывались нами на почвѣ Римской.

Я долженъ начать съ брошюры доктора Капфа изъ Штутгарда: о религіозномъ состояніи Евангелической Германіи, съ свѣтлой и темной его стороны *). Какъ легко угадать, религіозное состояніе края разсматривается авторомъ не поколику оно есть послѣдствіе Протестантства, а поколику оно находится въ согласіи съ Протестантствомъ или въ противорѣчіи съ нимъ. Авторъ, человѣкъ пользующійся всеобщимъ и вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ, не обольщаетъ себя настоящимъ положеніемъ дѣла; но онъ надѣется на лучшую будущность, хотя эта надежда его основывается не на выводахъ логики или религіозной философіи, а на симптоматическихъ указаніяхъ, которыя, по существу своему, могутъ быть обманчивы. Католическое единство—вотъ о чемъ воздыхаетъ протестантскій міръ, и авторъ всѣмъ сердцемъ раздѣляетъ эти желанія. Доказательство—самый случай, вызвавшій эту брошюру, именно съѣздъ *Евангелическаго союза* въ Парижѣ.

Въ концѣ сочиненія доктора Капфа помѣщено приложеніе, послѣднія страницы котораго должны, повидимому,

*) Der religiöse Zustand des evangelischen Deutschlands nach Licht und Schatten.

служить опроверженіемъ мнѣнію, высказанному мною о Протестантствѣ въ двухъ моихъ брошюрахъ. Возражая, авторъ все-таки говоритъ обо мнѣ съ истинною благосклонностью. Человѣкъ искренно вѣрующій, каковъ авторъ, серьезная и ученая Германія, его родина, не могли не признать, что суровая откровенность моей рѣчи—выраженіе глубокой непріязни къ тому, въ чемъ я вижу заблужденіе—обусловливалась величіемъ предмета и жизненнымъ его значеніемъ для счастія человѣчества. Въ этомъ случаѣ снисходительность была бы одинаково недостойна Божественной истины, о которой я говорилъ, и людей, моихъ братьевъ, къ которымъ я обращался. Поэтому я не позволю себѣ даже благодарить почтеннаго главу религіозныхъ Виртембергскихъ обществъ за его благосклонность ко мнѣ; такого рода изъявленіе могло-бы показаться оскорбительнымъ, ибо дало бы поводъ думать, что я ожидалъ отъ него инаго.

Однако, я позволю себѣ замѣтить, что въ одномъ мѣстѣ онъ былъ несправедливъ ко мнѣ, или, лучше сказать, къ Церкви, начала которой я защищаю. «Вынужденное единство въ ущербъ истинѣ, вынужденное повиновеніе авторитету безъ свободы вѣры и совѣсти, вотъ чего вы всегда требуете, вы латиняне, вы православные», — говоритъ авторъ. Можетъ быть, эта погрѣшность происходитъ отъ моей вины, отъ недостатка ясности въ моемъ изложеніи; но несомнѣнно, что Церковь не заслуживаетъ этой укоризны. Мнѣ кажется, я даже предупредилъ ее слѣдующими словами: «Единство Церкви свободно. Оно есть сама свобода въ стройномъ выраженіи ея внутренняго согласія».—«Нѣтъ! Церковь не *авторитетъ*, какъ не авторитетъ Богъ, не авторитетъ Христосъ; ибо всякій авторитетъ *нѣчто для насъ внѣшнее*; не авторитетъ, говорю я, а *истина* и въ то же время жизнь христіанина, внутренняя жизнь его и т. д.» *). Наконецъ, большая часть моей второй брошюры посвящена раскрытію той мысли, что само Христіанство есть не иное что̀, какъ свобода во Христѣ, и

*) См. выше стр. 54.

что, между прочимъ, исторія соборовъ была ничѣмъ инымъ «какъ величавымъ засвидѣтельствованіемъ, даннымъ Божественной истинѣ отъ человѣческой, благодатью просвѣщенной, свободы». Думаю даже, что, сдѣлавъ изъ моего воззрѣнія очень не трудный выводъ, можно было понять, что я признаю Церковь болѣе свободною, чѣмъ протестанты; ибо Протестантство признаетъ въ Св. Писаніи авторитетъ непогрѣшимый и въ то же время *внѣшній* человѣку, тогда какъ Церковь въ Писаніи признаетъ свое собственное свидѣтельство и смотритъ на него, какъ на внутренній фактъ своей собственной жизни. Итакъ крайне несправедливо думать, что Церковь требуетъ принужденнаго единства, или принужденнаго послушанія; напротивъ, она гнушается того и другаго: ибо *въ дѣлахъ вѣры принужденное единство есть ложь, а принужденное послушаніе есть смерть.*

«Однако, вѣдь вы же требуете согласія?» Конечно требуемъ; ибо согласіе есть условіе жизни, и безъ него органическая жизнь невозможна.—«Стало быть, вы навязываете согласіе?» Милліоны людей смотрятъ на солнце и соглашаются въ томъ, что оно блеститъ. Слѣпой можетъ въ этомъ сомнѣваться; но слѣдуетъ ли изъ этого, что согласіе зрячихъ имъ *навязано*? Взаимная любовь, даръ благодати, есть то око, которымъ каждый христіанинъ зритъ Божественные предметы, и это око никогда не смыкалось съ самаго того дня, когда огненные языки низошли на главы апостоловъ; оно и не сомкнется никогда дотолѣ, пока Верховный Судія сойдетъ и потребуетъ отчета у человѣчества въ истинѣ, которую Онъ далъ ему, запечатлѣвъ ее Своею кровію. Доля духовнаго ясновидѣнія, даруемая въ мѣру каждому христіанину, находитъ свою полноту въ органическомъ единеніи всѣхъ, и ни въ чемъ иномъ, какъ я сказалъ въ моей второй брошюрѣ.

Слѣдующее мѣсто въ книжкѣ докт. Капфа, кажется мнѣ, также произошло отъ недоразумѣнія. Онъ обвиняетъ меня за мои слова, что «Протестантство, разбитое на безчисленное множество разбѣгающихся въ разныя стороны вѣрованій, есть не болѣе какъ нестройный субъективизмъ»,

Отъ этого, конечно, я не отрекаюсь, и авторитетъ знаменитаго Неандера, на котораго я сослался, достаточно оправдываетъ мое увѣреніе. «Субъективизмъ стремится по крутому скату, на которомъ нельзя удержаться, въ полное невѣріе». И этотъ выводъ считаю я также неотразимымъ. «Протестантское поклоненіе Библіи, въ сущности, есть ничто иное какъ идолослуженіе (фетишизмъ); ибо оно обращено къ мертвой буквѣ, смыслъ которой совершенно безразличенъ для протестантовъ». Въ этомъ, кажется, я былъ понятъ превратно и потому объясняюсь. Я не думаю ни утверждать, что протестанты относятся равнодушно къ истолкованію Св. Писанія (это была-бы клевета недостойная честнаго человѣка), не думаю также отрицать достоинства ихъ трудовъ по этой отрасли человѣческаго знанія (это доказало бы съ моей стороны или глубокое невѣжество или непростительную неблагодарность); но я говорю, что Библія *представляетъ характеръ фетиша, поколику она служитъ связью для протестантскаго міра: ибо въ истолкованіи ея, по самымъ важнымъ предметамъ, онъ далеко несогласенъ самъ съ собою.* Міръ видимый, какъ и міръ умопостигаемый, есть откровеніе Бога, его Творца; но это откровеніе понималось различно различными народами. Они находили въ немъ всѣ возможныя формы религій, начиная съ истины Израиля и кончая безуміемъ самаго грубаго многобожія. Предположите, что всѣ эти народы соединились бы въ одномъ ученіи, именно: что міръ есть откровеніе верховной силы, внутреннее свойство которой остается для нихъ неопредѣленнымъ, и предположите также, что эти народы вообразили бы себѣ, что вѣра у нихъ единая: вы сказали бы конечно, что весь смыслъ откровенія ушелъ въ его форму; что для каждаго лица или народа, порознь взятаго, міръ можетъ быть предметомъ изученія, но для всѣхъ народовъ и лицъ, взятыхъ вмѣстѣ, сдѣлался общимъ кумиромъ (фетишемъ). Это представляется мнѣ истиною очевидною и неопровержимою. Также точно относится къ Библіи весь протестантскій міръ, поколику онъ заявляетъ притязаніе на единство въ вѣрѣ. Итакъ я имѣлъ полное право сказать, что *Римскій міръ есть ничто иное, какъ*

единица безъ живаго содержанія, съ терафимомъ въ видѣ папы; а міръ протестантскій ничто иное какъ единица безъ содержанія реальнаго, съ фетишемъ въ видѣ мертвой буквы. Таково неизбѣжное послѣдствіе системы, отринувшей живое начало неизмѣнной вѣры, открытой взаимной любви. Романизмомъ совершено это преступленіе, Протестанствомъ оно унаслѣдовано. Что до меня, то, предпринявъ изъяснить моимъ западнымъ братьямъ, въ какомъ свѣтѣ представляются намъ ихъ ученія, я обязанъ былъ выставить во всей его яркости фактъ, служащій къ уразумѣнію внутренней жизни Церкви; въ этомъ случаѣ, моему почтенному противнику потому уже не приходится отвергать моего заключенія, что самое сильное, задушевное его желаніе и главная цѣль всей его дѣятельности состоитъ, какъ кажется, именно въ томъ, чтобы воображаемое единство Протестантства обратить въ единство реальное и замѣнить связь мертвой буквы связью живаго духа. Современная мудрость надѣется привести къ благополучному концу дѣло, котораго, по ея мнѣнію, не умѣли совершить апостолы: желаніе благое, но нѣтъ-ли въ немъ доли кощунства, хотя и безсознательнаго?

Скажу вкратцѣ. Протестантскій міръ, въ своей совокупности, обнимающей безчисленное множество сектъ (начиная отъ Англиканца и Лютеранина и доходя до Квакера и Унитарія) не имѣетъ въ настоящую минуту другой связи, кромѣ извѣстнаго рода почитанія, воздаваемаго мертвой буквѣ Писанія (какъ я сказалъ въ моей второй брошюрѣ). И этотъ міръ давно-бы разбился на осколки, чуждые даже собирательнаго названія, если-бы общій протестъ противъ Римскаго міра не заставлялъ его до нѣкоторой степени держаться за призракъ единства (какъ я сказалъ въ первой брошюрѣ).

Кстати замѣтить, что протестанты никакъ не хотятъ отдать себѣ совершенно яснаго отчета въ томъ, что именно они принимаютъ, принимая Библію (я говорю теперь даже не о смыслѣ Писанія, а о Библіи въ ея вещественной формѣ). Они называютъ ее Священнымъ Писаніемъ, священнымъ по преимуществу; но съ какого права они

такъ ее называютъ? Почему оказываютъ они такою безусловную довѣренность книгѣ, которая есть не болѣе какъ сборникъ отдѣльныхъ писаній, приписываемыхъ различнымъ авторамъ, имена которыхъ не представляютъ часто никакого за себя ручательства? Происходитъ-ли эта довѣренность отъ исторической достовѣрности написаннаго? Но такого рода достовѣрность, если-бы она и была вполнѣ доказана критикою (чего далеко нѣтъ), могла бы имѣть важность только для исторической части, т. е. для весьма малой части Писанія, и не представляла бы никакого ручательства въ пользу части догматической, т. е. части наиболѣе важной. Или, можетъ быть, имена авторовъ внушаютъ протестантамъ полную довѣренность? Но эти имена весьма часто неизвѣстны или сомнительны, и нѣтъ возможности представить хотя-бы тѣнь основанія, почему бы Св. Маркъ, или Св. Лука, или Св. Аполлосъ (по мнѣнію нѣкоторыхъ, авторъ посланія къ Евреямъ) должны были внушать болѣе довѣрія, чѣмъ Папій, или Св. Климентъ, или Св. Поликарпъ; а между тѣмъ, сказанія и посланія послѣднихъ не признаются за авторитетъ? Не происходитъ ли довѣренность отъ чистоты ученія, выраженнаго въ книгѣ? Но въ такомъ случаѣ есть нормальное ученіе, предшествующее Библіи и служащее мѣриломъ ея святости. А если такъ, то Протестантство само себя осуждаетъ *). Канонъ, одинъ канонъ, установляетъ Библію какъ Св. Писаніе, и пусть самая утонченная логика попытается отдѣлить канонъ отъ Церкви. А канонъ идетъ не отъ временъ апостольскихъ, которымъ въ крайности еще могло бы быть придано особенное преимущество; онъ идетъ даже не отъ временъ ближайшихъ къ этому времени; онъ опирается единственно на довѣріи къ Церкви, уже значительно удаленной по времени отъ своего начала, къ Церкви, уже обуреваемой внѣшними невзгодами, раздираемой отпаденi-

*) Это очень хорошо понято и выражено въ брошюрѣ, заглавія которой не припомню, однимъ ученымъ, если не ошибаюсь, Женевскимъ профессоромъ. Честная совѣстливость, которую я осмѣлюсь назвать христіанскою, не смотря на его антихристіанство, воспрепятствовала ему принять каѳедру богословія.

ями и внутренними смутами, возмущенной и, повидимому, запятнанной слабостями, страстями и пороками христіанъ. Эту однако Церковь и ея неопровержимый авторитетъ протестанты допускаютъ, допуская Св. Писаніе.

Если такъ трудно уразумѣть истинный смыслъ Св. Писанія, если такъ трудно понять истину данную (протестантанты по опыту это знаютъ), то во сколько разъ труднѣе было, во множествѣ человѣческихъ произведеній, никакимъ вещественнымъ признакомъ не отличающихся одно отъ другаго, узнать и, такъ сказать, указать пальцемъ тѣ изъ нихъ, которыя суть истина, тѣ, которыя не отъ человѣка, а отъ Бога? И однако, это самое, этотъ даръ внутренняго ощущенія истины, протестанты соглашаются признать за первыми вѣками Церкви; эту безошибочность вдохновенія они допускаютъ и не могутъ не допустить. И вслѣдъ затѣмъ, они же храбро отрицаютъ Церковь и увѣряютъ, какъ себя такъ и другихъ, что они вѣруютъ только въ Библію!.. «О, первые вѣка, это дѣло другое; но позднѣе...» — Позднѣе? Съ какого, однако, времени считать это *позднѣе?* — «Съ четвертаго вѣка», отвѣтитъ одинъ. — «Съ пятаго», скажетъ другой; а Англиканцы не прочь бы были протянуть первобытную эпоху даже до седьмаго вѣка. Но какъ же могло случиться, что въ такомъ-то именно вѣкѣ Церковь утратила вдохновеніе, сохранявшееся въ ней дотолѣ? Въ отвѣтъ на это говорятъ: слабости, пороки епископовъ, клира, народа. Но вѣдь такія же слабости, такіе же пороки можно ясно указать и во второмъ и въ третьемъ вѣкахъ (доказательство тому исторія папы Каллихста и многихъ другихъ). Допустимъ, что, по особеннымъ обстоятельствамъ, нравственная порча въ тѣ времена, сравнительно съ позднѣйшими эпохами, только что зарождалась; но и въ такомъ видѣ она могла бы служить болѣе чѣмъ достаточнымъ основаніемъ къ отверженію авторитета Церкви, если только мы не захотимъ понять, что пороки отдѣльныхъ лицъ не отнимаютъ у каѳолической общины ея святости; а если мы допустимъ эту разницу для одного вѣка, то какъ же не допустить ея для всѣхъ послѣдующихъ? — «По неволѣ однако

приходится признать, что Церковь испытала поврежденіе, ибо иначе мы не сдѣлались бы протестантами»: болѣе разумной причины послѣдователи Реформы привести не могутъ. Жалкое ослѣпленіе! Они и не подозрѣваютъ, что они не болѣе какъ исчадія Романизма и несутъ, сами того не зная и не желая, наказаніе за грѣхъ своего отца.

Ученіе, порожденное раціонализмомъ, впадаетъ въ ирраціональность: и здѣсь, какъ въ папизмѣ, заблужденіе само на себя налагаетъ руку. Міръ протестантскій не имѣетъ на Библію никакого права.

По этому-то самому, нѣтъ у протестантовъ того спокойствія, той несомнѣнной увѣренности въ обладаніи словомъ Божіимъ, которая дается только вѣрою. Когда современная критика, сдѣлавшаяся враждебною религіи (можетъ быть вслѣдствіе общаго религіознаго заблужденія), болѣе или менѣе добросовѣстно нападаетъ на Св. Писаніе, мы слѣдимъ за ея изысканіями, иногда не безъ пользы, обыкновенно не безъ негодаванія, но, какъ я уже сказалъ, никакого страха не ощущаемъ. Пусть бы сегодня удалось доказать, что посланіе къ Римлянамъ принадлежитъ не Св. Павлу; Церковь сказала бы: «оно отъ меня», и на другой же день это посланіе читалось бы попрежнему, громогласно, во всѣхъ Церквахъ, и христіане попрежнему внимали бы ему въ радостномъ молчаніи вѣры; ибо мы знаемъ, чье свидѣтельство одно для насъ неотвержимо. Пускай бы отыскалось (если это возможно) какое нибудь для насъ новое, наиподлиннѣйшее и несомнѣннѣйшее писаніе величайшаго изъ апостоловъ: оно не получило бы силы неотвержимаго свидѣтельства дотолѣ, покуда не сказала бы Церковь: «это писаніе не только отъ Петра, или отъ Павла, или отъ Іоанна, оно отъ меня». Тотъ, кто погрѣшилъ въ Антіохіи, могъ погрѣшить и въ другомъ мѣстѣ. Не то мы видимъ у протестантовъ. Критика скептицизма тревожитъ ихъ глубоко: они встрѣчаютъ и оспориваютъ ее съ какимъ-то трусливымъ гнѣвомъ, обнаруживающимъ сомнѣніе, въ которомъ имъ не хотѣлось бы сознаться. И въ самомъ дѣлѣ, что дѣлать съ посланіемъ къ

Римлянамъ, еслибъ оказалось, что оно не Павломъ писано? Ударъ былъ бы неотразимъ: ибо протестанты отъ начала Реформы воображаютъ, что они вѣрятъ Св. Павлу, не подозрѣвая, что въ сущности они вѣрятъ Церкви третьяго вѣка.

Итакъ, нельзя не повторить, что они точно не владѣютъ Библіею, а между тѣмъ Библія единственная вещь въ области религіи, которою, по ихъ убѣжденію, они владѣютъ *).

Въ заключеніе, я представлю болѣе общее соображеніе, которое, надѣюсь, заслужитъ вниманіе протестантовъ, людей серьезныхъ и способныхъ понять серьезный аргументъ. Св. Писаніе относится къ человѣку, какъ всякій другой предметъ къ субъективному разумѣнію. Для Церкви, единицы органической и разумной, это отношеніе есть отношеніе внутреннее, иными словами: отношеніе объекта къ субъекту, которому объектъ служитъ выраженіемъ, отношеніе человѣческаго слова къ человѣку, его произнесшему. Такое отношеніе ставитъ объектъ внѣ и выше всякаго сомнѣнія. Иное видимъ мы у протестанта: Библія относится къ нему какъ внѣшній объектъ, какъ *объектъ вообще* (какъ всѣ объекты въ мірѣ) къ субъекту-*лицу*; такое отношеніе всегда имѣетъ характеръ случайности и необходимо подвергается всѣмъ сомнѣніямъ раціонализма. Писаніе и протестантскій міръ *внѣшни* другъ другу, и никогда это фальшивое отношеніе не измѣнится, никогда внутренняя язва Протестантства не закроется.

Докторъ Капфъ говоритъ еще: Великій *союзъ* всѣхъ живыхъ членовъ Евангелическихъ Церквей послужилъ бы фактическою и самою убѣдительною уликою противъ тѣхъ, которые въ Реформѣ хотятъ видѣть торжество безграничнаго субъективизма». Нѣтъ это не было бы убѣдительною уликою, даже вовсе не было бы уликою. *Союзъ* вовсе не то, что *единство*, и, стало быть, духъ Церкви, тотъ духъ,

---

*) Анализомъ внутренняго характера Евангелія отъ Іоанна, во второй моей брошюрѣ, я, кажется, доказалъ, что подлинность Писанія не представляетъ намъ ничего сомнительнаго. Здѣсь же я желаю только выяснить окончательно, какъ относятся христіане къ Библіи.

который далъ протестантамъ то, что еще уцѣлѣло въ нихъ отъ вѣры (Священное Писаніе); стало быть, говорю я, этотъ духъ рѣшительно покинулъ протестантскій міръ, когда человѣкъ, столь высоко чтимый и столь достойный почтенія какъ глава Виртембергскихъ общинъ, дошелъ до смѣшенія двухъ столь различныхъ одно отъ другаго понятій: *союза* (alliance) и *единства* (unité). Союзъ! Да это то, съ чѣмъ носится міръ политическій; это раздоръ, замазанный снаружи, это ложь договаривающихся между собою интересовъ, это обоюдное равнодушіе въ жизни и безвѣріе въ мнѣніи; это, наконецъ, то, что Церкви невѣдомо, а царствію Божію чуждо. Союзъ между областными Церквами! Союзъ между христіанами первыхъ временъ! Союзъ между апостолами! Сомнѣваюсь, чтобы кто-нибудь могъ произнести эти слова не содрогнувшись. Но можетъ быть таково чувство у православнаго, а моимъ западнымъ братьямъ оно будетъ чуждо. Какъ бы то ни было, мысль почтеннаго прелата заслуживаетъ внимательнаго разсмотрѣнія.

Скажу прежде всего, не боясь встрѣтить противорѣчія со стороны читателя безпристрастнаго, что въ дѣлѣ вѣрованія всякій союзъ между различными исповѣданіями, какими бы то ни было, есть ничто иное какъ опредѣленіе или по крайней мѣрѣ изысканіе *той наименьшей доли* (minimum) *вѣры, къ которой они относительно способны.* Таково первое условіе, условіе основное. Можетъ ли быть названа христіанскою эта исходная точка?—«Но Св. Павелъ осуждаетъ споры о предметахъ невеликой важности». Да, о предметахъ простаго любопытства, о предметахъ обряда или устава. Но можно ли не шутя предположить, что Св. Павелъ допустилъ бы, напримѣръ, раздачу Евхаристіи двумъ лицамъ, изъ которыхъ одно принимало бы ее какъ кусокъ бѣлаго хлѣба и глотокъ вина, а другое—какъ самое тѣло и самую кровь Господа нашего Іисуса Христа, Того, передъ Кѣмъ всѣ колѣна преклоняются съ любовію и страхомъ? Или, можно ли предположить, что Св. Павелъ допустилъ бы единство общенія для такихъ двухъ людей, изъ которыхъ одинъ вѣрилъ бы,

что Богъ открываетъ Себя взаимной любви служителей Христовыхъ, т. е. закону нравственному, а другой увѣрялъ бы, что познаніе Божественныхъ предметовъ пріурочено къ клочку земли, называемому, можетъ быть, Римомъ или какъ-нибудь иначе, все равно? Эти примѣры, взятые на удачу, конечно достаточно показываютъ, что союзъ различныхъ исповѣданій можетъ основаться только на *наименьшемъ количествѣ вѣры*; а если такъ, то мы знаемъ напередъ, за кѣмъ останется послѣднее слово. Оно останется за тѣмъ, на кого, въ полнотѣ своей силы, работалъ Римъ, когда разрывалъ единство исповѣданія; за тѣмъ, на кого Римъ одряхлѣвшій и реформаты, логически порожденные Римомъ, работаютъ за одно и въ настоящую минуту.

Пожеланія и мольбы, выражаемыя докторомъ Капфомъ, заявляются не имъ однимъ, а многими протестантами нашего времени; мы встрѣчаемъ ихъ и у знаменитаго Вине. Ихъ порыванія, ихъ надежды устремляются въ будущность; они мечтаютъ объ установленіи (или, говоря языкомъ Англиканцевъ, о возстановленіи) католичества *), т. е. Церкви. Они чувствуютъ свою болѣзнь и надѣются на исцѣленіе Во второй моей брошюрѣ, говоря о Вине, я, кажется, доказалъ, что будущее, о которомъ онъ мечталъ, невозможно, если оно не существуетъ въ настоящемъ и не существовало искони въ прошедшемъ; но я хочу попытаться, при настоящемъ удобномъ случаѣ, дать моему доказательству еще большую очевидность.

Предположимъ, что надежда протестантскихъ учителей исполнилась; предположимъ, что ихъ ученые и богословы различныхъ обществъ, соединившись между собою, успѣли, не говорю — образовать союзъ (это было бы недостойно истинныхъ христіанъ), но найти въ себѣ самихъ начало единства, общее исповѣданіе вѣры, съуженной до наименьшаго размѣра (minimum). Спрашиваю: для кого, по совѣсти, могло бы быть обязательно вѣрованіе, установленное

*) Des ächten und wahren Catholicismus (подлиннаго, истиннаго католичества).

такимъ собраніемъ? Нѣсколько сотенъ съѣхавшихся ученыхъ между собою согласны; но вѣдь тысячи отсутствующихъ ученыхъ не раздѣляютъ ихъ мнѣнія. Гдѣ же Церковь? Образовалась новая секта — вотъ и все. А милліоны неученныхъ, что съ ними дѣлать, что они такое? Презрѣнная чернь? Стадо безсмысленное и безгласное? Рабъ въ дѣлѣ вѣры, бывшій рабъ клира, а теперь рабъ ученаго,—на вѣки осужденный сгибать голову, то передъ тіарою и митрою, то теперь передъ докторскою шапкою. Замѣшательство увеличивается съ каждымъ шагомъ, и безсмыслица доктрины усложняется безсмыслицею нравственною. О, книжники! послѣдуйте моему совѣту: будьте откровенны и скажите невѣжественной черни, чтобъ она погодила во что бы то ни было вѣровать, пока вы не согласитесь между собою въ томъ, чему ей слѣдуетъ вѣрить.

Но и самое собраніе ученыхъ и тѣ лица, изъ которыхъ оно составится, будутъ ли обязаны (я разумѣю: обязаны по *совѣсти*) держаться завтра сегодняшняго своего исповѣданія? Жажда сочувствія, нервическое возбужденіе, которымъ сопровождаются этого рода торжественныя собранія, умственное опьяненіе, въ которое такъ часто погружаютъ одинъ другаго люди, собранные вмѣстѣ,—все это вмѣстѣ можетъ склонить къ минутному соглашенію; но по какому праву сегодняшній день будетъ обязателенъ для завтрашняго? Провозгласите ли вы его днемъ вдохновенія, чтобъ имѣть основаніе заранѣе приковать всю вашу жизнь къ рѣшеніямъ этого дня? Сдѣлаете ли вы изъ него новую Пятидесятницу? Попробуйте сдѣлать, и вы всё-таки ничего не выиграете; ибо вы сами себѣ не повѣрите, если даже рѣшитесь это сказать.

Но идемъ дальше. Вѣра въ человѣкѣ, взятомъ порознь (какъ индивидуумѣ) и подверженномъ грѣху, всегда и непремѣнно субъективна, а потому самому всегда доступна сомнѣнію: она сознаетъ въ самой себѣ возможность заблужденія. Чтобы возвыситься надъ сомнѣніемъ и заблужденіемъ, ей нужно возвыситься надъ собою, нужно пустить корни въ міръ объективный, въ міръ святыхъ реальностей, въ такой міръ, котораго она сама была бы частью,

и частію живою, неотъемлемою; ибо несомнѣнно вѣришь только тому міру, или, точнѣе сказать, знаешь только тотъ миръ, къ которому принадлежишь самъ. Этотъ міръ не можетъ заключаться ни въ дѣятельности разобщенныхъ между собою личностей, ни въ ихъ случайномъ согласіи (мечта реформатовъ), ни въ рабскомъ отношеніи къ чему либо внѣшнему (безуміе Римлянъ): онъ заключается только во внутреннемъ единеніи человѣческой субъективности съ реальною объективностью органическаго и живаго міра, въ томъ святомъ единствѣ, законъ котораго не есть ни абстрактъ, ни что либо изобрѣтенное человѣкомъ, а Божественная реальность—Самъ Богъ въ откровеніи взаимной любви. Это Церковь. Грубый и ограниченный разумъ, ослѣпленный порочностью развращенной воли, не видитъ и не можетъ видѣть Бога. Онъ Богу внѣшенъ, какъ зло, которому онъ рабствуетъ. Его *вѣренье* (croyance) есть не болѣе какъ логическое мнѣніе и никогда не можетъ стать вѣрою, хотя нерѣдко и присвоиваетъ себѣ ея названіе. Вѣренье превращается въ вѣру и становится внутреннимъ къ Самому Богу только чрезъ святость, по благодати животворящаго Духа, источника святости. Итакъ вѣра есть Духъ Святый, налагающій печать свою на вѣренье. Но эта печать не дается человѣку по его усмотрѣнію; она вовсе не дается человѣку, пребывающему въ своей одинокой субъективности. Она дана была единожды, на всѣ вѣка, апостольской Церкви, *собранной въ святомъ единеніи любви и молитвы*, въ великій день Пятидесятницы, и отъ того времени христіанинъ, человѣкъ субъективный, слѣпой протестантъ по своей нравственной немощи, становится зрящимъ каѳоликомъ въ святости апостольской Церкви, къ которой онъ принадлежитъ какъ ея неразрывная часть *).

Теперь спрашиваю: какою же печатью запечатлѣетъ себя, въ чаемый день новой Пятидесятницы, союзъ протестантскихъ общинъ, эта единица, доселѣ только воображаемая, имѣющая создаться людскимъ, условнымъ согла-

*) См. вторую брошюру. Всякій христіанинъ—протестантъ въ смыслѣ искателя истины; Церковь же каѳолична, ибо обладаетъ истиною.

шеніемъ, а не творческою силою Божіею? Печатью ли индивидуальной святости, какъ у Дарбеитовъ, или печатью чудотворенія, какъ у Ирвингитовъ? Считаю протестантовъ настолько христіански-смиренными, что не могу заподозрить ихъ въ фарисействѣ первыхъ, и настолько христіански-разумными, что не обвиню ихъ въ безуміи другихъ *). Нѣтъ! Новой Пятидесятницы не будетъ, какъ не будетъ новаго воплощенія Сына Божія. Она не можетъ повториться ни какъ союзъ, заключенный въ одинъ извѣстный день и часъ (о чемъ теперь мечтаютъ), ни какъ добыча долгаго и терпѣливаго труда цѣлаго ряда поколѣній. Невозможность, въ обоихъ случаяхъ, одного свойства — строго логическая. Протестанты осуждены оставаться протестантами.

Не это ли внутреннее убѣжденіе въ невозможности осуществленія ихъ завѣтной мечты, не это ли чувство неутолимой жажды, придаетъ произведеніямъ протестантовъ нашего времени совершенно особенный характеръ глубокаго страданія и неподдѣльнаго отчаянія, прикрытаго словами надежды? Словно какъ будто слышишь величавый и скорбно-вдохновенный гимнъ, который воспѣвался въ Римскомъ мірѣ, спустя почти столѣтіе по отдѣленіи его отъ церкви:

Hora novissima, tempora pessima sunt; vigilemus!
Ecce minaciter imminet Arbiter ille supremus,
Imminet, imminet, ut mala terminet, pia coronet, etc.
. . . .
Auferat aspera duraque pondera mentis onustae etc.

Бѣдные протестанты!

---

*) Впрочемъ, и Дарбеиты, и Ирвингиты провозглашаютъ въ мірѣ реформатовъ необходимость печати объективной, т. е. необходимость Бога для человѣческаго вѣрованія. Я сказалъ въ моей второй брошюрѣ, что Ирвингизмъ есть сомнѣніе, жаждущее чуда. Ирвингитъ хочетъ относиться къ самому себѣ, какъ апостолъ къ Іудеямъ и язычникамъ, т. е. быть въ одно и то же время и апостоломъ, и новообращаемымъ. И Тиршъ, этотъ мужъ столь ученый, этотъ умъ столь высокій, могъ впасть въ подобное заблужденіе. Бѣдный человѣческій разумъ!

Сказавъ о сочиненіи доктора Капфа, я долженъ посвятить нѣсколько замѣчаній еще двумъ изданіямъ, вышедшимъ изъ того же лагеря и произведшимъ нѣкоторое впечатлѣніе въ Германіи. Выражая собою два направленія, совершенно несходныя съ направленіемъ Виртембергскаго учителя и, въ тоже время, прямо противоположныя одно другому, изданія эти представляютъ двѣ крайности протестантской мысли: лжекатолицизмъ, опирающійся на произвольное преданіе, и начало свободы, доведенное до отрицанія всякой доктрины. Это рѣчь г. Сталя о вѣротерпимости и разборъ этой рѣчи г. Бунзеномъ, въ его «Знаменіяхъ времени» (Zeichen der Zeit). По предмету своему, они очевидно не относятся къ области религіи, ибо вѣротерпимость есть вопросъ чисто гражданскій, какъ правосудіе, какъ свобода, какъ общественная благотворительность, какъ правда въ международныхъ отношеніяхъ и т. п. Поэтому я ограничусь изслѣдованіемъ религіозныхъ соображеній, приводимыхъ авторами, людьми высокихъ достоинствъ и заслуженнаго авторитета.

«Наше ученіе», говоритъ г. Сталь, «таково: Божественные дары благодати, обѣтованные душѣ человѣческой, даются ей только въ Церкви; но Церковь, по отношенію къ человѣку не есть учрежденіе для него внѣшнее; она, такъ сказать, слагается изъ единовременнаго взаимодѣйствія благодати, вложенной Богомъ въ Его заповѣди, и благодати, сообщаемой Богомъ индивидуальной душѣ. Она есть сокровищница всѣхъ благословеній Божіихъ и всѣхъ человѣческихъ щедротъ: она хранительница всѣхъ святынь, преемственно передаваемыхъ поколѣніями, отъ одного къ другому, черезъ всѣ вѣка. Поэтому-то она въ самой себѣ содержитъ и познаніе слова Божія... и величественное богослуженіе, отъ временъ апостольскихъ и до нашего вѣка созидаемое благочестивыми душами, и единство должностей и полномочій духовныхъ... и, въ особенности, таинства, въ ихъ законномъ употребленіи и въ ихъ истинномъ смыслѣ. Таковы учрежденія и скрѣпы, которыми Богъ, такъ сказать, обнесъ христіанскій міръ... Общеніе христіанъ, въ оградѣ этихъ учрежденій, а не внѣ ея,

есть Церковь, таинственное тѣло Христово... Церковь, которая одна ведетъ къ истинѣ. Плодъ царства Божія есть спасеніе душъ; а почва, на которой этотъ плодъ произрастаетъ и зрѣетъ, есть Церковь».

Хорошо; но гдѣ же этотъ христіанскій міръ? (ибо г. Сталь не всѣ секты допускаетъ въ него). Гдѣ эта Церковь? Отвѣтъ автора не представляетъ ничего опредѣленнаго. Боязливо поблуждавъ въ лабиринтѣ соображеній полусоціальныхъ, полурелигіозныхъ, онъ въ заключеніи рѣчи излагаетъ, повидимому, свое, исповѣданіе вѣры, и вотъ это исповѣданіе во всей скудости его логики.

«Романизмъ имѣетъ свое спеціальное предназначеніе въ царствѣ Божіемъ. Не смотря на мракъ, въ которомъ онъ пребываетъ по отношенію къ главному вопросу объ оправданіи . . . не смотря на прочія заблужденія, въ которыхъ мы винимъ его, онъ представляетъ возвышенную сторону историческаго преемства и непрерывнаго прогресса отъ временъ апостольскихъ. . . Реформа Кальвина имѣетъ также свое призваніе въ царствѣ Божіемъ, наряду съ призваніемъ Лютера, къ ученію котораго она служитъ какъ бы дополненіемъ съ нравственной стороны Церкви; ибо не кто другой, а Кальвинъ, освятилъ общину и соорудилъ цѣлый міръ христіанскихъ заповѣдей и христіанской жизни, истекающей изъ дѣятельной вѣры общины. . . Наконецъ, можемъ ли мы не признать особеннаго призванія Лютера»? и пр.

За этимъ слѣдуетъ восхваленіе, котораго мы не станемъ выписывать. Легко угадать, что̀ въ немъ заключается, такъ какъ авторъ самъ Лютеранинъ; скажемъ только, что г. Сталь прибавляетъ слѣдующее: «всѣ эти исповѣданія получили свое призваніе отъ Самого Бога». Но гдѣ же послѣ этого Церковь, необходимость которой авторъ такъ рѣшительно призналъ?

Искать ли ея въ абстрактномъ понятіи, обнимающемъ всѣ три исповѣданія? Церковь, *нѣчто живое и органическое*, состоитъ ли въ абстрактѣ? Церковь, *блюстительница истины*, состоитъ ли въ сочетаніи трехъ исповѣданій, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ два суть заблужденія?

Церковь, *сокровищница всѣхъ человѣческихъ щедротъ*, состоитъ ли въ сочетаніи трехъ исповѣданій, изъ которыхъ одно, въ продолженіе вѣковъ, предавало и предаетъ донынѣ два другія анаѳемѣ, а тѣ отплачиваютъ ему въ продолженіе вѣковъ ругательнымъ прозвищемъ Вавилонской блудницы? Церковь, *содержащая единство должностей и полномочій духовныхъ*, состоитъ ли въ сочетаніи трехъ исповѣданій, изъ которыхъ каждое отрицаетъ духовныя власти, правящія двумя другими? Церковь, *содержащая таинство въ ихъ законномъ употребленіи и истинномъ смыслѣ*, состоитъ ли въ сочетаніи трехъ исповѣданій, изъ которыхъ одно смотритъ на таинства двухъ другихъ, какъ на нелѣпость и идолослуженіе, а тѣ, въ свою очередь, не признаютъ въ немъ ни одного таинства, кромѣ крещенія? Церковь, *заключающая въ своихъ нѣдрахъ разумѣніе слова Божія*, состоитъ ли въ сочетаніи трехъ исповѣданій, изъ которыхъ каждое думаетъ о другихъ, что они ничего въ словѣ Божіемъ не понимаютъ? Очевидно, тема, поставленная въ такихъ выраженіяхъ (а между тѣмъ это подлинныя выраженія автора), не имѣетъ смысла и представляетъ только кучу явныхъ, самообличающихся противорѣчій.

Развѣ предположить, что вся Церковь заключается въ одномъ Лютеранскомъ обществѣ (къ которому принадлежитъ г. Сталь), а что другія Церкви суть только болѣе или менѣе еретическія заблужденія, заслуживающія вниманія только по своему историческому значенію?

Но изъ логическихъ началъ, поставляемыхъ авторомъ, само собою вытекаетъ, что, по его мнѣнію, во времена Лютера Церковь заключалась въ исповѣданіи Римскомъ. Слѣдовательно Лютеръ есть олицетвореніе индивидуальнаго мнѣнія, осуждающаго Церковь собственною своею властью. Онъ человѣкъ, говорящій Церкви своего времени: «ты не Церковь, а заблужденіе и ересь». И г. Сталь (какъ Лютеранинъ) долженъ повторить вслѣдъ за Лютеромъ, что Церковь, въ XVI-мъ столѣтіи не существовала, то-есть долженъ отвергнуть все, что̀ онъ сейчасъ утвер-

ждалъ. Печальное заключеніе, уничтожающее всѣ свои посылки!

Или мы скажемъ, что эта Церковь, съ давняго времени, пребывала заключенною невидимо въ исповѣданіи Римскомъ, пребывала въ явленіи одинокихъ личностей, которыя потомъ, по голосу Лютера, сгруппировались вокругъ него, и отъ него получили церковную жизнь и форму?

Но одинокія личности, постоянно подчиненныя соціальной и религіозной жизни Римскаго исповѣданія, не представляютъ уже ни малѣйшаго слѣда отличительныхъ признаковъ Церкви, признаковъ, самимъ г-мъ Сталемъ указанныхъ.

Итакъ, во времена Лютера, Церкви не было вовсе — этого опровергнуть нельзя, и слѣдовательно всѣ аргументы автора, собственнымъ ихъ развитіемъ, обращаются въ ничто.

Таково самоубійство лже-католицизма или противулогическаго традиціонализма въ мірѣ протестантскомъ. Новаго сошествія Св. Духа ему не удалось добыть. Поэтому и не можетъ онъ переступить предѣловъ археологіи и спорнаго знанія, единственной его области. Пусть ученый протестантъ воображаетъ себѣ, что онъ вѣруетъ еще во что-нибудь; права на это мы у него оспаривать не станемъ; но для неученаго все равно, Лютеръ ли, Кальвинъ ли, Цвинглій, Фоксъ, или Іоаннъ Лейденскій. Народъ протестантскій остается безъ всякаго права на вѣру, а Лютеранинъ все еще ведетъ рѣчь о Церкви!

Понятно, что знаменитому Бунзену, критику г. Сталя, нетрудно было справиться съ его ученіемъ, хотя онъ и взглянулъ на него съ точки зрѣнія, можетъ быть, слишкомъ исключительно-мѣстной и политической. Но успѣхъ покидаетъ г. Бунзена, какъ только онъ обращаетъ свои нападки на міръ Византійскій, т. е. на Церковь. Здѣсь логика ему измѣняетъ. Онъ начинаетъ съ изученія обскурантизма и духа угнетенія, дающихъ направленіе Римскому міру, причемъ, однако, замѣчаетъ, что это направленіе олицетворяется въ правительствахъ и находится въ противорѣчіи съ желаніями народовъ. Затѣмъ онъ старается

отыскать такую же борьбу противоположныхъ теченій въ Церкви. Еслибъ ученый авторъ «Знаменій Времени» серьезнѣе отнесся къ этому сравнительному изученію, то онъ непремѣнно замѣтилъ бы характеристическое различіе между двумя сравниваемыми имъ мірами. Какова бы ни была прошлая система Русскаго правительства, я не стану ни защищать ее, ни нападать на нее. Я согласенъ допустить критику, которой подвергаетъ ее авторъ, пусть даже критика идетъ далѣе и проникается еще большею горечью. Чтожъ изъ этого? Внутренняя политика Австріи въ отношеніи къ религіознымъ вопросамъ, *сама по себѣ*, при всей ея притѣснительности (судить объ ней не мѣсто) оставалась бы, во всякомъ случаѣ, чисто Австрійскою и не могла бы служить орудіемъ противъ Романизма; но дѣло въ томъ, что это политика всецѣло подсказывается ей независимымъ папствомъ, требованія котораго отчасти даже умѣряются Австрійскимъ министерствомъ. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ, обвиненіе, всею своею тяжестію, падаетъ на Римъ и его ученіе. Между тѣмъ самъ же Бунзенъ, переходя отъ картины Русскаго обскурантизма, имъ начертанной, къ православнымъ странамъ независимымъ отъ Россіи, усматриваетъ въ нихъ рѣшительное стремленіе къ просвѣщенію и прогрессу, нисколько не затрудняемое религіею края. Что же общаго у Церкви съ хорошею или худою политическою системою, господствующею въ одной изъ ея эпархій? Логика и справедливость требовали оговорки въ очистку Церкви, но этого г. Бунзенъ не замѣтилъ.

Онъ обвиняетъ Церковь въ *Цезаропапизмѣ* (терминъ, довольно удачно придуманный для обозначенія преобладанія государства надъ религіей).

Надѣюсь, кто прочелъ первую мою брошюру, согласится, что такое обвиненіе лишено всякаго основанія. Оно не можетъ не показаться, по меньшей мѣрѣ, неожиданнымъ въ устахъ протестанта, и притомъ въ эпоху, когда вопросъ чисто-догматическаго свойства, въ одной протестантской странѣ, рѣшенъ былъ Королевскою Коммиссіею *).

---

*) Дѣло Горгамское въ Англіи.

Оно должно показаться, полагаю, нѣсколько даже смѣшнымъ въ сочиненіи, добрая четверть котораго посвящена восхваленію религіозной реформы, совершенной государственною властью въ другой протестантской странѣ (Пруссіи). И тѣни подобнаго вмѣшательства въ дѣла вѣры, богослуженія или обще-церковнаго благочинія, нельзя даже предположить у народовъ, соблюдающихъ вѣру апостольскую, кромѣ развѣ случая отпаденія власти (какова бы ни была ея форма) въ ересь; но въ подобныхъ случаяхъ Церковь, хотя и съ опасностью пострадать вещественно, умѣетъ сохранять свою духовную свободу. Пусть же Цезаропапизмъ остается при тѣхъ, кому онъ принадлежитъ по праву *).

Впрочемъ, эта критика, въ сочиненіи г. Бунзена, есть неболѣе какъ отступленіе. Для насъ гораздо важнѣе собственное его ученіе. Оно заслуживаетъ разсмотрѣнія.

Г. Бунзенъ не домогается, какъ г. Капфъ, союза, основаннаго на наименьшемъ количествѣ вѣры; онъ не увѣ-

*) Я доказалъ, что обвиненія въ Цезаропапизмѣ, взводимыя на Церковь какъ Римлянами, такъ и протестантами, несправедливы, и не думаю, чтобъ люди добросовѣстные стали повторять ихъ; тѣмъ не менѣе я нисколько не утверждаю, чтобы Церковь, въ Русской области, никогда не подвергалась, въ предметахъ второстепенной важности, какимъ либо посягательствамъ со стороны свѣтской власти, или, по крайней мѣрѣ, не испытывала дѣйствій, имѣющихъ видъ посягательства (о чемъ мною было уже сказано въ первой брошюрѣ). Самое допущеніе такого вида есть уже проступокъ съ нашей стороны, въ которомъ мы должны себя винить; ибо все, что подаетъ оружіе противъ Церкви, хотя бы клеветѣ, есть вина непростительная для народовъ, удостоившихся счастія принадлежать Церкви и неосторожно допускающихъ какое либо затемнѣніе ея чистоты. Если бъ однако ученый Бунзенъ, при его добросовѣстности, посвятилъ нѣсколько минутъ на серьезное изученіе Русской исторіи, то онъ увидѣлъ бы, что самая неблаговидность, въ которой мы винимся, идетъ не отъ развитія стихій чисто народныхъ, и не отъ вліянія Византійскаго: она явилась въ то время, когда наши первобытныя стихіи окрасились элементомъ западнымъ, и въ особенности нѣмецкимъ. Не все было чистымъ благодѣяніемъ въ приношеніяхъ западной мысли, и балансъ, можетъ быть, очень сомнителенъ. За всѣмъ тѣмъ, все это дѣло русской церковной области, а вовсе не Церкви.

ряетъ, какъ г. Сталь, будто бы у него имѣется наготовѣ Церковь, давно построенная какимъ нибудь ученымъ докторомъ XVI-го столѣтія. Онъ отправляется отъ настоящаго положенія и, не пускаясь въ догматическія изслѣдованія, ставитъ только одно начало: свободу совѣсти. По его мнѣнію, пусть только христіане собираются въ свободныя, мѣстныя соборища. Эти соборища будутъ обсуживать вѣру и нравственность своихъ членовъ, сами же не будутъ подчинены никакой высшей власти; ибо онѣ будутъ *общиною*, а мѣстная община, на апостольскомъ языкѣ, значитъ Церковь (такъ г. Бунзенъ понимаетъ апостольскій языкъ). Не будемъ останавливаться на вопросѣ: какимъ же образомъ апостолъ могъ говорить о единой и единственной Церкви, если дѣйствительно, въ его время, были въ христіанскомъ мірѣ только Церкви мѣстныя, не связанныя общимъ единствомъ? Не будемъ обращать вниманія г. Бунзена на то (хотя это очень ясно), что принимать мѣстныя, географическія очертанія за основанія общественнаго устройства въ мірѣ отличительно-духовномъ—есть безсмыслица; не будемъ возражать ему указаніемъ на иллогичность такой мѣстной общины, которая, пользуясь правомъ суда надъ своими членами въ дѣлахъ вѣры и нравственности, представляла бы типъ общественности и, въ то же время, полною своею независимостью и разобщенностью съ другими подобными обществами, представляла бы прямо противоположный элементъ противообщественнаго эгоизма. Мы удовольствуемся однимъ замѣчаніемъ. Какимъ бы исповѣданіемъ вѣры или символомъ ни довольствовался г. Бунзенъ, не можетъ же онъ однако надѣяться, чтобы нашлась такая мѣстность, гдѣ бы къ этому символу примкнули всѣ безъ исключенія христіане. Мнѣнія раздѣлятся, и каждое мнѣніе образуетъ изъ себя независимую отъ другихъ общину или, какъ онъ выражается, Церковь въ смыслѣ апостольскомъ. Въ иной мѣстности возникнутъ двѣ или три Церкви, въ другой пять, десять, а, можетъ быть, и гораздо болѣе; и въ каждой изъ этихъ Церквей будетъ своя вѣра, отличная отъ другихъ вѣръ; а всѣ онѣ, взятыя вмѣстѣ, составятъ апостольскую Церковь и даже будутъ, по

словамъ г. Бунзена, точнымъ изображеніемъ того, чѣмъ была Церковь во время апостоловъ. Нельзя однако сказать, чтобы точь въ точь такое понятіе слагалось въ умѣ при чтеніи апостольскихъ посланій; ни одно изъ нихъ (сколько мнѣ извѣстно) не носитъ надписанія въ родѣ слѣдующихъ: десяти Римскимъ Церквамъ, или: тремъ Церквамъ Ефесскимъ.

Впрочемъ, ученый авторъ разсматриваемаго сочиненія, предвидя вѣроятно это затрудненіе и желая по возможности облегчить единство, предполагаетъ символъ вѣры, до того сокращенный и доведенный до размѣровъ столь скудныхъ, что дѣйствительно протестантскому міру трудно бы было на немъ не помириться (если этотъ міръ, какъ заставляютъ думать нѣкоторые признаки, точно занятъ теперь изисканіемъ minimum'a вѣры). Въ широкія врата своей Церкви г. Бунзенъ пропускаетъ и Анабаптистовъ, и Индепендентовъ, даже Унитаріевъ или Антитринитаріевъ *), которыхъ онъ окрещиваетъ въ пріятное названіе анти-Аѳанасіанцевъ (должно быть для того, чтобы избѣгнуть болѣе вѣрнаго, но за то и болѣе грубаго названія анти-христіанъ). Казалось бы, и этого довольно. Но нѣтъ! чтобы безпрепятственнѣе достигнуть цѣли и доказать до какой степени онъ податливъ въ дѣлѣ вѣры, г. Бунзенъ идетъ гораздо дальше. Въ письмѣ отъ 28 августа, онъ припоминаетъ, что въ этотъ день родился нѣкогда знаменитый геній, и восклицаетъ по этому случаю: «По истинѣ, память мученика празднуемъ мы въ этотъ день! Въ самомъ дѣлѣ, вступить въ жизнь, не значитъ ли принять страданіе?» Иными словами, всѣ люди мученики, не исключая Нерона и Геліогабала. Авторъ продолжаетъ: «Не такова ли въ особенности жизнь для того, кому предназначено быть исповѣдникомъ—прекрасное наименованіе, которымъ Христіанство первыхъ вѣковъ отличало своихъ героевъ! Да, онъ былъ исповѣдникъ и болѣе чѣмъ исповѣдникъ! Онъ былъ пророкъ и апостолъ!» Мученикъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ Гёте, тотъ самый, который

*) Отрицающихъ догматъ Троицы. *Пр. изд.*

умеръ, окруженный ласками великогерцогскаго двора, увѣнчанный всѣми лаврами литературной славы, украшенный всѣми знаками гражданскаго отличія! Этотъ исповѣдникъ (этимъ именемъ называли христіане однихъ страдальцевъ за вѣру) былъ Гёте, авторъ Вертера, Родства по выбору (Wahlverwandschaften), Коринеской Невѣсты и Римскихъ Элегій! Этотъ апостолъ былъ Гёте—онъ, который, во всю свою жизнь, не проронилъ ни одного слова, въ которомъ была бы слышна вѣра: онъ, который до того чуждался религіи, что даже не чувствовалъ нужды отрицать ее. Оспоривать доктрину г. Бунзена мнѣ и на мысль не приходитъ—это разумѣется само собою; но вотъ къ какому заключенію придетъ непремѣнно всякій серьезный читатель: если человѣкъ столь ученый, столь благочестивый и умный, могъ утонуть въ подобной пучинѣ нелѣпостей, значитъ его втолкнуло въ нее самое дѣло, имъ защищаемое. И дѣйствительно, въ лицѣ г. Бунзена мы видимъ передъ собою самоубійство Протестантства въ его притязаніяхъ на свободу, подобно тому какъ въ лицѣ г. Сталя видѣли самоубійство Протестантства въ его притязаніяхъ на незаконный традиціонализмъ *).

Каково бы ни было однако значеніе мнѣній личныхъ, оно не можетъ равняться по важности съ проявленіями мыслей общественныхъ. Прошедшій годъ ознаменовался однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ проявленій этого рода, едвали не единственнымъ въ исторіи религій. Цѣлое и довольно значительное религіозное общество, присвоиваю-

*) Поводомъ къ упомянутой выше апоѳеозѣ Гете послужилъ г-ну Бунзену проектъораторіи, составленной самимъ Гете для одного нѣмецкаго музыканта. Этотъ проектъ озаглавленъ былъ такъ: Христосъ въ исторіи человѣческой, и сопровождался объясненіемъ, тонъ котораго столько же противенъ религіи, сколько смыслъ его противенъ философіи. Гете высматривалъ въ Моисеевомъ законѣ необходимость; онъ не видѣлъ, что законъ есть свободное повиновеніе, подобно тому какъ христіанская свобода есть свободное согласіе. Богъ есть свобода для всѣхъ чистыхъ существъ; Онъ есть законъ для человѣка невозрожденнаго; Онъ есть необходимость только для демоновъ.

щее себѣ титулъ Церкви, общество всѣхъ протестантовъ Гессенскаго курфиршества, въ отвѣтъ на вопросъ, къ какому оно пренадлежитъ исповѣданію, объявило публично, что оно объ этомъ ничего не знаетъ и потеряло всякую память. Марбургскій университетъ, можетъ быть, приведенный такою откровенностью въ нѣкоторый соблазнъ, попытался было отвѣтить на заданный вопросъ; *но Гессенская Церковь* возобновила свое объявленіе: она отвергла, съ полнымъ на то основаніемъ, право, которое присвоивалъ себѣ университетъ, знать больше, чѣмъ сама Церковь Гессенская объ ея религіозномъ исповѣданіи, и заключила окончательно, что вопросъ въ настоящее время неразрѣшимъ, но выразила при этомъ надежду, что ученыя и историческія изысканія современемъ, можетъ быть, приведутъ къ удовлетворительному его разрѣшенію. Все это было бы невѣроятно, еслибъ не было вполнѣ истинно. Беззастѣнчивость и наивность признанія, простодушное самоуслажденіе этого уголка ученой Германіи при мысли о томъ, что религія его сдѣлается въ кругу ученыхъ такою же темою для изслѣдованій какъ Египетскіе іероглифы—все это повергаетъ въ изумленіе; но изумленіе мгновенно переходитъ въ глубокую скорбь, какъ только подумаешь, что цѣлое народонаселеніе, называющее себя христіанскимъ, высказываетъ надежду, что *ученые когда нибудь повѣдаютъ ему, какого исповѣданія оно обязано держаться, и тѣмъ самымъ подразумѣвательно объявляетъ, что въ дѣйствительности оно не исповѣдуетъ никакой вѣры.* Для него религія отошла въ разрядъ вещей умершихъ, и странно, никакого чувства скорби не пробудилось въ сердцахъ этого населенія, утратившаго самое начало духовной жизни.

Въ первой моей брошюрѣ я совѣтывалъ протестанскимъ учителямъ сказать безъ обиняковъ народамъ: «Вы тогда только пріобрѣтете право на религію, когда сдѣлаетесь такими же богословами, каковы мы. Въ ожиданіи этого, пробивайтесь какъ нибудь безъ религіи». Этотъ совѣтъ, подсказанный безпристрастною логикою, имѣлъ видъ

проніи; но Протестантство позаботилось оправдать меня устами Кургессенской Церкви.

Итакъ явная ложь въ Римской средѣ и признанное отсутствіе истины въ Реформѣ, вотъ все, что находимъ мы внѣ Церкви. Невѣріе можетъ сложить руки: Римъ и Германія работаютъ на него съ равнымъ усердіемъ.

При сравнительно-большей искренности и глубинѣ религіознаго настроенія, Англія составляетъ, повидимому, исключеніе въ общемъ движеніи западныхъ исповѣданій; и однако, отдавая ей полную справедливость, я нахожу ненужнымъ говорить объ ней. Поколику Англія придерживается Романизма или Диссидентства, она плыветъ за теченіемъ мысли континентальной; поколику она замыкается въ Англиканствѣ, она лишена всякой основы, стоющей серьезнаго изслѣдованія. Англиканство есть такая же безсмыслица въ реформатскомъ мірѣ, какъ Галликанство въ мірѣ Римскомъ. Галликанство умерло, Англиканству не долго жить. Не представляя собою ничего. кромѣ случайнаго набора условныхъ началъ, не соединенныхъ взаимно никакою внутреннею связью, оно уподобляется узкой насыпи, воздвигнутой изъ песка, насыпи, разбиваемой могущественными волнами двухъ враждебныхъ океановъ и постепенно обваливающейся съ двухъ сторонъ, то въ Романизмъ, то въ Диссидентство. Въ лицѣ своихъ наиболѣе замѣчательныхъ представителей Англиканство осудило уже Римской расколъ во всѣхъ его отличительныхъ догматахъ (въ главенствѣ папы и въ прибавленіи къ символу словъ «и Сына» *); Англиканство не въ состояніи объяснить и дѣйствительно, доселѣ не объяснило почему оно не хочетъ быть православнымъ. Оно стоитъ въ Церкви по всѣмъ своимъ началамъ (разумѣю начала существенныя и характеристическія); оно внѣ Церкви по своему историческому провинціализму. Этотъ провинціализмъ придаетъ ему видъ лже-протестантскій, отнимаетъ у него всякое преданіе, всякую логическую основу, и, не смотря

*) И Нѣмецкіе ученые, въ томъ числѣ Бунзенъ, также называютъ это прибавленіе явнымъ поврежденіемъ символа.

на то, Англиканство не хочетъ раздѣлаться съ своимъ провинціализмомъ, частью по народной гордости, частію вслѣдствіе свойственнаго Англіи уваженія къ совершившемуся факту. Англиканство есть и самое чистое и самое противулогическое изъ всѣхъ западныхъ исповѣданій; всецѣло вросшее въ Церковь, всѣми своими по истинѣ религіозными корнями, оно въ тоже время представляетъ собою самую рѣзкую противуположность самой идеѣ Церкви, ибо оно не есть ни преданіе, ни доктрина, а простое національное установленіе (an establishment), т. е. дѣло рукъ человѣческихъ, признанное за таковое. Оно осуждено и вымираетъ *).

Мы перешли низменную и туманную область ереси. Постараемся подняться на тихія и ясныя высоты, откуда Церковь созерцаетъ истину въ ея Божественной гармоніи. Здѣсь нѣтъ уже внутреннихъ противорѣчій въ ученіи, нѣтъ заблужденій, осуждающихъ себя собственнымъ развитіемъ; здѣсь мы не будемъ уже чувствовать колеблющейся подъ ногами почвы и не увидимъ блуждающихъ огней индивидуальной мысли, бросающихъ обманчивый полусвѣтъ среди общаго мрака. Здѣсь мы утвердимся стопами на незыбле-

---

*) Ни одна страна не выказала такого желанія сблизиться съ Церковью какъ Англія, и въ эти послѣднія времена, на нашихъ глазахъ, одинъ изъ достойнѣйшихъ ея сыновъ, Вильямъ Пальмеръ, съ жаромъ трудился для возстановленія древняго единства. Хотя въ послѣдствіи онъ и впалъ въ Римское заблужденіе, но смѣемъ надѣяться, что ошибка его будетъ ему прощена за вынесенную имъ долгую и скорбную борьбу. Что же касается до тѣхъ лицъ (какъ бы высоко ни стояли они), которыя затворили передъ нимъ врата Церкви и были поводомъ къ его отпаденію, то мы можемъ сказать объ нихъ только одно: молимъ Бога, чтобы Онъ судилъ ихъ по Своей милости, ибо вина ихъ тяжела. Эта душа столь чистая, столь искренно жаждущая истины, брошенная теперь въ самое средоточіе лжи постоянной и преднамѣренной, не должна ожидать себѣ покоя на землѣ, доколѣ не обратится снова, чего впрочемъ и предвидѣть нельзя. Бѣдный Пальмеръ! Если эти строки попадутся ему на глаза, я желалъ бы, чтобъ онъ узналъ, что его паденіе опечалило не одно дружественное сердце, и что страданія, предшествовавшія паденію, уже исторгли много горькихъ слезъ изъ очей, которыя теперь смертію сомкнуты на вѣки.

момъ камнѣ и озаримся свѣтомъ безоблачнаго дня: ибо здѣсь царство Господне.

Богъ, вѣчное начало всего сущаго, открылъ себя Своимъ разумнымъ тварямъ, прежде всего, какъ безпредѣльное могущество и безконечная мудрость. Въ послѣдствіи времени, въ Сынѣ Человѣческомъ, Іисусѣ Праведномъ, Спасителѣ нашемъ, Богъ тѣмъ же тварямъ открылъ Себя, какъ единственное нравственное существо; и существа, нравственнымъ чувствомъ своимъ познавшія Его безконечную любовь, славятъ Его и славятъ въ Немъ Отца щедротъ, во вѣки вѣковъ.

Но это еще только откровеніе историческое. Духъ, который отъ Бога и который есть Богъ, не отказалъ вѣрнымъ въ откровеніи болѣе полномъ. Устами Церкви Онъ назвалъ Сына «Агнцемъ, принесеннымъ въ жертву отъ начала вѣковъ», и тайна Божія открылась въ безконечной ея глубинѣ. Человѣкъ живетъ постоянно въ настоящемъ (ибо *настоящимъ* онъ называетъ самую жизнь свою), и однако это настоящее для человѣка есть только переходъ отъ того, что̀ было будущимъ, къ тому, что станетъ прошедшимъ Оно не имѣетъ реальнаго бытія во времени; настоящее, лишь только мы собираемся назвать его, уже перестало быть, прежде чѣмъ мы успѣли его назвать. Иначе у Бога. Для Него все, что мы разумѣемъ прошедшимъ или будущимъ, слито въ настоящемъ, въ неизмѣнномъ тождествѣ Его вѣчности. Откровеніе Сына человѣческаго, явившееся на подвижной поверхности вѣковъ, есть тоже предвѣчная мысль Божія; и такимъ образомъ, мы познаемъ, что Богъ не только чуждъ злу, но есть *отъ вѣка побѣдитель зла идеею Христа.*

Нравственная свобода—существенное свойство конечнаго разума. Эта свобода есть свобода выбора между любовью къ Богу и эгоизмомъ, иными словами: между правдою и грѣхомъ; этимъ выборомъ опредѣляется окончательно отношеніе конечнаго разума къ его вѣчному источнику, то есть, къ Богу. Но весь міръ конечныхъ умовъ, вся тварь состоитъ во грѣхѣ, либо дѣломъ, какъ согрѣшившая, либо

возможностью грѣха, какъ предохраненная отъ него только отсутствіемъ искушенія и благодатью Божіею.

Въ очахъ Божіихъ нѣтъ ни единаго существа чистаго, ни единаго, состоящаго внѣ грѣха, ни единаго, обладающаго правдою, ему самому присущею, въ силу собственной его свободы. Вся тварь, сама въ себѣ, носитъ свой приговоръ: вся она отлучена отъ Бога; вся она Ему непримирима. Таковъ законъ, законъ строгій, непреклонный, неумолимый; законъ, которому Ветхій Завѣтъ служилъ только символомъ, какъ объясняетъ это намъ Духъ Святой устами апостола (ибо онъ говоритъ не объ одномъ обрядовомъ законѣ). Тварь не можетъ быть возсоединена съ Творцомъ, какъ грѣхъ не можетъ быть соединенъ съ совершенствомъ. Итакъ тварь обречена бѣдствію: таковъ *законъ правды*; *но правды закона* еще не видно. Въ самомъ дѣлѣ, Богъ, существо безконечное, не можетъ быть мѣриломъ для существа ограниченнаго; съ другой стороны, такъ какъ конечный разумъ весь во грѣхѣ, то грѣхъ становится въ отношеніи къ нему реальною необходимостью, а правда остается уже не болѣе какъ отвлеченною возможностью, не имѣющею реальной основы. Но безконечное существо, въ которомъ ничто не абстрактно, а все есть реальность, становится во Христѣ существомъ ограниченнымъ; и Христосъ, явясь во времени, но будучи вѣчною мыслью Отца, Христосъ-человѣкъ, подобный намъ человѣкъ, заключенный въ немощь, въ невѣдѣніе, въ страданіе и въ искушеніе, возстаетъ во всемъ совершенствѣ Божественной правды, единою силою Своей человѣческой воли *). Итакъ Христосъ отъ вѣчности есть единое праведное осужденіе грѣха. Христосъ одинъ есть мѣра всей твари: отъ того Ему отданъ верховный судъ, какъ повѣдалъ намъ Духъ Божій.

Но Христосъ есть не только правда вѣчнаго Отца: Онъ есть еще безконечная любовь Отца. А потому самому Онъ есть не только осужденіе грѣха, но Онъ же есть спасеніе, единственно возможное для грѣшника. Существо Божіе не

---

*) Этимъ объясняется значеніе вопроса о монофелизмѣ. Эта ересь, сама того не зная, обращала правду Божію въ ничто.

можетъ принять грѣха, потому что грѣхъ самъ по себѣ есть произвольное удаленіе отъ Бога; онъ есть эгоизмъ твари, предпочитающей себя Богу. Но любовь Христова не оставляетъ твари. Онъ не хочетъ разлучаться съ нею; Онъ соединяется съ нею единеніемъ внутреннимъ и совершеннымъ; Онъ принимаетъ тяжесть грѣха, которому Онъ есть осужденіе. Съ тварью и для нея, Онъ становится дѣйствительнымъ грѣхомъ, ибо Онъ можетъ имъ быть какъ существо ограниченное. Чье око измѣритъ эту бездну униженія и страданій? Кто пойметъ ужасъ боренія, слезы и потъ кровавый? Кто найдетъ въ себѣ сколько нибудь чувства любви, способной отвѣтить на эту безконечную любовь? Христосъ не есть уже существо по преимуществу чистое и совершенное. Онъ соединился со всякою тварью, не отметающею Его; Онъ принялъ на Себя всякій грѣхъ, каковъ бы онъ ни былъ; Онъ состоитъ подъ тяжестью гнѣва Божія, подъ тяжестью осужденія, котораго правду Онъ проявляетъ въ Своемъ лицѣ; Онъ несетъ приговоръ, которому подвергъ Себя; этотъ приговоръ—смерть. Но тѣмъ самымъ совершена и побѣда. Грѣхъ (который есть эгоизмъ твари), принятый свободно любовью, внезапно преобразился: онъ сталъ совершенствомъ жертвы и, такъ сказать, вѣнцомъ Божественнаго совершенства. Съ другой стороны, тѣмъ же самымъ дѣйствіемъ, которымъ Христосъ, черезъ соединеніе Свое съ тварью несовершенною или виновною, становился отвѣтственнымъ въ грѣхѣ, становится и грѣшникъ участникомъ въ совершенствѣ своего Спасителя. Поэтому самому, всякое существо, не отметающее Христа, примиряется съ Богомъ; всякій грѣхъ обращается въ правду, всякій грѣшникъ становится сыномъ Божіимъ: ибо Христосъ, вслѣдствіе Своего соединенія съ тварью, соединенія не отвлеченнаго, а реальнаго, для однихъ есть оправданіе ихъ несовершенства, хотя и непроявленнаго (то есть отсутствія въ нихъ сопребывающей правды), а для другихъ Онъ искупленіе ихъ обнаружившагося грѣха. Этотъ Христосъ, пришедшій во времени, но вѣчно соприсущій Богу, сіяетъ въ вѣчности, въ самомъ существѣ Отца, Котораго Онъ мысль и откровеніе.

Итакъ Христосъ есть вѣчная побѣда Бога надъ зломъ; Онъ есть единственное осужденіе грѣха отъ вѣчности и вѣчное спасеніе всякаго грѣшника, Его не отметающаго. Всѣ нравственныя отношенія между Богомъ и Его тварью очевидно путаются, превращаются въ гаданія, дѣлаются невозможными внѣ Христа, Іисуса Праведнаго, Того, Кто есть возлюбленный Сынъ Отца щедротъ.

Гдѣ же юридическія заслуги, выдуманныя Римомъ, когда внѣ Христа все грѣхъ и когда все претворяется въ правду о Христѣ? Гдѣ фатализмъ Кальвиниста, когда единственное осужденіе грѣха и единственное спасеніе грѣшника есть именно свобода человѣческая во Христѣ? Гдѣ, наконецъ, слѣпая мудрость Унитарія, мечтающаго, что можно имѣть Бога и обходиться безъ Христа? (Увы, еслибъ даже это было возможно, то какъ же этого желать?). Око сыновъ Церкви, просвѣщенное лучами апостольскаго преданія, обнимаетъ съ вершины святой горы горизонтъ безъ конца и на область заблужденія и мрака, гдѣ бродитъ на удачу ересь, можетъ бросать не иные взоры, какъ только взоры скорбнаго сожалѣнія *).

Таковы дивныя тайны, которыя благоволилъ открытъ намъ Духъ Божій. Онъ далъ намъ разумѣть, что правда Отца проявилась въ свободномъ совершенствѣ Его возлюбленнаго Сына, Іисуса Праведнаго, воплощеннаго вѣчнаго Слова, и что безконечная любовь Отца проявилась въ свободной любви Агнца Божія, принявшаго закланіе за Своихъ братьевъ. Все есть дѣло свободы: правда Христова, насъ

---

*) Если память мнѣ не измѣняетъ, знаменитый Мöлеръ сказалъ въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій: „Es kommt wohl eine Zeit, wo die Menschheit es verstehen wird, dass man weder eine gottlose Welt, noch einen christlosen Gott sich denken kann“ (придетъ время, когда человѣчество пойметъ, что одинаково не мыслимъ міръ безъ Бога, и Богъ безъ Христа). Эта высокая мысль, которая на Западѣ могла быть провидѣна только высокою личностію, въ минуту особеннаго вдохновенія, обнаруживается во всей ясности своей логической послѣдовательности каждому сыну Церкви. Прибавлю здѣсь, что чистый Кальвинизмъ не можетъ не впасть въ Моноѳелизмъ. Каждый серьезный мыслитель придетъ къ этому заключенію самъ собою.

осуждающая, и любовь Христова, спасающая насъ тѣмъ реальнымъ и неизглаголаннымъ единеніемъ, къ которому Онъ насъ допускаетъ, все есть дѣло правды: ибо правда (судебная) есть не иное что, какъ проявленный законъ логики; и здѣсь—ничто не исчезло безслѣдно. Грѣхъ не прощенъ, не разрѣшенъ и не упраздненъ, что было бы противно законамъ разума, но онъ преобразился въ совершенство совершеннымъ единеніемъ человѣка съ своимъ Спасителемъ. Такова тайна Божія. Но въ какую форму облеклось ся откровеніе на землѣ? Въ темную жизнь бѣднаго Еврея, окончившуюся позорною, крестною казнью. Чей же глазъ проникнетъ сквозь этотъ густой покровъ униженій и бѣдствій? Кому дано будетъ выразумѣть то, чего не могли бы угадать и небесныя силы?

Тайна нравственной свободы во Христѣ и единенія Спасителя съ разумною тварью могла быть достойнымъ образомъ открыта только свободѣ человѣческаго разума и единству взаимной любви, завершенной и увѣнчанной Духомъ Божіимъ въ великій день Пятидесятницы, когда возжглись огненные языки на главахъ учениковъ, соединившихся въ упованіи, въ молитвѣ и въ поклоненіи. Въ самомъ дѣлѣ, вѣра, испытующая тайны Божіи, не есть вѣренье (croyance), а вѣдѣніе; но вѣдѣніе не похожее на познаніе наше о внѣшнемъ мірѣ. Она есть познаніе внутреннее, подобное тому, какое имѣемъ мы о явленіяхъ нашей умственной жизни. Она есть даръ благодати Божіей, она знаменуетъ присутствіе Духа истины въ насъ самихъ. Но единеніе земнаго человѣка съ его Спасителемъ всегда несовершенно: оно становится совершеннымъ только въ той области, гдѣ человѣкъ слагаетъ свое личное несовершенство въ совершенство взаимной любви, объединяющей христіанъ. Здѣсь человѣкъ опирается уже не на свои силы, точнѣе — не на свою немощь; онъ довѣряетъ не себѣ лично, а возлагает все свое упованіе на святость любвеобильной связи, соединяющей его съ братьями; и такое упованіе не можетъ обмануть его, ибо связь эта есть Самъ Христосъ, созидающій величіе всѣхъ изъ смиренія каждаго. Такъ въ Антіохіи, самъ передовой вождь святой дружины учениковъ впалъ въ заблужденіе,

грозившее опасностью всей будущности христіанской свободы, и восталъ не иначе какъ смиреннымъ послушаніемъ голосу новообращеннаго. (Увы! тѣ, которые выдаютъ себя за его преемниковъ, не умѣютъ даже понять, чѣмъ онъ былъ великъ). Этотъ примѣръ научаетъ насъ понимать отношеніе каждаго изъ апостоловъ къ Церкви апостоловъ, слѣдовательно и отношеніе каждаго вѣрующаго къ Церкви всѣхъ вѣковъ; тайна Церкви передъ нами разоблачается, и мы дерзаемъ, не опасаясь впасть въ богохульство, назвать ее тѣломъ Самого Христа, Богочеловѣка, Спасителя нашего. Это, конечно, не значитъ, чтобъ мы имѣли безуміе считать самихъ себя, въ ограниченности нашего личнаго бытія, за воплощенія Божества. Дѣйствительно, Церковь—не въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ вѣрующихъ, даже не въ видимомъ собраніи вѣрующихъ, но въ духовной связи, ихъ объединяющей.

Церковь есть откровеніе Святаго Духа, даруемое взаимной любви христіанъ, той любви, которая возводитъ ихъ къ Отцу чрезъ Его воплощенное Слово, Господа нашего Іисуса. Божественное назначеніе церкви состоитъ не только въ томъ, чтобы спасать души и совершенствовать личныя бытія: оно состоитъ еще и въ томъ, чтобы блюсти истину откровенныхъ тайнъ въ чистотѣ, неприкосновенности и полнотѣ, черезъ всѣ поколѣнія, какъ свѣтъ, какъ мѣрило, какъ судъ. Сокровенныя связи, соединяющія земную Церковь съ остальнымъ человѣчествомъ, намъ не открыты; поэтому мы не имѣемъ ни права, ни желанія предполагать строгое осужденіе всѣхъ, пребывающихъ внѣ видимой Церкви, тѣмъ болѣе, что такое предположеніе противорѣчило бы Божественному милосердію.

Напротивъ, слова Духа Божія въ посланіи Св. Павла къ Римлянамъ и въ повѣствованіи объ обращеніи сотника дозволяютъ намъ питать сладкую надежду за всѣхъ нашихъ братьевъ, каковы бы ни были заблужденія ихъ ученій. Мы твердо знаемъ, что внѣ Христа и безъ любви ко Христу человѣкъ не можетъ быть спасенъ; но въ этомъ случаѣ подразумѣвается не историческое явленіе Христа, какъ по-

вѣдалъ Самъ Господь *). Христосъ есть не только фактъ, Онъ есть законъ, Онъ осуществившаяся идея; а потому иной, по опредѣленіямъ Промысла никогда не слыхавшій о Праведномъ пострадавшемъ въ Іудеѣ, въ дѣйствительности покланяется существу Спасителя нашего, хотя и не можетъ назвать Его, не можетъ благословлять Его Божественное имя. Не Христа ли любитъ тотъ, кто любитъ правду? Не Его ли ученикъ, самъ того не вѣдая, тотъ, чье сердце отверсто для состраданія и любви? Не единственному ли Учителю, явившему въ Себѣ совершенство любви и самоотверженія, подражаетъ тотъ, кто готовъ жертвовать счастьемъ и жизнью за братьевъ? Кто признаетъ святость нравственнаго закона и, въ смиреніи сердца, признаетъ и свое крайнее недостоинство передъ идеаломъ святости, тотъ не воздвигъ ли въ душѣ своей алтарь Тому Праведнику, передъ Которымъ преклоняется воинство умовъ небесныхъ? Ему недостаетъ только знанія; но Онъ любитъ Того, кого не знаетъ подобно Самарянамъ, которые покланялись Богу, не вѣдая Его. Говоря точнѣе: не Его ли онъ любитъ, только подъ другимъ именемъ? Ибо правда, состраданіе, сердоболіе, любовь, самоотверженіе, наконецъ все поистинѣ человѣчное, все великое и прекрасное, все, что достойно почтенія, подражанія, благоговѣнія, все это не различныя ли формы одного имени нашего Спасителя? Другіе слышали проповѣдь Его закона, но Онъ былъ представленъ имъ въ ложномъ свѣтѣ, и они не смогли отдѣлить истины отъ примѣси заблужденій, въ которой она передъ ними являлась, не смогли опознать ее, хотя сами принадлежали этой самой истинѣ всѣми своими желаніями и стремленіями.

Наконецъ всѣ христіанскія секты не заключаютъ ли въ нѣдрахъ своихъ такихъ людей, которые, несмотря на заблужденія ихъ ученій (большею частью наслѣдственныя) своими помыслами, своимъ словомъ, своими дѣлами, всею своею жизнью чествуютъ Того, Кто умеръ за своихъ преступныхъ братьевъ? Всѣ они, отъ идолопоклонника до сек-

*) Противопоставленіемъ грѣха противъ Сына Человѣческаго грѣху противъ Духа Святаго.

татора, болѣе или менѣе погружены во тьмѣ; но всѣмъ виднѣются во мракѣ какіе нибудь мерцающіе лучи вѣчнаго свѣта, доходящаго до нихъ различными путями. Конечно, слабы, недостаточны эти лучи и каждую минуту могутъ угаснуть во мракѣ сомнѣнія; но всѣ они идутъ отъ Бога и отъ Христа, и средоточіе у нихъ одно: въ солнцѣ Истины, которое свѣтитъ для Церкви.

Изъ этой-то, ввѣренной Церкви, неисчерпаемой сокровищницы внутренняго познанія или вѣры, пріемлютъ свое начало тѣ остатки откровенія, которые еще сохраняются въ отпавшихъ отъ Церкви сектахъ. Не другое что, какъ славная борьба Церкви съ Аріевымъ заблужденіемъ—дала этимъ сектамъ познаніе о томъ, что въ мірѣ разумномъ ничто не можетъ быть Богу подобно въ совершенствѣ нравственномъ (ибо таково нравственное начало, заключенное въ догматическомъ исповѣданіи). Не другое что, какъ борьба противъ Несторія и Евтихія, утвержденіемъ того начала, что Богъ и человѣкъ на столько подобны, что Богъ могъ содѣлаться человѣкомъ—наложила и на человѣка обязанность не довольствоваться для самого себя никакимъ приблизительнымъ совершенствомъ, а непрестанно и всею силою стремиться къ совершенству безусловному. Не другое что, какъ борьба противъ Моноѳелизма—объявила правду Божію и, въ лицѣ Христа, дала силу правамъ человѣческой свободы. Я здѣсь указываю на одну лишь нравственную сторону догмата; ибо эта именно сторона создала всю умственную и общественную жизнь народовъ, называющихъ себя христіанскими. Не другой кто, какъ Церковь, на второмъ Никейскомъ соборѣ—установила свободу въ выборѣ формъ богопочитанія и обряда. Она же, въ наше время, подкопала самое основаніе всѣхъ настоящихъ и будущихъ раціоналистическихъ ересей, повѣдавъ тайну правящаго ею нравственнаго закона и заявивъ устами восточныхъ патріарховъ, что истина дается только взаимной любви *).

Обращаюсь наконецъ къ примѣрамъ низшаго разряда. Если въ эту минуту я могъ позволить себѣ раскрыть вѣчное сі-

*) См. выше, стр. 61.

яніе воплощеннаго Слова: если мнѣ удалось показать, что внѣ воплощенія, внѣ Богочеловѣка, внѣ нравственнаго отношенія между Творцомъ и тварью, какъ осужденіе, такъ и спасеніе теряютъ всякую дѣйствительность и становятся невозможными; если я могъ изложить въ логической послѣдовательности то, чего мудрецы Запада не могли сказать и чему не рѣшатся противорѣчить: то этимъ правомъ, этою силою, этою властью, обязанъ я только счастью быть сыномъ Церкви, а вовсе не какой-либо личной моей силѣ. Говорю это смѣло и не безъ гордости, ибо неприлично относиться смиренно къ тому, что̀ даетъ Церковь.

Сознавъ величіе Церкви и собственное свое ничтожество, христіанинъ не можетъ не чувствовать, сколь недостоинъ онъ того высокаго предназначенія и той славы, къ которымъ онъ призывается. Это глубокое и искреннее ощущеніе собственнаго недостоинства, этотъ строгій и праведный судъ, произносимый надъ самимъ собою, вынуждаютъ его исключить себя мысленно изъ Божественной среды, къ которой онъ и желалъ бы, но не дерзаетъ себя причислить. Братьямъ своимъ объявляетъ онъ свою вину и осужденіе, которому онъ самъ себя подвергаетъ; а они, сердобольною и снисходительною рукою, снова отворяютъ передъ нимъ двери, которыхъ онъ не посмѣлъ бы отворить самъ: ибо осудить себя онъ можетъ, но разрѣшить себя не имѣетъ права. Таково таинство покаянія; не безъ основанія называли его возобновленіемъ крещенія, не потому, конечно, чтобы крещеніе повторялось, а потому, что какъ въ крещеніи человѣкъ не самопроизвольно вступаетъ въ общеніе съ избранными и со Христомъ, такъ и въ таинствѣ покаянія человѣкъ, мысленно исключающій себя изъ Церкви, не считаетъ себя въ правѣ войти въ нее снова, иначе какъ по приговору своихъ братьевъ. Искренность его самоосужденія, а не что-либо другое, придаетъ въ этомъ случаѣ приговору, которому онъ подчиняется, силу дѣйствительнаго разрѣшенія. Тутъ нѣтъ обвинителя со стороны, нѣтъ внѣшней власти, ни суда извнѣ. Обвиняетъ себя самъ человѣкъ, самъ себя осуждаетъ, а оправдываетъ его Церковь. Она снимаетъ съ него тяжесть осужденія, имъ произнесен-

наго, и принимаетъ его опять въ свое лоно. Это таинство, худо понятое Латинянами, естественно было отвергнуто реформатами, которымъ вообще рѣшительно не далась тайна земной или исторической Церкви. Реформаты смѣшали таинство съ предписаніями или дисциплинарными правилами, которыя могутъ къ нему присоединяться, но не составляютъ его существенной принадлежности. На него стали смотрѣть какъ на проявленіе исключительной привиллегіи іерархіи, тогда какъ оно прямо вытекаетъ изъ живаго единства, связующаго въ одно цѣлое всѣхъ членовъ Церкви, единства, которому пастыри Церкви служатъ лишь видимымъ выраженіемъ.

Если покаяніе, поколику оно проявляется въ формѣ таинства (т. е. черезъ посредничество общины вѣрныхъ), обусловливается съ одной стороны личнымъ смиреніемъ каждаго христіанина съ другой—органическимъ его единеніемъ съ братьями; если поэтому оно необходимо въ Церковной жизни, и если каждый сынъ Церкви, какъ бы высоко поставленъ онъ ни былъ (ибо всѣ въ этомъ случаѣ подчиняются одному закону, священникъ и епископъ, наравнѣ съ мирянином), естественно ощущаетъ потребность прибѣгать къ покаянію въ теченіе всей своей жизни; то не гораздо ли еще естественнѣе прибѣгать къ нему въ то время, когда человѣкъ готовится приступить къ важнѣйшему изъ всѣхъ дѣяній въ жизни—къ тому, въ которомъ духовное единство Церкви получаетъ на землѣ свой небесный вѣнецъ? Я говорю объ Евхаристіи. Если когда-нибудь христіанинъ сознаетъ свое крайнее недостоинство, нравственное величіе своего Божественнаго Спасителя, и славныя преимущества дарованныя Церкви; если когда нибудь, исполненный священнаго страха, онъ чувствуетъ всю справедливость осужденія и всю невозможность избѣгнуть его иначе какъ черезъ соединеніе съ Сыномъ Человѣческимъ, котораго тѣло есть Церковь; если чувствуетъ онъ необходимость исключить себя изъ этой Церкви собственнымъ надъ собою приговоромъ и снова быть принятымъ въ нее сердобольною любовью своихъ братьевъ и своей общины: то конечно, всѣ эти чувства должны заряждаться

въ немъ съ особенною, неодолимою силою въ ту страшную минуту, когда благодать Божія призываетъ его соединиться со Христомъ не только мысленно, но и вещественно, не только разумомъ, но и тѣломъ, предназначеннымъ быть проявленіемъ мысли. Ибо Евхаристія, какъ я сказалъ, есть реальное соединеніе души съ душею и тѣла съ тѣломъ; да и весь міръ избранныхъ, по тѣсному ихъ соединенію со Христомъ, есть уже не иное что какъ тѣло Христово, какъ это повѣдано Дамаскинымъ въ его вдохновенной пѣсни, повторяемой священникомъ послѣ причастія *).

Но единеніе тогда лишь получаетъ свой вѣнецъ, когда оно осуществляется въ реальномъ мірѣ, въ принципѣ общежитія, въ проявленіяхъ этого принципа, въ ученіи, всею общиною исповѣдуемомъ, въ общепризнанныхъ и общепринятыхъ таинствахъ, въ обрядахъ наконецъ: ибо обряды суть не иное что какъ выраженіе отношеній общины къ исповѣдуемому ею догмату. Церковь, въ ея земномъ призваніи, въ тоже время и видима и невидима. На дѣлѣ она есть общество избранныхъ Божіихъ, одно тѣло и одна душа; въ этомъ смыслѣ она Церковь невидимая. Но въ тоже время, безотносительно къ внутренней, индивидуальной жизни ея членовъ, она есть общество людей, *признающихъ* принципъ христіанской жизни и *подчиняющихся ему, по крайней мѣрѣ съ виду.* Христіанинъ не судитъ своихъ братьевъ; община судитъ ихъ снисходительно, подъ часъ, можетъ быть, даже слишкомъ снисходительно (слѣдствіе человѣческой немощи); она не испытуетъ сердецъ и не отказываетъ въ своемъ общеніи раскаянію, хотя бы только наружному; но не такъ поступаетъ она съ братьями, отметающими или отрицающими самый принципъ, на которомъ зиждется единство. Въ этихъ случаяхъ она не судитъ отступниковъ, но удаляется отъ нихъ. Человѣческая связь остается нетронутою; но ру-

*) О Пасха велія и священнѣйшая Христе! О мудросте и Слове Божій и сило! Подавай *намъ истѣе* Тебѣпричащатися въ невечернемъ дни Царствія Твоего.

шится для отпавшихъ таинственная связь, нѣкогда существовавшая между ними и Церковью; она упраздняется видимымъ дѣйствіемъ ихъ собственной воли, и тогда отнимается у нихъ благодать, этою связью обусловленная, къ ней такъ сказать прикрѣпленная и потому безъ нея немыслимая.

Таково правило Церкви видимой. Она существуетъ только, поколику подчиняется Церкви невидимой и, такъ сказать, соглашается служить ей проявленіемъ. Съ другой стороны, невидимая Церковь, по самой природѣ своей, очевидно не можетъ признать за свое проявленіе такое общество, которое не хотѣло бы подчиниться самому принципу христіанскаго общенія. Этотъ принципъ, какъ я сказалъ, есть начало взаимной любви въ Іисусѣ Христѣ, приносящее съ собою свои плоды: освященіе и познаніе Божественныхъ таинъ, иначе—вѣру. Пока начало существуетъ и признается всѣми, существуетъ и видимая Церковь, даже при общемъ невѣжествѣ о внѣшнихъ вещахъ, не смотря даже на личный развратъ и на грубость гражданскихъ и политическихъ отношеній, созданныхъ историческою судьбою народа (ибо все это не подлежитъ сужденію Церкви невидимой). Но когда самое начало отвергается, тогда, что̀ было видимою Церковью, перестаетъ существовать въ этомъ смыслѣ, а Церковь невидимая поставляется въ необходимость обнаружить себя и сдѣлаться видимою посредствомъ протеста. Поэтому не можетъ быть ничего безсмысленнѣе предположенія, что Церковь невидимая (то есть Церковь, лишенная всякаго проявленія) могла будто бы, въ продолженіи вѣковъ, пребывать разсѣянною въ средѣ религіознаго общества, исповѣдующаго ложныя ученія, ложные догматы и отправляющаго обряды недостойные Христіанства. Что-жъ бы это была за невидимая Церковь, когда бы общеніе ея членовъ между собою совершалось не иначе какъ въ поврежденныхъ таинствахъ? Что-жъ бы это была за невидимая Церковь, члены которой не имѣли бы ни познанія истины, ни мужества исповѣданія истины? Предположить ли въ нихъ незнаніе истины? Но тогда, гдѣ благодать вѣры? А если обладали истиною, то гдѣ обя-

зательное мужество исповѣданія? Какъ бы могли невѣжды въ вѣрѣ быть Церковью Апостоловъ? Или: что мѣшало трусамъ предпочесть смерть исповѣданію сознаннаго заблужденія? Такова невидимая Церковь тѣхъ изъ реформатовъ, которые хотятъ непремѣнно удержать Церковь какъ идею.

Сознаніе несостоятельности этой доктрины поневолѣ вынуждаетъ Англиканцевъ и многихъ изъ Лютеранъ, раздѣляющихъ воззрѣніе г. Сталя, признать, что Латинство было Церковью, въ полномъ смыслѣ слова, до самаго того времени, когда его злоупотребленія вызвали преобразованіе, или отложеніе. Но ученые, принимающіе эту доктрину, впадаютъ въ противорѣчіе еще болѣе очевидное, чѣмъ то, которое сейчасъ было раскрыто. Имъ приходится признать или оправдать все то, что они же, съ полнымъ основаніемъ, постоянно осуждали и осуждаютъ. Приходится допустить, за цѣлый рядъ вѣковъ назадъ, ученіе о папскомъ главенствѣ, которое, какъ извѣстно, никогда такъ смѣло не предъявлялось и такъ всенародно не признавалось, какъ при ближайшихъ преемникахъ Григорія VII; приходится помириться съ ученіемъ о чистилищѣ, которое представители всего Запада хотѣли навязать Церкви на Флорентинскихъ совѣщаніяхъ, съ правомъ лишать мірянъ крови Спасителя; наконецъ, и тѣмъ паче, приходится допустить приложеніе къ Никейскому символу, хотя большая часть серьезныхъ ученыхъ называетъ его искаженіемъ въ догматѣ по существу, и хотя всѣ ученые признаютъ его дѣломъ схизматическимъ по способу его введенія. Такимъ образомъ, Англиканцамъ и Лютеранамъ въ томъ крайне фальшивомъ положеніи, въ которое они поставлены, предстоитъ неизбѣжно или впасть опять въ мечту о невидимой Церкви, или же разжаловать основателей своихъ исповѣданій въ ересіарховъ. Мы же не назовемъ ихъ этимъ именемъ и отнесемся справедливѣе къ могучему уму и благородному характеру Лютера, равно какъ и къ первымъ проповѣдникамъ Англиканства. Сбитые, къ ихъ несчастію, съ прямаго пути, рожденные въ мірѣ заблужденій и погруженные въ нихъ, они употребили много тщетныхъ

усилій, стараясь выбиться изъ потемокъ и вернуть папскую ересь къ первоначальной истинѣ. Но человѣку не дано *возсоздать* Церковь апостоловъ; онъ можетъ только *присоединиться* къ ней. Гордость Запада помѣшала ему обратиться къ Востоку, и кончилось тѣмъ, что царство папской ереси, то есть Римскаго Протестантства, распалось на двое: въ немъ образовалась новая форма заблужденія, образовался новый видъ Протестанства.

Церковь, органическое *единство* Церкви — все это такія положенія, которыхъ Реформа, не осуждая самой себя, отстаивать не можетъ. Оттого большинство протестантовъ рѣшилось уже обойтись безъ нихъ: но тѣмъ самымъ, какъ я уже сказалъ, они отнимаютъ у себя Св. Писаніе, обрекая себя на безвыходное круженіе въ безграничной области субъективнаго произвола. Выходитъ, по ихъ понятіямъ, что *тайна единства* Творца съ тварью, черезъ Христа, была бы *ввѣрена раздору*. Таковъ принципъ Протестантства, какими бы историческими или діалектическими изворотами ни старались отъ него ускользнуть. Онъ опровергается самъ собою. Сами протестанты начинаютъ это понимать, и конечно въ ихъ умственномъ развитіи это важный шагъ впередъ. Неизбѣжное заключеніе, къ которому должна придти Реформа, яснѣетъ въ ихъ глазахъ по мѣрѣ того, какъ сами они углубляются въ изученіе религіозныхъ вопросовъ. Понятно, что оно не укрылось отъ могучаго мыслителя и добросовѣстнаго ученаго, каковъ Бунзенъ. Но выводъ отрицательный, самъ по себѣ, приводитъ только къ безвѣрію: чтобы спастись отъ него, нужна положительная основа. Въ послѣднемъ своемъ сочиненіи «Богъ въ исторіи» (Gott in der Geschichte) Бунзенъ ставитъ начало столько же истинное, сколько богатое выводами. «Библія существовала прежде, чѣмъ была написана».—Если такъ, то это преданіе. «Библія» (т. е. Св. Писаніе) «немыслима безъ общины» (т. е. безъ Церкви), «и община немыслима безъ Библіи». — «Писаніе есть писаніе Церкви, Церковь есть община Писанія». Такое начало, выраженное въ столь строгой, точной, по истинѣ христіанской формѣ, совершенно ново въ протестантскомъ мірѣ, и нельзя

не признать, что оно родилось отъ ближайшаго ознакомленія съ ученіемъ Церкви и съ тѣми объясненіями, которыя даны о немъ церковными писателями въ наше время. Бунзенъ, равно какъ и всѣ принимающіе это основное положеніе, близки къ царству Божію, и намъ позволительно думать, что лучъ свѣта, добытый ими въ послѣднее время, данъ имъ въ награду за серьезность и честную послѣдовательность мысли, проявленную ими даже въ ихъ заблужденіяхъ. Дай Богъ, чтобы наука, оставаясь вѣрною самой себѣ, восторжествовала наконецъ надъ человѣческою гордостью и покорилась Божественной истинѣ, *которой бы она не въ состояніи была открыть*, но для которой могла очистить пути, опроверженіемъ ложныхъ ученій *). Какъ скоро начало поставлено, выводъ изъ него легокъ и неотразимъ. Библія не есть книга *написанная*, ибо то, чтó написано, есть только видимая оболочка Библіи: Библія есть книга *мыслимая*, книга какъ разумѣваемое начало. Книга эта есть мысль общины, ея внутренняя вѣра. Поэтому тамъ уже нѣтъ Библіи, гдѣ, вслѣдствіе искаженія докрины, не стало общины или Церкви, хотя и остается вещественная сторона Библіи, т. е. книга какъ книга; ибо, какъ сказалъ Св. Григорій, говоря о пророкахъ, смыслъ записанной тайны доступенъ только той общественной единицѣ, которая сама въ себѣ носитъ откровеніе этой тайны **). Разумѣніе доктрины и выраженіе разумѣнія въ письменной формѣ слѣдуютъ необходимо однимъ и тѣмъ же законамъ; ибо разумѣніе предшествуетъ написанію и переживаетъ его, такъ что, въ крайности, оно могло бы, такъ сказать, воспроизвести писаніе, если бы вещественная форма его когда нибудь могла затеряться. Только разъ сошелъ Св. Духъ на апостоловъ, а черезъ нихъ на всѣхъ вѣрныхъ всѣхъ вѣковъ, и

---

*) Въ этомъ же смыслѣ и Св. Климентъ Александрійскій говорилъ, что философія воспитала Еллиновъ ко Христу, какъ законъ воспиталъ Евреевъ. Эта мысль дошла къ нему отъ его учителя, который самъ былъ ученикъ апостоловъ.

**) Такъ Ветхій Завѣтъ теперь уже не существуетъ для Іудеевъ. Надѣюсь, что протестанты не отвергутъ этого вывода изъ начала, которое они сами недавно стали признавать.

не для того Духъ Божій нисходилъ на общину, чтобы потомъ удалиться, но для того, чтобы пребывать въ ней навсегда. «*Св. Писаніе писано всею Церковью*». «*Писаніе не есть писаніе Павла или Луки, но писаніе Церкви*», какъ я сказалъ въ двухъ первыхъ моихъ брошюрахъ. Писаніе не можетъ никогда сдѣлаться книгою вчерашняго дня; оно есть и будетъ всегда книгою сегодняшнею, потому что Христосъ всегда одинъ и тотъ же вчера, и нынѣ, и во вѣки, и потому что Церковь не иное что, какъ единство Бога съ разумною тварью, также какъ Церковь земная не иное что, какъ единство вѣрныхъ, созидаемое взаимною любовью въ человѣкѣ Іисусѣ, нашемъ Спасителѣ и Богѣ.

Поэтому утратили Писаніе тѣ, которые первые отринули Церковь и провозгласили независимость областнаго мнѣнія, то есть Латиняне, основатели Протестантства. При нихъ остается только вещественная форма Писанія, книга въ смыслѣ сборника многихъ писаній. Для нихъ уже нѣтъ различія между каноническимъ и апокрифическимъ, и они обращаютъ апокрифъ въ каноническое писаніе. Вслѣдствіе того же, только болѣе развитаго принципа, и новѣйшіе протестанты, удержавъ книгу, утратили Писаніе, при чемъ, въ противоположность Латинянамъ, они стали обращать каноническое въ апокрифъ. Живой смыслъ потерянъ для тѣхъ и для другихъ, потому что тѣ и другіе утратили единство.

Тайна Христа, спасающаго тварь, какъ я уже сказалъ, есть тайна единства и свободы человѣческой въ воплощенномъ Словѣ. Познаніе этой тайны ввѣрено было единству вѣрныхъ и ихъ свободѣ, ибо законъ Христовъ есть свобода. Спаситель удалилъ отъ учениковъ Свое видимое присутствіе, и однако Церковь ликуетъ. Почему ликуетъ Римлянинъ? Онъ не имѣетъ на это никакого права; но онъ хранитъ преданіе, хотя отнимаетъ у него его смыслъ: ибо истина всегда представляется ему чѣмъ-то для человѣка внѣшнимъ. Онъ вѣритъ, что съ вершины Капитолія раздается голосъ прорицателя; но не гораздо ли бы лучше было слышать истину изъ устъ Самого Искупителя? Однако Онъ этого не восхотѣлъ. Христосъ *зримый*—это была бы исти-

на, такъ сказать, навязанная, неотразимая (по вещественной осязательности ея проявленія), а Богу угодно было, чтобъ истина усвоилась *свободно*. Христосъ зримый—это была бы истина внѣшняя; а Богу угодно было, чтобъ она стала для насъ внутреннею, по благодати Сына, въ ниспосланіи Духа Божія. Таковъ смыслъ Пятидесятницы. Отселѣ истина должна быть въ насъ самихъ, во глубинѣ нашей совѣсти. Никакой видимый признакъ не ограничитъ нашей свободы, не дастъ намъ мѣрила для нашего самоосужденія противъ нашей воли.

Христосъ удалилъ видимое Свое присутствіе. Человѣкъ ли какой нибудь займетъ Его мѣсто? Но тогда истина осталась бы для насъ внѣшнею, ибо совѣсть наша подчинялась бы голосу этого человѣка. И вотъ чего хотятъ проповѣдники папской непогрѣшимости, какъ ее понимаютъ ультрамонтаны. Или, можетъ быть, этотъ человѣкъ получитъ право навязывать намъ свое убѣжденіе въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда оно найдетъ себѣ подтвержденіе въ согласіи нѣкотораго числа нашихъ братьевъ?—это оговорка Галликанцевъ. Но въ обоихъ случаяхъ, нашъ выборъ обусловливался бы не свободнымъ внушеніемъ нашей совѣсти, просвѣщенной любовью, взаимно насъ объединяющею, а простымъ свидѣтельствомъ нашихъ глазъ, которые указывали бы намъ, на которой сторонѣ развѣвается Римское знамя. Слѣдовательно, и здѣсь присутствію одного человѣка въ одномъ изъ противоположныхъ становъ, присвоивалось бы право насиловать нашу совѣсть. Этотъ человѣкъ и былъ бы истиною зримою. Значитъ, Галликанцы только прибавили антилогическую оговорку къ антихристіанскому началу, провозглашенному ультрамонтанами. Или, можетъ быть, этотъ человѣкъ только тогда будетъ значить что нибудь, когда будетъ въ согласіи со всею Церковью? Но тогда все ученіе о папской непогрѣшимости обратилось бы въ пустую фразу, лишенную смысла; ибо оказалось бы, что такую же точно власть имѣетъ и каждый изъ сыновъ Церкви; сверхъ того Романизмъ осудилъ бы этимъ самого себя въ своемъ историческомъ происхожденіи, такъ какъ онъ изначала не захотѣлъ знать Востока,

не призывалъ его на совѣтъ и совершилъ надъ нимъ нравственное братоубійство, присвоивъ себѣ монополію благодати. Этимъ самымъ, какъ я уже показалъ, и положилъ онъ основаніе Протестантству.

Повторяю: никакой внѣшній признакъ, никакое знаменіе не ограничитъ свободы христіанской совѣсти: Самъ Господь насъ этому поучаетъ. Папа ли будетъ этимъ знаменіемъ? Но папа былъ осужденъ на соборѣ, признанномъ Церковью; папа подписалъ противохристіанское исповѣданіе вѣры на соборѣ, отвергаемомъ Церковью. Большинство ли епископовъ, созванныхъ на соборъ? Но въ Никеѣ насчитывалось не болѣе трехъ сотъ вѣрныхъ, а въ Римини собралось болѣе пяти сотъ еретиковъ; это фактъ первостепенной важности, котораго мы не должны забывать. Исповѣданіе, составленное въ Римини и извѣстное подъ смѣшнымъ названіемъ *полу-Аріанства*, было въ дѣйствительности полнѣйшимъ торжествомъ Аріанства. Оно заключало въ себѣ самую суть лжи, ибо заявляло, что можно быть подобнымъ Богу отнюдь не въ томъ смыслѣ, въ какомъ подобными ему называются всѣ разумныя существа *). Мы свободны, потому что восхотѣлъ этого Богъ, и потому что завоевалъ намъ свободу Христосъ свободою Своего за насъ жертвоприношенія. Мы были бы недостойны разумѣнія истины, если бы пріобрѣтали его не свободно, не подвигомъ и напряженіемъ всѣхъ нашихъ нравственныхъ силъ.

Мы были бы недостойны разумѣнія истины, если бы не имѣли свободы; были бы неспособны уразумѣвать ее, если бы не держались въ единствѣ, силою нравственнаго закона. Что благоволилъ открыть намъ Богъ, что изрекъ Духъ Святый, что̀ изглаголала въ прошедшемъ Церковь Библіею, соборными опредѣленіями, смысломъ преданнаго обряда—

---

*) О значеніи епископства я говорилъ во второй моей брошюрѣ. Право объявлять церковную вѣру, по всему праву, приличествуетъ епископамъ; но, при несогласіи епископовъ между собою, вся Церковь рѣшаетъ въ послѣдней инстанціи; а единомысліе всего епископства въ заблужденіи не можетъ быть допущено даже въ видѣ предположенія.

все это намъ дано. Разумѣніе проявленнаго, никогда не перерывающееся проявленіе разумѣнія (подвигъ Церкви современной) все это ввѣрено свободѣ нашей мысли, а мысль всей Церкви образуется гармоническимъ сліяніемъ мыслей личныхъ, просвѣщенныхъ Божественною благодатью. Но и личная мысль не простая рефлекція анализирующаго и раціонализирующаго духа; въ ней всецѣло проявляется нравственное существо. Она пріемлетъ наученіе не только словомъ, но всею полнотою церковной жизни. Она не итогъ умозаключеній, а совокупность разумныхъ стремленій. Ей служитъ выраженіемъ не только силлогизмъ выговоренный или силлогизмъ въ мысли, но и созерцаніе, и сердце сокрушенное, и смиреніе искреннее, и колѣна, преклоненныя въ молитвѣ, и несомнѣнная надежда, что Богъ не откажетъ въ истинѣ Своей Церкви, спасенной Имъ кровію Сына Своего; паче всего, она есть взаимная любовь во Іисусѣ Христѣ, Единомъ Подателѣ силы и мудрости и слова жизни.

Но, спрашиваютъ, какъ же мнѣ избѣжать заблужденія?— Молись, чтобы не впасть въ искушеніе! Мы знаемъ: нѣтъ человѣка безгрѣшнаго, нѣтъ и человѣка, изъятаго отъ заблужденій, какъ бы высоко онъ ни стоялъ; но согласіе всѣхъ есть истина въ лонѣ Церкви, а Церковь есть тѣло нашего Господа, по закону любви, который есть правило Церкви.

Вся исторія Церкви есть какъ бы раскрытіе этого закона. Каждый отдаетъ свой умственный трудъ всѣмъ; каждый пріемлетъ отъ всѣхъ добытое общимъ трудомъ. Поэтому, когда заблужденіе начинаетъ выдавать себя за церковную истину, опроверженіе, иной разъ, можетъ идти отъ одного лица; но рѣшеніе всегда принадлежитъ всѣмъ. Является Арій и выдаетъ свое личное безуміе за выраженіе соборной вѣры. Громче другихъ раздается, въ обличеніе ему, голосъ человѣка, немного значущаго въ общинѣ, голосъ простаго діакона. Но этотъ голосъ взываетъ къ вѣрѣ всѣхъ. Онъ говоритъ: «Христіане! Войдите въ себя, испытуйте ваши сердца и ваши совѣсти! Какую вѣру получили вы отъ апостоловъ? Какую вѣру носите вы въ

себѣ?» Соборъ собирается и произноситъ свидѣтельство. Церковь судитъ и признаетъ соборъ за истинное выраженіе мысли каждаго изъ вѣрныхъ; и вѣка славятъ имя Аѳанасія, которому Богъ даровалъ слово истины, дабы онъ содѣлался какъ бы голосомъ своихъ братьевъ. По своей внѣшней формѣ, Аріанство было не чуждо признаковъ церковности, и въ этомъ отношеніи нельзя было отличить его отъ Православія; но Аріанству не доставало того духа, который есть внутренняя жизнь Церкви. Тоже явленіе представляютъ и послѣдующія ереси. Всѣ онѣ ложны въ основаніи, и ни одна изъ нихъ не осуждается одною своею формою. Одно лишь Латинское заблужденіе наложило на себя и эту печать осужденія.

Романизмъ порожденъ мятежемъ горделивой свободы противъ нравственнаго закона единства. Въ этомъ законѣ лежало его осужденіе; а потому, чтобъ увернуться отъ логическихъ послѣдствій своего отпаденія, онъ создалъ себѣ искусственное единство, предоставивъ папѣ власть надъ совѣстью своихъ приверженцевъ. Такимъ образомъ, іерархія, олицетворившись въ одномъ человѣкѣ, обратилась въ тираннію, не по злоупотребленіямъ только, но въ силу ея закона; христіане обратились въ рабовъ или въ приписныхъ къ христіанству. Повторять ли за другими, что Латинянъ осуждаетъ начало свободы? Къ чему? Не равно ли осуждаются они и закономъ единства? Не осуждаются ли они логикою? Не осуждаются ли они чувствомъ? Принимая за основу мнимо церковной жизни, какъ я уже сказалъ, начало чисто условное, они повинуются вѣрѣ, пребывающей не въ нихъ, а внѣ ихъ.—Этимъ объясняется и тотъ особенный характеръ, которымъ запечатлѣны всѣ ихъ творенія о предметахъ вѣры: лица, не имѣющія вѣры *личной*, берутъ на себя защиту религіи общей, которой они подчиняются. Кто знакомъ съ древнимъ Римомъ, почувствуетъ, какъ много правды въ выраженіи «Римъ христіанскій», такъ охотно употребляемомъ Римлянами; но онъ также почувствуетъ силу приговора, который они этимъ самымъ произносятъ на себя самихъ. Иное видимъ мы у реформатовъ. Вслѣдствіе несостоятельносси принятыхъ ими началъ,

вѣрованіе ихъ постоянно колеблется и никогда не выливается въ опредѣленную форму; но, по крайней мѣрѣ, оно принадлежитъ имъ, оно въ нихъ.

Такъ неужели реформаты по праву считаютъ себя представителями начала свободы? Нисколько. Каждый человѣкъ долженъ быть свободенъ въ своемъ вѣрованіи. Такъ, но этого мало: этимъ не все исчерпывается, и нисколько еще не опредѣляется отличіе свободы въ христіанствѣ отъ другихъ проявленій свободы. На такой свободѣ, которой плоды обнаруживаются во внутреннемъ раздорѣ вѣрованій, въ признанномъ или неизбѣжномъ субъективизмѣ (который самъ по себѣ есть сомнѣніе, или точнѣе—невѣріе), наконецъ въ отсутствіи объективной вѣры, т. е. реальнаго познанія: на такой свободѣ нѣтъ благословенія Божія. Это не та свобода, которой Богъ открылъ Свои тайны; не та, которую пріобрѣлъ намъ Христосъ Своею смертію. Реформаты проповѣдуютъ свободу, но они безчестятъ свободу сыновъ Божіихъ, ибо не знаютъ дарованнаго ей благословенія, ни плодовъ его: согласія вѣры и полноты жизни. Свободные во Іисусѣ Христѣ суть едино въ Немъ, а гдѣ нѣтъ единства, тамъ рабство заблужденію; тамъ свобода мнимая, свобода въ глазахъ человѣческихъ, но не въ очахъ Божіихъ. Кто отрицаетъ христіанское единство, тотъ клевещетъ на христіанскую свободу, ибо единство ея плодъ и ея проявленіе.

Единство внѣшнее, отвергающее свободу и потому недѣйствительное—таковъ Романизмъ. Свобода внѣшняя, не дающая единства, и потому также недѣйствительная—такова Реформа. А мы знаемъ, что тайна единства Христа съ Его избранными, единства, осуществленнаго Его человѣческою свободою, открыта въ Церкви дѣйствительному единству и дѣйствительной свободѣ вѣрныхъ. Познаніе силъ, которыми совершилось наше спасеніе, ввѣрено подобнымъ же силамъ; иначе не могло и быть. Познаніе единства не могло быть ввѣренно раздору, ни познаніе свободы рабству; но Церкви дано и то и другое, потому что единство ея есть не иное что, какъ согласіе личныхъ свободъ.

Не рѣдкость услышать отъ реформатовъ, что Церковь будто бы потому не обладаетъ свободою, что ее связываютъ ся собственное прошедшее, ея рѣшенія, ея соборы, наконецъ смыслъ, если не форма, ея обрядовъ. Это возраженіе ребяческое. Стоило бы провести его послѣдовательно, и мы пришли бы къ заключенію, что Церковь потому не можетъ быть свободна, что не можетъ, въ одно и то же время быть истинною и быть несогласною съ Св. Писаніемъ и съ міромъ Божественныхъ откровеній. Свобода человѣческаго разума состоитъ не въ томъ, чтобы по своему *творить* вселенную, а въ томъ, чтобъ *уразумѣвать* ее, свободнымъ употребленіемъ своихъ познавательныхъ способностей, независимо отъ какого бы то ни было внѣшняго авторитета. Св. Писаніе есть откровеніе Божіе, свободно понятое разумомъ Церкви; опредѣленія соборовъ, смыслъ обрядовъ, словомъ, — все догматическое преданіе есть выраженіе того же откровенія, понятаго одинаково свободно, только подъ другими формами. Непослѣдовательность и противорѣчія знаменовали бы не свободу, а заблужденіе; ибо что истинно сегодня, было истинно и въ прошедшіе вѣка. Мысль современной Церкви (а мысль Церкви значитъ не иное что, какъ просвѣщенный благодатію разумъ ея членовъ, связанныхъ между собою нравственнымъ закономъ взаимной любви) есть та самая мысль, которая начертала писанія, та самая, которая впослѣдствіи признала эти писанія и объявила ихъ священными, та самая, которая еще позднѣе формулировала ихъ смыслъ на соборахъ и символизировала его въ обрядѣ. Мысль Церкви въ настоящую минуту и мысль ея въ минувшихъ вѣкахъ есть непрерывное откровеніе, есть вдохновеніе Духа Божія.

Чтобъ уяснить себѣ это умственное движеніе, нужно понять самую исторію церковнаго догмата. Всѣ тайны вѣры были открыты Церкви Христовой, отъ самаго ея основанія. Все внутреннее познаніе Божественнаго (въ той мѣрѣ, въ какой оно доступно земному человѣчеству) было дано ей отъ начала; и всѣ эти тайны, все это познаніе, выражены были первыми Христовыми учениками, но

были выражены только для Церкви, и только ею могутъ быть приняты. Сами по себѣ Богъ и Божественное невыразимы, слово человѣческое не въ состояніи ни опредѣлить, ни описать ихъ; оно можетъ только возбудить въ разумѣ, т. е. въ мірѣ человѣческомъ, мысль или порядокъ мыслей, соотвѣтственныхъ реальности міра Божественнаго. Мы знаемъ, что даже въ области человѣческихъ предметовъ, слова, которыми выражаются не отвеченности, а понятія, взятыя изъ живой реальности вещественной или духовной, бываютъ понятны только для людей, обладающихъ физическими органами или духовными способностями, необходимыми для ихъ пониманія; иными словами: понятны въ той мѣрѣ, въ какой составляютъ какъ бы долю жизни самого постигающаго субъекта. Оттого слѣпому недоступно дѣйствительное пониманіе словъ: «свѣтъ и цвѣтъ»; оттого человѣкъ, лишенный чувства красоты, не понимаетъ словъ ее выражающихъ; оттого душа, огрубѣвшая въ чувственности, или погрязшая въ эгоизмѣ, слышитъ доносящіяся до нея слова любви, благоговѣнія и почтенія, но не проникаетъ въ ихъ смыслъ. Не тѣмъ ли съ большимъ основаніемъ должны мы признать, что слова, которыми выражаются понятія о мірѣ Божественномъ, могутъ быть понятны только для того, чья собственная жизнь находится въ согласіи съ реальностію этого міра? Если самыя эти понятія недоступны человѣческой мысли, пребывающей въ уединеніи своей личной немощи и порочности, а постигаются только Духомъ Божіимъ, который открываетъ ихъ нравственному единству христіанскаго общества: то естественно, что и слова, служащія имъ выраженіемъ, представляются въ своемъ реальномъ смыслѣ только тому, чья жизнь составляетъ какъ бы живую принадлежность организма Церкви.

Да! Разумная свобода вѣрнаго не знаетъ надъ собою никакого внѣшняго авторитета; но оправданіе этой свободы въ единомысліи ея съ Церковію, а мѣра оправданія опредѣляется согласіемъ всѣхъ вѣрныхъ.

Тайны Божіи открыты намъ отъ начала.—Что же послѣ того значитъ вся послѣдующая работа, та, которая продол-

жается и въ наши дни, будетъ продолжаться во всѣ вѣка и которую историки нашего времени называютъ крайне неточно *развитіемъ*? Я сказалъ, что нѣтъ на языкѣ человѣческомъ словъ, которыми Богъ и предметы Божественные могли бы быть въ самомъ ихъ существѣ опредѣлены или описаны. Человѣческое слово есть только знакъ, болѣе или менѣе условный, смыслъ котораго измѣняется не только по языкамъ, нарѣчіямъ и эпохамъ, но и по мѣрѣ развитія науки и умственной жизни людей въ вещахъ человѣческихъ. И Церковь унаслѣдовала отъ блаженныхъ апостоловъ не слова, а наслѣдіе внутренней жизни, наслѣдіе мысли, невыразимой и однако постоянно стремящейся выразиться. Слово Церкви видоизмѣняется въ свидѣтельство безконечности идеи: иначе, это слово было бы не болѣе какъ вещественнымъ отголоскомъ, звучащимъ изъ вѣка въ вѣкъ, но ничего не выражающимъ кромѣ развѣ безплодности и вялости умственнаго труда, или даже полнаго его отсутствія.

Мы это видимъ съ самаго начала. Если бы таинственное и приснопокланяемое имя «Сынъ Божій» обнимало во всей полнотѣ христіанскую идею о Томъ, Кто воплотился ради нашего спасенія, то къ чему бы придавать ему еще другое, Божественное имя «Вѣчнаго Слова?» Или, если это послѣднее имя было необходимо для выраженія идеи, то почему бы ему не быть произнесеннымъ въ самомъ началѣ Евангельской проповѣди? Ученые нашего вѣка толкуютъ о развитіи: Нѣмцы придумали даже для него особый терминъ: «ученія о Словѣ» (Logoslehre); но все это пустыя слова. Читая писанія апостольскія, предшествовавшія писанію Іоанна, иногда невольно какъ бы сѣтуешь, не находя въ нихъ названія столь выразительнаго, сіяющаго въ первой строкѣ Іоаннова Евангелія. «Образъ Отца», «сіяніе славы Его» и другія подобныя выраженія, правда, открываютъ намъ ту же мысль, какая заключена и въ имени «Слово», но указываютъ ее не такъ ясно. Итакъ скажемъ ли мы, что появленіемъ этого термина знаменуется прогрессъ въ развитіи Церкви? Отнюдь нѣтъ, ибо полнота церковной мысли чувствуется и въ выраженіяхъ Св. Пав-

ла; но дѣло въ томъ, что явился новый слушатель. Іудей. Римлянинъ, Грекъ мастеровой, ничего бы не поняли, если бы Св. Павелъ заговорилъ о Словѣ. Это выраженіе не пробудило бы въ ихъ представленіи никакой идеи: оно бы для нихъ не имѣло смысла. Но къ Церкви Христовой примкнулъ новый личный элементъ, новая историческая жизнь — воспитанники Греческой философіи. Выраженіе, сравнительно съ прежними, болѣе сжатое и болѣе ясное, но которое до той поры было бы непонятно, стало теперь возможно; Св. Іоаннъ возглашаетъ его, и ликующая Церковь повторяетъ его въ день торжественнѣйшаго изъ своихъ празднествъ. Значитъ ли это, что Церковь обрѣла наконецъ терминъ для выраженія своей мысли? Какъ! Слово, этотъ улетучивающійся звукъ, или этотъ нѣмой знакъ начертанный или оттиснутый, это нѣчто измѣняющееся и условное, это нѣчто, не имѣющее ничего своего, не имѣющее даже жизни по себѣ, жизни, такъ сказать, личной, признать его за выраженіе способное обнять и опредѣлить существо Бога, Спасителя нашего, Того, Кто есть безусловная жизнь и истина? Этого и предположить нельзя. Нѣтъ, не тому радуется Церковь, что будто бы удалось ей наконецъ выразить мысль свою, а тому, что указала ясно своимъ чадамъ такую мысль, которой никакой языкъ человѣческій выразить не можетъ. Всѣ слова наши, если смѣю такъ выразиться, суть не свѣтъ Христовъ, а только тѣнь его на землѣ. Блаженны тѣ, которымъ дано, созерцая эту тѣнь на поляхъ Іудеи, угадывать небесный свѣтъ Ѳавора. Этотъ свѣтъ постоянно свѣтитъ для Церкви, но открывается не иначе, какъ сквозь тѣнь вещества, ибо языкъ нашъ вполнѣ веществененъ, не только по своей формѣ, но и во всѣхъ почти корняхъ своихъ, хотя онъ и невеществененъ по своему началу. Если бы апостолъ обращался къ инымъ слушателямъ, если бы онъ встрѣтилъ въ нихъ другую умственную подготовку, можетъ быть, онъ употребилъ бы иныя выраженія. При встрѣчѣ съ философскими системами подобными нынѣшнимъ, Германскимъ, вмѣсто «Слова» онъ употребилъ бы, можетъ быть, для выраженія той же мысли, другой тер-

минъ, напримѣръ: *объектъ,* и эта форма, хотя и менѣе совершенная, была бы также вполнѣ законна. Я нисколько не думаю сравнивать эти два выраженія; я знаю очень хорошо, что въ терминѣ «Слово» гораздо живѣе выступаетъ понятіе рожденія, то есть отношенія мысли къ ея проявленію; но знаю также, что терминомъ «объектъ» можно бы было передать понятіе о мысли проявленной и самосознанной; слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ была бы достигнута предположенная Церковью цѣль — уяснить Божественный міръ наведеніемъ, заимствованнымъ изъ видимаго міра, или изъ дѣйствій человѣческаго разума. Такимъ-то образомъ, самый высокій примѣръ этого умственнаго труда, никогда, по милости Божіей, не прекращавшагося въ Церкви, подаетъ намъ именно тотъ, кого можно бы назвать по преимуществу апостоломъ Церкви, апостоломъ *ad intra,* подобно тому какъ два другіе великіе свѣтильника христіанскаго міра названы были, одинъ апостоломъ Іудеевъ, а другой апостоломъ язычниковъ, т. е. апостолами *ad extra.* Св. Іоаннъ былъ, по истинѣ, апостоломъ — подтвердителемъ откровенія, и самое его призваніе, объявленное ему съ высоты креста, равно какъ и слова, сказанныя о немъ послѣ Воскресенія, имѣли, повидимому, кромѣ прямаго своего смысла, еще другой, символическій смыслъ *).

Господь сказалъ: «Я восхожу къ Отцу моему и Отцу вашему, къ Богу моему и къ Богу вашему». Св. Ѳома, вдохновенный Духомъ истины, отвѣчалъ ему: «Господь мой и Богъ мой». Все таинство воплощенія ясно открылось съ той минуты; и однако, нѣсколько вѣковъ протекло, прежде чѣмъ Церковь, устраняя ошибочныя формулы, предложенныя Несторіанствомъ и Евтихіанствомъ, заключила свою вѣру въ строгую и сжатую формулу.

---

*) Кстати, можетъ быть, напомнить здѣсь, что, при другомъ случаѣ, Петръ бросается вплавь, чтобы скорѣе соединиться съ своимъ воскресшимъ учителемъ; но узнаетъ Его Іоаннъ и говоритъ: „это Господь". Ясность познанія, повидимому, была дарованіемъ нарочито ему даннымъ.

Блаженные апостолы поучаютъ насъ, что Духъ, который есть Богъ, исходитъ отъ Отца и познаетъ Его тайны. Эти слова заключаютъ полную истину; но, полтора вѣка спустя, Ириней, ученикъ (чрезъ Поликарпа) возлюбленнаго апостола, сказалъ еще яснѣе: «Духъ вѣнчаетъ Божество, давая Отцу имя отца и Сыну имя Сына». Устами Иринея Церковь обнаружила глубину познанія тайнъ Божіихъ, дарованнаго ей Христомъ *).

Тоже движеніе замѣчается въ выраженіи всѣхъ догматовъ. Выраженія: вѣчное рожденіе, вѣчное исхожденіе, Троица, Лица, и пр. являются и входятъ въ общее употребленіе мало по малу: но все это движеніе не выходитъ изъ круга терминологіи и никакъ не можетъ быть принимаемо за развитіе ученія; напротивъ, ученіе остается неизмѣннымъ навсегда. Вообще, поводами къ выраженію истины въ формулахъ болѣе строгихъ и болѣе опредѣленныхъ служили для сыновъ Церкви ереси или ложныя опредѣленія; но конечно это, такъ сказать, научное движеніе церковной терминологіи, въ сущности, нисколько не требуетъ для своего обнаруженія непремѣнной встрѣчи съ заблужденіями; оно весьма естественно истекаетъ изъ потребности заявить, что христіанское ученіе не наборъ словъ, вытверженныхъ наизустъ и удерживаемыхъ памятью, а приблизительное выраженіе истины Божіей, постоянно созерцаемой и уразумѣваемой внутреннимъ смысломъ сы-

*) Текстъ Иринея гласитъ: „называя Отца Отцомъ и Сына Сыномъ“. Въ смѣлости и властности этого выраженія высказывается, откуда оно идетъ. Оно, очевидно, по прямому преданію, исходитъ отъ того, кого Церковь назвала Богословомъ по преимуществу. Забавно видѣть, что, въ нашъ вѣкъ, Нѣмецкіе ученые воображаютъ, что они сдѣлали открытіе, тогда какъ они только повторили въ другихъ словахъ то, на что столь ясно указалъ ученикъ Поликарпа. Многіе богословы искали намековъ на христіанское ученіе въ началѣ книги Бытія. Если это мнѣніе не лишено основанія, то доказательства ему слѣдуетъ искать конечно не во множественной формѣ элогимъ; но, не безъ нѣкотораго основанія, можно бы было видѣть такой намекъ въ тройственности идеи, выраженной словами: „Богъ — сказалъ и создалъ — и увидѣлъ что добро“. Иными словами: мысль, которая есть, мысль, которая проявляется, мысль, которая себя сознаетъ.

новъ Церкви. Истина пребываетъ неизмѣнною во всѣ вѣка; познаніе ея не измѣняется; но выраженіе ея, по самому существу всегда недостаточное, не можетъ не видоизмѣняться сообразно съ развитіемъ аналитическаго слововыраженія и съ характеромъ умственныхъ пріемовъ каждой эпохи. Отдѣльныя лица свободно вносятъ въ общій трудъ дань своихъ, болѣе или менѣе удачныхъ усилій; Церковь принимаетъ или отвергаетъ эту дань, не осуждая отдѣльныхъ лицъ, хотя бы они и заблуждались, если только труды ихъ дѣйствительно добросовѣстны, и если они приносятъ добытое ими, смиренно, безъ диктаторскихъ пріемовъ и не насилуя совѣсти братьевъ. Могло же случиться, что славный Григорій Нисскій (по словамъ Варсанофія) предложилъ самое ошибочное толкованіе основаній, которыми оправдывается земное человѣческое бѣдствованіе. Могъ же св. епископъ Иппонійскій, желая раскрыть тайну существа Божія въ троичности Его ипостасей, написать вещи, вызывающія невольную улыбку на уста мыслящаго читателя; но никогда Церковь и не мыслила осуждать Григорія за его ошибку, или Августина за его дѣтскія опредѣленія. Оба принимали участіе въ строеніи Церкви; при этомъ, по несовершенству своей природы, они могли не высмотрѣть примѣси соломы и щепъ въ массѣ добытыхъ ими, болѣе прочныхъ матеріаловъ; но неугасающій въ Церкви огнь очистилъ ихъ приношеніе, и только дѣйствительно полезное и пригодное нашло мѣсто въ стѣнѣ зданія. Тоже самое будетъ повторяться во всѣхъ подобныхъ случаяхъ; ибо и въ послѣдствіи не можетъ быть недостатка въ болѣе или менѣе счастливыхъ опытахъ анализа или приблизительнаго опредѣленія, какъ не было въ нихъ недостатка въ прошлыя времена. Такъ, напримѣръ, когда церковная терминологія, для обозначенія внутреннихъ отношеній Божества допускаетъ два слова, не вполнѣ одно другому соотвѣтствующія (Лицо и Ипостась), тотъ конечно не заслужилъ бы порицанія, кто попытался бы опредѣлить эти отношенія строже и сказалъ бы, что упомянутыя на-

званія даны тремъ вѣчнымъ фазисамъ Божіей мысли *). Но всѣ вообще этого рода выраженія могутъ только служить намеками на идею, но не опредѣленіями ея. Кто принялъ бы аналитическое движеніе въ церковной терминологіи за развитіе Церкви, тѣмъ самымъ всецѣло погру-

*) Нѣмецкіе ученые уже высказали это опредѣленіе (на которое, какъ я сказалъ выше, находится намекъ у Св. Иринея); но въ ихъ писаніяхъ оно вообще носитъ характеръ заблужденія и содержитъ въ себѣ предположеніе послѣдовательнаго развитія, подобнаго развитію человѣческой мысли, что было бы совершенно ложно. Конечно, человѣкъ, и разумная тварь вообще, образъ Божій; но не въ безусловномъ смыслѣ. Фазисы бытія конечнаго (какъ бы ихъ ни называли) столь же несовершенны, какъ и само конечное бытіе. Они, такъ сказать, не болѣе какъ стремленіе. Каждый логическій моментъ мысли несовершенной еще болѣе несовершенъ, чѣмъ сама эта мысль по себѣ. Никогда первомысль не можетъ перейти сполна въ фазисъ своей объективности; никогда мысль-объектъ не переходитъ сполна въ фазисъ опредѣленнаго познанія. Иначе въ Божествѣ. Оно есть совершенство бытія, и потому въ немъ всѣ законы мысли осуществляются въ ихъ безусловномъ совершенствѣ. Все, что есть въ Первомысли, есть непремѣнно отъ вѣчности и въ Ея Словѣ; все, что есть въ Словѣ, есть непремѣнно отъ вѣчности въ опредѣленномъ Познаніи. И такъ существо всецѣло пребываетъ въ каждомъ изъ своихъ фазисовъ, удерживая при этомъ отличительную особенность этого фазиса и отношеній его къ другимъ. На эту полноту бытія намекаютъ выраженія: „Лице“ или „Ипостась“. Говорю—намекаютъ, ибо человѣческій языкъ не способенъ ни опредѣлить, ни описать тайну Божества.

Я не хотѣлъ касаться вопроса о Filioque. Мнѣ достаточно было показать, что самый актъ измѣненія сvмвола былъ преступленіемъ, нравственнымъ братоубійствомъ, и заключалъ въ себѣ ересь противъ вѣры Церкви въ свое единство. Но не трудно усмотрѣть, сколь нелѣпы притязанія лжефилософовъ Романизма, приписывающихъ единству существа отличительную принадлежность фазиса или логическаго момента. Послѣ этого почему, въ силу той же единосущности, не приписать Духу Святому свойствъ Отца, то есть рожденія Сына? Отношеніе двухъ Ипостасей ясно открыто въ словахъ Божіихъ „отъ Моего пріиметъ“ и ясно понято Дамаскинымъ, сказавшимъ: Духъ есть образъ (т. е. отраженіе) Сына“. Начало, иначе исхожденіе познанія—въ силѣ первомысли Отца, одного Отца, хотя объектъ познанія, или проявленная мысль, есть Сынъ. Примѣръ Латинянъ доказалъ бы намъ, если бы въ этомъ еще можно было сомнѣваться, что въ Церкви свѣтъ разумѣнія отъ грѣха не рождается.

зился бы въ раціонализмъ. Трудъ аналитическій неизбѣженъ; мало того, онъ благъ, онъ святъ, ибо свидѣтельствуетъ, что вѣра христіанъ не простой отголосокъ древнихъ формулъ; но онъ только указываетъ на сокровище глубокой и невыразимой мысли, присно хранимое Церковью въ своихъ нѣдрахъ. Мысль эта не умѣщается въ одной познавательной способности; она почіетъ въ полнотѣ разумнаго и нравственнаго бытія. Человѣкъ размышляетъ и ищетъ выразить свое размышленіе въ словѣ; Церковь судитъ о словѣ; она одобряетъ его, когда оно истинно, осуждаетъ, когда ошибочно и могло бы навести вѣрныхъ на ложные пути, или когда, по внушенію гордости, оно выдаетъ себя за полное выраженіе истинъ, которыя оно можетъ только намѣтить. Такимъ-то образомъ, каждый человѣкъ, слѣпецъ и протестантъ по своему нравственному несовершенству, стоитъ всегда передъ лицемъ Церкви, которая прозорлива и каѳолична, потому что свята̀ дарованіемъ Св. Духа и благодатію взаимной любви въ Іисусѣ Христѣ. Слѣдовательно свобода личнаго разума не порабощена; но дѣло разума подлежитъ рѣшающему пересмотру Церкви, а рѣшеніе Церкви истекаетъ не изъ логической аргументаціи, а изъ внутренняго смысла, исходящаго отъ Бога, смысла (какъ свидѣтельствуетъ исторія), даруемаго безразлично невѣждамъ и ученымъ, пастухамъ и пастырямъ душъ.

Я уже показалъ, что вся исторія Церкви есть исторія просвѣщенной благодатію человѣческой свободы, свидѣтельствующей о Божественной истинѣ. Но въ этомъ подвигѣ свободы должно различать двѣ формы одной и той же силы. Въ Церкви, въ ея цѣлости, является полнота свободы въ Іисусѣ Христѣ; является свобода, сознающая себя всегда непогрѣшимою, въ настоящемъ какъ и въ прошедшемъ, и увѣренная всегда въ себѣ самой и въ дарахъ Духа Божія. Въ отдѣльномъ лицѣ является смиреніе свободы христіанина, который, будучи силенъ убѣжденіемъ, что для Церкви заблужденіе невозможно, приноситъ свою дань въ общее дѣло, почитаетъ себя всегда ниже своихъ братьевъ, покоряетъ имъ свое собственное мнѣніе и про-

ситъ у Бога только сподобить его послужить органомъ вѣры всѣхъ. Такова та свобода, которой благословеніе Божіе не покидаетъ никогда.

Въ Протестантствѣ свобода для цѣлой общины есть свобода постояннаго колебанія, свобода всегда готовая взять назадъ приговоры, ею же произнесенные наканунѣ, и никогда не увѣренная въ рѣшеніяхъ, произносимыхъ нынче. Для отдѣльнаго лица, столь же мало вѣрующаго въ общину, сколь мало сама община вѣритъ въ себя, свобода есть или свобода сомнѣнія, проявляющаяся въ томъ, кто, зная себя, сознаётъ свою немощь, или свобода нелѣпой вѣры въ себя, проявляющаяся въ томъ, кто творитъ себѣ кумиръ изъ своей гордости. Въ томъ и другомъ видѣ это пожалуй тоже свобода, но иного рода, свобода безъ благословенія Божія, свобода въ смыслѣ политическомъ, но не въ смыслѣ христіанскомъ.

Единство истинное, внутреннее, плодъ и проявленіе свободы, единство, которому основаніемъ служитъ не научный раціонализмъ и не произвольная условность учрежденія, а нравственный законъ взаимной любви и молитвы, единство, въ которомъ, при всемъ различіи въ степени іерархическихъ полномочій на совершеніе таинствъ, никто не порабощается, но всѣ равно призываются быть участниками и сотрудниками въ общемъ дѣлѣ, словомъ—единство по благодати Божіей, а не по человѣческому установленію, таково единство Церкви.

Въ Романизмѣ, вѣрно понятомъ, единство для христіанъ есть лишь единство послушанія центральной власти; это порабощеніе христіанъ доктринѣ, которой они не содѣйствуютъ и которая должна навсегда оставаться для нихъ чѣмъ-то внѣшнимъ (такъ какъ она всецѣло почіетъ въ единомъ главѣ іерархіи), наконецъ это узаконенное равнодушіе къ вѣрѣ, которая окончательно сводится въ подчиненіе вѣрѣ другаго. Это, очевидно, единство въ смыслѣ условномъ, а не въ смыслѣ христіанскомъ.

Свобода и единство—таковы двѣ силы, которымъ достойно вручена тайна свободы человѣческой во Христѣ, спасающемъ и оправдывающемъ тварь чрезъ Свое полное еди-

неніе съ нею. Плодъ этихъ силъ, по благодати Господней, не вѣренье (croyance) и не познаніе, добытое анализомъ, а внутреннее совершенство и созерцаніе Божественнаго, иначе—*вѣра*, которая, по существу своему, равно какъ и по своему исходному началу, неприступна для безвѣрія. Протестантское сомнѣніе, ищущее вѣры и не находящее ея, Римская условность, поставляющая человѣка, такъ сказать, внѣ вѣрованія, которому онъ подчиняется, не могутъ ни соблюсти вѣру, которой у нихъ нѣтъ, ни устоять противъ полнаго безвѣрія, ими овладѣвающаго. Скажу болѣе—сами онѣ суть не иное что какъ безвѣріе, въ принципѣ и въ зародышѣ.

Конечно, у Синедріона Іудейскаго не было недостатка въ деньгахъ на подкупъ шпіоновъ, которые слѣдили бы за Христомъ днемъ и ночью и доносили бы о всѣхъ Его движеніяхъ; не было недостатка и въ народныхъ страстяхъ, которыя, при случаѣ, могли бы послужить ненависти Синедріона противъ Іисуса Назарянина; и однако Спаситель и ученики Его проходили невредимо среди враговъ своихъ, проповѣдуя вѣру, благословляя людей, исцѣляя ихъ недуги, не смотря на изступленіе и скрежетъ зубовъ священника и ученаго. Силы міра тогда лишь возмогли взять власть надъ Христомъ и надъ Его рождавшеюся Церковью, когда явился предатель изъ самой среды учениковъ. Это событіе не лишено символическаго смысла. Оно повторяется подъ другими видами во всей исторіи Церкви. Силы міра получаютъ власть надъ Церковью только тогда, когда предательство зарождается въ ея нѣдрахъ. Разница лишь въ томъ, что предательство является не въ образѣ лица, а въ видѣ поврежденной доктрины, которая, такъ сказать, выдаетъ все ученіе въ жертву безвѣрію.

Западъ отринулъ основное ученіе о любви, на которомъ зиждется вся жизнь Церкви. Этимъ заблужденіемъ самый принципъ Христіанства предается суду, какъ нѣкогда преданъ былъ суду Богочеловѣкъ, поставившій этотъ принципъ. И теперь, какъ тогда, Іудейскій первосвященникъ старается поработить Его внѣшнему закону; и теперь, скептикъ, питомецъ Греціи, вопрошаетъ Его: что̀ есть

истина?—не будучи въ состояніи понять Его отвѣта; и наконецъ, оба, первосвященникъ и скептикъ, отдаютъ Его беззащитнаго въ руки безвѣрія, готовящаго крестъ и казнь.

Напротивъ того, на Востокѣ Церковь, оставшаяся вѣрною всему ученію апостоловъ, внутреннимъ общеніемъ объединяющая вѣрующихъ настоящаго времени и избранныхъ минувшихъ вѣковъ, распространяющая благостыню своихъ молитвъ на грядущія поколѣнія, которыя, въ свою очередь, будутъ молиться за своихъ предшественниковъ,—Церковь зоветъ въ свои объятія всѣ народы и, въ полнотѣ несомнѣннаго упованія, ожидаетъ пришествія своего Спасителя. Спокойнымъ окомъ зритъ она, какъ вѣкъ за вѣкомъ, волна за волною, гроза историческихъ треволненій, потоки страстей и мыслей человѣческихъ, клубятся и мечутся вокругъ камня, на которомъ она утверждается; зритъ и не смущается, ибо вѣритъ въ его несокрушимость.

Камень этотъ—Христосъ.

Въ Европѣ былъ еще миръ, когда я въ первый разъ взялся за перо съ цѣлью указать моимъ западнымъ братьямъ различіе въ началахъ между Церковью и всѣми исповѣданіями, порожденными Римскимъ расколомъ. Война между моимъ отечествомъ и тремя великими державами Европы еще свирѣпствовала во всей ярости, когда я снова обратился къ читателямъ съ продолженіемъ начатаго изложенія. Теперь, когда я кончаю мой трудъ, въ Европѣ опять царствуетъ миръ, со всѣми его видимыми благословеніями и всѣми его затаенными раздорами. Историческія треволненія притихли, по крайней мѣрѣ на время; борьба, въ которой столько пролито крови, кончилась; неутомимая труженица, мысль человѣческая, продолжаетъ свое мирное шествіе, котораго ничто не въ силахъ остановить. При наступившемъ минутномъ усыпленіи утомленныхъ политическихъ страстей окажутся ли люди болѣе способными внять голосу истины и заняться интересами, превосходящи-

ми по важности всѣ другіе интересы, едиными дѣйствительными интересами, какіе только есть у людей на землѣ?

Трудъ, который я предпринялъ и на который смотрю какъ на исполненіе долга передъ Богомъ и передъ вами, читатели и братья, былъ для меня довольно тягостенъ. Смущало меня не употребленіе иностраннаго языка и не трудность показать превосходство началъ Церкви передъ началами раскола; я не думалъ удивлять краснорѣчіемъ и хорошо зналъ, что достаточно было простаго изложенія церковной доктрины, чтобъ убѣдить добросовѣстныхъ читателей въ ея строгой послѣдовательности и величавой гармоніи. Но мнѣ была тягостна необходимость говорить о Спасителѣ и о Его неизглаголанномъ совершенствѣ, о вѣрѣ и ея тайнахъ, какъ о темахъ научнаго спора. Богъ мнѣ свидѣтель, что не такъ бы желалъ я говорить съ вами объ этихъ предметахъ; но это было неизбѣжно.

Съ одной стороны я видѣлъ, что вы находились въ глубокомъ невѣдѣніи сущности догматовъ Церкви; съ другой, видѣлъ съ сокрушеніемъ, что всѣ ваши борьбы для достиженія истины оставались безплодными, и что явныя противорѣчія вашихъ вѣрованій отдавали васъ безъ защиты во власть невѣрію, отъ котораго отбивается ваше сердце и которому, противъ вашей воли, часто подчиняется вашъ разсудокъ. Я долженъ былъ показать вамъ коренную причину вашей слабости, заключающуюся въ исходной точкѣ всего вашего религіознаго развитія; я долженъ былъ выяснить передъ вами, что торжество скептическаго раціонализма есть не болѣе какъ неизбѣжное послѣдствіе условнаго раціонализма, единственной основы всѣхъ тѣхъ *вѣрованій*, которыя, въ продолженіи вѣковъ, произвольно присвоивали себѣ на Западѣ похищенное ими названіе *вѣры*. Равнымъ образомъ, я долженъ былъ изложить ученіе Церкви, чтобъ доказать, что, по безупрёчной своей послѣдовательности, оно столько же недоступно раціонализму, сколько превосходнѣе его по своимъ началамъ. Все это, конечно, принадлежитъ еще къ области умствованій; но отъ нихъ не можетъ уклониться и вѣра въ религіозномъ преніи. Никогда ни одна истина живая, а тѣмъ

паче истина Божественная, не укладывается въ границахъ логическаго постиженія, которое есть только видъ человѣческаго познавательнаго процесса; но, въ тоже время, никакая, ни человѣческая, ни Божественная, истина не можетъ быть законамъ логики противна, иначе говоря: не можетъ заключать въ себѣ дѣйствительнаго противорѣчія. Христосъ также не есть и «да» и «нѣтъ».

Вѣра, отвергая свою нравственную основу, сходитъ на почву раціонализма; тѣмъ самымъ она ему сдается и не сегодня такъ завтра должна пасть подъ его ударами; таково неизбѣжное послѣдствіе самоотрицанія въ принципѣ. Въ этой формулѣ—вся исторія религіи на Западѣ. Начало ея—Протестантство Римское; продолженіе—Протестантство Нѣмецкое.

Задача моя исполнена.

Богъ во время, Имъ опредѣленное, приведетъ снова европейскія племена въ лоно Церкви. Къ совершенію этого святаго предначертанія призваны будутъ люди лучше меня, люди болѣе исполненные любви, но, можетъ быть, и логическій трудъ, мною оконченный, окажется не совсѣмъ безполезнымъ, какъ трудъ приготовительный. Мѣстами онъ вамъ покажется сухимъ и суровымъ,—не сѣтуйте за это на меня, читатели и братья. Труженику, бросающему плодоносное сѣмя, предшествуетъ желѣзное рало, раздирающее почву, подсѣкающее сорныя травы и проводящее борозду.

Но, можетъ быть, и теперь найдутся души избранныя, въ которыхъ зародышъ жизни, положенный Св. Писаніемъ, чтеніемъ отцевъ, размышленіемъ, и въ особенности благодатью Божіею, дремлетъ подъ слоемъ наслѣдственныхъ заблужденій, и подобно зерну, которому кора безплодной земли мѣшаетъ прозябнуть, ждетъ лишь прохода плуга, чтобы произвести плоды угодные Богу. Читатели и братья! Если таковые между вами найдутся, то я прошу ихъ во имя той любви, которую каждый обязанъ питать къ истинѣ, къ своимъ братьямъ и къ своему Спасителю, не останавливаться на тѣхъ особенностяхъ моего труда, въ которыхъ могли отразиться мои личные недостатки, но взвѣ-

сить сказанное мною серьезно и внимательно. Если въ комъ нибудь изъ васъ я возбудилъ сомнѣнія, тотъ пусть вдумается въ нихъ; если въ комъ зародилъ убѣжденіе, тотъ пусть взраститъ его? Если кто либо изъ васъ увѣрился, что Западъ въ IX вѣкѣ не имѣлъ права ставить себя верховнымъ судіею надъ символомъ, ни объявлять своихъ восточныхъ братьевъ отлученными отъ наслѣдія, ввѣреннаго Духомъ Божіимъ *всей Церкви* (въ чемъ, какъ я сказалъ, заключалось нравственное братоубійство), тотъ пусть отвергнетъ наслѣдіе преступленія и возсоединится съ невинными братьями, которыхъ отринули его предки. Это очевидный долгъ, отъ исполненія котораго ничто освободить его не можетъ.

Три голоса громче другихъ слышатся въ Европѣ.

«Повинуйтесь и вѣруйте моимъ декретамъ»,—это говоритъ Римъ.

«Будьте свободны и постарайтесь создать себѣ какое нибудь вѣрованіе»,—это говоритъ Протестантство.

А Церковь взываетъ къ своимъ:

«Возлюбимъ другъ друга, да единомысліемъ исповѣмы Отца и Сына и Святаго Духа».

О БИБЛЕЙСКИХЪ ТРУДАХЪ БУНЗЕНА.

1860.

Переводъ съ Французскаго *).

*) Подлинникъ (съ нѣкоторыми ошибками) напечатанъ въ Парижѣ, въ журналѣ „l'Union Chrétiennn" №№ 30, 33, 36, 37, 41 и 42 въ 1860.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ ЖУРНАЛА
«Union Chrétienne» *)

М. г.

Одинъ изъ моихъ пріятелей привезъ мнѣ изъ Парижа программу вашего журнала *Христіанская Унія* **) и ваше очень для меня лестное приглашеніе принять участіе въ вашихъ трудахъ. Я искренно цѣню честь, которую вамъ угодно было мнѣ оказать, но откровенно признаюсь вамъ, что совѣсть обязываетъ меня отъ нея отказаться.

Въ дѣлѣ вѣры я не понимаю слова *Унія*. Всякій союзъ, какъ я сказалъ въ третьей моей брошюрѣ, есть ничто иное какъ замазанный раздоръ; ему нѣтъ мѣста въ царствѣ Божіемъ. Единство, безусловное единство—вотъ законъ этого царства. Я знаю, что во всякой религіи, какъ бы ложна она ни была, есть хоть какое нибудь начало или мерцаніе истины; знаю, что это мерцаніе постепенно усиливается и яснѣетъ, по мѣрѣ того какъ религія очищается, знаю, что въ христіанскихъ сектахъ оно сравнительно ярче чѣмъ гдѣ либо; но знаю также, что самая истина, то есть Христіанство, существуетъ только въ Церкви. Этимъ всѣ секты низводятся въ рядъ человѣческихъ заблужденій, болѣе или менѣе прискорбныхъ. Церковь иначе къ нимъ не относится, какъ съ словами осужденія (говорю объ ученіяхъ, а не о лицахъ). Спрашивается: прилично

*) Это письмо, вопреки желанію автора, не было напечатано редакціей „Union Chretienne. *Пр. издат.*

**) Мы переводимъ этимъ словомъ заглавіе Парижскаго журнала, хотя оно въ подлинникѣ не имѣетъ тѣснаго значенія, соединеннаго у насъ со словомъ Унія. Но ясность требовала показать, что мысль, которой служитъ это изданіе, есть не столько согласіе, сколько сдѣлка съ Церковью. *Пр. переводч.*

ли намъ, ся сынамъ, говорящимъ отъ ея имени, говорить не ея языкомъ? Можемъ ли заставлять Церковь говорить тоненькимъ, какъ бы подслащеннымъ голоскомъ? Ставя ее лицемъ къ лицу съ заблужденіемъ, можемъ ли мы говорить за нее пріятною фистулою?

Избави меня Богъ отъ такого грѣха!

Но можетъ быть мнѣ отвѣтятъ, что дѣло идетъ не объ уніи или союзѣ въ ученіи, а о простомъ содѣйствіи въ видахъ назиданія и духовной пользы? Ахъ, м. г., чтобъ говорить съ людьми, чтобъ наставлять ихъ и исправлять, истина не имѣетъ нужды нищенски выпрашивать сердобольнаго содѣйствія у заблужденія. Я не считаю себя въ правѣ разбирать и осуждать намѣренія моихъ братій и тѣ средства (само собою разумѣется законныя), которыми хотятъ они ихъ осуществить; но не могу не предложить вамъ слѣдующаго замѣчанія. Мнѣ кажется, что вы ищете вашимъ изданіемъ добыть для Церкви права гражданства и равенства въ средѣ другихъ Европейскихъ вѣроисповѣданій, права, въ которомъ отказываютъ ей западныя секты и, по моему мнѣнію, отказываютъ справедливо. Церковь очень можетъ обойтись безъ него. Пусть волнуется Вавилонъ всякаго рода сектъ, пусть заблужденія человѣческія сталкиваются между собою, сколько имъ угодно, но пусть Церковь остается вдали отъ этой жалкой сумятицы, въ одиночествѣ своей высоты и своего Божественнаго величія. Предлагать ей равенство значило бы оскорблять ее.

Таково, м. г., мое личное мнѣніе. Если, не смотря на этотъ протестъ противъ вашей программы, вы захотите все таки открыть гостепріимно листы вашего журнала полемическимъ и критическимъ статьямъ моимъ—я вамъ буду очень признателенъ. Въ этой надеждѣ, рѣшаюсь послать вамъ письмо мое къ г. Бунзену и другое къ Янсенисту, Утрехтскому епископу г. Лоосу. Если вы признаете ихъ достойными занять мѣсто въ вашемъ изданіи и найдете возможнымъ напечатать при нихъ и настоящій мой протестъ, я буду вамъ отмѣнно благодаренъ за вашу обязательность.

Примите и пр.

ПИСЬМО КЪ Г. БУНЗЕНУ ОБЪ ЕГО БИБЛЕЙСКИХЪ ТРУДАХЪ *).

М. г.

Вы хотите увѣнчать цѣлую жизнь, преисполненную честныхъ и полезныхъ трудовъ, произведеніемъ капитальнымъ: переводомъ всего Св. Писанія. Воспитавъ въ себѣ высокій разумъ изученіями обширными и глубокими размышленіями, вы посвящаете полную его зрѣлость назиданію людей и славѣ Божіей: это одно уже заслуживаетъ признательности и глубокаго уваженія всѣхъ людей благомыслящихъ. Позвольте неизвѣстному вамъ лицу выразить вамъ эти чувства. Произведеніе ваше будетъ несомнѣнно прекраснымъ пріобрѣтеніемъ для религіозной литературы; самымъ надежнымъ ручательствомъ за достоинство цѣлаго труда служатъ уже представленные вами переводы нѣсколькихъ пророчествъ и псалмовъ, переводы полные простоты, поэзіи и величія.

Выразивъ глубокое мое уваженіе къ вашей личности и тѣ надежды, которыя возбуждаетъ во мнѣ ваше предпріятіе, я прошу однако позволенія сообщить вамъ нѣсколько критическихъ замѣчаній, внушенныхъ мнѣ искреннею любовію къ истинѣ. Уваженіе къ ней, въ глазахъ честныхъ людей, стоитъ выше всякихъ другихъ соображеній и притомъ оно вполнѣ мирится съ чувствомъ глубочайшаго почтенія къ тѣмъ лицамъ, коихъ заблужденія мы считаемъ обязанностью опровергать. Смѣю надѣяться, что вы благо-

*) Подъ библейскими трудами разумѣется переводъ Библіи (die Bibel der Gemeinde), въ особенности ученыя къ нему примѣчанія. *Пр. изд.*

склонно примете замѣчанія, которыя я позволю себѣ представить на ваше обсужденіе и не истолкуете въ худую сторону ихъ подъчасъ суровую откровенность.

Съ первыхъ же словъ книги Бытія вы расходитесь съ предшествовавшими вамъ переводами. Всѣ они единогласно передаютъ первые стихи почти слѣдующимъ образомъ:

«Въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю, и земля была пуста (невидима) и не имѣла образа, и тьма была на лицѣ бездны, и Духъ Божій носился надъ водами; и сказалъ Богъ: да будетъ свѣтъ» и пр.

Въ вашемъ переводѣ текстъ переданъ слѣдующимъ образомъ:

«Въ началѣ (когда Богъ сотворилъ небо и землю, и земля была пуста и пустынна (wüst und öde), и тьма была надъ бездною (Urflut, и дыханіе Божіе носилось надъ водою) сказалъ Богъ: да будетъ свѣтъ» и пр. *).

Измѣненіе весьма важно. На чемъ оно основано и въ чемъ преимущество вашего перевода?

Не знаю, правы ли вы были, пренебрегши разницею между переводомъ семидесяти и другими **) относительно свойствъ, приписываемыхъ землѣ. Въ эпоху, когда писанъ былъ переводъ семидесяти, Еврейскіе ученые знали еще Еврейскій языкъ по преданію и обладали еще не вымершимъ чутьемъ его тонкостей; поэтому ихъ мнѣніе заслуживаетъ особеннаго вниманія, и, мнѣ кажется, не слѣдовало бы относиться къ нему слишкомъ безцеремонно. Слова, которыя переводите вы выраженіемъ «пуста и пустынна», судя по кореннымъ, повидимому, значатъ «vacua et hians» или «*vacua* et *stupens*». Что это послѣднее слово окончательно получило значеніе почти тождественное съ «пустынна» (déserte) въ смыслѣ *угрюма* и *безжизненна* (morne et sans vie), это еще нисколько не доказываетъ, чтобъ оно для Евреевъ не представлялось въ смыслѣ мрачнаго, «*мрач-*

---

*) Bunsens Bibelwerk, 1, CXXXCIII.

**) Въ переводѣ семидесяти два понятія: незримость и безобразность; въ послѣдующихъ преобладаетъ (въ разныхъ варіантахъ) понятіе пустоты. *Пр. издат.*

наго и *мертваго*», тѣмъ болѣе, что съ понятіемъ «зіяющій» легко вяжется понятіе о мракѣ, какъ напр. въ ходячей фразѣ о волчьей пасти *). Такимъ образомъ, точный по отношенію къ смыслу переводъ былъ бы вѣроятно таковъ: «безъ образа, безъ жизни, безъ свѣта» (formlos, leblos und lichtlos); этими тремя словами были бы приблизительно вѣрно переданы два Еврейскія. Такъ, мнѣ кажется, понимали это мѣсто Александрійскіе переводчики.

Но я оставляю этотъ вопросъ и возвращаюсь къ первымъ. Вы сдѣлали значительное измѣненіе; на чемъ оно основано?

Текстъ переводовъ, предшествовавшихъ вашему, представляетъ ли какое либо затрудненіе или внутреннее противорѣчіе? Повидимому, васъ смущаетъ, вопервыхъ, невозможность говорить въ первомъ стихѣ о сотвореніи неба и земли, сотворенныхъ только во второй и третій день; вовторыхъ, невозможность найти какую либо приличную для Божія дыханія роль, при хаотическомъ состояніи; но въ этомъ нѣтъ, въ сущности, ни противорѣчія, ни трудности. Очевидно, что послѣдующій разсказъ содержитъ въ себѣ повѣствованіе не о твореніи, а о распорядкѣ, или распредѣленіи (coordination). По отношенію къ землѣ въ особенности это совершенно ясно. Что же касается до вопроса объ участіи дыханія Божія, то рѣшеніе находится въ прямой зависимости отъ другаго вопроса: что̀ понимать подъ словомъ «дыханіе». Впрочемъ, если бы въ этомъ и было дѣйствительное затрудненіе, то вашъ переводъ нисколько бы не помогъ его устраненію.

Только одно соображеніе, повидимому имѣющее нѣкоторый вѣсъ, говоритъ въ пользу вашего перевода: это несомнѣнное соотношеніе между «въ началѣ сказалъ Богъ: да будетъ свѣтъ» Ветхаго Завѣта и «въ началѣ было Слово», Новаго Завѣта; но и это соображеніе не имѣетъ существенной важности. Нѣкоторые изъ св. отцевъ давно сознавали указанное соотношеніе и говорили о немъ и все-таки не

---

*) Намекъ на Французскую поговорку: темный какъ волчья пасть.
Пр. переводч.

усматривали никакой необходимости измѣнять текстъ. По прочтеніи его, во всѣхъ умахъ оставалось ясное впечатлѣніе, пробуждалось одно понятіе, а именно: что все твореніе было дѣломъ Слова Божія, хотя о Словѣ упоминается только при твореніи свѣта. Древніе переводчики не находили никакой надобности въ томъ, чтобъ и расположеніе словъ представляло наружное соотвѣтствіе, да и всѣ умы не предубѣжденные и ясные также не найдутъ въ этомъ надобности.

Итакъ въ измѣненіи не было необходимости. По крайней мѣрѣ, представляетъ ли оно за себя какое нибудь правдоподобіе?

Вы начинаете тѣмъ, что между словами «въ началѣ» и «Богъ» предполагаете частицу «когда», подразумѣваемую будто бы писателемъ, и доказываете возможность подобнаго оборота рѣчи примѣрами (которыхъ впрочемъ вы не приводите), мнѣніемъ Раши (Raschi) и Абенъ-Езры (Aben-Esra) и авторитетомъ Эвальда. Очень можно допустить, что частица, выражающая отношеніе, въ Еврейскомъ иногда подразумѣвается, какъ подразумѣвается часто относительное мѣстоименіе въ Англійскомъ; но такой оборотъ, возможный въ короткой и очевидно вставочной фразѣ, становится рѣшительно неправдоподобнымъ въ фразѣ столь длинной, вставочность которой при этомъ еще такъ сомнительна, что такого рода вставочности не предполагалъ ни одинъ изъ безчисленнаго множества прежнихъ переводчиковъ, тогда какъ древнѣйшіе изъ нихъ имѣли, безъ сомнѣнія, глубокія познанія о законахъ Еврейскаго языка.

Къ этому неправдоподобію присоединяется еще другое. Писатель Бытія, по вашему, начинаетъ свой разсказъ длинною, растянутою и хромою фразою! Прилично ли такое вступленіе въ произведеніи, котораго силы и простоты до сихъ поръ никто рѣшительно не оспаривалъ? Правда, вы отвѣчаете на это возраженіе слѣдующими словами: «лучше подчинить всякія гипотезы о писателѣ и о его слогѣ фактамъ и принимать послѣдніе, какъ они есть». Вы были бы совершенно правы, еслибы предполагаемые вами факты

были дѣйствительно доказаны; но такъ какъ они не доказаны, то и отвѣтъ вашъ не идетъ къ дѣлу.

Второе неправдоподобіе усложняется третьимъ. Писатель, даже нелишенный достоинства, пожалуй, могъ бы начать свое сочиненіе фразою несовсѣмъ складною, тяжелою и слабою,—это по крайней мѣрѣ не невозможно; но чтобъ онъ началъ амфилогіей, съ трудомъ объяснимою,—это превосходитъ всѣ предѣлы вѣроятія. Между тѣмъ, съ точки зрѣнія исключительно-грамматической, оставляя въ сторонѣ всякое сравненіе съ послѣдующими стихами и съ Евангеліемъ отъ Іоанна, противъ первыхъ стиховъ Бытія и противъ того, какъ они доселѣ были понимаемы переводчиками, нельзя сказать ни слова.

Итакъ вотъ цѣлая лѣстница восходящихъ неправдоподобій, по которой нужно подняться, чтобъ добраться до вашего перевода; предположимъ, что у иного читателя достанетъ на это самоотверженія; спрашивается: чтожъ онъ выиграетъ?

Худо ли, хорошо ли, старый разсказъ о твореніи представлялъ извѣстную послѣдовательность, извѣстный порядокъ мыслей, довольно ясный. Вы имъ недовольны, пусть такъ; но какое же соотношеніе предлагаете вы въ замѣнъ его? «Въ началѣ, когда создалъ Богъ» и т. д.—«Богъ сказалъ: да будетъ свѣтъ» и пр.

Что̀ значитъ это «когда» или, по нѣмецки, это «da» вашего перевода? Значитъ ли оно *прежде*? Значитъ ли: *въ продолженіе того какъ* или даже *послѣ*? ибо всѣ эти три объясненія допускаются вашимъ переводомъ. Но частица «когда» въ этомъ случаѣ не можетъ значить «прежде»; ибо стихіи, которыми, какъ видно изъ послѣдующихъ стиховъ, орудуетъ Божія воля, предполагаются существующими до образованія неба и земли, и слѣдовательно не стало бы разсказа о сотвореніи этихъ стихій. Чтобъ выйдти изъ этого затрудненія, пришлось бы дать тексту такой смыслъ: «въ началѣ, *прежде* чѣмъ Богъ сотворилъ небо и землю, и *когда* тьма была еще на лицѣ бездны водъ», и проч. Но я не думаю, чтобы кто нибудь могъ допустить столь нелѣпое построеніе понятій, и увѣренъ, что вы первый отъ него бы отказались. Правда, вы говорите мимоходомъ, что

все послѣдующее твореніе было не болѣе какъ послѣдствіемъ эманацій (истеченій) свѣта, но въ текстѣ нѣтъ ни одного выраженія, на которое бы вы могли указать въ подтвержденіе; къ тому же, ваше предположеніе отнюдь не объяснило бы первой фразы, изъ которой выходило бы, что сотворенныя и еще несотворенныя вещи громоздились въ безвыходной путаницѣ, въ подлинномъ «тогу-богу» (по Еврейскому выраженію, которое сдѣлалось ходячею фразою).

Не предположить ли, что ваше «когда» значитъ *въ продолженіе того какъ* или даже *послѣ*? Но тогда исчезло бы всякое понятіе о какомъ бы то ни было раздѣльномъ или послѣдовательномъ порядкѣ.

Итакъ для начала Бытія мы получаемъ фразу, лишенную смысла,—вотъ къ чему приводитъ насъ цѣлый рядъ филологическихъ неправдоподобій. Такую фразу можно бы было допустить лишь подъ условіемъ, что она сложилась прежде творенія, ибо въ ней еще не видно свѣта. Простите эту шутку; я позволяю ее себѣ въ твердой увѣренности, что вы не останетесь при теперешнемъ своемъ переводѣ.

Въ чемъ же однако начало вашего заблужденія? Въ томъ, мнѣ кажется, что Моисей дѣйствительно сказалъ то, что̀ повторяютъ отъ его имени семдесятъ и другіе переводчики (можетъ быть и не понимая его) и не сказалъ ровно ничего изъ всего того, что̀ вы принимаете за смыслъ его словъ.

Обратимся къ значенію существительныхъ, встрѣчающихся въ этомъ повѣствованіи, или въ этомъ подобіи повѣствованія. Прежде всего: небо и земля. Эти два предмета, по тому свойству, которое они получаютъ отъ послѣдующихъ стиховъ, и по мнѣнію почти всей древности, должны бы имѣть значеніе *твердаго* (или *тверди*) по преимуществу. Но такъ какъ свойства «безо̀бразности и безжизненности» прилагаются въ послѣдующемъ только къ землѣ, о небѣ же въ повѣствованіи о хаотическомъ безпорядкѣ болѣе не упоминается, то нужно предположить другой смыслъ. Дѣйствительно, выраженіе «небо и земля» у писателей ветхозавѣтныхъ значитъ: всѣ предметы, все. Ученому, пользующемуся знаменитостью, какъ вы, нѣтъ надобности указывать на примѣры; я нашелъ бы ихъ во

всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ встрѣчается соединеніе этихъ двухъ словъ въ той обычной формулѣ, въ какой они употреблены въ первомъ стихѣ Бытія *). Итакъ мы получаемъ слѣдующій смыслъ:

«Въ началѣ Богъ сотворилъ всяческая» («небо и землю» а можетъ быть: «высоту и низъ», хотя это послѣднее значеніе и не указывается коренными). Затѣмъ Моисей, какъ мы видимъ, о состояніи неба болѣе уже не упоминаетъ, а говоритъ только о состояніи земли,—доказательство, что слово «земля» принимаетъ уже новый смыслъ. Такимъ образомъ мы получаемъ слѣдующее предложеніе: «земля (то есть, по всей вѣроятности, все твердое) была безъ жизни (*тогу*—пусто), безъ вида (формы) и свѣта» (*богу*—согласно съ коренными, какъ поняли это слово Александрійцы).

Далѣе:

«И бездна водъ (вóды) была во мракѣ».

«И дыханіе Божіе (согласно съ значеніемъ весьма употребительнымъ—вѣтеръ, то есть воздухъ) носился надъ водами» (также во мракѣ).

«И Богъ сказалъ: да будетъ свѣтъ» (согласно съ коренными, свѣтъ огневой).

Сведемъ Семитическую форму въ Индоевропейскую и мы получимъ слѣдующую фразу:

«Въ началѣ Богъ сотворилъ все, *и* (въ смыслѣ близкомъ къ *но*) твердь (по существу своему) не имѣетъ ни жизни, ни свѣта, и вода темна, и воздухъ, который надъ нею, таковъ же. И Богъ сказалъ: да будетъ свѣтъ огневой, все обнаруживающій (или дѣлающій все видимымъ)»

*) Это тѣсное объединеніе земли и неба въ понятіи „все" открывается и изъ послѣдующихъ стиховъ. Благословеніе или одобреніе не выражается на второй день, по устроеніи одного неба. На третій день формула одобренія встрѣчается двукратно; въ первый разъ она слѣдуетъ за устроеніемъ земли, значитъ—служитъ явнымъ завершеніемъ творенія чего-то цѣлостнаго, въ чемъ небо является какъ составная часть. Это замѣчаніе, конечно для васъ не новое, дало, какъ вамъ извѣстно, происхожденіе Іудейскому мнѣнію, что второй день ихъ седмицы (нашъ Понедѣльникъ) есть день несчастный, лишенный Божіяго благословенія. Небо и земля суть цѣлое, все прочее есть не болѣе какъ нѣчто отъ нихъ зависящее.

и пр. Для меня это представляется совершенно яснымъ и вполнѣ сообразнымъ съ мнѣніемъ всей древности. Моисей говоритъ, что Богъ, словомъ Своимъ, сотворилъ все, всѣ стихіи; но онъ съ особеннымъ удареніемъ указываетъ на *слово* въ томъ мѣстѣ, гдѣ говоритъ о той стихіи, которая дѣлаетъ всѣ прочія видимыя.

Семитическая форма отличается отъ формы Индоевропейской тѣмъ, что имѣетъ характеръ болѣе конкретный. Мы сказали бы: Богъ сотворилъ все, небо, воду, воздухъ и огонь—и опредѣлили бы качественно эти стихіи глаголомъ въ настоящемъ времени (земля *есть* est, ist, is и пр., темна, воздухъ есть безъ свѣта, и т. д.), потому что мы оставались бы въ отвлеченіи; но семитъ смотритъ на стихіи не только въ ихъ отвлеченныхъ свойствахъ, но и въ безмѣрности ихъ космическаго протяженія. Мысль принимаетъ видъ повѣствованія, прибѣгаетъ къ глаголамъ въ прошедшемъ времени и развертываетъ передъ нами величавую картину.

Пойдемъ далѣе. «Богъ сотворилъ всѣ вещи, землю, воду, воздухъ, которые темны, и свѣтъ огня, и Богъ увидѣлъ, что свѣтъ добръ». Но изъ этихъ стихій только одна имѣетъ свое опредѣленное отрицаніе (или свой отрицательный полюсъ),—это свѣтъ. Моисей говоритъ: «и Богъ разлучилъ свѣтъ отъ тьмы, и назвалъ свѣтъ днемъ, а тьму ночью» (ибо таковыми они являются для насъ въ неизмѣримости).

Борьба (смѣна) дня и тьмы образовала первый періодъ творенія. Моисей говоритъ: «И было утро и вечеръ въ первый день» *).

Таковъ простой и глубокій смыслъ первыхъ стиховъ Бытія. Онъ удержался въ древнѣйшемъ переводѣ, который совершенно согласенъ съ смысломъ еврейскихъ коренныхъ. Смѣю думать, что, по зрѣломъ размышленіи, вы возврати-

---

*) „Это есть, можетъ быть, тотъ періодъ, въ которомъ являются нѣкоторыя изъ туманныхъ пятенъ (nebelfleck). Я говорю „являются", такъ какъ, благодаря разстоянію, мы—свидѣтели прошедшаго!"

Эта фраза, находящаяся въ подлинной рукописи автора, была почему то пропущена въ текстѣ, напечатанномъ въ *Union Chret.*, а потому и не находится въ русскомъ изданіи Ю. Ѳ. Самарина. *Пр. изд.*

тесь къ нему и согласитесь въ тоже время, что Церковь не отнимаетъ у своихъ сыновъ свободы анализа.

Вы видите также, что вопросъ, о которомъ столько было толковано, а именно: изъ ничего или изъ хаоса извлекъ Богъ всѣ вещи?—не имѣетъ даже мѣста въ первыхъ стихахъ Бытія; если онъ возникъ, то виноватъ въ этомъ не Моисей, а виноваты тѣ, которые внесли его отъ себя.

Вообще ваши опыты переложеній, предпосланные полному переводу, кромѣ похвалъ, ничего вызвать не могутъ и даютъ вамъ полное право на признательность, за исключеніемъ, однако, перваго опыта и нѣсколькихъ мѣстъ изъ Евангелія отъ Іоанна, переложеніе коихъ возбуждаетъ нѣкоторыя сомнѣнія. Къ сожалѣнію, размышленія, которыми вашъ трудъ сопровождается, а равно переложеніе одного мѣста изъ перваго посланія Іоанна вводятъ читателей въ безвыходный лабиринтъ заблужденій, или точнѣе: свидѣтельствуютъ о заблужденіяхъ, въ которыя вы сами впали, вслѣдствіе отсутствія церковной доктрины въ вашемъ отечествѣ.

Вы говорите: «Слово было и всегда есть творческою силой во всѣхъ вещахъ» *); и далѣе: «воля и бытіе *отличны* въ существѣ Іеговы, и это *совпадаетъ* (zusammenfällt), съ единствомъ бытія и мышленія въ сознаніи. Вочеловѣчилось не бытіе, а творческая воля» **).—Еще далѣе: «смѣшивать Іисуса Назарянина, въ Его земномъ существованіи, съ Словомъ (Логосъ) въ Самомъ Богѣ столь же несогласно съ Библіею, сколь несогласно съ нею отрицать единство существа между Богомъ и Имъ, какъ совершеннымъ человѣкомъ». И наконецъ: «вѣчное Слово стало лицемъ (или лично воплотилось) во Христѣ» ***).

*) Такъ передаетъ Бунзенъ смыслъ 4-го и 5-го стиховъ главы 1 Ев. Іоан., относя при этомъ къ 4-му два послѣднія слова 3-го („еже бысть" по Славянскому переводу). Bunsens Bibelwerk. 1. CLXXXVI.

**) Такъ объясняетъ Бунзенъ ст. 1 и 2 Перв. Соборн. Посл. Іоанна Тамъ же.

*** Тамъ же CXCII. Передавая смыслъ 7—9 ст. гл. V. 1 Посл. Іоан., Бунзенъ говоритъ: одинаково вѣрно и несомнѣнно, что вѣчное Слово обитаетъ въ душѣ каждаго истиннаго христіанина, какъ и то, что Оно стало лицомъ во Христѣ.

Выраженія: слово, мысль, бытіе, сознаніе (Bewusstsein, что̀ ведетъ за собою Selbstbewusstsein—самосознаніе) разбросаны здѣсь въ страшномъ безпорядкѣ. «Слово», говорите вы, «было и есть творческою силою *во всѣхъ* вещахъ». *Всѣхъ вещей* или *во* всѣхъ вещахъ? (*de* toutes choses ou *en* toutes choses),—это два понятія очень различныя, и нельзя опредѣлить, которое изъ нихъ хотите вы передать. «Слово», судя по всѣмъ фразамъ, въ которыхъ о немъ идетъ рѣчь въ вашемъ сочиненіи, есть не болѣе какъ дѣйствіе, или, можетъ быть, сила, способность дѣйствованія, то, что̀ вы называете творческою волею въ Божествѣ. Въ какомъ отношеніи стоитъ она къ бытію, къ мысли, къ самосознанію, т. е. къ тому, что̀, по вашему мнѣнію, есть Божество? Это тоже остается неопредѣленнымъ. Разсмотримъ слѣдующую фразу: «Воля и бытіе отличны (unterschieden) въ существѣ Іеговы, и это *согласно*, или *согласуется*, или *совпадаетъ* (ибо ваше zusammenfällt можетъ имѣть эти три смысла) съ единствомъ бытія и мышленія въ сознаніи». Эта фраза, м. г., такова, что нельзя не подивиться, встрѣтивъ ее на языкѣ, на которомъ писали Кантъ, Шеллингъ и Гегель, до того она несостоятельна. Я не говорю ни слова о томъ, что глаголъ «zusammenfallen» (совпадать, соотвѣтствовать), по неопредѣленности своей, нисколько не установляетъ мысли читателя и даетъ ей волю блуждать во всѣ стороны; но я желалъ бы знать, какой смыслъ можно придать этимъ словамъ: «воля и бытіе различны въ существѣ Іеговы». Знаю хорошо, что существо мыслящее и волящее можетъ быть разсматриваемо по отношенію къ своему бытію, своему мышленію и своему воленію; но сказать, что бытіе и воля различны,—тутъ поистинѣ нѣтъ смысла. Что такое существо мыслящее и волящее безъ его мышленія и воленія? Это отрицаніе самого себя, иначе—ничто. Кажется, что, по вашему, воля, или точнѣе воленіе, тождественно съ Словомъ, съ Логосомъ; ибо нѣсколькими строками ниже вы говорите, что воплотилась воля, а въ слѣдующемъ отрывкѣ, что воплотилось Слово; но Слово есть ли только одно воленіе, безъ мышленія? Если Слово заключаетъ въ

себѣ эти двѣ стихіи (не думаю, чтобы кому нибудь когда либо пришла мысль отвергать это относительно существъ разумныхъ или, по крайней мѣрѣ, умствующихъ), какъ же вы разлучаете эти стихіи въ Божествѣ? А если вы ихъ не разлучаете, то почему же говорите вы, что воплотилась воля, какъ будто бы мысль оставалась чуждою воплощенію.

Теперь, если Слово заключаетъ понятіе мышленія и воленія, и если отлично отъ бытія только воленіе, тогда мы получили бы воплощеніе чего-то (мышленія) не отличнаго отъ Божественнаго существа; а это противорѣчило бы вашимъ словамъ, ибо вы говорите, что воплотилась «воля», а не «бытіе». Наоборотъ, если мы захотимъ избѣгнуть этого противорѣчія и допустимъ, что въ Словѣ элементъ мысли такъ же отличенъ отъ Божественнаго бытія какъ и воля, тогда мы получимъ, какъ окончательный результатъ, въ Богѣ: бытіе отличное отъ своего мышленія и отъ своего воленія. Думаю, что такое существо не сказало бы о себѣ: «Я есмь Тотъ, Кто есть» (Сый), ибо такого рода бытіемъ трудно бы было похвалиться.

Вы говорите: «смѣшивать Іисуса въ Его земномъ существованіи съ *Словомъ* въ Самомъ Богѣ несогласно съ Библіей». Можно бы подумать, что вы нападаете на Евтихіанъ, на ересь, которая, кажется, едва ли теперь можетъ волновать міръ. Но вы мѣтите гораздо выше и хотите отвергнуть Божественную и вѣчную ипостась Слова *). Пусть таково ваше мнѣніе; но позвольте вамъ сказать, что называть мнѣніе противоположное вашему несогласнымъ *съ Библіею*, по меньшей мѣрѣ, слишкомъ отважно. Знаю очень хорошо, что отыскивать въ Ветхомъ Завѣтѣ доказательствъ *положительнаго знанія* объ ипостаси Слова не есть дѣло серьезное; но, по крайней мѣрѣ, сви-

---

*) А. С. Хомяковъ могъ бы указать, въ подтвержденіе, на мѣсто, въ которомъ Бунзенъ прямо утверждаетъ, что гл. 1 Іоанна не содержитъ въ себѣ ученія о второй ипостаси, и что ученіе Св. Аѳанасія сводится къ такимъ же противорѣчіямъ и несообразностямъ, какъ и Аріанство. Bunsens Bibelwerk, 1. CXCII. *Пр. пер.*

дѣтельство Евангелія Іоаннова гласитъ не очень-то въ вашу пользу.

Смѣю сказать болѣе: оно утверждаетъ, какъ кажется, прямо противное тому, что̀ вы говорите: «въ началѣ было Слово» и пр., и далѣе: «пришло къ своимъ, но свои Его не приняли»; передъ этимъ: «свѣтъ истинный, просвѣщающій всякаго человѣка, пришелъ въ міръ» и пр. (Послѣднюю форму я заимствую изъ вашего перевода, хотя считаю ее ошибочною). Таковы выраженія Св. Іоанна.

Одно изъ двухъ: или Евангелистъ былъ очень плохой писатель, или хотѣлъ сказать, что Слово, столь часто упоминаемое въ Ветхомъ Завѣтѣ, имѣетъ не тотъ смыслъ, какой обыкновенно придаютъ Слову; короче, — что оно имѣло отъ вѣчности особенное, ипостасное бытіе, т. е. бытіе дѣйствительное, а не призракъ бытія, какъ мышленіе и воленіе, о которыхъ никто не говаривалъ: «оно пришло, оно родилось».

Наконецъ, чтобъ окончательно увѣриться въ томъ, что нѣтъ ничего, по крайней мѣрѣ, противорѣчащаго Библіи въ мнѣніи противномъ вашему, стоитъ вспомнить, что евангелистъ, назвавъ Слово Богомъ въ самомъ началѣ, потомъ, въ концѣ книги, устами Ѳомы, признаетъ Его за Бога *). А вѣдь *волю* Божественную можно бы было назвать Богомъ не въ иномъ смыслѣ, какъ предположивъ, что она содержитъ всю полноту Божескаго бытія, слѣдовательно и *личность*. Воля ваша,—вѣроятность сильно противъ васъ, и прежде чѣмъ рѣшаться назвать противорѣчащимъ Библіи истолкованіе несогласное съ вашимъ, вамъ слѣдовало бы поискать какихъ нибудь доказательствъ въ защиту собственнаго вашего мнѣнія. Къ сожалѣнію, вы сочли это не нужнымъ.

Прежде чѣмъ пойду далѣе, я присовокуплю еще одно замѣчаніе о переводѣ девятаго стиха. Его вообще передаютъ такимъ образомъ: «Это былъ истинный свѣтъ, который просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ».

*) Слова Ѳомы: „Господь мой и Богъ мой". Іоанна гл. XX, 28.

Вы думаете, что вамъ удалось перевести лучше *); не спорю противъ этого только потому, что догматическій смыслъ тутъ ничего не теряетъ; но вы говорите, что старый переводъ (по вашему мнѣнію неправильный) идетъ отъ св. Іеронима. Очень желалъ бы я знать, на что тутъ св. Іеронимъ? Пользовался ли онъ на Востокѣ сильнымъ авторитетомъ? Скажу болѣе: пользовался ли какимъ нибудь? Или не знаете вы, что на Востокѣ являлись переводы и послѣ Св. Іеронима? Не знать вы не можете; но, кажется, забыли. Позвольте напомнить вамъ объ этомъ.

Славянскій переводъ Библіи, составленный Греками и совершенно независимый отъ западныхъ текстовъ, вполнѣ сходится съ переводомъ, вами отвергаемымъ. Стало быть, Св. Іеронимъ тутъ ни при чемъ, и сами Греки понимали Греческій текстъ не такъ, какъ вы, и, стало быть, съ ними, а не съ Св. Іеронимомъ, предстоитъ вамъ имѣть дѣло. А иначе откроется, что вы забыли освѣдомиться, какъ понимали сами Греки писанное на ихъ языкѣ.

Продолжаю. Вы говорите: «Вѣчное Слово стало лицомъ (человѣческимъ) во Христѣ». Это совершенно согласно съ истиною, которую преподаетъ Церковь; но, въ тоже время, въ системѣ вашего ученія, это рѣшительно противно логикѣ. Откуда, повѣдайте намъ, берется у васъ странное ученіе, что то, что̀ *не есть лицо по своему существу,* можетъ сдѣлаться, т. е. быть лицомъ? Тутъ явное противорѣчіе въ терминахъ. Поставимъ вопросъ иначе и употребимъ ваши собственныя слова. Слово есть Божественное воленіе; мы видѣли, что Оно есть и Божественное мышленіе. Итакъ мышленіе и воленіе Божіи стали лицомъ.

Это ваше ученіе. Но мышленіе и воленіе какого бы то ни было существа суть не иное что, какъ это самое существо въ дѣятельномъ состояніи (à l'état actif); иначе—ничѣмъ

*) Бунзенъ передаетъ этотъ стихъ такимъ образомъ: „истинный свѣтъ, просвѣщающій всѣхъ людей, въ то время явился въ міръ" и прибавляетъ, что таковъ грамматикальный смыслъ, и что невѣрная передача его вошла во всѣ церковные переводы со временъ св. Іеронима.

инымъ быть не могутъ, какъ только мышленіемъ и воленіемъ этого самаго существа. А вы ставите такое ученіе, по которому мышленіе и воленіе становятся *своимъ* мышленіемъ и *своимъ* воленіемъ, иначе: превращаются въ существо. Это очевидно противорѣчитъ здравому смыслу. Посмотримъ на вопросъ еще иначе и извлечемъ логическій выводъ изъ послѣдней части вашихъ положеній. Если мы при этомъ постараемся представить ее въ формѣ болѣе философской, чѣмъ та, которую вы употребили, то получимъ слѣдующее: *Богъ, мыслимый* (или *самомыслящійся*) *какъ человѣкъ, есть лицо человѣческое* (ибо всякая мысль Божія есть сама реальность); изъ чего неизбѣжно слѣдуетъ, *что Богъ мыслимый* (или *самомыслящійся*), *какъ Богъ, есть лицо Божественное.* Таковъ выводъ изъ догмата, высказываемаго вами о воплощеніи, выводъ совершенно согласный съ церковной истиной и совершенно противный тому ученію, которое вы, ради своего удовольствія, строите о небытіи вѣчной ипостаси. Вы не можете отринуть вывода, не отвергнувъ самой возможности личности въ Божественномъ существѣ, т. е. не бросившись, очертя голову, въ пантеизмъ; но и это не поможетъ: ибо пантеизмъ, въ свою очередь, не допустить воплощенія въ одномъ человѣкѣ и потребуетъ, чтобъ перенесли идею воплощенія на все человѣчество или на совокупность всѣхъ мыслящихъ существъ.

Итакъ система вашихъ ученій слагается изъ двухъ половинъ, взаимно уничтожающихся; но вопросъ въ томъ, гдѣ корень вашего заблужденія? Его исходная точка—въ смѣшеніи терминовъ, или точнѣе, понятій. Вы не умѣли различить мышленіе отъ мысли и воленія отъ воли. Существо совершенное, существо мыслящее и волящее, или имѣющее въ себѣ мышленіе и воленіе, есть уже, какъ таковое, существо полное и личное по себѣ, *до* проявленія своего (я говорю *до* въ смыслѣ *логическомъ*, а не въ порядкѣ времени, которому тутъ нѣтъ мѣста). Можно еще выразиться и слѣдующимъ образомъ: оно таково, то есть полно и лично отвлеченно отъ своего проявленія.

Чтоже такое проявленіе: *Логосъ* или *Слово?* Проявленіе существа несовершенное, неполное, не есть проявленіе су-

щества, ибо проявляетъ только часть его. Проявленіе реальное и полное есть существо, всецѣло взятое, самимъ собою мыслимое и волимое, или, другими словами: зачатое и рожденное самимъ собою. Это есть *Логосъ* отъ вѣка ипостасный и, говорю я, непремѣнно *личный*; въ противномъ случаѣ личное существо было бы мыслимо самимъ собою невсецѣло, ибо не какъ лицо.

Вотъ, м. г., единственный логическій способъ пониманія въ ихъ гармоніи тѣхъ фактовъ, о которыхъ вы разсуждаете такъ сбивчиво. Въ брошюрѣ, напечатанной въ Лейпцигѣ, я уже изложилъ это, сказавъ вмѣстѣ съ тѣмъ и о третьей ипостаси, о которой говорить здѣсь нѣтъ надобности. Прибавлю по этому поводу только одно слово.

Церковь въ символѣ своемъ говоритъ о третьей ипостаси, какъ о силѣ дѣйственной при временномъ рожденіи Слова-человѣка, и въ этомъ нельзя не видѣть новаго, поразительнаго доказательства ея Божественной мудрости.

Въ самомъ дѣлѣ, Богъ можетъ мыслить Себя какъ человѣка, т. е. сдѣлаться человѣкомъ и признать Себя таковымъ не иначе, какъ уже признавъ себя вполнѣ Богомъ.

Таково, говорю, ученіе Церкви; такова истина. Само собою разумѣется, что я не могъ выразить всей ея полноты; сохрани меня Богъ отъ столь безрасуднаго притязанія: я очень знаю, что ученіе Церкви невыразимо въ своемъ безконечномъ величіи; но думаю, что я по крайней мѣрѣ намекнулъ на логическое его сочлененіе.

Очевидно: какъ только вы прикасаетесь къ вопросамъ доктрины, такъ почва подъ вами проваливается; вы выходите изъ своей среды, или (какъ говорятъ Англичане) «you are out of your depth». Отчего это происходитъ? Вашъ свѣтлый умъ достоинъ и способенъ понимать эти вопросы, ваше благородное сердце должно бы помогать ему (ибо Божественная истина открывается всей душѣ, а не одному разсудку): но вы хотите непремѣнно говорить не то, чтó говоритъ Церковь; вы охотнѣе согласитесь поссориться съ логикою, поссориться рѣшительнѣе, чѣмъ сама ересь, лишь бы не быть за одно съ Церковью, хотя бы и

въ согласіи съ логикою. Такая жалкая амбиція неприлична ни глубокому мыслителю, ни высокому характеру. Смѣю думать, что это несчастное стремленіе проистекаетъ изъ желанія доказать, что вы протестантъ, и имѣете полное основаніе быть протестантомъ, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, вы уже утратили всякое на то право. Какъ бы вы ни старались отличить *общину* отъ *Церкви*, какъ бы вы ни избѣгали опредѣленія общины (die Gemeinde) изъ опасенія напасть на истинное опредѣленіе Церкви (я говорю разумѣется не о Римскомъ опредѣленіи и не о Лютеранскомъ, а объ опредѣленіи православномъ); но разъ, понявъ и выразивъ тѣсное соотношеніе между Библіей и общиной, разъ почувствовавъ, что Библія есть писанная Церковь, а Церковь живая Библія, вы уже не протестантъ, и остаетесь имъ на зло собственному разсудку. А между тѣмъ эта несчастная наклонность къ Протестантству увлекаетъ, сковываетъ васъ и на каждомъ шагу ввергаетъ васъ въ заблужденія самыя очевидныя. Такъ, въ самомъ началѣ вашего перевода Св. Писанія, вы дѣлаете совершенно ненужную замѣтку, въ которой излагаете ваше понятіе о паденіи перваго человѣка. Вы говорите: «что̀ касается до паденія человѣка вообще, то оно непремѣнно принадлежитъ къ міру мысли, а не къ историческому міру человѣка на землѣ; но оно становится историческимъ фактомъ въ каждомъ человѣкѣ, порознь взятомъ. Паденіе Адама есть актъ каждой человѣческой личности» *) и проч. Другіе ваши комментаріи на тотъ же предметъ яснѣе высказываютъ ученіе, что человѣчество началось не одною четою, что наслѣдственности грѣха нѣтъ, что каждый человѣкъ, такъ сказать, съизнова начинаетъ жизнь человѣчества, всегда призываемый къ Богу и всегда побѣждаемый эгоизмомъ, который есть зло, и что, наконецъ, нѣтъ никакой солидарности между людьми и ихъ прародителемъ Адамомъ; потому что послѣдній вовсе даже и не существовалъ, а разсказъ о немъ Моисея есть не болѣе какъ аллегорія или символическій миѳъ. Это ученіе совершенно противуположно

---

*) Bibelwerk: Genesis. 2-te Anmerk. zu 5. Seite 10.

ученію Церкви. Правда, Церковь допускаетъ аллегорическій характеръ разсказа, по той простой причинѣ, что событіе, происшедшее въ формахъ бытія совершенно различнаго отъ настоящаго бытія людей, могло быть только указано, а не разсказано; но она принимаетъ въ то же время паденіе перваго человѣка и первородный грѣхъ какъ догматъ. Я понимаю, что протестантъ считаетъ своимъ правомъ, даже почти обязанностью, отрицать постоянную вѣру Церкви,—особенно протестантъ ученый; но я не могу объяснить себѣ, какимъ образомъ отдѣлаетесь вы отъ двухъ затрудненій, о которыхъ вы не упоминаете и которыхъ, повидимому, вы даже не замѣтили, хотя одно изъ нихъ должно бы было обратить на себя вниманіе переводчика Библіи, а другое было поводомъ многихъ, болѣе или менѣе важныхъ, споровъ. Первое затрудненіе въ словахъ Св. Павла: «однимъ человѣкомъ грѣхъ вошелъ въ міръ» *). Не имѣю надобности въ дальнѣйшихъ цитатахъ изъ Апостола, чтобы напомнить вамъ, что Св. Павелъ весьма категорически выражаетъ свою вѣру въ первородный грѣхъ и говоритъ о немъ очень пространно, противопоставляя паденіе однимъ Адамомъ спасенію однимъ Іисусомъ, что это мѣсто составляетъ весьма важную часть посланія къ Римлянамъ, въ подлинности котораго никто не сомнѣвался, и что оно подтверждается многими выраженіями въ другихъ Апостольскихъ писаніяхъ. Ваше почтеніе къ этому славному ученику Христову (въ этомъ титлѣ не отказываютъ ему сами протестанты) могло бы, мнѣ кажется, внушить вамъ нѣкоторое вниманіе къ его словамъ. Вы должны бы были, по крайней мѣрѣ, посвятить нѣсколько словъ на объясненіе словъ Апостола, хотя бы для того только, чтобъ отъ нихъ отдѣлаться (sie wegerklären—такъ, кажется, сказалъ бы Нѣмецъ). Примѣчаніе на эту тему было бы гораздо нужнѣе большей части тѣхъ, на которыя вы потратили столько учености; а отсутствіе его должно естественно удивить серьезныхъ читателей.

---

*) Посл. къ Римл. гл. V, 12.

Но оставимъ Апостола въ сторонѣ (для протестантской критики это дѣло возможное) и перейдемъ къ затрудненію болѣе важному. По этому поводу позвольте мнѣ сдѣлать небольшое отступленіе, которое впрочемъ не удалитъ насъ отъ нашего предмета. Жилъ нѣкогда, въ глубинѣ Востока, сатрапъ, а можетъ быть одинъ изъ тѣхъ баснословныхъ бояръ, которыми насъ надѣляетъ воображеніе Запада; богатый какъ Крезъ, независимый какъ государь, онъ не зналъ другихъ предѣловъ своей волѣ, кромѣ тѣхъ, которые полагалъ самъ. Впрочемъ онъ былъ столько же справедливъ и добръ, сколько богатъ и могуществен, или, лучше сказать, онъ былъ воплощенная справедливость и доброта. Этотъ почтенный бояринъ имѣлъ слѣдующую привычку: когда заходилъ въ его владѣнія какой нибудь путешественникъ, онъ дружелюбно приглашалъ его осмотрѣть свои роскошныя палаты. Барская прислуга принимала путешественника. Его вводили сначала въ бѣдную лачугу, на заднемъ дворѣ, лачугу холодную, сырую и дымную, потомъ, жаловали его легкимъ батожьемъ; затѣмъ морили жаждою и голодомъ; потомъ, для подкрѣпленія, давали ему булки, смѣшанныя съ курганцемъ и съ челибухой, производившія колику; наконецъ, если онъ выносилъ всѣ эти истязанія, не жалуясь и не морщась, его отдавали на попеченіе лучшимъ докторамъ, откармливали самыми здоровыми и сочными мясами, и осыпали подарками, которыми обезпечивалась для него на будущее время тихая, счастливая жизнь. Этотъ баринъ столь добрый и столь справедливый...

Но вы меня прерываете. Вы говорите мнѣ, что мой баринъ былъ просто капризный безумецъ, и что я самъ полнѣйшій невѣжда въ начальныхъ законахъ нравственности. Соглашаюсь, но, въ награду за мою уступчивость, прошу васъ зайти со мною въ сосѣдній домъ.

Посмотрите на это дитя, которому прошло всего нѣсколько мѣсяцевъ существованія! Послушайте крики, исторгаемые изъ него острою болью. Благодаря ли распутству его родителей, или ихъ бѣдности, или наслѣдственному худосочію, все крошечное тѣло его есть одна сплошная язва; его крошечная жизнь есть непрерывное страданіе;

а въ утѣшеніе врачъ обѣщаетъ ему смерть послѣ нѣсколькихъ лѣтъ мученія. Дальше, вотъ дѣвочка, которой еще нѣтъ двухъ годовъ; по несчастному случаю, она сгорбилась; связанная во всѣхъ своихъ сочлененіяхъ англійскою болѣзнью, съ неизлѣчимыми бѣльмами на глазахъ и оттого почти слѣпая, душимая постоянно спазмодическимъ кашлемъ, мучимая болѣзненнымъ, ненасытнымъ голодомъ; и вотъ, въ довершеніе всего, докторъ сулитъ ей жизнь, можетъ быть, довольно долгую, но безъ единаго дня отдышки или счастія. Неужели, этотъ мальчикъ и эта дѣвочка уже успѣли заслужить свое несчастіе? Ужели они уже провинились? Въ ихъ дѣйствіяхъ или ихъ помыслахъ успѣлъ ли проявиться эгоизмъ? Если вы не дадите утвердительнаго отвѣта (а вы не рѣшитесь отвѣтить утвердительно), то я спрошу васъ: Богъ, призвавшій этихъ малютокъ къ бытію и скорби, лучше ли барина, приведеннаго въ моей притчѣ? Вотъ, м. г., куда зашли вы вмѣстѣ съ американскими Унитаріями и всѣми тѣми, кто, подобно имъ, хочетъ понять Бога лучше, чѣмъ понимаетъ его Апостольская Церковь. Одно изъ двухъ: или, по вашему, Богъ лишенъ свободы и подчиненъ законамъ вещественной необходимости, или же Богъ, по вашему, свободенъ, но лишенъ разсудка и справедливости... Говорю вамъ: доколѣ во мнѣ нѣтъ грѣха, доколѣ я не обнаружилъ порочности моего нравственнаго существа, Богъ не можетъ наслать мнѣ ни скорби, ни болѣзни, ни даже малѣйшей печали, какъ бы ни была она кратковременна: иначе Онъ перестаетъ быть Богомъ правды и благости. Пока не осудилъ я самъ себя, дѣйствіемъ собственной своей воли, я достоинъ самыхъ свѣтлыхъ лучей его солнца, самыхъ теплыхъ дыханій вѣтра, самыхъ сладкихъ ощущеній бытія; Онъ обязанъ дать мнѣ блаженство.

Церковь—иначе то, что̀ вы называете общиною вѣрныхъ—знаетъ это. Понятіе о страданіи и понятіе о грѣхѣ нераздѣльны передъ Божественныхъ правосудіемъ. Ни тѣло, обреченное болѣзни, ни тѣло, подчиненное закону грѣха, не могло быть дано Создателемъ разумной твари. Такое тѣло могло быть только произведеніемъ и, такъ ска-

зать, твореніемъ развращенной воли, свободы, возмутившейся противъ Бога. Таково понятіе о первородномъ грѣхѣ. Но какимъ образомъ первородный грѣхъ могъ сдѣлаться наслѣдственнымъ; а равно, какъ могло сдѣлаться наслѣдственнымъ же страданіе, ему сопутствующее и карающее его? Вотъ въ чемъ вопросъ.

Каждое поколѣніе передаетъ поколѣнію послѣдующему тѣло, расположенное къ грѣху; каждый человѣкъ, при рожденіи, получаетъ это наслѣдіе несчастія. Но, между сынами Адама, есть одно исключеніе—единственное: это Христосъ, нашъ Спаситель. Дано ли Ему исключеніе, какъ привиллегія, или какъ милость? Нѣтъ! Оно было простою необходимостью. Его духовное естество, человѣческое, но совершенное, какъ само Божество, было несовмѣстно съ грѣхомъ; оно не было (ибо не могло быть) соединено съ такимъ тѣломъ, для котораго закономъ былъ бы грѣхъ. Страдать *съ* своими братьями, *за* братьевъ,—таковъ смыслъ земной жизни нашего Спасителя. Пострадать *чрезъ* братьевъ—таковъ былъ ея кровавый вѣнецъ; но это было страданіе добровольное. Спаситель нашъ принялъ его на себя, какъ принялъ на себя отвѣтственность за наши грѣхи. Иначе съ нами. Духовное существо человѣка, какъ и существо всякаго другаго духа, исключая Спасителя, носитъ въ себѣ начало грѣха, скрытую порчу, вслѣдствіе которой оно становится совмѣстимымъ съ тѣломъ, подверженнымъ грѣху. Въ силу этой совмѣстимости, этой порочности, скрытой въ несовершенствѣ нашей воли, мы наслѣдуемъ тѣло, подчиненное закону грѣха. Въ силу этого соединенія, которымъ заявляется прочность, скрытая въ нашей волѣ, мы наслѣдуемъ тѣло, подверженное страданію. Первоначальный грѣхъ сталъ грѣхомъ *первороднымъ, потому что духовная жизнь, отъ самаго своего начала, есть уже актъ* *); положимъ, мы его въ ней

---

*) Въ одномъ мѣстѣ и Бунзенъ приходитъ къ этой мысли, хотя не видитъ ея послѣдствій; онъ говоритъ: es liegt dem Leiden der Zeitlichkeit ein persönliches Wollen der Seele zu Grunde, Genes. 2 ad 5 Seite 10. *Пр. пер.*

не усматриваемъ; но онъ открытъ очамъ Іеговы. Итакъ первородный грѣхъ есть болѣе чѣмъ возможность грѣха, существующая скрытно во всякомъ духовномъ естествѣ, за исключеніемъ Господа нашего Іисуса; онъ есть возможность проявившаяся, другими словами: есть дѣйствительный грѣхъ, подвергающій насъ тяжести Божественнаго гнѣва. Такимъ-то образомъ, правосудіе Божіе является рѣшительно правымъ въ нашихъ страданіяхъ и въ нашемъ осужденіи; а милосердіе Божіе—безконечно милосердымъ въ нашемъ спасеніи и въ даруемомъ намъ правѣ искупать себя соединеніемъ съ человѣкомъ совершеннымъ, Іисусомъ, нашимъ Спасителемъ.

Вотъ чему поучаетъ Христіанство со времени Св. Павла. Вы могли отвергнуть его ученіе; но, по крайней мѣрѣ, должны были сознать, въ какое затрудненіе вы впадали, отвергая его, а не увертываться отъ него круженіемъ въ области мистической риторики, стольже противной нравственному чувству какъ и логикѣ. Такого рода пятнами не слѣдовало бы помрачать блеска столь прекраснаго труда; не слѣдовало бы дѣлать изъ перевода Библіи непріятное и нездоровое чтеніе. Простите мнѣ суровость критики, подсказываемой мнѣ совѣстью. Повторяю: вы боитесь быть въ согласіи съ Церковью; вамъ кажется, что послушаніе ея голосу было бы рабствомъ.

Не бойтесь! Для разума человѣческаго одно рабство—въ заблужденіи, и наоборотъ—только въ подчиненіи премудрости Церкви, или точнѣе: въ согласіи съ нею этотъ разумъ обрѣтаетъ истинную свободу.

Перехожу теперь къ замѣчаніямъ менѣе важнымъ, но которыя однако не лишены значенія.

Вы говорите, и очень справедливо, что Еврейскій языкъ не можетъ быть признаваемъ за языкъ Авраамовыхъ предковъ: это несомнѣнно. Нарѣчія Палестины не могли не имѣть вліянія на нарѣчіе, которое принесъ этотъ патріархъ въ свое новое отечество, предназначенное въ наслѣдіе его племени. Исторія Лавана, повидимому, доказываетъ дѣйствительность этого факта, вѣроятно по себѣ; но здѣсь представляется другой вопросъ. Какой былъ пер-

воначальный языкъ Еврейскаго рода? Къ какой группѣ народовъ принадлежалъ этотъ родъ? Вы рѣшаете вопросъ, кажется, въ пользу племени, которое мы привыкли называть Семитическимъ. Повидимому, языкъ Іоктанидовъ (Ioctanides) дѣйствительно даетъ поводъ думать, что родъ Авраамовъ долженъ быть причисленъ къ Семитамъ; но это обстоятельство далеко еще не рѣшаетъ вопроса. Какъ и Евреи, Іоктаниды могли подпасть вліянію сосѣднихъ народовъ или они могли отдѣлиться отъ сѣвернаго общества, прежде чѣмъ послѣдовало умственное движеніе, которымъ произведено различіе между языками съ формою Семитическою и языками съ формою Иранскою; во всякомъ случаѣ, доказательство не имѣетъ рѣшительной силы. Мѣсто, откуда вышелъ родъ Евреевъ, оставляетъ равнымъ образомъ вопросъ спорнымъ; ибо это мѣсто лежитъ въ цѣпи горъ, идущихъ отъ Запада къ Востоку, между Арменіею и Сѣверомъ Мидіи, между Араратомъ и Демавендомъ, въ цѣпи, которую, по моему мнѣнію, можно бы назвать Эльбрускою (имя Эльбрусъ, происхожденія вѣроятно Зендскаго, довольно обыкновенно въ сѣверной цѣпи, связывающей Кавказъ съ высотами Мидо-Армянскими). Но эта страна принадлежитъ Иранцамъ, по крайней мѣрѣ столько же, сколько и Семитамъ. Характеръ Моисеевой религіи гораздо болѣе говоритъ въ пользу происхожденія Иранскаго, чѣмъ въ пользу происхожденія Семитическаго. Осмѣливаюсь даже сказать, что, на мой взглядъ, этотъ характеръ имѣетъ, для настоящаго вопроса, почти рѣшающее значеніе.

Дѣйствительно, Зендизмъ въ своей древнѣйшей формѣ, какъ и Браманизмъ, явно содержитъ въ себѣ понятіе о твореніи, исходящемъ отъ существа духовнаго и свободнаго, чего однако никто не осмѣлился утверждать о религіяхъ Сиро-Финикійскихъ. Ассирія и Вавилонъ, какъ страны смѣшанныхъ вліяній, не имѣютъ никакого значенія для нашего вопроса, именно по причинѣ ихъ смѣшаннаго характера, и далеко не представляютъ сходства столь разительнаго.

Преданія о потопѣ принадлежатъ всеконечно Ирану; можетъ быть, тоже слѣдовало бы сказать и о Мессіанскихъ

обѣтованіяхъ (хотя этотъ фактъ не столь ясенъ). Существованіе всѣхъ этихъ преданій въ религіяхъ Сиро-Финикійскихъ крайне сомнительно; правда, оно несомнѣнно относительно Вавилона и Ниневіи, но можетъ быть отнесено въ этихъ странахъ къ вліянію Иранской породы.

Наконецъ, два главныя имени Еврейскаго преданія, Ной и Адамъ, мнѣ кажется, принадлежатъ скорѣе къ корнямъ Иранскимъ, чѣмъ къ корнямъ Семитическимъ. Относительно перваго и то и другое предположеніе можетъ быть одинаково правдоподобно; чтоже касается до втораго, то имя *Адама*, давать ли ему значеніе *краснаго* или значеніе *глины*, въ обоихъ случаяхъ остается, по моему мнѣнію, разумно необъяснимымъ и никакъ не вяжется съ общимъ характеромъ преданія, носящаго на себѣ рѣзкій отпечатокъ духовности. Но кромѣ того, я нахожу его лишеннымъ всякой соотвѣтственности съ именемъ Евы. *Красная земля* съ одной стороны, съ другой—*жизнь*, мнѣ кажется, составили бы чету, неудачно подобранную. Совсѣмъ иное выходитъ изъ этихъ двухъ словъ, если только связать ихъ съ кристаллизовавшимся Иранскимъ преданіемъ. Тому назадъ болѣе двадцати лѣтъ, филологическія изысканія привели меня къ убѣжденію, что имя Адамъ было одною изъ формъ мѣстоименія перваго лица въ нарѣчіяхъ Ирана. Позднѣе, клинообразныя надписи подтвердили мою догадку. Имя Евы, *Хева* или *Хва* (Hevah, Hva) съ другой стороны, есть, кажется, ничто иное какъ *Тва* (Thva), первоначальное мѣстоименіе втораго лица, потерявшее свою начальную согласную и съ придыханіемъ перешедшее въ горловой звукъ болѣе рѣшительный. Эти два имени, соединенныя вмѣстѣ, даютъ преданію форму въ высшей степени философскую и кромѣ того, какъ кажется, совершенно совпадаютъ съ самымъ разсказомъ, разоблачая его смыслъ. Адамъ называетъ по имени всѣ предметы природы, но они ему не отвѣчаютъ; они ему неподобны; тогда Богъ вызываетъ къ жизни существо, которое есть *я*, какъ самъ Адамъ, и которому Адамъ можетъ поэтому сказать *ты*. Таково мое замѣчаніе объ именахъ прародителей человѣ-

ческаго рода *). Скажу вслѣдъ за Монтенемъ: «передаю это мнѣніе не какъ хорошее, но какъ свое». Во всякомъ случаѣ, вопросъ о происхожденіи Моисеева преданія остается вполнѣ нерѣшеннымъ.

Далѣе вы переходите къ хронологіи и въ примѣчаніяхъ, равно какъ и во введеніи, стараетесь установить одни и тѣже законы для хронологіи допотопной и для хронологіи дѣтей Ноевыхъ. Тутъ, мнѣ кажется, вы опустили два весьма важныя обстоятельства. Вопервыхъ, Библія содержитъ въ себѣ три различныхъ опредѣленія человѣческаго долголѣтія. Наименѣе древнее встрѣчается въ псалмѣ, извѣстномъ подъ именемъ *пѣсни Моисея*, человѣка Божія. Здѣсь человѣческая жизнь ограничена, какъ могла бы быть ограничена и въ наши дни, крайнимъ срокомъ восьмидесяти лѣтъ. Самое древнее опредѣленіе дается самымъ фактомъ хронологіи патріарховъ допотопныхъ: оно содержитъ цифру въ десять разъ значительнѣйшую. Между этими двумя означеніями предѣловъ человѣческой жизни находится третіе. Богъ, до потопа, поставляетъ границею жизни будущихъ поколѣній шесть двадцати-лѣтій **), очевид-

---

*) Прибавлю, что имена Эдемскихъ рѣкъ, повидимому, подтверждаютъ мое замѣчаніе. Признаюсь, вопервыхъ, что объясненіе, которое вы предлагаете, кажется мнѣ совершенно неправдоподобнымъ. Никогда ни Андраксъ (Бдолахъ), ниОниксъ (Камень зеленый) не считались произведеніями Кавказа; затѣмъ, ничѣмъ не оправдывается имя Геонъ, которое вы приписываете Араксу, а Фисонъ (Пишонъ) не имѣетъ большаго сходства съ Фазисомъ. Слѣдующее объясненіе гораздо проще. Евфратъ и Тигръ не подлежатъ сомнѣнію. Геонъ хорошо извѣстенъ, и нѣтъ надобности передвигать его на новое мѣсто. Связь его съ Кушемъ объясняется очень просто, если принять въ соображеніе, что источникъ Геона, Памиръ, простираетъ вѣтви свои къ странамъ, въ которыхъ имя Куша очень обыкновенно (Кушъ гаръ, Кушъ миза и друг.). Наконецъ, Пишонъ (Фисонъ) есть, повидимому, слово происхожденія Санскритскаго; его корень даетъ различныя значенія: быстраго блестящаго, кипящаго, разрушителя (rissend), имена довольно приличныя рѣкамъ Пенджаба. Тамъ мы находимъ и Бдолахъ и Ониксъ, и страну Хавила. Писсуна (Pissuna) значитъ опасный и свирѣпый. Слово Пеши, Peshi (гуна отъ корня Пишъ), есть имя рѣки въ Индіи. Это объясненіе столь простое представляетъ намъ Иранскій четвероугольникъ въ полномъ его очертаніи. Такъ мнѣ представляется.

**) Бытія, гл. CI, ст. 3.

но, въ противуположность болѣе продолжительной жизни поколѣній предшествовавшихъ. Это новое означеніе, однако, находится въ противорѣчіи съ долголѣтіемъ, приписываемымъ въ слѣдующихъ главахъ Авраамовымъ предкамъ. Такое противорѣчіе невѣроятно.

Вовторыхъ, формула обозначенія лѣтъ жизни допотопной отличается отъ формулы, усвоенной для поколѣній послѣ потопа. До потопа, книга Бытія говоритъ: «такой-то, въ такихъ-то лѣтахъ, имѣлъ сына и, послѣ его рожденія жилъ еще столько-то годовъ, *и всего жилъ 800 или 900 лѣтъ и умеръ*». Таже формула встрѣчается и послѣ потопа, но съ тою разницею, что итогъ никогда не подводится, и, что̀ еще важнѣе, нѣтъ слова *умеръ* *). Здѣсь, очевидно, опускается не безъ намѣренія то, что̀ могло бы быть названо личностью жизни. А во всякомъ преданіи важны не одни слова, и даже не ихъ прямой смыслъ; намѣреніе преданія, его *animus*, какъ говорятъ юристы—вотъ что̀ должно быть принимаемо въ соображеніе. Книга Бытія сама указываетъ различіе между хронологіею эпохъ допотопной и послѣ-потопной. Поэтому историческая критика не имѣетъ права смѣшивать ихъ и объяснять ту и другую по однимъ законамъ.

Книга Бытія хочетъ, чтобы жизнь, приписываемая ею предкамъ Ноя, была признаваема за жизнь индивидуальную; относительно же предковъ Авраама она этого не хочетъ. Повѣримъ ли мы книгѣ Бытія или нѣтъ—все равно; но мы должны понять ее въ ея смыслѣ и не должны вносить въ нее однообразія, котораго въ ней нѣтъ. Но пойдемъ далѣе. Вы истолковываете жизнь патріарховъ послѣ Ноя, какъ расположенную въ хронологическомъ порядкѣ таблицу странствованія цѣлаго племени, именно—племени Еврейскаго. Что Моисей имѣлъ въ виду указать эпохи, это не-

---

*) Въ этомъ замѣчаніи А. С. Хомяковъ руководствовался Еврейскимъ текстомъ и новѣйшими переводами, въ томъ числѣ и Русскимъ. Въ Славянскомъ же переводѣ Быт. гл. XI, въ родословной отъ Сима до Ѳарры, хотя и нѣтъ итоговъ лѣтъ, но слова „и умре“ встрѣчаются постоянно, девять разъ. Въ Русскомъ переводѣ эти слова сохранены, но поставлены въ скобкахъ. *Пр. изд.*

сомнѣнно, какъ я сейчасъ показалъ; но предлагаемое вами объясненіе родословія болѣе чѣмъ сомнительно. Арѳаксадъ, по вашему, это область; Сала (Шела)—это выходъ; Еверъ—это переправа черезъ рѣку; Фалекъ—это раздѣлъ; затѣмъ идутъ опять названія областей, далѣе—имена собственныя. Каинана вы вовсе отбрасываете *), и хотя я знаю, что въ этомъ вы за одно съ большею частью переводовъ Библіи, однако не вижу, чтобъ можно было представить хоть малѣйшее основаніе къ обвиненію первыхъ переводчиковъ въ преднамѣренной поддѣлкѣ, для которой не было никакихъ побудительныхъ причинъ. Очевидно, у нихъ были передъ глазами тексты, въ которыхъ встрѣчалось это имя; слѣдовательно нѣтъ основанія его выкидывать. Пропускъ въ позднѣйшихъ спискахъ мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ подложная вставка въ спискахъ болѣе древнихъ. Итакъ нужно, полагаю, или оставить Каинана на мѣстѣ, или предположить, что въ нѣкоторыхъ изъ первоначальныхъ текстовъ стоялъ «Сала» (Шела), а въ другихъ Каинанъ. Это не невозможно, ибо переводъ семидесяти тому и другому приписываетъ одинаковое число лѣтъ. Въ такомъ случаѣ, переводчику остается только поставить цифры, а вопросъ объ именахъ признать нерѣшеннымъ и помѣстить ихъ въ скобкахъ. Но возвращаюсь къ вашему толкованію.

Понимаю, что преданіе могло приписать нѣсколько сотенъ лѣтъ существованія имени, которымъ бы означалось пребываніе племени въ какомъ нибудь краѣ; но не могу повѣрить, чтобъ оно могло приписать сотню лѣтъ и такому имени, которое означало бы *выходъ* или *переправу черезъ рѣку*. Родословіе въ родѣ слѣдующаго: «*Бранденбургъ* жилъ четыреста лѣтъ, *выѣздъ* жилъ триста пятьдесятъ лѣтъ, *переправа черезъ Эльбу* жила триста восемдесятъ лѣтъ, *распря* жила четыреста лѣтъ, *Франкфуртъ* жилъ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ, потомъ *Кассель*, потомъ *Иванъ*, *Петръ* жили столько-то годовъ»; такое родословіе кажется мнѣ не слишкомъ вѣроятнымъ, а вы именно такое предлагаете для предковъ Авраамовыхъ. Нѣтъ и тѣни основанія изъяснять

*) Кн. Бытія, гл. XI, ст. 12.

библейское родословіе въ смыслѣ исторіи странствованія, развѣ мы захотимъ непремѣнно придать ему видъ сродства съ тѣмъ родословіемъ, которое, по мнѣнію нѣкоторыхъ, содержится въ Зендавестѣ; но и это послѣднее было ложно понято; да притомъ и оно не представляетъ такой пестрой смѣси названій мѣстностей, именъ символическихъ и именъ собственныхъ, какую предполагаете вы въ книгѣ Бытія. Ничто, ни въ нравахъ Востока, ни въ языкѣ Еврейскаго преданія, васъ не оправдываетъ; а между тѣмъ, въ этихъ-то самыхъ нравахъ и въ языкѣ Моисеева народа, я нахожу весьма простой ключъ къ его лѣтосчисленію.

Для Евреевъ народъ есть особь—индивидуумъ, есть одинъ человѣкъ: это Еламъ, или Яванъ, или Малогъ или Мосохъ (Мешехъ). Тѣмъ же онъ былъ и для древнихъ Грековъ; многія изъ Еллинскихъ басенъ должны быть понимаемы въ этомъ смыслѣ. Но въ какомъ именно соотношеніи стоитъ народъ къ этому имени особи? Вотъ вопросъ. Три имени болѣе другихъ уважаются религіознымъ преданіемъ Библіи: Авраамъ, Исаакъ и Израиль-Іаковъ. Почему народъ не носитъ имени истиннаго своего героя, человѣка, избраннаго Господомъ, мужа, къ которому относятся всѣ обѣтованія? Почему не называется весь народъ Авраамомъ? По той простой причинѣ, что онъ не имѣетъ на это права; Авраамъ не весь заключенъ въ народѣ Еврейскомъ, ибо отъ него отдѣлился Измаилъ. Тоже и съ Исаакомъ; изъ одной части Исаака образовался Эдомъ. Но Израиль-Іаковъ весь въ своихъ дѣтяхъ, онъ живетъ въ нихъ, пока они образуютъ изъ себя одно цѣлое. Отдѣлился Іеровоамъ съ десятью колѣнами: Израиля уже нѣтъ, хотя десять колѣнъ, по злоупотребленію, носятъ еще его имя. Начинаетъ жить Іуда. Въ періодѣ, когда языкъ преданія сохранялъ еще всю свою свѣжесть, сказали бы: Израиль жилъ столько-то лѣтъ (принимая за итогъ число лѣтъ отъ начала Израиля до распаденія его рода.

Вотъ, м. г., самое простое объясненіе этого лѣтосчисленія. Это исторія эпохъ, въ которыя великая семья дѣлилась на независимые одинъ отъ другаго отпрыски. Процессъ выдѣленія постепенно ускоряется, что̀ очень естественно,

и заканчивается на Израилѣ-Іаковѣ только потому, что въ этотъ моментъ приходитъ связь религіозная, закрѣпляющая связь родовую. Такимъ представляется Моисеево преданіе, понятое въ смыслѣ того народа, которымъ оно записано. Установивъ такимъ образомъ рамки этого преданія, возвращаюсь къ подробностямъ:

Вы хотите дать первородство Симу, хотя и допускаете, что древнѣйшее преданіе согласно съ грамматикою. Противъ этого преданія вы приводите только нѣкоторыя мѣста изъ Писанія, въ которыхъ Симъ беретъ преимущество надъ своими братьями. Это не основаніе. Много ли найдется такихъ мѣстъ, гдѣ бы Рувиму давалось преимущество передъ другими дѣтьми Іакова? И однако онъ былъ несомнѣнно старшимъ изъ нихъ. Библія, вообще, ставитъ впередъ не перворордныхъ, а перводостойныхъ, и таковъ былъ Симъ, по крайней мѣрѣ для Евреевъ. Съ другой стороны, Еврейское родословіе, повидимому, почти всегда избѣгаетъ первенцовъ. Оно, по преданію, имѣетъ, такъ сказать, предрасположеніе къ младшимъ—наклонность не совсѣмъ Европейская и, въ особенности, далеко не Германская, но довольно общая Востоку и намъ Славянамъ. Авель, Сиѳъ, Исаакъ, Іаковъ, Іосифъ, Веньяминъ и Ефраимъ несомнѣнны; Арѳаксадъ и самъ Іуда не младшіе въ семьѣ, но и не старшіе; о прочихъ нельзя сказать ничего достовѣрнаго.—Итакъ нравственная вѣроятность въ пользу семидесяти; а въ отношеніи грамматическомъ, *ceteris paribus*, держаться ихъ мнѣнія гораздо сообразнѣе съ законами критики, чѣмъ воображать себя знающимъ болѣе ихъ. Не должно никогда забывать, что въ ихъ времена, какъ я сказалъ выше, Еврейская литература хотя и ослабла, но была еще жива и давала прекрасные плоды, даже въ области высшей поэзіи, тогда какъ нынѣшніе Германскіе Евреологи не были бы въ состояніи сказать даже праздничнаго привѣтствія родителямъ, сколько нибудь ловко закрученнаго. Итакъ въ новомъ изданіи, вы, я думаю, поступили бы хорошо, возвративъ Іафету мѣсто, которое онъ занималъ по мнѣнію Евреевъ.

Точно также вы хотите связать съ Писаніемъ номенклатуру языковъ и говорите: «ясно, что племена, происшедшія отъ Сима, суть Семиты лингвистики» *). Не только это не ясно, но напротивъ ясно до очевидности совершенно противное. Въ самихъ Семитическихъ родахъ (по родословіямъ) часть Арамеянъ сѣверныхъ и затѣмъ южныхъ, а потомъ Меша (Mescha), если они тождественны съ Мосохъ (Meschech), весьма сомнительны и, повидимому, принадлежатъ Ирану: что же касается до родовъ Хамитическихъ, то тутъ нѣтъ и сомнѣнія. Никакой серьезный филологъ не поколеблется причислить всю Финикію, Филистимлянъ, Арабовъ южной части полуострова (всѣхъ Сава, Савта, Севтеха, Шева, Сидона, Каслухима, Кафторима и проч. Писанія **) къ группѣ языковъ Семитическихъ; а между тѣмъ, по Писанію, всѣ эти народы суть Хамиды. Итакъ между Библейскою номенклатурою и ученою номенклатурою языковъ нѣтъ и тѣни совпаденія. Оставляю въ сторонѣ вопросъ о томъ, не есть ли языкъ, называемый нами Семитическимъ, простое воздѣйствіе Африканскаго элемента на Иранскіе корни, воздѣйствіе постепенно ослабѣвающее, идя отъ Юга къ Сѣверу. Я считаю это очень вѣроятнымъ; но на какомъ бы мнѣніи ни остановилась въ послѣдствіи наука по отношенію къ этому вопросу, во всякомъ случаѣ ясно, что Моисей, въ своемъ родословномъ древѣ народовъ, не обращалъ никакого вниманія ни на нарѣчія, ни на физіономіи.

Съ этимъ перехожу къ Хаму и къ сказанію, до него относящемуся. Вы посвящаете ему немного строкъ въ опроверженіе мнѣнія ищущихъ въ немъ оправданія для торговли Неграми. Эти господа не заслуживаютъ той чести, которую вы имъ оказывате; но самое сказаніе заслуживало того, чтобъ вы оказали ему вниманіе, чего вы однако не сдѣлали. Сказаніе это, въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно представляется на первый взглядъ, повидимому, недостойно занимать мѣсто въ историческомъ сказаніи столь сжатомъ и важномъ, какъ книга Бытія. Въ сущности, это не болѣе

*) Bibelwerk. Genesis ad 10 Seite 24.

**) Бытія гл. X.

какъ анекдотъ, не слишкомъ лестный для Ноя (который, впрочемъ, погрѣшилъ, какъ кажется, по невѣдѣнію) и еще менѣе лестный для младшаго изъ его сыновей. Но вдумавшись въ это сказаніе, нельзя не убѣдиться, что оно не могло быть сохранено преданіемъ и записано безъ какой нибудь цѣли, ясно опредѣленной. Всѣ объясненія, какія относительно этого были предлагаемы, или ошибочны, или недостаточны. Взглянемъ на цѣль сказанія историческую и нравственную. Можно бы было предположить, что повѣствователь имѣлъ въ виду историческое развитіе ремеслъ и хотѣлъ заявить, что винодѣліе изобрѣтено послѣ потопа, тогда какъ выдѣлка металловъ и изобрѣтеніе музыки ему предшествовали; но это намѣреніе обозначено очень слабо. Въ отношеніи нравственномъ можно бы предположить въ Моисеѣ желаніе показать, что потопъ не смылъ съ земли порока, и что онъ не есть исключительная принадлежность проклятыхъ племенъ, а возродился немедленно послѣ потопа, притомъ въ избранномъ племени. Хамъ явился бы, въ извѣстномъ смыслѣ, какъ бы слабымъ противнемъ Каину, но тогда пришлось бы признать крайнюю скудость изобрѣтенія въ легендарномъ разсказѣ.

Не думаю, чтобъ при столь слабой основѣ разсказъ могъ удержаться въ преданіи. Чаще всего предполагаютъ въ этомъ разсказѣ одну цѣль; отличить племена проклятыя отъ племенъ благословенныхъ, снабдить эти послѣднія нравственнымъ превосходствомъ и этимъ оправдать ихъ господство. Это было бы важнѣе, шире по замыслу и болѣе достойно послужить основаніемъ для преданія; но подтверждается ли такое предположеніе критикою? Рѣшительно нѣтъ. Виновенъ Хамъ, а между тѣмъ не все его племя проклято. Проклятъ, неизвѣстно почему, только одинъ изъ сыновей его—Ханаанъ. Оставалось бы предположить: или, что сказаніе обрѣзано, на что однако нѣтъ никакихъ указаній; или, что имя *Ханаанъ* есть не болѣе какъ забытая форма имени *Хама*, на что однако нѣтъ доказательствъ; или, что проклятіе Ханаана было случайною и, можетъ быть, позднѣйшею приставкою къ преданію болѣе широкому и болѣе древнему. Это послѣднее

предположеніе правдоподобнѣе другихъ; но и оно не объясняетъ самаго преданія. Въ чемъ же его смыслъ и его важность?

Племя Ханаана осуждено; это очевидно. Но въ чемъ обнаруживается осужденіе? Будетъ ли оно безобразно и отмѣчено знакомъ отверженія?—Нѣтъ и тѣни подобной угрозы. Будетъ ли оно отличаться нарѣчіемъ болѣе скуднымъ и недостаточнымъ для потребностей разума?—Нѣтъ: значительная часть этого племени говоритъ нарѣчіемъ Сима. —Не будетъ ли оно покорено и порабощено племенами, пользующимися благоволеніемъ?—Но Египетъ одна изъ могущественнѣйшихъ державъ, Аравія свободна, Финикія владычествуетъ надъ морями, самая Эѳіопія еще займетъ собою исторію. Одинъ Ханаанъ представляетъ исключеніе, но это исключеніе, какъ я сказалъ, не объясняетъ основы преданія; сверхъ того, было бы совершенно противно здравому смыслу, для оправданія угнетенія цѣлаго племени, придумывать предлогъ столь ничтожный. Преданіе, безъ сомнѣнія, сказало нѣчто другое, и проклятіе, въ немъ подразумѣваемое, должно быть осужденіемъ племени внутреннимъ, а не внѣшнимъ.

Перейдемъ къ благословенію. Оно имѣетъ двѣ степени, причина чему впрочемъ не объяснена: «да распространитъ Богъ Іафета, и да вселится въ селеніяхъ Симовыхъ, и да будетъ Ханаанъ рабъ ему»—это для Іафета. Симу же дается благословеніе въ краткихъ словахъ, но болѣе возвышенное и болѣе выразительное: «благословенъ Господь Богъ Симовъ, и будетъ Ханаанъ отрокъ рабъ ему» *). Ничто въ дѣйствіяхъ двухъ братьевъ не объясняетъ этой разницы; внѣшнія отношенія тѣже самыя для обоихъ: они остаются вкупѣ (чѣмъ, скажу мимоходомъ, доказывается, что Моисей очень мало обращалъ вниманія на языки и мѣстности); надъ Ханнааномъ оба они господа, чтò, повидимому, не имѣетъ ни географическаго, ни историческаго смысла (развѣ бы предположить пророчества о владычествахъ Персидскомъ, Греческомъ, Римскомъ, Турецкомъ

*) Бытія гл. IX, 26 и 27.

и Англійскомъ надъ Палестиною); Но Симу дается благословеніе высокое, хотя въ немъ и не говорится о расширеніи владѣній. «Благословенъ буди Іегова, Богъ Сима». Вотъ его наслѣдіе: самъ Богъ.

Кажется, очевидно, что въ глазахъ Моисея, или, лучше сказать, въ глазахъ древняго преданія (ибо, по моему мнѣнію, оно безконечно древнѣе Еврейскаго пророка) познаніе истиннаго Бога—вотъ что составляетъ Семитизмъ. На основаніи этнологическихъ, а равно филологическихъ данныхъ, можно приписывать ему какъ Иранское, такъ и Семитическое происхожденіе. Имя Сима, быть можетъ, ничто иное какъ Иранская противоположность къ имени Хама (*Хемъ*: на языкѣ Египтянъ—земля, какъ *Земъ* на языкахъ Индоевропейскихъ: *Семеле́ и Семела́* въ разныхъ миѳологіяхъ). Все это дѣло весьма второстепенное; но важно то, что преданіе имѣло смыслъ исключительно религіозный. Хамиды, которыхъ Ханаанъ есть только ближайшій представитель, суть не языкъ, не племя, а религіозное начало, преданное проклятію священнымъ преданіемъ. Это начало есть Фаллизмъ, присущій религіямъ, которыя вы позволите мнѣ назвать Кушитскими. Ни въ одномъ мѣстѣ Библія не характеризуетъ ихъ прямымъ названіемъ фаллическихъ; она накидываетъ на ихъ колыбель покровъ патріархальной и аллегорической легенды, но она гнушается ихъ. Знаю хорошо, что воздѣйствіе, или, что́ можетъ быть точнѣе, давленіе Африки (ибо оттуда началось движеніе), задолго еще до Моисея и даже до Авраама, охватило Сирію, Аравію и всю страну даже до Тигра, и извратило ихъ религіозныя вѣрованія; но первоначальное преданіе древнѣе всѣхъ этихъ захватовъ Африканской религіозной стихіи. Знаю также, что безстыдство символовъ Кушитства происходитъ отнюдь не отъ затаеннаго безстыдсува въ самомъ основаніи этой религіи, но символы, имъ избранные и созданные, приспособлялись какъ нельзя лучше къ внутреннему его содержанію, или къ основанію его. Это основаніе есть признаніе и обоготвореніе необходимости, органической и полярной, какъ въ мірѣ физическомъ, такъ и въ мірѣ духовномъ. Въ преданіи Кушит-

ство отпечаталось своею внѣшнею стороною—безстыдствомъ символовъ (что и придало преданію форму легенды); но не символами, а внутреннимъ своимъ характеромъ было оно омерзительно для поклонниковъ Іеговы. Вотъ истинное потомство Хамово, и вотъ его проклятіе; оно не дѣлаетъ его рабомъ, въ строгомъ смыслѣ слова, но, такъ сказать, упраздняетъ, уничтожаетъ его передъ братьями.

Таковъ, м. г., смыслъ древняго сказанія, до сихъ поръ далеко не вполнѣ постигнутаго; въ немъ содержится фактъ самый важный, какой только есть во всѣхъ разсказахъ книги Бытія, отъ Ноя до Авраама.

И другой фактъ, почти равный этому по важности, едва удостоился отъ васъ малой доли вниманія; я разумѣю Вавилонское столпотвореніе. Съ одной стороны, вы связываете это событіе съ Нимродомъ, съ которымъ оно не имѣетъ ничего общаго, по крайней мѣрѣ въ Писаніи; съ другой, вы отдѣляете его отъ событія, съ которымъ однако Писаніе связываетъ его, относя его къ опредѣленной эпохѣ: «родились у Евера два сына», говоритъ книга Бытія, «имя одному Фалекъ, во дни бо его раздѣлися земля» *). Вы думаете, кажется, что смыслъ этихъ словъ относится къ отдѣленію Іоктанидовъ **); но это мнѣніе несостоятельно. Вопервыхъ, самый образъ библейскаго выраженія указываетъ на широкую мысль, которой далеко не исчерпываетъ тѣсный смыслъ, вами придаваемый этому мѣсту; потомъ, предположеніе ваше находится въ прямомъ противорѣчіи съ постояннымъ обычаемъ рода Еврейскаго. Я сказалъ выше, что этотъ родъ называетъ себя Израилемъ потому, что не считаетъ себя ни Исаакомъ, ни Авраамомъ, такъ какъ онъ не заключаетъ въ себѣ всего потомства этихъ двухъ патріарховъ. Отдѣленіе Іоктанидовъ должно бы было повести за собою, какъ неизбѣжное послѣдствіе, перемѣну имени, и родъ назывался-бы Фалекомъ, а не Еверомъ. Вотъ что непремѣнно бы произошло, если бы событіе, о которомъ говоритъ Писаніе, произошло въ нѣдрахъ од-

*) Бытія X, 25.
**) Іоктанъ, братъ Фалека, тамъ же.

ного племени. Совсѣмъ не то представляется въ исторіи Евреевъ. Еверъ—современникъ такого событія, которое касается всего человѣчества; имя его есть какъ бы памятникъ, переживающій вѣка и сохраняющійся какъ само преданіе, не смотря на всѣ перемѣны въ названіяхъ, обусловленныя послѣдующими отдѣленіями различныхъ отраслей отъ племени родоначальнаго. Израиль, и послѣ того какъ онъ принялъ это новое имя, а потомъ имя Іуды, все-таки не перестаетъ быть Еверомъ, и это единственно потому, что хранитъ преданіе о великой катастрофѣ, которой Еверъ былъ свидѣтелемъ. Моисей говоритъ это ясно: «имя единому Фалекъ» т. е. онъ далъ имя Фалекъ (*раздѣленія*) своему сыну—*потому что* земля была раздѣлена въ его время. А этого онъ не говоритъ о другихъ патріархахъ (наприм. объ Арѳаксадѣ), хотя отдѣленіе побочныхъ вѣтвей происходило постоянно. Преданіе было живо и, можетъ быть, обстоятельно; пророкъ только намекаетъ на него, свидѣтельствуя этимъ о его существованіи.

Вотъ для всеобщей исторіи хронологическая данная весьма опредѣлительная; къ сожалѣнію, вы ею пренебрегли.

Я сказалъ, что народное преданіе было, можетъ быть, обстоятельно. Кромѣ довольно общаго характера, свойственнаго легендарному преданію вообще, меня въ особенности убѣждаетъ въ этомъ то отношеніе, въ которое Арабскія легенды ставятъ между собою Авраама и Нимрода. Это послѣднее имя указываетъ лишь на мѣсто легендарнаго происшествія, не давая точнаго и прямаго указанія на самую личность: въ первоначальномъ разсказѣ Авраамъ, или точнѣе Ибрагимъ, легко могъ быть поставленъ на мѣсто Евера или Ивера, уже забытаго вѣтвями Іоктанидскою, Измаилитскою или Эдомскою. Думаю впрочемъ, что Арабскій разсказъ (если, какъ я полагаю, онъ основанъ на искаженныхъ преданіяхъ) идетъ скорѣе отъ Измаилитской вѣтви, чѣмъ отъ всякой другой. Какъ бы ни судили о моемъ предположеніи, несомнѣнный фактъ, вопервыхъ, тотъ, что Писаніе не поставляетъ никакого отношенія между Вавилонскою башнею и Нимродомъ, и вовторыхъ, что

оно изъ Вавилона выводитъ первыя воинственныя предпріятія, которыя опять таки, по своему происхожденію, относятся къ странѣ Куша. Такимъ образомъ преданіе представляется въ новомъ видѣ.

Вся земля имѣла одинъ языкъ и единообразное слово— говоритъ Библія *); и дальше: построимъ же городъ и башню, которой вершина возвышалась бы до небесъ; такъ чтобы она служила намъ знакомъ (имя), дабы мы не разсѣялись по землѣ **). Здѣсь нѣтъ и слѣда какого либо принужденія, или предпріятія, вышедшаго изъ одного племени и навязаннаго другимъ. Въ чемъ же состоитъ смыслъ преданія? Совершенно противно разсудку предполагать, какъ дѣлаютъ это нѣкоторые ученые нашего времени, и какъ говорите вы мимоходомъ (очевидно не вѣря этому серьезно), что башня нужна была обитателямъ степей для опознанія дорогъ къ ихъ жилищамъ (какъ вѣшка или какъ маякъ). Подобная мысль можетъ, пожалуй, придти въ голову кому нибудь изъ кабинетныхъ ученыхъ, но она вызвала бы насмѣшливую улыбку въ каждомъ первобытномъ народѣ, привыкшемъ видѣть природу лицомъ къ лицу. Никто бы не подумалъ заикнуться объ этомъ ни Сиваксу, или Калмыку, или Бедуину. Люди чувствовали, что они готовы разбрестись и утратить свое единство; нарѣчія только что зарождались, но еще не отдѣлялись рѣзкими отличіями, а соціальное чувство требовало единства, которому видимо угрожало разложеніе. Единство условное представилось единственною возможностью спасенія. Нуженъ городъ, нужна столица, нужно обширное и величественное средоточіе, куда всѣ люди могли бы, даже издалека, обращать свои взоры. Пусть воздвигнется такой городъ, и пусть онъ восходитъ до неба (миходомъ сказать: точно Римъ). Единство языка было еще почти цѣло, желаніе единства было во всѣхъ; чего же не доставало для успѣха? Одного: единства внутренняго (простите невольную оглядку на сторону протестантовъ). Потомство Хама успѣло

*) Устнѣ единѣ и гласъ единъ. Бытія гл. II. ст. 1-й.

**) Бытія, гл. II, ст. 4.

уже размножиться. Кушитскія (фаллическія) религіи успѣли развиться; дѣйствительное единство сдѣлалось невозможнымъ. За его отсутствіемъ, единство условное становится необходимо единствомъ принудительнымъ, и наступаетъ царство раздора явнаго, раздора вооруженнаго и братоубійственнаго. Скоро разлучившіяся племена начинаютъ разбѣгаться; попытка создать общежитіе безъ реальной основы приводитъ къ полному и враждебному обособленію племенъ и родовъ; зародышъ отдѣльныхъ нарѣчій, получивъ безмѣрно быстрый ростъ, ничѣмъ уже не ограждаемый отъ произвола и прихоти, производитъ разнообразіе языковъ, подчиняющихся отнынѣ вліянію природы и климата различныхъ странъ земли, темпераменту, умственному, общественному и физическому состоянію различныхъ семействъ человѣческаго рода. Кушитскимъ племенамъ пришлось первымъ воспользоваться новымъ порядкомъ вещей, или употребить его во зло и притѣснить своихъ братьевъ. Средоточіемъ ихъ могущества въ Азіи сдѣлалось то самое мѣсто, гдѣ предполагалось соорудить всемірную столицу, которая начата была на берегахъ Евфрата, общимъ усиліемъ всѣхъ, но осталась во власти болѣе сильнаго. Кушу первому удалось организоваться потому, что чѣмъ соціальное начало бѣднѣе внутреннимъ содержаніемъ, тѣмъ способнѣе оно формулироваться въ общество условное; въ немъ-то, слѣдовательно, и должна была впервые обнаружиться сила собирательная въ дикой формѣ принужденія— въ Нимродѣ.

Вотъ, м. г., что̀ было мною набросано на моемъ родномъ языкѣ, почти двадцать лѣтъ тому назадъ, и чему всѣ мои послѣдующія занятія доставили только подтвержденія. Вавилонъ, въ своей неудачѣ, есть уже дѣло Хамидовъ и вмѣстѣ начало ихъ торжества; такимъ образомъ, весь разсказъ Моисея входитъ въ исторію религіи. Сказаніе о Хамѣ и сказаніе о Вавилонскомъ столпотвореніи, по внутреннему своему значенію нераздѣльныя, содержатъ въ себѣ все, что̀ есть дѣйствительно серьезнаго въ исторіи первобытнаго міра.

Я высказалъ почти всѣ свои замѣчанія; прибавлю однако еще одно. Не вхожу въ разборъ вашихъ предположеній о допотопномъ мірѣ и о народахъ, его переживншихъ; но позвольте мнѣ, во имя здравой критики, попросить васъ не злоупотреблять болѣе, какъ вы это дѣлаете, словами *Туранъ* и *Туранцы*. Эти слова, въ дѣйствительности, не имѣютъ и тѣни смысла. Они идутъ отъ временъ сравнительно невѣжественныхъ, когда полуученые воображали себѣ, что сдѣлали великолѣпное открытіе, найдя имя Туранъ въ смыслѣ названія страны, лежащей за Яксартомъ. Туранъ повелъ за собою имя Туркъ, Тюркъ и цѣлую вереницу подобныхъ нелѣпостей, которыми ученымъ разсудилось заселить страны между Аральскимъ моремъ, Памиромъ и Ураломъ. Но вы знаете также хорошо, какъ и я, что Туръ есть братъ Иредже, и я не считаю нужнымъ доказывать вамъ, что народы за-Аральской Месопотаміи, Саки, Геты и др., столько же имѣли общаго съ Турками, сколько жители Берлина. Итакъ пусть Туранъ остается тѣмъ, чѣмъ онъ былъ дѣйствительно, т. е. вѣтвью большаго Иранскаго племени, отличною по своимъ правамъ и своей религіи отъ вѣтви Мидо-Персидской, но лишь весьма мало отличавшеюся отъ нея своимъ языкомъ и вовсе отъ нея не отличавшеюся своимъ происхожденіемъ.

Вообще, если позволите дать вамъ совѣтъ человѣку, не признающему за собою другаго на это права кромѣ глубокаго участія, принимаемаго имъ въ вашемъ трудѣ—отбросьте во второмъ изданіи (которое, конечно, не замедлитъ появиться) все чисто научное. Вашъ переводъ предназначается для общины: пусть примѣчанія къ нему служатъ лишь оправданіемъ самаго перевода и изъясненіемъ къ тексту; но не превращайте ихъ въ складъ для преизбытка эрудиціи, богатой и глубокой, но иногда, смѣю сказать, нѣсколько заносчивой въ гипотезахъ. Этой потребности могутъ удовлетворить другаго рода сочиненія; можетъ быть, отъ этого съ настоящаго вашего труда (съ перевода Библіи) нѣсколько сойдетъ отпечатокъ авторской личности, но тѣмъ прекраснѣе и тѣмъ славнѣе будетъ онъ для васъ самихъ.

Переводя писаніе на свой родной языкъ, вы превосходно доказали, что имя Іеговы требуетъ перевода, а не простой перепечатки нѣмецкими буквами, какъ имена Юпитера или Аполлона; вы доказали, что предложить вмѣсто перевода перепечатку значило бы, такъ сказать, профанировать текстъ: ибо глубоко религіозный смыслъ этого текста связанъ съ смысломъ имени Іеговы, а не съ Еврейскими буквами, изъ которыхъ оно слагается. Нельзя пе придти въ восхищеніе отъ мѣткости этого замѣчанія и тонкости выразившагося въ немъ критическаго чутья. Надѣюсь, вы не осудите меня, если, уступая чувству народной гордости, въ настоящемъ случаѣ извинительной, я прибавлю, что только одинъ языкъ, изъ числа живыхъ вѣтвей Иранскаго, не имѣетъ надобности создавать или искать слова для перевода библейскаго «Іегова», ибо обладаетъ словомъ вполнѣ соотвѣтствующимъ и въ то же время общеупотребительнымъ. Это языкъ Славянскій. Слово, о которомъ я говорю, есть единственное имя, даваемое нами Божеству: *Богъ*. Нѣкоторые филологи искали начальной формы его въ Санскритскомъ *блага*; но это одно изъ тѣхъ заблужденій, отъ которыхъ наука начинаетъ отступаться. Параллельныя формаціи и производныя—не одно и то же. Слово Богъ образовалось отъ корня *быть*, какъ *строгъ* (нѣм. streng), акъ *могъ* (нѣм. manch), какъ *худогъ* (нѣм. kundig), какъ, *рогъ*, *творогъ*, *батогъ*, образовались отъ корней, доселѣ существующихъ въ Славянскомъ языкѣ. Глаголъ *быть*, съ отрицательнымъ или уменьшительнымъ *у*, производитъ *убыть* ки даетъ начало слову *убогій* (помалороссійски *небогій*) точно также какъ, въ дѣйствительной или причинной своей формѣ, производитъ *бавить* (давать жизнь или бытіе и отсюда питать); вообще онъ служитъ началомъ безчисленному множеству производныхъ. Итакъ слово *Богъ* вполнѣ соотвѣтствуетъ слову *Ягве* (Сый). Можетъ быть, самая общеупотребительность и, если можно такъ выразиться, ходячесть слова «Богъ» дѣлаетъ его не вполнѣ удобнымъ для замѣны имъ, при переводѣ Еврейскаго «Іегова» (этого вопроса, какъ прямо до меня не относящагося, я не касаюсь); но признаюсь, не безъ особенной радости вижу я и заявляю

это тождество исконныхъ понятій моего племени съ высшими озареніями предковъ Израиля. Вотъ еще сильное доказательство въ пользу Иранскаго происхожденія Моисеевыхъ преданій.

Въ исторіи религіозныхъ идей, у племенъ Славянскихъ, еще поразительнѣе другой фактъ, именно тотъ, что ихъ верховное Божество, ихъ Allvater (Всеродитель), носило миѳологическое названіе *Сварога.* Его хотѣли также пріурочить къ Санскритскому *Сварга,* но (не во гнѣвъ будь сказано знаменитому Шафарику) этого объясненія серьезная критика допустить не можетъ. *Сварогъ,* для всякаго филолога, есть сложное изъ двухъ корней: *Сва,* столь же обыкновеннаго въ Славянскомъ какъ и въ Санскритскомъ и имѣющаго въ обоихъ языкахъ одинъ и тотъ же смыслъ (свой или отъ себя), и *рогъ* (означающаго обнаруженіе, произвожденіе или произрастаніе, откуда *рогъ,* а также *роженъ,* отпрыскъ или вѣтвь). Итакъ имя *Сварогъ* означаетъ, что̀ идетъ *отъ самого себя,* или есть свое собственное проявленіе. Конечно, родъ человѣческій проходилъ не разъ эпохи мрака, но колыбель его была не во тьмѣ: она озарялась лучами Божественнаго солнца.

Оканчивая это длинное письмо, я считаю себя обязаннымъ еще разъ извиниться въ строгости моихъ замѣчаній. Смѣю надѣяться, что откровенность, съ которою я ихъ высказывалъ, не подастъ вамъ повода усомниться въ почтительномъ удивленіи, возбуждаемомъ во мнѣ вашими трудами, вашими дарованіями, вашими познаніями и благороднымъ ихъ направленіемъ. Заблуждаться могутъ всѣ, даже избранные, даже свѣтила своей страны и своего времени, и тѣмъ важнѣе бываетъ заблужденіе, чѣмъ выше стоитъ тотъ, отъ кого оно идетъ.

Итакъ, еще разъ, простите мнѣ нѣсколько рѣзкую форму нѣкоторыхъ изъ моихъ замѣчаній, подсказанныхъ мнѣ любовью къ истинѣ, и примите благосклонно увѣреніе въ глубочайшемъ почтеніи, съ коимъ имѣю честь быть

вашимъ покорнымъ слугою

Неизвѣстный.

ПИСЬМО

КЪ УТРЕХТСКОМУ ЕПИСКОПУ

Жансенисту Лоосу (Looss).

1860.

Переводъ съ Французскаго *).

*) Подлинникъ отосланъ былъ въ Парижъ, въ редакцію „l'Union Chrétienne", но напечатанъ не былъ, если не ошибаемся, потому, что редакція побоялась поссориться съ Жансенистами.

М. г.

Прошлогоднія газеты сообщили извѣстіе о вашемъ поставленіи въ епископы и, почти тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ, о томъ, что Римскій дворъ васъ отлучилъ.

Конечно, для того, кто не желаетъ общенія, отлученіе не представляетъ ничего особенно страшнаго; но ваше положеніе не таково.

Равномѣрно не представляетъ никакой важности отлученіе, исходящее отъ власти незаконной, или признаваемой незаконною; но ваши отношенія къ Римскому двору не таковы.

Наконецъ, хотя бы оно исходило отъ власти законной, съ которою желательно находиться въ общеніи, отлученіе можетъ казаться почти безразличнымъ, когда совѣсть произноситъ приговоръ противуположный приговору этой власти и когда невинность осужденнаго свидѣтельствуется началами права и справедливости. Въ такомъ именно положеніи находитесь вы; по крайней мѣрѣ, такимъ оно вамъ самимъ представляется.

Думаю однако, что я не ошибусь, предположивъ, что вы не безъ живой скорби видите и испытываете на себѣ то особеннаго рода духовное одиночество въ христіанскомъ мірѣ, въ которое васъ ставитъ папское осужденіе; ибо въ сравненіи съ прежнимъ общеніемъ, къ которому привыкли ваши предки и которое обнимало собою болѣе ста милліоновъ единовѣрцевъ, нынѣ остающееся при васъ общеніе съ нѣсколькими тысячами должно, безъ всякаго сомнѣнія, казаться почти полнымъ одиночествомъ. Въ такомъ положеніи скорбь естественна, законна, почтенна, и тотъ лишь могъ бы не чувствовать ея, или не сочувствовать ей въ другомъ, чье сердце было бы слишкомъ скудно любовью.

Конечно, религіозная истина не обезпечиваетъ житейскаго благополучія, а число вѣрныхъ не можетъ служить мѣриломъ святости Церкви. Поэтому неоспоримо, что, несмотря на ваше одиночество и на тягостныя ощущенія, которыя оно можетъ въ васъ возбуждать, вы и послѣдователи ваши могли бы быть хранителями святаго ученія нашего Спасителя и преданій Его Церкви, если бы справедливость была на вашей сторонѣ и еслибы убѣжденія ваши и вѣра ваша утверждались на прочныхъ основаніяхъ. Но такъ ли это?

Вопросъ поставленъ; прежде чѣмъ явится отвѣтъ, естественно представляется другой вопросъ.

Сами вы вѣрите ли, что ваши убѣжденія и ваша вѣра утверждены на прочныхъ основаніяхъ?

Позвольте мнѣ вамъ сказать, что, судя по внѣшнимъ признакамъ, отъ васъ нельзя ожидать инаго отвѣта какъ только отрицательнаго; можетъ быть право и на вашей сторонѣ, но вы, повидимому, далеко въ томъ не увѣрены.

Менѣе двухъ вѣковъ тому назадъ вы составляли часть Католической, Апостольской, Римской Церкви; съ того времени, приговоромъ Римскаго двора вы отдѣлены отъ нея, и этотъ приговоръ остается во всей силѣ, несмотря на смѣну первосвященниковъ; итакъ расколъ очевиденъ, а гдѣ расколъ, тамъ непремѣнно есть и раскольники.—Римъ считаетъ васъ раскольниками, но вы этого приговора не признаете. Стало быть, вы должны всѣхъ остальныхъ послѣдователей Римской Церкви считать раскольниками. Такъ ли вы на нихъ смотрите?

«Но—скажете вы—приговоръ, осуждающій насъ, есть послѣдствіе несчастнаго заблужденія и, такъ сказать, недоразумѣнія; слѣдовательно, расколъ существуетъ только по видимости». Какъ? Болѣе пяти поколѣній прошло по лицу земли; нѣсколько папъ, въ большемъ еще числѣ, преемственно передавали другъ другу вѣнецъ, ключи и наслѣдіе Св. Петра, а заблужденіе еще не разсѣялось; недоразумѣніе, съ того дня какъ оно возникло, не подвинулось ни на шагъ къ своему разъясненію!

Согласитесь, м. г., что, не нарушая закона любви къ ближнему, позволительно думать, что вы обнаруживаете одно лишь упорство, продолжая называть недоразумѣніемъ нѣчто, заслуживающее другаго названія, и упорствуете потому, что, не будучи достаточно увѣрены въ своемъ правѣ, вы не рѣшаетесь назвать вещи по имени.

Вопросъ, разлучившій васъ съ Римскою Церковью, не есть случайный вопросъ церковной юрисдикціи или дисциплины. Это вопросъ пребывающій, вопросъ доктрины. Римскій дворъ изъявляетъ притязаніе на право навязывать вамъ ту или другую формулу, которую вы обязаны подписать, или то или другое отреченіе, которое вы обязаны произнести; вы же отрицаете у него это право и считаете его посягательствомъ на свободу вашей совѣсти. Обстоятельство, подавшее первый поводъ къ расколу, теперь утратило всякое значеніе. Положимъ, Римскій дворъ захотѣлъ постановить въ силу своего церковнаго авторитета обязательное рѣшеніе о фактѣ, ложно имъ понятомъ или худо высмотрѣнномъ; положимъ, онъ основался на неправильныхъ донесеніяхъ о какой-либо книгѣ въ сущности невинной, но вѣдь съ тѣхъ поръ характеръ вопроса совершенно измѣнился. Вещественный фактъ достаточно изученъ, и было бы крайне смѣшно утверждать, что мало было двухъ вѣковъ для его уясненія. Жансеній и смыслъ его словъ— теперь въ сторонѣ. Теперь, да и не только теперь, а въ продолженіе цѣлыхъ полутораста лѣтъ, тяжба шла и идетъ о границѣ власти присущей каѳедрѣ Св. Петра, той власти, которая ей дана или которую она за собою признаетъ надъ совѣстью христіанъ. Одно изъ двухъ: или всякій вопросъ объ этой власти и о самой необходимости ея ниспадаетъ въ разрядъ вопросовъ праздныхъ и не имѣющихъ никакой важности, или же вопросъ, на которомъ вы расходитесь съ Римомъ, есть вопросъ доктрины.

Папы, отличающіеся одинъ отъ другаго бо́льшимъ или меньшимъ знаніемъ и умомъ, наконецъ особенностями личныхъ своихъ характеровъ, слѣдуютъ преемственно одинъ за другимъ, и всѣ единогласно осуждаютъ васъ какъ людей непокорныхъ власти, ввѣренной имъ отъ Бога; а вы

стали бы увѣрять, что вы не въ расколѣ? Неужели ни одинъ изъ этихъ папъ не имѣлъ на столько разсудка, на столько любви, на столько просвѣщенія свыше, чтобы признать наконецъ, что повода къ разрыву нѣтъ, какъ увѣряете вы? Самимъ протестантамъ никогда бы не придумать болѣе сильнаго довода противъ наслѣдія первосвященнической власти въ рѣшеніи вопросовъ доктрины. Но, пусть будетъ по вашему.

Положимъ, что страсти имѣютъ такую же власть надъ преемниками Св. Петра, какъ и надъ всѣми смертными; положимъ, что честолюбіе и властолюбіе, въ продолженіе безъ малаго двухъ столѣтій, ослѣпляли папъ до такой степени, что постоянно подсказывали имъ отлученіе, и теперь надъ вами тяготѣющее, положимъ, безъ достаточнаго основанія, или, лучше сказать, подъ пустымъ предлогомъ. Допустимъ все это: вопросъ все-таки только отклоненъ, а не рѣшенъ. Вѣдь вамъ приходится имѣть дѣло не съ однимъ Римскимъ дворомъ, не съ тѣмъ только, что можно бы назвать его тайнымъ совѣтомъ. Правда, приговоръ, васъ осуждающій, произнесенъ Римскимъ дворомъ, но онъ принятъ всею Римскою Церковью. Какъ? И въ этихъ милліонахъ христіанъ, въ этихъ сотняхъ тысячъ, образующихъ церковный чинъ, въ этихъ десяткахъ тысячъ епископовъ не нашлось человѣка, который бы разрѣшилъ васъ, или принялъ бы на себя ходатайство по вашему дѣлу, или потребовалъ бы для васъ, если не правды, то хоть бы милосердія? А вы увѣряете, что васъ осудили будто бы по ничтожному поводу, будто бы вопреки законамъ и преданіямъ апостольскимъ? Вы хотите принадлежать къ Римской Церкви, а какое понятіе объ ней даете вы вселенной?

Нѣтъ, м. г., вы дѣйствительно въ расколѣ, и не съ однимъ Римомъ, а со всею Католическою Церковью; и не бывало доселѣ раскола болѣе явнаго и болѣе важнаго.

Правда, исторія Церкви представляетъ примѣры расколовъ болѣе кажущихся, чѣмъ дѣйствительныхъ; таковъ, между прочимъ, довольно продолжительный расколъ Мелхитовъ; но этого рода случаи не имѣютъ ничего общаго съ ва-

шимъ. Споръ о вопросѣ подчиненія, о столкновеніи юрисдикціи, о сомнительномъ рукоположеніи (въ смыслѣ чиноположительномъ, а не таинственномъ)—таково происхожденіе этого рода разъединеній, во всякомъ случаѣ прискорбныхъ, но не имѣющихъ большой важности. Духовная жизнь ими не подрывается, умственное общеніе, въ христіанскомъ смыслѣ, не прекращается. Такъ и Мелетій, прослывшій раскольникомъ, былъ однимъ изъ свѣтилъ и столповъ Церкви. Словомъ, все это не болѣе какъ недоразумѣнія между братьями, все-таки остающимися, по прежнему, органически связанными единствомъ своихъ убѣжденій; это призраки раскола, а не дѣйствительные расколы. Но не такого свойства споръ между вами и Римомъ. Здѣсь явное разъединеніе въ доктринѣ, противоположность въ основѣ убѣжденій и совѣсти; здѣсь, какъ я сказалъ, расколъ дѣйствительный, очевидный и важный.

Спрашиваю опять: достаетъ ли у васъ смѣлости признать и назвать Римъ и всѣхъ вѣрныхъ Риму раскольниками? Можете ли вы это сдѣлать? Если не достаетъ и если не можете, то вы сами себя осуждаете.

И вы точно не можете; ибо, оставаясь Римско-католиками, вы допускаете, что папа есть вождь и глава земной Церкви, и потому вы не смѣете придать названія раскольника преемнику Св. Петра, человѣку, который, по вашему же мнѣнію, есть какъ бы завершеніе церковнаго свода и единственный намѣстникъ Христа на землѣ. Римъ въ васъ не нуждается и называетъ васъ прямо раскольниками; а вы не можете отплатить ему тѣмъ же, потому что не можете обойтись безъ Рима, не перемѣнивъ самого основанія вашихъ ученій. Вамъ остается искать спасенія въ жалкихъ изворотахъ и прибѣгать къ отрицанію важности факта, изолирующаго васъ отъ всѣхъ христіанъ. Позвольте же мнѣ сказать, что вы сами не вѣрите въ свою правоту и въ справедливость вашего дѣла.

Вы были прежде частью Римской Церкви. Не вы (я говорю теперь съ вашей точки зрѣнія) изъ нея вышли, и не по вашей винѣ произошло отпаденіе; а остальная Церковь отлучилась отъ васъ; она, по отношенію къ вамъ, непра-

ва.—Если такъ, то *Церковь въ своей чистотѣ уцѣлѣла въ васъ*; по чувству любви къ провинившимся передъ вами братьямъ, вы можете *предлагать* имъ благостыню вашего общенія; но вы не можете *вымаливать* у нихъ общенія для себя какъ милостыни. А между тѣмъ, вы обращаетесь къ Римскому двору какъ къ высшей власти, а отнюдь не какъ къ братьямъ, впадшимъ въ заблужденіе. Безглавая Церковь, вы обращаетесь къ схизматической главѣ съ мольбою, чтобъ она соблаговолила пристать къ вашему тѣлу и дать вамъ чрезъ это полноту бытія, которой вы не имѣете. Нѣтъ, м. г., не такъ бы стало дѣйствовать общество, увѣренное въ самомъ себѣ и въ своихъ правахъ, еслибъ оно сознавало, что эти права идутъ отъ Бога, а не отъ людей.

Римъ вамъ ничего не уступаетъ, и онъ правъ. Но предположимъ, что, посредствомъ какого-нибудь ловкаго и хитраго изворота, онъ рѣшился бы принять васъ, не требуя отъ васъ никакого заявленія раскаянія: въ какія отношенія стали бы въ такомъ случаѣ къ Риму? Движеніе церковной жизни не прерывалось въ продолженіе вашего разлученія. Примете ли вы ея результаты и рѣшенія (напримѣръ, рѣшеніе послѣдняго собора по вопросу о непорочномъ зачатіи)? Вы конечно и не подумаете потребовать ихъ пересмотра, а еслибъ вы предъявили такое притязаніе, то Римъ не могъ бы на это согласиться, не пожертвовавъ всѣми своими правами и всѣми своими ученіями. Вы же не можете имъ подчиниться, ибо такое слѣпое подчиненіе было бы равносильно самоосужденію. Вы заявили бы сами, что религіозная жизнь была удѣломъ не вашей общины, а той, которая удаляла васъ изъ своего нѣдра.

Вы видите, м. г., съ какой бы стороны мы ни разсматривали вопроса, отвсюду мы получаемъ свидѣтельство вашего невѣрія въ самихъ себя и въ вашу правоту.

Между многочисленными сектами Востока есть одна, которая, хотя и допускаетъ Божественное установленіе пастырскаго поставленія, его необходимость въ Церкви и его святость, но утверждаетъ однако, что, по грѣхамъ

христіанъ и епископовъ, вся сила рукоположенія, слѣдовательно и вся сила самаго таинства священства, погибла. Отсюда выходитъ, что эта секта отрицаетъ современное священство, хотя, въ тоже время, допускаетъ его въ прошедшемъ и, такъ сказать, въ отвлеченіи. Съ другой стороны, послѣдователи этой секты утверждаютъ о себѣ, что они Церковь, и что въ нихъ пребываетъ церковная жизнь со всѣми дарами благодати, обѣтованными ей, за исключеніемъ одного священства. Очевидное противорѣчіе этихъ двухъ ученій въ сущности есть ничто иное какъ отрицаніе необходимости самаго священства и его таинственнаго характера или, по меньшей мѣрѣ, признаніе за нимъ пользы только временной. Отношеніе этой секты къ епископству совершенно тождественно съ вашимъ отношеніемъ къ папству. Вы допускаете его на словахъ; вы признаете его Божественнымъ установленіемъ, неотчуждаемымъ наслѣдіемъ и, можетъ быть, вѣнцомъ Церкви; и однакожъ вы спокойно обходитесь безъ него въ продолженіи двухъ вѣковъ и допускаете для себя возможность обходиться безъ него и впредь, не думая чрезъ это лишиться прочихъ преимуществъ, обѣтованныхъ Христомъ Его Церкви.—Не очевидно ли, что Папство обратилось для васъ въ отвлеченность, осуществленіе которой совершенно для васъ ненужно? Не очевидно ли, что, въ сущности, вы отрицаете самое преемство Св. Петра столь же рѣшительно, какъ и самый ревностный протестантъ? Но вы не дерзаете быть послѣдовательными; вы не смѣете признаться себѣ самимъ въ противорѣчіи вашихъ ученій и остаетесь въ колебаніи, въ нерѣшительности, отрицая на дѣлѣ то, что̀ признаете на словахъ, одинокими во вселенной и осужденными самими собою, въ глубинѣ собственныхъ вашихъ совѣстей.

Повторяю: вы не имѣете вѣры въ себя самихъ и въ собственную свою правоту.

Но дѣйствительно ли право на вашей сторонѣ?

Для всякаго человѣка, хоть немного знакомаго съ исторіею Церкви и со вселенскимъ преданіемъ, не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что во всемъ преніи Жансенистовъ съ Римскимъ дворомъ, какъ смыслъ, такъ и буква всѣхъ

прежнихъ свидѣтельствъ гласили въ пользу Жансенистовъ. Всегда готовые подчиниться рѣшенію Церкви, они выговаривали себѣ только свободу своей совѣсти, впредь до ожидаемаго рѣшенія. Они несомнѣнно имѣли за себя всѣ свидѣтельства первыхъ вѣковъ, самый духъ Христіанства. Наоборотъ, на сторонѣ Рима—посягательство самое очевидное, деспотизмъ въ формахъ самыхъ безстыдныхъ, полнѣйшее презрѣніе къ апостольскому преданію и къ христіанской свободѣ, и въ оправданіе всего этого—извращеніе текстовъ и древнихъ ученій, ссылки фальшивыя, цитаты урѣзанныя или, по крайней мѣрѣ, изуродованныя натяжками въ видахъ придать имъ смыслъ совершенно противоположный первоначальному, словомъ: весь арсеналъ, которымъ обыкновенно пользуются въ нечистыхъ дѣлахъ, чтобъ обойти право и правду. Итакъ право было на сторонѣ Жансенистовъ?—Нисколько! Правъ былъ всё-таки Римъ.

Въ мірѣ, основанномъ на законности, законъ всемогущъ: на оборотъ, законъ есть не болѣе какъ противорѣчіе, не болѣе какъ слово безъ смысла въ мірѣ, основанномъ на отрицаніи закона. Простой воинъ, подначальный лицу, похитившему власть, обнаружилъ бы безуміе, еслибъ вздумалъ взывать къ свободѣ противъ своего вождя, которому самъ же помогъ втоптать эту свободу въ грязь.

Было время, отъ границъ Персіи и береговъ Каспійскаго моря до береговъ Атлантическаго океана, Церковь каѳолическая, или проще Церковь, была единою по духу и по сvмволу. Она управлялась іерархіею, которой смыслъ и значеніе оставались неизмѣнными со временъ апостольскихъ, хотя измѣнялись ея формы и названія чиновъ. Ни одна изъ областей этого святаго общества не думала присвоивать себѣ монополію благодатныхъ даровъ; ни одна не имѣла притязанія на рѣшеніе вопросовъ ученія, по собственному своему разумѣнію и по своимъ познаніямъ; каждая область пользовалась свободою въ обрядовыхъ формахъ и въ дисциплинарныхъ правилахъ, но всѣ области знали и исповѣдывали, что догматъ, даръ благодати и откровеніе таинъ Божіихъ, можетъ быть обсуждаемъ только цѣлостью Церкви и формулируемъ только единодушнымъ согласіемъ вѣр-

ныхъ. Взаимная любовь хранила и стерегла вѣру; общій (вселенскій) соборъ, голосъ всей Церкви, былъ ея выраженіемъ и свидѣтельствомъ: «возлюбимъ другъ друга, *да* единомысліемъ исповѣмы Отца и Сына и Св. Духа», таковы были слова древней литургіи, слова высокой догматической важности и въ истинѣ которыхъ никто въ Церкви не осмѣлился бы усомниться.

Гордая своею обширностью и своимъ вещественнымъ могуществомъ, вырванная мечемъ Франковъ и Карла Великаго изъ подъ зависимости отъ Византійской имперіи, Римская область, въ девятомъ вѣкѣ нашей эры, измѣняетъ вселенскій символъ, не призвавъ къ совѣту своихъ братьевъ, *даже не удостоивъ ихъ простого извѣщенія объ этомъ*. Измѣненіе, сначала введенное обычаемъ, было въ послѣдствіи освящено провинціальнымъ соборомъ, именно Латеранскимъ, въ прямое противорѣчіе рѣшенію собора вселенскаго. Не бывало въ мірѣ нарушенія законовъ церковныхъ болѣе полнаго, отрицанія ея духа и ученія болѣе рѣшительнаго, раскола болѣе явнаго.

Всему этому ваши предки были пособниками.

На что могъ опереться расколъ, послѣ того какъ онъ отринулъ нравственное основаніе и единство совѣстей въ Церкви? Онъ долженъ былъ искать основаній условныхъ или политическихъ. Такихъ основаній могло быть два, не болѣе. Можно было опереться на признаніе неограниченной свободы каждой церковной области, присвоивъ ей право рѣшать окончательно догматическіе вопросы; свобода областная, въ силу неотразимаго логическаго вывода, вела къ свободѣ епархіальной, потомъ къ свободѣ приходской, наконецъ къ такой же свободѣ личной. Это было Протестантство; но его чередъ наступилъ позднѣе. Можно было также опереться на авторитетъ видимой, осязаемой власти, господствующей надъ совѣстями, рѣшающей безапелляціонно и поставленной выше всякаго контроля. Это Папство, какимъ создали его средніе вѣка.

Съ этого времени на Западѣ не стало Церкви; осталась духовная Римская *имперія*, впослѣдствіи раздробленная про-

тестантскою *республикою*. Римъ все это зналъ, а Жансенисты не знали или позабыли.

Власть въ рѣшеніи догматическихъ вопросовъ, разъ уступленная Риму, не могла уже быть ничѣмъ ограничена. Чѣмъ бы въ самомъ дѣлѣ обусловить или чему бы подчинить ее? Единодушію всей Церкви? Но оно-то и было отринуто расколомъ съ самаго его начала: отрицаніе единодушія было его исходною точкою; къ тому же, идея единодушія упразднила бы идею авторитета. Или согласію большинства? Это было бы слишкомъ нелѣпо: познаніе Божественныхъ истинъ не можетъ быть обусловлено численностью. Или согласію хоть нѣсколькихъ? Но сколькихъ же? Меньшинство, получающее право верховнаго суда, единственно вслѣдствіе и въ силу согласія своего съ папою, очевидно, сводится къ одному лицу, къ папѣ. Одно изъ двухъ: вся Церковь,—или одна каѳедра Св. Петра; средняго термина тутъ не можетъ быть. Весь Западъ подалъ голосъ въ пользу втораго, то есть въ пользу папы, конечно не понимая послѣдствій своего выбора и не имѣя никакой возможности увернуться отъ нихъ.

Какъ скоро признано было верховноначаліе въ вопросахъ доктрины, такъ, естественно, тому-же Папству и ему одному подобало рѣшать въ каждомъ частномъ случаѣ: что̀ вопросъ доктрины, что̀ нѣтъ? Не признавать за нимъ этого права значило бы грѣшить противъ логики. Кто призналъ бы, что такой то человѣкъ не можетъ ошибаться въ разрѣшеніи вопросовъ математическихъ и, въ тоже время, отрицалъ бы у этого человѣка способность распознавать, принадлежитъ ли подлежащая разрѣшенію задача къ вопросамъ математики или къ вопросамъ грамматики—тотъ прослылъ бы за безумца въ глазахъ здравомыслящихъ.

Выдти изъ Рима, *не возвращаясь къ Церкви*, можно только въ одну дверь; эта дверь — Протестантство. Итакъ Жансенисты были вполнѣ неправы, когда апеллировали отъ Рима къ законамъ древней Церкви и къ апостольскому преданію и, въ тоже время, не дерзали или не хотѣли понять, что прежде всего имъ слѣдовало отрѣшиться отъ

своей безъ малаго восьмивѣковой старины. Они упорствовали въ требованіи, чтобъ ихъ судили тѣмъ порядкомъ, какимъ бы они могли быть судимы, еслибы они еще принадлежали къ Церкви, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, они сами давно ее отринули; они забывали, что были уже не членами Церкви, а подданными Римской Монархіи, основанію которой они сами помогли. Нельзя пользоваться преимуществами, даруемыми истиною, оставаясь въ то же время въ нѣдрахъ лжи; такое право никому не дается, ибо ложь есть отрицаніе той самой истины, къ которой взываетъ домогающійся этихъ преимуществъ.

На Западѣ духовной жизни человѣка открыты только двѣ дороги: дорога Романизма (безъ всякаго основанія отличаемаго отъ Ультрамонтанства) и дорога Протестантства.

Если вы въ состояніи заглушить въ себѣ разумъ, забыть преданіе первобытной Церкви, отказаться отъ правъ христіанской свободы и принудить свою совѣсть къ молчанію: смиритесь предъ Папствомъ и будьте Римлянами. Папство, конечно, вовсе не то, что̀ Церковь; оно есть нѣчто, можетъ быть, даже нѣсколько унизительное, нѣчто болѣе похожее на христіанское идолопоклонство, чѣмъ на Христіанство: но, по крайней мѣрѣ, это нѣчто логичное, хоть на видъ.

Если вы въ состояніи забыть, что разумъ человѣческій познаетъ истину только при помощи нравственнаго закона, которымъ человѣкъ соединяется съ своими братьями, и что подъ условіемъ лишь свободнаго подчиненія своей личности этому закону нисходитъ на человѣка Божественная благодать; если вы можете держаться за свидѣтельства Церкви первыхъ вѣковъ, искажая въ то же время ихъ смыслъ и упуская изъ виду ихъ цѣльность; если вы способны горделиво повергаться ницъ передъ всевластіемъ личной свободы и принимать исканіе истины за вѣру: тогда будьте протестантами. Это опять не Христіанство; это не болѣе какъ скептицизмъ, худо замаскированный; но, по крайней мѣрѣ, это логично, хоть на первый взглядъ.

Вы не можете въ одно и то же время поклоняться Риму (основанному при содѣйствіи вашихъ предковъ) и бун-

товать противъ его власти; вы не можете въ одно и тоже время оставаться внѣ Церкви (отвергнутой вашими предками) и взывать къ ея законамъ и преданіямъ; вы не можете быть Жансенистомъ, ибо Жансенизмъ—явная безсмыслица.

Но если ваше одиночество тяготитъ васъ (а оно не можетъ не быть въ тягость для душъ, требующихъ сочувствія); если вы дорожите спокойствіемъ религіозной совѣсти и увѣренностью въ вѣрѣ; если вы искренно ищете истины и вѣрите преданіямъ и наставленіямъ первобытнаго Христіанства: тогда отступитесь отъ десятивѣковыхъ заблужденій, отвергните наслѣдіе раскола, переданное вамъ предками; словомъ, возвратитесь въ лоно Церкви. Милліоны сердецъ пойдутъ къ вамъ на встрѣчу; милліоны отверстыхъ рукъ примутъ васъ въ свои объятія, примутъ какъ равноправныхъ, какъ братьевъ возлюбленныхъ; милліоны устъ призовутъ на васъ благословенія и дары благодати, обѣтованные отъ Спасителя вѣрнымъ Его послѣдователямъ. Церковь, м. г., не блистаетъ наружностью. Подобно своему Божественному основателю и Его первымъ ученикамъ, она проходитъ почти незамѣтно въ человѣчествѣ; она живетъ забытою и непознанною тѣмъ обществомъ, которое основало западный расколъ; она какъ бы смиренная плебейка передъ лицомъ монархическаго могущества Рима или ученой аристократіи Протестантства; но она есть то, чѣмъ была всегда и чѣмъ всегда пребудетъ; она—тотъ камень, котораго не сокрушатъ стихіи міра; она—неприступное и тихое пристанище, открытое для всѣхъ, кто любитъ и жаждетъ вѣры.

Будьте для Церкви начатками Запада!

Я уже обращался троекратно къ моимъ западнымъ братьямъ *). Мнѣ кажется, что исключительность положенія, въ которомъ вы находитесь, представляетъ условія особенно благопріятныя для опознанія голоса истины, и это побудило меня обратиться лично къ вамъ съ этими строками.

---

*) Здѣсь въ подлинникѣ авторъ приводитъ оглавленіе трехъ своихъ брошюръ о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ. *Пр. переводч.*

Можетъ быть, письмо безъ подписи, писанное человѣкомъ, не занимающимъ виднаго мѣста въ соціальной іерархіи и не имѣющимъ никакого титла въ іерархіи церковной, покажется вамъ недостойнымъ вниманія. Если-жъ вы того мнѣнія, что истина имѣетъ право на вниманіе и въ томъ случаѣ, когда заявляется не подъ громкимъ именемъ, и что чувство любви, внушившее мнѣ (если совѣсть меня не обманываетъ) это писаніе, заслуживаетъ отвѣта: то прошу васъ адресовать его въ Москву, въ редакцію «Русской Бесѣды» для передачи *неизвѣстному* (Ignotus).

Примите, м. г. и т. д.

ПИСЬМО

КЪ РЕДАКТОРУ „L'UNION CHRÉTIENNE"

О

значеніи словъ. „КАѲОЛИЧЕСКІЙ" и „СОБОРНЫЙ"

по поводу рѣчи Іезуита отца Гагарина.

1860.

Переводъ съ Французскаго *).

*) Подлинное письмо напечатано въ l'Union Chrétienne, 1860, № 45.

М. г.

Какого бы мнѣнія я ни былъ о программѣ вашего изданія, вопросы, которые въ немъ обсуживаются, касаются меня столь близко, что я не могу оставаться равнодушнымъ къ полемикѣ, ими возбуждаемой, и къ вызываемымъ ими нападкамъ на Церковь. Смѣю надѣяться, что вы не откажетесь напечатать нѣсколько словъ въ отвѣтъ на брошюру отца Гагарина (подъ заглавіемъ: *отвѣтъ Русскаго Русскому*).

Въ рѣчи, имъ произнесенной до изданія этой брошюры, досточтимый отецъ сказалъ слѣдующее: «повѣрите ли, братья, въ Славянскомъ переводѣ символа вѣры слово «*каѳолическая*» замѣнено выраженіемъ *неопредѣленнымъ* и *темнымъ*, вовсе не передающимъ понятія всемірности (universalité) Милліоны христіанъ, когда поютъ символъ вѣры, вмѣсто того чтобы говорить: «вѣрую въ Церковь каѳолическую» говорятъ: «вѣрую въ Церковь соборную» (synodale *). И послѣ этого, насъ (т. е. Латинянъ) обвиняютъ въ искаженіи символа!»

На это нелѣпое обвиненіе вы отвѣчали съ полнымъ основаніемъ, что слово *соборный* значитъ *каѳолическій*, что таковъ смыслъ его по церковному словарю, что въ томъ же смыслѣ оно употреблено въ надписаніи Посланія Св. Іакова и т. д. и т. д. Нынѣ, въ брошюрѣ своей, о. Гагаринъ задаетъ себѣ цѣлью оправдать прежнее свое обвиненіе; но, будучи припертъ и уличенъ въ невѣжествѣ, что

---

*) Въ рѣчи своей о. Гагаринъ переводитъ слово с о б о р н а я словомъ с и н о д а л ь н а я, можетъ быть оттого, что на французскомъ языкѣ существительное Соборъ, concile, нельзя обратить въ прилагательное. *Пр. переводч.*

находитъ онъ сказать въ свое оправданіе? Вотъ его слова: «какъ бы то ни было, всякій видитъ, что позволительно сожалѣть о томъ, что символъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ читается въ Русскихъ церквахъ, не содержитъ въ себѣ выраженія, въ которомъ смыслъ слова *каѳолическій* сіялъ бы во всемъ блескѣ».

Допустимъ, что ему позволительно сожалѣть о слабости или недостаточности перевода; слѣдуетъ ли изъ этого, что позволительно было прибавлять къ изъявленію сожалѣній восклицаніе: «и послѣ этого насъ обвиняютъ въ искаженіи символа!» Слѣдуетъ ли, что это восклицаніе не служитъ доказательствомъ самой явной недобросовѣстности?

Но что̀ сказать о первомъ обвиненіи? Чѣмъ объяснить его: недобросовѣстностью или невѣжествомъ? Первое предположеніе было бы само по себѣ довольно правдоподобно и даже не могло бы быть сочтено за оскорбленіе въ примѣненіи къ писателю, прибѣгающему въ спорѣ съ противниками къ доносу и клеветѣ. Это я ему сказалъ и доказалъ въ одной изъ моихъ брошюръ *). Онъ не отвѣчалъ, не посмѣлъ, не могъ ничего отвѣтить; да и никогда не посмѣетъ и не сможетъ. Я вызываю его на это. Но въ настоящемъ случаѣ я оправдываю его: обвиненіе, имъ высказанное, происходитъ отъ полнѣйшаго невѣжества; оно-то дало ему смѣлость ринуться, очертя голову, въ бѣду, которой онъ даже и не подозрѣваетъ, и, такъ сказать, наткнуться на остріе смертоносное для всей его партіи.

Прежде всего разберемъ его критику: «Русское слово (соборная) *неопредѣленно и темно*». Положимъ; но слово, которому о. Гагаринъ даетъ предпочтеніе (каѳолическая) не имѣетъ *никакого смысла*. Оно ровно ничего не значитъ ни на французскомъ, ни на нѣмецкомъ, ни на итальянскомъ, ни вообще на какомъ либо языкѣ, кромѣ греческаго.

---

*) Намёкъ на то мѣсто въ книгѣ о. Гагарина подъ заглавіемъ: „la Russie sera-t-elle catholique“, гдѣ такъ называемые Славянофилы выставляются передъ правительствомъ какъ тайные революціонеры. См. третью брошюру А. С. Хомякова, выше, стр. 193 и слѣд. *Пр. переводч.*

Чтобъ дать возможность понять его, необходимо предпослать ему объясненіе, иными словами: перевести его, а коль скоро допускается объясненіе, ничто не мѣшаетъ такимъ же объясненіемъ придать *неопредѣленному* выраженію бо̀льшую опредѣлительность. Въ чемъ же заключается обвиненіе?

«Но», говорятъ намъ, «слово *соборный* употребляется и въ другихъ смыслахъ; оно значитъ иногда: синодальный, каѳедральный, даже общественный (public)». Положимъ; но развѣ на греческомъ языкѣ слово каѳолическій не имѣетъ другихъ значеній, кромѣ того, которое дано ему въ символѣ? Повидимому, отецъ Іезуитъ не только ничего не смыслитъ въ греческой грамотѣ, но даже не имѣетъ въ своей кельѣ греческаго словарика, въ которомъ бы могъ справиться о различныхъ смыслахъ этого слова на томъ единственномъ языкѣ, на которомъ оно имѣетъ какой нибудь смыслъ. Спрашиваю опять: въ чемъ же обвиненіе?

Все это только смѣшно; но вотъ въ чемъ заключается серьёзная сторона вопроса:

Отецъ Іезуитъ понимаетъ ли, что значитъ слово «каѳолическій»?

«Оно значитъ *всемірный*», отвѣчаетъ отецъ Іезуитъ. Всемірный! Но въ какомъ же смыслѣ?—«Что жь, это ясно: въ томъ смыслѣ, что Церковь объемлетъ всѣ народы».— Я ничего не навязываю отцу Гагарину отъ себя; таково его собственное объясненіе, ибо вотъ его слова: «свойство, котораго по преимуществу не достаетъ у восточнаго исповѣданія, то свойство, котораго *отсутствіе мечется въ глаза*, есть именно каѳоличность, всемірность. Стоитъ открыть глаза, чтобъ убѣдиться, что Церкви этого исповѣданія суть Церкви областныя, мѣстныя, народныя, не составляющія Церкви всемірной. Въ этомъ отношеніи онѣ стоятъ ниже Протестантства; ибо *протестанты встрѣчаются вездѣ*, а *о восточныхъ этого сказать нельзя*». Итакъ *каѳолическій* значитъ принадлежащій всѣмъ народамъ. Но, въ такомъ случаѣ, которая же изъ Церквей есть *каѳолическая*? Гдѣ она? Въ Римѣ? Пусть покажутъ мнѣ Римскую Церковь *въ народѣ турецкомъ, въ Турціи; въ*

народѣ персидскомъ, въ Персіи; между неграми, въ серединѣ Африки?—Въ отвѣтъ скажутъ, можетъ быть, что это придирка, и что въ этомъ случаѣ важно бо́льшее или меньшее число лицъ, исповѣдующихъ вѣру». Поистинѣ, предполагать, что опредѣленія до такой степени грубыя могли найти мѣсто въ символѣ, можетъ только легкомысленнѣйшій изъ легкомысленныхъ сыновъ вѣка сего.

Бо́льшее или меньшее число!

Ну, а въ то время, когда еще Церковь была, такъ сказать, въ колыбели; когда она вся заключалась въ тѣсной храминѣ, освѣтившейся въ Пятидесятницу огненными языками, она ли, Церковь ли, по вашему была каѳолична, или это свойство, въ то время, принадлежало язычеству? А когда торжествующее Магометанство распростерло свои ястребиныя крылья отъ Пиренейскихъ горъ до границъ Китая и заключило въ своемъ громадномъ охватѣ маленькій міръ христіанъ, кто былъ каѳоличенъ по вашему? Церковь, или Исламъ? Если свести дѣло на поголовный счетъ, не окажется ли, что и въ настоящее время Буддизмъ каѳоличнѣе Рима? Увы! Въ вашемъ смыслѣ каѳоличны доселѣ только невѣжество и порокъ, дѣйствительно свойственные всѣмъ племенамъ и странамъ.

Или скажутъ, что Церковь каѳолична и была искони таковою не въ томъ смыслѣ, будто бы фактически обнимала всѣ народы, а въ томъ, что это было ей обѣщано, т. е. каѳолична въ силу своей будущности? Я этому вѣрю, но, въ такомъ случаѣ, какимъ же образомъ можетъ *метаться въ глаза теперь, въ настоящую минуту, отсутствіе того, что̀ еще впереди?* Нѣтъ, отецъ Іезуитъ думалъ не о будущемъ; онъ думалъ только о величіи современнаго владычества, о протяженіи настоящаго владѣнія и непримѣтно впалъ въ нелѣпость, поддавшись мечтательному представленію, будто и теперь уже весь міръ, или безъ малаго, сдѣлался Римскимъ. Для него цифра значитъ все.

За то приложите Протестантству еще нѣсколько милліоновъ послѣдователей и нѣсколько новыхъ колоній, и тогда оно пріобрѣло бы въ его глазахъ самую важную,

отличительную черту каѳолицизма. Это вытекаетъ изъ его словъ.

Иначе мыслитъ Церковь. Она познаетъ себя не по будущей всемірности, а по другимъ признакамъ. Каковы бы ни были судьбы вещественныхъ силъ міра, каковы бы ни были движенія духовныхъ силъ народовъ, каковы бы даже ни были успѣхи апостольства, присущее Церкви свойство каѳоличности всё-таки нисколько бы не зависѣло отъ упомянутыхъ условій; это свойство всегда было неизмѣнно и таковымъ пребудетъ всегда. Такъ понималъ его Св. Аѳанасій. Онъ не говорилъ: «насъ больше, или мы дальше разошлись по вселенной» (это было бы сомнительно по отношенію къ Аріанамъ и, особенно, къ явившимся позднѣе Несторіанамъ); онъ говорилъ: «въ какой бы то ни было странѣ, вы вездѣ не болѣе какъ Аріане, Евіониты или Савелліане; мы же вездѣ каѳолики, вездѣ признаны за таковыхъ». (Я указываю на смыслъ рѣчи Св. Аѳанасія и не привожу подлинныхъ словъ, ибо не имѣю подъ рукою его твореній). Здѣсь рѣчь не о числительности, не о протяженіи, не о всемірности въ смыслѣ географическомъ, но о чемъ-то несравненно-высшемъ. «Всѣ ваши названія отъ человѣческой случайности, а наше отъ самой сущности Христіанства». Такъ понимаетъ каѳоличность Св. Аѳанасій. Посмотримъ, какъ понимаетъ ее Церковь.

Отецъ Гагаринъ жалѣетъ о томъ, будто бы въ Славянскомъ символѣ не содержится выраженія, въ которомъ идея всемірности сіяла бы во всемъ своемъ блескѣ. Пусть такъ; но отъ чего это произошло? Предположить ли, что переводчики не нашли или не захотѣли пріискать выраженія, объ отсутствіи котораго онъ такъ скорбитъ? Славянскій ли языкъ оказался слишкомъ бѣднымъ, или переводчики не умѣли усвоить себѣ его богатствъ?

Скажемъ сперва о переводчикахъ. Съ самаго приступа къ дѣлу Славянскіе первоучители возжелали подарить народу, который они призывали ко Христу, переводъ свящ. писаній. Вѣроятно ли, возможно ли, чтобъ они не перевели на первыхъ же порахъ символа вѣры? Правда, мы не имѣемъ списковъ имъ современныхъ; но не подлежитъ со-

мнѣнію, что самый переводъ дошелъ до насъ отъ нихъ. А вѣдь этихъ первоучителей, Кирилла и Меѳодія, Грековъ по происхожденію, но состоявшихъ еще въ общеніи съ Римомъ, Латинствующіе, хотя совершенно неосновательно, присвоиваютъ себѣ. Поэтому, и въ глазахъ о. Гагарина, они должны имѣть нѣкоторый авторитетъ. Они-то для передачи Греческаго слова *каѳолическій* избрали слово *соборный,* такъ что, по этому послѣднему слову, можно судить и о томъ, какъ понимали они подлинное выраженіе. Естественно возникаетъ вопросъ: существовало ли на Славянскомъ языкѣ слово, вполнѣ соотвѣтствующее понятію всеобщности? Можно бы привести нѣсколько такихъ словъ, но достаточно указать на два: *всемірный* и *вселенскій.* Этого достаточно, чтобъ убѣдиться, что конечно не въ словахъ ощущался недостатокъ для передачи этого понятія.

Первое изъ приведенныхъ словъ (всемірный) встрѣчается въ очень древнихъ пѣснопѣніяхъ; древность втораго (вселенскій) также несомнѣнна; оно употребляется, говоря о Церкви, для выраженія ея всеобщности (вселенская Церковь) и говоря о соборахъ (вселенскій соборъ—concile oecuménique). Итакъ вотъ къ какимъ словамъ прибѣгли бы первые переводчики для передачи слова *каѳолическій,* еслибъ они придавали ему значеніе всемірности. Я, разумѣется, нисколько не отрицаю, что слово χαϑολιχος (изъ χατὰ и ολα, съ подразумѣваемымъ ἔϑνη—народы, или другимъ однороднымъ существительнымъ) можетъ имѣть и значеніе всемірности; но я утверждаю, что не въ такомъ смыслѣ было оно понято Славянскими первоучителями. Имъ и на мысль не пришло опредѣлить Церковь географически или этнографически; такое опредѣленіе, видно, не имѣло мѣста въ ихъ богословской системѣ. Они остановились на словѣ *соборный*; *соборъ* выражаетъ идею собранія не только въ смыслѣ проявленнаго, видимаго соединенія многихъ въ какомъ либо мѣстѣ, но и въ болѣе общемъ смыслѣ всегдашней возможности такого соединенія, иными словами: выражаетъ идею *единства во множествѣ.* Итакъ очевидно, что слово χάϑολιχός, въ понятіяхъ двухъ великихъ служителей Слова Божія, посланныхъ Греціею къ

Славянамъ, происходило не отъ κατὰ и ὅλα, но отъ κατὰ и ὅλον; ибо κατὰ часто выражаетъ тоже, что нашъ предлогъ *по*, напримѣръ: κατὰ Ματϑαῖον, κατα Μάρκον, по Матѳею, по Марку. Церковь каѳолическая есть Церковь *по всему*, или по *единству всѣхъ*, καϑ᾽ ὅλον τῶν πιστέυωντων, Церковь свободнаго единодушія, единодушія полнаго, Церковь, въ которой исчезли народности, нѣтъ ни Грековъ, ни варваровъ, нѣтъ различій по состоянію, нѣтъ ни рабовладѣльцевъ, ни рабовъ; та Церковь, о которой пророчествовалъ Ветхій Завѣтъ, и которая осуществилась въ Новомъ Завѣтѣ, словомъ—Церковь, какъ опредѣлилъ ее Св. Павелъ.

Не посмѣю сказать: глубокое ли познаніе сущности Церкви, почерпнутое изъ самыхъ источниковъ истины въ школахъ Востока, или еще высшее вдохновеніе, ниспосланное Тѣмъ, Кто Одинъ есть «Истина и Животъ» внушило передать въ символѣ слово *каѳолическій* словомъ *соборный*; но утверждаю смѣло, что одно это слово содержитъ въ себѣ цѣлое исповѣданіе вѣры. Римляне, вы, которые присвоиваете себѣ Славянскихъ первоучителей, отрекитесь отъ нихъ поскорѣе! Вы, которые разорвали единомысліе и единство, измѣнивъ символъ безъ участія и совѣта вашихъ восточныхъ братьевъ, какъ бы справились вы съ опредѣленіемъ Церкви, которое завѣщали намъ Кириллъ и Меѳодій? Оно васъ осуждаетъ. Оставайтесь же при вашихъ притязаніяхъ на географическую всемірность: дальше этого вамъ не идти. При томъ же понятіи пусть остаются и реформаты, вами порожденные, ибо въ истинномъ значеніи слова «каѳолическій» и они нашли бы себѣ осужденіе. Апостольская Церковь въ девятомъ вѣкѣ не есть ни Церковь καϑ᾽ ἕκαστον (по разумѣнію каждаго) какъ у протестантовъ, ни Церковь κατὰ τὸν ἐπίσκοπον τῆς Ρώμης (по разумѣнію Римскаго епископа) какъ у Латинянъ; она есть Церковь καϑ᾽ ὅλον (по разумѣнію всѣхъ въ ихъ единствѣ), Церковь, каковою она была до западнаго раскола и каковою и теперь остается у тѣхъ, кого Господь предохранилъ отъ раскола: ибо, повторяю, этотъ расколъ есть ересь противъ догмата о единствѣ Церкви.

Вотъ, м. г., какимъ образомъ невѣжество отца Гагарина, такъ сказать, натолкнуло его на остріе Кириллова и Меѳодіева свидѣтельства. Конечно, онъ не подозрѣвалъ ни опасности, которой самъ себя подвергалъ, ни того орудія, которое самъ же давалъ въ руки противъ своей партіи. Римъ осуждается свидѣтельствомъ тѣхъ, которыхъ онъ самъ, хотя произвольно, причисляетъ къ своимъ миссіонерамъ. Вмѣсто того, чтобъ обламывать свои безсильные зубы о каменную твердыню Церкви, лучше бы поступилъ о. Іезуитъ, еслибы принялся за изученіе истины, которой онъ измѣнилъ по невѣжеству.

По лѣтамъ своимъ онъ еще не устарѣлъ для ученія, а тѣмъ болѣе для покаянія.

Примите, м. г., увѣреніе и проч.

Неизвѣстный.

ПИСЬМО КЪ И. С. АКСАКОВУ

О

ЗНАЧЕНІИ СТРАДАНІЯ И МОЛИТВЫ *).

Благодарю васъ, любезный И. С., за письмо и за самый вопросъ, къ которому вы въ немъ приступили. Вы совершенно правы въ томъ, что не смущаетесь общепринятымъ мнѣніемъ. Такъ называемое мнѣніе есть весьма часто пустая или неясная формула, допущенная въ обиходъ для устраненія мнѣній, которыя подъ нею притаиваются, нерѣдко разноглася между собою и связываясь съ формулою тонкими нитями діалектики, допускающими почти совершенное отрицаніе. Вотъ причина, почему я позволяю себѣ не соглашаться во многихъ случаяхъ съ *такъ называемымъ* мнѣніемъ Церкви и почему вы, съ своей стороны, могли, съ нѣкоторою справедливостью, сказать такое строгое слово о Церкви исторической. Въ тоже время я увѣренъ, что добросовѣстное мнѣніе имѣетъ полное право высказаться, и что, если оно справедливо, оно, до нѣкоторой степени, оправдаетъ общепринятую формулу, уясняя ее и не встрѣтивъ того осужденія, которое вы предвидите со всѣхъ сторонъ, отъ Грека и Скиѳа, отъ мірянина и духовнаго. Я отчасти испыталъ это съ своимъ «Исповѣданіемъ». Многіе, предубѣжденные ходячими формулами, думали, что духовные меня осудятъ чуть чуть не на костеръ; а на повѣрку вы-

---

*) Письмо это служитъ отвѣтомъ на письмо, писанное по поводу одной изъ проповѣдей извѣстнаго протестантскаго богослова Vinet, въ которой, между прочимъ, проводилась та мысль, что страданіе, насылаемое на человѣка, есть благодѣяніе Божіе. *Пр. изд.*

шло, что всѣ тѣ, которые прочли, согласились, что оно вполнѣ православно и только къ тисненію неудобно или сомнительно *). Убѣжденія, или мнѣнія и формулы обиходныя далеко не совпадаютъ другъ съ другомъ, и я считаю себя въ правѣ быть смѣлымъ въ отношеніи къ формулѣ, вполнѣ преклоняясь предъ убѣжденіемъ. Вѣрую Церкви, въ которой нѣтъ и не можетъ быть ошибки или лжи.

Прежде чѣмъ приступлю къ самому вопросу, я позволю себѣ сдѣлать вамъ маленькій упрекъ, по случаю одного отдѣльнаго выраженія. Вы, оправдывая горе и отчасти невольный ропотъ (въ чемъ конечно васъ обвинять нельзя), приводите въ примѣръ слова Христа: «вскую Мя еси оставилъ»? Вы въ этомъ неправы. Въ словахъ Спасителя мы никогда ничего не можемъ видѣть кромѣ истины, безъ примѣси какой бы то ни было гиперболы чувства. Христосъ на крестѣ судится, такъ сказать съ Богомъ, т. е. съ неумолимою логикою міроздания. Онъ, невинный, жертва этой логики. Онъ одинъ оставленъ милосердіемъ Божіимъ, именно для того, чтобы никто кромѣ Его не былъ оставленъ и не могъ роптать, и эту-то высокую истину Онъ выразилъ въ Своемъ скорбномъ обращеніи къ Отцу. Вы за это замѣчаніе на меня пенять не будете.—Еще другое вводное слово. Вы обвиняете Вине (Vinet), съ нѣкоторою досадою, за выраженіе: что человѣкъ, часто испытанный страданіемъ, имѣетъ причины считать себя «особенно любимымъ и т. д.» Я не стану оправдывать выраженія, можетъ быть не вполнѣ строгаго, но смыслъ его вы оправдали, сами того не замѣчая. Въ серединѣ письма вы говорите: «счастливцу легче забыть Бога, чѣмъ страдальцу, которому нѣтъ другаго утѣшенія». Избавленіе отъ искушенія не есть ли милость, и не оправданъ ли нашъ общій другъ, Вине?

Перейдемъ къ самому вопросу. Онъ, повидимому, самостоятеленъ; но дѣйствительно, по отношенію молитвы къ грѣху, грѣха къ судьбѣ человѣка и человѣчества, разумѣ-

---

*) А. С. Хомяковъ говоритъ о своемъ „Опытѣ Катихизическаго изложенія ученія о Церкви“.

нія и познанія къ волѣ и дѣйствію, онъ входитъ въ разрядъ тѣхъ неисчислимыхъ вопросовъ, которые возникаютъ изъ сопоставленія свободы человѣческой и Божьяго строительства (или необходимости) и которые надѣлали столько хлопотъ человѣческому уму, что Мильтонъ считаетъ ихъ наказаніемъ для чертей въ аду. Эти отношенія можно покуда отстранить, и тогда вопросъ значительно упрощается. Общія или обиходныя формулы: человѣкъ наказывается за грѣхи несчастіемъ, или посредствомъ жизненнаго горя освобождается, положимъ хоть отчасти, отъ отвѣтственности за свои проступки (кромѣ послѣдняго положенія, не общепринятаго и чисто-Латинскаго)—эти формулы можно принять и, будучи ясно поняты, онѣ, какъ мнѣ кажется, совершенно согласны съ истиною. Затрудненія ваши возникаютъ, если не ошибаюсь, изъ двухсмысленнаго употребленія слова *грѣхъ* въ общемъ разговорѣ и даже въ ученіи духовныхъ писателей. Это слово обозначаетъ: или собственно проступокъ личный человѣка, противный законамъ Божіей правды, или общее отношеніе человѣчества къ Богу, возникшее изъ первоначальнаго нарушенія закона, предписаннаго человѣку. Міръ есть твореніе, мысль Божія, и, самъ по себѣ, онъ представляетъ полную и строгую гармонію красоты и блаженства. Духъ, нарушающій законъ Божественной правды, становится, по необходимости, въ состояніе вражды съ Божіею мыслію, съ гармоніею мірозданія, и слѣдовательно въ состояніе страданія, которое было бы невыносимо, еслибы оно не умѣрялось постоянно благостью Божіею. Высшее или полнѣйшее выраженіе этого страданія—смерть, проходящая черезъ всю земную жизнь человѣка, въ разнообразіи своихъ частныхъ и неполныхъ проявленій, отъ расшибленнаго лба, занозы и даже самой легкой непріятности, до нестерпимаго страданія и горя. Человѣкъ, каждый, дольникъ грѣха, по необходимости дольникъ страданія и, слѣдовательно, страдаетъ *вслѣдствіе, но не въ мѣру* своей доли нравственной нечистоты. Не страданіе человѣка, а его полное счастіе было бы въ высшей степени явленіемъ антилогическимъ. Итакъ совершенно справедливо говоритъ обиходная формула, что

человѣкъ наказывается за грѣхи, хотя бы, можетъ быть, яснѣе было сказать *за грѣхъ*, т. е. *за грѣховность свою*. Одинъ только Христосъ, не будучи дольникомъ грѣха и подчинившись добровольно логикѣ человѣческихъ отношеній къ Божіему міру, т. е. страданію и смерти, осудилъ эту логику, сдѣлавъ ее несправедливою къ человѣку вообще, котораго Онъ въ Себѣ представлялъ, хотя безъ него она была бы справедлива къ каждому отдѣльному человѣку. Онъ безъ грѣха, изъ любви, принялъ всѣ условія земной жизни, не принимая даже заслуженнаго блаженства, чтобы не разлучиться съ братьею, обращая такимъ образомъ добровольно-принятый грѣхъ человѣческаго неповиновенія и неправды въ добродѣтель и высшую правду любви. Я не привожу текстовъ, подтверждающихъ это вѣрованіе по самой простой причинѣ: если мы приняли духъ Евангелія, то слова наши будутъ согласны съ текстами; если же нѣтъ, то и тексты мы приведемъ и поймемъ криво. Человѣкъ страдаетъ какъ дольникъ грѣха; и такъ совершенно справедливо сказать, что человѣкъ наказывается за грѣхи, хотя крайне неразумно было бы думать, что онъ страдаетъ по мѣрѣ своей доли, какъ нѣкоторые думаютъ, и какъ можно бы предположить изъ отдѣльныхъ выраженій Св. Отцевъ. Мѣра каждаго *безмѣрна*, какъ грѣхъ вообще, и въ каждомъ она облегчается милостію Божіею, по закону Его общаго строительства, неизвѣстному ни намъ, ни даже высшимъ Его созданіямъ (какъ можно заключить изъ одного мѣста посланія къ Ефесеямъ). Вы совершенно правы, говоря, что Богъ не наказываетъ человѣка, а что зло само себя наказываетъ по неотразимому закону логики, и, въ этомъ случаѣ, я вамъ дамъ текстъ для оправданія противъ тѣхъ, которые стали бы васъ обвинять. Апостолъ Іаковъ говоритъ: «какъ самъ Богъ не искушается зломъ, такъ и не искушаетъ Онъ никого» *), а напротивъ того «всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ свыше есть, исходяй отъ Отца свѣтовъ» **). Зломъ тутъ называетъ онъ не страсти, а всякое зло жиз-

*) Іак. гл. 1, ст. 13.

**) Тамъ же, ст. 17.

ненное; ибо онъ прежде сказалъ: «блаженъ человѣкъ, претерпѣвшій искушеніе *). Что человѣкъ страдаетъ не по той мѣрѣ личнаго грѣха, т. е. видимаго проступка, которую мы склонны ставить въ соотношеніе съ страданіемъ, въ томъ намъ свидѣтельствуетъ Самъ Христосъ, когда на вопросъ: почему человѣкъ боленъ, по своимъ-ли грѣхамъ или по грѣхамъ родителей? Онъ отвѣчалъ: «ни по тѣмъ, ни по другимъ, но да явится на немъ сила Божія». Если, въ одномъ случаѣ Онъ такъ сказалъ, то ни въ какомъ случаѣ намъ нельзя искать того отношенія между грѣхомъ и страданіями, которое многими предполагается. Разумѣется, что больной, о которомъ говорилъ Спаситель, все-таки страдалъ какъ дольникъ грѣха, и словами Спасителя отстраняется только ложная идея мѣры; ибо иначе мы должны бы были предположить, что больной страдалъ сверхъ мѣры, т. е. несправедливо. Самъ же грѣхъ наказываетъ себя логическимъ выводомъ—страданіемъ, всегда умѣряемымъ милосердіемъ Божіимъ. Итакъ сознаніе, что человѣкъ страдаетъ за свой грѣхъ (какъ дольникъ грѣха), и сознаніе грѣха въ каждомъ страданіи, какъ бы оно ни было ничтожно, совершенно справедливо. Тоже самое относится и ко всякому неразумію, которое есть только одна изъ формъ духовнаго страданія. Въ сужденіи о Вине не должно забывать, что онъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ: «les péchés sont le péché» (грѣхи суть грѣхъ) и чрезъ это отстраняетъ идею мѣры, которая васъ, мнѣ кажется, сбила; ибо, отстранивъ ее, выдетъ, что вы согласны и съ Вине, и съ ученіемъ всего Христіанства, кромѣ Латинствующихъ.

Вине говоритъ о страданіи какъ воспитателѣ, данномъ намъ отъ Бога. Когда вы признаете, что счастливцу легче забыть Бога чѣмъ страдальцу, не тоже ли вы говорите? Но почему этотъ воспитатель дается одному, а не дается другому? Кто скажетъ? Почему не всѣмъ людямъ одна судьба? Въ похвалѣ страданію вообще много риторства, это правда; но не должно его оставлятъ и безъ похвалы. Вы совершенно правы, а что́ еще лучше, правы съ теп-

*) Тамъ же, ст. 12.

лотою душевною, когда говорите, что Богъ учитъ всѣмъ, скорбью и радостью, солнцемъ и бурею; но что жъ изъ этого? Пословица все-таки права: «громъ не грянетъ, мужикъ (человѣкъ) не перекрестится». По крайней мѣрѣ часто такъ бываетъ. О страданіи и счастіи я готовъ сказать то, что́ Павелъ о постѣ: «ты не ѣшь и благодаришь Бога, другой ѣстъ и благодаритъ Бога, и оба дѣлаютъ хорошо». Вине говоритъ: «если ты много страдаешь, думай, что тебя Богъ много любитъ», а кого же Онъ любитъ немного? Или кого не любитъ Онъ, если человѣкъ только позволяетъ Богу любить его? Вине не правъ, ибо дозволяетъ какую-то гордость страданія. Объ этой гордости сказать можно тоже, что́ Варсонофій о гордости поста: «Ты постишься, а братъ твой ѣстъ, и ты этимъ хвалишься. Постъ—лѣкарство для души. Чѣмъ же ты хвастаешься, что съ помощію лѣкарства достигаешь здоровья, которое братъ твой имѣетъ не лѣчившись? Развѣ больные могутъ хвастаться?» Но они могутъ и должны благодарить цѣлителя, понимая его явную любовь. Богъ не *посылаетъ* страданія, логическаго послѣдствія грѣховности нашей; нѣтъ, Онъ постоянно умѣряетъ его ѣдкость; но Онъ не устраняетъ его, дабы человѣкъ не впалъ въ тупое довольство собою и міромъ. Страдалецъ благодаритъ Бога, счастливецъ также, оба равно Богу угодны: въ этомъ я согласенъ и даже думаю, что благодарность счастливаго человѣка лучше и святѣе. Вине говоритъ (словъ не помню, но смыслъ таковъ): «Ты всталъ сытый изъ-за стола и взглянулъ на небо, и мысленно благодарилъ Бога—ты еще не благодарилъ. Удѣлилъ ли ты часть своей трапезы голодному? Или подумалъ ли умомъ и сердцемъ, какъ бы его насытить? Или, если все это тебѣ недоступно, поскорбѣлъ ли ты искренно объ его голодѣ? О! тогда ты благодарилъ». Страданіе способнѣе къ состраданію, чѣмъ счастіе (я говорю вообще, ибо иногда оно ожесточаетъ), и поэтому благодарность, т. е. выраженіе ея въ дѣятельности любви къ ближнему, труднѣе счастливому, чѣмъ несчастному. По этому самому человѣкъ, признавая страданіе за послѣдствіе, и слѣдовательно за наказаніе грѣха, долженъ благодарить Бога, до-

пустившаго это страданіе и убавившаго, такъ сказать, тягость счастія, которой онъ не умѣлъ носить.

Вы видите, что мысль моя очень похожа на вашу и что вообще разница между вами и общепринятою формулою заключается собственно въ томъ, что въ нее вводятъ идею не только зависимости скорби отъ грѣха, но еще какого-то ариѳметическаго отношенія скорби къ грѣху, т. е. чистую и явную нелѣпость. Отстраните ее, и вы согласитесь, что если-бы человѣкъ былъ безгрѣшенъ, Богъ бы не могъ его посѣщать страданіемъ или смертію. Смерть обратилась бы въ преображеніе. Это служитъ отвѣтомъ на безумное мнѣніе, надавно возведенное въ догматъ папою, о полной безгрѣшности Божіей Матери.

Но тутъ снова встрѣчается тотъ безконечный вопросъ, о которомъ я уже говорилъ, вопросъ о совмѣщеніи свободы и необходимости. Какимъ образомъ можетъ человѣкъ, такъ сказать, требовать и вытребовать измѣненія логическихъ законовъ мірозданія? Какимъ образомъ можетъ онъ отъ Бога, всегда умѣряющаго строгость логическаго закона, т. е. враждебность міра (Его мысли) къ человѣку, отвергшему святость этой мысли, испросить еще большаго умягченія закона въ частномъ случаѣ? Вопросъ очевидно неразрѣшимъ вполнѣ; но, въ тоже время, душа какъ-то чувствуетъ, что различіе между закономъ мысли Божіей въ отношенія ко всему міру и въ отношеніи той-же мысли къ каждому данному случаю, выдумано бредомъ нашей слѣпоты и не имѣетъ никакой существенности. Законы нравственнаго міра также непреложны какъ и законы физическаго міра (который есть въ тоже время и нравственный); а между тѣмъ мы чувствуемъ, что наша воля (разумѣется подъ благодатію) измѣняетъ насъ самихъ и, слѣдовательно, наши отношенія къ Богу. Почему-же таже воля, выраженная въ молитвѣ, не могла-бы измѣнить и отношеній нашихъ къ міру внѣшнему? Скажете ли, что въ одномъ случаѣ молитва, явно законная (ибо есть требованіе улучшенія), не можетъ не быть исполнена, а въ другомъ ея исполненіе было бы, такъ сказать, незаконнымъ, ибо оно нарушило бы логику всеобщихъ явленій? Тутъ болѣе кажу-

щейся, чѣмъ истинной правды. Я гордъ и прошу исправленія отъ гордости; я тону и прошу спасенія отъ воды. Гордость моя есть, также какъ и опасность моя, логическій выводъ изъ цѣлаго ряда предшествовавшихъ, внутреннихъ проступковъ, увлекающихъ меня къ новымъ проступкамъ или порокамъ; а за всѣмъ тѣмъ воля, подъ Божіимъ благословеніемъ, останавливаетъ мое паденіе. Съ меньшею явностью относится этотъ законъ и къ физической опасности, но онъ остается тотъ же. Однажды двѣ дамы говорили цѣлый вечеръ о чудесахъ; покойная жена моя, бывшая при этомъ, вернулась въ дурномъ расположеніи духа и на вопросъ мой «чѣмъ она недовольна?» разсказала мнѣ весь разговоръ. «Я всё-таки не вижу, чѣмъ ты недовольна?»—«Видно, онѣ никогда не замѣчали, сколько чудесъ Богъ совершаетъ въ насъ самихъ, что столько хлопочутъ о чудесахъ внѣшнихъ».—Просите Царства Божіяго, и все приложится вамъ. Всякая молитва заключается въ «Отче нашъ»; но, мнѣ кажется, вы ошибаетесь невольно, когда идею воли Божіей вы ограничиваете логическимъ развитіемъ міровыхъ законовъ. Они—выраженіе Его воли, но не оковы, наложенныя на Его волю. Къ чему же просить нарушенія законовъ, которымъ я подчинялся вслѣдствіе грѣховности. т. е. законовъ страданія внѣшняго, которое часто спасительно? Къ тому, что естественно просить избавленія отъ него и улучшенія внутренняго въ жизни безскорбной. Это естественно. Хороша покорность въ страданіи; еще лучше благодареніе за страданіе; но искренно пропѣтый благодарственный гимнъ (выражающійся всею жизнію) за избавленіе отъ скорби точно также великолѣпенъ, какъ Іовово терпѣніе; а душа проситъ всякаго счастія. Видимое улучшеніе жизни физической, происходящее отъ простаго напряженія умственныхъ способностей (въ Англіи), будущее усовершенствованіе жизни земной, которое вы предвидите, по моему весьма справедливо, ставятъ въ вашихъ глазахъ всѣ эти явленія внѣ зависимости отъ закона нравственнаго. Это едва ли справедливо. Множество пороковъ, въ ихъ явной отвратительности и уродливости, дѣлаются невозможными въ образованной землѣ, также какъ засуха или чума. Слѣ-

дуетъ-ли изъ этого, что нравственный законъ также подчиненъ необходимому развитію? Англія выше Россіи въ жизни физической и общественной—правда; но она и выше ея и въ приложеніи своихъ нравственныхъ законовъ (хотя самые законы могутъ быть и ниже). Человѣкъ гадитъ свою внутреннюю жизнь, также какъ и зажигаетъ домъ свой, часто изъ невѣдѣнія. Во всѣхъ случаяхъ мы просимъ разумѣнія и мудрости и во всѣхъ, кромѣ Божіей милости, идемъ и путемъ внѣшнимъ, размышленіемъ, чтеніемъ, бесѣдою и т. д. Я скажу болѣе: самое улучшеніе въ физической жизни народовъ сдва-ли не находится въ прямой зависимости отъ чувства взаимной любви, старающейся приложить всякое новое знаніе къ пользѣ другихъ людей-братій; не даромъ всякое просвѣщеніе дается только христіанскимъ народамъ. «Всякое даяніе благо (въ мірѣ физическомъ) и всякъ даръ совершенъ (въ мірѣ нравственномъ) свыше есть, исходяй отъ Отца свѣтовъ». Трудъ для пользы другихъ, безкорыстный (хотя отчасти), есть молитва, и молитва не только высшая, чѣмъ лепетаніе Славянскихъ словъ въ уголкѣ, передъ Суздальскою доскою, но высшая многихъ, гораздо болѣе разумныхъ молитвъ, въ которыхъ выражается какой-то загробный эгоизмъ болѣе, чѣмъ любовь. Молитвѣ, такъ сказать, нѣтъ предѣловъ. Отрывать ее отъ жизни, формулировать, заключать ее въ отысканіи «серединной точки» и проч., все это нелѣпо. Она цвѣтъ жизни; какъ всякій цвѣтъ, она обращается въ плодъ; но она не лѣзетъ съ своимъ великолѣпнымъ вѣнкомъ изъ лепестковъ и сѣмянныхъ пучковъ, безъ стебля, листьевъ и корней, прямо изъ сухого песка, лишеннаго всякой растительности. Она можетъ возникнуть, какъ нѣкоторыя тропическія растенія, почти въ одинъ мигъ, съ необыкновенною красою и блескомъ, или развиваться медленно, какъ Cactus Zeherit (или столѣтній цвѣтъ); въ обоихъ случаяхъ у нея были жизненные корни. Кому въ голову придетъ отдѣлить молитву Іисуса отъ Его проповѣди, отъ Его исцѣленій, отъ Его крестнаго подвига? А впрочемъ всякое счастіе нужно человѣку и всякое дается Богомъ: вспомните чудо въ Канѣ Галилейской.

Искренно благодарю васъ за ваше письмо. Оно много вытребовало размышленій; оно само проникнуто тѣмъ жаромъ и любовью къ истинѣ, которые одни только и могутъ оплодотворять жизнь. Видите, въ чемъ мы не совсѣмъ согласны, и что нигдѣ прямаго разногласія нѣтъ. Вы немножко слишкомъ много приписываете общему закону; но это очень естественно, потому что вообще слишкомъ много даютъ простора *партикуляризму*. «Голова разболѣлась—это оттого, что на Кузьму и Демьяна я къ обѣднѣ не ходила». Жаль только, что ни одинъ помѣщикъ, когда у него болятъ зубы или спина, не подумаетъ, что это—вознагражденіе за оплеуху, данную камердинеру или за синяки на спинѣ крестьянина. Еслибы я видѣлъ партикуляризмъ, принявшій тоже направленіе, грѣшный человѣкъ—не сталъ-бы и возставать противъ него, хотя въ душѣ и отвергалъ бы.

Прощайте. Кажется, ереси въ васъ нѣтъ, а только нѣкоторый маленькій стоицизмъ и боязнь вмѣшивать Бога въ суету жизни земной. Впрочемъ, я увѣренъ, что вы со мною согласитесь.

ПИСЬМО КЪ К. С. АКСАКОВУ

О

МОЛИТВѢ И ЧУДЕСАХЪ *).

Вотъ вамъ, любезный К. С., письмо мое къ Г., дружеское и кредитивное, и работа моя. Кажется, она не мертвая, не смотря на видимую сухость предмета и (какъ вы, къ дѣлу привычные, сами увидите) не безтрудная. Можете представить, чего стоило иногда одно слово, котораго выводныхъ или корня надобно было искать по цѣлому лексикону, подъ разными буквами. Впрочемъ, оставимъ это. Вы сами скажете мнѣ свое мнѣніе. Перейду, къ другому, важнѣйшему.

Хочу вамъ писать о вашемъ письмѣ. Очевидно (и я это говорю съ особеннымъ удовольствіемъ), мы совершенно одинаковаго мнѣнія на счетъ главнаго вопроса. Вы, съ совершенною ясностью и съ справедливою оцѣнкою слабости человѣческой и правъ чувства передъ сухою логикою, расширяете кругъ частныхъ прошеній; но, по моему мнѣнію, вы тутъ увлекаетесь опять слишкомъ далеко. Кажется, человѣческой личности и ея естественной ограниченности вы даете излишній просторъ. Съ одной стороны, это меня радуетъ, потому что вы были склонны слишкомъ утѣснять эту бѣдную личность, напр. хоть въ искуствѣ, гдѣ вы стояли за полную безъимянность (забывая слѣпого старика

*) Это письмо, по содержанію своему, находится въ тѣсной связи съ предъидущимъ и составляетъ какъ бы дополненіе къ нему. По какому поводу писано то письмо, на которое настоящее служитъ отвѣтомъ—неизвѣстно. *Пр. изд.*

и всю поэзію Евреевъ, въ высшей степени народную, и другихъ). Какъ я говорю, эта реакція меня радуетъ, но, съ другой стороны, вы уже опять даете лицу въ молитвѣ права, которыхъ оно не имѣетъ. Оговорка «да будетъ воля Твоя» существуетъ, правда, въ самой идеѣ христіанской молитвы, но ея еще недостаточно. Шутливый противникъ Іезуитовъ говорилъ, что они учатъ людей (разумѣется благовоспитанныхъ), какъ просить у Бога не только «le pain quotidien» (хлѣба насущнаго), mais encore du pain beurré (но еще и хлѣба съ масломъ). Въ этой шуткѣ много глубокой правды. Безъ сомнѣнія, въ минуты тяжкой скорби и невыносимаго страданія, просьба человѣка будетъ носить характеръ этой минуты: ибо тогда она совпадаетъ съ молитвою о насущномъ хлѣбѣ, которую излишняя духовность напрасно толковала въ смыслѣ молитвы о дарахъ духовныхъ (въ эту натяжку впадали и иные изъ Св. Отцевъ). Но пусть вы въ дѣтствѣ просили у Бога слоёныхъ пирожковъ: дѣтство имѣетъ передъ Богомъ свои права; теперь такой молитвы вы себѣ не позволите, и никто не позволитъ. Почему же? Потому что молитва, кромѣ покоренія волѣ Божіей, требуетъ обновленнаго сердца и не рабствуетъ плоти, съ ея даже невинными желаніями. Не грѣхъ предпочитать вино водѣ и слоёный пирогъ черствому хлѣбу (этому служитъ доказательствомъ чудо въ Канѣ Галилейской и слова Павла о ѣдѣ и постѣ) но грѣхъ переносить требованія или услажденія жизни земной (разумѣется своей, а не чужой) въ молитву. Христосъ обратилъ воду въ вино не для Себя, а для другихъ, и тѣмъ научилъ насъ стараться не только о сытости, но и о комфортѣ братій нашихъ (опять наперекоръ нашимъ псевдоаскетамъ).

Поэтому, нимало не отвергая, что молитва есть и просьба, я полагаю, что кругъ ея въ этомъ смыслѣ весьма тѣсенъ, и что слѣдовательно личности въ ней не должно быть излишняго простора.

За этимъ, не скажу возраженіемъ, но поясненіемъ (ибо полагаю, что такова же была и ваша, только недосказанная мысль), разумѣется, я съ вами во всемъ согласенъ. Прибавлю нѣсколько словъ о чудѣ. Вопервыхъ, я

нахожу, что вы совершенно вѣрно называете видимое чудо еще грубымъ проявленіемъ воли Божіей (точнѣе: проявленіемъ для грубыхъ). Св. Писаніе называетъ его *знаменіемъ*. Помните, что́ я писалъ въ другомъ, вамъ извѣстномъ, письмѣ о страсти нѣкоторыхъ людей къ чудесамъ извѣстнаго рода. Такова причина, почему я не допускаю, или, лучше сказать, съ досадою отвергаю въ Христіанствѣ всѣ эти *періодическія чудеса* (яйцо пасхальное, воду Богоявленскую, и пр.), до которыхъ много охотниковъ. Это все, мало по малу, дало бы, разъ допущенное, самому Христіанству характеръ идолопоклонства и, какъ вы говорите, не мало было и есть еще попытокъ обращать вѣру въ магію, или, по моему названію, въ Кушитство. Къ этому особенно склонны паписты; но изъ нихъ нѣкоторые постигали опасность и возставали противъ зла, напр. Боссюетъ смѣло сказалъ: «il y en a qui du Christ même se font une idole» (есть люди, которые даже изъ Христа дѣлаютъ себѣ идола). Но вообще, о чудѣ, miraculum, можно сказать только то, что́ сказано въ самомъ его названіи: вещь удивительная. Теперь, почему вещь удивительная должна считаться частнымъ нарушеніемъ общихъ законовъ?—я не вижу. Въ Америкѣ вамъ показываютъ толстый брусъ желѣза, который виситъ на воздухѣ. Приглашаютъ васъ его опустить; вы налегаете, онъ подается и потомъ васъ поднимаетъ, и происходитъ забавная борьба между вами и висящимъ брусомъ. Ну не чудо ли это? Нѣтъ, говоритъ Б... это гальванизмъ. Правда; но оно не чудо потому, что вы знаете силу, которою производится частное явленіе, повидимому, нарушающее общій и непреложный законъ тяжести. Отнимите ваше знаніе, и остается дѣло колдовства, магіи, чудо. Исцѣленъ слѣпой: вы говорите—чудо, и правы: оно удивительно, но оно точно также проявленіе силы, о которой вы еще не имѣете полнаго знанія. Чтобы дѣло яснѣе понять, надобно бы сперва спросить: что́ такое сила, сила вообще? Это вопросъ очень важный и который непремѣнно ставитъ въ тупикъ матеріалиста. Вещество является намъ всегда въ пространствѣ, въ атомистическомъ состояніи. Очевидно, никакая частица вещества не можетъ дѣйствовать внѣ своихъ

предѣловъ, т. е. дѣйствовать тамъ, гдѣ ея нѣтъ. Итакъ никакой частной силы быть не можетъ, и сила является принадлежностью не дробнаго вещества, но *все-вещества*, т. е. уже не вещества, но идеи, уже не дробимой, но всецѣлой, не рабствующей чему иному, но свободно творящей силу. Итакъ сила сама есть только иное названіе воли. Какой? Самая плохая логика доводитъ уже тогда до идеи, что эта воля есть воля Божія. Тутъ явно исчезаетъ всякій споръ, всякое несогласіе между чудомъ и обычнымъ ходомъ міра. И въ этомъ мірѣ воли Божіей, свободной, ходитъ опять свободная наша воля, всегда свободная въ себѣ, хотя всегда подчиненная (какъ вы сказали) высшей волѣ въ отношеніи своего проявленія или послѣдствій своего проявленія. Такъ желающій вредить можетъ помочь нехотя, и желающій помочь—вредитъ нехотя. Но воля Божія проявляется не для себя, а для разумнаго творенія, человѣка, и когда воля человѣка, по своимъ чистымъ и святымъ побужденіямъ (всегда любви), совпадаетъ съ характеромъ воли Божіей (т. е. любви и святости), происходятъ новыя явленія, повидимому чуждыя общему порядку вещей. Въ этомъ, для меня, проявляется нравственный характеръ того, что мы вообще называемъ силою. Не знаю, ясно ли высказалъ я свою мысль; но для меня ясно, что всякое явленіе міра физическаго есть только непонятое нами проявленіе—грамота—воли святой, Божіей. Очевидно, мы съ вами согласны.

Замѣтьте, возвращаясь къ молитвѣ, что всякое исполненіе молитвы есть чудо, и что, по тому самому, ея исполненіе обусловливается, какъ и всякое чудо, совпаденіемъ *характера* просьбы съ *характеромъ воли* Божіей въ любви и святости. Христосъ ходилъ хозяиномъ въ мірѣ воли Божіей, по совершенству своего духовнаго существа; но Онъ отвергъ всякое чудо ненужное, въ отвѣтѣ, обличавшемъ сатану: «не искушай Господа Бога». Вотъ вамъ отвѣтъ на ваше письмо, а толки еще будутъ впереди.

ПИСЬМА

КЪ ПАЛЬМЕРУ И ВИЛЬЯМСУ.

(1844—1854).

Переводъ съ Англійскаго.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ, а можетъ быть и раньше, нѣкоторые изъ извѣстнѣйшихъ Англиканскихъ богослововъ, путемъ долгихъ и добросовѣстныхъ изслѣдованій, стали приходить къ убѣжденію, что Англиканство не могло удержаться въ притязаніяхъ своихъ быть самостоятельною Церковью, и что въ тѣхъ вопросахъ, въ которыхъ Православная Церковь расходится съ Латинствомъ, правда и право были на сторонѣ Православія. Это движеніе, выразившееся въ цѣломъ рядѣ серьезныхъ критическихъ трудовъ, обратило на себя вниманіе какъ въ Англіи, такъ и въ Россіи; но оно не выходило изъ области науки и оставалось на степени новаго мнѣнія до тѣхъ поръ, пока діаконъ В. Пальмеръ не вывелъ его въ область практики, рѣшившись испытать возможность сближенія между Англиканствомъ и Православіемъ. Надежды, возбужденныя приступомъ къ этому дѣлу, какъ извѣстно, не осуществились. Здѣсь не мѣсто изслѣдовать, почему; но мы считаемъ себя въ правѣ сказать, что грустный для насъ, Православныхъ, исходъ продолжительныхъ переговоровъ Пальмера съ тѣми лицами, къ которымъ онъ обращался, былъ послѣдствіемъ не перемѣны въ его образѣ мыслей о существѣ Церкви и объ ея ученіи, а скорѣе личныхъ впечатлѣній и непосредственныхъ ощущеній, вынесенныхъ имъ изъ С.-Петербурга, Константинополя и Аѳинъ.

Въ 1844 году Пальмеръ перевелъ на англійскій языкъ извѣстное стихотвореніе А. С. Хомякова на смерть его дѣтей. Переводъ этотъ былъ доставленъ въ Москву, и это обстоятельство послужило первымъ поводомъ къ перепискѣ между авторомъ и переводчикомъ; въ послѣдствіи знакомство перешло въ тѣсную дружбу, и переписка продолжалась, кажется, до 1854 года. Почти единовременно, то есть въ сороковыхъ же годахъ, А. С. Хомяковъ сблизился и съ другимъ англійскимъ богословомъ, Г. Г. Вильямсомъ. По просьбѣ друзей покойнаго автора, г-да Пальмеръ и Вильямсъ поспѣшили доставить имъ сохранившіяся у нихъ письма его, съ правомъ напечатать ихъ; отъ г-на Пальмера получено 10 писемъ, отъ г-на Вильямса — одно. Именемъ всѣхъ почитателей памяти А. С. Хомякова, издатель приноситъ обоимъ искреннѣйшую благодарность.

Изъ этихъ писемъ читатели увидятъ, съ какимъ глубокимъ, сердечнымъ, ничѣмъ не развлекаемымъ участіемъ, А. С. Хомяковъ слѣдилъ за начавшимся въ Англіи поворотомъ къ Православной истинѣ; увидятъ также, какъ трезво онъ смотрѣлъ на это дѣло и какъ, не смотря на пламенное желаніе свое облегчить и ускорить осуществленіе своихъ надеждъ, онъ никогда, говоря о Православіи, не отступалъ ни на шагъ отъ разумной строгости своихъ требованій, призывая друзей своихъ къ единству полному, безоговорочному, но отвергая безусловно всякое подобіе союза или сдѣлки. — Всѣ подлинныя письма А. С. Хомякова къ г. г. Пальмеру и Вильямсу писаны поанглійски. *Пр. издат.*

КЪ ПАЛЬМЕРУ.

I.

М. г.

Съ величайшею благодарностію и удовольствіемъ получилъ я, черезъ г. Р., вашъ изящный и вѣрный переводъ стихотворенія, написаннаго мною послѣ смерти старшихъ дѣтей моихъ. Позвольте мнѣ сказать вамъ, что, какъ ни высоко цѣню я честь, оказанную стихамъ моимъ, меня еще болѣе радуетъ мысль, что честь эта заслужена конечно не достоинствомъ стихотворенія, но человѣческимъ чувствомъ, его внушившимъ. Сочувствіе ваше, по истинѣ, меня обрадовало, потому особенно, что я встрѣтилъ его въ высшей области человѣческаго духа, въ общеніи религіозныхъ убѣжденій и чувствъ. Это сочувствіе даже въ одномъ отношеніи превзошло мои ожиданіи, такъ какъ знаменіе креста и молитвенное общеніе между живыми и мертвыми обыкновенно отвергаются черезчуръ боязливымъ духомъ Реформатства. Мнѣ кажется, вы поступаете справедливо, допуская и то и другое. Тому, кто вѣритъ, что крестъ былъ дѣйствительно орудіемъ спасенія нашего, можно ли не видѣть въ немъ самаго естественнаго символа любви христіанской; и тотъ, кто, изъ опасенія идолопоклонства, отвергаетъ это святое и родное намъ знаменіе, не поступаетъ ли также неразумно, какъ поступилъ бы человѣкъ, осудившій себя, изъ страха лишнихъ и праздныхъ словъ, на совершенное безмолвіе? Точно также, по моему, разумно вѣрить въ несокрушимость союза любви христіанской, признать, что въ мірѣ духовномъ, гдѣ единственный законъ есть любовь, союзъ ея не расторгается смертію. Это начало, кажется, въ послѣднее время стало допускаться Епископальною Англійскою Церковію.

Можетъ быть, мнѣ бы слѣдовало прибавить здѣсь нѣсколько словъ въ свое оправданіе. Въ Германіи обо мнѣ распространилась смѣшная клевета, будто я выразилъ чувства ненависти къ благородной и высоко просвѣщенной странѣ вашей. Слухи эти, быть можетъ, дошли и до васъ; они возникли изъ писаній ораторіанца Тейнера (Theinera), были повторены Іезуитами и перепечатаны въ нѣкоторыхъ газетахъ. Странно было видѣть защиту Англіи въ рукахъ нежданныхъ поборниковъ, никогда не

слывшихъ ея друзьями. Глубокая и непримиримая вражда къ Россіи и Восточной Церкви внушила имъ горячую внезапную любовь къ Англіи. Но я не буду искать себѣ оправданія; я убѣжденъ, что здравый смыслъ и справедливость Англичанъ будутъ всегда достаточной защитой отъ наглаго лицемѣрія ораторіанца и Іезуита. Лучше позвольте мнѣ предложить вамъ нѣкоторыя замѣчанія по поводу послѣдней части письма вашего къ Р., которая была имъ сообщена нѣкоторымъ изъ его друзей.

Вы говорите: „тѣ, которые хотѣли бы заслужить названіе истинныхъ патріотовъ и космополитовъ, должны бы не устами только произносить слова „*о соединеніи всѣхъ*", но изъ самой глубины сердца вторить имъ каждый разъ, какъ они повторяются въ богослуженіи".

Я совершенно увѣренъ, что многіе просвѣщенные Русскіе люди повторяютъ это мѣсто въ Литургіи не однимъ языкомъ и голосомъ, но душею и сердцемъ. Чтò до меня касается, то я, воспитанный въ благочестивой семьѣ и въ особенности набожною матерью (доселѣ еще здравствующею), былъ пріученъ всѣмъ сердцемъ участвовать въ этой чудной молитвѣ церковной. Когда я былъ еще очень молодъ, почти ребенкомъ, мое воображеніе часто воспламенялось надеждою увидать весь міръ христіанскій соединеннымъ подъ однимъ знаменемъ истины. Съ лѣтами, когда передо мною яснѣе стали обозначаться препятствія къ такому соединенію, надежда моя остыла, и теперь, я долженъ сознаться въ этомъ, отъ нея осталось лишь одно желаніе, едва поддерживаемое слабымъ мерцаніемъ надежды, что, можетъ быть, успѣхъ возможенъ, но только лишь черезъ многіе и многіе годы. На южную Европу, погруженную въ глубокое невѣжество, еще долго нельзя разсчитывать. Въ Германіи, въ сущности, религіи нѣтъ; есть лишь суевѣрное поклоненіе наукѣ. Во Франціи нѣтъ чистосердечной жажды истины; въ ней мало искренности. Англія, съ своею скромною наукою, съ своею добросовѣстною любовью къ религіознымъ истинамъ, могла бы подавать нѣкоторыя надежды; но — позвольте мнѣ вамъ откровенно высказать мой образъ мыслей—Англія окована желѣзными цѣпями обычая и преданія.

Вы пишете еще: „мысли серьезныхъ и добросовѣстныхъ людей въ Англіи обращены лишь на возможность соединенія съ Римомъ". По моему, не трудно объяснить такое явленіе. Въ понятіяхъ православнаго, соединеніе можетъ быть лишь послѣдствіемъ полнаго согласія *и совершеннаго единства ученія* (не говорю здѣсь объ обрядахъ, за исключеніемъ тѣхъ, кото-

рые имѣютъ значеніе сумвола или изображенія догмата). Церковь въ составѣ своемъ не есть государство; она не имѣетъ ничего общаго съ государственными учрежденіями и потому не можетъ допустить ничего похожаго на условное соединеніе. Римская Церковь—дѣло другое: она государство и легко допускаетъ возможность союза, даже при глубокомъ разногласіи въ ученіи. Такъ, напримѣръ, есть огромная разница между логическимъ рабствомъ Ультрамонтановъ и иллогическою полусвободою непослѣдовательныхъ Галликанцевъ; однако у тѣхъ и другихъ одно знамя, и тѣ и другіе подчиняются одной главѣ. Сохраненіе Никейскаго сумвола, при повиновеніи Риму, въ Уніатско-Польской Церкви — дѣло крайне нелѣпое, однако Церковь эта была признана и узаконена Римомъ, что совершенно послѣдовательно; ибо Римская Церковь есть государство и потому имѣетъ право дѣйствовать какъ таковое.

Англіи тѣмъ естественнѣе заботиться о соединеніи съ Римомъ, что собственно Англія никогда, на самомъ дѣлѣ, не отвергала власти папскаго престола. Тѣмъ, которые признаютъ законность папскаго рѣшенія въ дѣлѣ измѣненія сумвола, то-есть въ самомъ жизненномъ вопросѣ вѣры, прилично ли отвергать это рѣшеніе въ дѣлахъ, относящихся къ церковному порядку, или къ вопросамъ второстепенной важности? *Союзъ* (Union) возможенъ съ Римомъ; въ Православіи возможно только *Единство* (Unity). Уже болѣе тысячи лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ Испанцы (во времена Готѳовъ) изобрѣли инквизицію и сдѣлали прибавку къ сумволу. Почти столько же времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ папа, *властью* и *словомъ* своимъ, подтвердилъ эту прибавку. Съ того времени, западныя общины прониклись глубокимъ презрѣніемъ и непримиримою враждою къ неизмѣнному Востоку. Чувства эти обратились въ преданіе, какъ бы срослись съ Римско-Германскимъ міромъ; а Англія всегда жила духовною жизнію этого міра. Можетъ ли она разорвать связь со всѣмъ своимъ прошедшимъ?—Вотъ, по моему мнѣнію, въ чемъ заключается великое, непобѣдимое препятствіе къ единству. Вотъ причина, по которой столько частныхъ усилій не увѣнчалось успѣхомъ, даже не встрѣтило сочувствія; вотъ почему разсужденія, сообщенныя вамъ по поводу вопросовъ богословской науки, остались необнародованными, неизвѣстными публикѣ, хотя, какъ до меня дошло, объ нихъ знаютъ многіе богословы ваши, напримѣръ епископъ Парижскій, докторъ Пьюзей и др. Не трудно сказать: „мы всегда были“ католиками; но когда Церковь осквер-

нилась злоупотребленіями, мы „протестовали, и нѣсколько перешли предѣлы протеста; теперь отступаемъ назадъ“,—это легко. Гораздо тягостнѣе сдѣлать такое признаніе: „мы, въ продолженіи долгихъ столѣтій, съ „самой зари нашей умственной жизни, были схизматиками“. Чтобы произнести такую исповѣдь, нужно человѣку сверхъестественное мужество, а народу почти невѣроятная степень смиренія, чтобы принять ее.

Таковы, м. г., причины, по которымъ въ Россіи такъ безнадежны самыя горячія желанія единства. Вотъ почему и самая надежда, тамъ гдѣ она не совсѣмъ еще исчезла, обращается скорѣе къ восточнымъ общинамъ, къ послѣдователямъ Несторія, Евтихія и другихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти общины гораздо болѣе, чѣмъ Западныя Церкви, отдалились отъ Православія; но чувство горделиваго презрѣнія не пересѣкаетъ имъ пути примиренія съ нами.,..

Простите варварскій слогъ иностранца и нескромность человѣка, рѣшившаго писать къ вамъ, хотя онъ не имѣетъ удовольствія быть лично знакомымъ съ вами. Примите и пр.

P. S. Письмо это было уже написано, когда я узналъ изъ газетъ объ обращеніи Ньюмана и многихъ другихъ къ Римской Церкви. Я долженъ признаться, что, по моему мнѣнію, для Церкви Англійской наступитъ теперь критическая минута.

10 дек. 1844.

КЪ ПАЛЬМЕРУ.

II.

М. г.

Примите выраженіе искренней благодарности моей за дружеское письмо ваше и за полученные мною по почтѣ экземпляры вашихъ стихотвореній и гимновъ. Меня глубоко тронуло посвященіе, напечатанное въ началѣ этого полезнаго и изящнаго изданія. Вы оказали мнѣ ничѣмъ незаслуженную и неожиданную честь, помѣстивъ имя мое въ началѣ вашей книги. Я глубоко цѣню это доказательство вашего дружескаго сочувствія, котораго никогда не забуду.

Счастливъ бы я былъ, еслибы могъ доказать дѣломъ или словомъ, что я не совсѣмъ недостоинъ вашей дружбы.

Разсужденія о церковныхъ вопросахъ, съ которыми вамъ угодно было ко мнѣ обратиться, требуютъ возраженій. Эти разсужденія внушены не духомъ холоднаго, схоластическаго словопренія, но горячимъ, по истинѣ христіанскимъ желаніемъ всеобщаго единства; и хотя я сознаю недостаточность моихъ свѣдѣній по многимъ отраслямъ богословской науки, однако чувствую, что отвѣчать на вопросы, предложенные вами, и на мнѣнія, вами высказанныя, о Церкви и церковномъ ученіи, есть обязанность, отъ которой я не имѣю права уклониться.

Въ обоихъ письмахъ вашихъ встрѣчаются дружескія обвиненія, изъ которыхъ нѣкоторыя обращены ко мнѣ лично; другія, какъ кажется, относятся ко всѣмъ нашимъ восточнымъ общинамъ. Въ упрекахъ вашихъ много правды, и я даже не попытаюсь не только опровергнуть, но и ослабить ихъ.

Мнѣ кажется, однако, что избранная вами точка зрѣнія не совсѣмъ вѣрна, и только поэтому позволю себѣ сказать нѣсколько словъ въ наше оправданіе. Прежде всего, поспѣшаю согласиться, что безнадежность, съ которою я смотрю на препятствія, удерживающія Западъ отъ возврата къ Православію, можетъ быть употреблена противъ меня какъ доказательство (и дѣйствительно

есть доказательство) моего маловѣрія и слабости моего желанія. При бо́льшей душевной теплотѣ, при болѣе христіанскомъ настроеніи ума, дѣло представилось бы мнѣ вѣроятно въ иномъ свѣтѣ, или, по крайней мѣрѣ, взоръ мой обратился бы отъ соображенія земныхъ вѣроятностей къ помышленіямъ о благомъ Провидѣніи и о Его неисповѣдимыхъ путяхъ. Но послѣ этого признанія, да позволено мнѣ будетъ сказать, что я убѣжденъ въ вѣрности представленной мною картины настоящаго положенія дѣлъ (будущее въ рукахъ милосерднаго Провидѣнія). Я увѣренъ въ справедливости того мнѣнія, что важнѣйшее препятствіе къ единенію заключается не въ тѣхъ различіяхъ, которыя бросаются въ глаза, т. е. не въ формальной сторонѣ ученій (какъ вообще предполагаютъ богословы), но въ духѣ, господствующемъ въ Западныхъ Церквахъ, въ ихъ страстяхъ, привычкахъ и предразсудкахъ, а главнымъ образомъ — въ томъ чувствѣ самолюбія, которое не допускаетъ сознанія прежнихъ заблужденій, въ томъ горделивомъ пренебреженіи, вслѣдствіе котораго Западъ никогда не рѣшится признать, что Божественная истина столько лѣтъ охранялась отсталымъ и презрѣннымъ Востокомъ. Небезполезны, кажется, были бы слова мои, еслибъ они могли обратить вниманіе ваше на тѣ затаенныя причины, которыя расширяютъ бездну, раздѣляющую восточныя и западныя общины.

Горекъ упрекъ, который вы, повидимому, обращаете ко всѣмъ Православнымъ обществамъ и въ особенности къ Россіи: упрекъ въ недостаткѣ христіанскаго рвенія и энергіи, въ явномъ равнодушіи къ дѣлу распространенія истиннаго ученія. Не стану однако отрицать справедливости вашего обвиненія. Можетъ быть, нашлись бы для насъ нѣкоторыя извиненія въ продолжительныхъ бѣдствіяхъ Греціи и нашего отечества, въ тяжести Магометанскаго ига, въ обстоятельствахъ политическихъ, въ духовной борьбѣ съ заблужденіемъ, расколами и съ безпрерывнымъ напоромъ современнаго безвѣрія, которая не прекращается въ предѣлахъ нашего отечества; но знаю, что всѣ эти извиненія недостаточны для полнаго нашего оправданія. Большая половина міра погружена во меракѣ невѣжества; наши ближайшіе сосѣди на Востокѣ живутъ въ совершенномъ невѣдѣніи Слова жизни и ученія Христова. Могло ли бы это быть, еслибы мы наслѣдовали горячее рвеніе апостоловъ? Предъ такими доказательствами, что скажемъ мы въ свое оправданіе? Они обличаютъ насъ, и еслибы мы не сознавали неключимости

нашей, то были бы совершенно недостойны ниспосланной намъ благодати и милости. Смиреніе требуется не только отъ частныхъ лицъ, но и отъ цѣлыхъ народовъ и обществъ. Для Христіанства смиреніе едва ли даже можетъ быть названо обязанностью, это простое повиновеніе голосу разумнаго убѣжденія. Объ одномъ только можемъ мы просить и одного требовать, а именно: чтобъ не судить о вѣрѣ, которую мы исповѣдуемъ, по нашимъ дѣламъ. Послѣ такого признанія справедливости вашихъ обвиненій, кажется, могу прибавить, что насъ нельзя упрекать въ безучастіи и равнодушіи къ дѣлу обращенія западныхъ братій нашихъ и примиреніи съ ними. Апостолы разнесли по всему міру новую вѣсть радости и истины. Наши миссіонеры могли бы тоже самое сдѣлать для языческаго и Магометанскаго Востока. Но что могли бы мы сказать Западу? Какую новую вѣсть понесли бы мы туда? Какой новый источникъ знанія открыли бы мы Европѣ, и въ особенности Англіи? Не должны ли мы со стыдомъ признаться, что большинство народа у васъ гораздо болѣе знакомо съ Священнымъ Писаніемъ, чѣмъ наши соотечественники? А ваше духовенство и даже міряне не лучше ли изучили церковную исторію и писанія отцовъ, чѣмъ вообще наши ученые богословы? Оксфордъ не такой ли центръ науки, съ которымъ мы соперничать не можемъ? Что же понесли бы къ вамъ миссіонеры наши? Одно лишь безсильное свое краснорѣчіе, да нѣсколько личныхъ заблужденій, свойственныхъ каждому человѣку и отъ которыхъ одна только Церковь свободна. Было время, когда христіанское общество проповѣдывало не однимъ словомъ, но и примѣромъ своимъ. Но кого бы убѣдилъ частный примѣръ одного миссіонера? А что касается до нашей общественной жизни, то на что бы могли мы указать? Намъ пришлось бы просить, чтобъ вы отвернули отъ насъ ваши взоры; ибо достоинства наши затаены, а пороки дерзко выставляются на показъ и особенно мечутся въ глаза въ той столицѣ нашей и въ тѣхъ слояхъ нашего общества, на которыхъ наиболѣе останавливается вниманіе иностранца. Обряды и постановленія нашей церкви находятся въ явномъ презрѣніи: ихъ топчутъ въ грязь тѣ самые, которые должны бы намъ подавать примѣръ уваженія къ нимъ. Намъ остается одно (но и за это мы подвергаемся упрекамъ, повидимому, справедливымъ), а именно: слѣдить съ напряженнымъ вниманіемъ за борьбою, которая повсемѣстно совершается, а въ Англіи отличается особенною искренностью и добросовѣстностью, ожидать

послѣдствій ея и выражать сочувствіе наше теплыми молитвами къ Господу, дабы Онъ даровалъ побѣду чистѣйшимъ побужденіямъ и лучшимъ силамъ человѣческой природы.

Теперь возвратимся къ замѣчаніямъ вашимъ, касающимся церковнаго ученія. Мнѣ очень хорошо было извѣстно, что самъ Лютеръ былъ не прочь отъ того, чтобы снова допустить крестное знаменіе и общія молитвы (Communion of Prayer) между живыми и усопшими (хотя впрочемъ онъ неоднократно нападалъ на то и другое); знаю также, что Англиканская Церковь никогда опредѣлительно (формально) не отвергала ни того, ни другого. Но отверженіе *на практикѣ*, какъ крестнаго знаменія, такъ и молитвы, показало, какъ далеко ушла Англія на пути Протестантства сравнительно съ первымъ временемъ его распространенія, и я не могу не радоваться, видя возвращеніе ея къ добрымъ и вполнѣ христіанскимъ началамъ. Но позвольте мнѣ сдѣлать здѣсь замѣчаніе, которое, хотя и касается только одной стороны вопроса, но можетъ однако привести къ заключеніямъ довольно важнымъ въ отношеніи къ духу Западной Церкви вообще.

Вы говорите, что даже тѣ Англійскіе епископы, которые наименѣе расположены въ пользу духовнаго движенія, извѣстнаго подъ именемъ Пьюзеизма, также всегда готовы были признать что Церковь ихъ никогда и никакимъ образомъ не осуждала воззваній или поэтическихъ обращеній къ святымъ и ангеламъ, и что возраженія разумныхъ и благочестивыхъ Англиканцевъ направлены лишь противъ молитвъ въ *прозѣ*, *серьезно* (т. е. съ полною увѣренностью) обращаемыхъ ко существамъ и душамъ безплотнымъ, въ смыслѣ *службы* (service), выражающей благоговѣйное почитаніе (homage and devotion). Мнѣ кажется, что слово *служба*, хотя дѣйствительно нерѣдко употребляемое въ томъ значеніи, о которомъ вы здѣсь упоминаете, нѣсколько затемняетъ вопросъ. Торжественная пѣснь, привѣтствующая воина, стяжавшаго побѣду при возвращеніи его въ отечество, не называется службою, хотя пѣснь эта несомнѣнно есть дань и радостное выраженіе почитанія и признательности. Точно также хвала, воздаваемая христіанами тѣмъ благороднымъ бойцамъ, которые, въ продолженіи многихъ столѣтій, подвизались въ духовной брани, сражаясь за дѣло Господне и свято соблюдая преданія Церкви, не должна бы называться службою, но выраженіемъ радостной и смиренной любви. Нельзя въ точномъ смыслѣ, говорить объ насъ, что мы *служимъ* (to serve) собратіямъ на-

шимъ, какъ бы неизмѣримо выше насъ ни стояли теперь наши прежніе сослуживцы. Возраженіе Англиканцевъ и другихъ протестантовъ имѣетъ нѣкоторое основаніе, поколику оно обращено противъ слова, но никакъ не можетъ относиться къ самому дѣлу. Ни одинъ просвѣщенный членъ Православной Церкви не понялъ бы даже этого возраженія, еслибы ему не были извѣстны опредѣленія и теоріи Латинскаго происхожденія, изъ которыхъ, по большей части, возникли и развились заблужденія протестантовъ. Но остается еще возраженіе. Мы возносимъ къ духамъ сотвореннымъ не одну дань хвалы, мы обращаемся къ нимъ также и обращаемся *серьезно* съ просьбами (requests). Въ этомъ случаѣ, слово *просьба* кажется точнѣе и вѣрнѣе слова *молитва* (preyers). Мы просимъ, чтобъ они заступались и молились за насъ передъ престоломъ Спасителя. Какая польза отъ этихъ просьбъ? Какое мы имѣемъ на нихъ право? Нуждаемся ли мы въ иномъ заступникѣ, кромѣ Христа и Господа нашего? Обращеніе къ существамъ сотвореннымъ можетъ-ли имѣть какое-либо значеніе, и не лучше ли откинуть эти пустые и лишніе обряды? Вотъ въ чемъ заключается вопросъ.—Отвѣчу вамъ другимъ вопросомъ. *Серьезно ли* говорилъ Апостолъ, когда испрашивалъ у Церкви ея молитвъ? Серьезно ли говорятъ протестанты, когда обращаются (что случается очень часто) къ своимъ братьямъ, испрашивая ихъ молитвъ? Скажите же на милость, на основаніи какой логики отличаете вы первые случаи отъ послѣднихъ? Сомнѣваетесь ли вы въ дѣйствительности и возможности общенія между живыми и мертвыми черезъ Христа и во Христѣ? Это было бы сомнѣніе уже не христіанское, и здѣсь оно не требуетъ опроверженія. Приписывать христіанамъ, живущимъ на землѣ, такую силу заступничества, какой мы не признаемъ за молитвами причастныхъ къ небесной славѣ—было бы явною нелѣпостью. Еслибы протестанты рѣшились во всѣхъ случаяхъ слушаться логики (на что они заявляютъ притязаніе), то рѣшительно утверждаю, что не только Англиканцы, но и всѣ протестантскія секты, даже худшія изъ нихъ, рѣшили бы, что должно непремѣнно или допустить *серьезныя* обращенія къ святымъ и ангеламъ, или отказаться отъ взаимныхъ другъ за друга молитвъ христіанъ, живущихъ на землѣ. Почему же теперь эти обращенія не только запрещаются, но даже осуждаются? Просто потому, что Протестантство всегда и вездѣ протестуетъ; потому, что уму протестантскому всегда присуще Полупелагіанство Папизма, съ его ученіемъ о заслугахъ и о собственномъ, какъ

бы самодѣльномъ достоинствѣ святыхъ; потому что Протестантство несвободно и не можетъ быть свободнымъ; потому, наконецъ, что, не смотря на свои вѣчные вопли противъ Папизма, Протестантство все-таки стоитъ на одной съ нимъ почвѣ, пробивается данными имъ опредѣленіями и, не менѣе самаго фанатическаго Ультрамонтантства, рабствуетъ утилитаризму, составляющему краеугольный камень доктрины папистовъ.

Мы же свободны и хотя вполнѣ увѣрены, что намъ не нуженъ другой заступникъ кромѣ Христа, однако мы даемъ волю выраженіямъ любви своей и не къ однимъ живущимъ обращаемся съ горячими желаніями духовнаго общенія и взаимныхъ молитвъ, но и къ усопшимъ, къ тѣмъ, которые достигли спасенія не силою собственныхъ достоинствъ (ибо никто изъ совершеннѣйшихъ не былъ *достоинъ*, кромѣ одного Христа) а благодатью и милосердіемъ Господа, которыя, какъ мы уповаемъ, могутъ распространиться и на насъ и намъ даровать блаженство.

Я готовъ согласиться съ вами въ томъ, что еслибъ Англиканцы на практикѣ ввели у себя вновь въ употребленіе гимны къ святымъ и ангеламъ и оцѣнили всю поэтическую ихъ красоту, то вопросъ объ этомъ разрѣшился бы самъ собою и не представлялъ бы болѣе препятствія къ возсоединенію. Я бы даже не упомянулъ о немъ, еслибы не видѣлъ въ немъ яркаго примѣра и доказательства того подчиненія ученію и духу Римской Церкви, въ которомъ находятся всѣ западныя общины. Это подчиненіе столь же очевидно въ отрицаніи Римскаго ученія, какъ и въ согласіи съ нимъ. Я нахожу слѣды его не въ одномъ отверженіи молитвъ, обращаемыхъ къ невидимой Церкви, но и во многихъ другихъ подобныхъ случаяхъ, какъ то: въ спорѣ о вѣрѣ и о дѣлахъ, о пресуществленіи, о числѣ таинствъ, объ авторитетѣ Священнаго Писанія; словомъ, оно проглядываетъ въ каждомъ вопросѣ, касающемся Церкви и въ каждомъ протестантскомъ рѣшеніи этого вопроса. Но это подчиненіе особенно замѣтно въ томъ вопросѣ, который вы, за одно со мною, считаете величайшимъ препятствіемъ не только къ фактическому осуществленію единства между Православнымъ и Англиканскимъ вѣроисповѣданіями, но даже и къ мысли о примиреніи ихъ.

Не стану углубляться въ самую сущность вопроса; не стану пытаться защитить Никейскій символъ въ его первобытной формѣ (т.-е. до прибавки filioque); не стану говорить о томъ,

что западное ученіе не подтверждается никакими свидѣтельствами кромѣ нагло искаженныхъ отрывковъ изъ твореній Святыхъ Отцовъ, или приводимыхъ ими текстовъ Св. Писанія, которые частью свидѣтельствуютъ только о *ниспосланіи* Духа (missio ad extra), частью же, еслибы были поняты въ настоящемъ ихъ смыслѣ, послужили бы прямыми опроверженіями Римскаго ученія. Таково, напримѣръ, мѣсто у Св. Августина, гдѣ сказано: p r i n c i p a l i t e r autem a P a t r e, что вовсе не значитъ: *главнѣйшимъ образомъ* или *по преимуществу* отъ Отца, а значитъ: отъ Отца *начально*, или какъ *начало* (quoad principium). Смыслъ же всего мѣста слѣдующій: Духъ ниспосылается приходитъ ad extra, отъ Отца и Сына, но имѣетъ начало, исходитъ отъ Отца *). Не буду также напоминать о томъ, что вселенскій соборъ рѣшительно одобрилъ анаѳему, произнесенную Ѳеодоритомъ противъ ученія объ исхожденіи Святаго Духа отъ Отца и Сына. Нелѣпое объясненіе этого факта, предложенное Іезуитомъ Ягеромъ (Jaeger) въ его исторіи Фотія, а также другими Римскими писателями, старавшимися доказать, что анаѳема эта относилась къ монотелитическимъ стремленіямъ, недостойно честнаго и христіанскаго обсужденія богословскаго вопроса. Все это я оставляю въ сторонѣ, такъ какъ ничего не могъ бы прибавить къ тому, что вамъ уже извѣстно: ничего не могъ бы сказать сильнѣе и убѣдительнѣе того, что сказали знаменитые Ѳеофанъ Прокоповичъ и Адамъ Зерникавъ (Zernikavius). Я позволю себѣ только одно замѣчаніе. Міръ протестантскій разбился и разорвался на множество заблужденій; въ немъ возникали самыя странныя и одна другой прямо противорѣчащія секты; эти секты расходятся между собою почти по всѣмъ вопросамъ церковнаго ученія; между тѣмъ (замѣтьте это) вопросъ, о которомъ мы говоримъ теперь — исхожденіе Духа отъ Сына—почти всѣми добросовѣстными протестантами признается, по крайней мѣрѣ, за вопросъ сомнительный (хотя,

*) Мѣсто, о которомъ говоритъ здѣсь А. С. Хомяковъ, находится у Августина, въ трактатѣ о Троицѣ, кн. XV, гл. 12 и гласитъ: et tamen non frustra in hac Trinitate non dicitur verbum nisi Filius, nec donum Dei nisi Spiritus Sanctus, nec de quo genitum est verbum et de quo procedit p r i n c i p a l i t e r Spiritus Sanctus, nisi Deus Pater. Ideo autem addidi p r i n c i p a l i t e r, quia et de Filio Spiritus Sanctus procedere reperitur. Адамъ Зерникавъ въ извѣстномъ своемъ сочиненіи доказалъ, и за нимъ протестантскіе богословы подтвердили, что слово p r i n c i p a l i t e r въ первой фразѣ и вся вторая: ideo autem etc. есть ни что иное какъ позднѣйшая вставка— stercus falsatoris, какъ выразился одинъ ученый XVII вѣка. Пр. изд.

по моему, въ немъ нѣтъ и мѣста для сомнѣнія). Скажите, чѣмъ же объяснить, что ни одной изъ этихъ сектъ не пришло на мысль возстановить Никейскій символъ? Какимъ образомъ могло случиться, что нѣкоторыя изъ нихъ, подъ вліяніемъ очевидныхъ сомнѣній, предпочли совершенное опущеніе словъ объ исхожденіи Святаго Духа принятію формулы Православнаго исповѣданія, хотя она есть буквальное повтореніе словъ Спасителя? Не убѣдительное ли это доказательство несомнѣннаго хотя и непризнаннаго подчиненія Римскому, стародавнему вліянію и глубоко укорененнаго чувства отвращенія ко всему тому, что̀ могло бы, повидимому, подтвердить истину Православнаго ученія? Вы, я надѣюсь, не упрекнете меня въ несправедливости или пристрастіи сужденія о нашихъ противникахъ въ области Церкви.

Вопросъ этотъ чрезвычайно важенъ; онъ важенъ въ двоякомъ отношеніи: въ нравственномъ и въ догматическомъ. Я оставлю въ сторонѣ второе и разсмотрю первое, т. е. нравственную сторону дѣла. Въ седьмомъ вѣкѣ, Каѳолическая Церковь была едина и представляла полное согласіе и единство въ ученіи. Отъ Египта и Сиріи до далекихъ предѣловъ Британіи и Ирландіи существовало полное общеніе любви и молитвы. Въ половинѣ этого столѣтія, а можетъ быть и въ концѣ предъидущаго, Испанское духовенство ввело измѣненіе въ символѣ. Въ первомъ письмѣ моемъ я прибавилъ, что это измѣненіе совпало съ появленіемъ инквизиціи, въ худшемъ ея видѣ, и что то и другое было дѣломъ однихъ и тѣхъ же областныхъ соборовъ. Я хотѣлъ этимъ напомнить вамъ, что первый шагъ къ разобщенію былъ совершенъ духовенствомъ самымъ развращеннымъ, худшимъ, чуждымъ христіанскаго духа, напыщеннымъ отуманеннымъ горделивымъ сознаніемъ своихъ непомѣрныхъ политическихъ правъ. Нововведеніе это, возникшее въ далекой странѣ, вскорѣ послѣ того наводненной и завоеванной Магометанами, долго оставалось незамѣченнымъ; однако, хотя и незамѣченное на Востокѣ и даже въ Италіи, оно стало распространяться все болѣе и болѣе между западными общинами.

Въ концѣ восьмаго и въ началѣ девятаго столѣтія, новый символъ былъ почти всѣми принятъ на Западѣ. Мы, въ этомъ случаѣ, не имѣемъ права слишкомъ строго укорять Римскій престолъ. Папы сознавали незаконность совершившагося дѣла; они предвидѣли его страшныя послѣдствія; они старались остановить его развитіе, но не умѣли этого сдѣлать. Единственный и

конечно великій грѣхъ ихъ—въ слабости и недостаткѣ твердости въ борьбѣ. Западъ сознавалъ себя совершеннолѣтнимъ и заговорилъ отъ своего имени, пренебрегая чужимъ мнѣніемъ, не требуя ни совѣта его, ни согласія въ дѣлахъ вѣры. Нововведеніе было торжественно принято. Для этого не созывали собора и не только не обращались къ восточнымъ епископамъ для испрошенія ихъ согласія, но даже не предупредили ихъ о случившемся. Такимъ образомъ былъ расторгнутъ *союзъ любви*; такимъ образомъ было на дѣлѣ отвергнуто общеніе вѣры, ибо при различныхъ сvмволахъ такого общенія быть не можетъ. Не стану спрашивать: было-ли все это законно? Идея права и законности стоитъ на первомъ планѣ у казуистовъ и учениковъ *juris romani*; но она не можетъ удовлетворить христіанина; я спрошу: было-ли это нравственно, побратски-ли, похристіански-ли было поступлено? Одна Церковь самовольно себѣ усвоила, похитила, право всей Каѳолической Церкви. Незаслуженная обида нанесена была довѣрчивымъ братьямъ, которые, до того времени, подавали примѣръ величайшей твердости и ревности въ защитѣ Церкви. Поступокъ этотъ былъ конечно самымъ ужаснымъ преступленіемъ и проявленіемъ самой отвратительной гордости, самаго наглаго презрѣнія. А между тѣмъ, наслѣдство нечестія принято; оно удерживается донынѣ. Неужели оно сохранится навѣки?

Пусть мірскія общества уклоняются отъ нравственнаго закона, пусть грѣшатъ и торжествуютъ въ согрѣшеніяхъ своихъ и гордятся временными выгодами, ими пріобрѣтаемыми; я никогда не былъ и не могъ быть политическимъ дѣятелемъ и потому не берусь судить политическія общества, хотя впрочемъ сильно склоняюсь къ мысли, что и тамъ, за ошибки отцовъ, расплачиваются потомки, по непреложной логикѣ исторіи, руководимой Провидѣніемъ. Знаю также навѣрное, что каждый человѣкъ долженъ отвѣчать за грѣхи свои и терпѣть за нихъ кару до тѣхъ поръ, пока не признаетъ ихъ и не покается въ нихъ; но еще болѣе увѣренъ я въ томъ, что въ Церкви Божіей, въ избранномъ, святомъ и совершенномъ сосудѣ Его небесной правды и благодати, грѣховъ нѣтъ и быть не можетъ, и что поэтому общество, принимающее и сохраняющее наслѣдство грѣха, никакъ не можетъ вступить въ общеніе съ Церковью, ни быть признаваемо за часть ея.

Замѣтьте, что я не касался догматической стороны вопроса, а только разсматривалъ нравственное его значеніе. Могу еще

прибавить, что мы, такимъ образомъ отверженные нашими самовластными братьями, повидимому, могли бы признать за собою право рѣшать одни всякаго рода вопросы, властью нашего собственнаго духовенства, съ согласія нашихъ мірянъ. Мы однако не воспользовались имъ. Мы не измѣнились; мы всѣ тѣ же, какими были въ восьмомъ столѣтіи, прежде чѣмъ Западъ оттолкнулъ такъ нагло своихъ братьевъ. Пусть испытываютъ насъ, пусть зовутъ къ отвѣту. О! Еслибы вы только согласились возвратиться къ тому, чѣмъ вы были въ то время, когда мы всѣ соединялись союзомъ вѣры, молитвеннаго общенія и любви!

Мнѣ надобно прибавить еще нѣсколько словъ въ отвѣтъ на послѣднюю часть вашего печатнаго письма. Правило, предлагаемое вами, справедливо: должно держаться крайней добросовѣстности и доброжелательства въ сужденіяхъ о вѣрованіяхъ разобщенныхъ съ нами братьевъ; должно внимательно избѣгать клеветы или ошибочныхъ объясненій, чтобы не произвести напраснаго и новаго разногласія и не усилить его въ томъ, въ чемъ оно уже существуетъ. Кажется, что мы вообще не склонны къ такому пороку; насколько я знаю своихъ соотечественниковъ, я нахожу въ нихъ расположеніе противоположной крайности; впрочемъ я не буду спорить и даже готовъ допустить, что человѣкъ не можетъ быть вполнѣ безпристрастнымъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о собственномъ его лицѣ, о его народѣ, или о его Церкви. Но въ настоящемъ случаѣ не вижу, въ чемъ могла бы заключаться ошибочность сужденія съ нашей стороны? Одно изъ двухъ: прибавка имѣетъ-ли дѣйствительно то значеніе, какое ей приписывается послѣдователями Рима, т. е. догмата о начальномъ исхожденіи Духа, котораго мы никакъ иначе назвать не можемъ какъ еретическимъ положеніемъ, или прибавка выражаетъ лишь исхожденіе *ad extra*, т. е. ниспосланіе, о чемъ ни одинъ Православный не посмѣетъ и не станетъ спорить? Въ первомъ случаѣ, разногласіе двухъ Церквей существенно, и дѣло должно быть рѣшено доказательствами, почерпнутыми изъ писаній и изъ нравственнаго чувства. Иными словами, должно убѣдиться: на самомъ ли дѣлѣ западное ученіе оправдывается Священнымъ Писаніемъ, древнѣйшими его истолкователями, а также опредѣленіями вселенскихъ соборовъ; слѣдуетъ также разсмотрѣть: вѣроятно-ли, чтобъ измѣненіе, сопровождавшееся столь явнымъ нарушеніемъ правъ, столь очевиднымъ пренебреженіемъ къ значительной части Церкви, могло быть внушено благо-

датью Святаго Духа? Кажется, не трудно доказать неосновательность того и другаго положенія. Во второмъ случаѣ, разногласіе въ существѣ дѣла, правда, исчезаетъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ обязанность выкинуть вставку дѣлается еще настоятельнѣе. Кто рѣшится упорствовать въ употребленіи двусмысленнаго выраженія, когда неточность эта имѣла и доселѣ имѣетъ столь горестныя послѣдствія? Кто изъ осуждающихъ въ душѣ своей старый грѣхъ самовластія рѣшится поднять его знамя? Кажется, что здѣсь нравственная обязанность очевидна и не подлежитъ сомнѣнію.

Мое искреннее мнѣніе объ Англиканской Церкви во многихъ отношеніяхъ сходится съ вашимъ. Я вполнѣ убѣжденъ, что въ ней замѣтны многія православныя стремленія, еще невполнѣ развившіяся, но готовыя созрѣть; что въ ней содержатся многія начала единства съ Православіемъ, можетъ быть лишь затемненнымъ несчастными привычками Римскаго схоластицизма, и что близко время, когда, за лучшимъ взаимнымъ пониманіемъ, послѣдуетъ настоящее примиреніе разлученныхъ братій. Но должно непремѣнно уяснить, и уяснить въ смыслѣ Православномъ, двусмысленное выраженіе, столь близко походящее на ересь; должно торжественно, рѣшительно, отвергнуть, исключить изъ употребленія и духъ и языкъ ереси—повторяю здѣсь ваши собственныя слова. Для этого, прежде всего, слѣдуетъ покаяться въ незаконномъ усвоеніи власти, отъ котораго возникло измѣненіе символа и признать это измѣненіе нарушеніемъ закона любви. Но здѣсь-то именно и возникаетъ *нравственное* препятствіе. Такой приговоръ показался бы (да и былъ бы на самомъ дѣлѣ) самоосужденіемъ, покаяніемъ; а какъ ни сладки плоды покаянія, корень его всегда горекъ и противенъ для гордости, отъ которой ни одинъ изъ смертныхъ вполнѣ не избавленъ. Ничто истинно доброе не дается безъ нравственнаго возрожденія; напротивъ, изъ него истекаетъ всякое благое послѣдствіе, такъ какъ само возрожденіе приноситъ съ собою всесовершенную благодать Отца міровъ. Знаю, что такое возрожденіе—дѣло нелегкое, и вотъ почему надежды мои такъ слабы и ничтожны, несмотря на то, что есть многія причины, которыя, повидимому, могли бы ободрять меня. Чувствую, что не слѣдуетъ уступать недовѣрчивому страху; но я поступилъ бы еще хуже, еслибы не объяснился съ вами съ полною откровенностью и скрылъ бы отъ васъ свой образъ мыслей. Велика

была бы моя радость, если бы событія обличили меня въ напрасной робости и доказали мое заблужденіе.

Послѣ того какъ я такъ искренно высказалъ свое мнѣніе, рѣшаюсь прибавить, что, по моему убѣжденію, многіе изъ самыхъ благонамѣренныхъ Англиканскихъ богослововъ склонны впадать въ страшное и опасное заблужденіе. Я говорю о томъ ложномъ мнѣніи, будто каждая отдѣльная Церковь можетъ увлекаться мѣстными заблужденіями, не нарушая каѳолическаго единства, и что вся Каѳолическая Церковь можетъ также быть помрачена временными заблужденіями, иногда общими во всѣхъ ея частяхъ, иногда различными въ каждой ея части, такъ что истину приходилось бы добывать изъ неочищенной массы, по извѣстному правилу: quod semper, quod omnes, quod ubique (что всегда, что всѣми, что вездѣ принималось).

Недавно я прочелъ съ удовольствіемъ книгу, которая, безъ сомнѣнія, вамъ уже извѣстна, это—сочиненіе Девара о Нѣмецкомъ раціонализмѣ. Вотъ, по моему, образецъ честной и здравой логики, свободной отъ страстей и предразсудковъ. Острый умъ автора не только въ совершенствѣ изслѣдовалъ причины неизбѣжнаго развитія раціонализма въ протестантской Германіи, но указалъ слѣды его и въ Римскомъ Католичествѣ, не смотря на безпрестанныя притязанія Рима доказать противное. Это, безъ сомнѣнія, великая истина, которую можно бы подтвердить другими, сильнѣйшими доказательствами; но странно, что г. Деваръ выгораживаетъ Англиканскую Церковь изъ общаго осужденія. Какъ будто Церковь, исповѣдующая *реформу*, тѣмъ самымъ не обличаетъ себя въ раціонализмѣ? Конечно, еслибы въ самомъ дѣлѣ *вся* Церковь (или Церковь въ ея совокупности) могла впадать въ догматическія погрѣшности, тогда *частная* (личная) критика надъ нею была бы не только правомъ, но неизбѣжною необходимостью для каждаго. Но въ этомъ именно и заключается вся суть *раціонализма*, какъ бы она ни прикрывалась благозвучными словами: свидѣтельства Отцевъ, авторитета Каѳолической Церкви, преданія, вдохновенія, и другими. Ибо для раціонализма: свидѣтельство Отцевъ—кипа исписанной бумаги; авторитетъ Церкви—пустое слово, когда уже разъ допущено, что сама Церковь впадала въ заблужденія; преданіе, хотя бы единожды перервавшееся, уничтожено навсегда. Наконецъ, что значитъ это спеціальное вдохновеніе, на которое всякій можетъ имѣть притязаніе, хотя никто другой не обязанъ ему вѣрить? Сама Истина дала намъ обѣтованіе постояннаго

пребыванія Духа Святаго, и если мы будемъ твердо вѣрить этому обѣтованію, то свѣтъ истиннаго ученія не перестанетъ во всѣ вѣки сіять и освѣщать насъ, привлекать къ себѣ наши взоры, даже и тогда, когда мы не ищемъ свѣта. Но если разъ дать помрачиться этому свѣту, онъ неминуемо и навсегда померкнетъ. Тогда слово „*Церковь*“ обратится въ пустой звукъ, лишенный смысла, или придется понимать его такъ, какъ понимаютъ теперь многіе Нѣмецкіе протестанты, для которыхъ слово „Церковь“ значитъ собраніе добрыхъ людей, самыхъ разнообразныхъ убѣжденій, но соединенныхъ искреннимъ желаніемъ открыть истину, съ полною однако увѣренностью, что до сихъ поръ никто не находилъ ея и безъ всякой надежды когда-либо ее открыть. Вотъ неизбѣжныя послѣдствія раціонализма, хотя, кажется, ихъ не сознаютъ многіе изъ достойнѣйшихъ нашихъ богослововъ. Это, безъ всякаго сомнѣнія, опасное самообольщеніе.

Если вы найдете рѣзкими нѣкоторыя изъ употребленныхъ мною выраженій, прошу васъ не судить ихъ слишкомъ строго Я не имѣлъ намѣренія обидѣть, и моимъ единственнымъ побужденіемъ было искреннее желаніе разъяснить всѣ затрудненія, дабы скорѣе разрѣшились и уничтожились онѣ съ помощію Того, Чье благословеніе непремѣнно озаритъ сердца, честно и смиренно стремящіяся къ познанію истины и къ достиженію нравственнаго совершенства. Такихъ сердецъ конечно не мало въ отечествѣ вашемъ.

18 Августа 1845.

КЪ ПАЛЬМЕРУ.

III.

М. г.

Примите усерднѣйшую благодарность мою за дружеское письмо ваше и простите запоздалость моего отвѣта. Не лѣность, а нѣкоторыя домашнія обстоятельства были причиною моего продолжительнаго молчанія. Не могу не назвать письма вашего дружескимъ, хотя въ немъ содержится много жесткихъ на насъ нападеній; но онѣ высказаны съ тою честною откровенностью, которая, по моему, служитъ ручательствомъ истинно дружескаго расположенія. Обвиненія ваши мнѣ кажутся несправедливыми, но вы ихъ высказываете съ безпощадною прямотою, свидѣтельствующею о сильномъ желаніи вашемъ открыть истину и довести спорный вопросъ до удовлетворительнаго разрѣшенія. Всегда бы слѣдовало ясно и откровенно высказывать всякое сомнѣніе, недоразумѣніе и осужденіе, не щадя осуждаемаго: это единственный путь къ опредѣленію границъ между правдою и заблужденіемъ. Въ вопросахъ истинной важности не только не слѣдуетъ уклоняться отъ правды, но не должно даже смягчать ее.

Позвольте мнѣ вкратцѣ перечислить ваши обвиненія. Вопервыхъ, говорите вы: „Ежели вы точно имѣете притязаніе принадлежать къ единой, Православной и Каѳолической Церкви (что несомнѣнно), то вамъ бы слѣдовало ревностнѣе заботиться объ обращеніи заблуждающихся обществъ. Въ истинной Церкви не можетъ изсякнуть духъ апостольства, истинный духъ любви; а у васъ явный недостатокъ апостольскаго духа“. Вовторыхъ, вы находите, „что притязанія наши явно противорѣчатъ готовности, выраженной нѣкоторыми изъ самыхъ извѣстныхъ нашихъ богослововъ, допустить соединеніе съ Латинскою Церковію на самыхъ снисходительныхъ для нея условіяхъ“. Втретьихъ, вы утверждаете, „что Церковь, допустивъ измѣненіе

нѣкоторыхъ обрядовъ, сознала въ себѣ возможность маловажныхъ ошибокъ, и какъ бы заблужденіе ни было ничтожно, какъ бы измѣненіе ни было незначительно, все же, говорите вы, они лишаютъ насъ возможности логически защищать начало догматической непогрѣшимости истинной Церкви".

Въ нашемъ недостаткѣ христіанскаго рвенія я чистосердечно сознался, хотя и снялъ съ Церкви это обвиненіе въ отношеніи къ западному міру. Вы приписываете эту нравственную вялость нашу тому, что Церковь внутренно, про себя, убѣждена будто бы въ томъ, что она есть не болѣе какъ часть всеобщей Церкви, несмотря на всѣ свои притязанія на иное значеніе. Такое толкованіе кажется мнѣ совершенно произвольнымъ; оно не можетъ быть допущено до тѣхъ поръ, пока представляется возможность другаго, болѣе удовлетворительнаго объясненія. Вамъ кажется, что я отвѣчалъ не прямо, а уклончиво, когда упомянулъ о различіи, существующемъ между нашими отношеніями къ язычникамъ и къ христіанскимъ народамъ Европы. Но, думаю, что мнѣ не трудно будетъ защитить высокимъ авторитетомъ справедливость сдѣланнаго мною различія. Я говорилъ „какую вѣсть понесемъ мы христіанскому Западу, какой новый источникъ знанія откроемъ мы народамъ, болѣе насъ просвѣщеннымъ, на какое новое ученіе укажемъ мы людямъ, которымъ извѣстна истина, но которые пренебрегаютъ ею"? Слова эти не выражаютъ ни робкаго уклоненія отъ борьбы (что въ самомъ дѣлѣ доказывало бы слабость и сомнѣніе), ни недовѣрчивости къ силѣ нашихъ доказательствъ и авторитетовъ; едва ли даже можно найти въ сказанномъ мною признакъ большаго недостатка рвенія и любви; это не болѣе какъ доказательство въ подтвержденіе того глубокаго убѣжденія нашего, что есть *нравственное препятствіе*, не позволяющее Западу принять, въ простотѣ сердца, истину, предлагаемую ему Церковію, препятствіе, истекающее не изъ невѣжества и не изъ доводовъ разума. Никакія человѣческія усилія не побѣдятъ его, когда оно не побѣждается лучшими чувствами тѣхъ лучшихъ людей, которые видятъ истину, но не рѣшаются ее исповѣдать. Такое нравственно-нерасположеніе само по себѣ возможно; остается лишь дознать, дѣйствительно ли оно существуетъ въ обсуждаемомъ нами случаѣ? Вспомните притчу о Лазарѣ: не изрекъ ли въ ней Самъ Отецъ Свѣта и Источникъ Любви устами Авраама: „аще Моисея и пророковъ не послушали, и аще кто отъ мертвыхъ воскреснетъ, не имутъ вѣры". Не думайте, прошу

васъ, чтобъ я привелъ это мѣсто съ намѣреніемъ огорчить васъ; мнѣ бы не хотѣлось обращаться къ вамъ съ обидными упреками. Я уже признался въ недостаткѣ ревенія въ нашемъ народѣ и въ нашей странѣ; я готовъ повторить это признаніе, но все-таки я убѣжденъ, что мы имѣемъ право примѣнить къ настоящему дѣлу слова Христовы, и что вы удалены отъ насъ силою нравственнаго препятствія, происхожденіе и историческое развитіе котораго я старался прослѣдить въ моемъ предъидущемъ письмѣ.

Изъ признаннаго мною недостатка ревенія нашего, въ отношеніи къ язычникамъ, слѣдуетъ ли заключать, что Восточная Церковь заблуждается, и что она есть только часть (да и едвали даже часть) всеобщей Церкви? Съ этимъ я не могу согласиться. Можно допустить, что духовная вялость есть частный недостатокъ народовъ (Грековъ или Русскихъ), которымъ временно поручена судьба Церкви; но недостатокъ этотъ не касается самой Церкви и не нарушаетъ ея чистоты. Неисповѣдимы судьбы Божіи! Въ продолженіи двухъ столѣтій, сколько милліоновъ людей присоединено къ стаду Христову усиліями нѣсколькихъ сотенъ учениковъ! Ежели бы такая пламенная вѣра продолжала согрѣвать сердца христіанъ, то въ короткое время весь родъ человѣческій услышалъ бы слово спасенія и покорился бы ему. Между тѣмъ шестнадцать столѣтій прошло съ тѣхъ поръ, и мы, съ невольнымъ смиреніемъ, должны признаться, что и теперь большая и значительно большая часть человѣчества погружена во мракѣ невѣжества.

Гдѣ же ревность апостольская? Гдѣ истинная Церковь? Это обстоятельство, если придать ему значеніе доказательства, привело бы къ такому заключенію, которое заставило бы всякаго отвергнуть его доказательность. Въ средневѣковой и въ началѣ новой исторіи, мы, въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій, не видимъ ни одного примѣра великаго народнаго обращенія, ни одной замѣчательной попытки проповѣди Слова Божія; едва встрѣчаемъ мы въ это время нѣсколько частныхъ обращеній. Но даетъ ли это поводъ къ обвиненію всей Церкви? Въ наше время духъ миссіонерства торжественно пробудился въ Англіи. Въ тѣ дни испытанія, черезъ которые странѣ этой вѣроятно суждено еще пройти, заслуга эта конечно забыта не будетъ Всемогущимъ Богомъ. Но этотъ новый, или до сихъ поръ незамѣченный фактъ высокаго стремленія къ миссіонерству есть ли признакъ приближенія Англиканской Церкви къ истинѣ?

Доказываетъ ли, что она очищается и растетъ въ силѣ? Этого, кажется, никто не находитъ. Или обратимся къ Несторіанцамъ, которыхъ вы противопоставляете намъ. Я не обижаюсь этимъ сближеніемъ, хотя вы сами назвали его каррикатурнымъ, вѣроятно, изъ опасенія огорчить насъ. Несторіанцы вообще необразованы и весьма невѣжественны во всемъ, что̀ касается наукъ и художествъ; но не болѣе какъ лѣтъ сто тому назадъ невѣжество было и нашимъ удѣломъ. Несторіанцы вообще бѣдны, но бѣдность никому не ставится въ укоръ, а тѣмъ менѣе христіанину. Несторіанцы немногочисленны, но истина оцѣнивается не по числу ея послѣдователей. Была пора, когда Несторіанцы были многочисленнѣе, богаче и ученѣе, чѣмъ въ наше время. Ревностные проповѣдники ихъ разошлись по всему Востоку, доходили до внутренней Индіи и до самой середины Китая, и не тщетно трудились они: милліоны за милліонами обращались къ ученію Несторія (не одинъ Марко-Поло свидѣтельствуетъ о ихъ успѣхахъ). Спрашиваю: были ли Несторіанцы ближе къ истинѣ въ эпоху своего торжества, чѣмъ въ наше время? Магометанство и Буддизмъ представятъ намъ тѣ же явленія и приведутъ къ такимъ же заключеніямъ, то есть къ заблужденію. Такъ и истина переживала эпохи горячаго рвенія и сравнительнаго равнодушія; что обусловливается во времени характеромъ различныхъ эпохъ, то можетъ встрѣчаться и въ одну и ту же эпоху, какъ послѣдствіе различій въ характерѣ народовъ. Поэтому не понимаю, какъ можно обвинять Православную Церковь въ порокахъ, которые, по моему, очевидно принадлежатъ исключительно лишь тѣмъ народамъ, изъ которыхъ составляются ея общины.

Опредѣливъ различіе между свойствами Церкви и народными свойствами восточныхъ обществъ, которыя суть теперь ея единственные представители, я позволю себѣ прибавить, что сравненіе, проведенное вами между рвеніемъ Латинянъ и кажущимся равнодушіемъ Восточнаго міра, не совсѣмъ вѣрно. Я не отвергаю фактовъ и не выражаю сомнѣнія въ кажущемся превосходствѣ первыхъ; но никакъ не могу признать, чтобы прозелитизмъ ихъ исходилъ изъ чувства христіанскаго, даже изъ чувства близкаго къ христіанскому. Мнѣ кажется, что надобно оставить этотъ ихъ прозелитизмъ совершенно въ сторонѣ, какъ вовсе не идущій къ дѣлу, какъ необходимое послѣдствіе особенной, національной или церковной, организаціи, близко напоминающей направленіе Магометанства въ эпоху его торжества.

Конечно, я не стану порицать ревности послѣдователей Рима. Несправедливо было бы презрительно или даже легкомысленно отзываться о чувствѣ во многихъ отношеніяхъ достойномъ похвалы. Но не могу ни восхищаться стремленіемъ, которое нерѣдко впадало въ прямое противорѣчіе съ духомъ Христіанства, ни завидовать такому одушевленію, которое всегда создавало и теперь можетъ создать скорѣе гонителей, чѣмъ мучениковъ. Словомъ, это чувство смѣшанное, помѣсь добра и зла, чувство, которое, конечно, не безчеститъ народовъ Римскаго исповѣданія, но которое недостойно Церкви и не заслуживаетъ упоминанія въ вопросахъ о христіанскихъ истинахъ. Кажется, что я не склоненъ къ хвастливости, но я не могу не обратить вашего вниманія на странный, до сихъ поръ мало замѣченный, фактъ. Несмотря на очевидную ревность Римлянъ и на кажущееся равнодушіе Православныхъ, Восточная Церковь, въ своихъ пріобрѣтеніяхъ, была счастливѣе своей Западной соперницы. Это замѣтно со временъ папской ереси (которая, конечно, началась не споромъ Фотія съ Николаемъ, а измѣненіемъ символа, выразившимъ притязаніе Запада сдѣлаться единственнымъ судіею въ христіанскомъ догматѣ). Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить число Русскихъ Православнаго исповѣданія съ малымъ числомъ жителей Скандинавіи и той трети Германіи, которая была обращена послѣ Карла Великаго, притомъ обращена болѣе чѣмъ на половину не добровольно, а мечемъ, огнемъ и лестью *). Опять повторяю, что я болѣе стыжусь нашего бездѣйствія, чѣмъ горжусь нашими успѣхами. Но Провидѣніе, въ неисповѣдимыхъ судьбахъ Своихъ, быть можетъ, избрало этотъ путь въ доказательство живучести истины, которая не гибнетъ и тогда, когда охрана ея ввѣряется, повидимому, недостойнымъ и незаботливымъ рукамъ. Ни Анскары, ни Вильфриды, ни Вилброды, ни Колумбаны, не приходили обращать Россію. Мы сами встрѣтили истину на полудорогѣ, увлеченные тайною благодатію Божіею. Въ послѣдующія времена у насъ были мученики; у насъ были, у насъ и теперь есть миссіонеры, коихъ труды не безплодны. Сознаю, что ихъ немного; но голосъ истины, призывающій васъ, не есть ли голосъ всей Церкви? Вамъ еще не встрѣтился ни Русскій, ни Греческій миссіонеръ; но отвергъ ли Корнилій голосъ Ангела и отвѣтилъ ли ему, что не повѣ-

*) Къ этому можно бы было прибавить указаніе на начальные успѣхи и на изумительную непрочность конечныхъ результатовъ Іезуитской проповѣди въ Индіи, въ Китаѣ, въ Японіи и въ другихъ странахъ. Пр. издат.

ритъ до тѣхъ поръ, пока не явится къ нему апостолъ? Онъ повѣрилъ, и апостолъ пришелъ, какъ необходимое, вещественное орудіе христіанскаго обращенія. И неужели благая вѣсть не будетъ принята вами, неужели голосъ истины, выраженіе всей Церкви, потеряетъ для васъ свое могущество потому только, что не нашлось человѣка достойнаго возвѣстить его вамъ? Церковь можетъ располагать и дѣйствительно располагаетъ самыми разнообразными средствами обращенія.

На второе ваше обвиненіе, касающееся снисходительности условій, предложенныхъ Риму, мнѣ кажется, отвѣчать нетрудно. Прежде всего, скажу вамъ, что я готовъ признать излишнюю уступчивость въ Маркѣ Ефесскомъ. Но ежели судить безпристрастно этого великаго человѣка и замѣчательнаго богослова, то, кажется, придется болѣе удивляться его несокрушимой твердости, чѣмъ порицать его за минуты человѣческой слабости. Тяжела была его задача! Онъ чувствовалъ, онъ не могъ не понимать, что, отвергая союзъ могучаго Запада, онъ положительно произносилъ смертный приговоръ надъ своимъ отечествомъ. Для его благородной души такое испытаніе было труднѣе мученичества, и однако — онъ остался непоколебимъ. Не должны-ли мы послѣ этого быть снисходительны въ приговорахъ о невольныхъ уступкахъ, внушенныхъ желаніемъ спасти отечество? Не должны-ли мы благословлять память этого достославнаго борца? Богословы позднѣйшихъ временъ соглашались вступить въ общеніе съ Западомъ подъ однимъ лишь непремѣннымъ условіемъ возстановленія прежняго сѵмвола вѣры въ древней его формѣ, да еще нѣкоторыхъ, не столь существенныхъ измѣненій въ церковномъ ученіи. Вы считаете эти условія слишкомъ снисходительными; вы спрашиваете: „согласился-ли бы Аѳанасій соединиться съ Аріанами на такихъ условіяхъ; допустилъ-ли бы онъ ихъ во всемъ, за исключеніемъ сѵмвола вѣры, свободно излагать свое ученіе? Безъ сомнѣнія нѣтъ! Но между ересью Арія и лжеученіемъ Рима — большая разница. Первая отвергаетъ истинное ученіе, второе принимаетъ его, но грѣшитъ прибавкою къ священной истинѣ своего частнаго и, конечно, ложнаго мнѣнія. Самое же это мнѣніе, по себѣ, не составляетъ ереси, такъ какъ оно не заключаетъ въ себѣ прямаго противорѣчія Священному Писанію и не было осуждено Церковью. Ересь заключается собственно въ клеветѣ на Церковь и въ выдачѣ частнаго, произвольнаго мнѣнія за преданіе Церкви. Выключите вставленное мѣсто изъ сѵмвола вѣры, и вы

дадите удовлетвореніе преданію; вы разграничите вѣру съ мнѣніемъ. Это, можно сказать, краеугольный камень Римскаго ученія; отнимите его, и все построеніе, съ горделивыми притязаніями на непогрѣшимость, на право исключительнаго суда о христіанскихъ истинахъ—рушится въ прахъ. Духъ мятежа смирится и уляжется; словомъ, все необходимое будетъ сдѣлано.

Ежели мы углубимся далѣе въ вопросъ, то увидимъ (и это замѣчаніе вѣроятно не было упущено нашими богословами), что мнѣніе, прибавленное къ преданному ученію и выраженное словомъ filioque, никакого другаго основанія не имѣло какъ только постановленія нѣсколькихъ невѣжественныхъ, мѣстныхъ соборовъ и декретовъ, исшедшихъ отъ Римской каѳедры; поэтому, по исключеніи его изъ символа (то есть изъ преданія и изъ предметовъ вѣры), это мнѣніе никакъ бы не могло устоять по себѣ и, безъ сомнѣнія, было бы скоро оставлено и забыто, какъ многія другія частныя и мѣстныя заблужденія, какъ напримѣръ, ложное мнѣніе, принимавшее Мельхиседека за явленіе (а не за образъ) Христа. Церковь, въ своемъ недосягаемомъ величіи, не взыскиваетъ за ложныя мнѣнія частныхъ лицъ, когда въ нихъ нѣтъ прямаго противорѣчія ея ученію; тогда, и только тогда, мнѣнія эти могутъ обращаться и дѣйствительно обращаются въ ересь, когда онѣ выдаютъ себя за ученіе, преданіе и вѣру Церкви. Вотъ, мнѣ кажется, достаточное оправданіе условій, предложенныхъ Риму, и доказательство, что снисходительность ихъ нисколько не подаетъ повода къ сомнѣнію въ правдѣ Восточнаго Православія и въ его увѣренности въ томъ, что это ученіе, и одно это ученіе, истинно.

Ваше третье обвиненіе нетвердо поставлено; оно выражается только намекомъ, въ сравненіи съ продажею индульгенцій; однако я не могу оставить его безъ отвѣта. Вами же употребленныя выраженія, „что перекрещиваніе христіанъ существовало, какъ обычай, господствовавшій въ продолженіи многихъ лѣтъ и одобренный мѣстными постановленіями“, уже достаточно насъ оправдываетъ; ибо мѣстныя заблужденія не суть заблужденія всей Церкви. Это ошибки, въ которыя могутъ впадать частныя лица вслѣдствіе незнанія церковныхъ правилъ. Здѣсь виновато частное лицо (епископъ или мірянинъ — все равно); но сама Церковь твердо стоитъ въ незапятнанной чистотѣ своей, постоянно исправляетъ мѣстныя заблужденія, но никогда не нуждается сама въ исправленіи. Прибавлю, что, по моему мнѣнію, и въ этомъ случаѣ Церковь никогда не измѣняла своего ученія;

тутъ замѣтно лишь различіе въ обрядѣ, при совершенномъ сохраненіи его первоначальнаго значенія. Всѣ таинства могутъ окончательно совершаться лишь въ нѣдрахъ Православной Церкви. Въ какой формѣ онѣ совершаются — это дѣло второстепенное. Примиреніемъ (съ Церковью) таинство возобновляется или довершается въ силу примиренія; несовершенный еретическій обрядъ получаетъ полноту и совершенство Православнаго таинства. Въ самомъ фактѣ или обрядѣ примиренія заключается въ сущности (virtualiter) повтореніе предшествовавшихъ таинствъ. Слѣдовательно, видимое повтореніе крещенія или міропомазанія, хотя и ненужное, не имѣетъ характера заблужденія: оно свидѣтельствуетъ о различіи въ обрядѣ, но не въ понятіяхъ. Сравненіе съ другимъ фактомъ церковной исторіи уяснитъ мою мысль. Бракъ есть таинство въ глазахъ Церкви; однако Церковь не требуетъ повторенія брака отъ тѣхъ язычниковъ, которыхъ она принимаетъ въ общество вѣрующихъ. Самое обращеніе язычниковъ, безъ совершенія обряда, даетъ предшествовавшему соединенію четы значеніе христіанскаго таинства. Вы должны съ этимъ согласиться; а иначе вамъ придется допустить невозможное, именно, что законное соединеніе языческой четы имѣло полное значеніе христіанскаго таинства. Церковь не требуетъ ни отъ язычниковъ, ни отъ жидовъ, возобновленія брака; но вторичное обвѣнчаніе могло ли бы считаться заблужденіемъ? Не думаю, хотя въ обрядѣ произошло бы измѣненіе. Вотъ мое мнѣніе объ этомъ вопросѣ: перекрещиваніе христіанъ, въ сущности, не есть заблужденіе; но еслибъ даже оно было таковымъ, то и въ такомъ случаѣ Церковь была бы въ немъ непричастна, ибо заблужденіе было бы частное, областное. Продажа индульгенцій—дѣло совершенно иное. Это грѣхъ всей Римской Церкви, ибо оно не только было одобрено непогрѣшимымъ главою Церкви, но прямо имъ указано, отъ него исходило. Впрочемъ, если даже оставить въ сторонѣ это доказательство (хотя оно должно быть вполнѣ убѣдительно для всякаго истаго послѣдователя Римской церкви), если допустить, на что я готовъ, что продажа индульгенцій подвергалась порицанію отъ многихъ богослововъ, которые однако не были за это осуждены какъ еретики: то, и въ такомъ случаѣ, сущность дѣла не измѣнится. Заблужденіе все-таки остается заблужденіемъ, ибо, съ Римской точки зрѣнія, нельзя порицать продажу индульгенцій. Ежели признать, что вѣчное спасеніе можетъ быть пріобрѣтено внѣшними средствами, то необходимо согласиться и съ тѣмъ, что

Церковь имѣетъ право указывать эти средства, соображаясь съ особенными обстоятельствами, въ которыхъ находится общество вѣрующихъ. Почему бы ей, на примѣръ, вмѣсто дѣлъ милосердія въ пользу бѣдныхъ, не указать на дѣло милосердія въ пользу всего тѣла видимой Церкви, или въ пользу ея главы? Въ этомъ случаѣ вопросъ принимаетъ нѣсколько комическую форму. Но догматически заблужденіе не заключается въ случайной формѣ его проявленія. Заблужденіе это лежитъ въ самомъ основаніи Римскаго ученія, ученія убійственнаго для христіанской свободы и превращающаго въ рабовъ и наемниковъ усыновленныхъ дѣтей Божіихъ.

Я счелъ нужнымъ отвѣчать на обвиненіе, подразумѣваемое вами въ сдѣланномъ вами сравненіи между заблужденіями Рима и мнимыми заблужденіями Православія. Я не имѣю особеннаго желанія нападать на Римъ по поводу этого вопроса, а только хотѣлъ доказать право наше защищать ученіе, признающее совершенную непогрѣшимость нашей Церкви и невозможность открыть въ ней какой либо, хотя бы наималѣйшій порокъ (я не говорю о частныхъ лицахъ, ни о мѣстныхъ Церквахъ).

Позвольте мнѣ прибавить, что еслибъ это ученіе было устранено, то самое понятіе о Церкви утратило бы всякую разумность и превратилось бы въ мечту по той ясной причинѣ, что признать въ Церкви возможность погрѣшности значитъ поставить человѣческій разумъ единственнымъ судьей надъ дѣломъ Божіимъ и подвергать всѣ основанія вѣры разрушительному дѣйствію неограниченнаго раціонализма.

Я долженъ еще прибавить нѣсколько замѣчаній по поводу размышленій, которыми вы оканчиваете ваше письмо:

1) Я не сомнѣваюсь въ томъ, что выраженіе Св. Августина: (principaliter autem etc. etc.) есть позднѣйшая вставка (доказательства,приведенныя Зерникавымъ, совершенно убѣдительны); но я склоненъ скорѣе считать это древнею вставкою, чѣмъ намѣреннымъ искаженіемъ; поэтому я счелъ не безполезнымъ показать, что и тутъ нѣтъ ничего такого, что могло бы послужить къ защитѣ Римскаго ученія.

2) Я знаю, что ученіе, на которое нападаетъ Ѳеодоритъ, есть не Латинское, въ его время еще неизвѣстное; но выраженія, употребленныя Ѳеодоритомъ, содержатъ въ себѣ смыслъ прямо противоположный прибавленію къ сѵмволу вѣры; а этого вполнѣ достаточно, чтобъ доказать, что такое прибавленіе было бы совершенно невозможно во время Ефесскаго собора, такъ какъ

оно противно ученію, которое въ то время считалось Православнымъ.

3) Инквизиція, существовавшая въ Испаніи во время Готѳскаго періода, была еще неизвѣстна подъ этимъ имепемъ; внѣшняя связь историческаго событія не соединила ея съ инквизиціей временъ позднѣйшихъ. Поэтому, вѣроятно, историки никогда не отыскивали начала и корня этого страшнаго учрежденія въ бытописаніяхъ этихъ отдаленныхъ столѣтій; но кровавые и возмутительные законы, на основаніи которыхъ, во времена предшественниковъ Родрига, такъ жестоко преслѣдовались жиды и Аріане, носятъ совершенно характеръ религіозной инквизиціи въ самомъ отвратительномъ ея видѣ; они возникли, какъ и позднѣйшая инквизиція, по произволу духовенства. Вотъ почему, упоминая о нихъ, я назвалъ законы эти именемъ всѣмъ извѣстнымъ, хотя въ то время, въ Готѳскую эпоху, еще не употребительнымъ. Надобно замѣтить, что ни побѣды Магометанъ, ни семивѣковая борьба съ ними, ни измѣненія въ нравахъ, обычаяхъ и степени просвѣщенія, которыя, безъ сомнѣнія, совершились въ столь продолжительное время, не смягчили національнаго характера, не измѣнили свойствъ Испанскаго духовенства. Послѣ освобожденія и побѣды немедленно возобновились всѣ прежнія учрежденія. Страшный, доселѣ мало обращавшій на себѣ вниманіе, примѣръ живучести заблужденій и страстей, равно какъ и преемственной передачи ихъ до самыхъ отдаленныхъ поколѣній.

4) Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ концѣ 8-го и началѣ 9-го столѣтія слово filioque не было еще въ общемъ употребленіи въ Западныхъ Церквахъ. Зерникавъ въ этомъ отношеніи правъ, и свидѣтельство Алкуина здѣсь является убѣдительнымъ доказательствомъ. Испанское происхожденіе этой прибавки есть также фактъ несомнѣнный. По моему, нѣтъ достаточныхъ причинъ предполагать поддѣлку въ актахъ Испанскихъ соборовъ. Самая прибавка легко объясняется борьбою Аріанъ съ Католиками во время Готѳовъ и желаніемъ приписать Сыну, Коего Божество не признавалось Аріанами, всѣ принадлежности Бога Отца. Это былъ, мнѣ кажется, единственный разумный предлогъ для своевольнаго измѣненія символа на Западѣ. Послѣ прекращенія борьбы съ Аріанами и во время владычества Арабовъ, я уже не нахожу ни побужденія, ни повода къ такому измѣненію и, слѣдовательно, не сомнѣваюсь въ томъ, что заблужденіе возникло на одномъ изъ Готѳскихъ соборовъ, хотя не знаю

именно, на одномъ ли изъ первыхъ; во всякомъ случаѣ, это не могло быть позднѣе конца седьмаго столѣтія.

Послѣ того какъ я изложилъ мои отвѣты на обвиненія и замѣчанія ваши, позвольте мнѣ сказать нѣсколько словъ по поводу всего содержанія вашего дружескаго письма. Оно вполнѣ дружеское въ отношеніи не только ко мнѣ одному, но и ко всѣмъ намъ, чадамъ Православной Церкви. Мы не могли бы требовать ни большихъ уступокъ, ни совершеннѣйшаго согласія въ догматическихъ вопросахъ. Изъ словъ, приведенныхъ вами въ вашей драгоцѣнной книгѣ о Русскомъ катихизисѣ, и еще болѣе изъ писемъ и исповѣданія почтеннаго Шотландскаго епископа, пребывающаго въ Парижѣ, мы можемъ заключить, что вашъ образъ мыслей не есть изолированное явленіе. Такое убѣжденіе — источникъ великой, сердечной радости для всякаго, кому дороги вопросы о согласіи и истинѣ; и однако, грустно сознаться, что ничто еще нами не пріобрѣтено, что дѣло наше ни мало не подвинулось! Догматы вѣры нашей были изслѣдованы и признаны безукоризненными; теперь нравственность наша подвергается такому же испытанію (ибо рвеніе и любовь, побуждающія къ апостольству, — существенныя принадлежности христіанской нравственности): мы оказываемся недостойными (что и справедливо), и, ради нашихъ пороковъ, осуждается самое ученіе наше. Справедливо ли такое заключеніе? Вы употребляете противъ Православія такое доказательство, которымъ вы конечно не позволили бы Магометанину пользоваться въ спорѣ объ истинѣ христіанской вѣры.

Позвольте мнѣ изслѣдовать причины такого явленія и, ежели слова мои покажутся вамъ сколько нибудь жесткими или обидными, простите меня. Мы видимъ, что члены Римской Церкви переходятъ въ Протестантство, а Протестанты въ Романизмъ; часто это дѣлается и безъ особенно глубокихъ убѣжденій. Французъ, Англичанинъ, Нѣмецъ, присоединяются къ Пресбитерьянцамъ, Лютеранамъ, Индепендентамъ и т. п., уживаются легко со всѣми формами вѣрованій или заблужденій, но никогда не рѣшаются перейти въ Православіе. Это оттого, что, не смотря на перемѣну вѣроисповѣданія, покуда онъ не выходитъ изъ круга ученій, возникшихъ на Западѣ, онъ чувствуетъ себя какъ бы дома и не испытываетъ страха отступничества, того страха, который иногда затрудняетъ возвратъ отъ заблужденія къ истинѣ болѣе, чѣмъ переходъ отъ истины къ заблужденію. Его прежніе братья конечно осудятъ его, назовутъ поступокъ его

необдуманнымъ, даже предосудительнымъ; но все же не скажутъ про него, что онъ спятилъ съ ума и что поступокъ его принадлежитъ къ числу тѣхъ, вслѣдствіе которыхъ теряются гражданскія права всякаго члена образованнаго, западнаго міра. Это понятно! Всѣ западныя вѣрованія суть отрасли Римскаго ученія; всѣ онѣ чувствуютъ, хотя безсознательно, свою солидарность; всѣ онѣ сознаютъ свою зависимость отъ одной науки, отъ одного вѣрованія, одного быта; эта наука, это вѣрованіе, эта жизнь—Латинскія. Вотъ на что я намекалъ прежде и изъ словъ вашихъ: что я считаю протестантовъ скрытными папистами (cripto-papists), я вижу, что вы совершенно поняли мысль мою. Не трудно было бы доказать, что въ богословіи (также какъ и въ философіи) всѣ опредѣленія вѣры и разума заимствованы изъ древней Латинской науки, хотя въ употребленіи къ нимъ часто прилагается ихъ отрицаніе (negatived). Словомъ, еслибы можно было выразить мысль мою сжатою алгебраическою формулою, я сказалъ бы, что у всего Запада одна данная: А; вся разница въ томъ, что у Римлянъ ей предшествуетъ положительный знакъ +, а у протестантовъ отрицательный—; но А остается неизмѣннымъ. Такимъ образомъ переходъ къ Православію дѣйствительно представляется отреченіемъ отъ всего прошедшаго, отъ всей прежней вѣры, науки и жизни. Перейти въ Православіе—это значитъ ринуться въ чуждый, неизвѣстный міръ. Это шагъ рѣшительный; трудно совершить его, трудно даже присовѣтовать!

Вотъ она, м. г., та нравственная преграда, о которой я упоминалъ выше, та гордость, то пренебреженіе, которыя я приписываю всѣмъ религіознымъ обществамъ Запада. Это, какъ вы видите, не личныя чувства сознательно и добровольно воспитанныя въ душѣ, но порокъ разума; это невольное подчиненіе вліянію и направленію всего прошедшаго. Съ того времени какъ западное духовенство такъ беззаконно и жестоко разорвало единство Церкви (тѣмъ болѣе жестоко и беззаконно, что въ это же самое время Востокъ продолжалъ дружескія сношенія съ Западомъ и подвергалъ постановленія 2-го Никейскаго собора на обсужденіе западныхъ соборовъ), съ того времени, говорю я, обѣ половины христіанскаго міра зажили каждая своею отдѣльною жизнію и со дня на день стали болѣе и болѣе чуждаться другъ друга. На западѣ видимо росло чувство самодовольнаго торжества, тогда какъ на Востокѣ, отвергнутомъ и презрѣнномъ, высказывалось чувство глубокой скорби о разрывѣ

дорогаго союза христіанскаго братства и вмѣстѣ сознаніе совершенной своей невинности. Всѣ эти чувства, по наслѣдству, перешли и къ намъ, и мы, частью безсознательно, частью добровольно, подчиняемся ихъ вліянію. Въ наше время пробудились лучшія чувства—въ Англіи болѣе, чѣмъ гдѣ либо. Вы теперь доискиваетесь прежняго братства, прежняго единомыслія и согласія; стыдно было бы намъ не отвѣчать взаимностью на предложенную вами дружбу; великъ былъ бы грѣхъ нашъ, если бъ мы не приложили старанія возбудить и воспитать въ сердцахъ вашихъ пламенное желаніе возобновленія прежняго единства Церкви. Но постараемся, не смотря на сильно возбужденное въ насъ сочувствіе, хладнокровно обсудить дѣло.

Церковь не можетъ быть гармоніею разногласій; она не ариѳметическій итогъ Православныхъ, Латинянъ и Протестантовъ. Церковь—ничто, если не представляетъ полной, внутренней гармоніи вѣры съ внѣшнимъ согласіемъ наружнаго ея проявленія (не смотря на мѣстныя различія въ обрядахъ). Вопросъ вовсе не въ томъ, лишаются-ли Протестанты и Латиняне надежды вѣчнаго спасенія? Такъ-ли ужасенъ ихъ грѣхъ, что осуждаетъ ихъ на вѣчную погибель? Вопросъ недостойный и узкій, обличающій сомнѣніе въ милосердіи Всевышняго (вопросъ, о которомъ однако часто, долго и горячо спорили). Весь вопросъ заключается въ томъ, обладаютъ ли они истиною? Сохранили-ль церковное преданіе во всей его чистотѣ? Если окажется, что нѣтъ: то возможно-ли согласіе? Теперь позвольте прибавить еще возраженіе, уже не въ отвѣтъ на письмо ваше, но по поводу книги вашей (которую я получилъ съ благодарностію и читалъ съ безпримѣснымъ удовольствіемъ), а также по поводу образа дѣйствій вообще тѣхъ членовъ Англиканской Церкви, которые, повидимому и кажется на самомъ дѣлѣ, наиболѣе сближаются съ нами. Вы хотите доказать, что они уже усвоили себѣ все ученіе наше, и, съ перваго взгляда, такъ дѣйствительно кажется. Многіе изъ вашихъ богослововъ были прежде и теперь совершенно православны; но что изъ этого? *Ихъ убѣжденія—личныя мнѣнія, а не вѣра Церкви.* Ушеръ (Usher)—почти совершенный Кальвинистъ; но и онъ, однако, не менѣе тѣхъ епископовъ, которые выражаютъ православныя убѣжденія, принадлежитъ къ Англиканской Церкви. Мы сочувствуемъ, мы должны сочувствовать частнымъ лицамъ; но Церкви, которая измѣняетъ символъ, хотя сомнѣвается въ законности измѣненія, Церкви, которая допускаетъ къ причастію безъ различія, какъ

того, кто открыто *объявляетъ*, что хлѣбъ и вино, употребляемые для великой жертвы, отстаются виномъ и хлѣбомъ, такъ и того, кто *признаетъ* ихъ за тѣло и кровь Спасителя,—такой Церкви мы не можемъ, мы не смѣемъ сочувствовать. Пойду далѣе, предположу несбыточное, именно: что всѣ Англиканцы, безъ исключенія, стали вполнѣ православны, приняли и сүмволъ, и вѣрованія совершенно сходныя съ нашими; но они дошли до такой вѣры средствами и путями чисто протестантскими, то есть: они приняли ее какъ логическій выводъ, какъ добычу разсудка, который, подвергнувъ анализу преданіе и писаніе отцевъ, нашелъ въ нихъ нѣчто близкое, подходящее къ истинѣ. Если бъ мы это допустили, т. е. признали бы этотъ процессъ, все было бы потеряно, и раціонализмъ сдѣлался-бы верховнымъ судьею во всѣхъ вопросахъ. Протестанство есть признаніе *неизвѣстнаго*, искомаго разумомъ. Это „неизвѣстное" измѣняетъ все уравненіе, какъ бы прочіе его термины ни были положительны и ясны. Не питайте, умоляю васъ, надежды обрѣсти христіанскую истину, не выступая изъ прежняго круга Протестантства. Это была-бы неразумная надежда, остатокъ той гордости, которая домогалась права и считала себя достойною самовластно судить и рѣшать окончательно, безъ помощи небесной благодати и безъ общенія въ христіанской любви. Если бы вы и обрѣли всю истину, то все-таки вы еще ничѣмъ бы не обладали; ибо мы одни можемъ дать вамъ то, безъ чего все прочее тщетно, именно *увѣренность* въ истинѣ.

Не сомнѣвайтесь въ силѣ Православія! Хотя я еще не старъ, но помню то время, когда въ обществѣ оно было предметомъ глумленія и явнаго презрѣнія. Я былъ воспитанъ въ благочестивой семьѣ и никогда не стыдился строгаго соблюденія обрядовъ Церкви; это навлекало на меня то названіе лицемѣра, то подозрѣніе въ тайной приверженности къ Латинской Церкви: въ то время никто не допускалъ возможности соединенія православныхъ убѣжденій съ просвѣщеніемъ. Я видѣлъ, какъ росла и развивалась сила Православія, не смотря на иное временное угнетеніе, которое, повидимому, должно бы было сломить его, не смотря и на иное покровительство, которое, казалось, должно бы было его унизить. Не смотря на все это, оно и теперь развивается, растетъ и крѣпнетъ день ото дня. А Римъ, при всей своей обманчивой дѣятельности, пораженъ на смерть Протестантствомъ, своимъ законнымъ исчадіемъ. По истинѣ, я не думаю, чтобъ можно было указать хоть одного

послѣдователя Римской Церкви, который, при полномъ богословскомъ и философскомъ образованіи, вѣрилъ бы въ нее серьезно и искренно. Надъ Протестантствомъ произнесли приговоръ замѣчательнѣйшіе изъ его учителей: Неандеръ, хотя невольно, въ письмахъ къ Девару, а Шеллингъ, вполнѣ сознательно, въ предисловіи къ посмертному изданію трудовъ Стефенса. Невредимъ и цѣлъ только ковчегъ Православія, не смотря на всѣ волны и бури. Скажемъ за возлюбленнымъ апостоломъ: „Ей, гряди, Господи Іисусе"!

Примите выраженіе полнѣйшей моей благодарности за вашу книгу. Считаю ее драгоцѣннѣйшимъ пріобрѣтеніемъ, не только для моихъ соотечественниковъ, но и для всякаго истинно и искренно религіознаго читателя. Не посѣтуйте за размѣры письма и рѣзкую откровенность нѣкоторыхъ выраженій и пр.

(Годъ и число не выставлены).

КЪ ПАЛЬМЕРУ.

IV.

М. г.

Пишу къ вамъ изъ столицы самодовольнаго раздора, изъ Берлина, и начинаю словомъ: *единство*. Нигдѣ такъ глубоко не чувствовалъ я необходимости, святости, утѣшительной силы этого Божественнаго начала! *Единство*—его не найдешь въ тщетныхъ и слабыхъ стремленіяхъ отдѣльныхъ *личностей* и умовъ (ибо каждый отдѣльный умъ ставитъ себя центромъ самого себя, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, существуетъ лишь единое истинное средоточіе—Божество). Его нельзя ожидать отъ естественной силы сочувствія (ибо это было бы ни что иное какъ суевѣрное поклоненіе отвлеченному понятію), но въ простотѣ и смиреніи пріемлется оно—даръ Божьяго милосердія и благодати.

Единство! Это существеннѣйшее знаменіе Церкви, видимый признакъ постояннаго пребыванія Господа на землѣ, сладчайшая радость человѣческаго сердца! Почти безграничное развитіе индивидуализма—вотъ отличительнѣйшій признакъ Германіи, Пруссіи въ особенности. Здѣсь, въ Берлинѣ, трудно отыскать хотя бы одинъ какой либо догматъ, хотя бы одно какое либо чувство, которое могло бы послужить звеномъ истинно духовнаго общенія человѣка съ человѣкомъ, въ христіанскомъ смыслѣ этого слова. Самое стремленіе къ согласію, повидимому, исчезло, и это преобладаніе исключительно личнаго развитія, это духовное одиночество среди вѣчно озабоченной толпы, нагоняетъ на душу чувство унынія и глубокой тоски. Явные признаки разложенія виднѣются уже въ этой странѣ, не смотря на наружный успѣхъ ея матеріальнаго развитія. Не скажу однакоже: отъ Германіи ждать нечего. Будущее извѣстно одному Богу, и перемѣна можетъ совершиться неожиданно. Но въ настоящемъ мало подающаго надежды. Тѣмъ не менѣе, все же, глядя на строгую добросовѣстность, съ которою Герман-

ская мысль вдается во всякаго рода умственныя изслѣдованія, не испытываешь того тяжелаго чувства, которое наводитъ вѣтренность, самодовольная разсѣянность и какъ бы бездомность легкомысленной Франціи; ибо умъ склонный къ размышленію имѣетъ время и можетъ почувствовать желаніе прислушаться къ голосу Божественной истины. Изъ всѣхъ странъ, которыя я посѣтилъ въ продолженіи моего короткаго путешествія, мнѣ тяжело было разстаться только съ Англіею; объ ней одной думаю я съ глубокимъ сочувствіемъ. Знаю однако, что Англія, быть можетъ не менѣе Германіи, нуждается въ благодати духовнаго единства. То наружное единство, которое нынѣ существуетъ въ Англіи, есть скорѣе призракъ, обманчивое представленіе, чѣмъ дѣйствительный фактъ. Но даже этотъ обманчивый видъ единства дѣйствуетъ на умъ утѣшительнѣе, чѣмъ явное и полное его отсутствіе. Многочисленныя и нерѣдко переполненныя народомъ Церкви, усердіе къ молитвѣ, торжественность, еще не совсѣмъ забытыхъ древнихъ формъ богослуженія, даже нѣсколько пуританское освященіе Воскреснаго дня—все это навѣваетъ глубокія, радостныя впечатлѣнія, все это можетъ казаться признаніемъ единства духовной жизни, обнимающаго всю страну. Даже послѣ того какъ разсѣется первая, обманчивая мечта, когда ближайшее наблюденіе откроетъ, что, подъ покровомъ внѣшняго и произвольнаго единства, таится разъединеніе, все же и тогда нельзя не находить утѣшенія въ томъ очевидномъ стремленіи къ единству, которое одушевляетъ столько частныхъ лицъ и которое въ самой толпѣ выражается строгимъ соблюденіемъ общихъ всѣмъ, хотя бы только наружныхъ, формъ единства. Чистосердечное, добросовѣстное невѣдѣніе, ищущее Божественной истины, безъ всякаго сомнѣнія, лучше гордаго и вѣтреннаго невѣрія...

P. S. Я началъ письмо въ Берлинѣ и не успѣлъ его тамъ окончить. Съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько мѣсяцевъ; но я не измѣняю написаннаго, ибо оно выражаетъ чувства, внушенныя мнѣ путешествіемъ по Германіи. Въ Петербургѣ я видѣлся съ г. П., съ которымъ я до сихъ поръ не былъ лично знакомъ. Онъ много разспрашивалъ меня объ Англіи и, въ особенности, о религіозномъ движеніи и выслушивалъ мои отвѣты съ серьезнымъ и, надѣюсь, искреннимъ участіемъ. Кажется, я могу утвердительно сказать, что онъ принимаетъ къ сердцу вопросы религіозные, хотя не всегда достаточно сознаетъ ихъ важность и иногда склоняется къ Латинскимъ воззрѣніямъ, т. е. распо-

ложенъ къ формализму. Тѣмъ пріятнѣе было мнѣ отъ него услышать, что онъ не приписываетъ никакой важности нѣкоторымъ формамъ, противъ которыхъ вы возражали (какъ, напримѣръ, употребленію слова *восточный* въ церковныхъ службахъ). Онъ повторилъ мнѣ удостовѣреніе, кажется уже прежде мною вамъ данное, что всякая форма, выражающая узкое понятіе мѣстности, безъ сомнѣнія, устранится, коль скоро она будетъ указана и коль скоро, дѣйствительно, потребуется ея измѣненіе. Я и не ожидалъ инаго отвѣта. Незаконное возвеличеніе какой бы то ни было мѣстности прямо противорѣчитъ самой идеѣ христіанской Церкви, которая призываетъ къ живому общенію прошедшее съ будущимъ, міръ видимый съ міромъ невидимымъ.

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ я посѣтилъ г. П. Нездоровье матери, дурныя дороги и холера, свирѣпствовавшая въ Москвѣ, удержали меня долѣе обыкновеннаго въ Тульской губерніи. Я только что недавно видѣлся съ м. М. Ф.; бесѣда этого въ высшей степени даровитаго человѣка удовлетворила меня еще болѣе, чѣмъ свиданіе съ г. П. Боюсь, не былъ-ли я до сихъ поръ несправедливъ къ нему. Въ такомъ случаѣ я почитаю за счастіе, что могу признать свою ошибку. Меня неожиданно поразили сила и полнота выраженнаго имъ сочувствія. Многое выслушалъ онъ съ радостною улыбкою и со слезами на глазахъ. Странно даже было видѣть такое волненіе въ человѣкѣ обыкновенно столь сдержанномъ въ выраженіи своихъ чувствъ. Онъ придалъ мнѣ самому надежды. Если спросите: далъ ли онъ какое-нибудь положительное обѣщаніе? Отвѣчу: нѣтъ; но онъ сказалъ: „все то, что̀ можетъ быть исполнено безъ оскорбленія христіанской совѣсти, будетъ исполнено". Онъ говорилъ это искренно, и выраженіе его лица вполнѣ согласовалось съ его словами. Онъ сказалъ мнѣ также, что всякое правдоподобное и допустимое (plausible) истолкованіе предметовъ, по которымъ можетъ возникнуть несогласіе не въ существѣ, а по видимости, будетъ охотно допущено, и что всякій обрядъ, не вмѣщающій въ себѣ прямаго отрицанія догмата, будетъ дозволенъ. „Ибо—говоритъ онъ—хотя и весьма желательно единство обрядовъ, тѣмъ не менѣе единство догмата есть единственное необходимое, sine qua non, условіе". Итакъ будемъ надѣяться на благополучный исходъ дѣла. . . .

Съ самаго моего возвращенія я не имѣлъ прямыхъ извѣстій изъ Англіи. Въ газетахъ пишутъ, что коммерческій кри-

зисъ миновалъ. Этого всѣ ожидали; однако я весьма обрадовался, узнавъ о томъ положительно. Слова коммерческій кризисъ, и многія имъ подобныя, произносятся скоро, легко, а сколько подъ ними скрывается ужасныхъ страданій! Они нелучше коротенькаго слова *холера*, которое теперь стало такъ намъ знакомо. Къ счастью, уже въ Москвѣ о ней не говорятъ; но болѣзнь свирѣпствуетъ во многихъ частяхъ Россіи. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ число ея жертвъ было весьма значительно, хотя вообще болѣзнь эта нынѣ не такъ смертоносна, какъ во время перваго ея появленія, въ 1830 году. Очень хотѣлось бы мнѣ убѣдиться, что въ Англіи все идетъ какъ нельзя лучше; но боюсь, что тамъ неизбѣженъ новый кризисъ, на этотъ разъ не коммерческій, а религіозный. Таково, по моему мнѣнію, неминуемое послѣдствіе назначенія епископа Герфордскаго. Докторъ Пьюзей—членъ Церкви, въ которой Гампденъ епископомъ! Да вѣдь это хуже чѣмъ соединеніе положенія и отрицанія въ одномъ предложеніи; и хотя, само въ себѣ, такое назначеніе есть, быть можетъ, не иное что, какъ злая шутка лорда Росселя, тѣмъ не менѣе, сопровождавшее это назначеніе заявленіе двухъ партій, которыя выдвинулись по этому случаю впередъ и стали другъ къ другу лицемъ къ лицу—фактъ весьма многозначительный. Несостоятельность вашего только наружнаго единства, съ каждымъ днемъ, болѣе и болѣе ощущается. Я объ одномъ сожалѣю, потому что меня всегда пугаетъ всякое предвѣстіе волненій и раздоровъ; впрочемъ, можетъ быть, все это къ лучшему. Божественная логика исторіи неотвратима. Всякому призраку придетъ конецъ, и тогда благородныя души, освобожденныя отъ обманчиваго призрака единства, станутъ искать, и дѣйствительно обрѣтутъ, единство истинное.

Станемъ также и мы, м. г., искать единства. Возьмемся за дѣло добросовѣстно и мужественно. Сознаемъ важность поступковъ нашихъ не только въ отношеніи къ намъ самимъ, но и какъ проявленій духа времени и какъ воздѣйствій на него. Конечно, нѣсколько спѣлыхъ зеренъ не составляютъ еще цѣлой жатвы: но пахарь радуется и первому зрѣлому колосу, ибо видитъ въ немъ доказательство, что скоро затѣмъ поспѣетъ и вся жатва.

Если, какъ я предполагаю, вы переписываетесь съ г. Вильямсомъ, прошу васъ передать ему мой поклонъ. Онъ, я надѣюсь, не оскорбится, когда скажу, что питаю къ нему нѣчто въ родѣ братскаго чувства. Онъ такъ живо напоминаетъ мнѣ до-

рогаго, недавно потеряннаго мною друга *). Дружеское привѣтствіе и всему милому Оксфорду съ его двѣнадцатью коллегіями, зелеными лугами, густою тѣнью деревъ, съ его спокойствіемъ и миромъ. Надѣюсь, что его благотворное вліяніе переживетъ и министерство виговъ и Германскій латитудинаризмъ.

Жена моя вамъ кланяется, и даже дѣти надѣятся, что вы ихъ не совсѣмъ забыли, и т. д.

P. S. Странное время! Я писалъ это письмо въ то самое время, когда великія событія Франціи и Европы слѣдовали другъ за другомъ съ такою поразительною неожиданностью. Поднялись самые важные вопросы, и человѣкъ уповаетъ разрѣшить ихъ безъ помощи вѣры. Боюсь, какъ бы человѣчество дорого не поплатилось за безумную гордость разума. Рука Божественнаго милосердія да усмиритъ и направитъ угрожающую бурю. Да будетъ пощажёна Англія — это мое самое искреннее желаніе.

(Начато 18 Сент. 1847.
Кончено 14 Мая 1848).

---

*) Д. А. Валуева. Пр. изд.

КЪ ПАЛЬМЕРУ.

V.

М. г.

Болѣе года прошло съ тѣхъ поръ, какъ я получилъ дружеское письмо ваше; я долженъ бы былъ покаяться въ томъ, что долго не отвѣчалъ, и просить процѣнія, еслибы не могъ сказать въ свое оправданіе, что сильное воспаленіе глазъ лишило меня на нѣсколько мѣсяцевъ возможности взяться за перо или книгу и даже принудило меня, въ продолженіи многихъ недѣль, не выходить изъ темной комнаты. . . .

Невольная, почти совершенная праздность, на которую я былъ осужденъ въ продолженіи послѣднихъ десяти мѣсяцевъ, была для меня весьма тягостна; между прочими лишеніями однимъ изъ самыхъ для меня чувствительныхъ была невозможность отвѣчать на письмо ваше и обратить ваше вниманіе на обстоятельство весьма важное въ церковной исторіи. Столько различныхъ политическихъ событій, значительной, или только мнимо значительной важности, волновало и занимало Европейскіе умы въ теченіи этихъ двухъ послѣднихъ лѣтъ, что то, о чемъ я хочу говорить съ вами, прошло или совершенно незамѣченнымъ, или остановило на себѣ вниманіе весьма немногихъ, да и то развѣ случайно. Отвлеченные вопросы вѣры почти всѣми считаются менѣе интересными и менѣе важными, чѣмъ практическіе вопросы дипломатіи и политики. Таково общее мнѣніе, и я тому не удивляюсь, хотя считаю его однимъ изъ самыхъ ошибочныхъ и ложныхъ. Оно ложно не только съ философской точки зрѣнія (ибо вопросы религіозные касаются вѣчныхъ истинъ и единственнаго, истиннаго человѣческаго счастія), но и съ точки зрѣнія исторической. Можно ли человѣку не слѣпому, съ глазами не закрытыми для свѣта исторической науки, хотя на минуту усомниться въ томъ, что Аріанство и осужденіе его въ Никейскомъ соборѣ дало особенное направленіе судьбамъ Европы на многія столѣтія, соединивъ интересы

Каѳоличества съ жизнью нѣкоторыхъ Германскихъ племенъ и поставивъ послѣднія во враждебныя отношенія къ другимъ племенамъ, павшимъ въ столкновеніи съ ними? Нельзя также не признать, что раздѣленіе Востока и Запада, по поводу вопроса религіознаго, имѣло жизненное значеніе для всей Европейской исторіи; оно побудило Западъ отдать на жертву Восточную Имперію: оно произвело отчужденіе послѣдней, задержало ее и осудило на неполное развитіе. Въ отвѣтъ на такія указанія обыкновенно говорятъ, что они не болѣе какъ исключенія; тогда какъ они, наоборотъ, представляютъ лишь яркіе примѣры общаго правила. Даже въ наше время большая часть Европейскихъ потрясеній, хотя и возникла, повидимому, изъ матеріальныхъ и иногда самыхъ ничтожныхъ интересовъ, служитъ только внѣшнею оболочкою для глубокихъ вопросовъ религіознаго свойства, управляющихъ дѣйствіями людей безъ вѣдома ихъ самихъ. Вы, я увѣренъ, раздѣляете это мнѣніе, и надѣюсь, что вы также согласитесь со мною въ томъ, что я не напрасно считаю слѣдующій фактъ весьма важнымъ и значительнымъ событіемъ.

Вы конечно слышали о нападеніи на Востокъ, предпринятомъ папою въ то время, когда еще не начинались его собственныя хлопоты съ Итальянцами и его мятежными подданными. Нападеніе это было сдѣлано въ формѣ адреса къ Римско-католическимъ подданнымъ султана; но оно было несомнѣннымъ, хотя и замаскированнымъ покушеніемъ на восточное Православіе. Восточные патріархи сочли себя обязанными отвѣчать и написали посланіе, подписанное 31 епископомъ. Фактъ этотъ самъ по себѣ важенъ вопервыхъ потому, что, въ продолженіи цѣлаго столѣтія, это первый случай исповѣданія вѣры, близко подходящаго къ соборному, вселенскому опредѣленію; вовторыхъ, здѣсь виденъ прекрасный примѣръ единодушія; но нѣкоторыя выраженія, заключающіяся въ отвѣтѣ, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Я не совсѣмъ одобряю общее изложеніе и самый слогъ письма (въ немъ замѣтна сильная наклонность къ Византійской риторикѣ); но не слѣдуетъ забывать, что какъ ни страненъ кажется намъ этотъ языкъ, онъ свойственъ людямъ, воспитаннымъ подъ вліяніемъ безвкусной Византійской школы. Полемическая часть, хотя не лишенная достоинствъ, могла бы быть сильнѣе. Но опять скажу: это кажется мнѣ дѣломъ второстепенной важности. Выраженія, обращенныя къ Римскимъ противникамъ, могли и даже должны бы быть не такъ рѣзки.

Но нельзя слишкомъ строго судить это послѣднее обстоятельство, хотя оно и заслуживаетъ порицанія: въ продолженіи послѣднихъ десяти лѣтъ или болѣе Римскіе писатели въ нападеніяхъ своихъ на Востокъ употребляли особенно рѣзкія выраженія; сопоставленіе съ Аріанствомъ было у нихъ дѣломъ обыкновеннымъ. Поэтому трудно было ожидать мягкости въ возраженіяхъ. Но самое уважительное извиненіе заключается въ опасности, которая, повидимому, угрожала Православію на Востокѣ. Никогда Римскіе миссіонеры не дѣйствовали съ такою энергіею и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, съ такимъ успѣхомъ. Папа пріобрѣлъ большую популярность; онъ, повидимому, былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ диваномъ; полагали, что вся энергія его характера и ума обращена къ достиженію политическаго и духовнаго преобладанія. Рѣзкость выраженій была внушена Греческимъ епископамъ чувствомъ опасности; тѣмъ не менѣе нахожу, что краткословіе было бы достойнѣе. Но полемика—дѣло частныхъ лицъ и никогда не можетъ имѣть церковнаго, соборнаго значенія. Единственная важная сторона патріаршаго соборнаго посланія заключается въ тѣхъ выраженіяхъ, которыя употреблены епископами въ опредѣленіи своего исповѣданія и своихъ догматовъ. Эти выраженія имѣютъ огромное значеніе и доставили многимъ изъ насъ великую радость, и, вѣроятно, не однихъ насъ они обрадовали, но и всякаго, кто принимаетъ живое участіе въ религіозныхъ вопросахъ. Вы уже конечно давно почувствовали, также какъ и многіе изъ насъ, что различіе между восточною Церковью и всѣми западными общинами, какъ Римскою такъ и тѣми, которыя возникли изъ Рима и облеклись въ форму Протестантства, лежитъ не столько въ различіи отдѣльныхъ догматовъ или частей символа вѣры, сколько въ чемъ-то иномъ, что еще не было ясно опредѣлено и выражено. Вся разница состоитъ въ различномъ способѣ пониманія или опредѣленія самой сущности Церкви. Въ нѣкоторыхъ разбросанныхъ очеркахъ, и еще болѣе въ неизданныхъ доселѣ историческихъ изслѣдованіяхъ, я старался опредѣлительно и ясно изложить это различіе. Но объясненія частнаго лица, и притомъ мірянина, не имѣли бы силы; никто бы не принялъ его одинокаго голоса за истинное выраженіе самой Церкви, за ея самосознаніе. Непремѣнно возникли бы сомнѣнія, или прямыя противорѣчія, тѣмъ болѣе, что объясненія мои, я долженъ признаться, были бы прямымъ отрицаніемъ многихъ опредѣленій Церкви и ея сущности, данныхъ тѣми богословами нашими,

которые, къ несчастію, воспитались подъ вліяніемъ западной науки, до нѣкоторой степени еще преобладающей въ нашихъ школахъ. Но выраженія, употребленныя соборомъ, состоявшимъ изъ 3 патріарховъ и 28 епископовъ, имѣютъ высокій авторитетъ, и теперь, когда выраженія эти перепечатаны въ Россіи съ дозволенія нашей Церкви, они близко подходятъ къ вселенскому рѣшенію восточной Церкви. Выраженія эти, изложенныя въ § 17 слѣдующія: „Папа очень ошибается, предполагая, что мы считаемъ церковную іерархію хранительницею догмата. Мы смотримъ на дѣло иначе. Непоколебимая твердость, незыблемая истина христіанскаго догмата не зависитъ отъ сословія іерарховъ; она хранится всею полнотою, всею совокупностью народа, составляющаго Церковь, который и есть тѣло Христово".— За тѣмъ слѣдуютъ примѣры. Таже самая мысль выражается, кажется, въ § 15-мъ (посланія у меня нѣтъ подъ рукою, и я цитую на память). Вотъ смыслъ этого мѣста: ни іерархическая власть, ни сословное значеніе духовенства, не могутъ служить ручательствомъ за истину; знаніе истины даруется лишь взаимной любви. Трудно было бы требовать болѣе ясныхъ и положительныхъ изъясненій. Здѣсь даръ познанія истины рѣзко отдѣляется отъ іерархическихъ обязанностей (т. е. отъ власти совершать таинства и соблюдать церковный порядокъ), и такимъ образомъ ясно опредѣляется совершенное различіе отъ Римскаго ученія. Даръ неизмѣннаго вѣдѣнія (которое есть ничто иное какъ вѣра) приписывается не отдѣльнымъ лицамъ, но совокупности церковнаго тѣла и является спутникомъ нравственнаго начала: взаимной любви. Это положеніе прямое противорѣчіе тому личному, раціоналистическому началу, которое есть основаніе всякаго протестантскаго ученія. Вижу съ радостью, что теперь ясно и прочно установлено одно изъ главныхъ основаній нашего катехизиса. Я готовъ этотъ фактъ признать за чудо, когда вспомню о глубокомъ невѣжествѣ и даже, можетъ быть, нравственномъ униженіи Греческаго клира, и о той склонности къ духовному деспотизму, которой нельзя не замѣтить въ нашемъ болѣе свѣдущемъ и образованномъ духовенствѣ. Разъ вызванная сила тайнаго жизненнаго начала сокрушаетъ всѣ препятствія, которыя нашимъ очамъ и нашему разуму казались бы непреодолимыми. Надѣюсь, что вы не осудите нѣсколько торжественнаго тона моего письма. Радость, которую мы испытали при чтеніи соборнаго посланія, была тѣмъ живѣе, что была совершенною для насъ неожиданностью. Вы

конечно будете ей сочувствовать, точно также какъ сочувствовали бы тяжелымъ впечатлѣніямъ, которыя мы ежедневно испытываемъ.

Въ нашемъ отечествѣ общее положеніе дѣлъ, въ отношеніи къ вѣрѣ по крайней мѣрѣ, удовлетворительно и было бы еще лучше, если-бъ у насъ было поменьше оффиціальной, политической религіи, и если-бы правительство могло убѣдиться въ томъ, что христіанская истина не нуждается въ постоянномъ покровительствѣ, и что чрезмѣрная объ ней заботливость ослабляетъ, а не усиливаетъ ее. Расширеніе умственной свободы много бы способствовало къ уничтоженію безчисленныхъ расколовъ самаго худшаго свойства, которые безпрестанно возникаютъ и распространяютъ свое вредное вліяніе въ простомъ народѣ. Но все это временныя ошибки робкихъ политическихъ дѣятелей; все это исчезнетъ, только бы самыя начала были яснѣе высказаны и лучше поняты. Тогда все пойдетъ хорошо. Надѣюсь, что мы къ тому идемъ.—А какъ дѣла идутъ у васъ, то есть въ отечествѣ вашемъ? Тѣ надежды, которыя такъ неожиданно обрадовали васъ посреди постоянныхъ вашихъ усилій, близки ли хотя отчасти къ исполненію? Если-бы было такъ, если-бы я узналъ о радостномъ событіи, то счелъ бы день этотъ однимъ изъ счастливѣйшихъ въ моей жизни. Это, повѣрьте, не пустыя слова. Духовное благополучіе Англіи—одинъ изъ ближайшихъ моему сердцу вопросовъ. Я не скажу, что сочувствую неутомимымъ трудамъ вашимъ (выраженіе это было бы слишкомъ слабо); я могу сказать, что труды ваши составляютъ для меня предметъ постоянной, тревожной думы. Я полагаю, что вы едва-ли болѣе меня радовались признакамъ возможнаго соглашенія или сближенія съ Каѳоличествомъ, замѣченнымъ вами во время путешествія вашего въ Шотландію. Та земля, которая столько разъ заслуживала благодарность человѣчества не за независимыя учрежденія и успѣхи въ наукахъ (объ нихъ здѣсь не упоминаю), а за благородныя усилія многихъ ея сыновъ, разносившихъ во всѣ концы міра имя Христово и благодать христіанскаго служенія, эта земля, говорю я, кажется мнѣ болѣе другихъ достойною ясно понимать дивное стремленіе христіанской Церкви.

Такъ мыслитъ и нашъ м. Онъ былъ весьма тронутъ чтеніемъ письма вашего и вполнѣ одобряетъ все то, что вы дѣлали и предлагали. Послѣднія извѣстія изъ Оксфорда далеко неудовлетворительны; кажется, что тамъ многіе перешли или въ

ультрапротестантство или въ совершенный раціонализмъ, стоящій на рубежѣ невѣрія, если онъ уже не есть полное отрицаніе всякой религіи. Я думаю, иначе и быть не могло. Двусмысленное положеніе Англиканства между Папизмомъ и Ультрапротестантствомъ должно выразиться въ своихъ послѣдствіяхъ. Честный умъ Ньюмана не избѣгнулъ одного изъ этихъ уклоненій; другіе, менѣе извѣстные, но, можетъ быть, одушевленные столь-же искренними стремленіями впали въ противоположную крайность. Надѣюсь, что эти отпаденія не подѣйствовали ни на друзей вашихъ, ни на вашу собственную энергію. Чувствую, что съ моей стороны притязаніе давать вамъ совѣты или предостерегать васъ отъ унынія было-бы и смѣшно и странно: вы лучше всякаго другаго знаете о тѣхъ препятствіяхъ, которыя лежатъ на пути вашемъ; многолѣтняя борьба засвидѣтельствовала вашу энергію и ваше постоянство. Но не могу не высказаться передъ вами по поводу дошедшаго до меня, быть можетъ, ложнаго слуха; не могу не выразить опасенія, какъ бы обстоятельство это не уничтожило надежды друзей вашихъ. Кто не подверженъ минутной слабости? Можетъ быть, вамъ небезполезно будетъ вспомнить, что въ далекой странѣ есть сердца, вполнѣ оцѣнивающія великое значеніе предпріятаго вами дѣла, сердца, встревоженныя слухами о томъ, что̀ можетъ затруднить это дѣло, и возносящія, по мѣрѣ силъ своихъ, усердныя молитвы объ успѣхѣ усилій и подвиговъ вашихъ.

Письмо это доставитъ въ Англію одинъ изъ друзей моихъ.

. . . .

Если онъ будетъ въ Оксфордѣ, то непремѣнно явится къ вамъ и конечно встрѣтитъ тотъ радушный пріемъ, въ которомъ удостовѣряетъ меня дружба ваша и котораго онъ вполнѣ достоинъ. А буду ли я имѣть счастіе снова встрѣтиться съ вами подъ чудною, раздумье навѣвающею, тѣнью Оксфордскихъ деревъ? Это одна изъ надеждъ моихъ, одно изъ моихъ pia desideria. Быть можетъ въ будущемъ году! Но не буду гадать о будущемъ. . . .

11 Октября 1850.

КЪ ПАЛЬМЕРУ.

VI.

М. г.

Никогда еще, по моему мнѣнію, Англія не была такъ достойна удивленія, какъ въ теченіи нынѣшняго года. Одного Вавилонскаго предпріятія всемірной выставки въ хрустальномъ дворцѣ, доказавшаго, что Лондонъ есть истинная и всѣми признанная столица всемірной промышленности, было бы достаточно для поглощенія всего вниманія и всѣхъ умственныхъ силъ всякаго другаго народа; но очевидно, что Англія стоитъ выше своихъ собственныхъ промышленныхъ чудесъ. Ее волнуютъ интересы болѣе важные, ея духовная энергія возбуждается болѣе возвышенными помыслами. Европа, въ суетѣ своихъ матеріальныхъ заботъ и стремленій, не понимаетъ этой духовной жизни, или точнѣе: той жажды духовной жизни, которая выражается агитаціями по поводу дѣла Горгама и папскаго вопроса. Надъ первымъ почти вездѣ смѣялись, какъ надъ чѣмъ-то дѣтскимъ, недостойнымъ образованной націи; второе же сочли такимъ же ребячествомъ и признакомъ болѣзненнаго самолюбія Англичанъ и Англиканской Церкви въ особенности. Я недавно слышалъ разговоръ Француза съ однимъ изъ моихъ соотечественникомъ. Они сошлись въ слѣдующемъ, глубокомысленномъ заключеніи: самолюбіе всѣхъ народовъ, оскорбленное сравненіемъ съ Англіею, теперь можетъ утѣшиться; Англія, эта земля чудесъ, до того безразсудна, что толкуетъ въ продолженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ о догматическомъ помѣшательствѣ приходскаго священника и о пустыхъ, ничего незначащихъ титулахъ какихъ нибудь двѣнадцати епископовъ.

Конечно, такого рода мнѣнія доказываютъ лишь, какъ невысоко въ умственномъ отношеніи стоятъ лица, провозглашающія ихъ; однако нельзя не признать, что форма, принятая религіозными движеніями въ Англіи, много способствовала скрытію истинной важности спорныхъ вопросовъ. Мнѣ кажется даже, что эта форма обманываетъ и большинство вашихъ соотечественниковъ, и что они рады обману, дозволяющему имъ укрыться отъ неизбѣжной встрѣчи съ истиннымъ вопросомъ, отъ необходимости стать къ нему лицомъ къ лицу и признать его значеніе и важность. А все-таки вопросъ не можетъ быть устраненъ.

Дѣло Горгама приняло форму спора о юрисдикціи; въ папскомъ вопросѣ споръ шелъ о титулахъ; но въ томъ и другомъ форма не болѣе какъ предлогъ. Горгамскій вопросъ, въ сущности, ничто иное какъ несогласіе, распря между пресвитеромъ и епископомъ по поводу сомнительнаго богословскаго мнѣнія; это возобновленіе старой нелѣпости объ opus operans и opus operatum. Основаніе богословскаго мнѣнія, единственное обстоятельство, которое могло придать ему нѣкоторое значеніе, это вопросъ о томъ: подвергаются ли некрещенные младенцы вѣчному осужденію (согласно съ мнимо-кроткимъ, но въ сущности жестокимъ ученіемъ Августина), или можно считать ихъ спасенными, согласно съ духомъ истиннаго милосердія, которое выражается въ Евангеліи? Вопросъ этотъ—дѣло одного любопытства; на него рѣшительно не найдется отвѣта ни въ откровеніи, ни въ преданіи; онъ былъ окончательно затемненъ умствованіями схоластической науки, или скорѣе, схоластическаго невѣжества. Рѣшеніе гражданской власти, по моему мнѣнію, очень благоразумно. Но этимъ же самымъ рѣшеніемъ допускается и устанавливается, какъ законъ, что магистратура судитъ вопросы церковной дисциплины, и, что̀ еще важнѣе, этимъ рѣшеніемъ признается, что сомнѣнія о догматахъ, возникшія въ срединѣ Церкви, могутъ быть устраняемы гражданскою властью, прежде чѣмъ рѣшитъ ихъ сама Церковь. Это уже чисто Прусское Протестанство. Если Церковь приметъ это рѣшеніе, то она тѣмъ самымъ объявитъ себя вполнѣ протестантскою, вполнѣ некаѳолическою и, по неизбѣжной необходимости, впадаетъ въ Нѣмецкій раціонализмъ. Нападеніе со стороны папы, въ сущности, еще ничтожнѣе вопроса о крещеніи. Папа имѣетъ несомнѣнное право посвящать епископовъ для Ирландіи; въ продолженіе многихъ лѣтъ онъ имѣлъ de facto право управлять церковными

дѣлами всего Римскаго католическаго населенія Англіи; теперь ему разсудилось назначить своимъ уполномоченнымъ мѣстопребываніе въ Англіи и дать имъ соотвѣтственный титулъ. Гдѣ тутъ опасность? Въ чемъ заключается оскорбленіе? Титулъ, по мѣстности, можетъ имѣть значеніе для Церкви, опредѣляющей себя географически, для Римской Церкви; но для Англіи, какъ государства, для Англичанъ, какъ христіанъ, могутъ ли эти фантастическія притязанія имѣть какое-нибудь значеніе? Если бы Якобитскій патріархъ вздумалъ прислать въ Англію 12 епископовъ, облеченныхъ самыми громкими титулами, то неужели ихъ бы также встрѣтили съ крикомъ негодованія? Дружный неудержимый хохотъ былъ бы конечно единственнымъ имъ привѣтствіемъ. Въ чемъ же разница? А впечатлѣніе, въ первомъ случаѣ, совсѣмъ иное, и причина этого очевидна. Церковь въ Англіи, или, по крайней мѣрѣ, значительная часть ея, хотя и разорвала узы, подчинявшія ее Риму, однако, чувствуя себя безпрестанно угрожаемою Ультрапротестантствомъ, крѣпко стоитъ за призракъ каѳоличности, въ тайной надеждѣ, что авось либо когда-нибудь состоится сдѣлка, которая дастъ Англиканцамъ право утверждать, что они всегда держались преданія и никогда не были вполнѣ отчуждены отъ одной изъ первобытныхъ Церквей. Теперь, Римъ отвергаетъ ихъ рѣшительно; Римъ доказалъ, что онъ отрицаетъ ихъ существованіе какъ Церкви, или точнѣе: не хочетъ о немъ знать. Такимъ образомъ они чувствуютъ себя отброшенными силою въ Протестанство (по ихъ понятіямъ— убійственное для всякой религіи), или же вынужденными признать, что Англиканство есть не церковь, а простое учрежденіе. Вотъ, кажется, единственный ключъ къ религіознымъ волненіямъ, происходившимъ въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ. Англія почувствовала, что Англиканство, въ теперешнемъ его видѣ, удержаться не можетъ. Та скорбь, то глубокое потрясеніе, съ которыми сознала это Англія (хотя правда не признаваясь въ этомъ), приносятъ великую честь искренности и силѣ ея религіозныхъ потребностей.

И Англійское и Римское правительства сдѣлали все, что̀ могли, чтобъ выяснить вопросъ, и оба были поняты. Въ непродолжительное время совершилось много отпаденій въ Латинство; объ нихъ много говорили. Переходы въ Ультрапротестанство, хотя они и остались незамѣченными, были еще чаще. Тѣ, которые стремятся къ Каѳоличеству, чувствуютъ, что обрывки преданій, произвольно набранныхъ, безъ послѣдовательности и влас-

ти, и безпрестанно подвергаемыхъ сомнѣніямъ, не могутъ составить каѳолической Церкви. Тѣ, которые требуютъ полной свободы Протестантства, чувствуютъ, что свобода, ограниченная остатками преданій и авторитетовъ, не есть истинное Протестантство. Всякій тянетъ въ свою сторону, и никого нельзя обвинить. Положеніе Англиканства теперь совершенно опредѣлилось. Это узкая земляная насыпь, сомнительной устойчивости, о которую съ двухъ сторонъ ударяютъ волны Романизма и Протестантства и которая съ обѣихъ сторонъ быстро осыпается въ неизмѣримыя глубины. Такое положеніе долго продержаться не можетъ. Но гдѣ же изъ него выходъ?

Романизмъ есть противная природѣ тираннія. Протестантство есть беззаконный бунтъ. Ни того ни другаго признать нельзя; но гдѣ же единство безъ самовластія? Гдѣ свобода безъ бунта? И то и другое находится въ древнемъ, непрерывающемся, неизмѣнившемся преданіи Церкви. Тамъ единство, облеченное большею властью, чѣмъ деспотизмъ Ватикана: *ибо оно основано на силѣ взаимной любви.* Тамъ свобода болѣе независимая, чѣмъ безначаліе Протестантства: ибо *сю правитъ смиреніе взаимной любви.* — Вотъ твердыня и убѣжище!

Въ девятомъ вѣкѣ Римъ разорвалъ святой союзъ любви и впалъ въ то догматическое заблужденіе, которое вы сами такъ откровенно признали и такъ сильно опровергли. Болѣзнь христіанскаго міра должна быть излѣчена. Почему бы Англіи не положить начала этому желанному излѣченію? Чѣмъ опаснѣе становится положеніе Англиканской Церкви, тѣмъ настойчивѣе призываются ея члены къ дѣлу возрожденія. Конечно, на первое время, нельзя надѣяться на сочувствіе всѣхъ Англиканцевъ, ни даже большинства. Въ Англіи, какъ и вездѣ, большинство раболѣпствуетъ предъ невѣріемъ, мірскими заботами, невѣжествомъ, предубѣжденіями, привычками и лѣнью. Но сила Божія не въ числительности совершается. Пусть хоть немногіе заговорятъ рѣшительно, и хотя бы ихъ было и не болѣе, чѣмъ первыхъ Апостоловъ, все же они могутъ, подобно первымъ учителямъ Христіанства, положить начало быстрому теченію духовныхъ побѣдъ. Я считаю теперешнее время особенно благопріятнымъ именно потому, что оно крайне опасно, и потому, что опасность стала такъ ощутительна.

Надѣюсь, что вы не осудите откровенности моей рѣчи. Я не могу говорить объ Англиканской Церкви безъ глубокаго и не-

кренняго волненія. Я жалѣю о теперешнемъ ея положеніи, но источникомъ надежды служитъ мнѣ рвеніе, одушевляющее членовъ этой Церкви, въ дѣлѣ распространенія имени Христова по всему міру. Да обрѣтутъ они у себя дома и для себя самихъ тотъ миръ душевный и ту духовную радость, которую они стараются распространять въ отдаленныхъ племенахъ.

6 Іюня 1851.

КЪ ПАЛЬМЕРУ.

VII.

М. г.

Я право не въ силахъ выразить вамъ благодарность мою за всѣ заботы ваши о посланной вамъ мною рукописи. Еслибы я могъ предвидѣть половину причиненныхъ вамъ ею хлопотъ, я бы никакъ не рѣшился васъ безпокоить. Нечего говорить о томъ, что безъ вашего дружескаго содѣйствія и деньги и рукопись, посланныя по невѣрному адресу, были бы непремѣнно потеряны. Но не упрекайте меня въ неосторожности—я иначе поступить не могъ; Москва такъ отдалена отъ Парижа, Лондона и другихъ Европейскихъ городовъ, что вѣрныя свѣдѣнія здѣсь получаются съ большимъ трудомъ. Я до нѣкоторой степени, хотя далеко не вполнѣ, предчувствовалъ опасность, которой подвергалъ свою посылку *).

Мысль, которую вы сообщили нашему священнику о желаніи вашемъ издавать въ Англіи новѣйшія полемическія сочиненія нашей Церкви, прекрасна. Мнѣ было бы и пріятно и лестно явиться въ сообществѣ съ такими людьми, каковъ нашъ митрополитъ; но все-таки съ тѣмъ условіемъ, чтобы брошюра моя вышла безъ моего имени. Я былъ бы совершенно удовлетворенъ исполненіемъ долга моего въ качествѣ рядоваго, въ генеральномъ сраженіи, и отнюдь не чувствую честолюбиваго желанія выходить на одиночной бой или вызывать на поединокъ, какъ странствующій рыцарь или баснословный богатырь. Ежели я, при изданіи французской рукописи, поступилъ иначе, это единственно потому, что всякій другой образъ дѣйствія былъ невозможенъ. На всякій случай, я долженъ прибавить, что рукопись и деньги на издержки изданія готовы къ вашимъ услугамъ. Вы меня совершенно убѣдили, что вы гораздо лучше моего все придумаете и устроите, и что дружба ваша внушитъ вамъ самый лучшій образъ дѣйствій.

*) Здѣсь говорится о первой брошюрѣ А. С. Хомякова на французскомъ языкѣ напечатанной въ Парижѣ. Пр. изд.

Примите выраженіе благодарности моей за защиту правъ нашихъ въ дѣлѣ о Св. Мѣстахъ. Я получилъ отъ священника маленькую книгу вашу и считаю доказательства ваши совершенно неопровержимыми. Но кажется, что вопросъ этотъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ, для которыхъ вся правда заключается въ силѣ. На чью сторону укажетъ рука сильнѣйшаго, та и будетъ признана всѣми правою. Грустно въ томъ признаться, но кажется—всѣ эти мирные конгрессы одна суета, пока въ мірѣ еще такъ мало христіанскаго духа и пока сами члены мирнаго конгресса, какъ только интересы и предразсудки ихъ затрогиваются, взываютъ: „къ оружію"! Но все-же, можетъ быть, слово справедливое и разумное не останется совершенно незамѣченнымъ; быть можетъ, общественное мнѣніе къ нему прислушается, и хвала тѣмъ, которые рѣшаются его высказать, не смотря на вопль невѣжественныхъ страстей.

Меня преслѣдуетъ постоянная неудача въ отношеніи изданій вашихъ, касающихся религіозныхъ вопросовъ. Они могли конечно и случайно затеряться; но подобныя случайности со мною такъ обыкновенны, что по неволѣ подозрѣваю, что для нихъ есть особенныя правила и причины. Недѣли черезъ двѣ надѣюсь увидѣться съ м. и соберу свѣдѣнія о томъ, былъ ли онъ счастливѣе меня, чтò весьма вѣроятно. Когда буду въ Москвѣ, постараюсь исполнить ваше порученіе и достать нужныя вамъ книги. Прежде двухъ или трехъ недѣль мнѣ не удастся побывать въ городѣ и освободиться отъ множества домашнихъ дѣлъ, доселѣ меня не выпускающихъ изъ деревни нашей, находящейся подъ Тулою.

P. S. Письмо это еще не было отослано на почту, когда я случайно встрѣтилъ одного изъ самыхъ образованныхъ духовныхъ лицъ нашихъ; онъ прочелъ ваше сочиненіе и хотя вообще несогласенъ съ вами и упрекаетъ васъ (не знаю основательно ли) въ томъ, что вы придаете слову *Каѳоличество* слишкомъ географическое значеніе, однако мнѣ пріятно передать вамъ, съ какою похвалою и съ какимъ уваженіемъ онъ отзывался о вашемъ трудѣ. Онъ особенно восхищался тѣмъ яснымъ разграниченіемъ, которое положено вами между вопросами догмата и вопросами, касающимися обряда Я радовался, слушая столь благопріятный и вполнѣ чистосердечный отзывъ о трудѣ, крайне меня интересующемъ, тѣмъ болѣе, что отзывъ этотъ былъ высказанъ лицемъ, принадлежащимъ къ духовному званію.

26 Декабря 1852.

КЪ ПАЛЬМЕРУ.

VIII.

М. г.

Я только что получилъ ваше письмо отъ пятаго Іюля и спѣшу отвѣтомъ. Прежде всего, скажу вамъ, что письму этому я тѣмъ болѣе обрадовался, что, соображая нѣкоторыя обстоятельства, я боялся, какъ бы мои письма или ваши отвѣты не залежались въ какомъ нибудь почтамтѣ, что̀ случается нерѣдко. Вовторыхъ, я очень радъ, и притомъ въ весьма многихъ отношеніяхъ, что вы на нѣкоторое время оставили Востокъ, который, я думаю, успѣлъ порядочно принаскучить вамъ.

Съ другой стороны, я съ большимъ огорченіемъ вижу, сколько затрудненій и печалей сопровождаетъ каждый шагъ, дѣлаемый вами съ цѣлью открыть прямой и истинный путь въ важнѣйшемъ вопросѣ о вѣрѣ. Позвольте мнѣ однако ближе войти въ разсмотрѣніе вашего настоящаго положенія: вы конечно не сомнѣваетесь въ томъ, что я въ это дѣло внесу глубокое къ вамъ сочувствіе; но въ тоже время, мнѣ удастся, быть можетъ, сдѣлать это съ бо̀льшимъ спокойствіемъ, чѣмъ сколько по всѣмъ вѣроятностямъ это возможно для васъ самихъ.

Отчего положеніе ваше такъ затруднительно? Еслибы вы дѣйствовали какъ частное лице, ищущее истины для себя одного, то, кажется, тутъ бы не встрѣтилось никакихъ затрудненій. Я далеко не оправдываю восточныхъ патріарховъ и не одобряю ихъ упрямства; но все же вы должны признаться, что такъ какъ обрядъ перекрещиванія въ первобытной Церкви, въ отношеніи къ однимъ и тѣмъ же ересямъ и расколамъ, былъ поочередно и принимаемъ и отвергаемъ, то упрямство Греческихъ епископовъ хотя и можетъ быть порицаемо, но не подаетъ еще повода къ какимъ либо важнымъ противъ нихъ обвиненіямъ. Обрядовая жизнь цѣлой мѣстной Церкви не можетъ быть подвергаема измѣненіямъ ради одного лица даже въ та-

комъ случаѣ, когда бы предлагалась перемѣна къ лучшему. Дѣло иное, ежели вы дѣйствуете какъ представитель мнѣнія, раздѣляемаго нѣкоторымъ числомъ вашихъ соотечественниковъ (что̀ я охотно готовъ принять). Въ такомъ случаѣ упорство Греческой Церкви становится оскорбительнымъ и указываетъ, кажется, на недостатокъ любви и ревнія къ распространенію царства истинной вѣры. Но если вы дѣйствительно согласитесь со мною въ этомъ и признаете, что дѣйствуете не какъ частный человѣкъ, а какъ представитель многихъ другихъ: то вы конечно не станете отвергать также и чрезвычайной важности какъ всякаго вашего успѣха, такъ и неудачи въ этомъ дѣлѣ, и тогда вы легко вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдитесь, что вамъ невозможно было не встрѣтить важныхъ и даже совершенно неожиданныхъ препятствій. Такъ всегда бывало въ минуты, когда рѣшался вопросъ о духовной будущности цѣлыхъ обществъ; такъ всегда будетъ и впредь. Въ такія минуты могучія силы возстаютъ на борьбу съ истиною и воздвигаютъ великія препятствія, и Богъ допускаетъ это съ цѣлью испытать и наше терпѣніе, и нашу вѣру.

Позвольте мнѣ объяснить вамъ мой взглядъ на ваше положеніе въ отношеніи къ Римской и къ Восточной Церквамъ и разсмотрѣть обвиненія ваши противъ той и другой. Конечно, находясь подъ вліяніемъ собственныхъ убѣжденій, я могу быть пристрастнымъ—никто не можетъ за себя отвѣчать: но за одно ручаюсь — я буду выражать свое мнѣніе также искренно, какъ будто бы я обращался къ собственной совѣсти, передъ лицемъ видимой славы Божіей.

Начну съ Рима. Вы не соглашаетесь со многими изъ основаній его ученія. Я не скажу, что вы совершенно правы; но мое личное мнѣніе въ вопросѣ, васъ касающемся, есть дѣло постороннее; главное дѣло то, что вы очевидно не можете присоединиться къ ученію, съ которымъ вы въ душѣ не соглашатесь. Единственный отвѣтъ на ваши сомнѣнія Римскихъ друзей вашихъ есть тотъ, что должна же существовать *видимая* Церковь, и что эта Церковь должна быть Церковь свободная. Съ этимъ я согласенъ безусловно, но прибавлю только: Церковь свободная *по своимъ началамъ*, хотя бы и не всегда свободная въ своихъ дѣйствіяхъ и проявленіяхъ, неизбѣжно подчиняющихся весьма часто вліянію обстоятельствъ совершенно случайныхъ. Но я оставляю это въ сторонѣ и продолжаю. „Церковь Римская, говорятъ вамъ, одна свободна; слѣдовательно —

она одна есть истинная Церковь, и потому всѣ сомнѣнія должны умолкнуть". Такое умозаключеніе кажется мнѣ ложнымъ. Вы не довѣряете личному вашему разуму въ оцѣнкѣ основаній вѣры. Положимъ, вы въ этомъ правы. Но почему же не усомнитесь вы въ хваленой свободѣ Римской Церкви? Мнѣ кажется, что здѣсь есть мѣсто для стольких же, если не для бо́льшихъ еще сомнѣній. Я готовъ признать свободу папы и іерархіи, но развѣ этимъ исчерпывается понятіе о необходимой для Церкви духовной свободѣ? Мнѣ кажется, мнѣніе прямо противоположное было бы ближе къ истинѣ. И можетъ ли такое сомнительное доказательство, которое притомъ не имѣетъ никакой для себя опоры въ первыхъ вѣкахъ Христіанства, взять перевѣсъ надъ убѣжденіями, основанными на зрѣломъ разсмотрѣніи церковнаго ученія, какъ оно передано намъ древнѣйшими отцами Церкви? Я готовъ признать, что Римская Церковь *независима*; но я безусловно отрицаю, чтобъ она обладала чѣмъ либо похожимъ на церковную *свободу*—на *свободу духа*. Вамъ, чтобъ выпутаться изъ вашего затруднительнаго положенія, удастся, быть можетъ, усыпить ваши убѣжденія, осудить ихъ на молчаніе, даже поработить ихъ; но вамъ невозможно будетъ ихъ искоренить; Вы присоединитесь къ Римскому исповѣданію съ душею раздвоенною; тутъ не будетъ даже ничего похожаго на надежду обрѣсти блаженный миръ во Христѣ посредствомъ вѣры, не допускающей сомнѣнія. Простите, что я пишу вамъ съ такою откровенностію, но примѣръ Ньюмана и Аллайса мнѣ представляется крайне убѣдительнымъ. Они конечно были въ началѣ лучшими христіанами, чѣмъ какими стали въ послѣдствіи: прямодушіе ихъ исчезло навсегда; всѣ они, вмѣсто того чтобы развиться, болѣзненно замкнулись и скорчились душею. Что̀ касается до меня, то скажу вамъ прямо: какъ бы ни былъ я счастливъ возсоединеніемъ съ Церковью даже самаго малаго числа Англичанъ, но я не порадовался бы обращенію въ Православіе даже и цѣлой Англіи, еслибы обращенная Англія должна была внести въ Православный міръ духъ, раздвоенный сомнѣніями и внутренними противорѣчіями. Прошу васъ, скажите мнѣ: начинался ли когда какой либо сѵмволъ вѣры словами: „*я буду вѣрить*" (или *не стану сомнѣваться*)? Не всѣ ли начинаются словомъ: „*вѣрую*".

Теперь обратимся къ Греціи и Россіи. Здѣсь вамъ не нужно говорить: *я буду вѣрить*; ибо вы уже и теперь всѣмъ сердцемъ говорите: *я точно вѣрую*, что основанія ихъ ученія согласны во всѣхъ отношеніяхъ съ древнею вѣрою и преданіями Цер-

кви вселенской. Въ этомъ-то, мнѣ кажется, и состоитъ весь вопросъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вы обвиняете обѣ вѣтви Православной Церкви: одну въ недостаткѣ любви, другую въ отсутствіи въ ней свободы. Въ отношеніи къ первому упреку скажу, что заблужденіе въ дѣлѣ, васъ касающемся, произошло скорѣе отъ невѣжества, чѣмъ отъ равнодушія. Что это дѣйствительно такъ было, это, по моему мнѣнію, вполнѣ объясняется извѣстнымъ, крайнимъ упрямствомъ патріарховъ. Вы, можетъ быть, слышали (хотя вы еще до этого оставили Востокъ), что Цареградскій сvнодъ чуть было не произнесъ отлученія Русской Церкви за то, что она принимаетъ католиковъ и протестантовъ безъ предварительнаго перекрещиванія. Дѣло зашло было весьма далеко, хотя, кажется, принимаетъ нынѣ болѣе мирный оборотъ. Это событіе было для многихъ моихъ соотечественниковъ поводомъ къ соблазну и скорби; я также немало этимъ смущался, но скоро душа моя успокоилась. Такой поступокъ бѣднаго, порабощеннаго общества относительно сильной Имперіи, въ помощи которой оно безпрестанно нуждается, изобличаетъ присутствіе энергическаго начала, хотя и худо направленнаго. Я уважаю это чувство! Заблужденіе скоро разсѣется; притомъ, само по себѣ взятое, оно противъ насъ ничего не доказываетъ: мѣстныя Церкви нерѣдко впадаютъ во временныя ошибки, отъ которыхъ онѣ спасаются тѣмъ, что принадлежатъ къ соборному единенію. Я даже радуюсь тому, что вы подали поводъ къ этому недоразумѣнію. Вопросъ долженъ непремѣнно получить и получитъ надлежащее разрѣшеніе: или Греки, по убѣжденію, примутъ безусловно наши правила, и тогда все дѣло выиграно; или они объявятъ, что различіе въ обрядахъ и внѣшнихъ церковныхъ постановленіяхъ не нарушаетъ церковнаго единства, и даже такое рѣшеніе было бы весьма важно, особенно для обстоятельствъ будущаго времени. Конечно, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, ваше личное дѣло останется все-таки какъ бы не разрѣшеннымъ. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ дѣлѣ заблужденіе было, или даже и донынѣ есть, послѣдствіемъ невѣжества и не доказываетъ отсутствія любви. Впрочемъ, я готовъ сознаться, что и самъ не вполнѣ довѣряю Грекамъ. У нихъ нѣтъ недостатка ни въ благочестивомъ рвеніи, ни въ чувствѣ свободы (въ отсутствіи коихъ укоряетъ ихъ Римская партія), но они не могутъ освободиться отъ опаснаго наслѣдія, завѣщаннаго имъ древностью. Они христіане, но они (быть можетъ и безсознательно) слишкомъ гордятся тою пользою, которую принесли дѣлу

Церкви. Вѣра христіанская сдѣлалась слишкомъ какъ бы исключительнымъ достояніемъ ихъ народной исторіи, ихъ племени; сердца ихъ не чужды нѣкотораго не-христіанскаго аристократическаго чувства, которое заставляетъ ихъ смотрѣть свысока на всѣ другіе христіанскіе, даже православные народы и обращаться съ ними какъ съ низшими. Это чувство сродно съ тѣмъ, изъ котораго возникло Римское похищеніе власти (usurpation). Хотя оно здѣсь умѣряется болѣе глубокимъ знаніемъ ученія и потому не можетъ дойти до тѣхъ крайностей, до которыхъ оно дошло на Западѣ, но все же оно не совершенно искоренено у Грековъ и придаетъ имъ характеръ той непривѣтливости, того неуклоннаго упорства, который вы замѣтили и испытали. Тѣмъ не менѣе, покуда чувство это не проявилось въ незаконныхъ требованіяхъ первенства и власти, до того времени нельзя признать, чтобъ имъ, хотя бы въ самомалѣйшей степени, нарушался православный характеръ Греціи.

Теперь обратимся къ Россіи. Я допускаю, что Церковь Русская не на столько независима отъ государства, на сколько бы слѣдовало; но разсмотримъ безпристрастно и искренно, до какой степени эта зависимость дѣйствительно вредитъ характеру Церкви, и вредитъ ли она ему въ самомъ дѣлѣ? Вопросъ такъ важенъ, что, даже въ продолженіи нынѣшняго года, многіе серьезные люди обсуживали его и, какъ кажется, довели до удовлетворительнаго разрѣшенія. Общество можетъ находиться въ дѣйствительной зависимости и тѣмъ не менѣе оставаться свободнымъ въ существѣ, и наоборотъ. Въ первомъ случаѣ, это ничто иное какъ временная историческая случайность; второй случай есть упраздненіе всякой свободы и разрѣшается не иначе какъ бунтомъ и безначаліемъ. Первое доказываетъ слабость человѣка, второе—испорченность самаго закона. Первое несомнѣнно встрѣчается въ Россіи; но этимъ истинныя начала ни въ какомъ отношеніи не извращаются. До насъ, какъ членовъ Церкви, не касается вопросъ о томъ, не слишкомъ ли стѣснена свобода мнѣній въ дѣлахъ гражданскихъ и политическихъ (хотя относительно себя лично я очень хорошо знаю, что я въ Россіи осужденъ на совершенное почти молчаніе); но вѣрно то, что въ цензуру книгъ, касающихся религіозныхъ вопросовъ, правительство почти никогда не вмѣшивается, хотя опять признаю, что и тутъ цензура крайне стѣснительна; но въ этомъ виновато уже не правительство, а робость и непомѣрная осторожность самого высшаго духовен-

ства. Я далеко не оправдываю его въ этомъ и знаю, что отъ этого теряется много полезныхъ трудовъ и мыслей для міра, или, по крайней мѣрѣ, для современнаго поколѣнія; но это заблужденіе, осуждаемое моимъ разумомъ, не имѣетъ ничего общаго съ дѣломъ церковной свободы. Правда, что многія хорошія книги, многія объясненія Слова Божія, нерѣдко запрещаются изъ ложнаго опасенія, что чтеніе ихъ опасно для умовъ непросвѣщенныхъ; но осмѣлятся ли тѣ, которые запрещаютъ *самое Слово Божіе*, произнести приговоръ надъ излишнею осторожностью нашихъ духовныхъ цензоровъ? Такое осужденіе со стороны Римлянина было бы крайне нелѣпо. Затѣмъ спрашивается: Церковь въ Россіи пользуется ли полною свободой въ своей дѣятельности? Безъ сомнѣнія, нѣтъ. Но это зависитъ единственно отъ малодушія ея высшихъ представителей и ихъ собственнаго стремленія снискать покровительство правительства не столько для самихъ себя, сколько для Церкви. Есть, конечно, нравственное заблужденіе въ такомъ недостаткѣ упованія на Бога; но это случайная ошибка лицъ, а не Церкви, не имѣющая ничего общаго съ убѣжденіями вѣры. Дѣло было бы совсѣмъ иное, ежели бы малѣйшее догматическое заблужденіе или даже нѣчто на это похожее было допущено или дозволено Церковью изъ угожденія правительству; но ручаюсь, что никто не укажетъ на что либо подобное. Странно было бы судить и осуждать Церковь за таковую слабость ея членовъ, какъ бы они высоко ни стояли на ступеняхъ іерархіи, когда сама Церковь не имѣетъ даже законнаго пути къ дознанію этого. Всякое общество судится по своимъ началамъ; почему же Православіе подвергается осужденію на основаніи случайнаго, историческаго факта? Гдѣ справедливость такого суда? Что̀ можетъ быть соблазнительнѣе всѣмъ извѣстнаго факта, а именно что главенство мнимо-католической Церкви, въ силу какой-то привиллегіи, сдѣлалось, уже нѣсколько вѣковъ кряду, исключительнымъ достояніемъ Итальянскаго племени? Но и это случайность, а не правило, и Римъ за это не можетъ и не долженъ отвѣчать. Папы были нерѣдко рабами современныхъ имъ государей; но и за это также Римъ не отвѣчаетъ. Папы часто покупали тіару и правили при помощи постоянной симоніи; опять за это нельзя и не должно звать къ отвѣту Римскую Церковь. А въ нашемъ сѵнодѣ замѣтенъ недостатокъ мужества и твердости, такъ должна отвѣчать Церковь? Признаюсь, я не понимаю справедливости такого сужденія. Ежели Греція страдаетъ недо-

статкомъ познаній, а Россія—недостаткомъ свободы, за то Россія просвѣщена за Грецію, а Греція свободна за Россію. И та и другая пожнутъ плоды своихъ особенныхъ достоинствъ. Прошу васъ: не судите ихъ порознь, ибо вы призываетесь не въ мѣстную, а въ Каѳолическую Церковь. Пусть возникнетъ на Западѣ православная община, что̀ непремѣнно когда нибудь да сбудется, и ея свобода, ея обиліе знаній, сдѣлаются въ свою очередь достояніемъ всего церковнаго тѣла. Позвольте мнѣ сказать вамъ откровенно: не уступайте минутному увлеченію, раздраженію или нетерпѣнію; я понимаю, я чувствую, какъ естественны, какъ законны эти чувства въ вашемъ теперешнемъ положеніи (говоря впрочемъ въ смыслѣ человѣческомъ, не совсѣмъ христіанскомъ), какъ виноваты тѣ, которые, по невѣжеству или упрямству, или изъ подлаго и робкаго равнодушія, дали возникнуть такимъ чувствамъ; но вы должны ихъ пересилить и вы конечно это сдѣлаете.

Небольшое разсужденіе, прилагаемое мною къ этому письму, написано съ цѣлью показать, что вопросъ, который вы должны рѣшить для себя и, я надѣюсь, для другихъ, еще не былъ, по крайней мѣрѣ по моему мнѣнію, удовлетворительно постановленъ, и что обстоятельство это дѣйствительно гораздо важнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ.

Прежде всего, я долженъ потребовать вашего снисхожденія, Я знаю, что не имѣю права ни совѣтовать вамъ, ни судить васъ; но въ настоящемъ случаѣ рѣшается участь интересовъ слишкомъ возвышенныхъ, и поэтому въ сужденіяхъ о дѣлѣ можетъ быть допущена только совершенная искренность. Вы недовольны пріемомъ, встрѣченнымъ вами въ православномъ обществѣ и вы имѣете неоспоримое право жаловаться; но, по чувству справедливости къ себѣ и къ Православной Церкви, разсмотрите внимательно собственные ваши поступки и разсудите сами: были ли ваши дѣйствія таковы, чтобъ можно было изъ нихъ вывести правильное заключеніе о вашихъ отношеніяхъ къ Православной Церкви? Какъ скоро вы увѣрились, что убѣжденія ваши согласны съ ученіемъ Православной Церкви, вамъ открывалась возможность сблизиться съ нею двумя различными путями. Вы могли дѣйствовать: или какъ частное лице, или какъ членъ цѣлаго общества людей съ вами единомысленныхъ. Въ первомъ случаѣ, всякій Русскій священникъ имѣлъ бы полное право, безъ малѣйшаго затрудненія, принять васъ въ нашу Церковь, и затѣмъ, по мѣрѣ того какъ стали бы

присоединяться къ вамъ другіе вѣрующіе, новое общество само собою естественно образовало бы приходъ, а потомъ и цѣлую епархіальную паству. Такимъ путемъ первоначально составились почти всѣ мѣстныя Церкви; такъ поступаютъ даже Латиняне въ странахъ, гдѣ нѣтъ постоянно пребывающихъ епископовъ. Такой образъ дѣйствія былъ бы самый простой, хотя и не скажу самый лучшій: ибо въ видахъ Провидѣнія нерѣдко труднѣйшій путь бываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и лучшимъ. Путь этотъ и теперь открытъ передъ вами, хотя, можетъ быть, онъ сталъ уже менѣе доступенъ, чѣмъ былъ сначала. Во второмъ случаѣ, вы могли явиться дѣйствующимъ въ качествѣ члена цѣлаго общества съ одобреніемъ и при содѣйствіи прочихъ членовъ; и тогда вамъ слѣдовало конечно обратиться уже не къ простому священнику, но или къ независимому епископу, или къ мѣстной Церкви. Ваши первыя попытки были обращены къ Россіи. Но гдѣ же было общество, требующее пріема своего въ нѣдра Православной Церкви, и къ какой власти, или къ какому представителю Церкви обратилось оно? Было ли имъ представлено письменное прошеніе? Нѣтъ; существовалъ лишь проектъ прошенія. Но былъ ли онъ по крайней мѣрѣ гласно заявленъ Святѣйшему Сvноду? Нѣтъ, и это не было сдѣлано, такъ что многіе изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ Сvнода слышали о немъ, какъ объ одномъ лишь темномъ намѣреніи, лишенномъ всякаго существеннаго значенія и цѣли; въ этомъ я самъ могу лично удостовѣрить васъ. Какой же могъ быть данъ отвѣтъ? Я знаю, что отвѣтъ могъ бы быть вами полученъ, ежели бы вы обратились съ прошеніемъ своимъ прямо къ одному изъ членовъ Сvнода, избравъ изъ нихъ для этой цѣли такого, въ комъ бы достало усердія взять на себя все бремя дѣла и сдѣлаться вашимъ защитникомъ и водителемъ. Вамъ это не посчастливилось. Я не знаю и знать не хочу, кто былъ избранъ вашимъ уполномоченнымъ; ибо, не будучи призванъ къ тому Господомъ, не хочу строго судить и осуждать кого бы то ни было. Богъ конечно будетъ судить холодныхъ и честолюбивыхъ, неблагонамѣренныхъ и трусливыхъ, не исполнившихъ своей обязанности въ отношеніи къ вамъ и къ Церкви Православной. Но я однако могу поручиться, что одинъ изъ самыхъ ревностныхъ, дѣятельныхъ, просвѣщенныхъ и вліятельныхъ членовъ Сvнода не зналъ ровно ничего обо всемъ этомъ дѣлѣ и горячо благодарилъ за первыя свѣдѣнія о немъ, имъ отъ меня полученныя; прибавлю еще и то: нѣкото-

рыя лица крѣпко сердились и даже донынѣ еще продолжаютъ гнѣваться на меня за то, что я хотѣлъ дать всему дѣлу вашему надлежащую извѣстность и движеніе. Я не хочу никого осуждать и не хочу возбуждать сомнѣній, можетъ быть и несправедливыхъ; но я долженъ сказать въ защиту Церкви и даже Сѵнода (хотя я вовсе не призванъ быть его заступникомъ), что въ этомъ случаѣ ни Церковь, ни Сѵнодъ не заслуживаютъ ни малѣйшаго порицанія. Все дѣло было ведено тайнымъ и секретнымъ образомъ, недостойнымъ ни Церкви, ни искреннихъ и благочестивыхъ людей, желающихъ возсоединенія своего съ нею. Я увѣренъ, что ни вы, ни друзья ваши не заслуживаете упрека; но вы шли незнакомымъ вамъ путемъ и встрѣтились съ мертвымъ формализмомъ (признаваемымъ за таковой всѣми нами) тамъ, гдѣ уповали найти жизнь и движеніе. И тѣмъ не менѣе Церковь все-таки ни въ чемъ невиновата; она ни о чемъ не знаетъ, ни о чемъ не слыхала и потому не была призвана рѣшить и дѣйствовать. Позвольте мнѣ вамъ высказать мое мнѣніе о томъ, какъ бы вамъ слѣдовало поступить и (я надѣюсь) какъ вамъ, съ Божіимъ благословеніемъ, еще дано будетъ дѣйствовать. Могу прибавить, мнѣніе это раздѣляетъ человѣкъ съ сильною властью и съ добрыми для дѣла намѣреніями.

Ежели вы, въ чемъ я не сомнѣваюсь, искренно вѣруете въ чистоту православнаго ученія и дѣйствуете не какъ отдѣльное лице (это бы совершенно измѣнило вопросъ и побудило бы васъ просто обратиться къ первому попавшемуся Русскому священнику), но отъ лица цѣлаго общества: то общество это должно заявить свое намѣреніе открыто и рѣшительно, передъ лицемъ Бога и людей. Оно должно избрать изъ среды своей извѣстное число депутатовъ, положимъ: двоихъ или троихъ, и послать ихъ непосредственно въ Св. Сѵнодъ, снабдивъ ихъ письменнымъ отъ себя полномочіемъ. Оно должно, во 1-хъ, заявить прямое исповѣданіе вѣры, кратко, но ясно изложенное, въ которомъ должно признать, что Православная Церковь во всѣхъ догматическихъ вопросахъ вѣруетъ и учитъ согласно съ древними преданіями и съ ученіемъ седьми вселенскихъ соборовъ, и что всѣ измѣненія и дополненія, въ послѣдствіи внесенныя Западными Церквами, произвольны и ложны. Этого достаточно. Во 2-хъ, просить о принятіи себя въ нѣдра Церкви безусловно, т. е. безъ всякихъ со стороны Церкви уступокъ. Въ 3-хъ, просить себѣ священниковъ (по желанію вашему женатыхъ или неженатыхъ) и краткой литургіи, которая можетъ быть дополнена

со временемъ. Въ 4-хъ, просить себѣ епископа, какъ скоро общество достигнетъ нѣкоторой числительности и независимаго сѵнода епископовъ, какъ скоро число послѣднихъ, съ помощью Божьею, дойдетъ до пяти, семи или хотя бы даже до меньшаго числа. Для того, чтобъ не оскорблять безъ нужды гражданскаго закона, епископы могутъ считаться проживающими въ Англіи, безъ притязанія на оффиціальное образованіе епархіи, или даже на титулъ епископскій въ сношеніяхъ съ внѣшними, то есть съ не принадлежащими къ ихъ паствѣ, что̀ было бы впрочемъ совершенно согласно съ истиною: ибо епископъ является таковымъ въ глазахъ Бога и своей паствы; для прочихъ же людей онъ ничего. Во всякомъ случаѣ, устройство всѣхъ этихъ подробностей будетъ уже зависѣть отъ васъ самихъ. Повѣренные должны быть присланы прямо въ нашъ Сѵнодъ и ни съ кѣмъ не должны имѣть дѣла внѣ собора епископовъ. Во избѣжаніе замедленія и недоброжелательнаго вмѣшательства непрошенныхъ вліяній, которыя могли бы стараться заглушить и уничтожить все дѣло въ самомъ зародышѣ (ибо у васъ, быть можетъ, болѣе враговъ, чѣмъ мы сами думаемъ), надобно стара̀ться, посредствомъ печати, огласить, елико возможно, составъ депутаціи и данную ей инструкцію. Письмо отъ имени депутатовъ, или даже отъ всего общества, должно быть разослано ко всѣмъ епископамъ Русской Церкви съ просьбою объ оказаніи ими содѣйствія; циркулярное, печатное письмо съ такою же просьбою должно быть обращено ко всей Церкви (т. е. и къ духовенству, и къ мірянамъ). И то и другое должно быть совершенно гласно. Я еще забылъ одно обстоятельство: такъ какъ вы уже обращались къ Грекамъ, то, въ случаѣ ежели послѣдніе не перемѣнятъ своего рѣшенія, вы должны объявить, что обратились къ Русской Церкви, потому что постановленія ея отличаются бо̀льшею снисходительностью; но что вы не оспариваете у Грековъ права держаться своихъ мѣстныхъ правилъ. Наконецъ, въ случаѣ еслибы возникли какія-либо на счетъ настоящаго дѣла сомнѣнія, вы должны еще просить, чтобы Св. Сѵнодъ отправилъ отъ себя епископа въ Англію съ цѣлью не только получить на мѣстѣ болѣе подробныя свѣдѣнія, которыя будутъ ему доставлены, но еще и съ полномочіемъ принимать въ Церковь новообращаемыхъ, ставить священниковъ и вводить литургію. Простите меня, если я присвоиваю себѣ право давать совѣты; оправданіе себѣ я нахожу въ привязанности моей не только къ вамъ, но еще и къ вашему отечеству и соотечественни-

камъ вашимъ, которыхъ я привыкъ любить съ самаго ранняго дѣтства, и въ моемъ желаніи видѣть Православную Церковь оправданною отъ обвиненій, не имѣющихъ никакого основанія, хотя и кажущихся заслуженными. Я долженъ прибавить еще и то, что мнѣ отчасти даже поручено передать вамъ всѣ эти свѣдѣнія.

Въ случаѣ, ежели вы не захотите, или если вамъ невозможно будетъ идти этимъ путемъ, вамъ остается еще другой путь, о коемъ я говорилъ въ началѣ моего письма, т. е. вы можете дѣйствовать какъ частное лице, полагаясь въ будущемъ на волю Божію, могущую и единую былинку развить до размѣровъ міровыхъ. Боюсь, какъ бы всякій иной образъ дѣйствія не подалъ повода къ ошибкамъ, недоразумѣніямъ и несправедливымъ нареканіямъ. Вы возбудили между Греціею и Россіею такой вопросъ, который, хотя и вызвалъ мимолетное смущеніе умовъ, но необходимо долженъ однако привести къ благопріятнымъ послѣдствіямъ. Дайте мнѣ надѣяться, что Всевышній Промыслъ изберетъ именно васъ однимъ изъ орудій Своихъ къ оживленію дремлющей энергіи нашей Церкви, изнемогающей не подъ гнетомъ гоненія (ибо послѣднее напротивъ всегда и вездѣ возбуждаетъ себѣ противодѣйствіе), но подъ бременемъ обманчиваго, хотя и безсознательнаго покровительства.

Такъ какъ я уже самовольно присвоилъ себѣ право подавать совѣты, то рѣшусь на бо́льшую еще нескромность и обращусь къ вамъ съ личною отъ себя просьбою. Я счелъ долгомъ своимъ отвѣчать на нѣкоторыя обвиненія, часто взводимыя на насъ Римлянами, и постарался доказать, что всѣ религіозныя вѣрованія Западной Европы покоятся нынѣ на ложномъ основаніи, и что это именно обстоятельство и затрудняетъ, почти до невозможности, торжество вѣры надъ невѣріемъ. Думаю, что мнѣ удалось ясно доказать это. Быть можетъ, я придаю своему сочиненію слишкомъ большую важность; но мнѣ кажется, что ни Протестантамъ, ни Римлянамъ не легко будетъ отвѣчать на весьма простое, мною предложенное, объясненіе того существеннаго различія въ началахъ и въ характерѣ, которыми отличается Церковь Восточная отъ Западныхъ. Въ этомъ трудѣ мною руководила надежда, что изложеніе религіознаго вопроса съ новой точки зрѣнія будетъ небезполезно для весьма многихъ, жаждущихъ истины, но не могущихъ обрѣсти прямаго къ ней пути сквозь перепутанную сѣть богословскаго раціонализма. Небольшое разсужденіе это написано на Французскомъ языкѣ, какъ наиболѣе распространенномъ въ Европѣ. Какъ

выше мною сказано, я счелъ долгомъ своимъ заступиться за Церковь, но вмѣстѣ съ тѣмъ считаю дѣломъ справедливости довести наконецъ голосъ Православія до слуха слишкомъ давно отчужденной отъ насъ Западной братіи. Къ сожалѣнію, мнѣ не возможно напечатать трудъ свой въ Россіи, гдѣ книга моя была-бы запрещена: или на томъ основаніи, что она не нужна и способна возбудить напрасныя сомнѣнія, или просто потому, что пропускъ ея былъ бы несогласенъ съ правилами духовной цензуры (конечно̀, и то и другое было бы равно несправедливо; но я уже успѣлъ привыкнуть къ робости нашихъ духовныхъ судей и знаю, что они непремѣнно поступили бы такъ). Не могу также отлучиться изъ Россіи для напечатанія книги и не знаю никого за границею, кому бы я могъ поручить это дѣло. До полученія вашего письма, я, не зная, гдѣ вы находитесь, началъ было письмо къ Вильямсу въ Кембриджъ, съ тою же просьбою; теперь обращаюсь къ вамъ. На случай ежели вы найдете средство напечатать рукопись мою въ Англіи, или перешлете ее съ тою же цѣлью въ Парижъ или въ Брюссель, что̀, можетъ быть, было бы еще лучше, я посылаю вамъ деньги, нужныя по моему разсчету на расходы по напечатанію. Пришлю еще, ежели этой суммы окажется мало. Знаю, какъ нескромно мое требованіе; но надѣюсь, что вы примете во вниманіе побуждавшее меня чувство справедливости и долга, и не откажетесь отъ дружеской услуги, если она васъ не слишкомъ затруднитъ. Имени своего не выставляю для того, чтобы личныя предубѣжденія не смутили безпристрастныхъ читателей; но еслибы критики стали утверждать, что дерзость мнѣній автора объясняется утайкою имени, то я не только вамъ разрѣшаю, но даже прошу васъ обнародовать мое имя: ибо я убѣжденъ, что я не сказалъ ни единаго слова, которое бы не было вполнѣ согласно съ несомнѣннымъ ученіемъ Церкви, и увѣренъ, что никто въ Россіи не посмѣетъ оспорить мною сказаннаго. Съ другой стороны, я также надѣюсь, что выраженія мои довольно сильны, и даже подозрѣваю, что они будутъ звучать не слишкомъ пріятно въ ушахъ людей непривычныхъ къ голосу истины. Въ заключеніе скажу вамъ мое послѣднее слово: мое твердое убѣжденіе заключается въ томъ, что Романизмъ есть, въ существѣ своемъ, не иное что, какъ сепаратизмъ, и что человѣчеству остается отнынѣ выборъ только между двумя путями, Каѳолическимъ Православіемъ или безвѣ-

ріемъ. Всякій средній путь будетъ лишь переходною ступенью къ послѣднему.

Жизнь моя, любезный другъ, измѣнилась въ конецъ. Праздникъ и свѣтъ солнечный исчезли; ничего не осталось мнѣ кромѣ труда и утомленія. Сама жизнь не имѣла бы отнынѣ для меня цѣны, если-бы не оставалось на мнѣ обязанностей. Конечно, я не ропщу; но если справедливо, что горе не можетъ не быть соразмѣрно утраченному счастью, то мнѣ кажется, едва-ли кто нибудь когда либо имѣлъ болѣе меня права скорбѣть. Быть можетъ, многіе другіе испытываютъ тоже самое чувство; ибо всякій человѣкъ невольно считаетъ выпавшее на его долю бремя самымъ тяжкимъ и неудобоносимымъ изъ всѣхъ; какъ бы то ни было, я не буду и не долженъ роптать. Мнѣ были ниспосылаемы свыше предвѣщанія и предостереженія; но я или не хотѣлъ, или не умѣлъ понять ихъ и воспользоваться ими. Все къ лучшему: для нея лучше наслаждаться тѣмъ блаженствомъ, которое она, безъ сомнѣнія, нынѣ вкушаетъ; для меня видно полезнѣе было лишиться прежняго моего счастія. Гдѣ милосердіе оказалось недѣйствительнымъ, тамъ строгость есть тоже милосердіе. Нынѣшнее положеніе мое приводитъ меня къ слѣдующему размышленію: неужели, при теперешнихъ моихъ обстоятельствахъ, при независимомъ состояніи, хорошемъ здоровьѣ и добрыхъ, маленькихъ дѣтяхъ, смѣющихся и играющихъ вокругъ меня, я еще не могу назвать себя счастливымъ? Сколько милліоновъ людей готовы были-бы принять такую долю и видѣть въ ней Божію къ себѣ благодать. Между тѣмъ, каждое изъ этихъ, повидимому отрадныхъ, обстоятельствъ служитъ для меня источникомъ новой скорби. Очевидно, что счастіе дѣло относительное; то, что̀ я называлъ счастіемъ, что̀ казалось мнѣ высшею степенью человѣческаго счастья (такъ думали мы оба и благодарили Бога за это счастіе), было только отблескомъ возможнаго блаженства, вѣроятно потому, что земная любовь, единственный источникъ земнаго счастія, есть сама лишь отблескъ любви небесной.

Будетъ ли послѣ смерти нѣчто похожее на тѣ отношенія, которыя были намъ такъ дороги на землѣ? Я радъ, что мы ничего объ этомъ не знаемъ: это милосердое распоряженіе Божіе. Иначе мы бы стали вѣроятно желать и за предѣлами могилы чего либо другаго, кромѣ присутствія Божества, а этого не должно быть. Все это не относится до общенія душъ за гробомъ, въ которомъ я вовсе не сомнѣваюсь. Надѣюсь, что вы не

посѣтуете на меня за эти размышленія; ибо знаю, что и васъ недавно посѣтило испытаніе.

P. S. Мнѣ недавно попалась въ журналѣ Christian Remembrance критическая статья объ Альфердовомъ изданіи Новаго Завѣта, въ которой я нашелъ нѣкоторыя размышленія о доказательствахъ за и противъ подлинности четырехъ евангелій. Мнѣ кажется, приведенныя тамъ доказательства въ пользу того, что евангелія были написаны апостолами, вообще недостаточны или, лучше сказать, вообще неудачно подобраны; признаки самые явные и неоспоримые упущены изъ виду. Говорю о тѣхъ признакахъ, которые болѣе доступны художнику и человѣку, чѣмъ цѣлому комитету ученыхъ. Въ евангеліи отъ Іоанна, если принять въ соображеніе духовный и мистическій характеръ цѣлаго, важнѣйшимъ фактомъ является пропускъ разсказа объ установленіи таинства Евхаристіи. Пропускъ этотъ явственно указываетъ, что книга эта не имѣла притязанія явиться отдѣльнымъ разсказомъ, но предназначалась служить дополненіемъ къ другимъ, писаннымъ разсказамъ, уже извѣстнымъ членамъ христіанскаго общества. Отсутствіе притчей и скудость извѣстій о чудесахъ *) приводятъ къ тому же заключенію. Но самое убѣдительное доказательство заключается въ послѣдней главѣ. Безпристрастный читатель не можетъ усомниться въ томъ, что эта глава есть прибавленіе къ первоначальной редакціи, которая оканчивалась послѣднимъ стихомъ предъидущей главы. Даже самые скептики объ этомъ не поспорятъ. Пусть кто нибудь объяснитъ: какимъ образомъ эта глава могла бы быть прибавлена къ редакціи уже вполнѣ законченной въ какое либо другое время, или кѣмъ бы то ни было другимъ, какъ не самимъ Іоанномъ, или не первыми его учениками, и притомъ иначе какъ съ цѣлью: или разсѣять ложное мнѣніе, распространившееся въ обществѣ вѣрующихъ, или объяснить неожиданную смерть автора предшествующаго разсказа? Возможно ли допустить какое либо иное объясненіе? Но ученикъ Іоанновъ, конечно, не прибавилъ бы послѣднихъ стиховъ; а еслибы и прибавилъ ихъ, то даже и такой крайне невѣроятный случай послужилъ бы доказательствомъ, что первыя 20 главъ дѣйствительно написаны самимъ Іоанномъ, или по

---

*) Разсказавъ немного чудесъ, хотя самыхъ поразительныхъ, апостолъ очевидно намекаетъ въ послѣднемъ стихѣ своего евангелія на множество чудесъ, разсказанныхъ другими евангелистами. Примѣч. авт.

крайней мѣрѣ приписывались ему современниками. Я прибавлю еще (но это будетъ съ моей стороны уклоненіемъ отъ главнаго вопроса), что послѣдняя глава эта имѣетъ огромное пророческое значеніе. Во всякомъ случаѣ, современность отпечатлѣлась на ней такъ ясно и очевидно, что мы какъ будто имѣемъ передъ собою самую первую, подлинную рукопись книги. Въ послѣдней главѣ отъ Луки также встрѣчается признакъ безусловно убѣдительный для ума доступнаго чувству художественной или человѣческой истины. Я разумѣю слова: *„Не горѣли ли въ насъ сердца наши“?* Во всемъ евангеліи нѣтъ ни одного выраженія, въ которомъ говорилось бы объ апостолахъ иначе какъ въ самыхъ неопредѣленныхъ чертахъ. И здѣсь скорѣе можно было бы ожидать: „не Божественны ли были Его слова“, или чего нибудь подобнаго. Но: *„не горѣли ли въ насъ сердца наши“?*—это слова очевидца. Простой фальсификаторъ или не изобрѣлъ бы такой мастерской черты, или не удовольствовался бы ею одною. Въ ев. отъ Марка конецъ послѣдней главы также носитъ на себѣ какъ бы подпись автора, хотя, быть можетъ, и не столько явную. Евангелистъ Маркъ не видалъ Господа, онъ не принадлежалъ къ числу личныхъ учениковъ Его; тѣмъ не менѣе онъ одинъ подробно описываетъ признаки, которыми будутъ отличаться позднѣйшіе ученики Христовы. Эта черта не есть ли замѣчательный слѣдъ того, что̀ можно бы назвать нѣкоторою *личною заботою*, не чуждою ни одному человѣку, хотя бы онъ былъ даже вдохновеннымъ орудіемъ Слова Божія? Вообще, въ моихъ глазахъ, вся критическая литература о Писаніи грѣшитъ полнымъ отсутствіемъ простоты въ пріемахъ и во взглядѣ; это конечно происходитъ частію отъ исключительно книжнаго характера нашихъ великихъ современныхъ критиковъ Германцевъ (какъ бы впрочемъ я ни дивился ихъ трудамъ), частію же отъ риторическаго направленія ихъ предшественниковъ и древнѣйшихъ критиковъ—Грековъ.

(1852 годъ).

КЪ ПАЛЬМЕРУ.

IX.

М. г.

Послѣ дружескаго письма вашего, полученнаго мною въ началѣ ноября, я находился долго въ самомъ горестномъ положеніи. Я глубоко и живо сочувствовалъ вашему горю и вашему безпокойству; я сознавалъ, что мнѣ должно непремѣнно найти средство помочь вамъ или чѣмъ либо успокоить васъ. Но что̀ могъ я сдѣлать? Я не былъ въ близкихъ, дружескихъ сношеніяхъ ни съ кѣмъ изъ духовныхъ правителей Русской Церкви; я былъ лишенъ всякихъ средствъ быть вамъ на что либо полезнымъ, и однако сердце мое надрывалось скорбью о васъ и друзьяхъ вашихъ. Наконецъ, я рѣшился сдѣлать слѣдующее: я познакомился съ однимъ изъ нашихъ молодыхъ епископовъ, человѣкомъ благочестивымъ и живымъ. Онъ обѣщалъ сдѣлать все, что̀ только будетъ возможно. Но послѣ безплодной переписки съ нѣкоторыми болѣе его вліятельными лицами онъ признался, что ничего для васъ сдѣлать не можетъ, или покрайней мѣрѣ ничего не можетъ обѣщать въ настоящее время. Тогда я сдѣлалъ отчаянную попытку: я написалъ къ одному изъ самыхъ замѣчательныхъ богослововъ нашихъ, котораго никогда не видалъ и который вѣроятно не зналъ о моемъ существованіи. На дняхъ я почти неожиданно обрадованъ былъ отвѣтомъ. Этотъ отвѣтъ исполненъ утѣшительныхъ увѣреній, которыя спѣшу передать вамъ.

Если свѣдѣнія вѣрны, существуетъ проектъ просьбы на имя Св. Сѵнода отъ нѣкоторыхъ вашихъ друзей, ожидающихъ лишь вашего возвращенія, чтобы подписать его и отправить. Проектъ или слухъ о проектѣ встрѣченъ, какъ кажется, одобреніемъ нашихъ богослововъ. Тотъ, кто мнѣ пишетъ, обѣщается (и на его слова можно положиться), что ежели просьба будетъ подписана и какъ слѣдуетъ представлена Сѵноду, то вся-

кое препятствіе отъ недоразумѣнія устранится, всякое справедливое требованіе будетъ уважено съ братскою радостью христіанъ, съ рвеніемъ людей, считающихъ ближайшею заботою своею благосостояніе Церкви и для которыхъ распространеніе ученія ея есть единственная цѣль жизни. Итакъ не медлите въ дѣлѣ служенія царству Божьему, не медлите возвращеніемъ. Спѣшите совершить послѣдній, рѣшительный шагъ. Передъ вами отверсты двери Церкви. Братья готовы съ братскою любовью встрѣтить васъ. Ваше усердіе, ваше смиренное постоянство очистили вамъ путь, устранили такія недоразумѣнія и препятствія, которыхъ вы даже не подозрѣвали.

Мой корреспондентъ извиняетъ патріарха тою враждою, въ которой всѣ Западныя общины другъ передъ другомъ соперничаютъ въ своихъ отношеніяхъ къ Восточной Церкви, по всей Греціи, Сиріи и Малой Азіи; это грустная истина, и она во многомъ оправдываетъ временныя мѣры защиты и самосохраненія. Я передаю вамъ содержаніе письма, мною полученнаго, лишь въ общихъ чертахъ; не умѣю выразить того сочувствія къ страданіямъ вашимъ, которымъ проникнуто все письмо, того высокаго мнѣнія о васъ, того христіанскаго упованія и той нетерпѣливой надежды, съ которою писавшій его ожидаетъ рѣшительнаго шага друзей вашихъ. Я увѣренъ, я даже готовъ ручаться, что всякое справедливое требованіе ваше найдетъ въ немъ горячаго и, могу сказать, весьма сильнаго заступника.

Господь посѣтилъ меня тяжкимъ испытаніемъ: 26-го Января скончалась жена моя и съ нею всякая надежда на земное благополучіе. Да будетъ воля Господня! Стараюсь быть благодарнымъ. Пятнадцать лѣтъ съ половиною почти невозмутимаго счастья—такая доля дается одному изъ тысячи, и это въ тысячу разъ болѣе, чѣмъ я заслужилъ. Взаимная любовь наша была безпредѣльна, какъ только можетъ быть безпредѣльно земное чувство, и оно не умерло! Теперь мы взаимно другъ за друга молимся, какъ прежде мы взаимно мѣнялись словами любви. Душа ея была чистая, любящая и глубоко вѣрующая. Какъ часто, въ бесѣдахъ нашихъ объ Англіи, она говаривала: будемъ ли мы имѣть счастіе восхвалять Бога въ одной Церкви съ Пальмеромъ и Вильямсомъ? Она умирала, какъ умираютъ младенцы: ни страха, ни скорби; одна лишь полная надежда на милосердіе Божіе. Мы можемъ быть увѣрены, что на небѣ ее встрѣтитъ любовь выше и больше всякой любви, какая могла бы окружать ее на землѣ.

Не зная вашего адреса, пишу въ Константинополь, Аѳины и Оксфордъ. Я долженъ особенно замѣтить одно выраженіе въ полученномъ мною письмѣ: „Что̀ дѣлаетъ Пальмеръ въ Аѳинахъ вмѣсто того, чтобы слѣдить въ Англіи за направленіемъ умовъ къ Православію, котораго онъ былъ первымъ двигателемъ?“

10 Марта 1852.

КЪ ПАЛЬМЕРУ.

X.

М. г.

Странное и непредвидимое для меня дѣло писать о политикѣ. Но каждый политическій вопросъ имѣетъ соціальное значеніе; а если въ него хорошенько вникнуть, то найдешь въ немъ и его религіозную сторону. Въ восточномъ вопросѣ это особенно замѣтно, и потому весьма понятно, что я увлекся желаніемъ показать, какъ эта сторона великаго политическаго событія дѣйствуетъ въ Россіи на немногіе мыслящіе умы и на неразмышляющія массы. Мнѣ кажется, что для общественнаго мнѣнія въ Англіи небезполезно знать настоящее положеніе общественнаго мнѣнія въ Россіи. Я былъ бы очень радъ, если бы удалось напечатать приложенныя здѣсь строки въ газетѣ, или если бы можно было издать ихъ отдѣльною, летучею брошюрою съ Англійскимъ переводомъ. Первый способъ былъ бы конечно предпочтительнѣе, если только найдется газета, которая приняла бы маленькую статью мою. Вы одни, да можетъ быть еще немногіе, будете, хоть отчасти, намъ сочувствовать; но и вы найдете, вѣроятно, что выраженія мои нѣсколько—а можетъ быть скажете вы, и очень—рѣзки. Какъ бы то ни было, но я увѣренъ, что за напечатаніе статьи никто не можетъ подвергнуться непріятнымъ послѣдствіямъ, тѣмъ болѣе, что ей могло бы предшествовать вступленіе съ совершеннымъ отрицаніемъ всякаго согласія въ чувствахъ и въ воззрѣніяхъ съ авторомъ, но притомъ съ заявленіемъ требованія въ пользу Русскаго убѣжденія на такое же право на гласность, какимъ пользуются даже Китайскіе мнѣнія и манифесты. Вамъ хорошо извѣстно, что я говорю не оффиціальнымъ языкомъ; можетъ быть, статья моя тѣмъ и любопытна, что въ ней заключается самое свободное и вѣрное выраженіе тѣхъ чувствъ, которыя преобладаютъ во всей странѣ, и для которыхъ и дворъ, и Петербургъ суть предста-

вители весьма недостаточные, хотя, въ настоящемъ случаѣ они нѣсколько болѣе обыкновеннаго сблизились съ народомъ. Прибавлю еще нѣсколько словъ, не высказанныхъ мною во Французской статьѣ. Условія, требуемыя султаномъ, до крайности смѣшны: новое названіе для *гарача*, да право стоять свидѣтелемъ передъ Магометанскимъ судьей, для котораго весь законъ заключается въ Коранѣ,—дѣйствительно преимущества важныя! Много бы все это способствовало въ спасенію Армянскихъ Якобитовъ, которые были перерѣзаны Бедеръ-Ханомъ! Все это было бы смѣшно, если бы подъ этимъ не скрывалось гнусной уловки, грязнаго предлога придать видъ законности войнѣ противъ христіанъ.

Я на столько изучалъ исторію, что не увлекаюсь чувствомъ негодованія на такихъ штукарей, каковы Россель и Пальмерстонъ. Макіавелизмъ—изобрѣтеніе не новое, и много гнусныхъ дѣлъ увѣнчалось успѣхомъ; но мнѣ жаль, что Англія сдѣлалась орудіемъ жалкой интриги, между тѣмъ какъ она, и не допуская исключительнаго вліянія Россіи на Востокъ, могла бы сыграть въ современныхъ событіяхъ такую прекрасную роль. Какъ я былъ бы доволенъ, если бы узналъ, что Гладстонъ не одобряетъ этой грѣшной и постыдной войны *).

Я еще не имѣлъ случая извѣстить васъ, что наконецъ получилъ ваши диссертаціи. Позвольте мнѣ сказать вамъ, что хоть я и не раздѣляю убѣжденій вашихъ въ нѣкоторыхъ весьма важныхъ статьяхъ, однако не могу безъ восторга говорить о добросовѣстности и честности изслѣдованій вашихъ и о томъ глубокомъ чувствѣ любви къ истинѣ, которымъ проникнуто все сочиненіе ваше. По прочтеніи великолѣпной статьи вашей о семи таинствахъ, мнѣ пришла въ голову мысль (которой я, кажется, нигдѣ не встрѣчалъ), не послужитъ ли слѣдующее раздѣленіе къ изъясненію нѣкоторыхъ затрудненій. Два высшія таинства касаются отношеній человѣка къ *цѣлой Церкви*; пять остальныхъ — отношеній человѣка къ *Церкви земной* и къ ея организму. Подвергаю это мнѣніе вашему безпристрастному суду.

---

*) Недавнія событія: встрѣча султану въ Лондонѣ, равнодушіе къ рѣзнѣ въ Кандіи, безучастіе къ Болгарамъ, выраженія гнустной лжи и дикой свирѣпости въ оффиціальныхъ донесеніяхъ нѣкоторыхъ изъ Англійскихъ консуловъ на Востокѣ (именно тѣхъ, которыхъ правительство отличаетъ своимъ особеннымъ довѣріемъ)—все это во многомъ измѣнило бы понятія покойнаго автора, если бъ онъ дожилъ до нашихъ дней Пр. изд.

О цѣломъ сочиненіи надѣюсь поговорить при первомъ удобномъ случаѣ.

Но я непростительно злоупотребляю досугомъ вашимъ и вашею добротою. Вы меня простите, когда вспомните, какъ затруднительны для всякаго Русскаго печатныя сношенія съ другими народами. Не нужно прибавлять, что ежели напечатаніе моего Французскаго письма окажется возможнымъ, оно должно явиться опять безъ имени автора.

9 Марта 1854.

КЪ Г-НУ ВИЛЬЯМСУ.

М. г.

Я очень долго не отвѣчалъ на ваше любезное и дружеское письмо, но я увѣренъ, что вы извините мое молчаніе, когда узнаете, что послѣ отъѣзда вашего изъ Москвы меня посѣтило чуть ли не самое ужасное горе, какое я могъ когда либо испытать: я лишился своего добраго друга и племянника Валуева.

Умъ его развился конечно подъ моимъ руководствомъ, но онъ ничего не утратилъ изъ той независимости и своеобразности мысли, которыя однѣ придаютъ умственнымъ способностямъ силу и значеніе. Развитіе его было такъ быстро, въ немъ было столько природной зрѣлости, такая твердость характера, что между нами скоро установилось то равенство, при которомъ исчезаетъ всякое различіе между учителемъ и ученикомъ. Онъ былъ для меня въ одно и тоже время и братомъ и сыномъ. Даже въ послѣдніе годы онъ своею неусыпною дѣятельностью своимъ глубокимъ сознаніемъ христіанскихъ обязанностей, сильнѣе на меня дѣйствовалъ, чѣмъ я когда либо на него. А что̀ сказать объ ангельской чистотѣ его души, о чуткой нѣжности его сердца? Глубокія, многостороннія познанія, независимый умъ, зрѣлая и горячая любовь къ истинѣ, совершенное отсутствіе эгоизма, всецѣлая преданность нравственнымъ интересамъ своего отечества и еще болѣе — всего человѣчества, горячая любовь къ ближнимъ, всегда готовая пособить чужому горю, смягчить всякій упрекъ, дѣвственная чистота жизни и мыслей, недоступная никакимъ искушеніямъ, мужественная твердость, которой не устрашила и не сокрушила бы никакая борьба — таковы были качества моего покойнаго друга. Я зналъ его привязанность ко мнѣ, и вы можете судить, какое было для меня счастіе имѣть такого друга, какое горе лишиться его. Всѣ любили и цѣнили, и слѣдующія строки изъ письма, недавно мною полученнаго отъ одного изъ даровитѣйшихъ нашихъ юношей,

дадутъ вамъ понятіе о значеніи и силѣ его вліянія на близкихъ ему людей,

„У насъ была своя революція: мы подпали подъ чуждое и пагубное вліяніе (со времени Петра), но пора этого вліянія приходитъ къ концу. Наши умственныя оковы спадаютъ; минута нашего умственнаго освобожденія приближается, но битва еще не окончена: каждый изъ насъ чувствуетъ въ себѣ самомъ или внутреннюю борьбу, или, по крайней мѣрѣ, слѣдъ ея. Одинъ Валуевъ какъ будто принадлежалъ будущему поколѣнію. Въ немъ борьба уже прекатилась и, повидимому, не оставила слѣдовъ. Онъ весь былъ любовь и вѣра. Вотъ причина, почему дѣятельность его была такъ смѣла и неутомима, почему онъ дѣйствовалъ такъ сильно и вмѣстѣ такъ кротко“.

Я бы не сталъ останавливаться долѣе на этомъ предметѣ, но я долженъ прибавить нѣсколько словъ въ объясненіе одного богословскаго вопроса. Изъ высказаннаго мною мнѣнія о Валуевѣ, вы можете судить о томъ, на сколько я ставлю себя ниже его въ нравственномъ отношеніи, на сколько считаю его достойнѣе молиться обо мнѣ, чѣмъ мнѣ о немъ, и однако я молюсь за упокой его отшедшей души. Наступитъ ли наконецъ время, когда мысль о любви въ продолженіи жизни и о любви послѣ смерти изгонитъ антихристіанскія понятія Римскаго утилитаризма въ молитвѣ?...

Благодарю васъ за присылку книгъ. Мнѣ кажется, что книга Вильямса о Воскресеніи Спасителя не совсѣмъ такова, какою ей слѣдовало быть. Онъ, повидимому, принялъ темноту мистицизма за глубину ученія и изысканныя утонченности схоластическаго богословія за трезвое и несомнѣнное объясненіе таинствъ вѣры. Я знаю, что его могли завлечь въ такое заблужденіе примѣры многихъ Св. Отцевъ первобытной Церкви. Но мы не должны забывать, что и отцы Церкви, не смотря на твердость ихъ вѣры, на святость ихъ жизни и на нерѣдкую между ними замѣчательную силу разума, все же платили дань своему вѣку и отечеству, и что вѣкъ этотъ отличался дурнымъ вкусомъ, отечество было заражено страстью къ утонченностямъ въ наукѣ, къ игрѣ словъ и стихоплетеніямъ, къ которымъ прибѣгали даже для выраженія самыхъ серьезныхъ мыслей. Во многихъ мѣстахъ сочиненія г-на Вильямса есть однако проблески искренняго чувства и теплой христіанской любви; но онѣ теряютъ свою плодотворную силу, исчезая въ потокахъ мистическихъ гаданій. Я готовъ допустить, что нѣкоторыя объясненія

(хотя весьма гадательныя), какъ напримѣръ о Маріи Магдалинѣ, все-таки остроумны и показываютъ въ сочинителѣ блестящій умъ; но, въ тоже время, другія очень важныя событія затронуты слишкомъ легко и не вполнѣ поняты, какъ напримѣръ принятіе Спасителемъ пищи и пророческія слова, обращенныя къ апостоламъ Петру и Іоанну, хотя надобно прибавить, что различіе между характерами двухъ апостоловъ обрисовано тонко и даже драматично.

Другое сочиненіе „*объ историческомъ единствѣ*“ гораздо замѣчательнѣе въ своемъ родѣ и можетъ быть смѣло признано за весьма полезную книгу. Это конечно только краткій очеркъ всеобщей исторіи, составленный безъ всякаго притязанія на высшую и глубокую ученость, показывающій впрочемъ, что сочинитель человѣкъ весьма начитанный, совершенно знакомый съ современнымъ состояніемъ науки и (за исключеніемъ нѣкоторыхъ частей) обладающій даромъ тонкой критики. Жалѣю, что краткость досуга не позволяетъ мнѣ приняться за болѣе обстоятельный критическій разборъ книги; приходятъ теперь мнѣ на память слѣдующіе недостатки, замѣченные мною во время перваго и весьма бѣглаго ея чтенія.

Авторъ показалъ болѣе справедливости, чѣмъ это обыкновенно бываетъ, въ отношеніи къ Римскимъ императорамъ отъ Траяна до Константина. Въ самомъ дѣлѣ, едва ли другое государство можетъ представить такое значительное число великихъ или, по крайней мѣрѣ, замѣчательныхъ государей; тираны (конечно, мы оставляемъ здѣсь въ сторонѣ гоненіе на христіанъ), безумцы и даже государи, стоявшіе не выше посредственности, не составляютъ даже половины всѣхъ императоровъ; такая пропорція рѣдко, да и едвали когда нибудь, встрѣчалась въ исторіи. Это обстоятельство очень важно; оно доказываетъ, какъ глубоко вкоренилась та болѣзнь, которая причинила паденіе Рима и которой не могли устранить ни добродѣтели, ни мужество, ни геній, ни необыкновенные подвиги императоровъ. Все это справедливо; но болѣзнь, истощившая силу Рима, нигдѣ не изслѣдована, и, что̀ всего важнѣе, раздѣленіе Имперіи на двѣ половины не только не объяснено, но даже осталось почти неупомянутымъ, хотя нельзя не признать, что это событіе есть одно изъ самыхъ важныхъ въ исторіи паденія Рима. Переселеніе Германскихъ племенъ на Западъ Европы, составляющее связь между древнею и новою исторіею, давшее міру новое направленіе, также осталось почти неизслѣдован-

нымъ. Я долженъ прибавить, что переселеніе это понимается почти всегда ошибочно. Первое переселеніе, очевидно, направилось къ юговостоку (Готѳы, Вандалы, Свевы, Аланы, Бургунды, Герулы, Гепиды и другіе) и продолжалось болѣе двухъ вѣковъ. Потомъ, оно внезапно перемѣнило направленіе и неудержимымъ напоромъ устремилось къ западу и югозападу, уничтожая передъ собою всякое сопротивленіе, не только со стороны Римскихъ, но даже и самыхъ сильныхъ Германскихъ племенъ (Алемановъ и Франковъ). Это, въ сущности, было ничто иное какъ бѣгство передъ подъемомъ обитателей восточной Европы, т. е. племенъ Славянскихъ, которыя, послѣ многолѣтнихъ страданій, свергли съ себя наконецъ тяжкій гнетъ чуждаго имъ господства. Нигдѣ также не упоминается о Византійской Имперіи, а такое умолчаніе есть несправедливость. На границахъ своихъ, болѣе протяженныхъ чѣмъ границы Западной Имперіи, она была слабѣе и болѣе открыта врагамъ; защита ея была труднѣе. Враги Византіи были могущественнѣе враговъ Рима. Персія, Кавказъ, всѣ Германскія племена, кромѣ Франковъ и Алемановъ, всѣ племена Славянскія, Авары, Турецкія шайки и, что̀ всего ужаснѣе, вся сила Магометанскаго міра, все бросилось на Византію. Ея народонаселеніе было малочисленно и невоинственно; ея государи, за весьма немногими, блестящими исключеніями, были ниже посредственности, и однако Византія продержалась цѣлымъ тысячилѣтіемъ долѣе Западной Имперіи. Очевидно, что въ ней былъ источникъ той терпѣливой, выдерживающей испытанія силы, которая была вообще въ слишкомъ глубокомъ презрѣніи у дѣтей Римскаго міра. Кажется, авторъ не замѣтилъ того факта, что стойкое сопротивленіе Византіи ударамъ, шедшимъ изъ центра Магометанскаго могущества, гораздо болѣе содѣйствовало спасенію Европы отъ Арабовъ, чѣмъ побѣды Пипина надъ отдѣльными ихъ силами. Вотъ тѣ замѣчанія, которыя приходятъ мнѣ на память и кажутся мнѣ важными. Я не стану осуждать автора за недостатокъ, преобладающій во всемъ его сочиненіи: я разумѣю его историческую систему, которая есть ничто иное какъ партикуляризмъ, или изложеніе фактовъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они являлись во времени, безъ всякаго связующаго звена между событіями, кромѣ случая или воли Провидѣнія (какъ кому угодно называть его). Правда, что стремленіе человѣчества къ единству все-таки подразумѣвается имъ, но скорѣе какъ deus ex machina, чѣмъ какъ раціональная необходи-

мость. Здѣсь историкъ невиноватъ. Логика исторіи, или скорѣе необходимость такой логики, была предчувствуема нѣкоторыми избранными умами (каковы Вико, Боссюетъ, Гегель); но она до сихъ поръ еще не существуетъ, и отсутствіе ея не можетъ быть вмѣнено въ осужденіе. Книга, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ несомнѣнной похвалы и уваженія

Я не говорю о вашихъ двухъ проповѣдяхъ; я только могу благодарить васъ за нихъ. Очевидно, что между нами болѣе точекъ соприкосновенія, болѣе взаимнаго согласія и сочувствія, чѣмъ вообще предполагается. Время сдѣлать свое дѣло, и эти добрыя, почти еще непризнанныя чувства принесутъ свои плоды.

Странные ходятъ слухи. Римская каѳедра какъ будто пробуждается отъ долгаго сна и пытается извлечь какую нибудь выгоду изъ современныхъ стремленій къ духовному единству— политика конечно умная и глубокая, и выборъ Англіи, какъ самой серьезной Европейской страны, на которую направлены первые удары, вполнѣ удаченъ. Я не имѣю подробныхъ извѣстій объ этомъ вопросѣ; но, насколько я его понимаю, предполагается здѣсь что-то въ родѣ Греческой Уніи, существующей въ Польшѣ и Венгріи. Это видимое подтвержденіе того начала, о которомъ я выразилъ свое мнѣніе въ первомъ письмѣ моемъ къ Пальмеру. Римъ можетъ предлагать Унію, и Унія возможна въ Римской Церкви, какъ возможны союзы между двумя народами или государями. Такіе мирные трактаты возможны потому, что они не предполагаютъ и не требуютъ внутренняго и духовнаго единства. Они не подготовляются глубокимъ, нравственнымъ и догматическимъ обновленіемъ въ чувствахъ и мысляхъ; они также не требуютъ такихъ перерожденій.—Отнынѣ вѣротерпимость Рима распространяется на Англію. Англія отплатитъ Риму подобною же вѣротерпимостью, а въ нѣкоторыхъ вопросахъ (какъ я полагаю: въ назначеніи духовныхъ сановниковъ, въ разрѣшеніи законодательныхъ или иныхъ подобныхъ вопросовъ) папа-президентъ будетъ давать свои рѣшенія. Это будетъ церковная федерація, нѣсколько похожая на политическое управленіе Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Здѣсь не только не ищутъ нравственнаго союза, не домогаются внутренняго единства, но даже существованія такого единства не предполагаютъ. Войнѣ и раздорамъ положатъ конецъ. Говоря серьезно, хотя можетъ быть и нѣсколько рѣзко, не похоже ли это на пародію на Ангельское благовѣстіе „на зем-

ли миръ, человѣкамъ благоволеніе". Это миръ утомленной непріязни, а не святое единство братскаго объятія; это холодное благоволеніе филантропіи, а не горячее чувство христіанской любви.

Предчувствія, выраженныя мною болѣе 15 лѣтъ тому назадъ, повидимому, оправдываются въ томъ, что дѣло Протестантства приходитъ, какъ кажется, къ концу. Протестантскія общины быстро разлагаются съ двухъ концовъ, исчезая съ одной стороны въ Латинствѣ, съ другой вдаваясь въ испытующій анализъ, иначе: въ полное безвѣріе, склоняясь къ папѣ или къ Спинозѣ. Можно полагать, что такимъ образомъ великое историческое событіе исчезнетъ, не оставивъ послѣ себя никакихъ глубокихъ слѣдовъ.

Протестантство, какъ Церковь, само себя осуждаетъ уже тѣмъ, что перестаетъ чувствовать. Въ отношеніи къ Риму его вліяніе очевидно ничтожно; ибо начала Римской Церкви остаются неизмѣнными, хотя онѣ соединяются съ большею противъ прежняго долею вѣротерпимости, но эта вѣротерпимость (я говорю въ высшихъ областяхъ знанія и вѣры) есть ничто иное какъ сомнѣніе или равнодушіе. Послѣдствія Протестантства будутъ громадны только въ смыслѣ политическомъ: оно дало невѣрію право гражданской свободы, отдѣливъ государство отъ Церкви, что̀ кажется справедливымъ при современныхъ понятіяхъ о государствѣ (не говорю, чтобы понятія эти были вѣрны). Съ другой стороны, Протестантство не будетъ безполезно въ отрицательномъ смыслѣ. Оно оставитъ Римскую Церковь растерзанною, кое-какъ сплоченною и уличенною во внутренней своей слабости, въ раціонализмѣ. Но неужели это все? Я ожидалъ другихъ результатовъ и еще не отказался отъ своихъ надеждъ!

Способенъ ли нашъ вѣкъ, избалованный матеріальными удобствами, къ нравственному возрожденію? Я не думаю, чтобъ онъ былъ хуже другихъ предшедствовавшихъ вѣковъ; но всегда было и будетъ трудно для человѣка переломить свои привычки и преданія и приняться за трудное дѣло покаянія; полумѣры, полууступки гораздо удобнѣе, чѣмъ полное возрожденіе.

Вотъ почему нужно было скорѣе ожидать (по крайней мѣрѣ отъ большинства Англиканскихъ и другихъ протестантовъ) условнаго возвращенія къ Риму, чѣмъ рѣшительнаго шага къ возобновленію того древняго единства, которое въ первые вѣка Христіанства существовало между Востокомъ и Западомъ. Я

выразилъ ту же мысль въ моемъ первомъ письмѣ къ Пальмеру, и, кажется, событія готовятся оправдать мое предложеніе. По всѣмъ вѣроятностямъ, исторія нашего времени докажетъ, что различіе въ символѣ вѣры, на которое такъ мало обращали вниманія, о которомъ такъ мало говорили, о которомъ упоминали лишь вскользь, важнѣе всѣхъ тѣхъ особенностей, отличающихъ Римскую Церковь отъ Протестантской въ ученіи, обычаяхъ и обрядахъ, о которыхъ такъ много говорили и писали. Путь нравственнаго долга и догматической истины кажется мнѣ совершенно яснымъ; но страсти (личныя, народныя, наслѣдственныя) имѣютъ гораздо больше силы, чѣмъ вообще предполагаютъ.

Что̀ думаете вы обо всемъ этомъ? Какой ожидаете вы пользы или какого вреда отъ этихъ попытокъ условныхъ союзовъ въ дѣлахъ вѣры?

Потрудитесь увѣдомить меня о себѣ и о занятіяхъ вашихъ. Потеря Валуева сильно потрясла мое здоровье. Лихорадочные припадки, желчныя страданія и воспаленіе глазъ осудили меня на время на тягостное бѣздѣйствіе; но теперь я чувствую, что возвращается сравнительно доброе здоровье.

(1846).

ОПЫТЫ

ПЕРЕВОДОВЪ АПОСТОЛЬСКИХЪ ПОСЛАНІЙ.

Эти переводы были едва ли не послѣдними занятіями покойнаго автора. Мы нашли въ его рукописяхъ два оконченныхъ перевода: посланія къ Галатамъ и къ Ефесеямъ; сверхъ того замѣтку на текстъ изъ посланія къ Филипійцамъ, по которой можно заключить, что авторъ продолжалъ свой трудъ Пр. изд.

КЪ ГАЛАТАМЪ ПОСЛАНІЕ

СВЯТАГО АПОСТОЛА ПАВЛА.

ГЛАВА I.

1. Павелъ, апостолъ (не отъ человѣковъ и не чрезъ человѣка, но отъ Іисуса Христа и Бога Отца, воздвигнувшаго Его изъ мертвыхъ)
2. и всѣ, которые со мною братья, Церквамъ Галатіи:
3. благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца и Господа нашего Іисуса Христа,
4. отдавшаго Себя Самаго за грѣхи наши, чтобы исхитить насъ отъ настоящаго вѣка лукаваго, по волѣ Бога и Отца нашего,
5. Которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.
6. Дивлюсь я, что вы такъ скоро переходите отъ призвавшаго васъ къ благодати Христовой въ иное благовѣстіе,
7. которое (впрочемъ и) не есть иное; но только есть люди, смущающіе васъ и хотящіе извратить благовѣстіе Христово.
8. Но если бы и мы, или Ангелъ съ неба сталъ благовѣстить вамъ иное, чѣмъ что̀ мы благовѣстили вамъ, отлученъ да будетъ.
9. Какъ мы уже сказали, и нынѣ снова говорю, если кто вамъ благовѣстить будетъ иное, чѣмъ что̀ вы приняли, отлученъ да будетъ:
10. ибо нынѣ, кому прямлю я: людямъ или Богу, или ищу я людямъ угождать? Угождай я донынѣ людямъ, не былъ бы я рабомъ Христу.
11. Объявляю же вамъ, братья: то благовѣстіе, которое мною благовѣствовано, оно не по человѣку;
12. ибо не отъ человѣка принялъ я оное или научился, но чрезъ откровеніе Іисуса Христа.
13. Вы конечно слышали о моемъ прежнемъ житіи въ Іудействѣ, какъ я безмѣрно гналъ Церковь Божію и разрушалъ ее,

14. и преуспѣвалъ въ Іудействѣ болѣе многихъ сверстниковъ въ родѣ моемъ, будучи чрезмѣрнымъ ревнителемъ отеческихъ моихъ преданій.
15. Когда же благоволилъ Богъ, избравшій меня отъ утробы матери моей и призвавшій Своею благодатію,
16. открыть во мнѣ Сына Своего, да благовѣствую Его язычникамъ, не поспѣшилъ я совѣтоваться съ плотію и кровью.
17. и не ходилъ въ Іерусалимъ къ бывшимъ Апостоламъ прежде меня, но пошелъ въ Аравію и опять возвратился въ Дамаскъ;
18. потомъ, черезъ три года, пошелъ я въ Іерусалимъ переговорить съ Петромъ и пробылъ у него пятнадцать дней;
19. другаго же изъ апостоловъ я не видалъ, кромѣ Іакова, брата Господня,
20. (а что̀ пишу вамъ, вотъ передъ Богомъ не лгу).
21. Потомъ пошелъ я въ страны Сирскія и Киликійскія,
22. лицемъ же былъ я неизвѣстенъ Церквамъ Христовымъ въ Іудеѣ.
23. Только слышали онѣ, что гнавшій насъ нѣкогда нынѣ благовѣствуетъ ту вѣру, которую прежде разрушалъ.
24. и славили обо мнѣ Бога.

ГЛАВА II.

1. Потомъ, черезъ четырнадцать лѣтъ, опять ходилъ я въ Іерусалимъ съ Варнавою, взявъ и Тита съ собою·
2. Ходилъ же я по откровенію и изложилъ имъ, особо же значительнѣйшимъ, то благовѣстіе, которое проповѣдую во языкахъ: не напрасно ли какъ нибудь я подвизаюсь или подвизался?
3. Но и Титъ бывшій со мною, хотя Эллинъ, не былъ принуждаемъ къ обрѣзанію.
4. А что̀ до вкравшихся лжебратій, приходившихъ только подсматривать за нашею свободою (которую имѣемъ во Христѣ Іисусѣ), чтобъ насъ поработить:
5. то мы имъ ниже на одинъ часъ не покорились, да истина благовѣстія сохранится для насъ.
6. Что̀же до значащихъ что либо, какіе бы они ни были, у меня съ ними розни нѣтъ (на лице человѣка Богъ не глядитъ): ибо на меня они ничего не наложили:

7. но напротивъ, видя, что мнѣ ввѣрено благовѣствованіе въ необрѣзаніи, также какъ Петру въ обрѣзаніи,
8. (ибо возмогавшій чрезъ Петра въ апостольствѣ къ обрѣзанію, возмогалъ и чрезъ меня къ языкамъ *),
9. и узнавъ благодать данную мнѣ, Іаковъ и Кифа и Іоаннъ, почитаемые столпами, дали мнѣ и Варнавѣ десницу общенія: мы къ языкамъ, а они къ обрѣзанію;
10. только, чтобы помнили мы нищихъ, что̀ я всегда съ ревніемъ и исполнялъ.
11. Когда-же пришелъ Петръ въ Антіохію, я противусталъ ему въ лице, потому что онъ подлежалъ упреку.
12. Ибо, прежде чѣмъ придти нѣкоторымъ отъ Іакова, онъ ѣлъ съ иноязычниками; когда-же пришли, онъ уклонился и отдѣлился, боясь обрѣзанныхъ.
13. А съ нимъ стали притворяться и прочіе Іудеи, такъ что даже Варнава увлеченъ былъ въ ихъ притворство.
14. Но когда я увидѣлъ, что они не прямо шли по истинѣ благовѣстія, я сказалъ Петру при всѣхъ: если ты, будучи Іудеемъ, живешь поязычески, а не поіудейски, что̀-же принуждаешь языки іудействовать?
15. Мы по природѣ Іудеи, а не изъ языковъ грѣшники.
16. Увѣдавъ, что не оправдывается человѣкъ отъ дѣлъ закона, а развѣ вѣрою въ Іисуса Христа, и мы увѣровали во Іисуса Христа, да оправдимся вѣрою во Христа, а не дѣлами закона; поелику отъ дѣлъ закона не оправдается никакая плоть.
17. Если же, стремяся оправдаться во Христѣ, и сами мы оказались грѣшниками, не есть-ли тогда Христосъ служитель по грѣху?—да не будетъ.
18. Ибо, если что̀ я разрушилъ, то самое вновь строю; я самого себя показываю преступникомъ.
19. Чрезъ законъ умеръ я для закона, да живу для Бога.
20. Я Христу сораспялся, живу же не я уже, но живетъ во мнѣ Христосъ; а что нынѣ живу во плоти, то живу вѣрою въ

*) Сохраняю слово языкъ вмѣсто народъ: первые переводчики не могли этого слова выдумать, а въ немъ заключается особая характеристика мысли. Для Славянина народъ разнствуетъ по слову—языкъ, для Грека по обычаю—ἔθνος; для Римлянина по происхожденію: gens, natio и, можетъ быть, populus (отъ pel), хотя тутъ корень можетъ быть ple, какъ у насъ въ словѣ полкъ.

Сына Божія, возлюбившаго меня и предавшаго Себя за меня.

21. Я не отвергаю благодати Божіей; ибо если праведность отъ закона, значитъ Христосъ даромъ умеръ.

ГЛАВА III.

1. О безумные Галаты, кто очаровалъ васъ не слушаться истины? —васъ, предъ чьими глазами Іисусъ Христосъ изображенъ былъ, какъ бы передъ вами самими распятый?
2. Одно это хотѣлъ бы я узнать отъ васъ: отъ дѣлъ ли закона получили вы Духа, или отъ слушанія вѣры?
3. Ужели вы такъ безумны? Начавъ Духомъ, нынѣ кончаете плотію!
4. Ужели такъ много испытали вы понапрасну? Да еще понапрасну ли только?
5. Что-же? Отъ дѣлъ ли закона, или отъ слушанія вѣры Тотъ, Кто расточаетъ вамъ Духа и творитъ въ васъ силы?
6. Какъ Авраамъ повѣрилъ Богу, и вмѣнилось ему въ праведность,
7. также знайте: тѣ, кто отъ вѣры, они-то и суть сыны Авраама.
8. Ибо писаніе, провидя, что Богъ оправдаетъ языки отъ вѣры, предблаговѣстило Аврааму: „что благословятся въ тебѣ всѣ языки".
9. Посему тѣ, кто отъ вѣры, благословляются съ вѣрнымъ Авраамомъ.
10. А которые отъ дѣлъ закона, тѣ подъ клятвою; ибо писано: проклятъ всякій, кто не пребываетъ во всѣхъ предписаніяхъ книгъ закона, исполняя оныя.
11. Что отъ дѣлъ закона не оправдывается никто передъ Богомъ, ясно потому, что и праведникъ отъ вѣры живъ будетъ.
12. Но законъ не отъ вѣры; а человѣкъ, что̀ дѣлаетъ, въ томъ и живетъ *).
13. Христосъ искупилъ насъ изъ-подъ клятвы закона, ставъ

---

*) Это мѣсто, кромѣ Славянскаго перевода, вовсе не понятно; во всѣхъ мнѣ извѣстныхъ смысла нѣтъ, а въ Русскомъ переводѣ Библ. Общ. смыслъ совершенно противенъ подлиннику. Повтореніе словъ αὐτὰ и αὐτοῖς указываетъ явно на то, что это правило общее, которое могло-бы выразиться такъ: человѣкъ живетъ тѣмъ, что признаетъ началомъ свой дѣятельности.

за насъ клятвою, ибо писано: „проклятъ всякъ, повѣшенный на деревѣ“.

14. Да будетъ на всѣ народы благословеніе Авраамово во Христѣ Іисусѣ, да пріиметъ обѣтованіе Духа чрезъ вѣру.

15. Братья, говорю по человѣчески: даже и человѣкомъ утвержденнаго завѣщанія никто не отмѣняетъ и не прибавляетъ къ оному.

16. Аврааму же сказано: было обѣтованіе и сѣмени его (не сказано: сѣменамъ, какъ бы о многихъ, но какъ объ одномъ) „и сѣмени твоему“, которое есть Христосъ.

17. Такъ я говорю, что завѣта, предутвержденнаго Богомъ во Христѣ, законъ, пришедшій спустя четыреста тридцать лѣтъ, отмѣнить не могъ, чтобы упразднить обѣтованіе;

18. ибо, если наслѣдіе отъ закона, оно уже не отъ обѣтованія; Авраама же ущедрилъ Богъ черезъ обѣтованіе.

19. Итакъ, что̀ же законъ? Онъ предустановленъ былъ противъ заблужденій, доколѣ не пришло то сѣмя, которому дано обѣтованіе, и устроенъ вѣстниками Божьими подъ рукою посредника.

20. Посредникъ же при одномъ не бываетъ, а Богъ одинъ.

21. Итакъ законъ противенъ обѣтованіямъ Божіимъ? Да не будетъ. Еслибъ былъ данъ законъ, могущій животворить, тогда бы дѣйствительно праведность была отъ закона.

22. Но писаніе заключило всѣхъ подъ грѣхомъ, дабы чрезъ вѣру въ Іисуса Христа дано было обѣтованіе вѣрующимъ.

23. Прежде чѣмъ придти вѣрѣ, мы были заключены и стрегомы закономъ для будущаго откровенія вѣры.

24. Такъ законъ былъ намъ дядькою во Христа, да отъ вѣры оправдимся.

25. Пришедшей же вѣрѣ, мы уже не подъ дядькою.

26. Но черезъ вѣру всѣ вы сыны Божіи во Христѣ Іисусѣ;

27. ибо всѣ вы, сколько во Христа крестились, во Христа облеклись.

28. Тутъ нѣтъ уже Іудея, ни Эллина, нѣтъ раба, ни свободнаго, нѣтъ мущины, ни женщины: ибо во Христѣ Іисусѣ вы всѣ— одинъ *).

29. Если же вы Христовы, то и сѣмя Авраама, и по обѣтованію наслѣдники.

---

*) Не ἓν, а εἷς. Этимъ объясняется 16 стихъ тойже главы.

ГЛАВА IV.

1. Еще скажу: во все время, покуда дѣйствуетъ наслѣдникъ, онъ ничѣмъ не разнится отъ раба, будучи господинъ всего;
2. но онъ подъ опекунами и домоправителями до отцовскаго предназначенія.
3. Такъ и мы, покуда дѣтствовали, были порабощены стихіямъ міра;
4. когда же пришла полнота времени, послалъ Богъ Сына Своего, рожденнаго отъ жены, бывшаго подъ закономъ,
5. да искупитъ подзаконныхъ, да получимъ усыновленіе.
6. А поелику вы сыны, послалъ Богъ Духа Сына Своего въ сердца ваши: вопіющаго, Авва! (отче!)
7. Итакъ, ты уже не рабъ, но сынъ; а если сынъ, то и наслѣдникъ Божій чрезъ Христа.
8. Но тогда, не увѣдавъ Бога, вы служили тѣмъ, кто по существу не боги;
9. нынѣ же, узнавъ Бога, а что̀ еще болѣе, бывъ признаны Богомъ, какъ обращаетесь вы снова къ безсильнымъ и нищимъ стихіямъ, которымъ съизнова поработиться хотите?
10. Дни разбираете, и мѣсяцы, и времена, и сроки *).
11. Боюсь за васъ, какъ бы не напрасно я у васъ трудился!
12. Будьте какъ я; ибо и я какъ вы. Братья, молю васъ: вѣдь вы ничѣмъ меня не обидѣли.
13. Сами знаете, что я впервые благовѣствовалъ вамъ въ немощи плоти;
14. и вы того испытанія моего во плоти не презрѣли и не отвергли, но какъ вѣстника Божія привѣствовали меня, какъ Іисуса Христа.
15. Что̀ же значило изъявленіе вашего тогдашняго счастія? Ибо я свидѣтельствую о васъ, что, еслибъ можно, вы глаза свои, вырвавъ, отдали бы мнѣ.
16. Неужели я сдѣлался вашимъ врагомъ, потому что былъ съ вами правдивъ? **)
17. Не добро ревнуютъ по васъ, но хотятъ отдѣлить васъ, чтобы вы по нихъ ревновали.

---

*) Хотя ἐνιαυτός и значитъ иногда годъ, но предшествующее καιρούς удерживаетъ за нимъ характеръ неопредѣленнаго цикла.

**) Кажется, ἀληθεύων болѣе чѣмъ ἀλήθειαν λαλῶν.

18. Добро ревновать къ добру всегда, а не единственно въ моемъ присутствіи у васъ.
19. Дѣтки мои, которыми я вновь мучусь, доколѣ не вообразился въ васъ Христосъ!
20. Желалъ бы я присутствовать у васъ теперь и измѣнить голосъ свой, потому что я объ васъ неудомѣваю.
21. Скажите мнѣ: вы,—желающіе быть подъ закономъ, или вы не слушаете закона?
22. Ибо писано, что Авраамъ имѣлъ друхъ сыновей, одного отъ рабы и одного отъ свободной;
23. но который отъ рабы, родился по плоти, а который отъ свободной—по обѣтованію,
24. Тутъ все иносказательно: эти двѣ суть два завѣта; одинъ отъ горы Синая, рождающій въ рабство, который и есть Агарь.
25. Ибо эта Агарь, это гора Синай въ Аравіи и сопоставляется нынѣшнему Іерусалиму, который рабствуетъ со всѣми дѣтьми своими.
26. Іерусалимъ же вышній свободенъ: онъ и есть мать намъ всѣмъ.
27. Ибо писано: „возвеселись неплода, не рождавшая; порывайся и взывай не чадоболѣвшая, ибо много чадъ у одинокой, болѣе чѣмъ у имѣющей мужа“.
28. Мы же, братія, по Исааку, обѣтованія чада.
29. Но также какъ тогда, по плоти родившійся гналъ того, кто по духу: такъ и теперь.
30. Но что̀ говоритъ писаніе? „Выгони рабу и сына ея, ибо не слѣдуетъ сынъ рабы при сынѣ свободной“.
31. А мы, братія, чада не рабы, но свободной.

ГЛАВА V.

1. Посему стойте въ той свободѣ, въ которую освободилъ васъ Христосъ, и не возлагайте на себя снова ига рабства.
2. Смотрите: я Павелъ говорю вамъ, что если вы обрѣзываетесь, Христосъ вамъ не пользуетъ ни на что:
3. Свидѣтельствую же опять всякому человѣку обрѣзывающемуся, что онъ долженъ весь законъ исполнять.
4. Христа отчуждаетесь всѣ, оправдывающіе себя закономъ; отъ благодати отпадаете вы.
5. А мы духомъ чаемъ надежды оправданія отъ вѣры;

6. ибо во Христѣ Іисусѣ ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе не могутъ ничего, но вѣра, движимая любовью.
7. Вы хорошо бѣжали; кто остановилъ васъ, чтобы вамъ уже не слушаться истины?
8. Эта задержка не отъ того, кто призываетъ васъ.
9. Малая закваска квасить весь растворъ.
10. Я увѣренъ въ васъ о Господѣ, что и вы не иначе будете мыслить: смущающій же васъ приметъ осужденіе, кто бъ онъ ни былъ.
11. Я же, братья, если еще проповѣдую обрѣзаніе, за что же я еще гонимъ? Вѣдь этимъ упразднился бы соблазнъ креста.
12. Какъ желательно, чтобы отсѣчены были смущающіе васъ!
13. Вы въ свободу призваны, братья; только свобода не въ потворство плоти, но чтобы вы изъ любви служили другъ другу.
14. Ибо вся полнота закона въ одномъ словѣ: „возлюбишь ближняго своего какъ самого себя“.
15. Ежели же вы другъ друга грызете и съѣдаете, смотрите, какъ бы вамъ не истребиться другъ другомъ.
16. Итакъ говорю: ходите духомъ и не станете воли плоти совершать.
17. Ибо плоть волитъ противъ духа, и духъ противъ плоти; они противятся другъ другу, такъ что вы не то дѣлаете, чего хотите.
18. Если же вы водимы духомъ, то вы не подъ закономъ.
19. Извѣстны дѣла плоти; они суть: прелюбодѣяніе, блудъ, нечистота, развратъ,
20. идолослуженіе, порчи, вражда, свары, ревности, гнѣвъ, происки, розни, расколы,
21. зависти, убійства, пьянства, пированія, о которыхъ предсказываю вамъ, какъ и прежде говорилъ, что дѣлающіе такія дѣла царства Божія не наслѣдуютъ.
22. Плодъ же духа есть любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, доброта, благодушіе, вѣрность,
23. кротость, воздержаніе; противъ таковыхъ нѣтъ закона.
24. А тѣ, которые суть Христовы, распяли плоть со страстями и похотями.
25. Если мы живемъ духомъ, то станемъ и слѣдовать духу.
26. Не будемъ тщеславными, другъ друга раздражателями, другъ другу завистниками!

ГЛАВА VI.

1. Братья, если и впадетъ человѣкъ въ какое прегрѣшеніе, вы, духовные, направляйте таковаго въ духѣ кротости, и наблюдай за собою, какъ бы и самъ ты не искусился.
2. Другъ друга тягости носите и такъ исполняйте законъ Христовъ.
3. Еслиже кто думаетъ быть чѣмъ-нибудь, будучи ничѣмъ, онъ самъ себя обманываетъ.
4. Каждый испытывай свое собственное дѣло, и тогда ему будетъ чѣмъ похвалиться передъ собою только, а все-таки не передъ другимъ:
5. ибо всякій понесетъ свое собственное бремя.
6. Учащійся слову, да даетъ учащему общеніе во всѣхъ благахъ своихъ.
7. Не обманывайтесь: надъ Богомъ не посмѣешься. Что̀ человѣкъ сѣетъ, то онъ и пожнетъ.
8. Такъ, сѣющій въ плоть свою отъ плоти пожнетъ тлѣніе; сѣющій же въ духа отъ духа пожнетъ жизнь вѣчную.
9. Не скорбимъ тоже, творя благая; въ свое время пожнемъ, только бы не ослабли.
10. Итакъ, пока намъ время есть, станемте дѣлать добро всѣмъ, а особенно домочадцамъ вѣры.
11. Видите, какъ много написалъ я вамъ своею рукою!
12. Всѣ тѣ, которые хотятъ благовидности по плоти, принуждаютъ васъ обрѣзываться, только чтобъ имъ не быть гонимыми за крестъ Христовъ.
13. Ибо и сами обрѣзанные не исполняютъ закона, но хотятъ, чтобы вы обрѣзывались для того, чтобъ вашею плотью похвалиться.
14. Мнѣ же да не будетъ, чтобъ я похвалился чѣмъ нибудь, развѣ крестомъ Господа нашего Іисуса Христа, черезъ который мнѣ распятъ міръ, а я міру.
15. Ибо во Христѣ Іисусѣ не могутъ ничего: ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе, но только новая тварь.
16. И кто сему правилу послѣдуетъ, миръ на тѣхъ и милость и на Израилѣ Божіемъ.
17. Впрочемъ, никто не дѣлай мнѣ истомы, ибо я ношу въ тѣлѣ своемъ клейма Господа Іисуса.
18. Благодать Господа нашего Іисуса Христа со духомъ вашимъ, братья! Аминь *).

*) Къ Галатамъ писано изъ Рима.

КЪ ЕФЕСЯНАМЪ ПОСЛАНІЕ

СВЯТАГО АПОСТОЛА ПАВЛА.

ГЛАВА I.

1. Павелъ, волею Божьею посланецъ Іисусъ Христовъ, святымъ сущимъ въ Ефесѣ и вѣрнымъ во Христѣ Іисусѣ.
2. Благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа.
3. Благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, благословившій насъ всякимъ благословеніемъ духовнымъ на небесахъ во Христѣ;
4. также какъ избралъ Онъ насъ въ Немъ прежде сотворенія міра, чтобы намъ быть святыми и непорочными передъ Нимъ въ любви,
5. предназначивъ насъ во усыновленіе Себѣ чрезъ Іисуса Христа, по благости воли Своей,
6. во хвалу славы благодати Своей, коею облагодатилъ Онъ насъ въ Возлюбленномъ,
7. въ Которомъ имѣемъ мы искупленіе кровію Его и отпущеніе преступленій по богатству благодати Его,
8. коею ущедрилъ Онъ насъ во всякой мудрости и разумѣніи,
9. сказавъ намъ тайну воли Своей, по благоволенію, которое Онъ въ Себѣ предуставилъ,
10. къ строительству полноты временъ, дабы все, что ни есть на небесахъ, и все, что ни есть на землѣ, возглавить единою главою—Христомъ.
11. Въ Немъ получили мы и жребій наслѣдства, бывъ къ тому предназначены по опредѣленію Того, Кто все возможетъ по совѣту воли Своей,
12. да будемъ въ похвалу славы Его, мы, первые возуповавшіе на Христа,

13. въ Коемъ и вы, слышавъ слово истины, благовѣстіе спасенія вашего и увѣровавшіе въ него, запечатлѣлись Духомъ обѣтованія Святымъ,
14. Который есть задатокъ наслѣдства нашего къ искупленію удѣла Его, ко хвалѣ славы Его
15. Посему, и я, слышавъ о вашей вѣрѣ во Христа Іисуса и о любви ко всѣмъ святымъ,
16. не престаю благодарить васъ, творя о васъ поминаніе въ молитвахъ моихъ,
17. да Богъ Господа нашего Іисуса Христа, Отецъ славы, дастъ вамъ духа премудрости и откровенія къ познанію Его,
18. и просвѣтленныя очи мысли, дабы вы увѣдали, какова надежда Его призванія и каково богатство славы Его наслѣдія во святыхъ,
19. и каково безмѣрное величіе могущества Его въ насъ, вѣрующихъ по дѣйствію державной силы Его,
20. которою воздѣйствовалъ Онъ во Христѣ, воздвигнувъ Его изъ мертвыхъ и посадивъ одесную Себя на небесахъ,
21. превыше всякаго начальства, и власти, и силы, и господства, и всякаго имени, именуемаго не только въ семъ вѣкѣ, но и въ будущемъ,
22. И все покорилъ подъ ноги Его, и далъ Его, надъ всѣмъ, главою Церкви,
23. которая есть тѣло Его, полнота Того, Кто все во всѣхъ исполнилъ.

ГЛАВА II.

1. И васъ, бывшихъ мертвыми по преступленіямъ и грѣхамъ,
2. въ коихъ нѣкогда ходили по жизни міра сего, по власти князя воздушнаго, духа, нынѣ возмогающаго въ сыновьяхъ ослушанія,
3. среди коихъ и мы всѣ нѣкогда пребывали въ похотѣніяхъ плоти нашей, творя волю плоти и помысловъ, и были чадами гнѣва по естеству какъ и прочіе.
4. Богъ же, богатый въ милости, по многой милости Своей, которою Онъ насъ возлюбилъ,
5. и насъ, бывшихъ мертвыми по преступленіямъ, сооживилъ Христу (по благодати спасены вы)
6. и совоздвигъ и сопоставилъ на небесахъ во Христѣ Іисусѣ,
7. да покажетъ въ вѣкахъ грядущихъ безмѣрное богатство любви Своей по благости къ намъ о Христѣ Іисусѣ;

8. ибо благодатію спасены вы черезъ вѣру, и сіе не отъ васъ — Божій даръ;
9. не отъ дѣлъ, да не хвалится никто;
10. но, по истинѣ, мы Его твореніе, созданные во Христѣ Іисусѣ на дѣла благая, къ коимъ предуготовилъ насъ Богъ, да въ нихъ ходимъ.
11. Итакъ помните, что вы, нѣкогда язычники по плоти, прозывавшіеся необрѣзаніемъ у такъ называемаго обрѣзанія плотскаго и рукотворнаго,
12. что вы въ то время были внѣ Христа, устранены отъ гражданства Израилева, чужды завѣтамъ обѣтованія, не имѣющіе надежды и безбожны въ мірѣ;
13. нынѣ-же во Христѣ Іисусѣ вы, нѣкогда бывшіе далеко, стали близки чрезъ кровь Христову;
14. ибо Онъ миръ нашъ Онъ, сдѣлавшій обоихъ единымъ и разрушившій преграду средостѣнія,
15. плотію своею упразднившій вражду — законъ уставовъ— да создастъ въ Себѣ изъ двухъ одного новаго человѣка, устроя миръ,
16. и да снова примиритъ обоихъ Богу въ одномъ тѣлѣ крестомъ, убивъ на немъ вражду.
17. И пришедши благовѣстилъ Онъ миръ вамъ всѣмъ, дальнимъ и ближнимъ,
18. ибо черезъ Него и тѣ и другіе имѣемъ мы доступъ въ единомъ Духѣ ко Отцу.
19. Посему вы уже не чужіе и не пришельцы, но сограждане святымъ и домашніе Богу,
20. будучи надстроены на основаніи апостоловъ и пророковъ, краеуголье же—Самъ Іисусъ Христосъ,
21. на коемъ все зданіе стройно растетъ въ храмъ святой о Господѣ,
22. на коемъ и вы созидаетесь въ обиталище Божье Духомъ.

ГЛАВА III.

1. Сего ради, я Павелъ—узникъ Іисуса Христа за васъ язычниковъ.
2. Вы конечно слышали о строительствѣ любви Божіей, данной мнѣ для васъ:
3. какъ въ откровеніи сказана мнѣ тайна (о чемъ я прежде вкратцѣ писалъ,

4. изъ чего вы, прочитавъ, можете усмотрѣть мое познаніе въ тайнѣ Христа),
5. которая въ прежнихъ поколѣніяхъ не сказалась сынамъ человѣческимъ, какъ нынѣ открылась она святымъ посланникамъ Его и пророкамъ Духомъ святымъ,
6. чтобы и язычникамъ быть сонаслѣдниками и сотѣлесниками и сопричастниками обѣтованія Его въ Христѣ Іисусѣ, чрезъ благовѣстіе,
7. которому я сдѣлался служителемъ по дару благодати Бога, данной мнѣ дѣйствіемъ силы Его.
8. Мнѣ, ничтожнѣйшему изъ всѣхъ святыхъ, дана благодать сія: благовѣстить въ язычникахъ наслѣдное богатство Христа
9. и всѣмъ уяснить, что̀ такое общеніе тайны, отъ вѣка скрывавшейся въ Богѣ, все сотворшемъ чрезъ Іисуса Христа,
10. да откроется нынѣ начальствамъ и властямъ пренебеснымъ чрезъ Церковь вся многообразная премудрость Бога,
11. по опредѣленію предвѣчному, которое совершилъ Онъ во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ,
12. въ Коемъ получили мы смѣлость и безбоязненный доступъ черезъ вѣру въ Него.
13. Итакъ прошу васъ не унывать отъ скорбей моихъ о васъ, которыя суть слава ваша.
14. Посему склоняю колѣна мои предъ Отцемъ Господа нашего Іисуса Христа,
15. отъ Кого все на небесахъ и на землѣ въ одно отечество именуется *),
16. да дастъ вамъ по богатству славы Своей окрѣпнуть силою чрезъ Духа Его во внутренняго человѣка,
17. вселиться Христу, чрезъ вѣру, въ сердца ваши;
18. да, вкоренясь и утвердясь въ любви, возможете постигнуть со всѣми святыми, что̀ ширина и длина, и глубь, и высь,
19. уразумѣть превосходящую всякое разумѣніе любовь Христа; да полнитесь во всю полноту Божію!
20. Ему же, Кто во всемъ силенъ сотворить безмѣрно болѣе того, о чемъ просимъ и думаемъ, силою дѣйствующею въ насъ,
21. Ему слава въ Церкви о Христѣ Іисусѣ во всѣ времена вѣка вѣчнаго! Аминь.

---

*) Буквально: отъ Кого всякое отечество на небесахъ и на землѣ именуется, т. е. всѣ названы чадами Божіими.

ГЛАВА IV.

1. Итакъ прошу васъ я, узникъ во Христѣ, ходить достойно того званія, въ которое вы званы,
2. со всякимъ смиренномысліемъ и кротостью, съ долготерпѣніемъ, снисходя другъ другу по любви,
3. ревнуя хранить единство духа въ союзѣ мира:
4. Едино тѣло и единъ духъ, такъ какъ вы и званы въ единой надеждѣ вашего призванія.
5. Единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе;
6. Единъ Богъ и Отецъ всѣхъ, Который надо всѣми и во всѣхъ и внутри всѣхъ васъ.
7. Каждому же изъ насъ дана благодать по мѣрѣ дара Христова.
8. Потому и сказано: „возшедъ на высоту, плѣнилъ Онъ плѣнъ и далъ дары людямъ“.
9. А что же это „взошелъ“, какъ не то, что Онъ и нисходилъ прежде въ низшія мѣста земли;
10. низшедшій есть Самый Тотъ, Который и взошелъ превыше всѣхъ небесъ, да исполнитъ все.
11. И Онъ же далъ тѣхъ апостолами, тѣхъ пророками, тѣхъ благовѣстниками, а тѣхъ пастырями и учителями,
12. для согласнаго дѣйствія святыхъ въ дѣлѣ служенія, въ домостройствѣ тѣла Христова;
13. доколѣ всѣ достигнемъ до единства вѣры и познанія Сына Божія, до мужа зрѣлаго, до мѣры роста полноты Христовой.
14. Да не будемъ уже младенцами, волнуемыми и кругоносимыми всякимъ вѣтромъ ученія, въ броженіи людскомъ *), въ коварствѣ лукаваго обмана;
15. но правдивые въ любви, да возрастимъ все въ Того, Кто есть глава во Христа,
16. отъ Котораго все тѣло, согласуясь и слаживаясь во всякой пребывающей связи, дѣятельностью силы соразмѣрной съ каждымъ членомъ, производитъ ростъ тѣла, самосозидаемаго въ любви.
17. Итакъ, свидѣтельствуяся о Господѣ, говорю вамъ впредь не ходить, какъ ходятъ прочіе языки въ суетѣ ума своего,

---

*) Буквально: игра въ кости, случайность, жизнь на удачу.

18. омраченные въ разумѣ, устраненные отъ жизни Божіей чрезъ невѣжество, сущее въ нихъ, чрезъ окаменѣніе сердецъ ихъ:
19. ибо, обезчуствѣвъ, они предались безстыдству на каждую поденщину всякой скверны.
20. Вы же не такъ узнали Христа.
21. Если только вы Его слышали и отъ Него научилися, согласно съ тѣмъ что̀ есть истина въ Іисусѣ:
22. отложить вамъ прежній обычай съ ветхимъ человѣкомъ, гибнущимъ въ похотяхъ прелести,
23. обновиться въ духѣ ума вашего
24. и облечься въ человѣка новаго, сотвореннаго по Богу въ праведности и святости истины.
25. Посему, отложивши ложь, говорите истину, каждый ближнему своему; ибо мы члены другъ друга.
26. Гнѣвайтесь, но не до грѣха: солнце да не зайдетъ въ гнѣвѣ вашемъ.
27. И не давайте мѣста діаволу.
28. Кравшій впредь не крадь, а лучше трудись, дѣлая добро руками, чтобъ было что̀ подать имѣющему нужду.
29. Никакое гнилое слово не выходи изъ устъ вашихъ, а только такое, которое благо для назиданія къ пользѣ, да дастъ благодать слушателямъ.
30. И не печальте Духа Святаго Божьяго, которымъ запечатлѣны вы въ день искупленія.
31. Всякая горечь досады, вспыльчивость и гнѣвъ, брань и злорѣчіе, да изгонятся отъ васъ вмѣстѣ со всякою злобою.
32. Но будьте другъ ко другу услужливы, благоутробны и отдавайтесь сердцемъ другъ другу, какъ и Богъ отдался вамъ во Христѣ.

ГЛАВА V.

1. Итакъ будьте подражателями Богу, какъ чада возлюбленныя.
2. И ходите въ любви, какъ и Христосъ возлюбилъ васъ и за васъ предалъ Себя въ приношеніе и жертву Богу, въ куреніе благоуханное.
3. Блудъ же и всякая нечистота, и жадность да не именуются даже между вами (какъ прилично святымъ),
4. ни срамословіе, ни пустословіе, ни смѣхотворство, все непристойное, но лучше благодареніе.

5. Сіе же знайте, что никакой блудникъ, или нечистый, или жадный, который есть идолослужитель, не имѣетъ наслѣдія въ царствѣ Христа и Бога.
6. Никто васъ да не обманетъ суетными словами, ибо за оныя приходитъ гнѣвъ Божій на сыновъ ослушанія.
7. И не будете отнюдь соучастниками ихъ.
8. Вы были нѣкогда тьма, нынѣ же вы свѣтъ о Господѣ: ходите какъ чада свѣта!
9. (Ибо плодъ духа—всякая доброта и праведность, и истина).
10. Допытывайтесь, что̀ пріятно Господу,
11. и не общайтесь безплоднымъ дѣламъ тьмы, но скорѣе обличайте;
12. ибо о томъ, что̀ ими въ тайнѣ дѣлается, и говорить то срамно.
13. Все же обличаемое дѣлается явнымъ отъ свѣта, а все стремящееся явиться есть свѣтъ *).
14. Посему сказано „возбудись спящій и встань отъ мертвыхъ, и будетъ свѣтить тебѣ Христосъ“.
15. Итакъ смотрите, чтобъ вы бережно ходили, не какъ немудрые, а какъ мудрые,
16. покупающіе время, потому что дни лукавы.
17. Посему не будьте несмысленны, но знающіе, въ чемъ воля Господня.
18. И не упивайтесь виномъ, въ которомъ развратъ, но исполняйтеся Духомъ,
19. бесѣдуя съ собою псалмами и пѣснями и стихами духовными, поючи и воспѣваючи въ сердцѣ своемъ Господу,
20. всегда и за все принося благодареніе, во имя Господа нашего Іисуса Христа, Богу и Отцу,
21. покоряясь другъ другу въ страхѣ Божьемъ.
22. Жены покоряйтеся мужьямъ своимъ какъ Господу,
23. потому что мужъ есть глава жены, также какъ Христосъ глава церкви; онъ же и спаситель тѣла.
24. А также какъ Церковь во всемъ покорствуетъ Христу, такъ и жены мужьямъ своимъ во всемъ.

---

*) Потому что содержитъ начало свѣта. Въ переводахъ Славянскомъ и Библейскаго Общества сказано: „являемое“ и „дѣлающееся явнымъ“, что не имѣетъ смысла, а въ другихъ переводахъ „что являетъ, то есть свѣтъ“ противно грамматикѣ, хотя бы φανερούμενον принять за причастіе формы притяжательной. Φανερούμενον тутъ, явно, самоявляющееся, стремящееся къ проявленію.

25. Мужья, любите женъ своихъ, какъ и Христосъ возлюбилъ Церковь и Себя Самаго предалъ за нее,
26. да освятитъ ее, омывъ водною банею, въ глаголѣ Своемъ,
27. да поставитъ ее предъ собою преславною, Церковью, не имѣющею ни пятна, ни морщины, ни чего-либо подобнаго, но да будетъ свята и непорочна.
28. Такъ и мужья должны любить женъ своихъ, какъ собственныя тѣла. Любящій жену свою себя самого любитъ;
29. ибо никто собственнаго тѣла не ненавидѣлъ, но питаетъ и грѣетъ оное, такъ же какъ и Господь Церковь,
30. поелику мы члены тѣла Его отъ плоти Его и отъ костей Его.
31. Посему оставитъ человѣкъ отца своего и мать и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ двое въ плоть едину.
32. Сіе таинство велико: такъ говорю я о Христѣ и о Церкви.
33. Но и вы, каждый особо, люби жену свою какъ самого себя; жена же да боится мужа.

ГЛАВА VI.

1. Чада, слушайтесь родителей своихъ о Господѣ, ибо сіе справедливо.
2. „Почитай отца своего и мать (сія есть первая заповѣдь съ обѣтованіемъ)
3. да благо тебѣ будетъ, и будешь долголѣтенъ на землѣ“.
4. И вы, отцы, не раздражайте чадъ своихъ, но воспитывайте ихъ въ навыкѣ и ученіи Господа.
5. Рабы, слушайтесь господъ своихъ по плоти, со страхомъ и трепетомъ, въ простотѣ сердецъ вашихъ, какъ Христа,
6. служа не только наглазно, какъ человѣкоугодники, но какъ рабы Христовы, творящіе волю Божію отъ души,
7. съ доброжелательствомъ служа Господу, а не людямъ;
8. зная, что каждый, что̀ бы добраго ни сдѣлалъ, то и получилъ отъ Господа, будь онъ рабъ, будь онъ свободенъ.
9. И вы, господа, дѣлайте тоже въ отношеніи къ нимъ, отлагая угрозу, зная, что и вамъ самимъ есть Господинъ на небесахъ, и что нѣтъ лицепріятія у Него.
10. Впрочемъ, братья мои, укрѣпляйтесь въ Господѣ и въ могуществѣ силы Его;
11. облекитесь во всеоружіе Божіе, чтобы возмочь вамъ стать противу козней діавольскихъ,

12. потому что борьба наша не противъ крови и плоти, но противъ начальствъ, противъ властей, противъ міродержцевъ тьмы вѣка сего, противъ злобы духовъ на небесахъ.
13. Посему возьмите всеоружіе Божіе, да возможете противустать въ злой день и, все совершивъ, устоять.
14. Итакъ станьте, препоясавъ бедра ваша истинною и облекшись бронею праведности,
15. и обувши ноги въ готовность благовѣствованія мира *);
16. сверхъ же всего, взявши щитъ вѣры, въ коемъ возможете всѣ стрѣлы лукаваго разженныя угасить.
17. И шлемъ спасенія примите и мечъ духовный, который есть глаголъ Божій,
18. всякимъ моленіемъ и прошеніемъ моляся во всякое время духомъ и на сіе самое бодрствуя во всякой неутомимости и прошеніи за всѣхъ святыхъ,
19. и за меня, да дастся мнѣ слово, и отверзу уста мои съ дерзновеніемъ, сказывая тайну благовѣстія,
20. о коемъ посольствую въ узахъ, да въ ономъ дерзаю, какъ мнѣ подобаетъ, говорить.
21. А чтобъ и вы знали обо мнѣ, что̀ дѣлаю, то все вамъ скажетъ Тихикъ, возлюбленный братъ и вѣрный служитель въ Господѣ,
22. котораго послалъ я къ вамъ на то самое, чтобы вы знали объ насъ, и чтобы онъ ободрилъ сердца ваши.
23. Миръ братіямъ и любовь съ вѣрою отъ Бога Отца и Господа Іисуса Христа.
24. Благодать со всѣми, любящими Господа нашего Іисуса Христа нетлѣнною любовью. Аминь.

Къ Ефесянамъ писано изъ Рима, черезъ Тихика.

---

*) Во всѣхъ переводахъ ошибочно употреблено слово евангелія, и переводчики сбились съ толку; отъ этого у нихъ выходитъ приготовленіе или твердость вмѣсто готовности, а это не представляетъ никакого смысла. Напр. въ Англійскомъ переводѣ „preparation of the Gospel“ вмѣсто „readeness to bear the good message“.

ЗАМѢТКА НА ТЕКСТЪ ПОСЛАНІЯ

АПОСТОЛА ПАВЛА КЪ ФИЛИППІЙЦАМЪ

Глава II, стихъ 6.

Греческій текстъ: ὅς ἐν μορφῇ θεοῦ υπάρχων οὐχ αρπαγμον ἡγήσατο τὸ εἶναι ἴσα θεῷ αλλα etc.

Русск. переводъ Библейскаго Общества: „Онъ, будучи образомъ Божіимъ, хотя равенство съ Богомъ и не считалъ хищеніемъ, но“ и т. д. *).

Французскій переводъ (Martin) согласный съ Лютеровымъ: Lequel, étant en forme de Dieu, n'a point regardé comme une usurpation d'être égal à Dieu, cependant, etc.

Англійскій переводъ таковъ же, только „usurpation“ въ немъ замѣняется словомъ „robbery“.

Всѣ мнѣ извѣстные новые переводы совершенно одинаковы, въ томъ числѣ и Ново-Греческій. Переводъ Русскаго Библейскаго Общества очевидно взятъ съ нихъ, и маленькое измѣненіе заключается въ вставкѣ слова „*хотя*“ для большей плавности и, вѣроятно, по неясному чувству, что что-то тутъ не такъ. Смыслъ предполагаемый таковъ: Христосъ, Который, хотя и признавалъ за Собою право равенства съ Божествомъ, но и т. д.

Я этотъ смыслъ отвергаю вполнѣ по слѣдующимъ причинамъ:

1. Вся мысль, по моему мнѣнію, несогласна съ духомъ апостола Павла.
2. При такомъ смыслѣ едвали-бы не употребилъ апостолъ форму несовершеннаго прошедшаго, вмѣсто аориста, который тутъ употребленъ. Аористъ болѣе соотвѣтствуетъ Русскомому *счелъ* чѣмъ *считалъ*.

*) Такъ значится въ Петербург. издан. 1882 года; въ Лондонскомъ 1854 года стоитъ: „Онъ, будучи образомъ Божіимъ, не превозносился тѣмъ, что Онъ равенъ Богу, но“ и т. д. Прим. изд.

3. Самое слово ἁρπαγμὸν указываетъ на какое-то дѣйствіе или на проявленіе мысли, а не просто на мысль или мнѣніе. Оно было бы у мѣста, если-бы было сказано: Христосъ проявилъ свое равенство съ Богомъ и не счелъ этого хищеніемъ, но. . . . и т. д. Я вовсе не могу предположить употребленія слова *хищеніе* (usurpation, robbery) тамъ, гдѣ ни какого дѣйствія не было. Тутъ употребилъ бы апостолъ или отрицательное, въ родѣ οὐκ ἄδικον или положительное, въ родѣ ὀφειλόμενον или ἴδιον ἡγήσατο τό εἶναι.

По моему, это ясно, и я переводъ этотъ отвергаю. Ошибка заключается въ томъ, что отрицаніе приложили къ существительному ἁρπαγμὸν, забывая, что, по свойству языка Греческаго, оно можетъ относиться, и тутъ относится, къ глаголу. Вотъ мой переводъ:

„Христосъ, Который не замыслилъ (или не предпринялъ, или не подвигся на) хищенія быть равнымъ Богу". Смыслъ глагола ἡγέομαι (отъ ἄγω) вполнѣ допускаетъ такой смыслъ, который простѣе выражается словами: „Христосъ, Который будучи образомъ Божіимъ, не задумалъ своевольно себѣ приписать равенство съ Богомъ (божественность), но отъ Бога же ожидалъ своей судьбы и славы". Какъ мнѣ кажется, это совершенно въ духѣ апостола Павла. Таковъ мой переводъ, совершенно отдѣльно отъ всякаго авторитета; но что̀ меня еще болѣе утверждаетъ въ моемъ мнѣніи, это переводъ Славянскій, сдѣланный Греками же.

„Иже во образѣ Божіи сый, не *восхищеніемъ* (т. е. похищеніемъ или хищеніемъ въ молитвѣ: да не восхититъ мя сатана) непщева быти равенъ Богу";

По славянски нельзя сказать: счелъ хищеніемъ или полагалъ хищеніемъ, какъ порусски; а если-бы переводчики поняли текстъ какъ новѣйшіе, они сказали-бы; „не восхищеніемъ непщева, еже быти ему равну Богу". Вмѣсто этого они говорятъ: не замыслилъ посредствомъ хищенія быть равнымъ Богу.

Поэтому я и перевожу съ полною увѣренностью такъ: не задумалъ своевольно Себѣ присвоить равенство съ Богомъ, но и т. д.

Это совершенно согласно съ общимъ характеромъ апостола Павла, съ ходомъ мысли въ посланіи къ Филипп. и, если не ошибаюсь, намекаетъ на противоположеніе Адаму (обычаю апостола); ибо Адамъ ветхій, будучи по образу Божію, захотѣлъ своевольно присвоить себѣ божественное: будете какъ боги; Адамъ же новый, Христосъ, смирился.

Отрывки и замѣтки *).

1. ПОСТРОЕНІЕ ЖИЗНИ СПАСИТЕЛЯ **).

Богъ искони.

(признаніе отъ Іоанна)

Адамъ:

- *Чудо въ Канѣ Галил.* — Благословеніе роду человѣческому.
- *Изгнаніе торжниковъ.*—Изгнаніе изъ Царства Божьяго.

Чудеса какъ *свидѣтельства* объ ученіи (необходимы) и независимость отъ Мозаизма.—*Вся Исторія Божіей Церкви.*

Проповѣдь: Никодимъ, Самарянка, крещеніе чрезъ учениковъ, *духовное преданіе*

Отрокъ сынъ Царева мужа исцѣленный.

Разслабленный исцѣленный.

Ученіе о свидѣтельствѣ Божіемъ въ чудесахъ.

---

*) Въ портфелѣ А. С. Хомякова нашлось нѣсколько клочковъ бумаги, исписанныхъ его рукою, большею частью карандашемъ (почти стершимся), и содержащихъ въ себѣ разнаго рода перечни, ссылки, намеки, иногда оглавленія задуманныхъ трудовъ. Разумѣется, многое въ нихъ непонятно и почти все неопредѣленно и загадочно; но изъ этого полумрака пробиваются иногда неожиданные лучи, открывающіе дальніе, еще неизслѣдованные горизонты. Вотъ почему мы сочли не лишнимъ дать мѣсто въ этомъ томѣ нѣкоторымъ изъ этихъ отрывковъ. Мысль Хомякова, даже недосказанная, стоитъ того, чтобы на ней остановить вниманіе, и мы увѣрены, что, по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ изъ читателей, не лишены будутъ интереса эти послѣдніе, едва замѣтные слѣды ея. Примѣч. издат.

**) „Христосъ, въ своей земной жизни, представляетъ дѣйствіе Божіе на весь родъ человѣческій"—сказалъ А. С. Хомяковъ во второй своей брошюрѣ о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ; эта тема много занимала его въ послѣдніе года его жизни, и, какъ намъ извѣстно, онъ хотѣлъ разработать ее въ подробности, но не успѣлъ исполнить своего намѣренія. Программа задуманнаго имъ труда сохранилась въ настоящемъ отрывкѣ. Мы печатаемъ его въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ. Прим. издат.

Богъ какъ питатель.	*Пять хлѣбовъ.* Ученіе о томъ, что чудо само по себѣ — ничего, а только знаменіе истиннаго ученія: вы пришли ко мнѣ, потому что знаменіе видѣли и ѣли хлѣбъ. Освобожденіе отъ обряда и слава Богу. Право на нарушеніе обряда. Сила, которая безъ предательства непобѣдима. Оправданіе блудницы и судъ надъ Израилемъ. Полное соединеніе со Христомъ и свобода.
Богъ какъ Творецъ.	*Твореніе: глаза слѣпорожденному посредствомъ земли.* Единство съ Отцомъ и заслуга самопожертвованія.
Богъ воскреситель,	*Лазаръ.* Торжество (признаніе отъ людей). Страданіе. Богъ, узнанный во плоти Ѳомою.

I. ЗАМѢТКИ ДЛЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ О ПОДЛИННОСТИ ЕВАНГЕЛІЯ ОТЪ МАТѲЕЯ *).

Подлинность Матѳея: Іерусалимъ еще стоитъ. Матѳей съ намѣреніемъ разсказываетъ обстоятельства, которыя еще многіе могли помнить, какъ то убіеніе дѣтей Израиля, и объясняетъ слухи, ходившіе только въ Іудеѣ, именно разсказъ воиновъ. Строго Іудейскій характеръ: угроза городамъ Еврейскимъ, совѣтъ прокаженному показаться іереямъ. Мѣстность видна. Въ *Отечествѣ* непринятъ.

Мытари: любятъ друзей. *Долги* въ Отче нашъ и *Сокровище* въ рѣчи на горѣ.

О самомъ Матѳеѣ: зачѣмъ съ мытарями ѣстъ?	тоже въ Маркѣ въ Лукѣ два раза.

*) Чтеніе трудовъ Нѣмецкой критической школы навело А. С. Хомякова на мысль: поискать въ новозавѣтномъ писаніи внутреннихъ признаковъ его подлинности. Настоящій отрывокъ содержитъ въ себѣ, какъ матеріалъ для болѣе подробнаго изслѣдованія о евангеліи отъ Матѳея, краткія замѣчанія и перечень мѣстъ. Примѣч. издат.

Мытари и грѣшники предваряютъ въ Царствѣ.
Мытари (говоритъ Христосъ) повѣрили Іоанну.
Безсмысліе апостоловъ часто упоминается.
Любовь къ деньгамъ непобѣдима въ юношѣ (у Марка тоже).

Въ Матѳеѣ.

На Фарисеевъ—въ рѣчи на горѣ.	(У Луки о Фарисеяхъ ни слова).
	Въ главѣ VI три раза подъ именемъ лицемѣровъ.
Маркъ тоже. *Лука* (безъ Фарис.)	Гл. VII: не яко книжники и Фарисеи (говорящіе безъ власти).
— тоже Лука тоже.........	Гл. IX. книжн. говорятъ: хулитъ
— тоже Лука тоже.........	Фарис. и ученики Іоан. постятся.
— тоже; а въ Лукѣ народъ говор.............	Фарис.: о князѣ бѣсовскомъ изгоняетъ бѣсовъ.
Маръ тоже, Лука тоже......	Гл. XII. Фар. уличены и хотятъ мстить.
	Фар. о князѣ бѣсовскомъ изгоняетъ бѣсовъ.
тоже........................	Фарис. и книжн. требуютъ знаменія.
тоже; но, сверхъ того, разсказъ о преданіяхъ (значитъ не въ Іудеѣ).....................	Гл. XV. Фарис.: зачѣмъ преданіе нарушаетъ?
Маркъ и Лука тоже..........	— Фар. соблазняются
	Гл: XVI. Фар. и Сад. просятъ знаменія съ неба.
тоже—тоже	— блюдитеся кваса Фар. и Сад.
тоже.......................	Гл. XIX. Фар. допрашиваютъ о бракѣ.
Лука тоже.........	Гл. XX. Преданъ будетъ архіер. и книжн.
Лука тоже.........	Гл. XXI. Арх. и кн. негодуютъ на народъ въ недѣлю Ваій.
тоже.......................	— Арх. и старцы: какою властію творитъ?
тоже (безъ сравненія съ мытарями) Лука—какъ въ Маркѣ.	— Арх. не вѣрятъ Іоанну (слова Христа).

	— Арх. и Фар. хотятъ Его схватить, будучи оскорблены.
Маркъ тоже	Гл. XXII. Уличены Садд. и Фар.
Лука гораздо слабѣе	Гл. XXIII. На сѣдалищѣ Моисея возсѣдаютъ Фар. и книжн. Горе вамъ кн. и Фар. лицемѣры (цѣлая глава необыкновенно сильная).
тоже	Гл. XXVI. Совѣтъ архіер.
тоже	Гл. XXVII. Второй совѣтъ.
тоже. Лука о народѣ	— Арх. подучаютъ народъ испросить Варраву.
тоже	— Арх. книжн. Фар. ст. ругаются.
	— Арх. и Фар. просятъ стражи.
	Гл. XXVIII. Подкупаютъ стражу.

Въ Маркѣ отрока не исцѣляютъ ученики, и Фарисеи стыдятъ ихъ.

(Въ Лукѣ нѣтъ, въ Матѳеѣ нѣтъ).

Въ Лукѣ мытари, при крещеніи, говорятъ съ Іоанномъ.

(Въ Матѳеѣ нѣтъ)

и тоже повторено при похвалѣ Іоанна Христомъ.

На Левитовъ—притча Самаритянина.

Въ Лукѣ на счетъ Субботы лишній разъ противъ Матѳея, съ упреками.

Въ Лукѣ болѣе наставленій Фарисеямъ, въ Матѳеѣ съ бóльшими упреками.

Въ Лукѣ—О Фарис. сребролюб.

Особенно важна притча о Мытарѣ и Фарисеѣ и о Закхеѣ.

III. О СВОБОДѢ И НЕОБХОДИМОСТИ.

По поводу Спинозы, Канта и другихъ философовъ *).

Декартъ ошибается—у него substantia не клеится съ знаніемъ. Частное съ общимъ не мирится.

Мальбраншъ также, но онъ много понялъ правды. Частное видитъ и познаетъ только въ общемъ.

Человѣкъ истину знаетъ въ Богѣ.

Жаль, не знаю Якова Бёме; впрочемъ, у мистиковъ *сравненіе* всегда идетъ за *доводъ*; душа покойна, а это хуже чѣмъ неудовольствіе, оставляемое матеріализмомъ.

Спиноза. . . . . Онъ совсѣмъ не матеріялистъ; онъ хуже — онъ *ничего*. Мысль, пространство, Богъ, человѣкъ, природа все равно, а необходимость у него необходима по недоразумѣнію. Дѣйствіе или свободно, или несвободно: воля или необходимость. Если я все во всемъ, если я substantia чистая, какая же необходимость? Я самъ себѣ законъ. Дѣйствую только я на себя, по свойству бытія безусловнаго, а не по опредѣленію своей натуры; ибо натура есть только бытіе, опредѣленное дѣйствіемъ, высочайшая свобода.—Кто виноватъ? Душа ли Спинозы или его разумъ? Кажется, предшественники его сбили.

Кантъ. Лучше всѣхъ, а тоже сбился: началъ смиренно, а окончилъ попыткою на твореніе. Ученики его совсѣмъ не поняли, и онъ наконецъ, самъ себя не понялъ, а памятника заслуживаетъ. Убилъ скептицизмъ, доказалъ, что вѣра есть высшее, безусловное знаніе, а категоріи формулы, а слова символы, которыхъ уже опредѣлить нельзя.

Что пространство и время?—Ordo rerum coexistentium et consequentium (Лейбницъ) или visionum, по Канту.

---

*) Этотъ отрывокъ писанъ задолго до сороковыхъ годовъ, послѣ первыхъ занятій А. С. Хомякова Нѣмецкою философіею и прежде чѣмъ онъ изучилъ Гегеля. Нѣкоторыхъ строкъ нѣтъ возможности разобрать; но самое замѣчательное сохранилось: собственное построеніе автора, въ которомъ выражено его понятіе объ отношеніи воли къ необходимости. Прим. изд.

Чтò coexistere et consequi?—Время и пространство *входятъ* въ свое опредѣленіе.– Quīd est a?—A est symbolum vocis a.—Quid est vox a?—Differt ab hoc et ab illo, pronunciatur sic et sic. Intelligisne?—Nihil.– Quid in mente praeclaruit.—Nihil. Сущность мысли не опредѣлилась. Это опредѣленіе по отрицанію. Quid est vox a?—Vocem a nominamus eam, quae a'—no modo pronunciatur. Это опредѣленіе по положенію. Хорошо и это.

Чтò такое вещество? *Мысль общая* въ отношеніи къ *частной*, чужая, внѣшняя. Чтò необходимость? Воля *общая* въ отношеніи къ *частной*, чужая, внѣшняя. Проявленная, частная, тотчасъ дѣлается себѣ внѣшнею, необходимою.

ВЕЩЕСТВО.

Пространство	Время: переходъ пространства въ мысль.	мысль.

НЕОБХОДИМОСТЬ.

Власть	Законъ. переходъ власти въ волю.	воля.

Для черта — власть.
Для людей — законъ.
Для Ангèловъ — воля чужая сдѣлалась своею.